

В А П Р О С Ы Я З Ы К О З Н А Н И Я

МЕГАСБОРНИК НАНОСТАТЕЙ

13 СЕНТЯБРЯ

2020

В А П Р О С Ы Я З Ы К О З Н А Н И Я

М Е Г А С Б О Р Н И К Н А Н О С Т А Т Е Й

13 СЕНТЯБРЯ

2020

УДК 81-13
ББК 81
В12

В12 **В**АПросы языкознания: Мегасборник наностатей. Сб. ст. к юбилею В. А. Плуногяна / Ред. А. А. Кибрик, Кс. П. Семёнова, Д. В. Сичинава, С. Г. Татевосов, А. Ю. Урманчиева. — М.: «Буки Веди», 2020. — 684 с. — ISBN 978-5-4465-2882-0.

В сборник, приуроченный к юбилею Владимира Александровича Плуногяна, вошли краткие этюды, посвящённые разным областям лингвистики — среди них морфология, стиховедение, семантика и прагматика, корпусная лексикография, ареальная лингвистика, типология, разнообразные глагольные категории, синтаксис и дискурс. Все эти сюжеты так или иначе связаны с многосторонней научной деятельностью юбиляра.

ББК 81

*В оформлении переплёта использована репродукция картины Клода Моне
«Антиб, старая крепость» (1888)*

ISBN 978-5-4465-2882-0

9 785446 528820 >

© Коллектив авторов, 2020

Содержание

Предисловие.....	14
------------------	----

I. Морфология

<i>В. М. Алпатов</i> Что такое морфология?	23
<i>Я. Г. Тестелец</i> Циркумфиксы, полиаффиксы и ансамбли	29
<i>П. М. Аркадьев, Ю. А. Ландер</i> Амбификсы и другие звери	35
<i>М. А. Холодилова</i> Неполное морфологическое маркирование 'полного': к типологии	43
<i>А. В. Циммерлинг</i> Нулевая форма. Нулевой знак?	49
<i>А. С. Бердичевский</i> Когда морфология бессильна	56
<i>С. М. Евграфова</i> Гуд бай, морфология?	61

II. Фонетика и фонология

<i>П. В. Иосад</i> Per aspera ad astra: нули и звездочки в русской морфонологии.....	69
<i>Н. В. Макеева, И. С. Рябова</i> Сингармонизм и другие типы ассимиляции гласных в глаголе языка дабида	74
<i>Elena Perekhval'skaya</i> Tonogenesis: Why and how tonal distinctions emerge in a language.....	80

- О. Ф. Кривнова, А. Э. Костюк*
 Рамочная тональная конструкция
 в фонетической структуре стиха и прозы 86

III. Стихovedение и акцентология

- К. М. Корчагин*
 Деривационная теория метрики: пролог 99

- А. В. Кухто, А. Ч. Пиперски*
 «Мои стихи — забудь»:
 влияние размера на запоминаемость стиха..... 104

- Д. В. Сичинава*
 Русская историческая акцентология и стихovedение:
 малознакомые ровесники..... 111

- С. С. Сай*
 Грязь, пыль и кровь в поэтическом корпусе:
 семантизация акцентовок в конструкциях с предлогом *по*..... 116

- Л. И. Куликов*
 Активные и медиальные формы в послеведийском санскрите:
 новые функции исчезающей морфологической категории..... 121

- А. Е. Кузнецов*
 Леонинская рифма..... 128

- Ivan Sarkisov*
 Pri la klasifikado de la taja poetika metro khlong 136

- Т. В. Скулачева, Н. Л. Хотинец*
 Силлабическая система стихосложения на этапе формирования
 и на этапе расшатывания: неклассические силлабические метры..... 141

- Е. В. Казарцев, Н. И. Емельянов*
 Об одной особенности немецких четырехстопных ямбов
 в сравнении с нидерландским и русским стихом 152

- Б. В. Орехов*
 Микродиахрония стихovedческих параметров у русских поэтов 161

- Н. М. Азарова, Д. В. Кузьмин, К. М. Корчагин*
 От жанра к формату: культурная аккомодация в новейшей поэзии 165

IV. Авторский стиль и интертекстуальность*И. Б. Иткин*

О некоторых незамеченных (?) цитатах
из русской классики 173

М. Ю. Михеев, Л. И. Эрлих, М. В. Орлова

«Записки охотника»
и то, что не вписывается в тургеневский идиостиль..... 179

А. Д. Козеренко

Уронить слезу в бокал и другие проявления сентиментальности
в идиоматике Достоевского 186

В. Ю. Апресян

Неопределенные местоимения на *-то*
как маркер остранения в «Анне Карениной» 192

V. Корпусная лексикография*Л. Л. Шестакова*

Неологизмы в составе сводного словаря поэтического языка:
из опыта наблюдений 201

З. Ю. Петрова, Н. А. Фатеева

Метафоры и сравнения в словаре:
опыт описания конструкций со значением персонификации..... 206

А. С. Кулева

О названиях растений в языке поэзии, корпусе и словаре 212

Н. В. Лукашевич

Использование корпусных данных
для проверки тезауруса..... 216

Ф. А. Елоева

Собиратели слов — λεξομανεΐς:
провозвестники корпусной лингвистики
Никос Казандзакис и Эммануил Криарас 221

В. И. Подлесская

Шарада: эскиз лексикографического портрета..... 227

VI. Семантика и прагматика

<i>Т. Е. Янко</i>	
Вопросительная деривация наречий <i>давно, далеко и долго</i>	237
<i>С. Г. Татевосов, К. Л. Киселева</i>	
К таксономии лексических префиксов	244
<i>А. А. Козлов</i>	
Именно	250
<i>Mladen Uhlik</i>	
<i>Slovenski komaj: skoraj nič ali veliko?</i>	256
<i>Татьяна Боттино</i>	
Частицы с компонентами <i>у и же</i> : эволюция и семантическая вариативность	265
<i>Е. В. Рахилина</i>	
Несколько слов о моем почтении	271
<i>Т. А. Михайлова</i>	
Что скрывает ложь? — о сомнительности индоевропейской реконструкции глаголов «воровства»	277
<i>Е. В. Петрухина</i>	
Интерпретация эмоций как внутренних процессов или состояний в русском и чешском языках	282
<i>Ирина Кор Шаин</i>	
<i>Во сне и наяву</i> : о «ментальных» локативных конструкциях в русском и французском языках	288
<i>Анна А. Зализняк</i>	
<i>Засветло или затемно?</i>	297
<i>Tore Nessel, Laura A. Janda</i>	
Metaphor: Unidirectional vs. nondirectional carrying in Russian	303
<i>Т. И. Резникова, Д. А. Рыжова</i>	
Несемиотические позы: типологический аспект	309

VII. Языковые контакты и ареалы

<i>В. Я. Порхомовский</i> Язык в контексте перевода.....	317
<i>Dmitry Idiatov, Mark L. O. Van de Velde</i> Nigeria as a linguistic terra incognita: The two languages of Lau	322
<i>М. М. Макарецев</i> К вопросу о гибридных межъязыковых явлениях в славянских диалектах Албании	329
<i>Victoria Khurshudian</i> Some aspects of possessive markers in Modern Armenian.....	337
<i>Л. Р. Додыхудоева</i> К вопросу о лексическом и грамматическом значении в шугнанском языке.....	344
<i>М. Б. Бергельсон, А. А. Кибрик</i> Ишкат мамаев	350
<i>Е. Ю. Протасова</i> В Провансе, где нас нет	359

VIII. Типология

<i>О. В. Федорова</i> Почему языки такие разные: к вопросу о психолингвистической типологии	367
<i>П. В. Гращенков</i> Прилагательные и типология грамматических категорий	372
<i>Т. Б. Агранат</i> Интрагенетическая типология и описание уральских языков.....	379

IX. Вид, время, модальность

<i>Е. В. Горбова</i>	
Типологические аспекты русской аспектологии	387
<i>Бьёрн Вимер, А. А. Ростовцев-Попель</i>	
Основообразование и словоклассифицирующий вид: замечания по сопоставлению видовременных систем русского и мегрельского языков	394
<i>Розанна Бенакьо</i>	
Префикс <i>s-</i> и суффикс <i>-ni-</i> с мультипликативами в резьянском диалекте	403
<i>Марко Биазо</i>	
Перформативы в резьянском и молизско-славянском микроязыках	409
<i>С. К. Михайлов</i>	
Фантастические аспектуальные твари и откуда они возникают: инкомплетив	415
<i>Е. В. Кашкин</i>	
Немного о горномарийских достижениях.....	421
<i>И. А. Фридман</i>	
Прогрессив и около: конкурирующие глагольные конструкции в амхарском языке.....	427
<i>Atle Grønn</i>	
A note on the relative future in Russian	434
<i>В. Ю. Гусев</i>	
Отрицание отрицания как стратегия грамматикализации.....	439
<i>Axel Holvoet</i>	
On a minor law of modality and its corollaries.....	447
<i>Д. Д. Мордашова</i>	
Конструкция * <i>vilja til</i> в трех скандинавских языках: лирические отступления от исходно волитивного значения	452
<i>Д. О. Добровольский, Анна А. Зализняк</i>	
О семантике немецкого глагола <i>sollen</i>	459

X. Перфект и родственные граммемы*М. Л. Федотов*

Перфект и окно наблюдения (два экз.) 467

Ф. И. Рожанский, Е. Б. Маркус

О перфектных временах в водском и ижорском языках 476

О. И. Беляев

Модели полисемии экспериентива в ширинском даргинском..... 483

М. Н. Шевелёва

Перфект в древнерусском: как долго он был перфектом? 492

*Алессандро Мария Бруни*Перфект и перфектные формы
в древнейшей редакции «Девгениева Деяния» 498*Я. А. Пенькова*Между грамматикой и прагматикой:
дубитативное предбудущее в западнорусских грамотах XVI в. 504*Франческа Фичи*

Плюсквамперфект в итальянском языке и его эквиваленты в русском .. 509

XI. Нефинитные формы глагола*А. Б. Шлуинский*Коммуникативный статус пропозиций
и псевдосочинительная полипредикативная конструкция..... 517*Д. Д. Дундуа*Причастие в древнеармянском языке
и диахрония результативных конструкций 523*М. В. Ермолова*Об одном разночтении в Новгородской Первой летописи
старшего и младшего изводов 529*В. М. Ковальская*Французское действительное причастие vs.
отглагольное прилагательное: вопросы согласования..... 534*Е. Р. Добрушина*Поддаются ли *-вши* корпусному анализу? 540

ХII. Залог и актантная деривация

- С. Ю. Дмитренко, В. С. Храковский*
Каузатив и причина
(об одной синтаксической конструкции в кхмерском языке)..... 551
- Е. А. Лютикова*
Грамматикализация каузативной конструкции
в хваршинском языке..... 558
- В. Л. Цуканова*
К происхождению показателя возвратных пород *al-*
в западносуданской группе диалектов арабского языка..... 568
- В. А. Чирикба*
Аппликативы в абхазском языке..... 574
- А. П. Выдрин, Ю. В. Мазурова*
Комитативы в осетинском языке 581
- И. А. Хомченкова*
О семантике совместности в комитативных конструкциях..... 588

ХIII. Синтаксис и дискурс

- Martin Haspelmath*
On the difference between a clause and a sentence 597
- Н. В. Сердобольская, А. Д. Егорова*
О том, что:
маркер сложного предложения в ходе языковой эволюции 606
- Н. Р. Добрушина*
С Божьей помощью:
эргатив в непереходных опативных конструкциях 614
- Е. Л. Рудницкая*
Синтаксис в словообразовании в модели генеративной грамматики:
эвенкийская лексическая номинализация
с аккумулятивным объектом 620
- О. Е. Пекелис*
Еще раз об актантах и сирконстантах
(на материале пропозиционального местоимения *так*)..... 626

<i>М. Л. Кисилиер</i> Об одном необычном явлении в цаконском диалекте новогреческого языка	633
<i>Рафаэль Гусман Тирадо</i> Испанский предлог в зеркале функционально-коммуникативной лингвистики	638
<i>М. Н. Усачёва</i> Элицитированные экспериментальные тексты как источник данных для исследования широкого круга грамматических тем.....	644
<i>Е. В. Буденная</i> Субъект настоящего времени в устных и письменных нарративах	648
<i>И. А. Виноградов</i> Дискурсивная вытеснимость видовременных грамматических показателей в языке покомчи	654
<i>Д. О. Жорник</i> Падежное маркирование как один из компонентов выражения информационной структуры в мансийском языке.....	659
<i>А. Ю. Урманчиева</i> Эвиденциальные формы северного мансийского: дискурсивные функции в ареальной перспективе	665
<i>Кс. П. Семёнова</i> В результате вышел фокус	672
<i>Алехандро Моралес</i> Ответы языкознания: небольшая верлибра.....	681

Предисловие

Эта книга — юбилейный подарок Владимиру Александровичу Плуногяну от учеников, коллег и друзей. «Ученики, коллеги и друзья» — конечно, не взаимоисключающие понятия, а тесно переплетенные. Огромное число работающих лингвистов России и зарубежья, если и не были формальными учениками (студентами или аспирантами) Владимира Александровича, многому у него научились и испытали обаяние его разносторонней личности. «Плуногян так рассказывал про эвиденциальность и так заразительно смеялся, что я полюбил(а) лингвистику навсегда», — такое доводилось слышать и от тех, кто не остался в науке. Многие из авторов тоже полюбили лингвистику навсегда именно благодаря ему. Круг учеников, коллег и друзей юбиляра так широк, что мы решили собрать сборник из кратких статей и дать место как можно большему числу участников. Так вырос этот мегасборник наностатей, который мы назвали «ВАПросы языкознания» — в напоминание о лучшем российском лингвистическом журнале, который редактирует Владимир Александрович.

Разнообразие пространственных, сюжетных и хронологических интересов (от *brousse* Мали до скал Памира, от дольника Георгия Иванова до перфекта в Повести временных лет), желание сделать всё самому с нуля (будь то Национальный корпус русского языка или аспектологический семинар), не дожидаясь тех, кому «положено по чину» — это и, так скажем, «фамильные черты» ОСиПЛа/ОТиПЛа, и яркая личная черта юбиляра. В этом сборнике, который мы дарим ему 13 сентября, тринадцать разделов, посвященных разнообразным, но неизменно близким юбиляру темам, и в них девяносто семь статей — на русском, английском, словенском и эсперанто. Статьи эти сами собой складываются в несколько сюжетов, рифмуются и перекликаются друг с другом (что определяет и порядок разделов, и порядок статей внутри них), а кроме того, несмотря на небольшой объем, в совокупности предлагают почти энциклопедический обзор некоторых областей лингвистики.

Первый раздел посвящен **морфологии**, ключевому теоретическому интересу Плуногяна в 1990-е, ставшему предметом его курса на ОТиПЛе и неоднократно переиздававшегося учебника. В понимании Владимира Александровича, ядро этого предмета — грамматическая семантика (при

переработке соответствующий раздел «Общей морфологии»¹ вырос в отдельную монографию²), и в дальнейшем исследовательский фокус явно перемещается на нее (и это отразилось в составе нашего сборника). Но и морфемика, учение о частях слова и их непростых взаимоотношениях, до сих пор остается актуальной и занимающей его темой, достаточно напомнить статью в соавторстве о парадигматике древнеармянского словоизменения (2016)³ или остроумный доклад о «Русских эндоклитиках и других Родных и Знакомых Кролика» на SCLC в Петербурге (2017). Сборник открывается статьей о морфологии в контексте истории языкознания (тема, также очень близкая Владимиру Александровичу, неизменно сопровождающего историческими отступлениями большинство сюжетов своего учебника и лекционных курсов). В первый раздел вошли заметки и о проблемах, «проверяющих на прочность» границы морфологии как дисциплины, и о морфологических знаках, весьма разнообразных с точки зрения плана выражения — от избыточных полиаффиксов (вспомним важную работу юбиляра 1994 г. о групповой флексии⁴) до абсолютнейшего нуля.

Тему нулевого знака подхватывает в следующем, **фонетико-фонологическом** разделе статья о нулях и звездочках в русской морфонологии. Несмотря на краткость, этот раздел также весьма разнообразен по тематике: здесь рассматривается и такое морфонологическое явление, как сингармонизм, и генезис тона как фонологического различия. Финальная статья раздела поднимается уже со словесного на фразовый уровень и рассматривает просодию в контексте противопоставления стиха и прозы, и этот сюжет перекидывает мостик в следующий, стиховедческий раздел.

Поэзия — одно из самых сильных увлечений В. А. Плунгяна, который мог бы сказать о себе, как Овидий: *et quod temptabam scribere*⁵ *versus erat*. Еще студентом, в андийской экспедиции, и уже академиком, в бесермян-

¹ Плунгян В. А. 2000. *Общая морфология: Введение в проблематику*. М.: Едиториал УРСС.

² Плунгян В. А. 2011. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ.

³ Плунгян В. А., Семёнова Кс. П. 2016. К типологии древнеармянской именной парадигматики: *Instr.Pl. Вопросы языкознания*, №5, 103–118.

⁴ Плунгян В. А. 1994. Грамматичность и отношения между морфемами (к вопросу о «групповой флексии»). *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*, т. 53, №3, 52–56.

⁵ Популярный в составе «крылатого выражения» вариант *dicere*, как теперь принято считать, не аутентично овидиевский (спасибо В. В. Зельченко за консультацию), но и он здесь совершенно уместен.

ской экспедиции, он слагал стихи на исследуемых языках. А **стиховедение** — одна из самых впечатляющих сфер приложения этого интереса, отмеченная выдающимися результатами (инициатива создания поэтического корпуса, трансформационная теория тонических метров, открытие пеонического дольника, описание метрики ряда авторов и некоторых других явлений). Этот раздел также начинается с историографической работы, показывающей, что у деривационного подхода к дольнику были предшественники в начале XX в. Далее идут статьи, связывающие стих, во-первых, с мнемотехникой (не из-за нее ли и сохранилась русская силлабо-тоника?), во-вторых, с акцентологией (и семантизацией ударения) и, в-третьих, с выбором морфологического варианта. Последняя из этих работ посвящена санскритскому стиху; вслед за ней, в хронологическом порядке описываемых явлений, стиховедческие сюжеты идут от рифмованных каролингских гекзаметров через средневековый Сиам к раннему и позднему Новому времени, вплоть до современной поэзии в ее соотношении с (не)массовой культурой.

Четвертый раздел посвящен **интер- и внутритекстуальным сюжетам** в русской классике, в том числе идиостилю (наиболее яркий пример исследования этого типа в творчестве юбиляра, пожалуй — неожиданный и убедительный этюд о предлоге *над* у Ахматовой⁶). Сперва продемонстрирован потрясающий набор переключек и цитат между хрестоматийными текстами, по-видимому, не отмеченных комментаторами, в то время как три других *case studies* связаны с Тургеневым, Достоевским и Толстым.

К этой теме примыкают **корпусно-лексикографические** статьи, выстроившиеся в пятом разделе: это три работы о Словаре языка русской поэзии, написанные сотрудниками возглавляемого юбиляром Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики (как отмечалось в статье одного из редакторов этого сборника к 50-му дню рождения Владимира Александровича⁷, ученый, способный возглавить отдел с таким названием, в мире только один), а также вырастающие из совсем разных источников, но сходящиеся в общей теме статьи об электронном тезаурусе, писателях-критянах и понятии шарады (кстати, в последней статье есть и настоящая шарада).

⁶ Плунгян В. А. 2004. Предлоги как ключ к поэтическому миру: *над* и *под* у Ахматовой. В сб.: Ю. Д. Апресян (ред.). *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой*. М.: ЯСК, 319–332.

⁷ Сичинава Д. В. 2010. Член-корреспондент РАН Владимир Александрович Плунгян (к 50-летию со дня рождения). *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*, т. 69, №4, 69–71.

Мы назвали обширный шестой раздел «**Семантика и прагматика**». Его сквозные сюжеты — семантическая эволюция и деривация языковых единиц, дискурсивные «мелкие слова» и их полисемия, лексическая типология, метафорика пространства и движения, эмоции, сны и явь. В. А. Плуноян — один из пионеров исследования дискурсивных слов как особого феномена в отечественной лингвистике; он автор (часто в соавторстве с Е. В. Рахилиной) очерков о языковой метафорике и об истории переосмысливающихся лексических единиц (от праславянского корня *spě-* до *жуть* и *заколебать*).

В седьмой раздел вошли статьи о **контактах, заимствованиях, переводах, языковых союзах** — тема, важная для юбиляра, в работах которого ареальная лингвистика как мост между родством и типологией всегда играла заметную роль. И как раз здесь сосредоточены упоминания важных для В. А. Плунояна мест на карте мира (не только лингвистической). Действие двух статей происходит в Африке: именно с африканистикой связано становление Плунояна как лингвиста (работа в удивительном секторе Н. В. Охотиной в ИЯз РАН, а уже потом в поле в Мали), и именно языку догон он посвятил краткую описательную грамматику⁸. Одна статья посвящена армянскому языку в ареальном контексте: юбиляр — автор ряда работ по арменистике и создатель Восточноармянского национального корпуса. И еще одна — Франции; этот язык, эта культура и эта страна всегда много для него значили, биографически и научно (отметим хотя бы только что упомянутые работы о дискурсивных единицах, тесно связанные с работой в проекте под руководством Д. Пайара). Здесь же и Памир, с которым связаны экспедиции Плунояна последних лет.

Короткий восьмой раздел посвящен общим вопросам **типологии** и включает три очень разнообразные статьи — о психолингвистике как типологическом параметре, о грамматических категориях (тема докторской диссертации юбиляра) и о внутригенетической типологии (в духе школы А. Е. Кибрика, одним из ярких представителей которой является Плуноян).

В девятый раздел входят работы о **виде, времени и модальности**; это одна из наиболее плодотворных для В. А. Плунояна научных областей (помимо упомянутой монографии «Грамматическая семантика», сюда относится ряд важных работ о времени, аспектуальности, ирреальности, семантической карте модальности, а также сборники в серии «Исследования по теории грамматики»). Здесь мы собрали статьи о славянских, германских, картвельских, уральских, семитских видо-временных и модальных формах, а также более широкие типологические работы.

⁸ Plungian V. 1995. *Dogon*. München; Newcastle: LINCOM Europa.

Особый, десятый раздел составил и из статей о **перфекте и смежных граммемах** (экспериментиве, плюсквамперфекте, предбудущем). Плунгян — организатор проекта типологического сборника о перфекте (2016)⁹ и ряда конференций, посвященных этой трудноуловимой граммеме, автор важнейших статей о плюсквамперфекте и неактуальном прошедшем¹⁰. Читатель заметит, что именно в этом разделе сконцентрированы три статьи по палеославистике (и еще одна будет в следующем); это, несомненно, отзвук вызвавших большой резонанс соавторских работ юбилера 2010-х годов о старославянском и древнерусском перфекте¹¹.

Нефинитные глагольные формы, которым посвящен одиннадцатый раздел сборника — еще один интерес Плунгяна (один из докладов которого назывался «Тайная жизнь русских причастий»). Одна из статей затрагивает, в частности, инъюнктив — «недооформленную» форму, пограничную между финитным и нефинитным статусом. В раздел также вошли работы о (дее)причастиях разных языков мира в диахроническом и/или корпусном аспекте; некоторые из них примыкают по тематике и к предыдущему, перфектному разделу.

Следующий, двенадцатый раздел, объединивший работы по **залогу и актантной деривации**, отсылает к самому началу исследовательского пути юбилера — статье 1982 г. о каузативе в табасаранском (в соавторстве с А. Е. Кибриком и Е. В. Рахилиной)¹²; в 1993 году Плунгян вернется к этой теме в статье о трех каузативах в языке догон¹³. Здесь две статьи также посвящены каузативизации, а кроме того, есть работы о возвратности, аппликативе и комитативах на материале различных языков мира.

⁹ Майсак Т. А., Плунгян В. А., Семёнова Кс. П. (ред.). 2016. *Исследования по теории грамматики*. Вып. 7: *Типология перфекта*. (*Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, т. 12, №2).

¹⁰ Plungian V., van der Auwera J. 2006. Towards a typology of discontinuous past marking. *Sprachtypologie und Universalienforschung*, v. 59, iss. 4, 317–349.

¹¹ Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. 2017. Перфект в старославянском: был ли он результативным? *Slověne = Словъне. International Journal of Slavic Studies*, v. 6, №2, 13–56.; Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. 2019. Перфект со связкой в Повести временных лет как фокусная конструкция. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, т. 15, №3, 223–249.

¹² Кибрик А. Е., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. 1982. Каузативная конструкция в табасаранском языке. В сб.: А. Е. Кибрик (ред.). *Табасаранские этюды: Материалы Дагестанской экспедиции 1979*. М.: Изд-во МГУ, 34–43.

¹³ Plungian V. 1993. Three causatives in Dogon and the overlapping of causative and passive markers. In: B. Comrie, M. Polinsky (eds.). *Causatives and transitivity (Studies in Language Companion Series, v. 23)*. Amsterdam: Benjamins, 391–396.

В самом большом, тринадцатом разделе (и в нем тринадцать статей — снова магия цифр!) собраны статьи о **синтаксисе и дискурсе**. Специфика текста всегда интересовала В. А. Плунгяна, особенно в связи с частицами (см. выше, раздел 6) и с дискурсивными значениями грамматических категорий¹⁴. Среди его соавторских работ есть и синтаксические исследования, в частности, о валентности¹⁵ и о русском синтаксисе XIX в.¹⁶ Раздел открывает теоретическая статья о границе между клаузой и предложением; дальнейшие синтаксические заметки этого раздела охватывают такие тематики, как падежное маркирование актантов, местоименные клитики и предлог. Затем речь идёт о дискурсе: об опыте элицитации текстов для построения экспедиционного корпуса языка, о местоименном субъекте в нарративе (еще один изучавшийся Плунгяном «со стороны морфологии» синтаксический сюжет) и о дискурсивных функциях падежного маркирования, видо-временных и эвиденциальных форм.

Таким образом, в тематике статей сборника отражаются ключевые моменты научной — и не только научной — биографии Владимира Александровича. Это получилось даже как-то само собой. Нам, составителям, осталось только выстроить эти готовые сюжеты друг за другом. Единственной статье мы не смогли найти места ни в одном из разделов, поскольку она затрагивает все главные темы. Мы поместили её в самом конце сборника, как некоторый закономерный итог.

Мы очень признательны коллегам, оказавшим нам помощь в подготовке сборника — М. Л. Кисилиеру, Е. А. Лютиковой, Б. В. Орехову и М. Р. Пентусу. Большое спасибо М. В. Рудерман за тщательную техническую редактуру рукописи. Не можем отдельно не назвать В. Ю. Гусева — не только смакетировавшего книгу, но и работавшего над корпусом статей, в сущности, наравне с нами. И, конечно, мы глубоко благодарны всем откликнувшимся на наше приглашение авторам и самому юбиляру — за возможность составить столь увлекательную лингвистическую мозаику.

Редакторы-составители

¹⁴ Плунгян В. А. 2004. К дискурсивному описанию аспектуальных показателей. В сб.: А. П. Володин (ред.). *Типологические обоснования в грамматике: к 70-летию проф. В. С. Храковского*. М.: Знак, 390–412; Плунгян В. А. 2008. Предисловие: Дискурс и грамматика. В сб.: В. Ю. Гусев, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). 2008. *Исследования по теории грамматики*. Вып. 4: *Грамматические категории в дискурсе*. М.: Гнозис, 7–34.

¹⁵ Плунгян В. А., Рахилина Е. В. 1998. Парадоксы валентностей. *Семиотика и информатика*, вып. 36, 108–119.

¹⁶ Plungian V., Rakhilina E. 2018. 'I say ...': Some aspects of 19th-century Russian syntax. *Russian Linguistics*, v. 42, iss. 2, 123–136.

Морфология

Что такое морфология?

В. М. Алпатов

Институт языкознания РАН; v-alpatov@ivran.ru

Общеизвестно, что в привычной для нас лингвистической традиции одним из главных объектов исследования выступает морфология. Она в основном составляла содержание античных грамматик, ей отводится важнейшее место в традиционных описательных грамматиках, типология первоначально была морфологической типологией, немалое место (наряду с фонологией) она занимала и в структурализме. Важную роль играла морфология и в других лингвистических традициях (исключая китайскую традицию, где строй языка не требовал этого).

И хотя в наше время она по-прежнему занимает большое место в описаниях конкретных языков, наблюдается спад интереса к морфологической теории. Особенно это заметно в англоязычной (или ориентирующейся на нее) лингвистике, где распространилась идея о том, что морфология представляет собой частный случай синтаксиса. Эта идея наиболее последовательно проводится в генеративизме. В причинах этого необходимо разобраться.

Многие специалисты выделяли два подхода к морфологии в европейской науке: Робинс 2010 [1967]: 48, Даль 2009 [2004]: 314–315, Плунгян 2000: 75–77. Р. Х. Робинс назвал их моделями «слово — парадигма» и «морфема — слово». Первая была исторически первична, восходя к античной науке. В ней слово не делится на значимые части, а «словесно-парадигматические представления состоят из лексемы и неупорядоченного множества морфологических свойств» (Даль 2009 [2004]: 331). Считается, что имеются слово и его модификации. Отсюда термины «падеж», «склонение», «спряжение», «словоизменение». Модель «морфема — слово» исходит из членения слова на основу и аффиксы, приписывая лексическое значение основе и грамматическое значение — аффиксам; она появилась в Европе уже в Новое время и стала господствующей в структурной лингвистике.

Модель «слово — парадигма» возникла и развивалась на материале флективных (фузионных) синтетических языков: древнегреческого и латинского, она отчасти сохранилась и для русского языка. Образование

нерегулярных глаголов в германских языках, внутренняя флексия, супплетивизм лучше описываются в рамках этой модели, как отмечал Э. Даль (2009 [2004]: 316). Зато модель «морфема — слово» хорошо работает для агглютинативных языков (Даль 2009 [2004]: 316).

Для русской традиции характерно представление о морфологии как о дисциплине, по преимуществу занимающейся словоизменением; в ней сохраняются многие свойства, восходящие к античным грамматистам. Как сказано в «Грамматике современного русского языка» 1970 г., грамматическая категория «определяется совокупностью словоформ (парадигмой)» (317), а главным признаком слова является «оформленность», то есть наличие словоизменения. Также в морфологию включаются морфемика, изучающая свойства морфем как целых единиц, и описание грамматически значимых чередований, иногда и словообразование.

Центральное понятие морфологии в русской традиции — слово. А корни и основы слов в русском языке очень часто представляются его носителям «обрубками», по выражению А. И. Смирницкого (1955: 14). Когда А. А. Холодович, японист по специализации, высказал идею об однотипности «синтаксиса слова» и «синтаксиса предложения» (1937: 8–22), то с резкой критикой такого подхода выступил русист В. В. Виноградов (1975 [1950]: 100–103).

Русская лингвистика обладает разработанной грамматической терминологией, ее образец см. у А. А. Зализняка (1967: 15–29). Однако вопрос о границах ее применимости к языкам иного строя остается дискуссионным. Один из примеров — споры о статусе падежных показателей японского языка, где идея об их аффиксальном характере встречалась лишь в России (Алпатов 2018: 55–65).

Но вот французский ученый А. Мейе считал словоизменение «крайне сложным» и «неясным» приемом и писал: «Все индоевропейские языки в большей или меньшей степени, одни раньше — другие позже, обнаружили склонность упразднить словоизменение и довольствоваться словами как можно менее изменяемыми, а в конце концов и вовсе неизменяемыми» (1938 [1903]: 426–427). Идеи А. Мейе нашли отражение в книге Ш. Балли, где единицей лексики признается то, что русисты называют основой слова (1955 [1932]: 316).

Выделение в качестве базовой единицы не лексемы *окно* и не совокупности словоформ *окно, окна, окну* и т. д., а их общей части — *окн-* — может считаться вполне логичным. Но этому мешает прежде всего наша интуиция.

Но что такое интуиция? Безусловно, любое описание языка каким-то образом (явно или неявно) отражает строение речевого механизма человека. Современные исследования этого механизма, как косвенные (афазии,

детская речь), так в последнее время и прямые, подтверждают существование лексикона (множества хранящихся в памяти единиц — слов) и синтаксиса (способов комбинирования этих единиц); они, по-видимому, необходимы для любого языка. Т. В. Черниговская (2013: 67–68) пишет: «Можно говорить о “слоях”, составляющих язык: это *лексикон* — сложно и по разным принципам организованные списки лексем, словоформ и т. д.; *вычислительные процедуры*, обеспечивающие грамматику (морфологию, синтаксис, семантику и фонологию), механизмы членения речевого континуума, поступающего извне, и прагматика».

Однако какое место занимает здесь морфология? Исследования афазий и детской речи, начиная от работ А. Р. Лурии 1940-х гг., показали для носителей русского языка психологическую адекватность именно традиционной модели «слово — парадигма». При одном из видов афазий больные сохраняют словарный запас и способность произносить изолированные слова, но не могут сочетать слова (на уровне отдельных слов происходит и восприятие). Одновременно исчезает и способность модифицировать слово, которое выступает лишь в исходной форме; больные не могут склонять и спрягать (Лурия 1947: 76–77, 90–91). То есть лишь исходные формы, как правило, содержатся в лексиконе, остальное образуется в речи по правилам, отличным от синтаксических правил: не комбинация, а модификация, и традиционная модель психологически адекватнее (Головастиков 1980). В русском языке, как отмечено Т. В. Черниговской (2013: 168) «операции с флексиями задействованы всегда; иными словами, даже лица с речевыми нарушениями обязательно используют какие-либо окончания».

Исследования детской речи также подтверждают, что «в подавляющем числе случаев слова не производятся, а воспроизводятся, т. е. извлекаются из памяти в готовом и (если иметь в виду слова с членимой основой) собранном виде» (Цейтлин 2009: 58). Однако это относится лишь к базовым формам, хранимым в лексиконе (*рука, читать* и пр.), а остальные формы (*руками, читали* и пр.) образуются от них по правилам, отличным от синтаксических.

В русском языке, как, видимо, и в других так называемых флективных (фузионных) языках, достаточно хранить в мозгу лишь исходные единицы, а все остальное получать из них применением грамматических правил. Слово русского языка, как правило, — сложное по структуре целое, а операции со словами далеко не сводятся к простому их соположению. Поэтому именно в русской национальной лингвистической традиции такое значение имеет оформленность, о чем я уже писал в работе Алпатов 2015. Такие языки максимально грамматичны, а в грамматическом описании значительное место занимает парадигматика.

Исследования детской речи в японском языке, как я уже писал в статье Алпатов 2007, в основном подтверждают, что базовые формы глаголов (включая предикативные прилагательные) хранятся в памяти, а сочетания с другими аффиксами конструируются в речи (что соответствует японской лингвистической традиции). И здесь можно говорить, что имеются морфологические механизмы, отличные от синтаксических.

Но для английского языка ситуация оказывается иной. На этапе, когда русские дети говорят «замороженными словоформами», англоязычные дети говорят основами: у них отсутствуют не только служебные слова, которых на соответствующей стадии нет и у русских детей, но и аффиксы. Это показано С. Н. Цейтлин (2009: 112). Исследования афазий (Черниговская 2013: 167) говорят о том, что там регулярные формы прошедшего времени с элементом *-ed* производятся, а не воспроизводятся. Однако воспроизводятся нерегулярные формы неправильных глаголов. Исходя из этого, исследователи афазий и детской речи на материале английского языка считают, что существуют два разных механизма порождения регулярных и нерегулярных форм; однако соответствующий подход материалом русского языка не подтверждается, как это показывает Т. В. Черниговская (2013: 172–173).

По-видимому, строй русского языка и типологически схожих с ним синтетических языков связан с наличием особого морфологического механизма, отличного от синтаксического. Но для изолирующих языков типа китайского грамматика может быть сведена к синтаксису в широком понимании этого термина: все правила сводятся к правилам порядка и правилам формальной и семантической сочетаемости элементов. Описание же парадигм, составляющее для флективных языков едва ли не основную часть грамматик, для языков типа китайского оказывается ненужным. В английском языке остался лишь его рудимент — образование неправильных глаголов.

И русский, и англоязычный или франкоязычный варианты европейской лингвистической традиции, имея немало общего, отражают не только свойства, имеющиеся в любом языке, но и специфику своих языков, что в случае применения к другим языкам может приводить к неадекватности описания. «Разные модели морфологии отличаются друг от друга прежде всего тем, что ориентированы на языки разных типов» (Плунгян 2000: 71); один тип считается эталонным, а прочие типы — отклонениями от эталона. Например, китайский язык давно признан лишенным морфологии на Западе, а в России бывали попытки представить данный язык по образцу русского (Н. И. Конрад).

Теперь чаще распространено обратное, когда все языки рассматриваются как устроенные так же, как английский. При этом подходе нет необходимости выделять морфологию как отдельную лингвистическую дисциплину, поскольку можно считать, что грамматические элементы обслуживаются синтаксическими правилами. Тогда морфология и синтаксис объединяются в единую дисциплину — морфосинтаксис, представляющий собой синтаксис с расширением границ. Данный термин сейчас стал распространенным и у нас, хотя неясно, чем *морфосинтаксис* при привычном для нас подходе отличается от *грамматики*. Образец — статья Haspelmath 2011, где предложено отказаться от понятия слова и обходиться единым морфосинтаксическим уровнем.

Однако слово — не чисто лингвистическая, а психолингвистическая единица, хранящаяся в мозгу. Поэтому она не должна быть устранена из лингвистики.

Литература

- Алпатов В. М. 2007. О психологической адекватности основных понятий европейской и японской лингвистической традиции. В сб.: В. А. Виноградов (ред.). *Лингвистическая полифония. Сборник в честь юбилея профессора Р. К. Потаповой*. М.: ЯСК, 67–77.
- Алпатов В. М. 2015. Особенности русской лингвистики. В сб.: Л. Г. Веденина (отв. ред.). *Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Двенадцатый межвузовский семинар по лингвострановедению (Москва, 9–10 июня 2014)*. Сб. статей в 2 ч. Ч. I: *Языки в аспекте лингвострановедения*. М.: МГИМО Университет, 10–21.
- Алпатов В. М. 2018. *Слово и части речи*. М.: ЯСК.
- Балли Ш. 1955. *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. М.: Изд-во иностранной литературы.
- Виноградов В. В. 1975. *Избранные труды. Исследования по русской грамматике*. М.: Наука.
- Головастикова А. Н. 1980. К проблеме психологической адекватности моделей русского словоизменения. В сб.: И. Ф. Вардуль (ред.). *Тезисы рабочего совещания по морфеме (ноябрь 1980)*. М.: Институт востоковедения АН СССР, 41–45.
- Даль Э. 2009. *Возникновение и сохранение языковой сложности*. М.: URSS.
- Зализняк А. А. 1967. *Русское именное словоизменение*. М.: Наука.
- Лурия А. Р. 1947. *Травматическая афазия*. М.: АМН СССР.
- Мейе А. 1938. *Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков*. М.: Соцэкгиз.
- Плунгян В. А. 2000. *Общая морфология: Введение в проблематику*. М.: Едиториал УРСС.

- Робинс Р. Х. 2010. *Краткая история языкознания*. М.: Высшая школа.
- Смирницкий А. И. 1955. Лексическое и грамматическое в слове. В сб.: В. В. Виноградов, Н. А. Баскаков, Н. С. Поспелов (ред.). *Вопросы грамматического строя*. М.: Изд-во Академии наук СССР, 11–53.
- Холодович А. А. 1937. *Синтаксис японского военного языка (язык военной документации)*. М.: Издательское товарищество иностранных рабочих в СССР.
- Цейтлин С. Н. 2009. *Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи*. М.: ЯСК.
- Черниговская Т. В. 2013. *Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание*. М.: ЯСК.
- Шведова Н. Ю. (ред.). 1970. *Грамматика современного русского литературного языка*. М.: Наука.
- Haspelmath M. 2011. The indeterminacy of word segmentation and the nature of morphology and syntax. *Folia Linguistica*, v. 45, n. 1, 31–80.

Циркумфиксы, полиаффиксы и ансамбли

Я. Г. Тестелец

Российский государственный гуманитарный университет /
Институт языкознания РАН; testelets@gmail.com

В главе третьей «Общей морфологии» В. А. Плунгяна о циркумфиксах, то есть аффиксах, обрамляющих корень, говорится, что в их эволюции «следует различать две стадии. На первой стадии каждый из элементов циркумфикса существует в языке как самостоятельный аффикс (ср. русские глагольные циркумфиксы с *-ся* типа *раз-бежать-ся* или *про-воровать-ся*, где особая циркумфиксальная морфема выделяется только в силу того, что сочетания с данными корнями каждого из элементов циркумфикса по отдельности невозможны, а их комбинация идиоматична). На второй стадии отдельные элементы циркумфикса в языке как самостоятельные морфемы уже не существуют (такого рода циркумфиксы широко представлены в картвельских, чукотско-камчатских и некоторых других языках)» (Плунгян 2003: 95–96).

Сценарий эволюции циркумфиксов, очевидно, опирается на два предположения:

- (1) одно грамматическое значение в норме выражается одним аффиксом;
- (2) взаимодействие значений двух аффиксов при одной основе может быть или регулярным (по общим правилам), или исключительным, то есть идиоматичным, и ничего третьего.

Предположения (1) и (2) верны на обеих стадиях. На первой префикс и суффикс сохраняют свои отдельные значения, но их взаимодействие не регулярно. На второй стадии формируется обрамляющая корень морфема (циркумфикс) с одним грамматическим значением, и ее взаимодействие с основой регулярно.

В. А. Плунгян относит циркумфиксы к более широкой категории, которую называет *п о л и а ф ф и к с а м и*, — «любой дистантной комбинации нескольких аффиксов (функционирующей как единая морфема с точки зрения значения). Легко видеть, что в такую комбинацию могут входить не обязательно суффикс и префикс, но и, например, префикс и инфикс

или два префикса и суффикс и т. п.» (96). Таким образом, «экзотические» виды полиаффиксов — такие, как циркумфиксы, разрывающиеся сами, но не разрывающие корень, или состоящие из одних гласных диффиксы в семитских языках, «дистантно вставленные между фонемами корня (подобно зубцам двух шестеренок)» (92), входят в тот же класс элементов, что и еще более замысловатые комбинации типа «префикс... инфикс... суффикс; префикс... префикс... суффикс» или «префикс... диффикс» или, наоборот, более простые типа «суффикс... суффикс» разрывных морфологических элементов, выражающих одно грамматическое значение.

Далее автор указывает на виды полиаффиксов, типичные не только для отдельных языков, но и целых семей. В языках банту «одним из элементов обычно является префикс, но и вторым элементом часто оказывается тоже префикс, а не суффикс»; то же наблюдается в атапаскских языках; «для семитских языков, как уже было сказано, типичной является комбинация префикса и/или суффикса с диффиксом» (96) — причем семитские диффиксы противопоставляются корням не только позиционно, но и фонологически: корни, по крайней мере, глагольные, обычно состоят из согласных, а диффиксы из гласных.

Типологическое своеобразие семитских языков заключается в двух явлениях. Во-первых, диффиксы пронизывают всю их морфологическую систему, так что, например, два грамматических явления классического арабского языка — соотношение форм совершенного вида от корня *k-t-b* 'писать' *k-a-t-a-b-a* 'он написал' и несовершенного *ya-kt-u-b-u* 'он пишет' и соотношение форм единственного числа существительного *r-a-ġ-u-l-* 'человек' и множественного *r-i-ġ-ā-l-* 'люди', по-видимому, этимологически никак не связанные друг с другом, следуют единой стратегии формообразования, и, во-вторых, диффиксы, как правило, состоят из гласных, а корни из согласных. Последовательная система не могла бы сформироваться, если бы язык не следовал некоему абстрактному «формату» морфологической структуры.

Из-за того, что в языке с развитой морфологией одно грамматическое значение выражается полиаффиксом определенного типа, как будто не следует, что и другие значения в том же языке должны выражаться с помощью похожей морфологической конструкции. Однако мы видим, что в языках и в языковых семьях обнаруживается «мода» на определенный тип полиаффиксов — действует некий фактор, благодаря которому разные грамматические значения обслуживаются полиаффиксами сходного вида. Это наблюдение вполне в духе классической морфологической типологии с ее «типами языков», но хуже вписывается в современную типологию, которая предпочитает говорить о «типах в языке».

Обилие циркумфиксов — яркая черта грузинского и других картвельских языков, не менее удивительная, чем распространенность диффиксов в семитских. Грузинские циркумфиксы ориентированы на определенный формат полиаффикса, который мы предлагаем называть ансамблем, причем типичная структура ансамбля, по-видимому, может в самом деле определять морфологический тип языка. Это понятие близко к «конструкционной схеме» в конструкционной морфологии, см. Booij 2010. Ансамбль представляет собой морфологическую конструкцию, состоящую из нескольких служебных элементов — сегментных отрезков, просодических признаков, операций и т. п., которые вместе выражают некоторое грамматическое значение. Функциональная или формальная самостоятельность составляющих ансамбль элементов, их отдельные дистрибутивные свойства, отсутствие или наличие у них собственных значений и способ взаимодействия этих значений (идиоматический или композиционный) друг с другом и с основой не входят в число признаков ансамбля. Например, в русском языке морфологический ансамбль *раз-__-ся*, выражающий центростремительное движение, одинаково характеризует *рас-сы́пать-ся*, где префикс и суффикс могут употребляться с основой независимо друг от друга (и поэтому применима последовательная бинарная деривация: *сы́пать* → [*рас-сы́пать*] → [[*рас-сы́пать*]-ся] или *сы́пать* → [[*сы́пать*]-ся] → [*рас-[сы́пать]-ся*]), и *раз-бежать-ся*, где они отдельно не выступают и поэтому бинарная деривация проблематична. Ансамбль представляет собой модель, которая описывает результат нескольких направленных к одной цели морфологических операций, независимо от того, как каждая из этих операций может быть охарактеризована по отдельности.

Широкий круг грузинских морфологических форм — именное словообразование, причастия, каузатив, эвиденциальность, будущее время несовершенного вида и др. — всегда или обычно выражаются с помощью префиксально-суффиксальных комбинаций. В грузинском почти нет «идеальных» циркумфиксов, то есть таких, в которых нет оснований рассматривать префиксальную и суффиксальную части как отдельные морфемы. Обычно префиксально-суффиксальные комбинации, которым можно приписать единую грамматическую функцию, обнаруживают свойства, трудно совместимые с их идентификацией в качестве единых морфем в композиционной модели Item-and-Arrangement (Hockett 1954, Плунгян 2003: 37–67, 71–72).

Одно из таких свойств — факультативность суффиксальной части, которая может или (в некоторых контекстах) должна быть опущена без изменения значения. Например, активные или пассивно-дебитивные при-

частия, маркируемые соответственно префиксами *m(e)-* и *sa-*, при некоторых классах глаголов факультативно включают суффикс *-el* (Vogt 1971: 252):

- (3) *čamo-sx-am-* ‘вливать’ — *čamo-sa-sx-am-i* // *čamo-sa-sx-m-el-i* ‘то, что вольют’
 PRV-лить-ТН PRV-РТС-лить-ТН-НОМ // PRV-РТС-лить-ТН(-РТС)-НОМ
- (4) *ga-kr-ob-* ‘гасить’ — *ga-m-kr-ob(-el)-i* ‘гасящий’
 PRV-гасить-ТН PRV-РТС-гасить-ТН(-РТС)-НОМ

Топонимы в именном словообразовании образуются от названий жителей посредством суффикса *-et* (5a), однако во многих случаях добавляется префикс *sa-* (5b), роль которого, очевидно, только в том, чтобы обеспечить более распространенную в производных топонимах циркумфиксальную конструкцию (*-i* — суффикс номинатива); пример такой конструкции — (6) с циркумфиксом *sa-__-o-*:

- (5) а. *svan-i* ‘сван’ — *svan-et-i* ‘Сванетия’; *rus-i* ‘русский’ — *rus-et-i* ‘Россия’;
 б. *berzen-i* ‘грек’ — *sa-berzn-et-i* ‘Греция’ (**berzn-et-i*);
prang-i ‘француз’ — *sa-prang-et-i* ‘Франция’ (**prang-et-i*);
- (6) *kartvel-i* ‘грузин’ — *sa-kartvel-o* ‘Грузия’.

Регулярный морфологический каузатив образуется с помощью префиксально-суффиксальной комбинации *a-__-eb* (Гецадзе и др. 1969, Šanižе 1973: 324–327, 357–373), причем оба элемента многофункциональны и относятся к числу «тематических» — то есть маркируют тип спряжения, который в зависимости от морфологического контекста выражает или не выражает те или иные грамматические значения, ср. русск. тематический элемент *-e-*, который может передавать (*бел-е-ть*) или не передавать (*сид-е-ть*) инцептивное значение, или *-u-*, который может выражать (*бел-u-ть*) или не выражать (*ход-u-ть*) каузатив, или *-e-* в латинском языке, который может быть (*laud-e-t* ‘хвалил бы’) или не быть (*mon-e-t* ‘убеждает’) суффиксом конъюнктива. Для префиксальной темы («характерного гласного»), в тех случаях, когда она что-то выражает, типичны значения актантной деривации (каузатив, бенефактив), залога, реже — времени и лица. Суффиксальная тема, обычно имеющая вид *-VC*, означает сама по себе только то, что форма не относится к системе аориста — соответственно, в формах системы аориста выявляется избыточность второго элемента каузативного ансамбля: каузатив может быть маркирован одним префиксом, как в (7с):

- (7) а. *varžiš-ob-s* ‘тренируется’ (презент)
 тренироваться-ТН-PRS.3SG

b. *a-varžiš-eb-s* 'тренирует' (презенс)

ТН. CAUS-тренироваться-ТН. CAUS-PRS. 3SG

c. *a-varžiš-a* 'тренировал' (аорист)

ТН. CAUS-тренироваться-AOR. 3SG

Во многих случаях выбор из трех возможностей: «идиоматичность, композиционность или единое значение?» — для префиксальной и суффиксальной частей настолько затруднен, что это естественно приводит к предположению об отсутствии отдельной функциональной «нагрузки» (семантики или сочетаемости) у частей циркумфиксального ансамбля. Например, эвиденциальный перфект от переходных глаголов образуется в третьем лице субъекта комбинацией префиксальной темы *u-* с тематическим суффиксом (8), а плюсквамперфект — префиксальной темы *e-* с синкретическим суффиксом времени, лица и числа (9).

(8) *u-nax-av-s* 'он(а), оказывается, видел(а)'

ТН. PRF-видеть-ТН. PRF-3SG

(9) *e-nax-a* '(что) он(а) видел(а)'

ТН. PLSQPF-видеть-PLSQPF. 3SG

В (8)–(9) префиксальная тема маркирует инверсию — грамматический механизм в системе перфекта (но не только), при котором «переворачивается» управление и согласование глагола с подлежащим и дополнением (Harris 1981, Gurevich 2006: 163–167), но выражает ли она одновременно время? как происходит взаимодействие ее значения со значением многозначных суффиксов? — вопросы, не имеющие очевидного решения.

В результате оба предположения (1)–(2) могут быть поставлены под вопрос. Структура ансамбля дает возможность не только охарактеризовать морфологический тип языка, но и обойти затруднения с бинарностью дериваций («одна основа + один аффикс») и затруднения с взаимодействием значений минимальных морфологических элементов¹.

Список условных сокращений

3SG — третье лицо ед. числа; AOR — аорист; CAUS — каузатив; NOM — номинатив; PLSQPF — плюсквамперфект; PRF — перфект; PRS — презенс; PRV — преверб; PTC — причастие; ТН — тематический элемент.

¹ Автор благодарен П. М. Аркадьеву за ценные замечания к первоначальному тексту; все недостатки статьи принадлежат автору.

Литература

- Гецадзе И. О., Недялков В. П., Холодович А. А. 1969. Морфологический каузатив в грузинском языке. В сб.: А. А. Холодович (ред.). *Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив*. Л.: Наука, 131–152.
- Плунгян В. А. 2003. *Общая морфология: Введение в проблематику*. Изд. 2. М.: Едиториал УРСС.
- Booij G. 2010. *Construction morphology*. Oxford: Oxford University Press.
- Gurevich O. I. 2006. *Construction morphology: The Georgian version*. PhD. Berkeley: University of California.
- Harris A. C. 1981. *Georgian syntax: A study in relational grammar*. New York: Academic Press.
- Hockett C. F. 1954. Two models of grammatical description. *Word*, v. 10, 210–231.
- Šaniže A. 1973. *Kartuli gramaṭiḱis sapuzvlebi*. Tbilisi: Tbilisi universiṭetiṣ gamomcemloba.
- Vogt H. 1971. *Grammaire de la langue géorgienne*. Oslo: Universitetforlaget.

Амбификсы и другие звери

П. М. Аркадьев^а, Ю. А. Ландер^б

^а Институт славяноведения РАН / Российский государственный гуманитарный университет; alpgurev@gmail.com

^б Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; yulander@yandex.ru

1. Введение

Традиционная типология аффиксов, противопоставляющая префиксы, суффиксы, циркумфиксы, инфиксы и трансфиксы, основывается на позиции показателя относительно корня. Однако привычный ход мысли нарушается, если аффикс может как предшествовать корню, так и следовать за ним. Такие не часто встречающиеся единицы именуются **амбификсами** (см., например, Malkiel 1978: 145, Плунгян 2000: 89, Mugdan 2015: 268; самое раннее встреченное нами употребление термина в этом значении обнаруживается в Напр 1959). Редкость амбификсов, вероятно, связана с тем, что их появление предполагает многоступенчатое и нетривиальное развитие (ср. аналогичное обоснование редкости инфиксов в Harris 2010: 92). Впрочем, как мы увидим ниже, сам класс амбификсов неоднороден.

2. Будущие (?) амбификсы

Порою суффиксы оказываются перед корнем, модифицируя элемент префиксальной части слова. Так, во многих нахско-дагестанских языках есть превербы, восходящие к пространственным наречиям. Иногда и превербы, и наречия (включая локативные формы имени) присоединяют показатели ориентации (элатив и эссив); ср. примеры из тантынского даргинского, демонстрирующие элатив:

(1) а. *gu-r-ha-is:-an*

UNDER-EL-UP-брать.IPF-POТ

‘он брал снизу (из-под подушки)’

б. *niš:i-c:ε* *weñ-ik’-ar* *gu-r-ha.le*

МЫ:OBL-INTER звать-(М)LV.IPF-TH **внизу**-EL-UP

‘Он звал нас снизу’ (Сумбатова, Ландер 2014: 722, 708).

В обоих случаях аффиксы ориентации функционируют одинаково, следуя за тем, к чему они относятся. Однако в (1a) аффикс должен описываться как префикс, а в (1b) — как суффикс.

В даргинских языках многие превербы (как *gi* в (1)) могут употребляться самостоятельно и рассматриваться как корни. Но в иных случаях такая трактовка не работает. В абазинском языке показатель *la* при именах описывается как суффикс инструментального падежа (2) (Ломтатидзе 2006: 118), но в глаголах выступает как префикс, уточняющий роль показателя, индексирующего инструмент (3) (иначе говоря, является инструментальным аппликативом). Между тем, в обоих случаях *la* непосредственно следует за выражением соответствующего участника — именной группой или связанной местоименной морфемой.

(2) *a-bacaçaχ^wa-k^wa-la s-a-g^w-lə-r-cə-d*
 DEF-хворост-PL-INS 1SG.ABS-3SG.N.IO-LOC-3SG.F.ERG-CAUS-раскалываться-DCL
 ‘Она побила меня розгами’.

(3) *awat z-la-čaža-wa a-bəzša*
 DIST.PL REL.IO-INS-разговаривать-IPF DEF-язык
 ‘язык, на котором они говорят’

Как указывается в работе Плунгян 2000: 98, аналогичным образом стоит трактовать и многие «интерфиксы», предшествующие главному корню, но следующие за «зависимым» корнем в сложных словах.

Насколько законно считать рассмотренные морфемы амбификсами? Если бы при определении префиксов и суффиксов мы ориентировались не на корень, а на компонент, к которому непосредственно присоединяется аффикс, мы смогли бы считать их поведение вполне последовательным.

3. Собственно амбификсы

Совсем не всегда амбификсы легко сводятся к суффиксации префиксов или префиксации суффиксов. Мы не встретили примеров произвольного выбора амбификсами префиксальной или суффиксальной позиции (что может быть связано с желанием исследователей находить обусловленность всегда) и противопоставляем разные амбификсы по мотивации их позиции.

Семантическая обусловленность: позиция определяется семантическими факторами, независимыми от прочей морфологии, но не описывается через порядок присоединения. Чистых примеров нам не встретилось, но приведем близкие. В гюмрийском диалекте западноармянского языка

показатель индикатива *gə/kə*, согласно Bezrukov, Dolatian 2020, занимает суффиксальную позицию в предложениях с предикатным фокусом (4a) и префиксальную при узком фокусе на субъекте, объекте или обстоятельстве (4b):

(4) а. *ʃun-ə vazze-gə*
 собака-DEF бежать-IND
 ‘Собака бежит’.

б. *ʃun-ə kə-vazze*
 собака-DEF IND-бежит
 ‘Именно собака бежит’ (Bezrukov, Dolatian 2020: 5).

Поскольку фокусированный элемент обычно непосредственно предшествует сказуемому, этот аффикс можно было бы описать как следующий за последним словом группы фокуса, так что независимо от того, считать ли его аффиксом или клитикой, его расположение диктовалось бы структурными требованиями. Правда, в Bezrukov, Dolatian 2020 приводятся примеры отрыва фокусного элемента от сказуемого при префиксации индикативной морфемы, т. е. в любом случае действует дополнительное требование соположения этой морфемы и сказуемого.

Явление, близкое к семантической обусловленности, обнаруживают адыгские языки (абхазо-адыгская семья). И в адыгейском, и в кабардино-черкесском языках есть два показателя отрицания — префиксальный (общий для двух языков) и суффиксальный (в каждом из языков свой), а их различия связаны с семантическим типом отрицания (Smeets 1984: Ch. 6, Ландер, Сумбатова 2007). Суффиксальные показатели диахронически связаны с префиксальным (Smeets 1984: Ch. 7), но отождествление их требует значительных допущений.

Парадигматическая обусловленность: позиция определяется грамматическим признаком, выраженным в слове вне данного аффикса. Убыхский, абхазский и абазинский языки всё той же абхазо-адыгской семьи используют показатель отрицания *m*, но выбор его позиции диктуется грамматической формой. Ср. абхазские формы презенса и аориста:

(5) а. *də-r-ga-wa-m*
 3SG.N.ABS-3PL.ERG-нести-IPF-NEG
 ‘Они не несут его/ее’.

б. *d-rə-m-ga-jt*
 3SG.N.ABS-3PL.ERG-NEG-нести-DCL
 ‘Они не несли его’ (Chirikba 2003: 44).

Так же можно трактовать и прилагольные местоимения в романских языках или в новогреческом (см. об их аффиксальной трактовке Spencer, Luís 2012: 186–188): они обычно предшествуют глаголу, но следуют за ним в императиве и нефинитных формах, ср. каталанское *m'ajuda* 'он(а) мне помогает' vs. *ajuda'm* 'помоги мне', см. Wheeler et al. 1999: 172–174.

Морфотактическая обусловленность: позиция определяется наличием других аффиксов. В муриньпата (семья дэйли, Австралия) показатель двойственного числа для не-сиблингов обычно выступает как префикс (6a), но перемещается в суффиксальную позицию, когда в словоформе есть ненулевой префикс объекта (6b):

(6) a. *bam-ngintha-ngkardu*

3SG.SBJ.NFUT-DU-видеть

'Они двое (не сиблинги) увидели его/ее'.

b. *bam-ngi-ngkardu-ngintha*

3SG.SBJ.NFUT-1SG.OBJ-видеть-DU

'Они двое (не сиблинги) увидели меня' (Nordlinger 2010: 334) (глоссинг упрощен).

Классическим примером морфотактической обусловленности является литовский рефлексив, занимающий позицию последнего суффикса, если в словоформе нет префиксов, но появляющийся непосредственно перед основой, если есть хотя бы один префикс, ср. *maudau-si* 'я моюсь' vs. *ne-si-maudau* 'я не моюсь', *ne-ra-si-maudžiau* 'я не помылся/помылась'.

Фонотактическая обусловленность: выбор позиции зависит от фонологических свойств корня или той цепочки, к которой присоединяется аффикс. Чаще всего, судя по описанным случаям, важно, гласный или согласный является пограничной фонемой для деривации. В литературе упоминаются подобные случаи в языках афар (кушитская семья, (7)), уаве (изолят, Мексика, Kim 2010) и в хамшенском диалекте западноармянского (Bezrukov, Dolatian 2020).

(7) a. *t-okm-é*

3SG.F-есть-PFV

'Она поела'.

b. *ab-t-é*

делать-3SG.F-PFV

'Она сделала' (Fulmer 1991: 190).

В кордофанском языке моро позиция объектных показателей зависит от тонального контура словоформы, в свою очередь предопределяемого грамматической формой:

- (8) *g-a-ŋá-vələð-a* ‘он(а) вот-вот толкнет тебя’
g-a-vələð-ə-ŋá ‘он(а) толкнул(а) тебя’
 (Jenks, Rose 2015: 271, 273).

4. Бывшие (?) амбификсы

Иногда функции и правила расположения кандидатов в амбификсы настолько различаются, что на вопрос о признании их одной морфемой нелегко ответить утвердительно.

В абазинском языке имеется формант *g'*, который в качестве суффикса функционирует вместе с аддитивным показателем (и часто не выделяется как отдельная морфема), а как префикс выступает в отрицательных формах индикатива обязательным компонентом отрицательного «поли-аффикса» (Плунгян 2000: 95–97):

- (9) *kaʁəjka-k-g'-əj* *j-g'-ʁa-hə-rə-m-t-χ-wa-z-d*
 копейка-один-*g'*-ADD 3SG.N.ABS-*g'*-DIR-1PL.IO-3PL.ERG-NEG-давать-RE-IPF-PST-DCL
 ‘Они не давали нам ни копейки’.

Эти употребления диахронически связаны через «цикл Есперсена» (Jespersen 1917, Dahl 1979) — усиление отрицания скалярным выражением и дальнейшее превращение его в обязательную часть отрицательной конструкции. В исследованном нами абазинском говоре аула Инжич-Чукун префикс *g'* не имеет усилительной функции и обязателен в соответствующих формах. Поскольку и дистрибуция, и функция этого префикса значительно разошлись с использованием *g'* в аддитивных контекстах, вряд ли стоит признавать их амбификсом. Правда, в литературе приводятся примеры этого префикса и в сочетании с аддитивным показателем (10), так что, возможно, в других говорах эта морфема допускает амбификсальную трактовку.

- (10) *a-š'qa* *d-g'-əj-qa-lə-n*
 DEF-гора 3SG.H.ABS-*g'*-ADD-LOC-войти-PST
d-g'-əj-ʁa-ta-l-χ-t
 3SG.H.ABS-*g'*-ADD-DIR-LOC-войти-RE-DCL
 ‘Он и поднялся в горы, и спустился оттуда’ (Пазов 2019: 221).

5. Об индексирующих морфемах

Особые сложности в обсуждении амбификсов представляют показатели индексации аргументов. Так, в тантынском даргинском имеется единый набор классно-числовых аффиксов, маркирующих согласование с абсолютивным аргументом: как префиксы в глаголе и как суффиксы в связке. Они же появляются как суффиксы в наречиях и локативных формах имен, индексируя абсолютивный аргумент и одновременно маркируя эссивную ориентацию:

- (11) *gu-b-aʃh* *q:azaniš-li-ja-b* *žaʃndur-te*
 внизу-Н.PL(ESS)-ADV казаниш-ОBL-SUPER-Н.PL(ESS) тюрк-PL
ʃeʃr-b-irχ-u-s:a-b
 жить-Н.PL-LV.IPF-PRS-ATR + COP-Н.PL
 ‘В Нижнем Казанише живут кумыки (букв. «тюрки»)» (Сумбатова, Ландер 2014: 684).

В языке валман (семья торричелли, Новая Гвинея) аффиксы лица, числа, рода и уменьшительности субъекта выступают как префиксы при глаголах, суффиксы при прилагательных и инфиксы при демонстративах (12a). Те же аффиксы выражают объект при переходных глаголах — на этот раз как суффиксы (12b) или инфиксы.

- (12) a. *ngolu pa <n>ten n-o lapo-n*
 казуар этот <3SG.M> 3SG.M-быть большой-3SG.M
 ‘Этот казуар большой’.
- b. *w-lro-n*
 3SG.F-любить-3SG.M
 ‘Она любит его’ (Dryer 2019: 175, 174).

Обе ситуации отличаются от описанных в предыдущих разделах. Выбор позиции морфемы здесь задается лексически и не обязательно получает семантическое объяснение, при этом позиция определяет функцию морфемы. В даргинских языках позиция, соответствующая ориентации, приписывает показателю класса эссивную функцию (Ландер 2010), а в валмане позиция аффикса в глаголе определяет, какой аргумент индексируется. В результате морфемы имеют легко выделяемое значение, но функция их к нему не сводится и уточняется их позицией. Причина этого, вероятно, в том, что такие индексирующие морфемы сами по себе лишены реляционного значения и только заполняют слоты, предоставленные их «хозяевами».

6. Заключение

Итак, позиционное определение амбификсов не стремится отразить их функционирование, которое в большей степени является предметом интерпретаций. Однако вступая на скользкий путь объяснения позиции, мы видим, что кандидаты в амбификсы разнообразны и сами оказываются интересным предметом для типологии.

Список условных сокращений

ABS — абсолютный аргумент; ADD — аддитив; ADV — наречный показатель; ATR — атрибутив; CAUS — каузатив; COP — связка; DCL — декларатив; DEF — определенность; DIR — директив; DIST — дистантный демонстратив; DU — двойственное число; EL — элатив; ERG — эргативный аргумент; ESS — эссив; F — женский род; H — класс людей; IND — индикатив; INS — инструменталис; INTER — локализация ‘внутри сплошной среды’; IO — непрямо́й объект; IPF — имперфектив; LOC — локативный преверб; LV — «легкий глагол»; M — мужской род; N — класс не-людей; NEG — отрицание; NFUT — небудущее время; OBJ — объект; OBL — косвенная основа; PFV — перфектив; PL — множественное число; POT — потенциалис; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; RE — рефактив/реверсив; REL — относительный префикс; SBV — субъект; SG — единственное число; SUPER — локализация ‘на’; TH — тематический элемент; UNDER — преверб ‘внизу’; UP — директивный показатель ‘вверх’.

Литература

- Ландер Ю. А. 2010. О разных морфологиях: танты́нские даргинские локативные формы. В сб.: *Бюллетень Общества востоковедов РАН. Вып. 17: Труды меж-институтской научной конференции «Востоковедные чтения-2008»*. М.: ИВ РАН, 139–161.
- Ландер Ю. А., Сумбатова Н. Р. 2007. Адыгейские отрицания. В сб.: М. Е. Алексеев (ред.). *Кавказский лингвистический сборник*. Вып. 18. М.: Academia, 77–103.
- Ломтатидзе К. В. 2006. *Абазинский язык (краткое обозрение)*. Тбилиси: Universali.
- Пазов С. У. 2019. Усилительно-подтвердительная частица *гь(ы)*- и особенности ее употребления в структуре отрицательного глагола в абазинском языке. В сб.: Б. Ч. Бижоев (отв. ред.). *Кавказская филология: история и перспективы. К 90-летию Мухадина Абубекировича Кумахова. Сборник научных статей*. Нальчик: Институт гуманитарных исследований, 219–225.
- Плунгян В. А. 2000. *Общая морфология: Введение в проблематику*. М.: Едиториал УРСС.
- Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А. 2014. *Даргинский говор селения Танты. Грамматический очерк. Проблемы синтаксиса*. М.: ЯСК.
- Bezrukov N., Dolatian H. 2020. Mobile affixes across Western Armenian: Conflicts across modules. *UPenn Working Papers in Linguistics*, v. 26, n. 1 (in print).

- Chirikba V. A. 2003. *Abkhaz*. München: LINCOM Europa.
- Dahl Ö. 1979. Typology of sentence negation. *Linguistics*, v. 17, 79–106.
- Dryer M. S. 2019. Gender in Walman. In: Fr. Di Garbo, Br. Olsson, B. Wälchli (eds.). *Grammatical gender and linguistic complexity*. Volume I: *General issues and specific studies*. Berlin: Language Science Press, 171–196.
- Fulmer S. L. 1991. Dual-position affixes in Afar: An argument for phonologically-driven morphology. *Proceedings of the Ninth annual meeting of the West Coast Conference on formal linguistics*, 189–203.
- Hamp E. P. 1959. Zuara Berber personals. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, v. 22, n. 1, 140–141.
- Harris A. C. 2010. Explaining typologically unusual structures: the role of probability. In: J. Wohlgemuth, M. Cysouw (eds.). *Rethinking universals: How rarities affect linguistic theory*. Berlin: De Gruyter Mouton, 91–103.
- Jenks P., Rose Sh. 2015. Mobile object markers in Moro: The role of tone. *Language*, v. 91, n. 2, 269–307.
- Jespersen O. 1917. *Negation in English and other Languages*. København: Bianco Lunos Bogtrykkeri.
- Kim Y. 2010. Phonological and morphological conditions on affix order in Huave. *Morphology*, v. 20, 133–163.
- Malkiel Y. 1978. Derivational categories. In: J. H. Greenberg (ed.). *Universals of human language, Vol. III: Word structure*. Stanford, CA: Stanford University Press, 125–149.
- Mugdan J. 2015. Units of word-formation. In: P. O. Müller, I. Ohnheiser, S. Olsen, F. Rainer (eds.). *Word-Formation: An international handbook of the languages of Europe*. Vol. 1. Berlin: De Gruyter Mouton, 235–301.
- Nordlinger R. 2010. Verbal morphology in Murrinh-Patha: Evidence for templates. *Morphology*, v. 20, 321–341.
- Smeets R. 1984. *Studies in West Circassian phonology and morphology*. Leiden: The Hakuchi Press.
- Spencer A., Luís A. 2012. *Clitics. An introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wheeler M. W., Yates A., Dols N. 1999. *Catalan. A comprehensive grammar*. London; New York: Routledge.

Неполное морфологическое маркирование 'полного': к типологии

М. А. Холодилова

Институт лингвистических исследований РАН /
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
hol_m@mail.ru

В ряде языков слово со значением 'полный' демонстрирует особые морфологические свойства, отличающие его от (обычных) прилагательных. В настоящей работе на материале нескольких языков (мокшанского, эстонского, венгерского, русского, украинского, польского, старославянского и немецкого)¹ будет предложено обобщение, согласно которому такие грамматические особенности соответствуют двум общим тенденциям. Во-первых, во всех случаях морфологическая особенность заключается в отсутствии некоторого маркирования или в его большей ограниченности по контекстам, чем у обычных прилагательных того же языка. Во-вторых, эти ограничения наиболее склонны проявляться в рамках конструкции, в которой у слова 'полный' есть выраженный аргумент со значением содержимого².

В **мокшанском** языке прилагательное *pešks'ə* 'полный' отличается от других прилагательных тем, что для него не во всех случаях обязательно согласование по числу с подлежащим при глагольной связке *ul'əms* 'быть'.

¹ В выборку были включены те языки, данные по которым оказались наиболее легко доступными для автора и в которых на данный момент обнаружались редкие морфологические черты у слова 'полный'. Я благодарю за помощь с материалами и литературой по отдельным языкам Л. С. Козлова (венгерский), П. А. Оскольскую (эстонский), С. Ю. Толдову (старославянский).

² Контрпримером к первому обобщению мог бы быть такой язык, в котором отличие слова 'полный' от других прилагательных заключалось бы в более последовательном морфологическом маркировании показателями некоторой категории, ко второму — такой, в котором особые морфологические свойства слова 'полный' в большей степени характерны для контекстов без выраженных зависимых. На данный момент таких языков не обнаружено.

В обычном случае для прилагательных согласование по числу в этой конструкции обязательно (1)³.

(1) МОКШАНСКИЙ

*s'eta-t'n'ə ul'-s'-t' šavə-t / *šavə*
 сеть-DEF.PL быть-PST.3-PL пустой-PL пустой
 'Сети были пустые'.

Для прилагательного *pešks'ə* 'полный' согласование по числу также обязательно, если при нем нет выраженного аблативного зависимого со значением содержимого (2), однако при наличии такого зависимого числовое маркирование факультативно (3).

(2) *s'eta-t'n'ə ul'-s'-t' pešks'ə-t / *pešks'ə*
 сети-DEF.PL быть-PST.3-PL полный-PL полный
 'Сети были полные'.

(3) *s'eta-t'n'ə ul'-s'-t' pešks'ə-t / pešks'ə kal-də*
 сети-DEF.PL быть-PST.3-PL полный-PL полный рыба-ABL
 'Сети были полны рыбы'.

Существенно, что это обобщение не распространяется на другие известные прилагательные с валентностью на зависимое, ср. недопустимость формы без показателя множественного числа для предиката, выраженного прилагательным *gatovaj* 'готовый' (4), несмотря на наличие при нем зависимого.

(4) *s'in' ul'-s'-t' gatovaj-t' / *gatovaj l'is'-əm-s*
 они быть-PST.3-PL готовый-PL готовый выйти-INF-ILL
 'Они были готовы выйти'.

В эстонском языке прилагательные в составе именной группы обычно согласуются с вершинным существительным по числу и падежу, за исключением небольшого числа неизменяемых слов, см., например, обсуждение класса несклоняемых прилагательных в Viitso 2007. Прилагательное *täis* 'полный', как правило, не склоняется в значении 'заполненный' (как с выраженным зависимым, так и без него), однако склоняется в некоторых других значениях, в частности в значении 'X взят в полном объеме / достиг наивысшей точки развития / максимальный' в терминологии

³ Отсутствие согласования в данной конструкции допускает также группа отглагольных дериватов, которые в литературе иногда описываются как прилагательные, об их оформлении в именной предикации см. Холодилова 2018: 628–629.

М. Г. Тагабилевой (2011), т. е. в таких сочетаниях как ‘в полный рост’, ‘полная строгость закона’ (Langemets et al. 2009).

В немецком языке в значении ‘полный’ используется два слова: *voll* и *voller*, при этом оба они при наличии зависимых выступают только в постпозиции по отношению к существительному, что по общему правилу предполагает отсутствие согласовательных показателей, а *voller*, требующее наличия выраженного зависимого, кроме того, не имеет формы сравнительной степени (Zeldes 2018).

Слово со значением ‘полный’ относится к небольшому числу неизменяемых прилагательных в старославянском (Селищев 1952: 130). По всей видимости, то же верно для венгерского: венгерские прилагательные в обычном случае согласуются с подлежащим по числу, находясь в позиции предиката (Round 2001: 164), при этом по крайней мере в словаре Л. Гальди (ред.) 1987 *tele* ‘полный’ характеризуется как прилагательное, однако, как видно из примера (5), может быть не согласовано по числу с подлежащим⁴.

(5) *Fémvázas fapad, amilyen-nel tele vannak*
 металлический.каркас скамья который-INS полный быть.PRS.3PL
a prágai park-ok
 DEF пражский парк-PL
 ‘Деревянная скамейка на металлических ножках, которыми полны пражские парки’ (М. Кундера. Невыносимая легкость бытия (InterCorp)).

В ряде современных славянских языков (по крайней мере в русском, украинском и польском) специфика слова *полный* заключается в более широком, чем у большинства прилагательных, использовании кратких форм. Предположительно, это различие также сводимо к предлагаемому в настоящей работе обобщению: краткие формы демонстрируют меньшее количество морфологических противопоставлений и не согласуются (или более ограниченно согласуются) с существительными в падеже.

В русском краткая форма прилагательного *полный*, по всей видимости, необычна своей сравнительно широкой допустимостью в атрибутивной позиции. Русские прилагательные в краткой форме, как правило, не могут занимать эту позицию, за исключением обособленных оборотов, устойчивых оборотов и стилизаций (Кустова 2018). Форма *полон* возможна, по всей видимости, в необособленном определении (6)⁵, при

⁴ Примеры, подобные (5), без согласования, в корпусе частотны, примеры с согласованием не были найдены.

⁵ Для большинства контекстов возможна, впрочем, альтернативная трактовка, при которой *полон* лишь линейно располагается перед существительным и не входит

этом, как представляется, менее стилистически маркирована, чем другие краткие формы в атрибутивной позиции, и допускает бóльшую конструкционную вариативность, чем другие устойчивые обороты, такие как *на босу ногу*.

- (6) *Петя набрал **полон рот** воздуха и пошел чесать без знаков препинания, норовя выпалить всю молитву одним духом...* (В. П. Катаев. Белеет парус одинокий (1936)).

При этом краткая форма более предпочтительна в таких контекстах, в которых у прилагательного есть выраженное зависимое, ср. количественные данные, представленные в Таблице 1 (различие статистически значимо, двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,01$).

Сочетание	Зависимое выражено	Зависимое не выражено	% выраженных зависимых
<i>Полный рот</i>	80	20	80%
<i>Полон рот</i>	92	8	92%

Таблица 1. Сравнительная частотность выраженных зависимых со значением содержимого при сочетаниях *полный рот* и *полон рот* (Arapeum, выборка по 100 примеров)⁶

В украинском и польском языках прилагательные со значением 'полный' (*повний* и *pełny* соответственно) относятся к небольшим группам прилагательных, сохранивших краткие формы (*повен* и *pełen*) в единственном числе мужского рода, и еще более ограниченным группам прилагательных, которые допускают использование таких форм не только в предикате, но и в атрибутивной позиции (Шерех 1951: 226, Swan 2002: 137). Примечательно, что в польском языке использование полной формы значительно более характерно для контекстов с выраженным зависимым, см. данные в Таблице 2 (различие статистически значимо, двусторонний вариант точного критерия Фишера, $P < 0,01$).

в именную группу. Существенно, однако, что в этом случае, помимо нестандартного порядка слов, конструкция примечательна допустимостью краткой формы в функции вторичного предиката со значением результата, как в (6), что вне этой конструкции для русских кратких форм, по всей видимости, невозможно или почти невозможно (ср. ^{??}*набрать кувшин полон*).

⁶ При поиске были исключены сочетания, семантика которых не включает центрального рассматриваемого значения слова 'полный': сочетания с абстрактными зависимыми (*полон рот забот, проблем*) и устойчивое сочетание *в полный рот*.

Форма	Зависимое выражено	Зависимое не выражено	% выраженных зависимых
Полная (<i>petny</i>)	5	18	22%
Краткая (<i>peten</i>)	132	8	94%

Таблица 2. Сравнительная частотность выраженных генитивных зависимых при краткой и полной форме прилагательного *petny* 'полон' в позиции предиката при связке *byt* 'был' (InterCorp)⁷

Таким образом, во всех рассматриваемых языках слову 'полный' свойственно то или иное ограничение морфологического маркирования, характерного для прилагательных (по числу, падежу и/или степени сравнения), при этом ограничения характерны именно для тех значений прилагательных, которые выступают в конструкции с контейнером (ср. данные эстонского языка), и в особенности для конструкции с заполненной валентностью (ср. данные мокшанского, немецкого, русского, польского).

Имеющихся данных недостаточно, чтобы твердо говорить о причине такого поведения прилагательного 'полный', однако можно предположить, что редукция маркирования является следствием его морфологизации. В рассматриваемых случаях морфологизация находится на ранних стадиях, однако существуют, в том числе в некоторых из рассматриваемых языков, и аффиксы, по всей видимости появившиеся в рамках сходного процесса, ср. английский показатель *-ful*, немецкий *-voll* и эстонский *-täis*, присоединяемые к основе со значением контейнера (*mouthful*, *Handvoll*), а также английские и немецкие показатели *-ful* и *-voll*, присоединяемые к основам существительных, соответствующих содержимому в конструкции с контейнером (*joyful*, ср. *full of joy*). Ограничение морфологического маркирования у слов со значением 'полный' может объясняться начавшимся процессом морфологизации: для морфемы естественно отсутствие собственного морфологического маркирования. Предпочтительность выраженного зависимого, возможно, связана с тем, что для обоих сценариев морфологизации характерна выраженность содержимого: при образовании деривата от существительного со значением содержимого (*joyful*) его выражение, очевидно, обязательно, при использовании же в качестве словообразовательной основы обозначения контейнера (*mouthful*) выражение содержимого также оказывается почти обязательным по крайней мере в английском языке (Dalton-Puffer, Plag 2000).

⁷ Таблица построена на основании художественных текстов и субтитров, для которых в корпусе доступен перевод на английский.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; Abl — аблатив; Def — определенность; Ill — иллатив; Inf — инфинитив; Ins — инструменталис; Pl — множественное число; Prs — настоящее время; Pst — прошедшее время.

Источники

Araneum Estonicum II Duplex D Maius (Estonian, 19.09), <http://unesco.uniba.sk/>.
InterCorp, accessed via “Kontext” interface at kontext.korpus.cz, v. 12, <https://ucnk.ff.cuni.cz/InterCorp/>.

Литература

- Гальди Л. (ред.). 1987. *Венгерско-русский словарь*. М.; Будапешт: Русский язык.
- Кустова Г. И. 2018. Прилагательные. В сб.: В. А. Плунгян (отв. ред.). *Материалы к корпусной грамматике русского языка*. Вып. III. СПб.: Нестор-История, 40–107.
- Селищев А. М. 1952. *Старославянский язык*. Ч. II: *Тексты. Словарь. Очерки морфологии*. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР.
- Тагабилева М. Г. 2011. *Качественные признаки ‘пустой’, ‘полный’: к построению семантической типологии*. Курсовая работа. М.: МГУ.
- Холодилова М. А. 2018. Именная предикация. В сб.: С. Ю. Толдова, М. А. Холодилова (отв. ред.). *Элементы мокшанского языка в типологическом освещении*. М.: Буки Веди, 616–632.
- Шерех Ю. 1951. *Нарис сучасної української літературної мови*. Мюнхен: Молоде життя.
- Dalton-Puffer Ch., Plag I. 2000. Categorywise, some compound-type morphemes seem to be rather suffix-like: On the status of *-ful*, *-type*, and *-wise* in present-day English. *Folia linguistica*, v. 34, n. 3–4, 225–244.
- Langemets M., Tiits M., Valdre T., Veskis L., Viks Ü., Voll P. (eds.). 2009. *Eesti kirja-keele seletussõnaraamatu*. 2, täiendatud ja parandatud trükk. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus (<http://www.eki.ee/dict/ekss>).
- Round C. 2001. *Hungarian: An essential grammar*. London; New York: Routledge.
- Swan O. E. 2002. *A grammar of contemporary Polish*. Bloomington, Indiana: Slavica.
- Vitso T.-R. 2007. Nn vaegomadussõna ja selle taust. *Keel ja Kirjandus*, n. 11, 878–887.
- Zeldes A. 2018. The case for caseless prepositional constructions with *voller* in German. In: H. C. Boas, A. Ziem (eds.). *Constructional approaches to syntactic structures in German*. Berlin: De Gruyter, 245–285.

Нулевая форма. Нулевой знак?

А. В. Циммерлинг

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина /
Институт языкознания РАН / Московский педагогический государственный
университет; fagraey64@hotmail.com

В описаниях русской грамматики представление о том, что глагол *быть* в настоящем времени имеет нулевую форму, укоренено столь же крепко, как представление о нулевом окончании им. п. ед. ч. м. р. у слов типа *супруг, чурбан, микроб*. О наличии у глагола *быть* нулевой формы $\emptyset^{BE.PRES}$ в учебниках говорят просто как об особенности русского языка, описываемого относительно простым способом, см. Пешковский 1928: 303, Лекант 2015: 75, Ильенко 2016: 73. Это, по-видимому, объясняется тем, что понятие нулевой формы было предложено А. М. Пешковским в рамках решения практической задачи — создания рационального описания русской грамматики, которое может быть внедрено в преподавании.

Русская лингвистика не обосновала альтернативы гипотезе о том, что у глагола *быть* есть нулевая форма. Толковые словари, начиная с В. И. Даля (1880 I: 523), уверяют, что настоящего времени у *быть* нет... за исключением формы *есть*. Эти два утверждения плохо сочетаются, вдобавок словари Ушаков 1935: 214, 218, Евгеньева 1999 I: 130, 468, Ожегов, Шведова 1992: 64, 191 наряду со статьей *БЫТЬ* предлагают и статью *ЕСТЬ*, как бы сомневаясь в том, принадлежит ли последняя форма к парадигме *быть* или является особым глаголом. В статье о *БЫТЬ есть* названо формой 3 л. ед. ч., но статья *ЕСТЬ* сообщает, что *есть* распространилось на все лица и числа «в силу утраты наст. вр. глагола *быть*» (sic). Избежать введения нуля можно, объявив парадигму *быть* дефектной, ср. определение морфологической дефектности в Зализняк 1967: 30, 99–100. Но предполагаемый нуль $\emptyset^{BE.PRES}$ и *есть* $^{BE.PRES}$ не распределены по лицу и числу, поэтому гипотеза о дефектности применима лишь при условии, что из парадигмы *быть* исключается не только $\emptyset^{BE.PRES}$, но и *есть* $^{BE.PRES}$, для чего не видно прямых оснований. В «Грамматическом словаре» А. А. Зализняк (1977: 133) постулировал для *быть* презентную парадигму из двух ненулевых форм {*есть, суть*}, вторая из которых определяется как вариант 3 л. мн. ч., возможный в научных и архаичных текстах. Но если *есть* и *суть* — часть пара-

дигмы *быть*, к ней следует отнести и $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$, поскольку в ряде контекстов форма $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ обязательна, а ее замена на *есть* и *суть* не проходит, см. (1)–(2). В прош. и буд. времени, как указал еще А. М. Пешковский, $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ в той же позиции заменяется ненулевой формой, см. (3)–(4). Оба довода — невозможность субституции $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ в (1)–(2) и предполагаемое тождество синтаксической позиции $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ в (1)–(2) и форм *был*, *были* в (3)–(4) — помогают идентифицировать $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ как форму наст. вр. *быть*, включенную в ряд $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ / *был*, -а, -о, -и / *буд-ет*, -ешь, -ет, -ем, -ете, -ут на тех же основаниях, на которых ненулевая форма *есть*^{BE.PRES} включена в ряд *есть*^{BE.PRES} / *был*, -а, -о, -и / *буд-ет*, -ешь, -ет, -ем, -ете, -ут.

- (1) *Вася* $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ / **есть*^{BE.PRES} *умен*.
- (2) *Вася и Катя* $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ / **есть*^{BE.PRES} / **суть*^{BE.PRES.3PL} *умны*.
- (3) *Вася* *был*^{BE.PAST.SG} *умен*.
- (4) *Вася и Катя* *были*^{BE.PAST.PL} *умны*.

Итак, гипотеза о нулевой словоформе подкрепляется двумя фактами: 1) обязательностью $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ в ряде контекстов, где другие формы глагола *быть* недопустимы; 2) включением $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ в закрытый ряд, где нуль чередуется с ненулевыми словоформами прош. и буд. вр., предположительно занимающими те же позиции. Проверим, насколько синтактика $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ согласуется с критериями выделения нулевых знаков выше уровня морфемы. Примем без доказательств, что процедура выделения синтаксических нулей всегда опирается не только на семиотику, но и на представление о разных уровнях репрезентации предложения, см. Циммерлинг 2002: 565, 2018: 14. В данной заметке нас будет интересовать то общее, что объединяет нулевые словоформы и нулевые морфы.

Понятие нулевого знака восходит к Bally 1922, Балли 1955: 177. В статье Jakobson 1939, первоначально опубликованной в фештшифте Ш. Балли, а также в позднейших статьях Jakobson 1959, Якобсон 1985: 231–238, Р. О. Якобсон трактует грамматику как область обязательных противопоставлений. Строгое определение критерия обязательности для элементов плана содержания дано в Зализняк 1967: 25. В Плунгян 1994 доказывалось, что область применения гипотез о нулевой морфеме ограничена словоизменительными категориями, элементы которых в плане содержания, но не в плане выражения одинаково сложны и образуют эквиополентную оппозицию. В этом случае грамматический признак может выражаться нулем, который является обязательным средством реализации некоторого обязательного элемента значения. И. А. Мельчук (1995: 189) соглаша-

ется считать сочетание вида «нулевой X » термином, если оно отсылает к *знаку* или *множеству знаков*. Между нулевым знаком на уровне морфологии и на уровне синтаксиса, по И. А. Мельчуку, особой разницы нет: нулевую лексему можно вводить, если налицо особая синтактика и уникальное означаемое. Нулевые лексемы $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ и $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ лишены синонимов в русском языке (ibid., 182), а нулевая словоформа *быть* отличается от $\emptyset^{\text{ELEMENTS}}$ и $\emptyset^{\text{PEOPLE}}$ лишь тем, что включена в парадигму, где есть ненулевые элементы, в то время как парадигма нулевой лексемы включает только $\{\emptyset\}$ (ibid., 178). Но здесь возникает проблема.

Уникальное означаемое для $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ нащупать трудно. Во-первых, синтактика $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ и *есть*^{BE.PRES} не соответствует распределению связочных и несвязочных контекстов: у *есть*^{BE.PRES} есть связочные употребления, см. Апресян 1996: 528, а у $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ — полнозначные, см. Тестелец 2008: 774, Дымарский 2018. Поэтому отнесение русского к классу *языков с нулевой связкой* в Benveniste 1960, Бенвенист 1974: 229, Evreinov 1973, Stassen 1994 — огрубление: современный русский — язык с *нулевой формой глагола 'быть'*, которая реализуется и в позиции связки, и в позиции полнозначного глагола. Во-вторых, $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ и *есть*^{BE.PRES} порой конкурируют в одном и том же окружении, ср. (5а–б), (6а–б), (7а–б). Можно допустить, что $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ и *есть*^{BE.PRES} нигде не синонимичны, но в парах (5а–б), (6а–б), (7а–б) реализуется одно и то же семантическое отношение: для (5) это *отчуждаемое обладание* (X имеет Y -а, который не является собственной частью X -а), для (6) — *бытийность* (в Y -е наличествует X) для (7) — *локализация* (X находится в Y -е).

(5) а. У тебя $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ квартира в городе.

б. У тебя *есть*^{BE.PRES} квартира в городе.

(6) а. Во втором отзыве — $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ замечания.

б. Во втором отзыве *есть*^{BE.PRES} замечания.

(7) а. Замечания — $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ во втором отзыве.

б. Замечания *есть*^{BE.PRES} во втором отзыве.

Члены пар (5а–б), (6а–б), (7а–б) отличаются набором импликатур. Как показано в Янко 2000, предложения с $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ типа (5а) используются для обоснования поведения: в этом контексте варианты типа (5б) неуместны¹.

¹ Тестом может служить реплика У меня $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ жена, дети из анекдота, где говорящий объясняет, почему принял такое-то решение (X боялся за своих детей). Вариант с *есть* тут исключен: — Почему ты прыгнул? — *У меня есть жена, дети.

Предложения локализации с $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ типа (7а) оправданы, когда говорящий подсказывает слушателю, какой отзыв зачитывать, в то время как варианты с *есть* типа (7б) подчеркивают, что наличие замечаний именно во втором отзыве — свойство, которое отличает его от первого. Эти смыслы идиоматичны и могут рассматриваться как характеристики параллельно существующих конструкций, т. е. выражений, где значение целого не является суммой значения частей. Но тогда значение конструкций с $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ нельзя вывести из семантики нулевой формы. Негативный результат ожидаем, поскольку там, где $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ обязательно, прагматических эффектов вроде представленных в (5а), (6а) и (7а) нет.

Итак, требование уникальности означаемого для нулевой формы *быть* в русском языке не выполняется. А. М. Пешковский (1928: 302) утверждал, что гипотеза о нулевой словоформе приложима к древнерусскому языку с оговоркой, что нулевая связка сигнализировала значение 3 л. Точное описание дал А. А. Зализняк, который выделил в группе древнерусских памятников контексты трех типов. В контекстах типа I (перфект с л-причастием) связок 3 л. нет. В контекстах типа II (именное сказуемое) связки *быти* в 3 л. факультативны. Наконец, в контекстах типа III (полнозначный глагол) формы 3 л. наст. вр. глагола *быти* не опускаются, см. Зализняк 2008: 37, 236. Это распределение можно записать в нотации с нулевой формой (\emptyset).

	I: <i>быти</i> как связка в л-перфекте			II: <i>быти</i> как связка в именном сказуемом			III: <i>быти</i> как полнозначный глагол		
	ед. ч.	дв. ч.	мн. ч.	ед. ч.	дв. ч.	мн. ч.	ед. ч.	дв. ч.	мн. ч.
1 л.	<i>есмь</i>	<i>есвъ</i>	<i>есмь</i>	<i>есмь</i>	<i>есвъ</i>	<i>есмь</i>	<i>есмь</i>	<i>есвъ</i>	<i>есмь</i>
2 л.	<i>еси</i>	<i>еста</i>	<i>есте</i>	<i>еси</i>	<i>еста</i>	<i>есте</i>	<i>еси</i>	<i>еста</i>	<i>есте</i>
3 л.	\emptyset * <i>есть</i>	—	\emptyset * <i>суть</i>	\emptyset / <i>есть</i>	—	\emptyset / <i>суть</i>	<i>есть</i>	—	<i>суть</i> * \emptyset

Таблица 1. Распределение нулевой и ненулевых форм *быти* в наст. вр. в идиоме древнерусского языка, по Зализняк 2008

Наиболее важны два параметра. 1) \emptyset в описываемом состоянии древнерусского языка не распространяется на 1–2 л., где ненулевые формы обязательны во всех типах контекстов; 2) в 3 л. есть предложения (с л-перфектом), где нулевая форма обязательна. Еще один довод в пользу признания $\emptyset^{\text{BE.3P}}$ частью парадигмы *быти* состоит в том, что нулевая словоформа 3 л. употреблялась в древнерусский период и в ед. ч., и во мн. ч., в то время как *есть* и *суть* были привязаны к 3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч., соответственно. Современное русское *есть*, как и $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$, употреб-

ляется во всех лицах, что не дает возможности присвоить $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ морфосинтаксическую помету, отличную от пометы ненулевых форм.

Распределение контекстов для *быть* в ситуации внутриязыкового варьирования — ‘+’ = ‘нулевая форма обязательна’ ~ ‘-’ = ‘нулевая форма исключена’ ~ ‘±’ = ‘нулевая форма возможна’ — напоминает распределение морфологических нулей в сходной ситуации. Ср. формы ед. ч. вин. п. у слов м. р. в русском языке начала XIV в., где в одной группе слов требовалось окончание *-а* (имен. п. *поп-∅* : вин. п. *поп-а*), в другой было обязательно нулевое окончание (имен. п. *осетр-∅* : вин. п. *осетр-∅*), а в третьей допускались оба варианта (имен. п. *осетрник-∅* : вин. п. *осетрник-∅/-а*). Если нулевой и ненулевой морф распределены в соответствии с некоторым семантическим или прагматическим признаком, ситуация описывается моделью *дифференцированного маркирования аргументов*, если же такой признак выделить не удастся — моделью *алломорфизма*. Наша иллюстрация соответствует модели дифференцированного маркирования: слова, требующие $-a^{\text{ACC.SG}}$, имеют характеристику ‘+ одушевленность/личность’, слова, требующие $-\emptyset^{\text{ACC.SG}}$ — характеристику ‘-одушевленность/личность’, а находящимся в зоне колебаний словам типа *осетрник* ‘человек, занимающийся выловом осетра’ в данную эпоху можно приписать значение ‘±одушевленность’. Для признания $\emptyset^{\text{ACC.SG}}$ элементом падежного ряда достаточно слов типа *осетр*, у которых нулевой морф является обязательным средством выражения обязательного элемента значения ‘вин. п. ед. ч.’. Но для определения «различительного потенциала» нулевого морфа важна синтактика всех морфов вин. п. ед. ч. в словах типа *осетрник* и *поп*: без нее нельзя установить, сигнализирует ли нуль обязательный элемент значения ‘вин. п. ед. ч. & неодушевленность’.

Назовем эти два аспекта синтактики *слабым* и *сильным* подтверждением статуса нулевого знака. Нулевая словоформа $\emptyset^{\text{BE.3P}}$ в древнерусском языке — сильно подтверждаемый элемент парадигмы *быти*, ее характеристика {-1, 2 л.; +связка} отличается от характеристик *есть* {-1, 2 л.; +ед. ч.; ±связка} и *суть* {-1, 2 л.; +мн. ч.; ±связка}. Нулевая словоформа $\emptyset^{\text{BE.PRES}}$ в современном русском языке — слабо подтверждаемый элемент парадигмы *быть*. И в русском, и в древнерусском нулевая словоформа реализуется в ситуации варьирования: в части контекстов нуль конкурирует с ненулевой формой, но описание таких случаев в терминах эллипсиса неэкономно и контринтуитивно. Напротив, гипотеза о нулевой форме, как показывает опыт применения данного понятия в русистике, является попыткой обосновать взаимодействие грамматики и словаря: особая синтактика нулевой словоформы связывается с особенностями парадигмы конкретных лексем.

Литература

- Апресян Ю. Д. 1996. Лексикографические портреты (на материале глагола *быть*). В кн.: Ю. Д. Апресян. *Интегральное описание языка и системная лексикография*. М.: ЯСК, 518–537.
- Балли Ш. 1955. *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. М.: Изд-во иностранной литературы.
- Бенвенист Э. 1974. *Общая лингвистика*. М.: Прогресс.
- Даль В. И. 1880. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. I–IV. 2-е изд. М.: М. О. Вольф.
- Дымарский М. Я. 2018. А у меня в кармане гвоздь. Нулевая связка или эллипсис сказуемого? *Мир русского слова*, №3, 5–12.
- Евгеньева А. П. (ред.). 1999. *Словарь русского языка*. В 4-х т. 4-е изд. М: Русский язык.
- Зализняк А. А. 1967. *Русское именное словоизменение*. М.: Наука.
- Зализняк А. А. 1977. *Грамматический словарь русского языка*. М: Наука.
- Зализняк А. А. 2008. *Древнерусские энклитики*. М.: ЯСК.
- Ильенко С. Г. (общ. ред.). 2016. *Современный русский язык: синтаксис. Учебник для академического бакалавриата*. М.: ЮРАЙТ.
- Лекант П. А. 2015. *Аналитические формы и аналитические конструкции в современном русском языке*. М.: МГОУ.
- Мельчук И. А. 1995. Syntactic or Lexical Zero. В кн.: *Русский язык в модели «Смысл ↔ Текст»*. М.; Вена: ЯСК; Венский славистический альманах, 169–211.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. 1992. *Толковый словарь русского языка*. М.: Издательство «Азъ».
- Пешковский А. М. 1928. *Русский язык в научном освещении*. 3-е изд. М.-Л.: Государственное издательство.
- Плунгян В. А. 1994. К проблеме морфологического нуля. В сб.: Беликов В. И. и др. (ред.). *Знак. Сб. ст. по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А. Н. Журинского*. М.: Рус. уч. центр МС, 148–155.
- Тестелец Я. Г. 2008. Структура предложений с невыраженной связкой в русском языке. В кн.: А. В. Бондарко, Г. И. Кустова, Р. И. Розина (ред.). *Динамические модели: Предложение. Текст. Сб. Статей в честь Е. В. Падучевой*. М.: ЯСК, 773–789.
- Ушаков Д. Н. (ред.). 1935. *Толковый словарь русского языка*. Т. I. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностранных и национальных словарей.
- Циммерлинг А. В. 2002. *Типологический синтаксис скандинавских языков*. М.: ЯСК.
- Циммерлинг А. В. 2018. Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке. *Вопросы языкознания*, №5, 7–33.
- Якобсон Р. 1985. *Избранные работы*. М.: Прогресс.
- Янко Т. Е. 2000. Бытование и обладание: конструкции с глаголом *быть*. В кн.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина (ред.). *Логический анализ языка. Языки странств*. М.: Индрик, 2000, 198–211.

- Bally Ch. 1922. Copule zéro et faits connexes. *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, n. 23, 1–6.
- Benveniste É. 1960. 'Etre' et 'avoir' dans leur fonctions linguistiques (*Bulletin de la Société de linguistique*, t. LV). Paris: s. n.
- Evreinov I. 1973. Die Semantik einer Nullform: Versuch einer neuen Definition der Kopula im Russischen. *Linguistics*, v. 98, 41–57.
- Jakobson R. 1939. Signe zero. In: *Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally*. Genève: Georg.
- Jakobson R. 1959. Boas' view of grammatical meaning. In: W. Goldschmidt (ed.). *The anthropology of Franz Boas (Memoirs of the American Anthropological Association, n. 89)*, 139–145.
- Stassen L. 1994. Typology versus mythology: The case of the zero copula. *Nordic Journal of Linguistics*, v. 17, 105–126.

Когда морфология бессильна

А. С. Бердичевский

Гетеборгский университет; aleksandrs.berdicevskis@gu.se

Под словом *морфология* в заголовке статьи подразумевается не раздел лингвистики, а подсистема языка, обеспечивающая возможность, помимо прочего, породить любую форму любого слова. Хорошо известно, что иногда породить желаемую форму не получается, даже если на то нет ни семантических, ни очевидных формальных причин. Классическим примером является родительный падеж множественного числа слова *кочерга*: любая другая форма порождается без труда, но эта вызывает сомнения, и все возможные варианты: *кочерёг* (который рекомендуют некоторые словари), [?]*кочерг* — кажутся большинству носителей странными. В этой статье я рассматриваю факторы, влияющие на возникновение лакун на месте род. мн. у русских существительных.

Выдвигался ряд гипотез, на материале разных языков объясняющих возникновение лакун. А. Олбрайт (Albright 2003) на испанском материале заключает, что лакуны возникают из-за неуверенности носителей по поводу того, следует ли применить к форме морфонологическое чередование. Эта неуверенность максимальна, когда форма редка, а язык предоставляет противоречивые данные по поводу того, необходимо ли чередование.

Наличие некоторого противоречия, конфликта разных требований, приводящего к неуверенности, часто становится ключевой частью объяснения. Есть, однако, и исключения. Так, М. Баерман (Baerman 2008) подчеркивает роль чередования (точнее, его отсутствия) в возникновении лакун на месте первого лица ед. числа настоящего времени у русских глаголов (*я *победю*), утверждая при этом, что конфликт как таковой отсутствует. Важно, что М. Баерман рассматривает лакуны в контексте нормы и отношения носителей к норме, поскольку лакуны не являются чисто структурным внутриязыковым явлением.

Р. Даланд и др. (Daland et al. 2007) также утверждают, что наличие конфликта на синхронном уровне не является необходимым условием. С помощью агентного моделирования они показывают на примере 1-го л. ед. ч. русских глаголов, что лакуны могут *выучиваться*, передаваясь таким

образом из поколения в поколение, и, более того, новые лакуны могут *возникать* под давлением аналогии в сходных морфонологических контекстах. Они, однако, не пытаются объяснить, как возникают исходные лакуны.

К. Перцова (Pertsova 2005) обращает внимание на то, что в формах род. мн. русских существительных конфликт часто возникает при сдвиге колонного ударения с окончания на основу: это создает необходимость произнести новый морф основы, которая раньше встречалась лишь с безударным гласным, а новых морфов знакомых морфем носители стараются избегать (принцип лексической консервативности). К. Перцова отмечает, что носители могут также испытывать неуверенность, какой именно гласный следует восстановить (*фат* или *фот*; *мечт*, *мичт*, *мячт* или *мёчт*), однако заключает, что это никак не может быть единственным фактором, так как лакуны наблюдаются и у слов, в которых ударение сдвигается на не подверженный редукции у (*??зурьб*). К. Перцова также отмечает, что лакуны обычно возникают в словах с односложными основами.

Установить наличие лакун — само по себе нетривиальная задача. Возьмем за отправную точку Грамматический словарь (Зализняк 2003), в котором 69 существительных имеют помету о том, что род. мн. затруднителен или отсутствует (исключая составные слова типа *куча-мала* и слова, для которых затруднительны и другие формы, например *каюк*). Все, за исключением восьми из них (*шнка*, *иго*, *эхо*, *майя*, *райя*, *беремя*, *темя*, *пакля*), относятся к акцентной парадигме *b*: ударение всегда падает на окончание (но вынужденно сдвигается на корень, если окончание нулевое, то есть как раз в род. мн.), что заставляет вспомнить о гипотезе К. Перцовой.

Сосредоточимся на акцентной парадигме *b*: какие существительные в ней имеют лакуну, а какие — нет? Я извлек все (не только дефектные, а все) принадлежащие к ней существительные из Грамматического словаря и поверил его суждения о дефектности корпусными данными: является ли частотность род. мн. аномально низкой? Большинство существительных слишком редки, чтобы НКРЯ позволял оценить это, поэтому некоторые я выборочно проверил микроопросом носителей. Из-за ограничения на размер статьи я опущу все технические детали и приведу обобщенные (и упрощенные) результаты в таблице 1. Отмечу лишь, что данным опроса (при их наличии) я отдавал приоритет над корпусом и словарем: так, редкое в корпусе *мечт* большинство носителей порождает без колебания, в то время как однозначное, казалось бы, *словец* вызывает затруднения. Все примеры сомнительных форм, которые я привожу ниже, также взяты из результатов опроса.

Лексема	Лакуна	Лексема	Лакуна	Лексема	Лакуна
<i>айва</i>	да	<i>карга</i>	да	похвала	
<i>бадья</i>		<i>кишка</i>		пята	
<i>балда</i>	да	клевета		<i>скуфья</i>	да
<i>башка</i>	да	<i>княжна</i>		<i>словцо</i>	да
<i>божество</i>		конура		<i>статья</i>	
булава		<i>корчма</i>		<i>существо</i>	
<i>вещество</i>		<i>кочерга</i>	да	тамада	да
<i>волшебство</i>		<i>кружевцо</i>		<i>тесма</i>	да
<i>воровство</i>	да	<i>крутизна</i>	да	<i>торжество</i>	
ворожея		<i>ладья</i>		<i>тоска</i>	да
<i>вражда</i>	да	<i>мастерство</i>	да	<i>треска</i>	да
госпожа		мгла	да	<i>хвала</i>	да
гряда		<i>мечта</i>		<i>чадра</i>	да
<i>гурьба</i>	да	<i>мзда</i>	да	<i>чалма</i>	да
<i>гюрза</i>	да	<i>мольба</i>	да	чепуха	да
<i>деревцо</i>	да	мулла		чешуя	
<i>естество</i>		пелена		швея	
<i>жилье</i>	да	питие		шляя	
житие		<i>питье</i>	да	ячяя	
<i>казна</i>	да	<i>полынья</i>			

Таблица 1. 59 существительных парадигмы *b*, для которых наличие или отсутствие лакуны надежно установлено. Полужирным выделены слова с кластером согласных на конце основы, курсивом — случаи, когда кластер не имеет беглого гласного по историческим причинам

Существенно, что бинарное представление лакун (есть или нет) — значительное упрощение реальности, на самом деле лакуны — градуальное явление.

Легко заметить, что большинство лакун действительно возникают в тех формах родительного падежа, которые должны были бы оказаться односложными. Обращает на себя внимание еще один фактор, который, насколько я знаю, ранее в литературе не описывался: многие из дефектных существительных имеют на конце основы кластер согласных (все существительные с кластером в таблице 1 выделены полужирным). Такие кластеры создают дополнительную неуверенность для носителей. В первую

очередь, неочевидно, нужно ли в род. мн. восстановить беглый гласный: *гурьб* или *гуреб*, *карг* или *карёг* (о причинах этого ниже)?

Если гласный восстанавливать, то какой именно: *скуфей* или *скуфий*? Куда именно должно падать ударение: *казён* или *ка́зен*? Известно, что акцентные парадигмы часто представляют трудность для носителей и что в узусе наблюдается большая вариативность (Лефельдт 2006: 107–127).

Если же гласный не восстанавливать, то в род. мн. слово оканчивается на кластер согласных, который во многих случаях является очень редким (по данным подкорпуса НКРЯ со снятой омонимией, из представленных в таблице кластеров редки *-йв*, *-дьй*, *-лд*, *-шк*, *-бств*, *-рз*, *-зн*, *-рг*, *-фьй*, *-сьм*, *-др*, *-лм*) и в некоторых случаях интуитивно кажется труднопроизносимым (что сложно измерить). Таким образом, пытаюсь породить редкую форму редкого слова, носитель, вероятно, встречает некоторое фонетическое сопротивление и не получает никакой поддержки от знакомых аналогичных форм.

Откуда же берутся сомнения в том, есть ли в форме беглый гласный? Часть случаев объясняется тем, что редуцированного в кластере исторически не было: это заимствования (*айва*, *башка*, *казна*, *тесьма*, *скуфья* и др.), слова со сложной историей (*кочерга*, которая предположительно является результатом контаминации *кочера* и *клюка* (Черных 1999: 437–438)), результаты аналогического выравнивания (др.-рус. *мьчѣта*, *мьчѣть* должно было бы дать *мечта*, *мчет*, но двойные чередования в русских существительных всегда выравниваются (Галинская 2015)). Все они выделены в таблице 1 курсивом.

Следует отметить, что беглый гласный может возникать и при отсутствии редуцированного: как в им. ед. (*рынок*), так и в род. мн. (*арок*, *калек*, *розг*), а также за пределами именного склонения (*тесёмка*). По-видимому, на легкость «внедрения» беглого влияет наличие аналогичных контекстов (для слов с исходом основы на *-к* — чередование в словах с соответствующим суффиксом). Вероятно, роль играют также частотность лексемы и частотность словоформы.

Можно предположить, что похожим образом объясняется, почему исчезает исторически существовавшее чередование (почему не *мёзд*, *мёгл* из *мьздъ*, *мьгль*): для редких форм чередование, не подкрепленное аналогией с другими формами, может в течение нескольких поколений забыться, затем сомнительная форма будет избегаться, а возникшая лакуна будет выучена, ср. Daland et al. 2007.

Предварительный статистический анализ (логистическая регрессия на материале таблицы 1) показывает, что значимыми предикторами лакуны являются общая частотность лексемы, наличие кластера на конце ос-

новы, а также односложные (или бессложные: *мзда*, *мгла*) основы. Абсолютные правила, однако, сформулировать невозможно: процесс возникновения лакун (как и другие языковые процессы) в некоторой степени случаен (особенно та его часть, которая связана с закреплением нормы и отношением к ней носителей), его можно описать лишь в вероятностных терминах.

Новый описанный фактор (кластер согласных, особенно не имевший редуцированного или утративший его) повышает вероятность лакуны, создавая для носителей сразу несколько конфликтов (многие из которых не имеют хорошего решения). Более полная проверка этой гипотезы (и любой другой гипотезы о лакунах) должна проводиться с помощью систематических количественных исследований, как корпусных, так и экспериментальных.

Я благодарен Алексею Козлову и Александру Пиперски за ценные замечания (А. К. я обязан, в частности, примерами внедрения беглого гласного), а юбиляру — за многое, в том числе за знакомство с морфологией (которая не бессильна).

Литература

- Галинская Е. А. 2015. Историческая грамматика русского языка: Фонетика. Морфология. М.: Ленанд.
- Зализняк А. А. 2003. *Грамматический словарь русского языка*. М.: Русские словари.
- Лefeldт В. 2006. *Акцент и ударение в русском языке*. М.: ЯСК.
- Черных П. Я. 1999. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Т. I. М.: Русский язык.
- Albright A. 2003. A quantitative study of Spanish paradigm gaps. In: G. Garding, M. Tsujimura (eds.). *WCCFL 22: Proceedings of the 22nd West Coast Conference on Formal Linguistics*. Somerville, MA: Cascadilla Press, 1–14.
- Baerman M. 2008. Historical observations on defectiveness: The first singular non-past. *Russian Linguistics*, v. 32, n. 1, 81–97.
- Daland R., Sims A. D., Pierrehumbert J. 2007. Much ado about nothing: A social network model of Russian paradigmatic gaps. In: A. Zaenen, A. van den Bosch (eds.). *Proceedings of the 45th annual meeting of the Association of Computational Linguistics*. Madison, WI: Omnipress, 936–943.
- Pertsova K. 2005. How lexical conservatism can lead to paradigm gaps. *UCLA Working Papers in Linguistics*, n. 11 (M. Heinz, K. Pertsova (eds.). *Papers in Phonology*, v. 6), 13–30.

Гуд бай, морфология?

С. М. Евграфова

Российский государственный гуманитарный университет; evgraffs@yandex.ru

Скромные лингвистические изыскания автора настоящей статьи весьма далеки от ключевых для лингвистики проблем, которыми успешно занимается В. А. Плунгян. Впрочем, выпускники ОСиПЛа, как известно, занимаются всем на свете. Некоторые (да простит великий Соссюр!) занимаются речью, щедро представленной в студенческих работах, — письменной, но живой, необработанной. Она кажется то нагромождением случайных описок, то результатом некорректного наблюдения. Однажды, процитировав на конференции высказывания студентов, я услышала вопрос: «Они у вас умственно неполноценные?» Разумеется, нет, но нынешние студенты, в противоположность Чацкому, пишут — почти как говорят. Почти — потому что на письме всегда косвенно отображается еще и запечатленный в подсознании образ «красивого» текста, обусловленный кругом чтения пишущего. И лингвиста, исследующего подобный языковой материал, от комплекса неполноценности спасает лишь утешительное замечание В. А. Плунгына: «Иногда кажется, что если бы теоретики языка чаще анализировали то, как люди на самом деле говорят, мы были бы давно избавлены от множества грамматических мифов и иллюзий» (2008: 8).

Необработанную письменную речь (НОПР)¹ игнорировать непозволительно: развитие онлайн-коммуникации превратило это маргинальное явление (традиционная письменная речь предполагала обдумывание, часто — наличие черновика и редактирование) в едва ли не основную форму существования письменной речи. А потому анализ фактов НОПР может обнажить интересные тенденции в развитии языка.

Русский язык отличается богатой и гибкой морфологией, особенно если включать в нее и словообразование (Плунгян 2016: 15). Морфологическая ориентированность является типологической чертой русского языка,

¹ Изучать бытовые, необработанные тексты — например, записки школьников, граффити и под. — лингвисты начали в конце XX в.; обычно использовали термин *естественная письменная речь* (Лебедева 2001, Евграфова 2014), однако термин *необработанная письменная речь* представляется более точным.

но тенденции, наблюдаемые в узусе, заставляют предположить, что и формообразование, и словообразование находятся под угрозой.

Формообразование подвергается атакам со стороны языка документов (*в селе Бородине* → *в селе Бородино*), причем, как свидетельствуют выступления тех, кто *живет в Бескудниково*, и *жителей Колпино* против склоняемости топонимов такого типа, эти формы прижились в разговорной речи. Наступает на морфологию и реклама: нормальные для несклоняемых существительных и прилагательных сочетания типа *запах кофе* или *апельсины цвета беж* (русская морфология склонна превращать их в *кофейный запах* и *бежевый цвет*) вдруг распространились на области, где традиционно господствовала склоняемость: *Почувствуйте скорость с вашим новым «Фольксваген»!* и даже *Попробуйте зефир со вкусом вишня!* (без кавычек и шрифтового выделения). Невольно возникает подозрение, что скоро *все будет кока-кола*.

Кроме того, в НОПР все чаще встречаются случаи некорректного употребления словоформ — это свидетельствует об ослаблении функции контроля за синтаксической правильностью высказывания, которую, наряду с прочими, выполняет русская морфология (Евграфова 2019: 271).

Наблюдения над словообразованием говорят об ослаблении роли аффиксов. Так, в русском языке расширяются возможности словосложения (Кочеткова 2005); в письменной речи неопытных пишущих постоянно смешиваются паронимы, семантические различия между которыми определяются именно аффиксами (например, школьница пишет об *органическом существовании* сентиментализма с романтизмом в начале XIX в., имея в виду, что они *органично сосуществовали*, а ученый заявляет, что *характер*² *анализа и восприятия художественного текста не является прирожденным* (из статьи Н. Левакина), явно используя слово *прирожденный* вместо *врожденный*).

Но все-таки подобные явления частотны лишь в индивидуальных языковых системах³ отдельных носителей — правда, наблюдаемые отклонения заставляют усомниться в том, что дети полностью осваивают словообразование уже к началу школьного обучения. Так, в Евграфова 2014: 259 приводится фантастический пример из сочинения одиннадцатиклассницы: *Мещанинство бездумчиво перенимало новые теории, не инте-*

² Авторская неточность: речь идет о способности анализировать и воспринимать художественный текст.

³ Л. В. Щерба в знаменитой статье «О тroyаком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» ввел термин *индивидуальная речевая система*, но его победил вариант *индивидуальная языковая система*.

ресуясь их реализацией (в значении «мещане, следуя моде, повторяли чужие мысли, не вдумываясь в их реальный смысл»). Как следствие подобных процессов — в сознании носителя языка, по-видимому, размываются границы означающего и означаемого языкового знака (Евграфова 2018: 202).

В целом же морфологично само русское мышление. Исследования детской речи показывают: ребенок, осознавший, что слово можно разъять на понятные фрагменты, стремится использовать их, чтобы расширить собственные возможности выразить мысль (Гридина (ред.) 2012). Такой ребенок мыслит — и тут же отражает свое видение ситуации в речи; его словарный запас недостаточен, но он способен передавать сложные оттенки смыслов, создавая окказионализмы, внутренняя форма которых прозрачна и понятна и ему самому, и собеседнику. Татьяна Ушакова (пост на фейсбуке от 15.02.2020) приводит примеры из речи своей дочери-дошкольницы:

- (1) *Мама! Горка-то закрепила! Вот теперь надо ждать, когда растеплится, — и сразу еще больше приснеживать, приснеживать! Потом опять она изморозится как следует, можно уж будет скатываться! Она будет непровалимая!*

Процессы понимания в русском языке сохраняют связь со словообразованием очень долго, поэтому школьники и студенты, когда сталкиваются с незнакомым словом, ищут его внутреннюю форму, нередко — порождая забавные ошибки (Евграфова 2018: 202).

Русская морфология питает поэзию и порождает языковую игру. Исследуя детскую лингвокреативность, Г. Р. Доброва отмечает, что склонность к словообразовательным инновациям ярче всего проявляется у девочек из семей с высоким социальным статусом, предпочитающих референциальные (аналитические) стратегии освоения языка (Доброва 2012: 33, 46). Можно предположить, что так называемые экспрессивные дети, предпочитающие стратегию имитации (Доброва 2009), будут стараться найти готовые формулы, приблизительно подходящие к ситуации.

Склонность к анализу или, наоборот, имитации можно обнаружить и у взрослых, в научных текстах. «Имитаторы» склонны к эклектике — характерный пример разбирается в Евграфова 2016: 501: подобрав подходящие фрагменты чужой речи, «имитаторы» часто сталкиваются с проблемами их синтаксической и семантической стыковки.

«Аналитик» стремится отобразить языковыми средствами существенные для него детали картины мира, ее элементы и отношения, для чего нередко вырабатывает собственный язык; очевидные для него утвержде-

ния он может синтаксически редуцировать, активно используя механизмы словообразования. Рассмотрим пример:

- (2) ...такой подход к текстам Мандельштама позволяет встроить его творчество в картину **апокалиптики** рубежа веков и ее осмысление в художественном сознании эпохи. Мы имеем в виду **общесимволистское** понимание Второго Пришествия как реализации, условно говоря, **иудео-христианства**, в противовес столь же, условно говоря, **иудео-эллинизму** Первого Пришествия (из статьи Л. Кациса).

Автор использует слова в нестандартных значениях (*апокалиптика*) или создает «терминоподобные» лексемы: *общесимволистский* ‘общий для всех символистов’, *иудео-христианство* ‘идеология, соединяющая иудейские и христианские представления’, *иудео-эллинизм* ‘идеология, соединяющая иудейские и эллинистические представления’. Подобные образования могут носить окказиональный характер и не обязательно закрепляются как термины даже в работах одного автора.

Научная речь не ориентирована на языковую игру (в отличие от художественной речи, публицистики, рекламы, разговорной речи) и потому использует стандартные словообразовательные модели. Сферы коммуникации, допускающие языковую игру, в большей степени эксплуатируют членимость, основанную на фонетических созвучиях (вспомним замечательные словечки *ковидиот* и *карантье*, порожденные пандемией коронавируса).

Морфология тесно связана с синтаксисом и семантикой и является для русского языка «несущей конструкцией», но шаблонное обучение, тесты, некорректное изучение словообразования мешают школьникам развивать аналитические и творческие способности. В заключение хочется добавить, что младшее поколение носителей языка, замученное в школе тестами, высоко ценит шутку и языковую игру, считая их проявлением интеллекта в коммуникации. В зависимости от врожденной склонности к «аналитическим» или «имитирующим» стратегиям освоения языка и под влиянием школьного обучения одни предпочитают цитаты и мемы, другие жонглируют морфемами. И любители морфологии, пожалуй, оказываются более креативными. Вот почему, читая литературоведам курс «Введение в языкознание», я всегда советую студентам почитать учебник Плуноян 2016...

Литература

Гридина Т. А. (ред.). 2012. *Лингвистика креатива-2*. Коллективная монография. Екатеринбург: УрГПУ.

- Доброва Г. Р. 2009. О вариативности речевого онтогенеза: референциальная и экспрессивная стратегия освоения языка. *Вопросы психолингвистики*, №9, 53–70.
- Доброва Г. Р. 2012. Креативность языковой личности в аспекте вариативности речевого онтогенеза. В кн.: Т. А. Гридина (ред.). 2012. *Лингвистика креатива-2*. Коллективная монография. Екатеринбург: УрГПУ, 33–48.
- Евграфова С. М. 2014. Феномен естественной письменной речи и его влияние на языковую систему. В сб.: И. П. Кюльмоя (отв. ред.). *Acta Slavica Estonica V. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XVI. Антропоцентризм в языке и речи*. Тарту: Изд-во Тартуского университета, 248–260.
- Евграфова С. М. 2016. К проблеме эклектичности учебно-научного текста. В сб.: Т. М. Свиридова (отв. ред.). *V Селищевские чтения: международный сборник научных трудов, посвященный 130-летию со дня рождения А. М. Селищева*. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 500–508.
- Евграфова С. М. 2018. Лексическая семантика в эпоху виртуальной коммуникации: к проблеме освоения терминологии. *Известия РПГУ им. А. И. Герцена*, №189, 199–210.
- Евграфова С. М. 2019. Уровни языка и языковые механизмы с позиций асимметрии языковой системы. В сб.: Г. Д. Фигуровская (науч. ред.). *Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 120-летию со дня рождения профессора Ивана Александровича Фигуровского*. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 270–279.
- Кочеткова Т. И. 2005. *Словосложение как средство номинации и предикации в современном русском языке*. Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. Москва: МГОУ.
- Лебедева Н. Б. 2001. Естественная письменная русская речь как объект лингвистического исследования. *Вестник Барн. ГПУ. Серия: Гуманитарные науки*, №1, 6–12.
- Плунгян В. А. 2008. Предисловие: дискурс и грамматика. В сб.: В. Ю. Гусев, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). 2008. *Исследования по теории грамматики*. Вып. 4: *Грамматические категории в дискурсе*. М.: Гнозис.
- Плунгян В. А. 2016. *Общая морфология: Введение в проблематику*. 5-е изд. М.: ЛЕНАНД.

Фонетика и фонология

Per aspera ad astra: нули и звездочки в русской морфонологии

П. В. Иосад

Эдинбургский университет; pavel.iosad@ed.ac.uk

Поведение беглых гласных — одна из центральных проблем русской (и вообще славянской) морфонологии. Неудивительно, что «славянские еры» были выбраны как предмет специальной статьи Scheer 2011 в фундаментальном сборнике, отражающем достижения современной фонологической теории, наряду с такими знаменитыми явлениями, как кельтские мутации начальных согласных или французский *liaison*.

В русском языке анализа требует не только сам факт беглости гласных, но и их качество. Чередования сегмента с нулем в принципе могут анализироваться либо как вставка гласного, отсутствующего в глубинном представлении, либо как удаление гласного, присутствующего на входе в деривацию. Существование двух беглых гласных в таких языках, как русский (*день* ~ *дня*, *сон* ~ *сна*) и словацкий, — важнейший аргумент в пользу второго анализа: правило вставки должно объяснять не только наличие гласного, но и его качество, а если качество непредсказуемо, то такой анализ оказывается невозможен.

Насколько же предсказуемо качество беглого гласного в русском языке? Согласно Т. Шееру, не вполне. Несмотря на то что в основном беглый <о> встречается после твердых согласных, а беглый <е> — после мягких, в русском языке наблюдаются и пары вроде *лёд* ~ *льда*, с беглым <о> после мягкого согласного. Следовательно, заключает Т. Шеер, беглость — это лексическое свойство некоторых (но не всех) гласных среднего подъема. К сходным выводам приходит, например, И. Б. Иткин (2007), согласно которому беглые /e/ и /o/ следует считать отдельными фонемами, отличными и друг от друга, и от устойчивых /e/ и /o/.

На этом фоне знаменательно, что многие важнейшие работы по славянской морфонологии обходятся одним-единственным беглым гласным в глубинных представлениях. Таков, например, анализ в основополагающей книге Halle 1959, где со ссылкой на диссертацию Klagstad 1954 (*non vidimus*) беглые гласные обозначаются символом <#>, который приобретает признаки качества из контекста. То же решение, конечно,

принято и А. А. Зализняком в «Русском именном словоизменении», где беглым гласным соответствуют в условных записях звездочки <*>, вполне регулярно переходящие либо в Ø, либо в <e> (графически иногда <и>) или <o>. А. А. Зализняк пишет: «Весь переход от символа * к его фонетической (или орфографической) реализации регулируется стандартными правилами, не использующими никакой информации, кроме сведений о его окружении и о месте ударения» (Зализняк 1967: 251). Правило это можно сформулировать так: передние гласные появляются перед <j>, а также в позиции между <j>, шипящими согласными, <ц> или <'> и <ц>, <л'>, <н'>. Из сформулированного таким образом правила исключений очень мало: А. А. Зализняк (1967: 260–261) насчитывает их не более тринадцати, из которых три заведомо нерегулярны (корни *один-*, *ящ-*, *кочан-* с совершенно исключительными беглыми гласными верхнего или нижнего подъема¹), еще как минимум три — славянизмы с тем же беглым *и* (*епитимья*, *ектенья*, *манатья*), а в словах *сумерки*, *кочерга* нерегулярно себя ведет не беглый гласный, а согласный: в GEN.PL ожидалось бы **сумерок*, **кочерог* (ср. *задворки*, *шкварки* против *зорьки*, *гирьки*). В чистом остатке, таким образом, находим всего-навсего пять случаев с непредсказуемым гласным: *хребет*, *лев*, *тьма*, *корчма*, *судьба* — и все они принадлежат к одному типу с незакономерным *e*.

Чем же объяснить такое расхождение? Почему в теоретической фонологической литературе случаи типа *лѣд* рассматриваются как свидетельство непредсказуемости качества беглых гласных, хотя русистам известно, что для них можно сформулировать общее правило с минимальным количеством исключений? Ключ к ответу — подход к статусу мягких и твердых согласных. Как мы видели, правила прояснения «звездочки» предполагают, что мягкость (по крайней мере морфонологическая) окружающих ее согласных присутствует уже в условной форме, что и позволяет сформулировать необходимые правила.

В рамках порождающей фонологии этот путь был закрыт после того виража, заложенного в середине 1960-х годов, когда появились работы М. Халле (например, 1963) и Т. Лайтнера (включая диссертацию Lightner 1965) о русской и польской фонологии. Они-то во многом и заложили фундамент таких порождающих подходов, в которых глубинные представления во многом совпадали с реконструируемыми праформами, а деривационные правила — с диахроническими изменениями. На славянском материале это выражалось, в частности, в синхронном постулировании «ненапряженных» гласных /i/ и /ǐ/, соответствующих *ь и *ь̄,

¹ И. Б. Иткин (2007) указывает еще на уникальное *сѣмга* ~ *сѣмужка*.

которые подвергались правилу «понижения» (прояснения) перед ером в следующем слоге и удалению во всех прочих позициях. Существенно, что «понижение» применяется *после* смягчения согласных перед передним гласным (включая /i/), так что мягкость всех согласных даже в ауслауте можно вывести по этому правилу (/dʲinʲi/ → /dʲinʲi/ → [dʲenʲ]). Благодаря этому аналитическому ходу мягкие согласные полностью исключаются из глубинных представлений и не могут влиять на качество беглого гласного, как того требует традиционный анализ. Насколько убедительным представлялось такое решение, хорошо показывает тот факт, что анализ с двумя глубинными ерами был широко принят и, например, для польского языка (ср. Gussmann 1980), где разница между беглыми гласными заключается не в их качестве, а только в смягчении предшествующего согласного (ср. *dzień*, но *sen*)². У. Хамилтон (Hamilton 1976) удачно назвал этот подход «вся власть — гласным» (*vowel power*).

Если мягкость согласных выводится только из последующих передних гласных, то слова типа *лѐд* требуют дополнительного объяснения: поверхностная последовательность [C'o] может быть создана только из глубинной /Ce/, например с помощью правила типа «e → o перед твердым согласным». Уже одно это показывает, что подход типа «вся власть гласным» никак не может быть верным: случаев, где поверхностная последовательность [C'o] не выводится из /Ce/, в русском языке множество. Глубинные /o/ после мягких согласных необходимо постулировать в словах типа *тѣтя* (где [o] перед мягким согласным не поддерживается деривационной историей), *несѣте* (где тематический гласный под ударением всегда выглядит как [o], даже перед мягким согласным) или *бельѣ* (где отсутствует последующий твердый согласный). Таким образом, мягкость согласных нельзя вывести (только) из последующих передних гласных. Список аргументов в пользу этой позиции можно, конечно, и расширить другими непередними гласными после мягких согласных (*мясо*³, *тюль*...).

Следствием реабилитации мягкости в глубинных представлениях («вся власть — согласным») должен был бы стать пересмотр вопроса о качестве беглых гласных. Этого, однако же, в рамках порождающей фоноло-

² Это не вполне справедливо, так как два ера отличаются еще поведением при «аблаутном» чередовании: *zamek* ~ *zamknę* ~ *zamykać*, но *wycięcie* ~ *wytnę* ~ *wycinać*. Это обобщение не покрывает также беглые гласные с исторически вторичным качеством (*osioł*, *kocioł*).

³ Т. Лайтнер выводит *мясо* из глубинного /mʲinsʲo/. Развитие малого юса в [ʲa] оставило в русском языке обширное морфонологическое наследие, в первую очередь в глагольной морфологии (ср. Иткин 2007: §3.0, §5.5), но постулировать сочетание гласного с носовым без поддерживающих чередований — решение скорее сомнительное.

гии русского языка не произошло, и даже сравнительно недавние работы оперируют двумя (а иногда и тремя) глубинными беглыми гласными. Важное исключение — диссертация Farina 1991, где предложен «одноеровый» анализ, выводящий качество гласного из мягкости предшествующего согласного. К сожалению, этот анализ нельзя назвать удачным: в дополнение к справедливой критике Т. Шеера (Scheer 2010), указавшего на непроработанность вопросов, связанных с чередованием $e \sim 'o$, следует отметить, что во многих случаях он опирается на примеры *безударных* прояснившихся гласных — но после твердых согласных возможен только беглый /o/, а после мягких противопоставление /e/ ~ /o/ в безударной позиции нейтрализуется, так что подобные примеры для определения качества гласного решительно бесполезны.

Камнем преткновения для подходов, исходящих из предсказуемого качества беглого гласного, остается чередование $e \sim 'o$. Так, в уже цитированной работе Hamilton 1976, где также предлагается «одноеровый» анализ, оно выводится из гипотетического правила /o/ → /e/ /C' C', которое еще менее адекватно реальности, чем традиционное в порождающей фонологии правило $e \rightarrow o$ (см. об этом специально Иткин 2007: 235). Именно поэтому Т. Шеер (2010) утверждает, что анализ с непредсказуемым качеством беглых гласных — единственно возможный для русского языка. Нам этот пессимизм все же представляется преждевременным: удалось же А. А. Зализняку сформулировать свое правило прояснения звездочек! Это правило можно слегка переформулировать так: звездочки переходят по умолчанию в *o*, кроме определенных контекстов, в которых появляется *e*, а именно после мягких согласных перед некоторыми (но не всеми) мягкими согласными. Таким образом, качество беглого гласного регулируется даже не столько мягкостью *предшествующего* согласного, сколько тем, требует ли переднего гласного *правый* контекст. Это условие практически в точности воспроизводит контекст для чередования устойчивых $e \sim 'o$, где мы наблюдаем *e* только после мягких согласных перед некоторыми, но не всеми, мягкими согласными (Иткин 2007, Иосад 2020). Единственное различие заключается в том, что среди устойчивых гласных мы имеем дело еще с большой группой морфем с нечередующимся *e* («морфонемой {ɤ}») типа *белый*, но в случае беглых гласных мы видели, что таких примеров (типа *лев*) исчезающе мало.

Итак, качество беглых гласных в русском языке в основном предсказуемо: звездочка проясняется в *o*, кроме тех случаев, когда присутствия *e* требует общее правило, регулирующее чередование $e \sim 'o$. Таким образом, «одноеровый» анализ русского языка вполне жизнеспособен. Здесь мы укажем лишь на два важных следствия. Во-первых, это может представлять собой дополнительный аргумент против прочно укорененного в

порождающей фонологии славянских языков подхода, отрицающего фонемный статус мягких согласных. Во-вторых, поведение беглых гласных оказывается прочно связано с чередованием $e \sim 'o$, а оно, в свою очередь, тесно взаимодействует с морфологией и демонстрирует свойства, приурочивающие его к основообразующей грамматике в стратификационных моделях морфонологии (Bermúdez-Otero 2018, Иосад 2020). Представляется, что стратификационный подход открывает интересные перспективы и в анализе самих беглых гласных: отметим здесь чередования беглых и устойчивых гласных в основах различной частеречной принадлежности (ср. устойчивый гласный в *месть*, (*o*) *мести*, (*в*) *отместку* при беглом в (*ото*)*мстит* и отглагольном *мстител*ь) или при словообразовании (ср. отмеченные еще А. А. Зализняком формы типа *лобик*, *пёсик* при *лба*, *пса*), а также чередование беглых гласных с нулем в именах типа *игла*, *мышца* (*игл*, *мышц* при *иголка*, *мышечный*). Эта связь лишь подчеркивает, как важно учитывать морфологию при морфонологическом анализе, особенно в языках наподобие русского, где они сплетены столь тесно.

Литература

- Зализняк А. А. 1967. *Русское именное словоизменение*. М.: Наука.
- Иосад П. В. 2020. Морфонологическая стратификация в русском языке. *Rhema. Рема*, вып. 1, 36–55.
- Иткин И. Б. 2007. *Русская морфонология*. М.: Гнозис.
- Халле М. 1963. О правилах русского спряжения (предварительное сообщение). В сб.: *American contributions to the Fifth International Congress of Slavists, Sofia, September 1963*. V. 1: *Linguistic contributions*. The Hague: Mouton, 113–132.
- Bermúdez-Otero R. 2018. Stratal Phonology. In: S. J. Hannahs, A. R. K. Bosch (eds.). *The Routledge handbook of phonological theory*. London; New York: Routledge, 100–134.
- Farina D. M. 1991. *Palatalization and jers in modern Russian phonology: An underspecification approach*. PhD. Champaign: University of Illinois at Urbana-Champaign.
- Gussmann E. 1980. *Studies in abstract phonology*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Halle M. 1959. *The sound pattern of Russian*. 's Gravenhage: Mouton.
- Hamilton W. S. 1976. Vowel power versus consonant power in Russian morphophonemics. *Russian Linguistics*, v. 3, n. 1, 1–18.
- Klagstad H. L. 1954. *Vowel-zero alternations in Modern Standard Russian*. PhD. Cambridge, MA: Harvard University.
- Lightner T. M. 1965. *Segmental phonology of Modern Standard Russian*. PhD. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology.
- Scheer T. 2010. Why Russian vowel-zero alternations are not different, and why Lower is correct. *Язык и речевая деятельность*, т. 9, 77–112.
- Scheer T. 2011. Slavic yers. In: M. van Oostendorp, C. J. Ewen, E. Hume, K. Rice (eds.). *The Blackwell companion to phonology*. V. 5. Oxford: Blackwell.

Сингармонизм и другие типы ассимиляции гласных в глаголе языка дабида

Н. В. Макеева, И. С. Рябова

Институт языкознания РАН

umuta11@yandex.ru; irinaryabova2007@rambler.ru

1. Введение

Язык дабида (*kidaβida*, банту, E74a) распространен в юго-восточной части Кении, где численность его носителей (*βadaβida*) достигает 300 тыс. человек (Philippson, Montlahuc 2003: 475), и на северо-востоке Танзании вблизи кенийской границы, где на нем говорят около 27 тыс. человек (joshuaproject.net). Это миноритарный младописьменный язык, представленный взаимопонимаемыми диалектами и относящийся к языковой общности банту Килиманджаро (Kilimanjaro Bantu), которая включает около десяти генетически близких языков Кении и Танзании (Philippson, Montlahuc 2003: 475).

Данная статья основана на материалах, полученных в ходе работы с двумя носителями диалекта мбололо — кенийскими студентами Дунканом Ньямбу и Майклом Мвамба.

В статье рассматривается «глагольный» сингармонизм, под которым авторы понимают чередования гласных, сопровождающие образование производных глагольных лексем. Дабида демонстрирует канонический для языков банту вид сингармонизма — компактный (по признаку подъема). Он же дает примеры менее типичных для глагола банту случаев морфонологической ассимиляции, как контактной, так и дистантной.

2. Морфологическая структура глагола дабида

Структура глагольной словоформы дабида является типичной для языков банту и может быть представлена в аффирмативе следующей схемой:

Subject — TA — Object — [Root — Extensions] — Prefin — Final — Suffix,

где Subject и Object — субъектный и объектный классно-лично-числовые показатели соответственно, Root — глагольный корень, Extensions — так

называемые «расширители основы» (прежде всего, показатели актантной деривации и залога), TA и Final — формативы, образующие сложный аффикс, который выражает различные аспектно-темпоральные значения, Suffix — слот, в котором, как правило, выражается мн. ч. в императиве, позицию Prefin занимает дуративно-итеративный аффикс *-Vu-*. Позиции Subject, TA, Prefin и Suffix являются в частном случае нулевыми. Глагольный сингармонизм действует только в пределах глагольной основы, которая, помимо корня, может включать также деривативные аффиксы (эта часть глагольной словоформы выделена на схеме квадратными скобками).

3. Дистантная ассимиляция в глагольной словоформе дабида

3.1. Сингармонизм

Как и большинство языков банту, дабида имеет пятичленную вокалическую систему:

<i>i</i>	<i>u</i>
<i>e</i>	<i>o</i>
<i>a</i>	

Для глагольного корня языка дабида характерно ограничение на сочетаемость гласных, которое заключается в том, что в пределах корня могут сосуществовать только гласные, относящиеся к несмежным уровням подъема: гласные среднего подъема /o, e/ оказываются несовместимыми с гласными верхнего и нижнего уровней подъема /i, u, a/: *-βanik-* ‘вешать’, *-suvuri-* ‘надеяться’, *-kimbi-* ‘бежать’, *-kai-* ‘жить’, *-soyod-* ‘приближаться’.

Как и в большинстве языков банту, фонологической структурой большей части глагольных корневых морфем является структура C_1VC_2 (где возможно появление глайда *w* после C_1 и гоморганного назального *N* перед C_2): *-diβ-* ‘охотиться’, *-dek-* ‘готовить’; небольшое число корней представлены структурами VC, CV, C, Cw: *-ak-* ‘гореть’, *-ki-* ‘спасать’, *-tf-* ‘приходить’, *-fw-* ‘умирать’. Глагольные корни с более сложной структурой, такой как CVCV, (C)VNCV, CVCVC, CVCVCV, исторически восходят к корням, расширенным деривативными аффиксами, однако на синхронном уровне должны рассматриваться как непрямые: *-finu-* ‘удивлять’, *-dumbu-* ‘резать’, *-βeser-* ‘ждать’, *-foyopo-* ‘ушибить’.

Основа глагола может быть простой, т. е. состоящей только из корня, или расширенной (производной), состоящей из корня и одного или (значительно реже) нескольких расширителей. На гласный расширителя основы распространяется правило гармонии гласных по признаку подъема,

которое затрагивает только передние гласные, в терминологии Нутан 2003: 46 — Front height harmony (FHH). В список расширителей основы входят следующие показатели: аппликativa *-i/-e-*, *-ir/-er-*, *-ri/-re-*, каузатива (и интенсива) *-ir/-er-*, *-(r)if/ef-*, *-is/-es-*, реципрока *-an-*, ассоциатива *-an-*, статива/квази-пассива *-ik/-ek-*, реверсива *-u-*, пассива *-(l)w-*. Двумя вариантами представлены только те показатели, гласный которых относится к переднему ряду:

v → i / i, u, a
e / e, o

(1) Аппликатив

<i>-yir-</i> ‘запрещать’	>	<i>-yir-i-</i>
<i>-ram-</i> ‘прыгать’	>	<i>-ram-i-</i>
<i>-dek-</i> ‘варить’	>	<i>-dek-e-</i>
<i>-lomb-</i> ‘просить, молиться’	>	<i>-lomb-e-</i>

(2) Статив

<i>-dim-</i> ‘мочь’	>	<i>-dim-ik-</i>
<i>-kund-</i> ‘хотеть; любить’	>	<i>-kund-ik-</i>
<i>-bar-</i> ‘разбивать’	>	<i>-bar-ik-</i>
<i>-dek-</i> ‘варить’	>	<i>-dek-ek-</i>
<i>-βon-</i> ‘видеть’	>	<i>-βon-ek-</i>

(3) Каузатив

<i>-id-</i> ‘проходить’	>	<i>-id-if-</i>
<i>-ku-</i> ‘быть твердым’	>	<i>-ku-rif-</i>
<i>-βaβ-</i> ‘испытывать боль’	>	<i>-βaβ-ir-</i>
<i>-yoɣom-</i> ‘наклоняться’	>	<i>-yoɣom-ef-</i>
<i>-βon-</i> ‘видеть’	>	<i>-βon-er-</i>

В дабида зафиксированы также единичные случаи полной ассимиляции гласного суффикса гласному корню. Речь идет о вариантах показателей каузатива и аппликativa *-of-* и *-o-*, возникающих при некоторых корнях с гласным о (ср. с примерами из (3)):

(4) <i>-oŋg-</i> ‘сосать грудь’	>	<i>-oŋg-of-</i> ‘кормить грудью’
<i>-ou-</i> ‘мыться’	>	<i>-ou-of-</i> ‘мыть, стирать’
		<i>-yotf-o-</i> ‘испражняться’

В работе Philippson, Montlahuc 2003: 493 упоминается показатель статива-реверсива *-uk/-ok*, гласный которого уподобляется гласному корню. В наших материалах данный показатель отсутствует, а гласный показателя реверсива *-u-*, как и гласные показателя реципрока *-an-* и показателя ас-

социатива *-an-*, не реагирует на вокализм корня: *-kutf-* ‘сжимать’ > *-kutf-u-* ‘разжимать’, *-el-* ‘светлеть’ > *-el-u-* ‘темнеть’; *-nyu-* ‘следовать’ > *-nyu-an-* ‘следовать друг за другом’, *-horesher-* ‘успокаивать’ > *-horesher-an-* ‘успокаивать друг друга’; *-damb-* ‘путешествовать’ > *-damb-an-* ‘путешествовать совместно’, *-ded-* ‘говорить’ > *-ded-an-* ‘беседовать’.

Нельзя не отметить, что гармония внутри глагольной основы действует не всегда. Имеется ряд глаголов, по структуре напоминающих аппликативные дериваты, но не имеющих на синхронном уровне ни аппликативного значения, ни непроемких коррелятов. В таких глагольных основах гармония может не соблюдаться, возможна вариативность: *-kimb-i-* ‘бегать’, но *-tes-i-* ‘помогать’, *-kot-e-* ~ *-kot-i-* ‘спрашивать’.

3.2. Гласный финального показателя *-a*

Нетипичной для языков банту Килиманджаро и для группы банту в целом является встречающаяся в посткорневых элементах глагола дабида регрессивная дистантная ассимиляция.

Подобной ассимиляции подвергается гласный показателя *-a* в позиции Final, который при появлении в позиции Suffix показателя плюралиса императива *-ni* замещается гласным *e* (под влиянием переднего гласного суффикса *-ni*):

(5) <i>fom-a!</i>	→	<i>fom-e-ni!</i>
читать-FIN		читать-FIN-PL.IMP
‘Читай!’		‘Читайте!’

3.3. Гласный дуративно-итеративного аффикса *-Vu-*

Гласный финального показателя, в свою очередь, также может вызывать ассимиляцию гласного предшествующего ему аффикса. Так, показатель *-Vu-*, занимающий позицию Prefin, представлен двумя вариантами — *-au-* и *-eu-*, реализующимися в зависимости от гласного показателя в позиции Final. Суффикс реализуется как *-au-* перед гласным *a* дефолтного финального показателя и как *-eu-* перед *e* перфективной финальной морфемы, внутри которой он инфигируется:

(6) <i>-lim-a</i>	>	<i>-lim-au-a</i>
возделывать-FIN		возделывать-DUR-FIN
<i>-lim-ie</i>	>	<i>-lim-i < eu > e</i>
возделывать-FIN _{PFV}		возделывать-FIN _{PFV} < DUR >

4. Контактная ассимиляция в глагольной словоформе дабида

Гласный показателя конъюнктива *-e*, занимающего позицию Final, подвергается контактной ассимиляции по признаку огубленности после лабиализованных гласных и глайда *w*, глайд в таком случае подвергается усечению:

$e \rightarrow o / u, o, w_$

$w \rightarrow \emptyset / _o$

- (7) *-βeser-* ‘ждать’ → *ku-βeser-e*
 2SG.S-ждать-FIN_{SUBJ}
 ‘ты подождал бы / тебе надо подождать’
- (8) *-taku-* ‘резать’ → *ku-taku-e > ku-taku-o*
 2SG.S-резать-FIN_{SUBJ}
 ‘ты разрезал бы / тебе надо разрезать’
- (9) *-to-* ‘пробовать
 на вкус’ → *βi-to-e > βi-to-o*
 CL2.S-пробовать-FIN_{SUBJ}
 ‘они попробовали бы / пусть отведают’
- (10) *-ɲw-* ‘пить’ → *u-ɲw-e > u-ɲw-o > u-ɲ-o*
 CL1.S-пить-FIN_{SUBJ}
 ‘он попил бы / пусть попьет’

Частный случай контекста для данного правила создает показатель пассива *-w-*, при котором ассимиляции подвергается не только показатель конъюнктива *-e*, но и второй гласный показателя перфектива *-ie*, внутрь которого инфигируется показатель пассива в виде алломорфа *-lw-*:

- (11) *-βway-* ‘убивать’ → *ku-βway-w-e > ku-βway-w-o > ku-βway-o*
 2SG.S-убивать-PASS-FIN_{SUBJ}
 ‘тебе бы быть убитым / пусть тебя убьют’
- (12) *-umb-* ‘создавать’ → *-umb-i <lw> e > umb-i <lw> o umb-i <l> o*
 создавать-FIN_{PFV} < PASS >
 ‘быть созданным’

5. Заключение

В заключение отметим, что гармония гласных в целом типична для языков банту и в наибольшей степени свойственна идиомам с пятичлен-

ной системой гласных. По-видимому, сингармонизм и иные типы вокалической ассимиляции превалировали и в подгруппе банту Килиманджаро, прежде чем в ней началось действие процесса дегармонизации (Philippson, Montlahuc 2003: 494). Язык дабида в существенно большей степени, нежели другие языки подгруппы, сохранил гармонию гласных и в этом отношении разительно отличается от прочих банту Килиманджаро.

Список условных сокращений

1, 2 — лицо; CL1, CL2, ... CL15 — показатель именного класса; DUR — дуратив; FIN — финальный показатель; FIN_{SUBJ} — финальный показатель формы конъюнктива; FIN_{PFV} — финальный показатель формы перфектива; IMP — императив; PASS — пассив; PL — множественное число; S — показатель субъекта; SG — единственное число.

Литература

- Hyman L. M. 2003. Segmental phonology. In: D. Nurse, G. Philippson (eds.). *The Bantu Languages*. London; New York: Routledge, 42–58.
- joshuaproject.net. https://www.joshuaproject.net/people_groups/11462/TZ.
- Philippson G., Montlahuc M.-L. 2003. Kilimanjaro Bantu (E60 and E74). In: D. Nurse, G. Philippson (eds.). *The Bantu Languages*. London; New York: Routledge, 475–500.
- Schadeberg T. C. 2003. Derivation. In: D. Nurse, G. Philippson (eds.). *The Bantu Languages*. London; New York: Routledge, 71–89.

Tonogenesis: Why and how tonal distinctions emerge in a language*

Elena Perekhvalskaya

Institute for Linguistic Studies RAS; elenap96@gmail.com

1. Introduction

Tonal character of certain languages was known long ago, but these languages were considered exotic. The so called “musical accent” of Ancient Greek, Lithuanian, and some Scandinavian dialects, was regarded a different phenomenon. Later it was realized that complicated tonal systems were typical for West Africa (Welmers 1959, Greenberg 1963) and Mesoamerica (Pike 1948). According to the World Atlas of Language Structures (WALS), approximately a half of languages of the World use tonal distinctions. Many languages which previously were not considered tonal, in fact, use suprasegmental distinctive units, cf. descriptions of Japanese as tonal or non-tonal (Haraguchi 1988). Inertia of a “tradition of description” plays a role: similar phenomena are interpreted differently in frames of different traditions. Thus, Lhasa Tibetan is described as a tonal language, and not as a language with syllable accents, because specialists in Sino-Tibetan usually describe meaningful pitch characteristics as tones despite of the fact that tones do not characterize every potential tone-bearing unit. If Lhasa Tibetan were a European language, it probably would have been described as a language with musical accents. This controversy is primarily due to the fact that there is no unanimity in understanding what is “linguistic tone”.

2. Definition of *tone*

There are two definitions of “linguistic tone”. According to a more restricted definition, a *tonal language* uses suprasegmental features which characterize *every* syllable or morpheme (“lexically significant, contrastive, but relative pitch on each syllable” (Pike 1948: 43)); systems where only some seg-

* The study was supported by the Russian Science Foundation, grant 20-18-00250 “Tonal languages of the world: On-line data base and atlas”.

mental units bear suprasegmental features were then labeled languages with “musical accent” or “pitch accent” (see Hyman 2009 for criticism of this notion).

In wider sense, the term *tonal language* is applied to any type of phonetic system where “pitch enters into the lexical realization of at least some morphemes” (Hyman 2006: 229). Consequently, tonal languages differ by *tonal density* (Gussenhoven 2004: 34) which is the ratio between the number of potential tone-bearing units and the number of units, in fact, bearing relevant tones. Languages with high tonal density use all or almost all tone-bearing units for tonal oppositions: an example is Dan-Gweta (South Mande) (Vydrine 2016). However, many tonal languages do not have 100% tonal density. “Even Mandarin ... has root-final ‘neutral’, i.e. toneless syllables” (Gussenhoven 2004).

I will use the term *linguistic tone* in a wider sense.

Disputes about what is “tone” are often due to the fact that the same terms are used to denote different concepts. In English, the word *tone* denotes both linguistic tone and specific suprasegmental units of a particular language. In Russian, the term *тон* is also used to denote “pitch”, which confuses the situation even further.

I propose to distinguish *tone* (linguistic phenomenon), *pitch* (acoustic phenomenon) and *toneme* (specific suprasegmental unit of a concrete language). All the three suprasegmental linguistic phenomena: tone, intonation and stress, use the pitch. Toneme may include not only pitch, but also duration, creaky voice phonation, and other phenomena, not only the pitch proper.

3. Tonogenesis

The question of the emergence of tones in a language is debated. The facts are controversial: they show two-way development of tonal systems — emergence of tones in previously non-tonal languages and, on the contrary, fading and deletion of tonal differences.

There are a number of theories explaining the emergence of certain types of tonemes: e.g. a toneme may develop out of a combination of vowels with the final plosive consonant (Иванов 1975). Another example: the development of the Chinese falling tone from a disappeared suffix -s (Sagart 1998).

These studies explain concrete facts but do not solve the problem of the appearance of tonal contrasts in general. It is often assumed that tonality is an areal trait: it usually characterizes languages of a certain area regardless of their genetic affinity. It was suggested that languages acquire tonal opposition being influenced by neighbors. Some languages were considered *originally to-*

nal (Hmong–Mien for the South-East Asia; Kru for the Western Africa), and therefore, centers of irradiation of tonality. Still other linguists claim that these languages have developed tones also in the course of language contacts. Hypotheses of development of tones under the influence of other languages cause controversy in each specific case (Hombert, Ewan, Ohala 1976, 1979). Besides, theories of tonogenesis deal primarily with systems of high tonal density. Much less is known about the emergence of tonal oppositions in languages with a relatively low tonal density. Sometimes they are regarded as results of the loss of tonal oppositions in certain contexts, but, concrete examples show movement in the opposite direction: varieties of Latvian (Дайравет 2012) and Norwegian (Riad 1999) increase the number of tonal oppositions.

4. Paths of Tonogenesis

Tonogenesis is part of a wider problem of the reason of language changes and the explanation of the direction of these changes. The main factors of language change are: a) influence of other languages; b) internal reorganization of the system. Both factors are relevant for tonogenesis:

(1) Tones “represent a suprasegmental compensation for distinctions lost at either paradigmatic or the syntagmatic level of phonological representation” (Janhunen 1998).

(a) Tone is a substitute for a disappeared segment, most often a consonant or a group of consonants.

(b) Tones arise in the process of the restructuralization of consonant system (Haudricourt 1954).

(c) Tones may arise as a result of the reconstruction of vowel system, as closed vowels are pronounced higher than open ones (Scripture 1902): the simplification of the vowel system with the loss of mid vowels (e, o) can be accompanied by the appearance of tonal contrasts.

(2) Additional contour tones in tonal languages may be due to the merge of two tone bearing vowels: HL > F, LH > R.

(3) New tones may be result of tone sandhi, e.g. in Beijing Chinese in a sequence of two descending-ascending tones, the first one changes into an ascending one (Sagart 1998).

(4) Tonal oppositions may be a result of restructuralization of the accent system: in Serbian, the accent shifted one syllable to the left from the previous position while the high pitch preserved the old position.

(5) Tonal oppositions may emphasize certain semantic proprieties, the low tone in many African language is associated with something large, slow or unclear, while the high tone is associated with small, fast, clear (Westermann

1952), cf.: Mwan *fíén* ‘small’ ~ *gbèntèn* ‘large’; *frúú* ‘fast’ ~ *fṵṵ* ‘slow’; Dan-Blo *séé* ‘small’ ~ *và* ‘big’, *téézà* ‘slim’ ~ *vààzà* ‘fat’. Tonal characteristics, first being emphatic, can become a permanent feature of a word, and then be phonologized into a lexical tone.

(6) Phrase intonation can transform into a tonal opposition through the conversion of the declination to downdrift (automatic) and downstep (non-automatic).

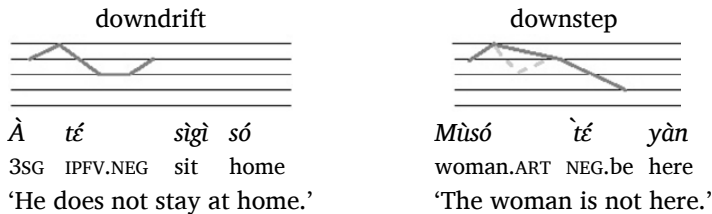

Fig. 1. Downdrift and downstep in Bambara (Vydrine 2016)

The article in Bambara is tonal: it has no segment constituent, but tone is realized through the downstep according to the tonal environment (Vydrine 2016). Another example is Tiv (Southern Bantoid) where the downstep of the high-pitch in the first syllable is a marker of the past habitual (Pulleyblank 1983).

(7) The emergence of tones may be caused by the influence of neighboring languages: languages drawn into areas where tonal systems are dominant acquire phonological tonal differences with greater probability. An example is Cham language(s): Cham varieties of Vietnam have tonal opposition while the varieties of Cambodia do not have them, e.g. Camb. Cham *tuk* ~ Viet. Cham. *tôk* ‘to take’ (Dmitrenko, personal communication). The presence or absence of tones correlates with the tonal or non-tonal character of the dominant language in the area.

5. Tonoexodus

The process of losing tone oppositions is named *tonoexodus* (Evans 2009). The loss of tone contrasts may deal with the neutralization of tones in certain positions (Hyman 2018). It may be also a result of reorganization of the phonological system. The example is Deori (< Tibeto-Burman), spoken in Eastern Assam. In Deori, the transition from the tonal system to a stress one is an inter-generational phenomenon: where elder speakers use tones, younger speakers use an iambic-type stress (Acharyya, Mahanta 2018). The reason is the areal factor, since all the Deori speakers are bilingual and speak Assamese, the dominant language of the region, which is non-tonal.

6. Instead of a conclusion

I decided to write to Vladimir Alexandrovich about tones, because there were rumors that he was afraid of tones. Therefore, I would like to introduce him to tone, pitch and toneme. In fact, what can be more fascinating than the meditation on a tonal curve in Praat?

Abbreviations

3 — 3 person; ART — article; IPFV — imperfective; NEG — negation; SG — singular.

References

- Даугавет А. 2012. *Латышские и литовские слоговые акценты: регистр и контур*. Первая конференция-школа «Проблемы языка: Взгляд молодых ученых» (20–22 сентября 2012 г., Москва, Ияз РАН). https://www.academia.edu/2531511/_Latvian_and_Lithuanian_syllable_accents_register_and_contour_
- Иванов Вяч. Вс. 1975. К синхронной и диахронической типологии просодических систем с ларингализованными или фарингализованными тонами. В сб.: Т. Я. Елизаренкова (ред.). *Очерки по фонологии восточных языков*. М.: Наука, 3–58.
- Acharyya P., Mahanta S. 2018. Production and perception of lexical tone in Deori. In: *Proc. TAL2018, Sixth International Symposium on Tonal Aspects of Languages*, 93–97.
- Evans J. P. 2009. Is there a Himalayan tone typology? *Senri Ethnological Studies*, v. 75, 199–221.
- Greenberg J. H. 1963. *The languages of Africa (Indiana University Research Center in Anthropology, Folklore, and Linguistics Publication, v. 25; International Journal of American Linguistics, v. 29, n. 1, pt. 11)*. Bloomington: Indiana University.
- Gussenhoven C. 2004. *The phonology of tone and intonation*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
- Haraguchi Sh. 1988. Pitch accent and intonation in Japanese. In: H. van der Hulst, N. Smith (eds.). *Advances in nonlinear phonology*. Dordrecht: Foris, 123–150.
- Haudricourt A.-G. 1954. De l'origine des tons en vietnamien. *Journal Asiatique*, v. 242, 69–82.
- Hombert J.-M., Ewan W., Ohala J. J. 1976. Tonogenesis: theories and queries. *Report of the Phonology Laboratory*, n. 1, Berkeley, 48–77.
- Hombert J.-M., Ewan W., Ohala J. J. 1979. Phonetic explanations for the development of tones. *Language*, v. 55, n. 1, 37–58.
- Hyman L. M. 2006. Word-prosodic typology. *Phonology*, v. 23, n. 2, 225–257.
- Hyman L. M. 2009. How (not) to do phonological typology: the case of pitch-accent. *Language Sciences*, v. 31, 213–238.
- Hyman L. M. 2018. Towards a typology of tone system changes. In: H. Kubozono, M. Giriko (eds). *Tonal change and neutralization (Phonology and Phonetics, v. 27)*. Berlin: Mouton de Gruyter, 203–222.

- Janhunen J. 1998. *Tonogenesis in Northeast Asia (Udeghe as a tone language)*. Paper presented at the Workshop on the Production and Perception of Tones, October 1st, Univ. of Lund.
- Pike K. L. 1948. *Tone languages: A technique for determining the number and type of pitch contrasts in a language, with studies in tonemic substitution and fusion*. (University of Michigan publications. *Linguistics*, v. 4). Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Pulleyblank D. 1983. *Tone in lexical phonology*. PhD. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology, Dept. of Linguistics and Philosophy.
- Riad Th. 1999. The origin of Scandinavian tone accents. In: Sh. Kaji (ed.). *Proceedings of the Symposium "Cross-Linguistic studies of tonal phenomena: Tonogenesis, typology and related topics"*. Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies, Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 91–104.
- Sagart L. 1998. The origin of Chinese tones. *Diachronica*, v.15, n. 1, 63–98.
- Scripture E. W. 1902. *The elements of experimental phonetics*. New York: Scribner.
- Vydrine V. 2016. *Tonal inflection in Mande languages: The cases of Bamana and Dan-Gwɛetaa*. In: E. L. Palancar, J. L. Léonard (eds.). *Tone and inflection: New facts and new perspectives*. Berlin: Mouton de Gruyter, 83–105.
- Welmers W. E. 1959. Tonemics, morphotonemics, and tonal morphemes. *General Linguistics*, University Park, v. 4, n. 1.
- Westermann D. H. 1952. *The languages of West Africa*. Oxford: Oxford University Press.

Рамочная тональная конструкция в фонетической структуре стиха и прозы*

О. Ф. Кривнова, А. Э. Костюк

МГУ имени М. В. Ломоносова

okrivnova@mail.ru; kostyuk.ae@gmail.com

Вслед за М. Л. Гаспаровым и многими другими стиховедами мы исходим далее из того, что основным структурным признаком стиха является его расчлененность на базовые единицы — строки, причем данное членение не всегда совпадает с синтаксической структурой стиха. Кроме членения на строки, у стиха существуют и другие признаки, отличающие его от прозы. При изучении стихотворного текста обнаруживается комплекс лингвистических особенностей, которые направлены на создание определенного воздействия на читателя и слушателя. Цель настоящей работы заключалась в том, чтобы оценить степень регулярности некоторых особенностей просодического оформления стихотворной строки. Тогда можно будет эмпирически подтвердить кажущееся очевидным предположение о том, что стих любого типа читается и воспринимается не так, как проза.

Ранее нами (Костюк 2017) были уже выделены основные признаки мелодической структуры стихотворной строки, как то: сужение тонального диапазона, максимальное тональное выделение первого ударного слога и низкая частотность конечных граничных тонов. Мы установили также, что эти особенности воспроизводятся в стихотворных текстах различной ритмики и структуры в чтении разных информантов. Настоящее исследование посвящено расширению данных о мелодической структуре стихотворной строки на основе анализа явления деклинации и метода построения рамочных тональных конструкций в озвученных стихах и прозе.

1. Явление деклинации

Тенденция к понижению уровня ЧОТ (частоты основного тона голоса) от начала произнесения фразы к ее концу была отмечена впервые в

* Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ 19-012-00534 А.

Pike 1945. Позднее в работе Cohen, Hart 1965 авторы также зафиксировали это явление и обозначили его термином «деклинация» (declination). Для его описания было предложено ввести просодический конструкт, названный «линия деklinации», который должен был отражать общую тенденцию движения ЧОТ от начала фразы к ее концу. Изначально предполагалось описывать деklinацию с помощью одной линии, соединяющей минимумы ЧОТ, однако позднее было предложено ввести вторую линию, соединяющую максимумы (пики) ЧОТ. Для первой линии используются термины «baseline», «bottom line», а для второй — «top line», «plateau». Мелодический контур фразы располагается в тональном диапазоне между указанными абстрактными линиями в своеобразном «тональном коридоре», для которого характерно постепенное интегральное понижение, а также небольшое сужение от начала к концу. Явление деklinации обнаружено во многих языках, и в общей фонетике выдвигается гипотеза, что оно характерно для устной речи в целом. Однако вопрос о природе данного явления по-прежнему является открытым: некоторые ученые считают, что оно обусловлено чисто физиологически (Breckenridge, Liberman 1977), в то время как ряд других исследователей приводят аргументы в пользу языковой природы данного явления (Collier 1987). Существуют также исследования, посвященные деklinации и на материале русского языка. Так, в работе Кривнова 1975 исследована составляющая несущего тона в структуре мелодического контура фразы (несущий тон соответствует терминам baseline или bottom line). Таким образом, существование и основные характеристики деklinации в русском языке ранее уже рассматривались, однако исследование данного явления при озвучивании стихотворных текстов остается по-прежнему актуальным.

2. Анализ деklinации ЧОТ в стихотворной строке

В настоящей работе мы использовали два метода для анализа деklinации в стихе; далее мы называем тональный деklinационный коридор в строке «тональной рамкой». Метод построения тональных рамочных конструкций для отдельных мелодических контуров позволил вычислить значения ширины тональной рамки для них, а метод построения единой рамочной конструкции для совмещенных мелодических контуров дал возможность оценить угол наклона и степень сужения тонального коридора.

Для исследования нами был собран корпус озвученных стихотворных текстов, в чтении дикторов-женщин 18–23 лет, без актерского образования и опыта сочинения стихотворных текстов. В качестве материала были

выбраны стихотворные тексты различной метрики, ритмики и синтаксической структуры. Для сравнения были записаны также отрывки из прозаических произведений, коррелирующие с созданной выборкой стихотворений по дате написания.

Запись производилась в лабораторных условиях на профессиональном оборудовании (Tascam) в помещении со звукоизоляцией. Акустический анализ производился на материале записи 9 информантов продолжительностью около 9 часов. Для анализа использовалось программное обеспечение Praat. Все измерения ЧОТ производились в полутонах (semitones). Для каждой записанной фразы была сделана разметка с указанием исходного текста, разбиения на слоги в орфографической записи, маркировки ударных слогов (*) и граничных тонов (%) в соответствии с обозначениями, принятыми в стандарте просодической разметки ToBI.

Первый из указанных выше методов анализа следует принципу «от частного к целому»: для каждой стихотворной строки и прозаической синтагмы была построена отдельная тональная рамка, по этим рамочным контурам проводились дальнейшие подсчеты, обобщения и усреднения. Преимуществом данного метода является возможность проводить достаточно сложные и точные измерения, т. к. тональная рамка имеет немонотонный, нелинейный характер, и мы можем вычислять необходимые значения на каждом ее линейном тональном сегменте отдельно. Так, в ходе нашего исследования с помощью данного метода мы обнаружили несколько случаев последовательного применения нестандартной стратегии чтения с расширяющимся деклинационным коридором для стиха.

В рамках данного метода максимальные значения ЧОТ на ударных слогах, а также минимальные значения на безударных измерялись на ядерной части слога. Явления, связанные с изменением тона после взрывных согласных, из анализа исключались. Кроме того, из анализа исключались значения ЧОТ на конечных слогах фразы, ввиду их особой структуры и акустики. По вычисленным значениям для каждой строки и синтагмы были построены верхняя и нижняя граничные линии тональной рамки. Значения ЧОТ на ударных слогах определяли top line, а значения на безударных — bottom line, см. рис. 1, 2.

Далее для линейных отрезков каждой строки и синтагмы были определены автоматически средние значения уровня тона отдельно для top line и bottom line, после чего вычислен коэффициент ширины тонального коридора как разница указанных средних значений сначала для каждого отрезка, а потом для всей строки/синтагмы (рис. 3).

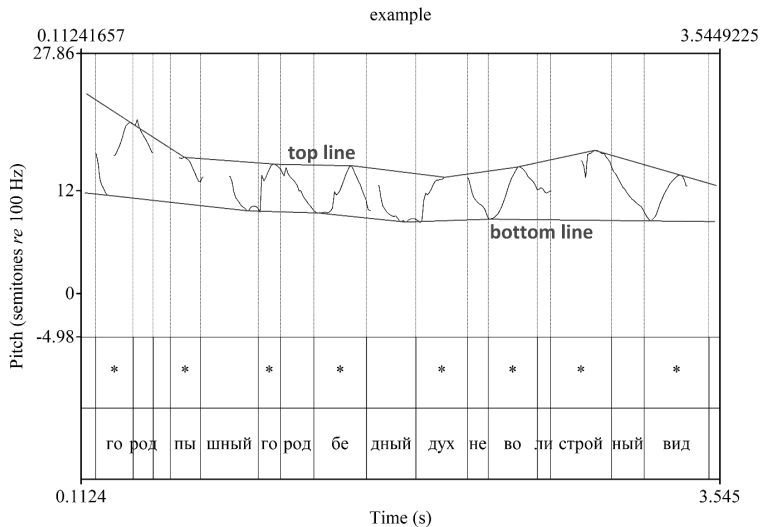

Рис. 1. Линейные отрезки тональной рамки для строки стиха *город пышный, город бедный, дух неволи, стройный вид*¹

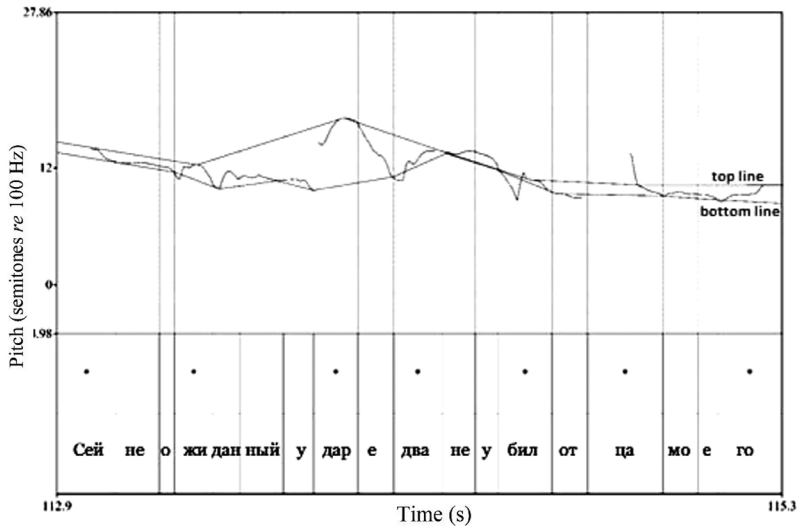

Рис. 2. Линейные отрезки тональной рамки для прозаической синтагмы *Сей неожиданный удар едва не убил отца моего*

¹ Здесь и далее используются данные, полученные на основе записей информанта №1.

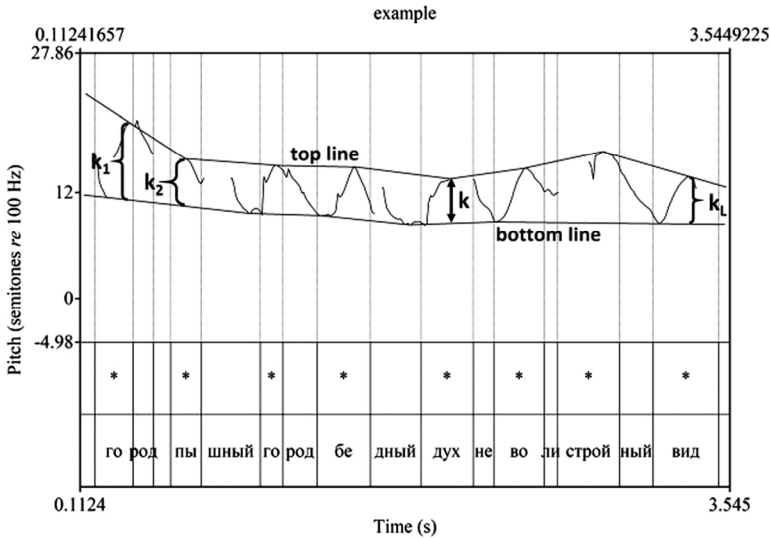

Рис. 3. Коэффициенты ширины рамки на отрезках тонального коридора в стихотворной строке *город пышный, город бедный, дух неволи, стройный вид*; изображены только начальный и конечный коэффициенты k_i для каждого i -го отрезка, а k отражает среднее значение ширины тонального коридора всей строки

Измерения ширины рамки проводились отдельно для стиха и прозы, после чего было произведено усреднение вычисленных значений для всех строк и синтагм по всем информантам. Полученные данные говорят о том, что в стихах тональный коридор строки статистически достоверно уже, чем тональный коридор для синтагмы в прозе.

Дополнительно отметим, что в оценке данного параметра наиболее значимой является именно среднее значение ширины тонального коридора, т. к. в тех случаях, когда начальный и/или заключительный слоги текстового фрагмента являются ударными, для вычисления краевых значений тональной рамки нижняя линия деклинации достраивается путем экстраполяции. В противном случае потребовалось бы исключить первый и/или последний ударный слог из анализа, что противоречит данным о значимости этих слогов для интонационной структуры стихотворной строки.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что с помощью описанного выше метода были получены статистически значимые различия ширины тональной рамки в стихотворной строке и прозаической синтагме для всех информантов. При этом можно достаточно точно оценить ширину тонального коридора для каждого линейного отрезка рамочной конструкции и произвести затем усреднение данных. Однако в этом случае

трудно оценить общий угол наклона линий деклинации и степень их схождения в целом, т. к. эти параметры варьируются внутри мелодического контура. Для оценки наклона и его динамики в контуре был использован метод наложения тональных контуров, который позволил построить единую рамочную конструкцию.

3. Единая рамочная тональная конструкция для совмещенных тональных контуров

Для получения данной просодической характеристики использовался метод совмещения на общем графике нормализованных по длительности мелодических контуров с последующим построением единой рамочной конструкции. Принципиальное отличие данного метода от описанного выше заключается в отсутствии сегментирования тональной рамки на линейные отрезки — линии деклинации сразу аппроксимируются линейно и выбираются таким образом, чтобы выделить участки графика с наибольшей плотностью точек и отсесть окказиональные явления и случайные выбросы. Данный метод не позволяет оценить параметры тонального коридора для отдельной синтагмы или стихотворной строки, но дает возможность получить наглядную иллюстрацию общей стратегии для каждого информанта, отражая ее деклинационные тенденции.

Для анализа наклона и степени схождения линий деклинации в тональных рамках мелодические контуры отдельно для стиха и прозы в прочтении каждого информанта были выровнены по длительности, после чего были изображены на одном графике посредством наложения изображений (рис. 4). Лишние выбросы ЧОТ и прочие артефакты убирались после наложения в ходе обработки результатов.

По наиболее частотным значениям для пиков ЧОТ на ударных слогах и падений на безударных были построены верхняя и нижняя линии деклинации, отдельно для стихотворных строк и прозаических синтагм, рис. 5, 6.

Полученные рамочные тональные конструкции свидетельствуют о том, что нижняя линия деклинации для стихотворных строк по углу наклона приближается к таковой для прозаических синтагм, но для некоторых информантов угол наклона несколько меньше. В то же время угол наклона верхней линии деклинации для большинства стихотворных строк больше, что позволяет предположить систематическое сужение тонального коридора в этом случае. Для определения степени сужения был вручную вычислен количественный коэффициент сужения тональной рамки. А именно: для каждой обобщенной тональной рамки строки и

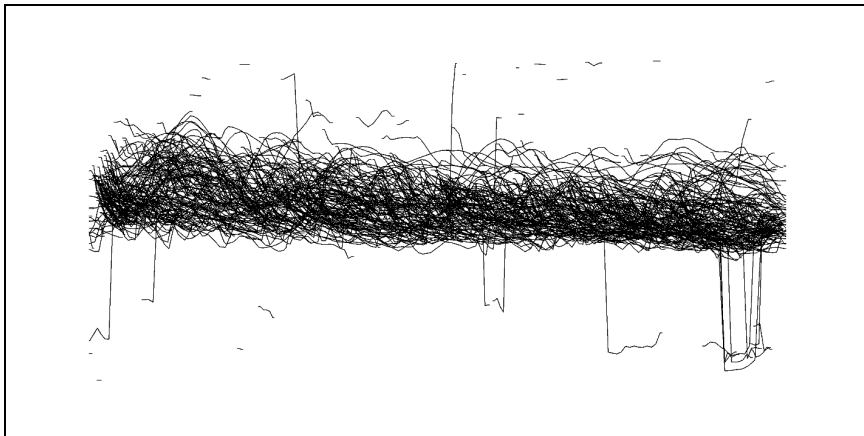

Рис. 4. Нормализованные по длительности мелодические контуры для 150 стихотворных строк, представленные автоматически на одном графике

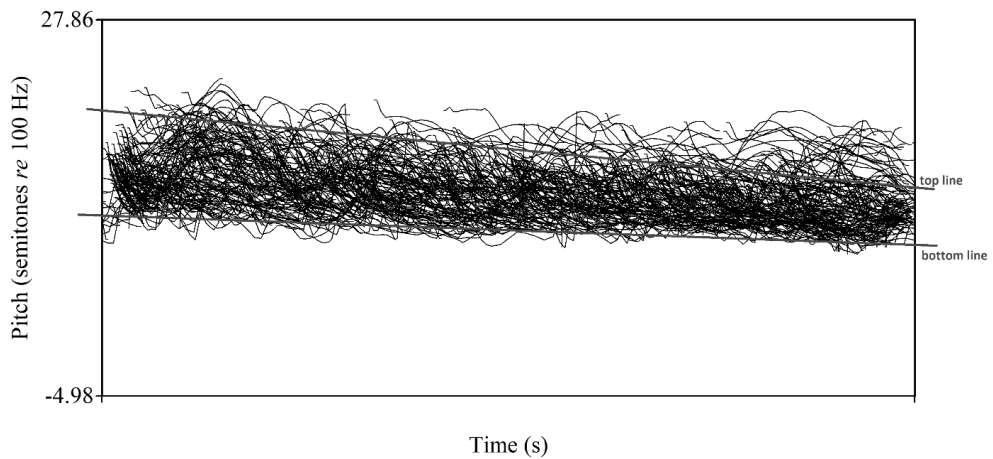

Рис. 5. Единая тональная рамка для нормализованных по длительности мелодических контуров 150 стихотворных строк

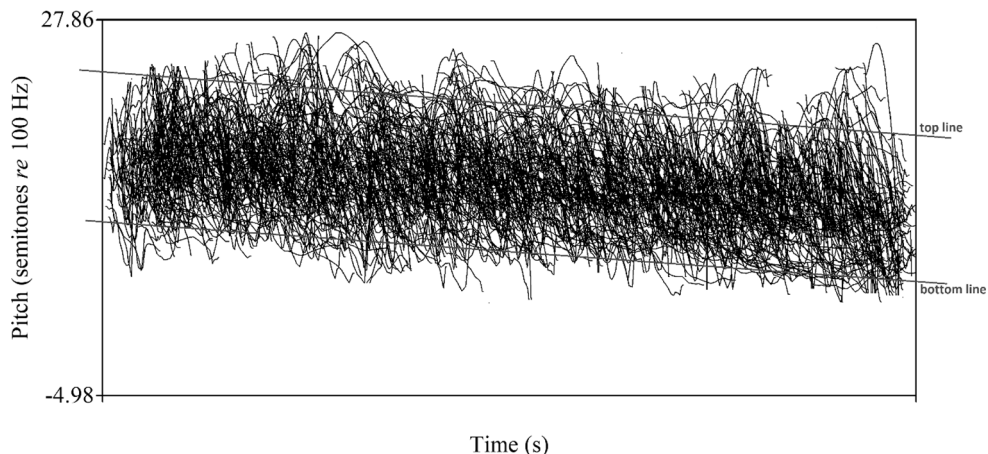

Рис. 6. Единая тональная рамка для нормализованных по длительности мелодических контуров 150 прозаических синтагм

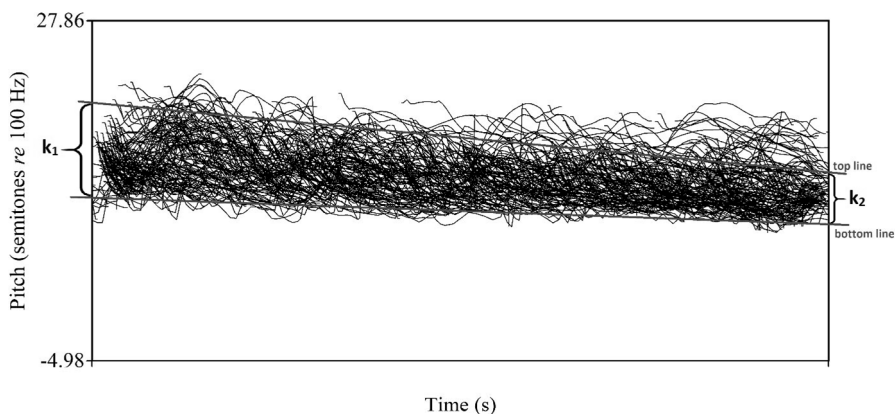

Рис. 7. Коэффициенты ширины тонального коридора для тональной рамки, полученные для стихотворных строк

синтагмы были определены вручную значения уровня ЧОТ отдельно для верхней и нижней граничных линий деклинации в начале и в конце совмещенных тональных контуров для всех строк/синтагм каждого информанта. После этого были вычислены средние коэффициенты ширины тонального коридора в начале (k_1) и в конце (k_2) мелодического контура. Их разность и служила оценкой сужения ширины тональной рамки (рис. 7).

Описанные измерения производились сначала отдельно для каждого из информантов, после чего было произведено усреднение степени сужения тональной рамки для строк и синтагм для всех информантов. Полу-

ченные данные наглядно демонстрируют более высокую степень сужения от начала к концу тональной рамки для стихотворной строки в отличие от прозаической синтагмы. Следует отметить, что для синтагмы получились аномально низкие значения коэффициента сужения, что может быть связано как с высоким уровнем шумов при применении данного метода, так и с индивидуальными интонационными стратегиями информантов. Этот результат требует дополнительного исследования.

4. Заключение

Согласно полученным результатам для всех информантов средняя ширина тонального коридора стихотворной строки оказалась приблизительно в два раза меньше средней ширины тонального коридора прозаической синтагмы. Кроме того, для стиха было зафиксировано более систематическое сужение тональной рамки в динамике. Тем самым, можно сделать вывод, что регулярность в реализации тональной рамки является одним из отличительных признаков мелодического контура стихотворной строки. В прозе наблюдается значительно более заметная «расшатанность» тональной структуры, и построить линии деклинации для отдельно взятой синтагмы иногда проблематично, в то время как в стихе, как правило, можно наблюдать практически линейный характер расположения тональных максимумов, т. е. примерно равную тональную акцентированность ударных слогов относительно понижающейся или ровной нижней линии деклинации.

Исходя из характеристик деклинации, полученных в настоящей работе, мы предлагаем в качестве модели тональной рамки стихотворной строки следующую рамочную конструкцию (рис. 8):

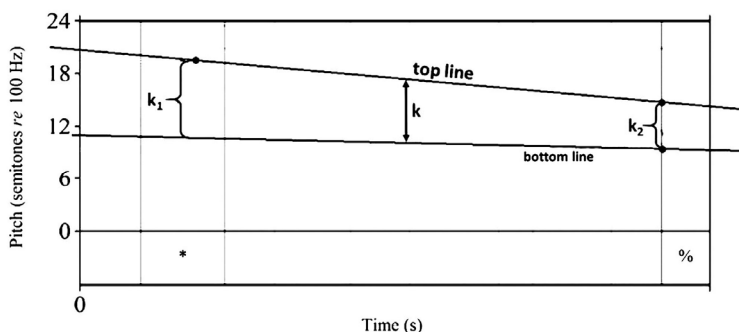

Рис. 8. Обобщённая рамочная тональная конструкция мелодического контура стихотворной строки с коэффициентами ширины тонального коридора

Литература

- Костюк А. Э. 2017. Просодия строки в русском стихе. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, №14, 27–40.
- Кривнова О. Ф. 1975. Составляющая несущего тона в структуре мелодической кривой фразы. В сб.: *Исследования по структурной и прикладной лингвистике*. М.: МГУ, 71–82.
- Breckenridge J., Liberman M. Y. 1977. *The declination effect in perception*. Murray Hill, NJ: Bell Laboratories.
- Cohen A., Hart J. 1965. Perceptual analysis of intonation patterns. In: *5e Congrès international d'acoustique, Liège 7–14 septembre, 1965*. Liège: Université de Liège, 425.
- Collier R. 1987. F0 declination: The control of its setting, resetting, and slope. In: Th. Baer et al. (eds.). *Laryngeal function in phonation and respiration*. San Diego: College Hill Press; Little Brown and Company, 403–421.
- Pike K. L. 1945. *The intonation of American English*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Стихovedение и акцентология

Деривационная теория метрики: пролог

К. М. Корчагин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; stivendedal@gmail.com

Деривационная теория предполагает, что любая дольниковая строка (по крайней мере в «классическом» дольнике первой половины XX века) может быть получена путем преобразований строки некоторого «исходного» силлабо-тонического размера (Плунгян 2008а, Плунгян 2008b, Плунгян 2011). Список таких преобразований задается отдельно, но надо сказать, что в него входят цезурные наращения и усечения, объединяемые родовым именем цезурные эффекты (Плунгян 2005). В рамках такого подхода был описан, например, длинный цезурный дольник Вячеслава Иванова (Плунгян 2010: 305–306). Эта теория генетически связана с так называемой тактометрической теорией стиха, которая восходит к работам стиховеда XIX века А. М. Кубарева, а в первой половине XX века была продолжена в «Метротонике» М. П. Малишевского, работах конструктивистов А. П. Квятковского и К. Л. Зелинского и их главного противника Г. А. Шенгели, который стремился избавить тактометрическую теорию от любых аллюзий на структуру музыкальной фразы.

Можно сказать, что тактометрическая теория не могла до конца определиться — занимается ли она изохронной («песенной») или «книжной» метрикой. На это указывал и Зелинский, когда несколько сбивчиво критиковал ранние выступления Квятковского в работе 1929 года: «Тактометрическая система <...> является своеобразным соединением метрического, то есть основанного на времени, стихосложения и акцентного стиха, или “ударника”, являющегося одним из видов тонического стихосложения» (Зелинский 2015: 337). Отчасти такое смешение было вызвано объективными причинами: ощутимой связью античного стиха с изохронной метрикой (в случае Кубарева) или попыткой расшатать и, в конечном счете, разрушить границу между литературным и нелитературным стихом в позднем русском авангарде (в случае Квятковского). Однако сильная сторона тактометрической теории, возможность на единых основаниях анализировать классические и неклассические размеры (прежде всего, дольник), все же была привлекательна для некоторых стиховедов. Один из возможных путей преодоления спорных сторон этой теории был в том,

чтобы свести к минимуму тактометрический анализ классического стиха, обратив всю силу тактометрического аппарата на стих неклассический. Именно это попытался сделать Г. А. Шенгели, который позаимствовал из тактометрической теории представление о паузе как метрообразующей операции, вынеся за скобки ее связь с музыкальными размерами и особенностями совмещения текста и музыки.

Теория Шенгели предшествовала метротонике Малышевского и развивалась параллельно с работами Квятковского (они соревновались друг с другом), но на практике его труды при всем полемическом отталкивании от тактометрической теории имеют с ней много общего. При этом если Квятковский и Малышевский исходили, в конечном счете, из музыкальной теории и изохронной метрики, то Шенгели всегда оставался в пределах литературного стиха, хотя и видел в нем не вполне замеченные другими теоретиками возможности. На этом пути у Шенгели были важные предшественники, принадлежавшие к футуристической группе «Центрифуга», к которой в юности примыкали Борис Пастернак и Николай Асеев, а с ними — поэт и теоретик стиха Богдан Гордеев (1894–1914), более известный под псевдонимом Божидар, и его старший коллега по футуристическому движению Сергей Бобров (1889–1971).

След, который в теории стиха оставил Бобров, с одной стороны, значителен, с другой стороны, еле заметен. Как и Квятковский, Бобров был прежде всего практиком, а не академическим исследователем: он изучал неклассические размеры и сам работал с наименее распространенными их формами, нащупывая границы возможного в литературном стихе. Именно ему принадлежат первые в русской поэзии сознательные эксперименты с переборами (переакцентуациями) и дольниками на двусложной основе, которые до сих пор, за сто лет, прошедших с первых публикаций Боброва, еще не вполне прижились в русской поэзии (Акимова 2012). При этом Боброву так и не удалось изложить свою теорию стиха в более или менее систематическом виде: все, что было им опубликовано до 1920-х годов, то есть до ожесточенных дебатов о метрике, представляло собой разрозненные заметки, из которых трудно было вычлнить последовательную теорию. Эти заметки иногда объединялись им в небольшие книги — «Новое о стихосложении Пушкина» (1915) и «Записки стихотворца» (1916), уже названия которых указывают на их фрагментарный характер. Столь же фрагментарно его предисловие и комментарии к небольшому стиховедческому трактату Божидара «Распевочное единство» (1916).

Ключевая для Боброва идея, во многом идущая вразрез с веяниями времени, — полная «автономность поэзии относительно музыки» (Божидар 1916: 6). Поэзия, с его точки зрения, располагает собственным набо-

ром средств для того, чтобы разнообразить ритмический рисунок. Эти средства и описываются в небольшой книжке «Новое о стихосложении Пушкина» и в трактате Божидара, по отношению к которому Бобров был настроен во многом критически, хотя сам выступил его издателем и комментатором.

Божидар покончил собой, когда ему было немногим более двадцати лет. К этому возрасту он успел основать в родном Харькове издательство «Лирень», печатавшее поэтов группы «Центрифуга», и выпустить сборник заумных стихов. «Распевочное единство» — наверное, самое причудливое сочинение в русском стиховедении. Это пример стиховедческого труда, написанного на футуристическом языке — с многочисленными примерами словотворчества, новым обживанием архаизмов вроде уже забытого «пресечения», обозначающего цезуру, планомерным созданием авторской терминологии, гораздо более разветвленной, чем у других стиховедов эпохи, также нередко создающих аналитический аппарат *ab ovo*. При всех особенностях этот странный трактат — одна из первых попыток более или менее систематического исследования неклассических размеров.

Несмотря на орнаментальный язык, система понятий и взгляды Божидара в общем могут быть без особых потерь смысла перекодированы как в систему Боброва, так и на современный стиховедческий язык. Он — так же, как и Бобров — отменяет всякую связь русского стиха с музыкой и с античным стихосложением, опираясь на классическую стопную теорию, рассматривая стопы вполне в духе деривационной теории — как абстрактные схемы, которые могут подвергаться разного рода преобразованиям и тем самым порождать все ритмическое богатство русского стиха. При этом в центре его внимания «неправильные» размеры — то есть те, которые на первый взгляд не укладываются в правила школьной метрики.

Среди таких преобразований, превращающих классический стих в неклассический, Божидар выделяет «перевертень», то есть переакцентуацию, или перебой, при котором схемное ударение пропускается, а сверхсхемное, напротив, появляется; «невмерень убыльный», то есть пропуск слога в стопе как в дактило-хореическом гекзаметре; «вымолчания», обозначающие как цезурные усечения, так и сокращения стоп, образующие переменные междуиктовые интервалы как в том типе стиха, который в современном стиховедении называется дольником. Несмотря на то, что и Бобров, и Божидар в теории отделяют стих от музыки и декламации, на практике они часто обращаются к декламации, когда объясняют, как должно работать то или иное преобразование метра — советуют читать соответствующие строки быстрее или, напротив, размереннее и т. п. Это

приводит к тому, что некоторые преобразования трудно отличить друг от друга.

Вот один из примеров анализа Божидара — стихотворение Блока:

Господь, Ты слышишь? Господь, простишь ли? —
 Весна плыла высоко в синеве.
 На глухую улицу в полночь вышли
 Веселые девушки. Было — две.

U - ^ | U - U | U - ^ | U - U
 U - ^ | U - U | U - U | U - ^
 UU - | U - U | U - U | ^ - U
 U - U | U - U | U - U | ^ - ^

(Божидар 1916: 42)

Метр этого стихотворения анализируется как полученный на основе амфибрахия посредством «вымолчаний», то есть пауз (они обозначаются знаком ^), якобы «замедляющих» скандовку стиха. Но с тем же успехом можно считать, что здесь имеют место «невмерни», то есть сокращения стопы амфибрахия, якобы «убыстряющие» скандовку стиха, или «перевертни» — например, в четвертой строке, где первая стопа становится анапестической. Сам Божидар в некоторых анализах сомневается, какой вариант предпочесть, опираясь по преимуществу на интуицию.

Нужно сказать, что это смешение было свойственно и Боброву и было унаследовано теорией Шенгели, который также предполагал, что возможны два способа анализа неклассического стиха — при помощи пропусков позиций в метрической схеме стопы («леймирования») или, напротив, при помощи добавления к стопе дополнительных слогов. Решение о том, какой вариант предпочтительнее, зависело от декламации стиха, что было одной из главных мишеней поздней критики этих теорий. Тем не менее, во всех этих рассуждениях сохраняется идея, которая будет ключевой для того анализа неклассической метрики, который несколько позже предпримет Шенгели и который окажется продуктивным для позднейшей деривационной теории: цезурные эффекты принципиально родственны неклассическому стиху. По всей видимости, эта интуиция непосредственно следовала из поэтической практики эпохи.

Литература

- Акимова М. В. 2012. «Некоторым — не закон»: подвижность метрического ударения в итальянской и русской силлабо-тонике. *Philologica*, v. 9, №21/23, 56–74.
 Божидар 1916. *Распевочное единство*. М.: Центрифуга.

- Зелинский К. Л. 2016. *Поэзия как смысл. Книга о конструктивизме*. М.: ОГИ.
- Плунгян В. А. 2005. К эволюции русской метрики: немонотонная силлабо-тоника. В сб.: В. Н. Топоров, Т. Н. Молошная, И. А. Седакова, Т. В. Цивьян, Е. С. Яковлева (ред.). *Язык. Личность. Текст. Сб. статей к 70-летию Т. М. Николаевой*. М.: ЯСК, 857–869.
- Плунгян В. А. 2008а. Писал ли Есенин «есенинским дольником»? В сб.: А. В. Архипов, Л. М. Захаров, А. А. Кибрик, А. Е. Кибрик, И. М. Кобозева, О. Ф. Кривнова, Е. А. Лютикова, О. В. Федорова (ред.). *Фонетика и нефонетика. К 70-летию С. В. Кодзасова*. М.: ЯСК, 766–776.
- Плунгян В. А. 2008b. Об одном «незамеченном» типе русского стиха: логоэдический пеонический дольник. В сб.: А. В. Бондарко, Г. И. Кустова, Р. И. Розина (ред.). *Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сб. статей в честь Е. В. Падучевой*. М.: ЯСК, 646–663.
- Плунгян В. А. 2010. Тонический стих Вячеслава Иванова: к постановке проблемы. В сб.: К. Ю. Лаппо-Данилевский, А. Б. Шишкин (ред.). *Вячеслав Иванов. Исследования и материалы*. Вып. 1. СПб.: Изд-во Пушкинского дома, 291–309.
- Плунгян В. А. 2011. «Мне с каждым утром противней заученный мертвый стих»: к некоторым особенностям тонического стиха М. Кузмина. В сб.: L. Panova, S. Pratt (eds.). *The many facets of Mikhail Kuzmin: a miscellany*. Bloomington, Indiana: Slavica (*UCLA Slavic Studies, New Series*, v. VIII), 43–60.

«Мои стихи — забудь»: влияние размера на запоминаемость стиха *

А. В. Кухто^а, А. Ч. Пиперски^б

^аМассачусетский технологический институт; kukhto@mit.edu

^бРоссийский государственный гуманитарный университет /
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
apiperski@gmail.com

1. Введение

С любим, кто читает эти строки, мы готовы заключить пари: в 2020 году не было и не будет ни одного дня, когда на русскоязычном портале «Стихи.ру», во-первых, количество рифмованных и написанных силлаботоническими размерами стихотворений будет меньше, чем количество всех прочих стихотворений, а во-вторых, доля рифмованных силлаботонических стихотворений от общего числа будет ниже, чем на аналогичном англоязычном портале «All Poetry».

Устойчивость силлабо-тоники и относительно небольшая распространённость верлибра в русской поэзии XIX, XX, да даже и XXI в. известна, и причин этой устойчивости, по всей видимости, не меньше, чем мнений о них. Среди недавних высказываний по этому поводу можно отметить гипотезу, выдвинутую М. Гронасом (2010, 2012). Он предполагает, что бóльшая популярность силлабо-тоники в русской словесности по сравнению с западной (особенно англоязычной) на протяжении последних двух веков — следствие мнемонического бытования поэзии. Согласно его концепции, «метр, рифмы и строфы представляют собой не что иное, как мнемонические средства» (Гронас 2012), и то обстоятельство, что запоминание стихотворений и по сей день остаётся важной составляющей русской культуры и российского образования¹, способствует сохранности рифмы и метра в поэтической традиции.

* Мы благодарим Александра Бердичевского и участников конференции *NordMetrik 2018* за ценные замечания. Все ошибки и неточности наши.

¹ Живое свидетельство тому — памятное задание в одной из контрольных работ по курсу общей морфологии на ОТиПЛе, в котором юбиляр просит студента указать

Идея, что метр и рифма, а также деление на строфы помогают запомнить наделённый ими текст, не нова. Проследить её возникновение было бы непросто; к примеру, в такие слова триста лет тому назад её облакает Исаак Уоттс, «отец английского гимна»: «What is learnt in verse is longer retained in memory, and sooner recollected»² (*Divine Songs...*, 1715). Подтверждение ей находится и в современных когнитивных исследованиях. Так, Б. Тилльман и У. Даулинг обнаружили бóльшую устойчивость силлабо-тонической рифмованной поэзии в краткосрочной памяти по сравнению с прозой (Tillmann, Dowling 2007). Они предполагают, что причиной этому может служить ритмическая организация поэзии (а также наличие рифмы), которая роднит её с музыкой, настолько же успешно сохраняющейся в краткосрочной памяти. Однако внутри самой силлабо-тонической поэзии существует немало различных типов ритмической организации стиха — стихотворных размеров. Это подводит нас к вопросу, который мы и поставим перед собой в этой статье: одинаково ли успешно запоминаются силлабо-тонические стихотворные размеры?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы провели эксперимент с носителями русского языка, в котором им предлагалось запомнить и воспроизвести набор стихотворных отрывков. В следующем разделе мы опишем структуру этого эксперимента, в разделе 3 — полученные результаты. Раздел 4 содержит их обсуждение.

2. Эксперимент

2.1. Стимульные материалы

Стимульные материалы для эксперимента были извлечены автоматически из Поэтического корпуса НКРЯ (www.ruscorpora.ru) с опорой на доступную в нём стиховедческую разметку. Алгоритм отбирал по одному случайному четверостишию из стихотворений, удовлетворяющих четырём условиям: 1) сочинены не раньше 1820 г.; 2) написаны силлабо-тоническим размером; 3) имеют схему рифмовки аВаВ, где а — женская рифма, В — мужская; 4) не менее 6 и не более 11 слогов в строке. Например:

(хотя бы) автора предложенного стихотворного фрагмента и (по возможности) найти там все клитики.

² «Что заучивается в стихах, то дольше сохраняется в памяти и скорее вспоминается» (перевод наш. — А. К., А. П.). И беглого взгляда на гимны Уоттса достаточно, чтобы понять, что под стихами (*verse*) он не подразумевает ни белого стиха (*blank verse*), ни верлибра (*free verse*).

Изящная головка,
Нарядный туалет.
Я девушка-воровка,
Мне 19 лет.

Е. Л. Кропивницкий

Или, может, изменила,
Поступила в Нарпродком?
Бриллианты нацепила
И сидит с большевиком?

З. Н. Гиппиус

Влияние рифмы в эксперименте не проверялось, и единая схема рифмовки была выбрана с тем, чтобы его минимизировать. Ограничение на длину слогов вкупе с параметрами 2 и 3 позволило получить десять размеров: пять двусложных (хорей и ямбы) и пять трёхсложных (дактиль, амфибрахий, анапест). В таблице 1 представлены все типы отобранных четверостиший и их количество.

Слогов в строке	Слогов в строфе	Тип стопы	Кол-во стоп	Метрическая схема	Кол-во четвер.
6/7	26	ямб	3	× × × × × × (×)	483
6/7	26	анапест	2	× × × × × × (×)	106
7/8	30	хорей	4	× × × × × × × (×)	2198
7/8	30	дактиль	3	× × × × × × × (×)	189
8/9	34	ямб	4	× × × × × × × × (×)	4774
8/9	34	амфибр.	3	× × × × × × × × (×)	862
9/10	38	хорей	5	× × × × × × × × × (×)	942
9/10	38	анапест	3	× × × × × × × × × (×)	785
10/11	42	ямб	5	× × × × × × × × × × (×)	1621
10/11	42	дактиль	4	× × × × × × × × × × (×)	117

Таблица 1. Типы четверостиший, отобранных для эксперимента, и их количество

2.2. Дизайн

Эксперимент проводился онлайн с использованием собственных технических средств испытуемых. Код был написан на языке PHP³. Ссылка на страницу с экспериментом распространялась в социальных сетях «Facebook» и «ВКонтакте». Вознаграждения за прохождение эксперимента не предлагалось.

Задание, которое стояло перед испытуемыми, — как можно лучше запомнить и письменно воспроизвести 10 четверостиший. Для каждого испытуемого четверостишия отбирались случайно таким образом, чтобы в набор попали все размеры из таблицы 1 в произвольном порядке. Чет-

³ Доступен по адресу: <https://github.com/menelik3/memorizingPoetry>.

веростишия предъявлялись поочерёдно в письменном виде. Время на заучивание каждого четверостишия испытуемым давалось неограниченное. Когда испытуемый, по его собственной оценке, достаточно хорошо выучивал очередное четверостишие, он нажимал на кнопку «Далее» и переходил в новое окно, где в печатном виде воспроизводил только что выученный фрагмент.

Вступительный текст просил участников не пользоваться поисковыми системами или любыми другими подсказками во время прохождения эксперимента. Социолингвистическое анкетирование не проводилось.

3. Результаты

Всего к прохождению эксперимента приступили 382 человека, однако только 138 участников прошли его полностью. Кроме того, были отброшены результаты 9 испытуемых, которые потратили на заучивание хотя бы одного из четверостиший более 5 минут, поскольку это с большой вероятностью означает, что участник отвлекался в ходе прохождения эксперимента; особенно это очевидно в случае одного из участников, который на запоминание четверостишия из А. К. Толстого затратил 5 часов 2 минуты.

Для каждого введённого ответа вычислялось нормированное расстояние Дамерау — Левенштейна от оригинала без учёта пробелов, знаков препинания, регистра символов и различия между буквами Е и Ё. В таблице 2 приводится пара примеров неидеального запоминания, в которых выделены расхождения:

Оригинал	Ответ
Ангел Хранитель , печальный и строгий, белым крылом ограждает дитя, вспомнила змейка — и <u>в злобной тревоге</u> <u>медленно прочь</u> уползает свистя .	ангел харингель суровый и стро- гий белым крылом ограждает дитя, вспомнила змейка и уползает шипя (расстояние 0,36)
<i>Эллис</i>	
Хочется крикнуть там: «Братья! Встаньте , довольно вам спать! Иль Вы под гнетом проклятья Будете вечно лежать?»	Хочется крикнуть там: «Братья! Хватит , довольно вам спать. Иль Вы под гнетом проклятья Будете вечно лежать?»
<i>А. И. Тиняков</i>	(расстояние 0,07)

Таблица 2. Примеры расхождений между оригиналами и ответами участников

Расстояние 0 соответствует точному воспроизведению, 1 — абсолютно не совпадающему с оригиналом. Успешным воспроизведением считался ответ на расстоянии не более чем 0,15 от оригинала (эта граница условна; обычно ей соответствует ошибка на одно-два слова или перестановка двух слов).

В таблице 3 приводится количество успешных воспроизведений для каждого из десяти размеров, а также медианное время запоминания для успешного воспроизведения.

Слогов в строфе	Тип стопы	Кол-во стоп	Успешные воспроизведения	Медианное время запоминания (с)	Значимость различия ⁴
26	ямб	3	124 (96,1%)	26	0,932
26	анап.	2	118 (91,5%)	22,5	
30	хорей	4	120 (93,0%)	30	0,051
30	дакт.	3	104 (80,6%)	40	
34	ямб	4	113 (87,6%)	42	0,309
34	амф.	3	112 (86,8%)	39	
38	хорей	5	108 (83,7%)	43	0,971
38	анап.	3	109 (84,5%)	45	
42	ямб	5	102 (79,1%)	57	0,558
42	дакт.	4	101 (78,3%)	62	

Таблица 3. Результаты эксперимента

Две переменные, которые мы можем принять во внимание, — это длина четверостишия в слогах и дву-/трёхсложность размера; все прочие переменные (например, количество стоп) коррелируют с ними и далее не рассматриваются как избыточные. Как и следовало ожидать, важнейшим фактором, влияющим на успешность/неуспешность воспроизведения, оказывается длина четверостишия в слогах (логистическая регрессия: $p = 2 \cdot 10^{-6}$); различие между дву- и трёхсложными размерами не оказывается значимым (логистическая регрессия: $p = 0,064$). Также от длины зависит и время, необходимое для успешного запоминания (см. таблицу 3 и рисунок 1). Зависимость времени запоминания t от длины строки в слогах s аппроксимируется линейной функцией $t = 2,17s - 24,5$ ($p < 2 \cdot 10^{-16}$; $R^2 = 0,11$) — иными словами, удлинение четверостишия на 1 слог при-

⁴ Оценивается значимость различия по времени запоминания в парах размеров с равным количеством слогов по критерию Манна — Уитни.

бавляет примерно 2 секунды ко времени успешного запоминания. Низкое значение коэффициента детерминации R^2 объясняется тем, что результаты оказываются очень разными у разных участников эксперимента. Следует отметить, что смешанная линейная модель, в которой особенности участника эксперимента считаются случайным эффектом, показывает, что значимым фиксированным эффектом является только длина четверостишия в слогах, но не количество слогов в стопе.

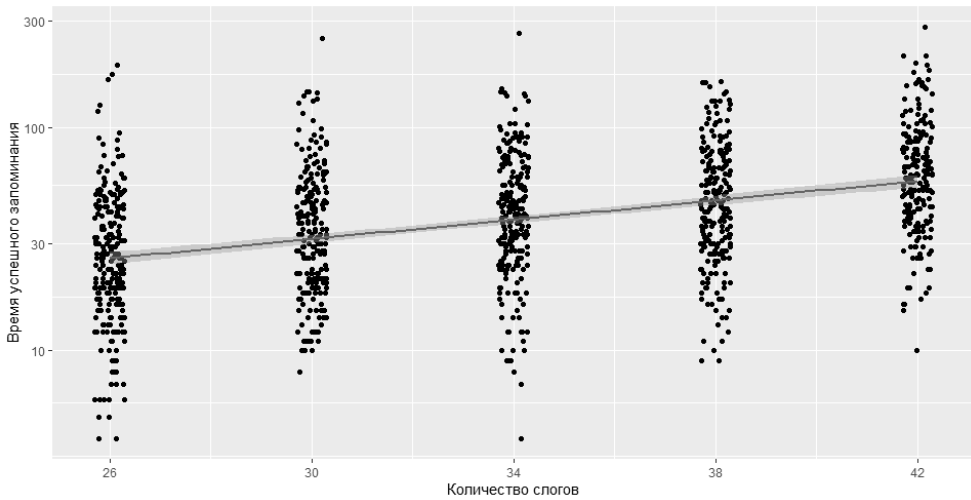

Рисунок 1. Время успешного запоминания в зависимости от длины строки

Тем не менее мы можем сравнить между собой дву- и трёхсложные размеры в парах с равным количеством слогов: 3-стопный ямб и 2-стопный анапест, 4-стопный хорей и 3-стопный дактиль и т. д. (пары соседних строк в таблице 3). Медианное время запоминания в них практически не отличается, кроме как в паре «4-стопный хорей ~ 3-стопный дактиль». То же подтверждает и применение критерия Манна — Уитни: к 5%-му порогу значимости приближается только эта пара; в ней же наблюдается и заметная разница в доле правильных запоминаний (93,0% vs. 80,6%).

Мы пока не можем предложить удовлетворительного объяснения тому, что 4-стопный хорей запоминается лучше и быстрее, чем 3-стопный дактиль. Вероятно, это связано с тем, что 4-стопный хорей — популярный размер детской и народной поэзии (например, частушек), да и вообще его частотность в корпусе почти в 12 раз превосходит частотность 3-стопного дактиля. Неясно, однако, что из этого является причиной, а что — следствием: 4-стопный хорей хорошо запоминается и поэтому стал популярен,

или, наоборот, носители русской культуры так привыкли к 4-стопному хорею, которым написано много известных им текстов, что легко его запоминают. Нельзя исключать и того, что обсуждаемое различие связано со спецификой не 4-стопного хорей, а 3-стопного дактиля.

4. Заключение

Проведённый нами эксперимент показал, что успешность запоминания стихотворных текстов в первую очередь зависит от длины фрагмента, который необходимо запомнить. С длиной фрагмента коррелирует и время успешного запоминания. Систематических различий между двусложными и трёхсложными силлабо-тоническими размерами при равном количестве слогов обнаружить не удалось; близко к такому различию только противопоставление 4-стопного хорей и 3-стопного дактиля.

Наш эксперимент непоказателен во многих отношениях. Например, он сосредоточен на особенностях кратковременной, а не долговременной памяти, играющей ключевую роль в хранении заученных стихотворений. Тем не менее можно предполагать, что наблюдаемые закономерности могут быть экстраполированы и на долговременную память, если те стихи, которые легче запоминаются, успешнее удерживаются в памяти. В перспективе следует не только провести лонгитюдное исследование, но и отдельно рассмотреть другие факторы организации стихотворного текста и их влияние на запоминание: в частности, насколько важна схема рифмовки, наличие / отсутствие рифмы вообще, а также не- / использование силлабо-тонического размера, раз уж разницы между самими размерами обнаружить не удаётся.

Литература

- Гронас М. 2012. Наизусть: О мнемоническом бытовании стиха. *Новое литературное обозрение*, т. 114, 223–248.
- Gronas M. 2010. *Cognitive poetics and cultural memory: Russian literary mnemonics*. New York: Routledge.
- Tillmann B., Dowling W. J. 2007. Memory decreases for prose, but not for poetry. *Memory & Cognition*, v. 35, n. 4, 628–639.

Русская историческая акцентология и стиховедение: малознакомые ровесники

Д. В. Сичинава

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН /
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
mitrius@gmail.com

Историческая акцентология и стиховедение — две области, в которых значительные прорывы происходили практически синхронно, а подчас их делали одни и те же авторы — например, такие великие лингвисты и стиховеды XX века, как Антуан Мейе и Роман Якобсон. Казалось бы, это ожидаемо, учитывая, насколько тесно связаны эти проблематики, пусть разные стиховые традиции и уделяют конституирующей роли ударения разное место. Особенно это должно быть так в русской науке — ведь большинство достижений русской поэзии в ее классический период связаны с силлабо-тоникой, а затем и с дольником и тактовиком, которые В. А. Плунгян описывает «генеративно», как производные от силлабо-тонических метров (такой подход, через голову гаспаровской теории, воскрешает, как показано в статье К. М. Корчагина в настоящем сборнике, стиховедческие идеи начала XX в.). Да и позже эта система продолжает играть в русской поэзии важную по сравнению с другими стиховыми культурами роль, что связано далеко не только с консервативными (анти)советскими вкусами (феномен «живучести» силлабо-тоники рассматривается в двух статьях настоящего сборника: А. В. Кухто и А. Ч. Пиперского, а также Н. М. Азаровой и соавторов).

Силлабо-тоническая поэзия уже давно помогает исследовать историю ударения — например, на этом построены монографии В. Л. Воронцовой (1979) и Н. А. Еськовой (2008). Поэтический корпус НКРЯ стал неотъемлемой частью первого акцентологического корпуса в мире, созданного Е. А. Гришиной, которой принадлежит и ряд очень тонких наблюдений об эволюции русского ударения. И наоборот, выводы по истории стиха опираются на данные об историческом ударении: *Змеи ужасные шипят* у Языкова — это не переакцентуация в первой стопе, как, поддерживая авторитетом «золотого века» собственную практику, полагал С. П. Бобров, а вполне нормативное для той эпохи ударение *зме́й*, как ему возразил уже Г. О. Винокур (об этом сюжете см. Шапир 2000: 120).

И всё же обмен информацией между этими науками неожиданно мал. М. Л. Гаспаров и А. А. Зализняк — наверное, не надо говорить, что значат эти имена для стиховедения и акцентологии соответственно, причем уточнение «отечественный» тут совершенно лишнее — были ровесниками и однокурсниками. В «Записях и выписках» Гаспаров упоминает и Зализняка («на военном деле меня учил маршировать Зализняк», в полуироническом контексте «моих встреч со знаменитыми людьми»), и Е. В. Падучеву, с которой у него случился беглый разговор о семиотике. Был и еще один гений, с которым они все общались и научное влияние которого испытывали, как в описании ритмических схем, так и акцентных парадигм, — А. Н. Колмогоров. Но ясно, что знакомство Гаспарова и Зализняка не было близким; в мемуарах об обоих, которых уже собрано немало, упоминаний о втором великом ровеснике практически нет. Они никогда не «вторгались» на территорию друг друга, хотя и Зализняк об истории стиха, и Гаспаров об истории ударения, казалось бы, в поздний период могли что-то сказать: сюда толкала сама логика исследований и материал. В последние годы жизни Гаспаров заинтересовался «лингвистикой стиха» (то есть динамикой частеречного и синтаксического наполнения строки, метрическая составляющая которой как будто бы уже была независимо описана стиховедческими методами и теоретических сюрпризов не обещала, «нужно лишь время и способные аспиранты»), и здесь-то у него появляются ссылки и на «Грамматический словарь». А Зализняк ввел избранные материалы Еськовой в качестве дополнительных сведений в свой словарь «Древнерусское ударение»; до этого диахронической акцентологии Нового времени он касался лишь бегло (к сожалению, неизданного женевского доклада ок. 1993 г. об ударении в «Горе от ума» найти пока не удалось, но шансы, что он будет обнаружен, велики; Е. В. Падучева мечтала довести до конца этот замысел). Конечно, хронологический разрыв между акцентуированными рукописями и содержанием томов «Библиотеки поэта»¹ способствовал отсутствию научных пересечений, да и фундаментальный словарь Еськовой вышел уже после смерти Гаспарова. Но всё же эта «не-встреча» — феномен, который еще предстоит полностью осмыслить.

¹ Некоторое (малоизученное с разных точек зрения) пересечение всё же есть — в XVII и XVIII веках, когда сосуществуют и акцентуированные рукописи и книги, и поэзия (даже силлабические вирши как акцентологический материал не совсем безнадежны, как постарались показать мы с К. М. Корчагиным (Корчагин 2008, Сичинава 2014)), и картина в эпоху барокко сильно осложняется как изменением системы стихосложения, так и пестротой инославянских (церковнославянского, польского, украинского и белорусского) влияний, затронувших, конечно, и ударение в стихе.

И это же странное «незнание друг о друге», в общем, верно и для других отечественных стиховедов и акцентологов. Подчеркнем, что в обоих случаях речь идет о работах очень высокого уровня. Исследователи стиха рассматривают русскую акцентологию как нечто не подлежащее теоретической рефлексии и историческому анализу, и молчаливо предполагается — конечно, кроме лежащих на поверхности свидетельств обратного, — что ударения, знакомые современному стиховеду как носителю русского языка, были актуальны и для Фета, и даже для Симеона Полоцкого в том же виде. Например, «правила ударности», которые выводят стиховеды (включая и Гаспарова), следуя подходу К. Ф. Тарановского, носят панхронический характер и не опираются на независимые акцентологические наблюдения как таковые. Между тем ударность и безударность слов разных частей речи и конкретных языковых единиц не константна и меняется в языке, тем более на больших временных отрезках — история славянских клитик, описанная Зализняком, это демонстрирует достаточно убедительно, и она может быть продлена и на русский язык Нового времени, когда клитизации активно подвергаются бывшие полноударные местоимения, новые предлоги и т. д. Ложную уверенность вносят и ударения, которые принято расставлять при переизданиях классиков там, где акцентуация отличается от привычной читателю XX в.; например, строка из «Руслана и Людмилы» печатается *Как наша прабабушка Ева*, тогда как историческая акцентология говорит, что Пушкин, несомненно, имел в виду *прабабушка* (один из любимых примеров А. А. Зализняка на его занятиях). Вероятно, и в таблицах ритмики русского ямба она учтена как III форма, а не IV.

И наоборот, историки русского ударения имплицитно считают, что русский стих — это монотонное чередование ударных и безударных слогов, подчас игнорируя даже такие тривиальные сведения о силлаботоническом стихе, как икты на безударных слогах и сверхсхемные ударения. Скажем, В. Л. Воронцова в своей исключительной по тщательности (хотя по издательским условиям и подчас слишком сжато написанной) книге усматривает в примерах типа *Хорошо было детинушке / Сыпать ласковы слова* ударение *былó*, хотя есть достаточно свидетельств, что *было* при предикативе (но, например, не при творительном падеже) могло быть энклитикой (ср. Сичинава 2014). Нередко как равноправный акцентологический материал используются двухсложники и трехсложники, ритмика которых совсем разная. Исключения, уделяющие внимание обеим сторонам вопроса, сравнительно немногочисленны, сюда можно отнести, прежде всего, работы об уже упомянутом акцентологическом корпусе (например, Корчагин 2008, Гришина 2009, Орехов, Савчук 2019), а также защищенную под руководством В. А. Плунгяна лингвостиховедческую дис-

сертацию Д. К. Поливановой (2015), но и в ней речь идет о синхронистическом описании Зализняком акцентной системы современного русского языка.

Нетрудно видеть, что перед нами два подхода к изучению общего материала, один из которых выводит А из В (стиховую информацию из полагающейся известной акцентологической), а другой, напротив, В из А. В обоих случаях определенность получаемой информации сильно выигрывает; механически фиксируя один из параметров, мы получаем весьма точные графики эволюции ритмических форм (в первом случае) и русского ударения (во втором случае). Но не является ли эта определенность мнимой, не увеличивают ли перебои в первой стопе хорее и вариативность акцентуации целых классов глагольных словоформ число непоказательных случаев? Если, например, слово *вам* в разные десятилетия оказывается на слабых и сильных местах ямба с разной вероятностью, означает ли это изменение ритмики ямба или общеязыковое изменение ударности местоимения? А может быть, и то, и другое?

Исследование односложных слов — уже давняя тематика стиховедения, начиная с работ В. М. Жирмунского и К. Ф. Тарановского; М. Л. Гаспарову принадлежит весьма подробно разработанная с учетом общеязыковой модели теория «легкого» и «тяжелого» стиха. Процент безударных вхождений односложных словоформ глагола *быть* предсказуемо различается в ямбе и хорее одного и того же периода (Сичинава 2014), причем разных словоформ (*быть, был, есть*) в разной степени. Поэтому диахроническое изучение клитик по всему корпусу не так информативно, как можно было бы ожидать: средняя «тяжесть» и «легкость» разных размеров и даже метров в целом оказывают возмущающее влияние на картину. Ударность в стихе двусложных словоформ (*было, будет, значит, разве, то есть, Боже, братец, сударь, мосье* и др.), мало исследованная классиками стиховедения, насколько можно судить, диктуется не ритмикой, а синтаксической позицией и жанром/регистром текста. Конечно, и эволюция ритмики стиха может зависеть в числе прочих факторов от изменения общеязыковой ударности определенных классов слов, но это, вообще говоря, гипотеза, которую лишь предстоит всесторонне проверить.

Как распутать эти факторы, не создавая логического круга и привлекая внешние по отношению к стиху акцентологические источники (орфография, словари, исследования, акцентуированные тексты типа изданий для иностранцев, появляющаяся с конца XIX в. фонотека и др.)? Безусловно, роль в этом должен сыграть и многомерный статистический анализ, уже успешно применяемый к ряду стиховедческих и лингвистических задач.

Литература

- Воронцова В. Л. 1979. *Русское литературное ударение XVIII–XIX веков. Формы словоизменения*. М.: Наука.
- Гришина Е. А. 2009. Корпус «История русского ударения». В сб.: В. А. Плунгян (отв. ред.). *Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы*. СПб.: Нестор-История, 150–174.
- Еськова Н. А. 2008. *Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков*. М.: Рукописные памятники Древней Руси.
- Корчагин К. М. 2008. Поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка как акцентологический источник. *Материалы международной конференции «Диалог’2008»*. Статьи, публикуемые на сайте. <http://www.dialog-21.ru/dialog2008/materials/pdf/Korchagin.pdf>.
- Орехов Б. В., Савчук С. О. 2019. Акцентологический корпус как инструмент для исследования русского ударения. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, вып. 21, 61–82.
- Поливанова Д. К. 2015. *Взаимодействие формальных параметров стиха с акцентными и морфологическими характеристиками слова: на материале дактилической клаузулы в русской поэзии первой трети XX века*. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: ИРЯ РАН.
- Сичинава Д. В. 2014. Акцентуация глагола *быть* в русском стихе. В сб.: В. А. Плунгян, Л. Л. Шестакова (ред.). *Корпусный анализ русского стиха*. Вып. 2. М.: Азбуковник, 48–74.
- Шапир М. И. 2000. *Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII–XX веков*. Кн. 1. М.: ЯРК.

Грязь, пыль и кровь в поэтическом корпусе: семантизация акцентовок в конструкциях с предлогом *по*

С. С. Сай

Институт лингвистических исследований РАН; serjozhka@yahoo.com

Едва ли не самая известная попытка увидеть регулярность в образовании форм второго предложного падежа в русском языке (т. е. форм вроде *в саду́, на лу́гу, в пы́ли*, противопоставленных «обычному» предложному — *о са́де, о лу́ге, о пы́ли*) принадлежит Владимиру Александровичу Плу́нгиану. В статье Плу́нгиан 2002 он показывает, что у второго предложного есть семантический инвариант, или по крайней мере центральное значение — значение «жесткой» локализации. Цель настоящей заметки состоит в том, чтобы привести некоторые факты русской морфологии, которые покажут, что противопоставление «жесткой» локализации и других значений может быть актуально не только для второго предложного падежа, и, таким образом, развить наблюдения В. А. Плу́нгиана.

Речь пойдет о существительных третьего склонения. Как известно, у абсолютно подавляющего их большинства ударение во всех шести основных падежах единственного числа падает на основу (Зализняк 1963/2010: 441–442), а вот если у слова третьего склонения есть специализированная форма второго предложного, то она всегда имеет ударное окончание *-и́*, ср. родительный и дательный *тэ́ни*, «обычный» предложный *о тэ́ни*, но второй предложный *в тэни́*.

В литературе уже отмечалось (Зализняк 1963/2010: 432, Воронцова 1979: 69–70, Булаховский 1954: 162–163), что вопреки норме, отраженной в современных словарях (ОСРЯ, Зарва 2001) и существовавшей и раньше (Воронцова 1979: 69), у слов третьего склонения ударение иногда все же попадает на окончание и в формах родительного и дательного падежа (ср. *с печи́, с це́пи, по груди́, из сети́*). Такая акцентовка может быть объяснена аналогическим воздействием второго предложного (Булаховский 1954: 162, Иткин 2016). При таком подходе распространение форм с окончанием ударением говорит о постепенном переходе некоторых существительных в экзотический акцентный тип со стабильным ударным *-и* в окончаниях единственного числа (такая акцентная схема нормативна

для существительного *глушь* и некоторых других существительных, включая топонимы *Тверь*, *Обь* и т. д.).

При этом, видимо, до сих пор не предпринималось попыток выявить те грамматические и семантические факторы, которые синхронно влияют на выбор позиции ударения у существительных, допускающих эти колебания. Именно такая попытка предпринимается в настоящей заметке, пусть и на очень скромном лексическом и грамматическом материале. Лексически материал будет ограничен существительными, обозначающими «вещества или совокупности объектов». В. А. Плунгян (2002) анализирует поведение 28 существительных такого типа, акцентируя различия между теми четырьмя из них, которые регулярно образуют формы второго предложного, — *грязь*, *пыль*, *кровь* и *шерсть* — и теми существительными, которые таких форм не имеют, — *слизь*, *сталь*, *ткань*, *ртуть*, *тушь* и др. (еще для трех отмечены «колебания» — *мазь*, *плоть*, *кость*). В частности, В. А. Плунгян показывает, что для названных четырех существительных в предложном падеже естественны контексты с типичными значениями, выражаемыми вторым предложным: «внутри массива некоторого вещества», ср. *увязнуть в грязи́*, и «обильно покрытый, испачканный чем-либо», ср. *пришел в кровí* (ГСРЯ: 70).

Эмпирической базой для исследования послужил поэтический корпус в составе Национального корпуса русского языка (НКРЯ; www.ruscorpora.ru; период обращения — 20–29 апреля 2020 г.). В корпусе находились все формы 28 существительных из обрисованного выше множества, имеющие окончание *-и*. Было установлено, что окончательное ударение в формах род. и дат. ед. ч. сколько-нибудь регулярно фиксируется только для трех проанализированных существительных: *кровь*, *грязь* и *пыль* (напомню, что все эти три существительных имеют и формы второго предложного). Помимо этого, оказалось, что вероятность окончательного расположения ударения различна для разных контекстов: выше всего она в контекстах с предложном *по*, ср. *по кровí*, *по грязи́* и *по пы́ли*. Дальнейшее изложение будет ограничено контекстами с этим предложном (сопоставление разных предложно-падежных контекстов друг с другом — предмет отдельной статьи). Распределение акцентовок для таких контекстов показано в Таблице 1. Случаи перетяжки ударения на предлог (*пó грязи*) исключены из подсчетов.

Как можно видеть, доля окончательного ударения в контекстах с предложном *по* вполне заметна: в сумме для трех существительных она равна 0,3¹.

¹ Это значимо больше, чем для форм генитива (где она не превышает 0,1) и, видимо, больше, чем для прочих дативных контекстов (хотя статистическую значимость различия удастся доказать только для существительного *кровь*).

	наосновное		наконечное	
	N	доля	N	доля
<i>кровь</i>	58	0,76	18	0,24
<i>грязь</i>	26	0,6	17	0,4
<i>пыль</i>	4	0,6	3	0,4

Таблица 1. По + крови, грязи, пыли: ударение в поэтическом корпусе

При объяснении возникновения конструкций типа *по кровѣ*, *по грязи* и *по пыли* напрашивается идея об аналогии со стороны того, что мы теперь называем вторым предложным падежом (Зализняк 1985: 246). Влияние такой аналогии именно на конструкции типа *по грязи*, *по пыли* неудивительно: они часто используются при описании движения сквозь среду, которая объемлет траектор, нередко затрудняя его движение и/или пачкая его. Показательны глаголы, фиксируемые в сочетании с обстоятельством *по грязи*: *брести*, *гоношить*, *хлюпать*, *чавкать*, *чвакать*, *шлепать* или *таскать*, как в самом старом из зафиксированных в поэтическом корпусе примеров такого рода:

(1) *Хоть Подругу наш остов телесный*

По житейской таскает грязь;

Но Она, как природы небесной,

Все в таинственной, с небом связи!

(Ф. Н. Глинка. Тайны души (1841–1845))

Таким образом, в обсуждаемых контекстах возникает резонанс между лексической семантикой существительного («грязное» вещество, густая среда, мешающая движению) и тем значением, которое ассоциируется с наконечным положением ударения: для форм предложного падежа В. А. Плунгян описывает его как «ситуацию плотного покрытия, “обволакивания”, “окутывания” объекта» (Плунгян 2002).

В ситуации колебаний между контекстами с разными акцентовками может быть намечен определенный контраст, пусть лишь *in statu nascendi*. Показать его при помощи количественных данных из трех существительных удастся только для существительного *кровь*. Все его сочетания с предлогом *по* были разделены на три типа. К первому («происхождение») были отнесены случаи, когда *по крови* связано с идеей родства, внутренней природы, принадлежности к какой-либо группе, как в знаменитом примере (2). Ко второму («управление») — немногочисленные случаи, когда предлог *по* входит в модель управления какого-либо глагола (*тосковать*, *понять*, *судить*, *узнать*). В третий класс («среда») вошли случаи, в которых выражается движение сквозь среду, как в (3).

- (2) *Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей*
(О. Э. Мандельштам. «За гремучую доблесть грядущих веков...» (1931))
- (3) *Одна судьба — не две — у человека,
И как дорогу ту ни назови,
Я верен тем, с которыми полвека
Шагал я по грязи и по крови.*
(И. Г. Эренбург. «Я смутно помню шумный перекресток...» (1957))

Данные об акцентном поведении выражения *по крови* в зависимости от значения суммированы в Таблице 2.

	<i>по крѳви</i>		<i>по кровѳ</i>	
	N	доля	N	доля
«происхождение»	32	0,9	3	0,1
«управление»	8	0,7	3	0,3
«среда»	18	0,6	12	0,4

Таблица 2. Ударение в выражении *по крови* и его семантика

Выше всего доля конечного ударения в контекстах со значением движения сквозь среду (различия между первым и третьим типом контекстов статистически значимы, точный тест Фишера, $p < 0,01$). Это подтверждает тезис о (частичной) семантической обусловленности изучаемых акцентных контрастов.

Основной эмпирический вывод состоит в том, что по крайней мере у трех существительных, относящихся к третьему склонению и регулярно использующихся в форме второго предложного падежа: *кровь*, *грязь* и *пыль* — ударение нередко оказывается на окончании *-и* в других формах единственного числа, особенно в сочетаниях с предлогом *по* (*по кровѳ* и т. д.). При этом речь не идет о бессистемных колебаниях между акцентными схемами. На уровне вероятностной закономерности существует корреляция между конечным ударением и локативной семантикой, конкретнее — той ее разновидностью, которую можно вслед за В. А. Плунгяном (2002) обозначить как «жесткая» локализация. В случае с предлогом *по* и существительными, обозначающими вещества, это прежде всего контексты, где выражается движение с плотным погружением в среду (*брести по грязи*).

Разумеется, невозможно забывать, что речь идет лишь о небольшой группе существительных и лишь о вероятностной тенденции. И все же

необходимо попытаться ответить на вопрос о том, как с теоретической (и синхронной) точки зрения следует трактовать контрасты вроде *при-выкнуть к грязи vs. брести по грязи*.

Один возможный путь состоит в том, чтобы объявить формы в контекстах вроде *брести по грязи* «вторым дательным» (тогда для случаев типа *выволочь из грязи* пришлось бы говорить уже чуть ли не о «третьем родительном»). Этот путь не представляется привлекательным: при его избрании сущности размножились бы, а групповое совпадение «обычных» и «номерных» падежей пришлось бы считать всего лишь падежной омонимией, что противоречит здравому смыслу.

Более перспективным представляется путь признания в русском языке еще одного бинарного контраста, отчасти ортогонального категории падежа. Планом выражения для этого контраста является положение ударения в формах типа *крóви vs. кровí*, а планом содержания маркированного члена оппозиции (*кровí*) — значение «жесткой» локализации, выявленное для второго предложного в (Плунгян 2002).

Литература

- Булаховский Л. А. 1954. *Русский литературный язык первой половины XIX века. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис*. Изд. 2-е, исправленное. М.: Учпедгиз.
- Воронцова В. Л. 1979. *Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения*. М.: Наука.
- ГСРЯ — Зализняк А. А. 2003. *Грамматический словарь русского языка*. Изд. 4-е, исправленное и дополненное. М.: Русские словари.
- Зализняк А. А. 1963. Ударение в современном русском склонении. *Русский язык в национальной школе*, №2, 7–23. Перепечатно в: Зализняк А. А. 2010. *Труды по акцентологии*. Т. I. М.: ЯСК, 431–447.
- Зализняк А. А. 1985. *От праславянской акцентуации к русской*. М.: Наука.
- Зарва М. В. 2001. *Русское словесное ударение. Словарь. Около 50 000 слов*. М.: НИЦ ЭНАС.
- Иткин И. Б. 2016. *Удивительная история второго предложного падежа*. Выступление в рамках проекта «Публичные лекции “полит.ру”» 19 мая 2016 г. Доступно по адресу: https://m.polit.ru/article/2016/08/20/itkin_lecture/ (дата обращения: 19 апреля 2020 г.).
- ОСРЯ — Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А. 1988. *Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. Около 63 500 слов*. Под ред. Р. И. Аванесова. М.: Русский язык.
- Плунгян В. А. 2002. К семантике русского локатива. *Семантика и информатика*, вып. 37, 229–254.

Активные и медиальные формы в послеведийском санскрите: новые функции исчезающей морфологической категории*

Л. И. Куликов

Гентский университет; Leonid.Kulikov@UGent.be

В древнеиндийском языке (санскрите) все личные глагольные формы различаются по категории залога (или диатезы): активный / медиальный. Каждый залог имеет свои окончания: 3 л. ед. ч. акт. *-ti* / 3 л. ед. ч. мед. *-te*; 3 л. мн. ч. акт. *-(a)nti* / 3 л. мн. ч. мед. *-(a)nte*; и т. д. В древнейшей разновидности санскрита — ведийском языке (конец II — начало I тыс. до н. э.) — формы медиального залога имели целый ряд значений, в основном схожих со значениями русских возвратных глаголов на *-ся* — напр., антикаузативное, ср. *vardhati* ‘увеличивает’ — *vardhate* ‘увеличивается’; пассивное, ср. *sotṛbhiḥ pūyate vṛṣā* (Ригведа 9.86.12) ‘[Сома-]бык очищается выжимателями’; рефлексивное, ср. *piś* ‘украшать’ — *pipiṣe* [3 л. ед. ч. мед. перфекта] *hīraṇyaiḥ* (РВ 2.33.9) ‘[Рудра] украсил себя золотыми украшениями’; и т. д. Однако в более позднем, т. наз. классическом санскрите, на котором написаны тексты начиная с конца I тыс. до н. э. (в частности, ряд юридических и религиозно-нравственных текстов, дхармасутры и дхармашастры), ситуация изменилась. Многие санскритологи считали, что активные и медиальные формы просто перестали различаться в употреблении — по крайней мере для ряда глаголов. Такая «деграмматикализация» медиального залога, безусловно, была отражением (и, собственно, происходила под влиянием) изменений в среднеиндоарийских языках этого времени¹, таких как пали и (ранние) пракриты, где оппозиция актив/медий была полностью утрачена, в том числе и на формальном уровне.

В данной статье я собираюсь показать, что, даже несмотря на значительное ослабление грамматической оппозиции актив/медий к концу

* Пользуюсь случаем поблагодарить А. А. Вигасина, А. Ю. Урманчиеву и А. В. Юдина, прочитавших черновик этой статьи и сделавших ряд ценных замечаний.

¹ Подробнее об этом явлении см., в частности, Kulikov 2013.

древнеиндоарийского периода, противопоставление активных и медиальных форм не лишается всякой функциональной нагрузки и, более того, даже приобретает новые функции.

Поскольку прояснить этот вопрос для всех финитных форм в рамках краткой статьи не представляется возможным, я ограничусь одним морфологическим образованием, презенсами с суффиксом *-ya-*, к которым относятся (i) IV класс презенса (с ударением на корне в ведийском), и (ii) пассивный презенс с ударением на суффиксе *-ya-*. В ведийском это образование обнаруживает достаточно жесткие правила выбора залога (актив/медий) (см. исчерпывающее описание в Kulikov 2012) и поэтому должно быть особенно интересно для изучения правил употребления залога в послеведийском санскрите.

Прежде всего, следует отметить, что пассивные презенсы с суффиксом *-ya-* лишь в очень редких случаях встречаются с активной флексией². Несколько чаще засвидетельствованы нерегулярности противоположного типа: *-ya-*презенсы, которые всегда или как правило встречаются с активной флексией (*Activa tantum* или *quasi-tantum*), но изредка засвидетельствованы с медиальными окончаниями. Медиальные формы могут нести ту же функциональную нагрузку, что и в ведийском, т. е. являются пассивами (напр., *asyamānaḥ* (Айтарея-араньяка 2.3.5) ‘бросаемый, приводимый в движение’), социативами (*sam-ṭṛpyante* (Каушитаки-бр. 12.5) ‘радуются вместе’) и т. д.

Наибольший интерес для данной работы представляют, однако, те медиальные формы в парадигме *-ya-*презенсов *Activa quasi-tantum*, появление которых не мотивировано семантически, и которые, на первый взгляд, подтверждают расхожее мнение о случайном выборе флексии (активная/медиальная) в позднем санскрите. Среди наиболее показательных примеров такого рода — непереходный презенс *śudhya-ti* ‘очищаться, становиться чистым’ (также с превербами *vi-* и *pari-*, которые практически не отражаются на семантике глагола), засвидетельствованный начиная с поздних мантр Яджурведы (ср. пример (1)) и нередко встречающийся с медиальной флексией.

Ниже приводится несколько метрических фрагментов (стихов), где встречаются и активные, и медиальные формы — очевидно, без какого-либо различия в семантике. Формы глагола *śudh* выделены жирным шрифтом:

² Вопреки утверждениям, встречающимся во многих санскритских грамматиках (напр., Whitney 1889: 277, §774, Renou 1930/1960: 465), и в отличие от авестийского, где *-īa-*пассивы с активной флексией нередки (Kellens 1984: 129–130); см. Kulikov 2012.

- (1) *yát te krūrāṃ yád ásthitaṃ, tát ta á pyāyatāṃ ní ṣṭyāyatāṃ, tát te śudhyatu*
 ‘Какая бы рана, какая бы [болячка ни] появилась у тебя, пусть она распухнет, пусть свернется для тебя, пусть она очистится для тебя’ (Ваджасанейи-самхита 6.15.f).
- (2) *śraddhayā śudhyate buddhiḥ ' śraddhayā śudhyate matiḥ*
 ‘(Религиозной) верой очищается интеллект, верой очищается мысль’³ (Баудхаяна-шраутасутра 29.8:380.3-4).
- (3) *striṇām asaṃskṛtānām tu ' tryahāt śudhyanti bāndhavāḥ*
yathoktenaiva kalpena ' śudhyanti tu sanābhayaḥ
 ‘А [после смерти] женщин, [обрученных, но] не вышедших замуж, [жених и его] родственники очищаются по прошествии трех дней; а [их] кровные родственники очищаются в соответствии с ранее указанным правилом’ (Законы Ману 5.72).
- (4) *asapindaṃ dvijaṃ pretam ' vipro nirhṛtya bandhuvat*
viśudhyati trirātreṇa ' mātur āptāṃś ca bāndhavān
 ‘Брахман, который вынес, как [если бы он был] родственником, [тело] умершего дваждырожденного не-родственника или близкого родственника по матери, очищается по прошествии трех ночей’ (Законы Ману 5.101).
- (5) *brāhmaṇakṣatriyaviśām ' striyaḥ śūdreṇa saṅgatāḥ*
aprajātā viśudhyanti ' ...
 ‘Женщины из брахманов, кшатриев, вайшьев, совокупившиеся с шудрой, очищаются⁴ искуплением, если они не родили [ребёнка]...’ (Васиштха-дхармасутра 21.12).
- (6) *khananād dahanād dharṣād ' gobhir ākramaṇād api*
caturbhiḥ śudhyate bhūmiḥ
 ‘Копанием, выжиганием [травы], соскребанием и наступанием коров [на землю] — [этими] четырьмя [способами] очищается⁵ земля...’ (Васиштха-дхармасутра 3.57 ≈ Шадвимша-бр. 5.10.4).
- (7) *rajasā śudhyate nārī ' nadī vegena śudhyati*
*bhasmanā śudhyate kāmasyaṃ ' tāmram amlena śudhyati*⁶

³ К интерпретации этого стиха, см. Köhler 1973: 28, где *śraddhā* передается как ‘Hingabe’. Глагольная форма переводится у Кёлера как пассив: ‘wird geläutert’.

⁴ Глагольная форма *viśudhyanti* переводится пассивом в Olivelle 2000: 439 (‘they are purified’).

⁵ Переводится пассивом в Bühler 1882: 24 (‘land is purified’), а также (для параллельного стиха Шадвимша-бр. 5.10.4) в Bollée 1956 (‘the earth is purified’).

⁶ О вариантах в рукописях см. Olivelle 2000: 645.

‘Менструальным выделением очищается⁷ женщина, река очищается течением, золой очищается латунь, медь очищается кислотой’ (Васиштха-дхармасутра 3.58).

- (8) *adbhir gātrāṇi śudhyanti ' manaḥ satyena śudhyati*
 ‘Водой очищаются части тела, разум очищается истиной’ (Васиштха-дхармасутра 3.60 = Законы Ману 5.109).
- (9) *kṣāntyā śudhyanti vidvāṃso ' dānenākāryakāriṇaḥ*
 ‘Мудрые очищаются терпением, совершившие то, что недолжно, — уплатой [штрафа]’ (Законы Ману 5.107).
- (10) *kuraṅgaṃ vānaraṃ siṃhaṃ ' citraṃ vyāghraṃ tu ghātayan śudhyate sa trirātreṇa ' viprāṇāṃ tarpaṇena sa*
 ‘Убивающий антилопу, обезьяну, льва, леопарда или тигра очищается [от греха] трехсуточным постом и подношением пищи брахманам’ (Парашара-смрити 6.13).
- (11) *rajasā tā viśudhyante ' bhasmanā bhājanaṃ yathā*
 ‘Менструальным выделением они (женщины) очищаются, как золой [очищается] сосуд’ (Махабхарата 12.36.27).

На первый взгляд, выбор типа флексии в приведенных примерах ничем не мотивирован; во всяком случае, медиальная флексия не несет никакой семантической нагрузки (вопреки распространенному мнению, см. Bloomfield, Edgerton 1930: 30–52). Все встречающиеся в примерах формы глагола *śudhya-ti/te* употреблены в значении ‘очищается/очищаются’ в непереходных неактивных конструкциях, построенных по модели ‘X_{NOM} очищается Y_{INS/ABL}-ом’ (второй вариант с аблативом встречается реже). Наличие именной группы в инструменталисе, возможно, объясняет тот факт, что такого рода примеры нередко переводятся в санскритологической литературе пассивными конструкциями (см. примечания к примерам)⁸. Хотя, на первый взгляд, Y_{INS} можно интерпретировать как агенс при пассиве, по ряду причин неактивная (антикаузативная) интерпретация медиальной формы *śudhyate* ‘очищается’ предпочтительна:⁹ 1) описываемый

⁷ Переводится пассивом в Olivelle 2000: 369 (‘A woman is purified’).

⁸ Bloomfield, Edgerton 1930: 44, 49 даже упоминают *śudhyatu* в мантре (1) как редкий пример -*ya*-пассива с активной флексией.

⁹ Русский перевод *очищается* омонимичен (в отличие, например, от немецкого *läutert sich* (антикауз.) ~ *wird geläutert* (пасс.)), поскольку может передавать и пассив, и антикаузатив.

глаголом *śudhya*^{-ti/te} процесс («становиться чистым»), как правило, не предполагает участие внешнего агенса; 2) именная группа в инструменталисе всегда обозначает не пассивный агент («тот, кто очищает»), а инструмент или средство очищения («вода», «течение», «истина», «время» и т. д.). Следует отметить, что эта семантическая роль также может кодироваться аблативом, как в (6). 3) Формы с медиальной флексией появляются в том же контексте, что и соответствующие активные формы (ср. (7)), которые не могут употребляться в качестве пассивов.

Ниже будет показано, что единственный параметр, от которого зависит выбор типа флексии (актив/медий) презенса *śudhya*^{-ti/te}, — это позиция данной формы в стихотворной (метрической) строке, или паде¹⁰.

Напомним, что в санскритской метрике важен порядок расположения долгих и кратких слогов, т. е. каждой позиции в паде может быть приписана одна из трех характеристик: 1) долгий слог (—); 2) краткий слог (◡); 3) долгий или краткий слог (т. наз. *ánkeṣ*: ◡). Долгим является любой закрытый слог или открытый слог, содержащий долгую гласную (в том числе *e* и *o*, которые всегда долгие, поэтому их долгота диакритикой не отмечается) или дифтонг (*ai*, *au*). Все приводимые выше стихи, за исключением (1), имеют размер шлока, т. е. представляют собой четверостишия, состоящие из восьмисложных пад.

Самая распространенная разновидность шлоки (т. наз. тип *pathyā*) описывается следующей схемой:

1-я пада 2-я пада 3-я пада 4-я пада
 ◡◡◡◡ | ◡—◡ || ◡◡◡◡ | ◡—◡◡ || ◡◡◡◡ | ◡—◡ || ◡◡◡◡ | ◡—◡◡

Схема 1. Метрическая модель шлоки типа *pathyā*

Легко видеть, что нечетные (и четные) пады устроены одинаково, а единственное отличие между четными и нечетными падами заключается в долготе предпоследнего слога (долгий в нечетных, краткий в четных).

С точки зрения распределения кратких и долгих слогов в словоформе, главное различие между активными и соответствующими медиальными формами 3 л. ед. и 3 л. мн. (очевидно, самыми частотными формами) заключается в долготе последнего слога: в активных формах этот слог краткий (*-ti*), а в медиальных — долгий (*-te*). Очевидно, именно это обстоятельство определяет выбор флексии. В частности, позиция, часто занимаемая глагольной словоформой — слог с 4-го по 6-й (ср. (2), (6), (7)) —

¹⁰ Ср. также Oberlies 2003: 240–242 об употреблении *-ya*-пассивов с активной флексией в эпическом санскрите.

требует долгого последнего слога словоформы (= 6-й слог пады, или антепенультим), и поэтому здесь может появиться только медиальная форма (на *e*) — как, например, в (2) (...*śudhyate buddhiḥ*, ... *śudhyate matiḥ*); ср. правило (ii) в приводимой ниже схеме 2. В другой частотной позиции глагольной словоформы — в конце пады (ср. (7), (8), (11); см. правило (i.a-b)) — последний слог приходится на анкепс, и поэтому можно было бы ожидать что здесь появление активных и медиальных форм будет одинаково вероятным (ед. ч. в четных падах и мн. ч. в нечетных, в соответствии с краткостью/долготой предпоследнего слога); в действительности, однако, намного чаще появляются активные формы — очевидно, как немаркированные для презенса *śudhya*^{ti/(te)}.

Полное правило выбора типа окончания (активное/медиальное) в зависимости от позиции словоформы в паде можно представить в виде следующей схемы 2:

	нечетная пада								четная пада							
	⏟ 1	⏟ 2	⏟ 3	⏟ 4	⏟ 5	— 6	— 7	⏟ 8	⏟ 1	⏟ 2	⏟ 3	⏟ 4	⏟ 5	— 6	⏟ 7	⏟ 8
(i.a)	śudh ya ti(/te)															
(i.b)	(vi-) śudh yan ti/te															
(ii)	śudh ya te								śudh ya te							
(iii)	śudh ya(n) ti								śudh ya(n) ti							
(iv)	(vi-) śudh ya ti															
(v.a)	śudh ya te								śudh ya te							
(v.b)	śudh yan ti								śudh yan ti							

Схема 2. Выбор типа окончания в зависимости от позиции словоформы в паде

За вычетом трех слогов во второй половине пады (в каденции), отделенной на схеме 2 вертикальным полужирным разделителем между 4-м и 5-м слогами, где может появиться либо только долгий, либо только краткий слог (и, таким образом, выбор флексии определяется жестким правилом), все остальные позиции являются анкепсами, т. е. допускают как долгий, так и краткий слог. В этих позициях, как правило, употребляются только активные окончания (что, очевидно, указывает на изначальную принадлежность *śudhya*^{ti/(te)} к категории *Activa quasi-tantum*), за исключением анкепса третьего слога пады (правило (v.a) в схеме 2), где засвидетельствованы преимущественно медиальные окончания (ср. (10))¹¹.

¹¹ Возможно, под влиянием других, более редких разновидностей шлоки — например, одного из подтипов типа *virulā*, где нечетная пада следует схеме ⏟⏟— — | ⏟⏟⏟⏟; ср. пример (5), где первая полужлока построена по этой модели.

Таким образом, (поздний) санскрит представляет собой пример языкового развития, когда правила стихосложения причудливым образом внедряются в грамматическую систему. В известном смысле, мы встречаемся здесь с типом детерминации, обратным по отношению к тому, который нам более привычен, — когда лингвистические особенности языка определяют тип стихосложения (см., например, Плуноян 2005).

Литература

- Плуноян В. А. 2005. К эволюции русской метрики: Немонотонная силлаботоника. В сб.: В. Н. Топоров (ред.). *Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой*. М.: ЯСК, 857–869.
- Bloomfield M., Edgerton F. 1930. *Vedic variants*. Vol. I. *The verb*. Philadelphia: Linguistic Society of America.
- Bollée W. B. 1956. *Ṣaḍviṃśa-Brāhmaṇa. Introduction, translation, extracts from the commentary and notes*. Utrecht: A. Storm.
- Bühler G. 1882. *The sacred laws of the Āryas as taught in the schools of Āpastamba, Gautama, Vāsishtha, and Baudhāyana*. Pt 2. *Vāsishtha and Baudhāyana*. Oxford: Clarendon Press.
- Kellens J. 1984. *Le verbe avestique*. Wiesbaden: Reichert.
- Köhler H.-W. 1973. *Śrad-dhā- in der vedischen und altbuddhistischen Literatur*. Wiesbaden: Steiner.
- Kulikov L. 2012. *The Vedic -ya-presents: Passives and intransitivity in Old Indo-Aryan*. Amsterdam: Rodopi.
- Kulikov L. 2013. Language vs. grammatical tradition in Ancient India: How real was Pāṇinian Sanskrit? Evidence from the history of late Sanskrit passives and pseudo-passives. *Folia Linguistica Historica*, v. 34, 59–91.
- Oberlies T. 2003. *A grammar of Epic Sanskrit*. Berlin; New York: de Gruyter.
- Olivelle P. 2000. *Dharmasūtras: the law codes of Āpastamba, Gautama, Baudhāyana, and Vasiṣṭha. Annotated text and translation*. Delhi: Motilal Banarsidass.
- Renou L. 1930/1960. *Grammaire sanscrite*. Paris: Adrien-Maisonneuve.
- Whitney W. D. 1889. *Sanskrit grammar*. 2nd ed. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Леонинская рифма

А. Е. Кузнецов

МГУ имени М. В. Ломоносова /

Эйнштейн Центр Chronoi, Свободный университет;

recubanssub@googlemail.com

— Ну, скажи рифму на слово «палка».

— Селедка, — ответил Незнайка.

— Какая же это рифма: палка — селедка? Никакой рифмы нет в этих словах.

— Почему нет? Они ведь оканчиваются одинаково.

Н. А. Носов. Приключения Незнайки и его друзей.

Глава четвертая. Как Незнайка сочинял стихи

1. Леонинский стих

Леонинский стих известен начиная с каролингской эпохи, и, вероятно, основная масса квантитативной рифмованной поэзии была создана в этой форме. В последние десятилетия XII в. монах Павел из Камальдунлийской конгрегации (Paulus Camaldulensis)¹ давал в своем кратком учебнике следующее правило, *Introductiones de notitia versificandi*, 3, 10:

Leonini dicuntur ad similitudinem leonis, qui totam fortitudinem et pulchritudinem specialiter in pectore et in caude videtur habere. similiter isti in secundo vel tertio et in ultimo pede propter duarum vocalium armoniam in pectore et in cauda, id est in medio et in fine versus suam pulchritudinem notantur demonstrare, ut est ...

Леонинскими стихи называются по сходству со львом, вся сила и красота которого содержится, как полагают, в особенности в груди и в хвосте. Подобным образом эти стихи во второй или третьей и в последней стопе

¹ О личности Павла ничего не известно (Stammerjohann 2009: 1137). *Introductiones de notitia versificandi* «Введение в познание стихосложения» содержится в парижской рукописи lat. 7517, fol. 26^v–33^v (Sivo 1982). Время жизни Павла определяется исключительно по палеографической датировке парижской рукописи. Если эта дата верна, то Павел, возможно, окажется первым, кто использовал выражение ‘леонинский стих’.

по причине гармонии двух согласных в груди и в хвосте, то есть в середине и в конце стиха, приметно показывают свою красоту, например:

filius iste Déi || quem cernitis, o Galil'ei
sic est ventúrus || mundo finem positúrus

В действительности в леонинском гекзаметре срединная рифма может располагаться после второго, третьего или четвертого икта, но пятиполовинная цезура всегда преобладала и к XIII в. она становится обязательной.

Описанная Павлом обязательная двусложная рифма характерна, скорее, для XIII в. В предшествующем правиле (3,9) Павел описывает гекзаметры с более простой рифмой, называя их *versus consonantes*, 'созвучными', то есть рифмованными стихами:

Consonantes dicuntur, qui in principio tertii pedis et in fine ultimi aliquam consonantiam tenent, ut est illud...

Созвучными стихами называют такие, в которых есть некоторое созвучие в начале третьей стопы и на конце последней стопы, например («Эклога» Теодула, X в., ст. 1):

Æthiopum térras || iam fervida torruit 'estas

В 1836 г. издатель Теодула считал нужным заметить, что стихи «Эклоги» «не леонинские, но украшенные ассонансом»². Это замечание справедливо: начиная со средневековых учебников, 'леонинскими' называли исключительно стихи с точными двусложными горизонтальными рифмами. Включение в леонинскую поэзию текстов с 'ассонансами' (что бы это ни значило) было результатом исторической методологии XIX столетия с характерным для этой методологии телеологизмом: неточные рифмы каролингской эпохи представлялись ранними, несовершенными стадиями точной рифмы XIII–XIV (и далее) веков, которая мыслилась как завершение эволюционного процесса. Я ограничусь здесь ссылкой на выдающегося исследователя и знатока латинской метрики Вильгельма Мейера. В издании «Поэмы о Теофиле» Радевина (вторая половина XIII в.) Мейер начинал соответствующий раздел словами «Ко времени Радевина законы рифмы еще не были установлены» (Meyer 1873: 69). С этой же точки зрения М. Л. Гаспаров (2003: 87) писал о «зрелой двусложной рифме» Марбода Реннского³. Как следствие, техника рифмы описывалась как набор разнообразных уклонений от нормы, в результате одно из наиболее замечательных изобретений поэтов каролингской эпохи осталось не-

² Versus autem non sunt leonini... sed assonantia ... ornati (Beck 1836: 15).

³ Общий обзор латинской рифмы можно найти в книге Дага Норберга «Introduction à l'étude de la versification latine médiévale», 1958 (Norberg 2004); специально о леонинской рифме см. (Strecker 1922).

замеченным, хотя оно было многократно описано (в том числе и в упомянутой только что статье Мейера) как одно из проявлений несовершенства метрической техники. Этим изобретением была двусложная прерывная рифма, пример которой дает *terras ~ estas* Теодула.

Итак, название *versus leoninus* прилагается к дактилическим стихам, гекзаметру или элегическому дистиху, независимо от формы рифмы, но горизонтальная рифма от цезуры к исходу стиха встречается и в других метрических формах квантитативной поэзии⁴. В настоящей статье я опираюсь на метрическую базу данных, созданную мною в процессе подготовки издания текста леонинской поэмы Теодерика (*Theodericus*), условно называемой *De mirabilibus* «Об удивительных вещах» (1186 стихов), которая представляет собой сокращение сочинения Юлия Солина *Collectanea rerum memorabilium* (в свою очередь, сокращение «Естественной истории» Плиния). Поэма Теодерика полностью до сих пор не издана. О Теодерике известно только то, что он написал свою поэму, вероятно, в первые десятилетия XII века⁵.

2. Рифма в квантитативной и метрической поэзии

Средневековый квантитативный стих предполагает взаимодействие трех уровней латинского языка. Кроме письма и речи, это еще и поэтический язык, в котором действовали древние просодические (но не фонетические) нормы, не имевшие материального выражения ни на письме, ни в звуке. Классическое стихосложение опиралось на фонологию латинского языка, но средневековые поэты такой возможности не имели. Их знания о том, как складываются латинские стихи, опирались на запоминание позиции отдельных слов в классической поэзии.

В противоположность квантитативной, ‘ритмическая’ поэзия опиралась на то, что можно было воспринимать слухом: число слогов, рифму и ударение⁶. Существование двух форм версификации можно считать своеобразной метрической диглоссией.

⁴ Например, стихотворение «Змея» Теобальда, написанное сапфической строфой *Theobaldus, Physiologus*, 3. Личность и время автора «Физиолога» неясны (Stammerjohann 2009: 1472, s.v. Tebaldus; Eden 1972: 5), возможно, он отождествляется с писателем, известным как *Theobaldus Placentinus* (ок. 1100).

⁵ Полное критическое издание подготовлено Райнером Якоби (Prof. Dr. Rainer Jakobi, Martin-Luther-Universität, Halle-Wittenberg) и автором настоящей статьи. Подробнее о Теодерике см. (Кузнецов 2020). Якоби (Jakobi 2002: 250) относит *De mirabilibus* ко времени ок. 1120.

⁶ Метрический статус ударения за пределами клаузулы не вполне определен, и нет оснований полагать, что все ритмические стихи были устроены в этом отношении

Иоанн Гарландский, один из ранних теоретиков ритмической поэзии⁷, определял *rithmus* следующим образом: *consonantia dictionum in fine similitum, sub certo numero sine metricis pedibus ordinata* «согласное звучание слов, похожих в конце, которое устроено в соответствии с определенным ритмом, но без метрических (= квантитативных) стоп», (*Parisiana Poetria* 7, 477). Таким образом, рифма является основным реквизитом неквантитативной латинской метрики, которую удобней было бы назвать ‘перкуSSIONной’. Действительно, описывая разные типы ритмических стихов, Иоанн Гарландский всегда говорит о количестве ‘ударов’ *percussiones*, а не ударений (*Parisiana Poetria* 7, 511). Ударения не всегда занимают одинаковые позиции в стихе, но в рифме позиция ударения строго фиксирована, и собственно место ударения определяет тип стиха: в ‘спондеическом’ стихе ударение стоит на предпоследнем слоге, а в ‘ямбическом’ — на третьем.

В следующем куплете ‘спондеические’ строки чередуются с ‘ямбическими’ по схеме 8[2]/7[3] (в скобках [] в этой формуле указано место ударения в клаузуле), *Parisiana Poetria* 7, 605:

pulcra casta Katerína
flos et gemma Gręcię
sub scolari disciplína
donum sumpsit grátie

Несмотря на то, что трехсложная ‘ямбическая’ клаузула фиксирует ритм стиха, нормальная глубина рифмы для эпохи Иоанна составляет два слога, поэтому опорный ударный гласный остается нерифмованным.

Если рифма односложная, то ударный гласный не рифмуется и в спондеической клаузуле.

3. Структура рифмы

В латинской поэзии (как перкуSSIONной, так и квантитативной) необходимым и достаточным фонетическим условием рифмы было точное совпадение последнего гласного в словах, занимающих рифмующиеся позиции.

одинаково. Тотально свести ритмические стихи к силлабо-тонике невозможно, обсуждение этого непростого вопроса см. в (Norberg 2004: 4–22, 82–91). Силлаботонической гипотезы придерживался М. Л. Гаспаров (2003: 83).

⁷ Источники по теории ритмической поэзии указаны в комментарии к трактату Иоанна (Lawler 1974: 264).

Таким образом, рифма состоит из главного (опорного) вокального конституента, за которым следует финальный конституент, представленный согласным (кластером) или нулем. Созвучие предвокальных согласных перед опорным гласным не является ни обязательным, ни даже частым. Вся масса доступных текстов свидетельствует о том, что совпадение между опорными гласными должно быть точным. Таким образом, консонансные рифмы, или парарифмы (английские *cattle ~ bottle*) не должны считаться рифмами в латинской поэзии. В действительности такие корреляции крайне редки в достоверно рифмованных текстах.

Если опорные гласные обязательно тождественны, то нарушения финальной корреляции достаточно частотны, чтобы признать их допустимыми (8% у Теодерика):

1054 quantum grande cáput || tantum patet oris hiátus

Такие рифмы встречаются и в других текстах, например, в поэме «Руодлиб» (Seiler 1882: 143), но они всегда очень немногочисленны. Можно с определенностью утверждать, что точная односложная рифма доминирует в каролингской и пост-каролингской квантитативной поэзии.

4. Квантитативная рифма и ударение

Квантитативная рифма привязана к ударению настолько, насколько это обусловлено структурой стиха. В гекзаметре ударение закреплено на предпоследнем слоге, то же наблюдается и в большинстве срединных рифм, при этом под третьим иктом может находиться как спондей (23), так и дактиль при двусложном ямбическом слове (53):

23 parebo díxi || plus iussio posset amíci íi ~ íi 5[2] + 9[2]
53 que modo pura nítent || si tangas era nigréscent íe ~ ée 6[3] + 8[2]

В значительном числе стихов (у Теодерика ок. 33%) предцезурное ударение стоит на третьем слоге:

31 qui sensu módicum || non novit Theoderícum ói-u ~ erí-u 6[3] + 8[2]
32 donet me vénia || reputans tibi non sibi scrípta éi-a ~ íí-a 6[3] + 10[2]
49 constat monstíferę || speciem virtutis habére íe-ę ~ a-é-e 6[3] + 9[2]

Пентаметр в этом отношении принципиально не отличается от гекзаметра, и ударения в рифмованных словах не всегда занимают одинаковое место, Theobaldus, Physiologus:

4, 2 quando suo sólitum || portat in ore cíbum ói-u ~ íu 7[3] + 6[2]
8, 18 nautę festínant || utque foras sáliant ía ~ ái-a 5[2] + 7[3]

Мы можем заметить, что отношение рифмы к ударению не отличается от того, что наблюдается в перкуссионном стихе, но состав рифмы иной: в квантитативной поэзии стабильно меньше двусложных рифм, чем в современной ей перкуссионной.

Представляется вероятным, что леонинский стих мог восприниматься как более свободная форма перкуссионного: с менее точными (до XIII в.) опорными рифмами и менее упорядоченными ударениями внутри полустиший. Таким образом, идеальный квантитативный стих получал бы материальную акцентно-силлабическую оболочку, но подтверждение этого предположения едва ли возможно из-за отсутствия данных, пригодных для статистических исследований.

5. Двусложные рифмы Теодерика: прерывные рифмы

В поэме Теодерика число двусложных рифм для всех гласных не превышает статистически ожидаемого и составляет ок. 23%⁸. Это означает, что в позициях предпоследнего слога перед цезурой и в конце стиха встречается примерно столько же одинаковых гласных, как и в произвольно взятых фиксированных позициях в пределах одного стиха. Буквы (с необходимыми оговорками — звуки), которые находятся между последними и предпоследними гласными, я буду называть интерлюзиями. Возможны три вида интерлюзий в двусложных рифмах: полное совпадение *modicum ~ Theodericum* (31, см. §4), такую рифму я называю непрерывной; в парах *solitum ~ cibum* (*Physiologus* 4, 2) и *venia ~ scripta* (32) интерлюзии полностью не совпадают, это — прерывная рифма. Наконец, *неточное совпадение*: (одна общая буква) обнаруживается в стихе

1138 viribus archánis || natura potens adamántis

В рифме *dixi ~ amici* (23) можно подозревать фонетическое сходство интерлюзий. Объективных критериев, позволяющих оценить степень фонетического подобия неточных корреляций, у нас нет.

В большинстве случаев (ок. 70% у Теодерика) в рифме нет точных корреляций интерлюзий, но число двусложных рифм у Теодерика вообще

⁸ Специальное статистическое исследование двусложных рифм Теодерика было сделано в 2017/2018 г. Дмитрием Дмитриевичем Сбродовым (тогда студентом кафедры газовой и волновой динамики Механико-математического факультета МГУ) под научным руководством доцента, кандидата физико-математических наук Елены Алексеевны Ильюшиной. Я должен выразить коллегам свою благодарность и признательность.

недостаточно велико, чтобы подтвердить или отвергнуть неслучайность преобладания прерывных рифм.

То, что двусложные прерывные рифмы были настоящими рифмами, признанными поэтической культурой еще до второй половины XIII в., подтверждается значительной массой текстов. Такие рифмы заметны в «Руодлибе» и в популярной в Средние века поэме *Cato novus*⁹.

В дактилических стихах «Физиолога» Теобальда рифмы за редкими и фонетически сомнительными исключениям двусложные, при этом прерывные рифмы не просто многочисленны, они почти обязательны. При этом наблюдается очень сильная тенденция к выравниванию ударений в рифмованных словах. Плотность несомненно прерывных рифм различна в разных стихотворениях, но в среднем в гекзаметрах и пентаметрах Теобальда по моим подсчетам их 72% (162 из 225 стихов).

Очевидно, что с точки зрения версификационной техники последовательная прерывная рифма труднее, чем рифма непрерывная. Во всяком случае, нет оснований считать рифму Теобальда или Теодерика в каком-либо смысле несовершенной.

Закрепление двусложных непрерывных рифм в леонинской поэзии было, возможно, закономерным результатом выравнивания по нормам перкуссионного стихосложения, но едва ли это привело к совершенствованию метрической техники. Рифмы стали тяжеловесными и однообразными, и благородная ритмичность текста, отличающая ранних поэтов, стала совершенно недоступной, но в силу исторических причин именно поздняя форма леонинского стиха стала считаться образцовой.

Литература

- Гаспаров М. Л. 2003. *Очерк истории европейского стиха*. Изд. второе (дополненное). М.: Фортуна Лимитед.
- Кузнецов А. Е. 2020. Transformations of the world space: From Pliny's Natural History to the Collectanea Rerum Memorabilium of C. Julius Solinus and the poem De Mirabilibus of Theodericus. *ШАГИ. Steps*, т. 6, №1, 113–145.
- Beck A. A. A. 1836. *Theoduli Eclogam... recensuit et prolegomenis instruit Aug. Aemil. Alfr. Beck ... Sangerhusiae*: Apud Ed. Dittmarium.
- Eden P. T. 1972. *Theobaldi Physiologus*. Edited with introduction, critical apparatus, translation, and commentary. Leiden: Brill.
- Jakobi R. 2002. Indien in der Solin-Paraphase des Theodericus. *Mittellateinisches Jahrbuch: internationale Zeitschrift für Mediävistik*, Bd. 37, Hft. 2, 247–256.

⁹ Для *Cato novus* есть хорошее описание метрики, сделанное первым издателем (Zarncke 1863).

- Lawler T. 1974. *The Parisiana Poetria of John of Garland*. Edited with introduction, translation, and notes by T. Lawler. New Haven: Yale University Press.
- Meyer W. 1873. Radewin's Gedicht über Theophilus. *Sitzungsberichte der philologischen und historischen Classe der königlich bayerische Akademie der Wissenschaften zu München*, 3, 49–120 .
- Norberg D. 2004. *An introduction to the study of medieval Latin versification*. Translated by G. C. Roti and J. de La Chapelle Skubly; edited and with an introduction by J. Ziolkowski. Washington, D. C.: Catholic University of America Press.
- Seiler R. 1882. *Ruodlieb: Der Altteste Roman des Mittelalters, Nebst Epigrammen...* Halle (Saale): Verlag der Buchhandlung des Waisenhauses.
- Sivo V. 1982. Le Introductiones de notitia versificandi di Paolo Camaldolese (testo inedito del sec. XII ex.). *Studi e ricerche dell'Istituto di civiltà classica cristiana medievale. Istituto di civiltà classica e orientale, Università degli Studi di Genova, Facoltà di Magistero*, n. 5, 119–149.
- Stammerjohann H. (ed.). 2009. *Lexicon Grammaticorum: A bio-bibliographical companion to the history of linguistics*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
- Strecker K. 1922. Studien zu karolingischen Dichtern. V. Leoninische Hexameter und Pentameter im 9. Jahrhundert. *Neues Archiv der Gesellschaft für ältere Deutsche Geschichtskunde*, 44, 213–251.
- Zarncke Fr. 1863. Beiträge zu mittellateinischen Spruchpoesie: I. Zwei gereimte Übertragungen der s. g. Disticha Catonis. *Berichte über die Verhandlungen der Königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Classe*, Bd. 15, 23–48.

Pri la klasifikado de la taja poetika metro khlung

Ivan Sarkisov

Supera Lernejo de Ekonomiko; vanya.sarkisov@gmail.com

1. Enkonduko

La artikolo estas dediĉita al la problemo de tipologia klasifikado de khlung, unu el kvar plej ofte uzitaj metroj de klasika taja poezio.

Poetika tradicio de Tajlando estas tre riĉa kaj havas grandan diversecon de ĝenroj kaj metroj. Aliflanke, ĝi estas malbone studita kaj priskribita. Tradicie oni opinis, ke khlung estas la plej malfacila taja metro por verki, kaj ĝi evidente estas la plej malfacila por klasifiki. En tiu ĉi artikolo ni provos resumi ĉiujn konatajn faktojn pri la naturo de khlung kaj proponi hipotezojn pri ĝia tipologia klasifikado.

2. Khlung en taja poezio

Khlung aperis en la XIVa jarcento, la periodo de aktiva formado de taja poezio. Kvankam kelkaj tajaj poetikaj metroj estis prunteprenitaj el aliaj tradicioj (bharata kaj khmera), khlung estas origina taja metro (Chitakasem 1987: 74). Khlung frue fariĝis unu el ĉefaj tajaj poetikaj metroj. Ĝi dividis tiun pozicion kun tri aliaj metroj — ĉan, kap kaj raj (Осипов 1980: 104). Oni opiniis, ke khlung estis la plej malfacila kaj la plej fajna taja metro kaj tial — la plej uzebla por reprezenti poetikan lertecon.

Khlung estis tre populara ĝis la komenco de la XIXa jarcento. Multe da tajaj klasikaj poemoj estis verkitaj kun tiu metro. Ofte khlung kombiniĝis en unu poemo kun aliaj metroj. La plej uzita kombinaĵo estis khlung kaj raj (Иванова 2018: 32). En tia maniero, ekzemple, estis verkita unu el la plej popularaj tajaj poemoj: “Lilit Phra Lo”.

En la komenco de la XIXa jarcento khlung iĝis malpli uzata, ĉar ĝi estis tre malfacila por verkado. Dum la procezo de demokratiigo de taja literaturo khlung estis iom post iom anstataŭigita de silabika metro — klon, kio estis pli facila kaj kion la tradicio opiniis esti vulgara (Cooke 1980: 425). Tial en la XIXa jarcento khlung estis uzata malofte. Nun la intereso pri khlung iom pliiĝas, ĉar ĝi estas, probable, la plej bona simbolo de taja klasika poezio.

3. Strukturo de khlung

Ekzistas multe da diversaj variantoj de khlung. Sed ili ĉiuj baziĝas sur du faktoroj: la nombro de silaboj en linio kaj la intersekvo de du diversaj diakritaj signoj, kiuj nomiĝas en la taja lingvo ‘maj-tho’ kaj ‘maj-ek’ kaj uziĝas por marki tonojn. La skemo de unu el diversaj tipoj de khlung — khlung si suphap povas esti vidita en la Tabelo 1. En tiu metro la unua, la dua kaj la tria linioj devas havi 7 silabojn. La unua kaj la tria linioj ankaŭ povas havi 2 aliajn laŭvolajn silabojn. La kvara linio ĉiam havas 9 silabojn. La kvina silabo de la unua linio, la sepa silabo de la dua linio kaj la kvina kaj la sepa silaboj de la kvara linio devas havi la maj-tho signon. La kvara silabo de la unua linio, la dua kaj la sesa silaboj de la dua linio, la tria kaj la sepa silaboj de la tria linio kaj la dua silabo de la kvara linio devas havi la maj-ek signon aŭ esti ‘mortaj silaboj’ (‘mortaj silaboj’ estas tradicia termino de taja gramatiko, per kio oni nomas la mallongajn aŭ fermitajn silabojn).

0 0 0 0 ^{1/2} 0 ³	0 0(A) [0 0]
0 0 ^{1/2} 0 0 0(A)	0 ^{1/2} 0 ³ (B)
0 0 0 ^{1/2} 0 0(A)	0 0 ^{1/2} (B) [0 0]
0 0 ^{1/2} 0 0 0 ³ (B)	0 0 ³ 0 0

Tabelo 1. Strukturo de la metro khlung si suphap (laŭ (Cooke 1980: 423))

0 — silabo, 1 — maj-ek signo, 2 — ‘morta silabo’, 3 — maj-tho signo.

Silaboj en kvadrataj krampoj estas laŭvolaj

La rimo kunigas la sepan silabon de la unua linio kun la kvinaj silaboj de la dua kaj la tria linioj kaj ankaŭ la sepajn silabojn de la dua kaj la tria linioj kun la kvina silabo de la kvara linio.

4. La problemo de klasifikado de khlung

Estas tre facile vidi, ke khlung, kiel silabikaj metroj, baziĝas sur la nombro de silaboj en linio. Samtempe, ĝi baziĝas sur alia faktoro: la intersekvo de la signoj maj-ek kaj maj-tho. La problemo de klasifikado de khlung estas en la fakto, ke en nuntempa taja lingvo ĉiu el tiaj diakritaj signoj ne estas markeroj de unu difinita fonetika elemento. Ambaŭ simboloj uziĝas por marki tonojn, sed neniu el ili markas unu certan tonon. La tono, kun kiu la silabo devas esti legita, en nuntempa taja skribsistemo dependas de tri malsamaj faktoroj: la tipo de tia silabo (ĉu ĝi estas ‘viva’ aŭ ‘morta’), la klaso de konsonanta litero

(en taja skribsistemo ĉiuj konsonantaj literoj estas dividitaj en 3 klasojn — la malalta, la meza kaj la alta, kaj tia divido baziĝas nur sur la tradicio, sed ne sur la fonetikaj faktoroj) kaj la diakrita signo, se la silabo estas markita de ĝi. La signoj maj-ek kaj maj-tho estas uzataj nur kun la ‘vivaj’ (longaj kaj malfermitaj) silaboj. La reguloj, difinantaj la tonon de ‘vivaj’ silaboj, estas montritaj en la Tabelo 2. ‘Mortaj silaboj’ povas havi altan, malaltan kaj falantan tonojn, depende de la klaso de la konsonanta litero (Smyth 2002: 16–17).

Klaso de vokala litero	Sen diakritaj signoj	Maj-ek	Maj-tho
Malalta	Meza tono	Falanta tono	Alta tono
Meza	Meza tono	Malalta tono	Falanta tono
Alta	Leviĝanta tono	Malalta tono	Falanta tono

Tabelo 2. Reguloj de tonmarkado por ‘vivaj’ silaboj en taja skribsistemo (Smyth 2002: 17)

Ni povas vidi, ke ambaŭ diakritaj signoj — maj-ek kaj maj-tho — povas signi du diversajn tonojn.

Se ni tradukos la grafikan strukturon de khlung si suprap al intersekvo de tonoj, ni vidos la skemon, kiu estas montrita en la Tabelo 3.

0 0 0 0 ^{SP/SB/ML} 0 ^{SP/ML}	0 0 [0 0]
0 0 ^{SP/SB/ML} 0 0 0	0 ^{SP/SB/ML} 0 ^{SP/ML}
0 0 0 ^{SP/SB/ML} 0	0 ^{SP/SB/ML} 0 0 [0 0]
0 0 ^{SP/SB/ML} 0 0 0 ^{SP/ML}	0 0 ^{SP/ML} 0 0

Tabelo 3. Intersekvo de tonoj en la metro khlung si suprap
0 — silabo, SP — alta tono, SB — malalta tono, ML — falanta tono

Konforme al tio, la markitaj silaboj en tiu metro povas havi du aŭ tri diversajn tonojn el kvin eblaj. Tial ni opinias, ke ne estus ĝuste klasifiki khlungon kiel metron, kiu baziĝas sur la intersekvo de tonoj.

Se khlung ne baziĝas sur intersekvo de tonoj, ni devas respondi la demandon, sur kiu faktoro (krom la nombro de silaboj en linio) ĝi vere baziĝas?

La unua kaj la plej facila hipotezo estas, ke khlung baziĝas sur nombro de silaboj en linio kaj sur la grafika intersekvo (intersekvo de diakritaj signoj), kiu ne estas kondiĉita de iaj fonetikaj intersekvoj. Se tio estas vera, vi povus proponi specialan terminon por nomi khlungon: ‘silabagrafika metro’. Tiu hipotezo estus la plej bona, se ĝi ne havus unu malrektan kontraŭargumenton: ni ne scias iujn aliajn ekzemplojn de poetikaj metroj, kiuj baziĝas nur sur

grafika, sed ne sur fonetika intersekvo, en iuj aliaj literaturaj tradicioj de la mondo. Certe, tio ne signifas, ke tiu hipotezo ne povas esti vera, sed tio grave argumentas, ke ni devas pritrakti ankaŭ aliajn hipotezojn.

La dua hipotezo estas, ke, kvankam formale en khlung ĉiaj silaboj, markitaj de diakritaj signoj, povas havi du aŭ tri tonojn, fakte poetoj uzas en ĉiu el tiuj pozicioj nur silabojn de unu certa tono kaj aliaj unu aŭ du eblaj tonoj neniam aperas. Se tiu hipotezo estas vera, khlung devas esti klasifikita kiel metro, kiu baziĝas sur la nombro de silaboj en linio kaj, malgraŭ la fonta ideo, sur la intersekvo de tonoj, kaj la difino de khlung, uzanta maj-ek kaj maj-tho signojn, ne estas tre ĝusta. Tia hipotezo devas esti reviziita per analizo de granda nombro de tajaj poetikaj tekstoj. Bedaŭrinde, nuntempe ni ne havas sufiĉan korpuson de taja literaturo por fari tian analizon. Tial ni ne povas respondi, ĉu tiu hipotezo estas vera aŭ ne.

La tria hipotezo diras, ke historie ĉiuj el maj-ek kaj maj-tho signoj markis nur unu certan tonon kaj en tiu tempo khlung estis metro, kiu baziĝis sur la nombro de silaboj en linio kaj sur la intersekvo de tonoj, sed poste la reguloj de tonmarkado ŝanĝiĝis, ĉiu el maj-ek kaj maj-tho signoj komencis marki du diversajn tonojn kaj rezulte khlung perdis sian fonetikan bazon.

Por revizii tiun hipotezon ni devas rigardi al historio de taja skribsistemo. Kiel ni scias, komence taja lingvo havis ne kvin, sed nur tri tonojn. Unu ne estis markita, la dua estis reprezentita de maj-ek kaj la tria — de alia diakrita signo — maj-ĉattaŭa. Maj-tho ne ekzistis. Poste, dum la XIVa–XVIIIa jarcentoj ambaŭ la lingvo kaj la skribsistemo ŝanĝiĝis: aperis du novaj tonoj kaj la signo maj-tho. Sed dum tiu periodo signifoj de la diakritaj signoj estis malstabilaj: unu signo povis esti uzata por marki diversajn tonojn kaj eĉ vokalajn fonemojn kaj tonoj povis esti markataj de diversaj signoj aŭ tute ne esti markataj (Diller 2017: 230–233). Khlung aperis dum tiu periodo — en la XIVa jarcento. Tial ni ne povas diri ĝuste, kiuj estis la signifoj de maj-ek kaj maj-tho en la tempo, kiam unuaj ekzemploj de khlonga poezio estis verkitaj (se tiuj simboloj havis konstantajn signifojn tiutempe). Rezulte, tiu hipotezo ankaŭ ne povas esti konfirmita aŭ malkonfirmita. Samtempe, iuj tajaj filologoj raportis al ni parole, ke, laŭ ilia opinio, originale ĉiu el maj-ek kaj maj-tho signoj en khlungaj tekstoj vere markis nur unu tonon. Se ili pravas, la problemo de klasifikado de khlung estus solvita: ni povus diri, ke originale ĝi baziĝis sur la nombro de silaboj en linio kaj sur la intersekvo de tonoj kaj, rezulte, estis silabatona metro, sed en nuntempa lingvo ĝia originala strukturo estas perdita. Tiu opinio povus esti reviziita helpe de pli detala studado de historio de taja skribsistemo.

5. Konkludo

Resume, ni povas diri, ke tri hipotezoj pri klasifikado de khlong povas esti konsiderataj:

1. Khlong estas unika ekzemplo de silabagrafika metro, kiu baziĝas sur la grafika, sed ne sur fonetika intersekvo.
2. Intersekvo de tonoj en khlong estas strikta, malgraŭ ke tio ne estas kondiĉita de diakritaj signoj, kaj ĝi estas silabatora metro.
3. Originale khlong estis silabatora metro, sed poste, rezulte de ŝanĝo de signifoj de diakritaj signoj, ĝi perdis tonan bazon kaj ne povas esti klasifikita laŭ datumoj de nuntempa lingvo.

Ni esperas, ke pluj esploroj de taja poezio povos klarigi, kiu el tiuj hipotezoj estas la plej ĝusta.

Bibliografio

- Иванова В. А. 2018. *Лирическая поэма «Камсуан сипрат» (2-ая половина XVII в.) и становление жанра тайской литературы нират*. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН.
- Осипов Ю. М. 1980. *Литературы Индокитая. Жанры, сюжеты, памятники*. Л.: ЛГУ.
- Chitakasem M. 1987. Thai poetry: Problems of translation. In: J. H. C. S. Davidson (ed.). *Lai Su Thai, Essays in honour of E. H. S. Simmonds*. London: School of Oriental and African Studies, University of London, 73–97.
- Cooke J. R. 1980. The Thai Khlong Poem: Description and example. *Journal of the American Oriental Society*, v. 100, n. 4 (Oct.–Dec.), 421–437.
- Diller A. 2017. Early Thai orthography. Innovative tone-marking or recent hoax? *Written Language and Literacy*, v. 20, iss. 2, 227–251.
- Smyth D. 2002. *Thai. An essential grammar*. London; New York: Routledge.

Силлабическая система стихосложения на этапе формирования и на этапе расшатывания: неклассические силлабические метры*

Т. В. Скулачева^а, Н. Л. Хотинец^б

^а Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; skulacheva@yandex.ru

^б Российский государственный гуманитарный университет;
nata.khotinets@mail.ru

В статье Nurullin et al. 2019 мы проанализировали тексты шумерского стиха в сопоставлении с шумерской прозой. Стихотворные тексты принадлежат к XX в. до н. э. (в копиях XIX–XVII вв. до н. э.) и представляют собой самый ранний стих в мире из реально сохранившихся к настоящему моменту. Количественный анализ показал, что шумерский стих имеет, в отличие от аккадского или хеттского, некоторые признаки силлабической урегулированности. 71% строк в нашем материале приходится на строки длиной 8–11 слогов¹. Однако если неклассические метры, производные от силлабо-тоники, описаны достаточно хорошо, то про неклассические силлабические метры известно гораздо меньше. Собственно, единственным расшатанным вариантом силлабики обычно называется «освобожденный стих» (Gouvard 2015) — стих с чередованием двух силлабических длин строк, при этом само понятие «освобожденного стиха» также понимается по-разному и нуждается в формализации и количественном анализе. Нам хотелось понять, может ли пик на нескольких соседних значениях силлабической длины, который мы наблюдали в шу-

* Работа выполнена в рамках гранта РФФ №18-18-00503.

¹ Именно в этот интервал будет потом укладываться значительная часть европейской силлабики. Интересно, что совсем другой силлабический объем характерен для языков, где один слог равен одному слову, как в средневековом китайском или бирманском стихе. Там строка может быть вдвое короче по количеству слогов (4–5 слогов). Но в строке окажется 4–5 слов, что вполне обычно для европейского стиха. То есть можно предположить, что единица, которая определяет комфортную для человеческого сознания длину строки — слово, а не слог, ударение или тон. Требуется психолингвистические эксперименты для проверки данного предположения.

мерском стихе, быть вариантом нестрогой силлабической урегулированности. Разрешить этот вопрос в рамках шумерского стиха было невозможно — шумерская стиховая традиция прекратилась до того, как достигла уровня строгости классической силлабики нового времени. Тогда для изучения арсенала расшатанных силлабических метров мы решили посмотреть не на этапы формирования, а на этапы расшатывания силлабической системы, так как в этом случае мы могли быть более уверены, что расшатывается именно силлабическая система². В качестве материала мы выбрали французскую силлабику на этапе расшатывания, так как французский стих — наиболее чистая силлабика среди хорошо описанных европейских стихосложений. Больше всего нас интересовал вопрос: встретится ли в расшатанной французской силлабике такой этап, где был бы пик на нескольких соседних значениях силлабической длины и будет ли он отличаться от того конечного этапа расшатывания силлабической системы, когда силлабический принцип полностью безразличен автору.

Известный французский стиховед Ж.-Л. Аруи рекомендовал нам в качестве одного из наиболее подходящих для нашего исследования авторов французского поэта-символиста конца XIX в. Жюль Лафорга (1860–1887). Несмотря на свою достаточно недолгую жизнь, Жюль Лафорг прошел путь от классической силлабики через несколько этапов ее расшатывания к свободному стиху в самом строгом смысле этого слова, то есть к полному исчезновению силлабического принципа.

Всего было проанализировано 271 стихотворение Жюль Лафорга из различных сборников («Les Complaintes», «L' Imitation de Notre-Dame la Lune», «Des Fleurs de bonne volonté» и «Derniers Vers de Laforgue») и литературных журналов («La Vogue», «La Revue Indépendante», «Entretiens politiques et littéraires» и многих других) общим объемом около 6000 строк.

Для анализа использовалась программа автоматического анализа силлабического стиха Syllaber (<https://www.scribblab.com/outils/syllaber>). Авторы также выражают благодарность В. С. Полиловой, консультировавшей нас в случаях, когда было необходимо вносить ручную коррекцию в результаты автоматической разметки. Вот полученные нами результаты.

² Надо заметить, что для более изученной силлабо-тоники этапы формирования и этапы расшатывания также симметричны: неклассические метры наблюдаются не только на этапе расшатывания системы (что особенно хорошо описано для русского стиха), но и на этапе ее формирования. Так, формирующаяся с XII в. германская силлабо-тоника давала не меньше дольников, чем расшатывающаяся русская силлабо-тоника конца XIX — начала XX в.

№	Количество слогов	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1	Au lieu de songer à se créer	-	4,2	2,1	2,1	-	2,1	-	-	4,2	-	2,1	83,3	-	-
2	Intérieur (Il fait nuit...)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5	95	-	-
3	Ballade du jour des morts	-	-	-	-	-	-	-	96,4	3,6	-	-	-	-	-
4	Préludes autobiographiques	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0,8	-	96,7	1,6	0,8
5	Complainte d'un autre dimanche	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	14,3	85,7	-	-
6	Complainte de la vigie aux minuits polaires	-	-	-	-	-	95,8	-	4,2	-	-	-	-	-	-
7	Complainte de la Lune en province	-	-	-	-	-	-	96,7	3,3	-	-	-	-	-	-
8	Complainte sur certains ennuis	-	-	-	-	-	-	-	95,2	4,8	-	-	-	-	-
9	Complainte des débats mélancoliques	-	-	-	-	-	-	2,4	95,2	2,4	-	-	-	-	-
10	Complainte du sage de Paris	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1,2	96,5	2,3	-
11	Soirs de fête	-	-	-	-	-	-	-	6,3	93,8	-	-	-	-	-
12	Clair de lune	-	-	-	-	-	-	-	-	-	95,8	4,2	-	-	-
13	Pierrots (Scène courte, mais typique.)	-	-	-	3,6	-	-	-	3,6	-	-	3,6	89,3	-	-
14	Dialogue avant lever de la Lune	-	-	4	-	4	-	-	92	-	-	-	-	-	-
15	La lune est stérile	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	98,2	1,8	-
16	Les linges, le cygne	-	-	-	-	-	-	8	-	-	-	-	92	-	-
17	Nobles et touchantes divagations	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	96,9	3,1	-
18	Jeux	-	-	-	-	-	-	-	4,6	96	-	-	-	-	-
19	Complainte des crépuscules célibataires	-	-	-	-	-	-	-	97,8	2,2	-	-	-	-	-
20	Albums	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	96,9	-	3,1
21	Mettons un doigt sur la plaie	-	-	-	20	-	-	-	-	-	-	-	80	-	-
22	Petites misères de mai	-	-	4,2	95,8	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
23	Dimanches (Ils enseignent)	-	-	69,2	-	3,9	19,2	-	-	-	-	7,7	-	-	-
24	L'éternel Quiproquo	-	-	78,1	9,4	-	12,5	-	-	-	-	-	-	-	-
25	Gare au bord de la mer	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7,1	89,3	3,6	-

Таблица 1. % строк разной силлабической длины в равносложном стихе с отступлениями

№	Количество слогов	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
26	Dimanches (N'achevez pas...)	-	-	-	-	-	-	-	95,2	4,8	-	-	-	-	-
27	Figurez-vous un peu	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3,9	96,2	-	-
28	Esthétique (La femme mûre...)	-	-	-	-	-	-	-	95	5	-	-	-	-	-
29	Nuage	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	93,8	6,3	-	-
30	Spleen des nuits de juillet	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3,6	92,9	-	3,6
31	Fantaisie	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	97,2	2,8	-
32	Complainte de l'organiste de Notre-Dame	-	-	-	-	-	-	-	4,2	95,8	-	-	-	-	-
33	Rosace en vitrail	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	98,1	1,9	-
34	Marche funèbre pour la mort de la terre	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	96	1	1
35	L'espérance	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	97,9	1	-
36	Trop tard	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6,3	93,8	-	-
37	Trop tard	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	97,9	1	-
38	Étonnement	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	97,5	2,5	-
39	Derniers soupirs d'un parmassien	-	-	-	-	-	9,1	-	-	-	-	-	-	90,9	-
40	Fragments	-	-	-	-	-	-	-	2,3	-	1,2	-	94,3	1,2	1,2
41	Madrigal	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	92,9	7,1	-
42	La ronde de Barbe-Bleue	-	-	-	14,3	-	4,8	4,8	76,2	-	-	-	-	-	-
43	Patagement	-	-	-	-	-	-	-	-	-	0,6	1,2	97,1	1,2	-
44	À Saint-Cloud	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	7,1	92,9	-	-
45	Sonnet	-	-	-	-	-	-	-	-	-	6,7	6,7	86,7	-	-
46	Spleen de printemps	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	95,8	4,2	-
47	Eponge définitivement pourrie	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	93,3	-	6,7
48	Dans la nuit	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3,6	96,4	-	-
49	L'oubli	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	99,2	0,8	-
50	L'Espace est infini	-	-	5,3	-	-	5,3	-	5,3	-	-	-	84,2	-	-

Продолжение таблицы 1

№	Количество слогов	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	Excuse macabre	-	-	-	-	-	-	-	25	-	-	-	75	-
2	La femme est une malade	-	-	-	-	-	-	-	61,5	-	-	-	38,5	-
3	Complainte des consolations	-	-	-	-	-	20	-	-	-	-	-	80	-
4	Autre complainte de Lord Pierrot	-	-	-	-	-	25	-	-	-	-	-	75	-
5	Complaintes des complaintes	-	-	-	12,5	-	-	-	87,5	-	-	-	-	-
6	Complainte-Placet de Faust fils	-	-	-	25	-	-	-	75	-	-	-	-	-
7	Complainte des nostalgies préhistoriques	-	-	-	-	-	20	-	80	-	-	-	-	-
8	Complainte des blackboulés	-	-	-	50	-	-	-	-	-	-	-	50	-
9	Complainte du pauvre corps humain	-	-	-	-	-	28,6	-	71,4	-	-	-	-	-
10	Pierrots	-	-	-	-	-	27,6	-	72,4	-	-	-	-	-
11	Pierrots (On a des principes.)	-	-	-	-	-	-	-	-	25	-	-	75	-
12	Stérilités	-	-	20	-	-	-	80	-	-	-	-	-	-
13	Cythère	-	-	-	-	-	-	-	66,7	-	-	-	33,3	-
14	Petites misères d'automne	-	-	-	-	-	20	-	-	-	80	-	-	-
15	Ève, sans trêve	-	-	-	-	-	-	-	83,3	-	-	-	16,7	-
16	La mélancolie de Pierrot	-	-	-	-	-	50	-	-	-	-	50	-	-
17	Dimanches (Je m'ennuie...)	-	-	-	-	-	-	-	50	-	-	-	50	-
18	Impossibilité de l'infini en hosties	-	-	-	25	-	-	-	-	-	-	-	75	-
19	L'aurore-promise	-	-	-	-	-	66,7	-	-	-	-	-	33,3	-
20	Fifre	-	-	-	-	14	86	-	-	-	-	-	-	-
21	La complainte des montres	-	-	-	50	-	-	-	50	-	-	-	-	-
22	Hypertrophie	-	-	-	-	-	-	-	20	-	-	-	80	-
23	Désolation	-	-	-	-	-	-	-	20	-	-	-	80	-
24	Zum Intermezzo	-	-	-	-	-	-	-	66,7	-	33,3	-	-	-
25	Au lieu des «derniers sacrements»	-	-	-	-	-	-	-	48,5	-	-	-	48,5	3

Таблица 2. % строк разной синлабической длины в стихе с простым чередованием по схеме

№	Количество слогов	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1	Complainte d'un certain dimanche	-	-	-	-	-	-	-	15	5	-	-	80	-	-	-
2	Complainte des pubertés difficiles	-	-	-	-	-	-	-	34,6	-	-	-	61,5	3,9	-	-
3	Complainte du roi de Thulé	-	-	-	32,6	2,3	2,3	-	62,8	-	-	-	-	-	-	-
4	Complainte de l'orgue de Barbarie	-	-	-	-	58,3	-	4,2	12,5	-	25	-	-	-	-	-
5	Complainte des printemps	-	-	-	-	-	72,2	-	-	-	-	-	27,8	-	-	-
6	Complainte de l'ange incurable	-	10,5	21,1	-	-	-	-	-	-	-	-	68,4	-	-	-
7	Complainte des bons ménages	-	-	-	-	-	25	-	-	-	-	-	68,8	6,3	-	-
8	Complainte des noces de Pierrot	-	-	-	-	6,3	14,6	4,2	75	-	-	-	-	-	-	-
9	Complainte des cloches	-	-	-	8,9	4,4	6,7	13,3	66,7	-	-	-	-	-	-	-
10	Complainte de l'oubli des morts	2,3	11,4	22,7	-	-	63,6	-	-	-	-	-	-	-	-	-
11	Complainte variations sur le mot (...)	-	-	-	42,9	-	-	1,8	55,3	-	-	-	-	-	-	-
12	Les chauves-souris	-	-	-	-	25	-	-	-	-	3,6	71,4	-	-	-	-
13	Dimanches (J'aurai passé ma vie...)	-	-	-	13	4,4	-	-	43,5	-	-	-	39,1	-	-	-
14	L'île	-	-	-	1,8	-	-	-	35,1	1,8	-	1,8	57,9	1,8	-	-
15	Sancta simplicitas	-	-	-	-	-	-	-	-	45	5	-	50	-	-	-
16	Solutions d'automne	-	-	4,2	29,2	-	-	-	16,7	-	-	4,2	45,8	-	-	-
17	La chanson du petit hypertrophique	-	2,5	20	2,5	-	75	-	-	-	-	-	-	-	-	-
18	Complainte des journées	-	-	-	-	-	-	18	-	-	-	-	74,4	2,6	2,6	2,6
19	Oh! je sais qu'en ce siècle où pour (...)	-	-	2,6	-	-	-	-	47,4	-	2,6	-	47,4	-	-	-
20	Impassible en ses lois la Force universelle...	-	-	-	-	-	-	-	47,4	-	2,6	-	50	-	-	-
21	Chanson d'automne	-	-	-	-	-	42,9	-	4,8	-	4,8	-	42,9	4,8	-	-

Таблица 3. % строк разной силлабической длины в стихе с простым чередованием с отступлениями

№	Количество слогов	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	Autre complainte de l'orgue de barbarie	-	-	-	25	-	50	25	-	-	-	-	-	-
2	Complainte du soir des comices...	-	-	20	-	-	-	-	40	-	-	-	40	-
3	Complainte des grands pins...	-	-	15,9	-	-	-	-	47,7	-	-	-	36,4	-
4	Complainte des Mounis du Mont-Martre	-	-	-	28,6	7,1	-	-	35,7	-	28,6	-	-	-
5	Dimanches (C'est l'automne...)	-	-	-	10	-	-	-	-	40	10	-	30	10
6	Dimanches (Ô Dimanches bannis...)	-	-	-	25	-	25	-	-	-	-	-	50	-
7	Dimanches (Je ne tiens que...)	-	-	-	-	16,7	-	16,7	-	16,7	16,7	-	33,3	-
8	Petites misères d'hiver	-	-	-	-	33,3	-	-	50	-	-	-	16,7	-
9	La vie qu'elles me font mener	-	-	-	20	-	-	-	60	-	-	-	20	-
10	Célibat, célibat, tout n'est que célibat	-	-	16,7	-	-	-	-	66,7	-	-	-	16,7	-
11	Petites misères d'octobre	-	-	25	-	-	25	-	-	-	-	-	50	-

Таблица 4. % строк разной силлабической длины в стихе со сложным чередованием по схеме

№	Количество слогов	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
1	Complainte à Notre Dame des soirs	-	-	-	-	-	14,3	11,4	11,4	2,9	2,9	-	57,1	-	-	-
2	Complainte propriétaire à l'inconscient	-	-	-	3,6	-	-	-	17,9	-	21,4	-	57,1	-	-	-
3	Complainte du pauvre jeune homme	9	-	9	-	-	-	-	55,2	25,4	-	1,5	-	-	-	-
4	Complainte de l'époux outragé	-	-	-	-	33,3	-	-	38,1	28,6	-	-	-	-	-	-
5	Complainte des pianos qu'on entend dans...	-	-	-	16,7	-	-	8,3	41,7	-	-	-	31,7	1,7	-	-
6	Complainte du fœtus de poète	-	3,5	13,8	-	6,9	6,9	-	-	-	-	-	44,8	24,1	-	-
7	Complainte de la fin des journées	-	-	37,5	-	-	12,5	-	-	-	34,4	-	15,6	-	-	-
8	Complainte de l'automne monotone	-	-	-	41,7	16,7	-	-	-	25	-	-	16,7	-	-	-
9	Complainte du pauvre chevalier-errant	-	-	16,7	-	-	-	16,7	-	-	50	-	-	-	14,8	1,9
10	Complainte du vent qui s'ennuie la nuit	-	-	13,3	31,1	2,2	-	-	51,1	2,2	-	-	-	-	-	-
11	Avant-dernier mot	-	66,7	-	-	13,3	-	-	-	13,3	3,3	-	3,3	-	-	-
12	Signalement	-	-	13,8	-	3,5	-	-	13,8	-	34,5	-	34,5	-	-	-
13	Dimanches (Les nasillardes...	-	-	-	25	-	-	-	25	-	56,3	12,5	6,3	-	-	-
14	Apothéose (Ô rêve éblouissant)	-	-	-	-	35,4	12,5	-	2,1	-	14,6	4,2	31,3	-	-	-

Таблица 5. % строк разной синтактической длины в стихе со сложным чередованием по схеме с отступлениями

№	Количество слогов	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Complainte du libre arbitre					4,2	20,8	66,7	4,2	4,2	
2	Fragment					25	8,3	16,7	8,3	16,7	25
3	Aquarelle en cinq minutes	6,3	25	25	18,8	25					

Таблица 6. % строк разной синтактической длины в стихе с 4–6 соседними длинами строк

№	Количество слогов	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1	Complainte de Lord Pierrot	-	-	-	3,4	13,6	10,2	-	32,2	3	18,6	1,7	20,3	-	-	-	-	-
2	Avis, je vous prie	-	-	-	4,6	-	22,7	14	-	9,1	4,6	9,1	36,4	-	-	-	-	-
3	Locutions des Pierrots	-	4,6	1,5	3	10,1	8,1	3,5	59,6	0,5	8,6	-	0,5	-	-	-	-	-
4	L'hiver qui vient	-	1,2	3,6	3,6	2,4	4,8	3,6	14,3	7,1	4,8	7,1	29,8	7,1	3,6	3,6	2,4	-
5	Le mystère des trois cors	-	1,8	3,6	-	34,6	20	9,1	1,8	7,3	1,8	7,3	3,6	5,5	-	3,6	-	-
6	Dimanches (Bref, j'allais...)	-	-	1,6	1,6	3,1	4,7	3,1	18,8	9,4	12,5	17,2	9,4	12,5	-	3,1	1,6	1,6
7	Dimanches (C'est l'automne...) (1986)	-	-	-	8,3	5,6	5,6	8,3	16,7	19,4	8,3	2,8	8,3	5,6	11,1	-	-	-
8	Pétition	-	3,4	1,7	11,9	1,7	6,8	11,9	37,3	6,8	11,9	-	6,8	-	-	-	-	-
9	Simple agonie	-	1,5	-	4,4	16,2	20,6	8,8	4,4	11,8	4,4	5,9	11,8	5,9	4,4	-	-	-
10	Solo de lune	-	-	1,9	2,8	9,4	12,2	6,5	27,1	9,4	9,4	9,4	5,6	1,9	1,9	-	2,8	-
11	Légende	-	-	1,4	9,9	2,8	12,7	9,9	18,3	5,6	7	5,6	14,1	7	1,4	-	-	4,2
12	Sur une défunte	-	-	-	-	3,1	10,8	10,8	24,6	26,2	13,9	6,2	4,6	-	-	-	-	-
13	Oh! qu'une, d'Elle-même	-	-	5	5	-	7,5	2,5	2,5	10	12,5	7,5	20	7,5	7,5	5	2,5	2,5
14	Ô géranium diaphanes	-	-	1,7	5,2	-	24,1	10,3	24,1	12,1	6,9	3,5	1,7	3,5	1,7	5,2	-	-
15	Dimanches (Mon Sort...)	-	3,7	-	3,7	3,7	-	-	22,2	-	-	-	37	14,8	15	-	-	-
16	Dimanches (J'aime, j'aime...)	-	-	-	11,8	-	26,5	2,9	5,9	-	17,7	-	26,5	8,8	-	-	-	-
17	Dimanches (C'est l'automne...) (посмертная публикация, 1990)	-	-	1,5	7,3	10,2	5,8	12	14,5	15,9	13	2,9	11,6	1,5	4,4	-	-	-
18	Pétition	-	-	2,9	-	2,9	11,8	10	36,8	13,2	7,4	4,4	2,9	2,9	2,9	1,5	-	-
19	Noire bise, averse glapissante...	-	-	-	2,9	7,1	10	8,6	11,4	11,4	10	17,1	7,1	7,1	2,9	4,3	-	-
20	Petites misères d'aoutt	-	-	14,3	14,3	11,4	11,4	5,7	31,4	-	2,9	-	8,6	-	-	-	-	-
21	La petite infanticide	-	-	-	7,3	4,9	31,7	4,9	12,2	2,4	19,5	12,2	4,9	-	-	-	-	-

Таблица 7. % строк разной силлабической длины в свободном стихе

Как мы видим, тексты распадаются на группы, выстраиваясь в единую линейку этапов расшатывания силлабического стиха. Перечислим их от более урегулированных к менее урегулированным. В общей сложности было выделено 8 групп:

1. Классическая равносложная силлабика — все строки имеют одинаковый слоговой объем. Таблица в целях экономии места не приводится, так как она достаточно велика, а классическая силлабика хорошо изучена;

2. Равносложный стих с отступлениями — в таком стихе отчетливо преобладает стих одного метра, однако эпизодически встречаются строки другого слогового объема (Таблица 1);

3. Простое чередование по схеме — стихотворения, в которых в определенном порядке чередуются два метра (Таблица 2);

4. Простое чередование по схеме с отступлениями — стихотворения, в которых два метра чередуются по четкой схеме, однако присутствуют эпизодические отступления — строки, размер которых отличается от двух основных (Таблица 3);

5. Сложное чередование по схеме — стихотворения, в которых по определенной схеме чередуются три и более метров (Таблица 4);

6. Сложное чередование по схеме с отступлениями — стихотворения, в которых чередуются три и более метров, но также есть немногочисленные отступления — строки других метров (Таблица 5);

7. Свободный стих с 4–6 соседними длинами строк (например, строки с 6, 7, 8, 9, 10 количеством слогов) — Таблица 6;

8. Свободный стих — полностью расшатанный стих, где встречается большое количество вариантов длин строк (Таблица 7).

Как мы видим, полностью свободный стих (тип 8) существенным образом отличается от типа с пиком на нескольких соседних длинах строки. В свободном стихе длина строки колеблется в очень широких пределах (до 17 типов силлабической длины), очень низкие пики расположены хаотично и не сосредотачиваются на строках близких между собой слоговых объемов. То есть именно 8-й тип демонстрирует полную свободу от силлабического принципа. Таким образом, мы видим, что полное отсутствие силлабической урегулированности (8 тип) дает совсем иную картину, чем стих с пиком на нескольких соседних силлабических длинах строк (7 тип), где типов длины строк гораздо меньше и все они сконцентрированы вокруг единого центра.

Стих с пиком на нескольких соседних длинах строк представляет собой, по-видимому, первый этап формирования силлабической системы стихосложения в XXIII–XVII вв. до н. э. и последний перед свободным стихом этап расшатывания силлабики в конце XIX в. н. э. Похожий стих

с пиком на нескольких соседних длинах строк был также обнаружен И. В. Саркисовым (Саркисов 2020) в бирманском стихе на этапе расшатывания его силлабической системы.

Наши первые исследования по неклассическим метрам, производным от чисто-тонической системы стихосложения, также показали, что в ранних русских фольклорных текстах на этапе формирования тоники с одной стороны³ и в тонически ориентированном стихе М. Кузмина на этапе расшатывания тонической системы (начало XX в.) с другой стороны наблюдается пик на двух соседних значениях по количеству ударений (3 и 4 ударения, или 4 и 5 ударений, или 5 и 6 ударений), но это будет описано нами в одной из следующих статей.

Литература

- Саркисов И. В. 2020. Опыт изучения метрических законов бирманской поэзии. *Вестник РГГУ*. В печати.
- Gouvard J.-M. 2015. *La versification française* (Collection «*Quadrige Manuels*»). Paris: Presses Universitaires de France.
- Nurullin R., Roudik N., Molina M., Sideltsev A., Skulacheva T. 2019. The Most Ancient Verse in the World (Sumerian, Akkadian, Hittite). In: P. Plecháč, B. P. Scherr, T. Skulacheva, H. Bermúdez-Sabel, R. Kolár (eds.). *Quantitative Approaches to Versification*. Prague: Institute of Czech Literature of the Czech Academy of Sciences, 173–182. 1
- Roubaud J. 2000. *La vieillesse d'Alexandre. Essai sur quelques états du vers français récent*. Paris: Éditions Ivrea.

³ Исследование выполнено совместно с А. М. Петровым.

Об одной особенности немецких четырёхстопных ямбов в сравнении с нидерландским и русским стихом*

Е. В. Казарцев, Н. И. Емельянов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
kazar@list.ru; niemelyanov@edu.hse.ru

4-стопные ямбы (Я4) появляются в европейской поэзии Нового Времени в середине XVI века в творчестве южно-нидерландских, брабантских и фламандских авторов в условиях становления национальной секулярной поэзии. Как известно, процесс секуляризации в Нидерландах сопровождался войной за независимость от Испании и от власти католической церкви. В этой войне север оказался более успешным, чем юг. После поражения Фландрии и падения Антверпена в 1585 г. культурный центр переместился на север, в Голландию. Здесь в эпоху «золотого века» ямбический стих становится основой светской поэзии. Ямбы воспринимаются как символ Ренессанса, признак новой традиции, обращенной к античности. Их появление маркировало разрыв с латинской католической силлабикой и другими формами средневекового стиха.

Далее, в первой трети XVII века в большой степени под влиянием поэзии голландских авторов аналогичный тип стиха развился в северной Германии, которая постепенно выходила из тридцатилетней войны. Тесная связь творчества немецких и нидерландских авторов в этот период обеспечила успех реформы стихосложения в ставших независимыми протестантских землях и способствовала распространению метрической (силлаботонической) поэзии не только в Германии, но и в скандинавских странах.

Первым немецким реформатором, заимствовавшим передовую нидерландскую технику стихосложения, был Мартин Опиц, учившийся у голландских поэтов-профессоров сначала в Гейдельберге, а затем в Лейдене.

* Исследование проведено в рамках проекта «Метрическая организация стиха во взаимодействии традиций», финансируемого Научным фондом Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2020 г., а также программой государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

Надо сказать, что в отличие от Нидерландов, где практика в известной мере опережала теорию, в Германии сначала была сформирована теория, затем на ее основе зарождается практическое использование новой версификации. В своей теоретической работе «Buch der deutschen Poeterey» 1624 г. Опиц прежде всего формирует теоретические принципы новой метрической поэзии и приводит соответствующие стихотворные примеры.

В работах одного из авторов настоящей статьи было замечено, что в этих образцах наблюдаются характерные признаки влияния ритмики нидерландских 4-стопников (Kazartsev 2009: 36–37). В частности, можно отметить достаточно высокую ударность стиха при соответственно большой частоте полноударных («чистых») ямбических строк, таких как *Es kánn kein Tág vorüber géhen*, достигающей 67–77%; в нидерландском стихе этого периода наблюдаются показатели, близкие к нижней границе этого диапазона 60–65%. Характерно также повышение количества ударний на третьей стопе по сравнению со второй. Этот феномен наблюдается как в нидерландском стихе, так и у М. Опица. Надо сказать, что еще в самых ранних сочинениях, написанных до выхода теоретического трактата, в 1619 г., и также, очевидно, испытавших влияние голландских Я4, Опиц транслирует эту особенность нидерландской ритмики (см. граф. 1, табл. 1).

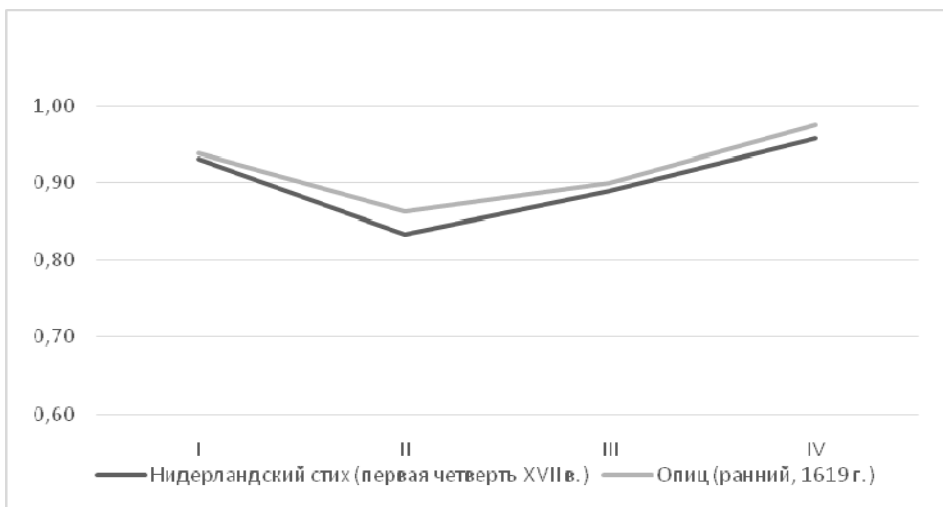

График 1. Ранние ямбы Опица на фоне ритмики нидерландского стиха

Данный график хорошо иллюстрирует общую для нидерландских и ранних немецких ямбов черту. Как в том, так и в другом случае ямбическая строка начинается метрически: поэты стремятся подчеркнуть ямб в начале

стиха, часто реализуя первое сильное место (СМ). Затем, на следующем СМ, происходит ослабление метра — ударение на втором икте употребляется заметно реже. Далее, после этого «провала» ямба как бы реставрируется, третье СМ реализуется более часто, чем второе. Надо сказать, что практически у всех авторов, писавших на нидерландском языке во второй половине XVI — первой трети XVII вв., наблюдается эта тенденция: при абсолютно рамочном профиле ударности 4-стопника, когда частота ударений на первой и последней позиции является наиболее высокой, ударность внутренних иктов складывается всегда в пользу третьей сильной позиции.

Эта особенность отмечается уже в самых ранних фламандских и брабантских Я4 XVI века, представляя собой «родимое пятно» нидерландского ямба¹. Затем она передается на север, в Голландию и довольно долго сохраняется у поэтов «золотого века». Именно эта черта, по-видимому, заимствуется Опицем при реализации аналогичной метрической модели на немецкой почве, сохраняясь в его творчестве до самого конца (1637 г.). Специфика такого профиля ударности обусловлена, как правило, особым соотношением двух основных пиррихисодержащих конфигураций Я4, а именно, увеличивается частота строк с пиррихией на второй стопе *Nur éinigen Gewínn zu hében* (около 12–14%), по сравнению со строками, где отсутствует ударение на предпоследнем СМ *Und únser Gáng wird auf der Báhn* (около 10%).

Любопытно, что хотя Опиц остается верен этой тенденции до конца жизни, после него ритмика Я4 резко меняется. Практически никто из последователей немецкого реформатора, кроме Пауля Флеминга, не перенял ритмику его стиха (см. табл. 1). К 1640–1650 гг. профиль ударности 4-стопника в Германии перестает быть рамочным, понижается ударность первого и третьего икта, при этом повышается ударность второго. Соответственно меняется распределение приведенных выше слогуударных конфигураций: строк с пиррихией на предпоследней стопе становится заметно больше (10–14%), чем строк с пиррихией на второй стопе (всего около 8%). В результате профиль ударности приобретает иной, «переменный» характер и сохраняется в течение 20–30 лет. Получается, что в 1640-е и в 1650-е гг. в немецком стихе не только метрическая модель стиха (чередование слабого и сильного места), но и ее ритмическая реализация приобретает альтернирующий характер (чередуются редко и часто ударяемые СМ). Это происходит, вероятно, под действием закона регрессивной акцентной диссимиляции (ЗРАД), приводящего к расподоб-

¹ Особенность впервые замечена Е. В. Казарцевым (Kazartsev 2013).

лению соседних иктов по степени их акцентной выделенности. Волна альтернации при этом распространяется от конца строки к началу, постепенно ослабевающая² (см. граф. 2 и табл. 1):

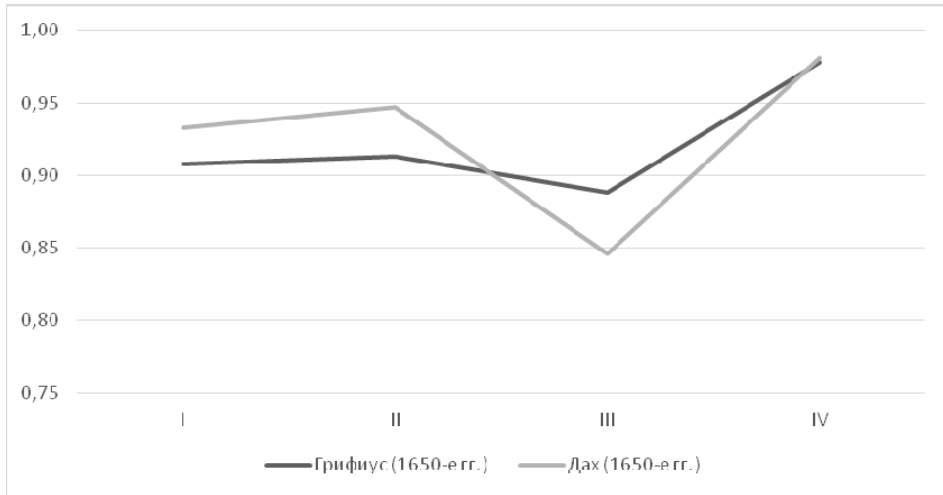

График 2. Ритмика образцов немецкого Я4 середины XVII в.

	I	II	III	IV
Нидерл. Я4 (Вондель, 1620-е гг.)	0,931	0,833	0,889	0,958
Опиц 1619 г.	0,938	0,863	0,900	0,975
Опиц 1624 г.	0,928	0,877	0,942	0,957
Опиц 1637 г.	0,946	0,884	0,946	0,964
Флеминг 1630 г.	0,952	0,893	0,917	0,988
Грифиус 1640-е гг.	0,917	0,986	0,931	0,986
Грифиус 1650-е гг.	0,908	0,913	0,888	0,978
Дах 1650-е гг.	0,933	0,947	0,846	0,981

Таблица 1. Ритмика немецкого Я4 XVII в. в сравнении с образцами нидерландского стиха³

² Закон регрессивной акцентной диссимилиации был открыт К. Ф. Тарановским на материале русского стиха (Тарановски 1953). Очевидно, типологически родственное явление наблюдается и у немецких поэтов в середине XVII века.

³ Представленные в таблицах расчеты делались с помощью автоматической корпусной системы СИПТТ, сформированной по проекту «Современные модели поэтики: реконструктивный подход», поддерживаемой РНФ в 2015–2020 гг. Тексты, по которым проводились расчеты, указаны в разделе «Источники».

При сравнении графиков 1 и 2 и данных в таблице 1 видно, что ритм немецкого ямба в середине XVII в., у Андреаса Грифуса и Симона Даха, резко меняется от рамочного типа к альтернирующему: частота ударений на первом и третьем СМ снижается, а на втором — напротив, повышается. Показатели внутренних иктов расходятся, при этом второй икт становится более выделенным, а третий в сравнении с ним ослабевает, в некоторых случаях довольно резко. Происходит перемена в отношении второго и третьего СМ.

Далее, на рубеже XVII–XVIII вв. после довольно продолжительных колебаний в ритмике немецкого Я4, особенно в акцентуации этих двух иктов, в конце концов складывается практически равновесный рамочный профиль ударности, в котором распределение ударений на внутренних СМ почти что выравнивается. Прежде всего это «равновесие» наблюдается в поэзии Йохана-Кристиана Гюнтера (см. табл. 2). Надо сказать также, что у этого поэта намечается тенденция «возрождения» того рамочного профиля, который был в самых ранних стихах Опица и который, как мы предполагаем, сформировался изначально под влиянием нидерландского стиха (см. граф. 3).

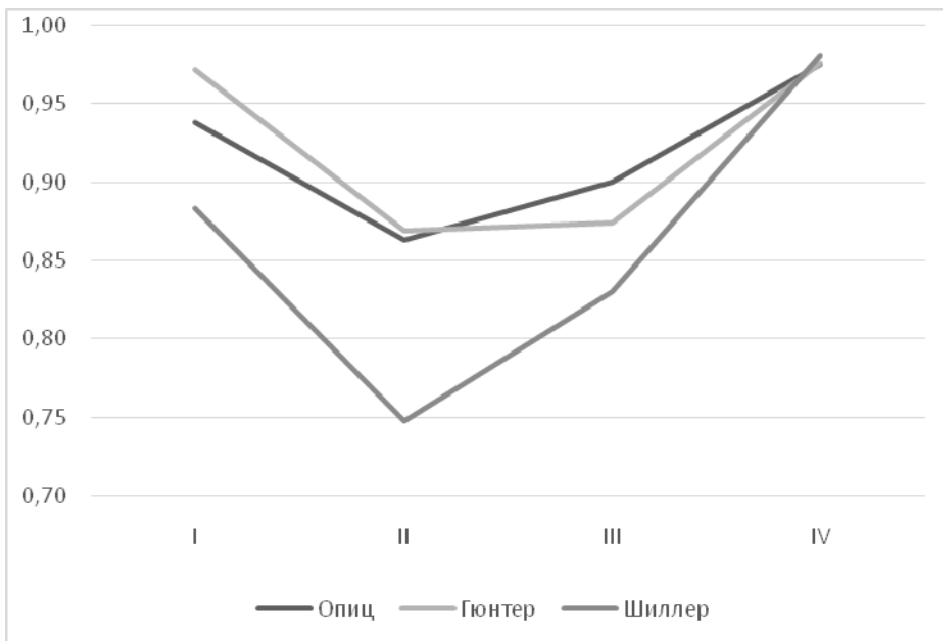

График 3. Ритмика немецкого Я4 XVIII в. на фоне ранних ямбов Опица

На этом графике у Гюнтера виден небольшой «перевес» ударности в пользу третьего икта. В процессе исследования был выявлен корпус текстов этого поэта, где постоянно наблюдается такой перевес⁴. Любопытно, что аналогичное явление имеет место и в более поздних немецких ямбах, у Шиллера⁵. Линии начала стиха у Шиллера и Гюнтера и середины стиха у Шиллера и Опица практически параллельны. Наличие исследуемой особенности в ямбе Шиллера вряд ли можно считать случайным явлением, скорее мы имеем дело с продолжением, с эволюцией ритмического рисунка, идущего от самого начала развития Я4 (см. граф. 3 и табл. 2).

	I	II	III	IV
Гюнтер (первая четверть XVIII в.)	0,972	0,869	0,874	0,976
Шиллер (1795–1804)	0,883	0,748	0,830	0,981
Ломоносов (хотинская ода, 1739 г.)	0,993	0,843	0,861	1,000

Таблица 2. Ритмика немецких Я4 в XVIII в.
в сравнении с ранними русскими ямбами

Несмотря на то, что профиль ударности 4-стопника в конце XVIII — начале XIX в. несколько меняется (в основном из-за того, что в целом понижается ударность стиха), наблюдаемая нами ритмическая тенденция, идущая от ранних ямбов Опица и, очевидно, восстановленная Гюнтером после действия ЗРАД в середине XVII в., продолжает быть актуальной в творчестве Шиллера. Таким образом, есть основания считать, что эта сформировавшаяся, вероятнее всего, под нидерландским влиянием на ранних этапах становления Я4 ритмическая особенность является магистральной ритмической тенденцией в развитии данного метра в немецкой поэзии.

⁴ В работе одного из авторов данной статьи была высказана гипотеза о том, что колебание в распределении ударений на втором и третьем икте в творчестве Гюнтера является случайным (Казарцев 2001). Проведенное исследование позволяет поставить под сомнение это положение, поскольку данная тенденция наблюдается в целом ряде сочинений Гюнтера. Выяснение вопроса о том, насколько случайно она возникает у этого автора, требует дальнейшего исследования.

⁵ Наличие данной особенности у Шиллера было отмечено еще Тарановским (Тарановски 1953: 71). Однако Тарановский считал эту особенность спецификой стиха Шиллера, не находя ее у других немецких авторов. Мы же видим, что эта особенность, очевидно, характерна и для многих ключевых немецких поэтов — предшественников Шиллера.

В данной связи любопытно оценить необычность профиля ударности первой русской ямбической оды, написанной Ломоносовым, как известно, в большой степени под немецким влиянием: дело в том, что в русском тексте наблюдается та же тенденция (см. граф. 4, табл. 2).

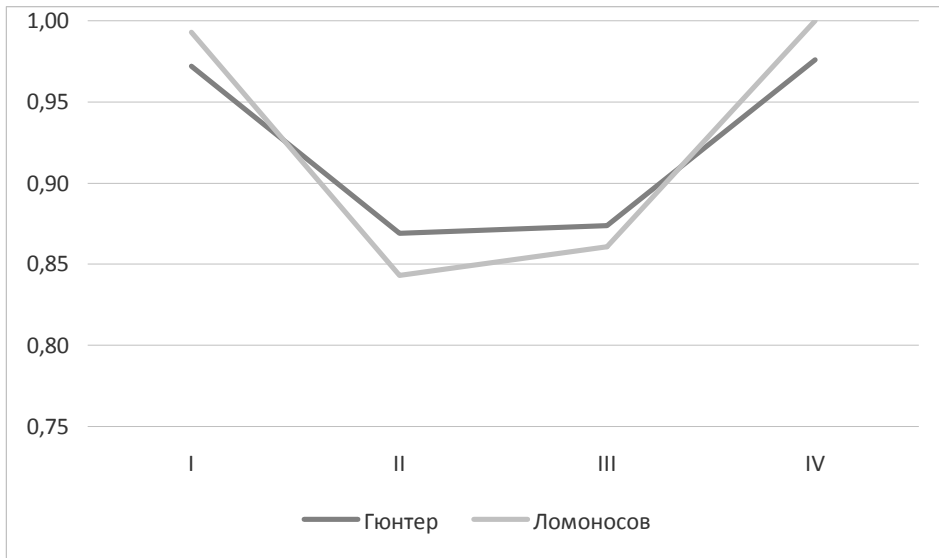

График 4. Ритмика хотинской оды на фоне стиха Гюнтера

Действительно, в так называемой хотинской оде Ломоносова 1739 г., как известно, наблюдается та же тенденция, которую мы прослеживаем в немецком стихе. Это явление было замечено еще Тарановским и связывалось вначале также с немецким влиянием (Тарановски 1953: 71). В статье Казарцева (2001), а также в другой работе Тарановского (1975) отрицалось влияние немецкого стиха на ритмику ямбов Ломоносова и, в частности, на первую оду. Позднее Казарцев и Красноперова высказали мнение о влиянии немецкого языка (не стиха) на формирование ритмического облика данного сочинения (Казарцев, Красноперова 2004). Проведенное здесь наблюдение над эволюцией намеченной тенденции в немецком стихе позволяет вновь вернуться к вопросу о возможном непосредственном влиянии ритмики немецкого стиха на формирование ритмического облика хотинской оды.

Источники

Ломоносов М. В. Ода блаженныя памяти Государыне Императрице Анне Иоановне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года. В кн.:

- М. В. Ломоносов. *Полное собрание сочинений*. Т. 8. М.–Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959, 16–30.
- Dach S. 1650. *Christliches Denckmal [...]; Einfältiges Trost-Schriften...* Königsberg.
- Gryphius A. 1643. Letzte Rede eines Gelehrten aus seinem Grabe. In: *Andr. Gryphius Gesamtausgabe der deutschsprachigen Werke*. Bd. II: *Oden und Epigrammen*. Tübingen: Niemeyer, 1964, 8–10.
- Gryphius A. 1657. Andreae Gryphii Gedancken über den Kirchhof und Ruhestädte der Verstorbenen. In: A. Gryphius. *Andreae Gryphii Trauer-Spiele auch Oden und Sonnette*. Leipzig: Johann Erich Hahn, 482–496.
- Fleming P. 1632. Auf der Tugendreichen dreien Jungfrauen Annen... In: *Paul Flemings Deutsche Gedichte*. Stuttgart: Literarischer Verein, 1865, 255–257.
- Opitz M. 1619. Nachtklang. In: *Martini Opicii Teutsche Poemata und Aristarchus*. Strasburg: Zetzner, 1624, 52–54.
- Opitz M. 1624. *Buch von der Deutschen Poeterey. In welchem alle ihre eigenschafte zuegehör gründlich erzehlet und mit exempeln ausgeführet wird*. Breslau: David Müller.
- Opitz M. 1637. Der 44. Psalm. In: *Die Psalmen Davids nach den französischen Weisen gesetzt durch Martin Opitzen*. Danzig: Hünefeld, 116–120.
- Van den Vondel J. 1620. Op het crackeel des Drossaerts van Muiden met Mevrouw van Wickvort. In: *De werken van Vondel Vierde deel 1640-1645 Volledige en geïllustreerde tekstuutgave in tien deelen*, Amsterdam: H. J. W. Becht, 1930, 217–218.
- Günther J.-Ch. 1710–23. An sein Lenchen. In: *Sämtliche Werke in 6 Bänden* Bd. 1. Leipzig, 1930, 184–187; Schreiben an seine Leonore. Ibid, 192–194; Auf der Abreise von Dresden in sein geliebtes Schlesien. Ibid, 177–181; An Gott. Ibid, Bd. 2. Leipzig, 1931, 118–120; Über die Worte: Der Gott aber des Friedens etc. Ibid, 19–21; Über die Worte: Ich weis, daz mein Erlöser lebt etc. Ibid, 233–235; Namenswunsch eines Sohnes an seine Mutter. Ibid, Bd. 3. Leipzig, 1934, 4–6; An seinen hochgeneigten Gönner. Ibid, 174–176; An die Frau von Breszlerin. Ibid, 88–92; “Eugen ist fort. Ihr Musen, nach!” In: *Sämtliche Werke in 6 Bänden*. Bd. 4. Leipzig, 1935, 128–143; “Was teuscht mich vor ein süßer Traum”. Ibid, 330–343; “Wir satteln zwar auf dein Begehren...” Ibid, 84–87; “Die Weißheit ging jüngsthin spazieren”. Ibid, 63–66; “Der Bothe mit der Schlangenruthen...” Ibid, 79–84; “So gehstu schon so früh zu rüste...” Ibid, Bd. 6. Leipzig, 1937, 85–89.
- Schiller F. 1795–1804. Die Künstler. In: *Sämtliche Werke in 10 Bänden*. Bd. 1. Stuttgart und Tübingen, 1844, 122–135; Das Geheimnis. Ibid, 219; Die Ideale. Ibid, 225. Parabeln und Rätseln. Ibid, 328–334. Die Kraniche des Ibykus. Ibid, 264–270. Das Geheimnis. Ibid, 219–220.

Литература

- Казарцев Е. В. 2001. Новые материалы к исследованию генезиса русской силлаботоники. В сб.: М. Л. Гаспаров, А. В. Прохоров, Т. В. Скулачева (ред.). *Славянский стих: лингвистическая и прикладная поэтика*. М.: Наука; ЯСК, 63–71.
- Казарцев Е. В., Красноперова М. А. 2004. «Ода... на взятие Хотина 1739 года» М. В. Ломоносова на фоне языковых моделей ритмики русского и немецкого

- стиха. В сб.: М. Л. Гаспаров, Т. В. Скулачева (ред.). *Славянский стих*. Вып. VII: *Лингвистика и структура стиха*. М.: ЯСК, 33–46.
- Тарановски К. 1953. *Руски дводелни ритмови*. Београд: Научна књига, 1953.
- Тарановский К. Ф. 1975. Ранние русские ямбы и их немецкие образцы. В сб.: М. П. Алексеев, Д. С. Лихачев, Г. П. Макогоненко, И. З. Серман (ред.). *Русская литература XVIII в. и ее международные связи. XVIII век*. Вып. 10. Л.: Наука, 31–38.
- Kazartsev E. 2009. Frühe deutsche Jamben und ihre niederländischen Vorbilder. *Acta Universitatis Wratislaviensis*, n. 3195 (*Neerlandica Wratislaviensia*, t. XVIII), 23–39.
- Kazartsev E. 2013. Niederländische Quellen von Martin Opitz' Versrhythmik. *Zeitschrift für Germanistik*, N.F. XXIII, Hft. 3, 118–128.

Микродиахрония стиховедческих параметров у русских поэтов

Б. В. Орехов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
nevmenandr@gmail.com

Предмет многолетнего научного интереса В. А. Плунгяна, стихотворная метрика, не только является самодостаточным (дисциплинообразующим), но может служить информативным источником для решения сторонних вопросов. Известно, что классические филологи прибегают к подсчетам разрешений в ямбических триметрах для датировки трагедий Еврипида, как это показано в Ceadel 1941.

Я задался вопросом, могут ли какие-либо из размеченных в поэтическом корпусе русского языка стиховедческих характеристик служить таким же основанием для датировки текстов внутри авторского подкорпуса. Для этого необходимо было выяснить, существуют ли такие параметры, количественные значения которых линейно изменяются в ходе творческой эволюции поэта.

Параметры, последовательно размеченные в корпусе, — это метр, длина строки, клаузула, тип рифмы, строфика и графическая строфика. Тут следует оговориться, что почти всё это кажется неподходящим именно для задачи датировки. Например, если выяснится, что у некоторого автора с течением времени последовательно растёт среднее число ямбических строк, то, во-первых, это никак не поможет найти на временной шкале место для стихотворения, написанного анапестом; во-вторых, для ямбического стихотворения сведется к простому подсчету числа стихов, (см. Shelya, Sobchuk 2017; принадлежность этого параметра к стиховедческим — вопрос дискуссионный) и всё равно не даст уверенного результата: поскольку речь об усредненном значении, ничто не запрещает автору отклониться от него и написать в тот же год стихотворение длиннее или короче ожидаемого.

Таким образом, аналогию со «случаем Еврипида» можно провести только в отношении гетерометрических и разноstopных текстов, и таких в корпусе меньшинство. Из 87 243 текстов поэтического корпуса только 16 861 гетерометрических (19,3%). Среди изометричных текстов разноstopность наблюдается в 19 727.

В какой-то мере эту методику можно распространить на стихотворения с нерегулярной клаузулой. Гипотетически может выясниться, что в ряду оформленных гетерометрией произведений растет доля строк, написанных амфибрахийем, или в произведениях с вольной клаузулой падает доля женских окончаний. Это может служить основанием для датировки аналогичных текстов, но такое знание будет бесполезным для монометричных стихотворений или стихотворений с регулярной клаузулой.

Полезным параметром могла бы быть форма неклассического стиха: доля строк вида 2.1.2.1 или 1.1.2.1 (смысл обозначений см. в статье Плунгян 2008) вполне способна оказаться значимым количественным параметром для датировки конкретного стихотворения, однако поиск по этим разновидностям в настоящий момент в НКРЯ недоступен.

Итак, я искал в корпусе такие значения, которые показывают последовательный непрерывный рост или такое же падение в течение всей творческой эволюции одного автора. В надежде повторить наблюдение системности, замеченной для метрики Еврипида, я хотел бы сосредоточиться на гетерометрии, разностопности и нерегулярной клаузуле. Однако, поскольку в масштабах корпуса эти явления являются больше исключением, нежели правилом, к поиску системности были подключены и другие параметры, данные по которым представлены как усреднение к числу текстов за год: регулярный метр, регулярное сочетание метра и стопности, регулярная стопность, регулярная клаузула, регулярная рифма, регулярная строфика. При этом я сознаю, что значения этих параметров оказываются бесполезны для практической задачи датировки, но зато для теоретических дескриптивных целей могут быть небезынтересны.

В выборку вошли только стихотворения, имеющие точную датировку. Тексты, датируемые в диапазоне нескольких лет, оставались в стороне, равно как и стихотворения, созданные после 1999 года. Таким образом, подсчеты были сделаны по 68 018 произведениям 963 авторов. Совокупно был учтен 41 551 параметр такого вида, как «доля текстов, написанных регулярным четырехстопным хореем, от общего числа написанного за год», «доля текстов с регулярной клаузулой от общего числа написанного за год», «доля текстов с регулярной рифмой вида *аббба* от общего числа написанного за год», «доля строк с мужской клаузулой от общего числа строк в текстах с нерегулярной клаузулой, написанных в течение одного года» и т. д. Если некоторый параметр давал нули в течение всего творчества поэта (например, если в его подкорпусе не встречается рифма вида *аббба*), то параметр из подсчетов, касающихся этого поэта, исключался.

Исследование показало, что ни для одного из параметров не получается обнаружить устойчивой тенденции в течение длительного времени,

а выявленные примеры, вероятно, не более чем случайность. Для каждого автора было проанализировано в среднем 43 параметра, но только у 3 поэтов удалось выявить непрерывное *падение* значений в течение 4 лет, отраженных в корпусе.

- 1) В разностопных стихотворениях М. М. Мыслинской падает доля шестистопных строк (1925–1928) с 0,19 до 0.
- 2) У Н. С. Резниковой с 1936 по 1940 г. падает доля строк анапеста в гетерометрических текстах с 0,33 до 0.
- 3) У Ю. Т. Галанскова падает доля строк с женской клаузулой в стихах с нерегулярной клаузулой (1955–1960) с 0,75 до 0,44.

Следующим шагом я попытался обнаружить нечеткие тенденции к росту или спаду значений на протяжении более, чем 10 лет. В корпусе есть 253 поэта, которые предоставляют материал для такого исследования, на них совокупно приходится 25 916 параметров.

Для каждого параметра было посчитано скользящее среднее с окном в 1 и 2 года, но и с учетом такого приближения не получилось выявить тенденций, охватывающих весь отраженный в корпусе творческий путь поэта. Однако данные разметки корпуса предоставили возможность определить наиболее продолжительные тренды для ряда авторов.

Среди самых отчетливых и интересных тенденций можно отметить:

- 1) рост доли текстов с регулярными 4-стопными строками у М. А. Кузмина с 1903 (0) по 1914 (0,6) с незначительным спадом в 1908 г. После 1915 г. рост и падение этого показателя становится нерегулярным. Показатель связан с такой же тенденцией для стихотворений, написанных четырехстопным ямбом;
- 2) рост (со спадом в 1909 и 1913) доли стихотворений, написанных четырехстопным ямбом с 1908 (0,25) по 1916 (1,0) в творчестве Б. К. Лившица;
- 3) снижение (со всплеском в 1925) доли текстов с регулярной клаузулой с 1920 (1,0) по 1934 (0) в стихах Н. А. Клюева;
- 4) снижение с 1918 по 1926 (с локальными всплесками в 1919 и 1923) доли дактилических клаузул в текстах с нерегулярной клаузулой у А. Б. Мариенгофа.

Учитывая, что эти тенденции локализуются в одной поэтической эпохе, характеризуемой масштабной перестройкой всей поэтической системы, их уже труднее отнести к случайности. В то же время непоследовательность изменения значений выбранных параметров демонстрирует, что на русский поэтический материал не удастся механически перенести системность, обнаруживаемую в стихе античной трагедии. Само по себе это

не должно удивлять, учитывая разницу в литературном быте и в исторических условиях формирования выборки.

Самые перспективные для дальнейших исследований в этом поле — стопность и клаузула, обнаруживающие наиболее устойчивые тренды в творчестве одного автора. По всей видимости, они точнее других отражают тенденции к экспериментальному расшатыванию или, наоборот, унификации метрики поэта во времени.

Литература

- Плунгян В. А. 2008. Писал ли Есенин «есенинским дольником»? В сб.: А. В. Архипов, Л. М. Захаров, А. А. Кибрик, А. Е. Кибрик, И. М. Кобозева, О. Ф. Кривнова, Е. А. Лютикова, О. В. Федорова (ред.). *Фонетика и нефонетика. К 70-летию С. В. Кодзасова*. М.: ЯСК, 766–776.
- Ceadel E. V. 1941. Resolved Feet in the Trimeters of Euripides and the Chronology of the Plays. *Classical Quarterly*, v. 35, 66–89.
- Shelya A., Sobchuk O. 2017. The shortest species: How the length of Russian poetry changed (1750–1921). *Studia Metrica et Poetica*, v. 4, n. 1, 66–84.

От жанра к формату: культурная аккомодация в новейшей поэзии*

Н. М. Азарова^а, Д. В. Кузьмин^б, К. М. Корчагин^в

^а Институт языкознания РАН; natazarova@gmail.com

^б независимый исследователь; info@vavilon.ru

^в Институт языкознания РАН /

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; stivendedal@gmail.com

Один из разделов учебника «Поэзия», над которым работали, среди прочих, и авторы настоящей статьи, посвящен одной из наиболее традиционных литературоведческих тем — жанру. Среди жанров, представленных в этом разделе, есть и классические, хорошо известные по литературе XVIII — первой половины XIX века: ода, элегия, эпиграмма и другие. Авторы учебника оставляют за скобками различные теории жанра, показывая, что старые жанры уже в поэзии XIX века начинают сменяться более свободными и текучими *форматами*. Жанр, таким образом, оказывается «вырожденным» случаем формата: это либо формат, окостеневающий в жанр, либо жанр, разрушившийся до состояния формата. Формат может рассматриваться как функциональная категория: он определяется тем, как и в каком контексте функционирует текст, какие он предполагает формальные и содержательные коннотации. В то же время, для форматов характерны некие «ядерные ориентиры», к которым отдельные тексты — в силу читательской памяти — продолжают тяготеть, сохраняя возможность бесконечно от них отклоняться.

Такие форматы, как правило, имеют «гибридную» природу, и их основой часто, хотя и не обязательно, становятся жанры и формы прежних литературных эпох. Следовательно, формат можно рассматривать как частный случай *культурной аккомодации* — ситуации, при которой различные культурные системы, сближаясь, «подстраиваются» друг под друга, гибридизируются и трансформируются, не сливаясь при этом в некую единую новую систему.

Именно так обстоит дело с форматом баллады, которому в учебнике посвящена одноименная глава, написанная В. А. Плунгяном (2016). Бал-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00429) в Институте языкознания РАН.

ладный формат интересен тем, что в истории поэзии, как указывает автор этой главы, были представлены практически независимые друг от друга типы баллады — «романский», почти не знавший содержательных ограничений, и «германский» с минимальными формальными ограничениями, но обязательным нарративом. В современной русской поэзии новый, «гибридный» тип баллады начинает распространяться на самом рубеже XX–XXI века: в нем сохраняются отдельные элементы старого формата, но меняется их функция — теперь они необходимы для более отчетливого проявления «особенностей авторской модальности и, в целом, образной системы» (Кукулин 2008/2019: 611).

Подобным образом на руинах сонетной формы возникает формат, лишь в самом общем виде связанный с прежним сонетом. Чаще всего в таком «сонете» удерживается длина — 14 строк, но даже она не всегда сохраняется. Оказывается, что одним из семантических ядер такого формата выступает отрицание: в русское слово *сонет* инкорпорирована отрицательная частица (Азарова 2008).

Параллельно в массовой поэзии возникают новые жанры, которые в отличие от форматов обладают достаточно строгими ограничениями. В 1980–1990-е годы на основе моностиха — однострочной стихотворной формы — формируется авторский жанр «моностих Вишневского» с заданным набором дискурсивных, метрических, лексических и даже пунктуационных ограничений (Кузьмин 2016: 266–270). Уже в 2000-е годы в русском Интернете получили широкое распространение жанры юмористических четверостиший — *пирожков* и *порошков*, постфольклорные по своему характеру и функциям, но опирающиеся на ряд прецедентных текстов и прецедентных жанров, существующих в маргинальных областях «книжной» поэзии (литературная частушка, хайку, лимерик) (Кронгауз 2019).

Эти тенденции характерны далеко не только для русской поэзии. Например, в арабской поэзии XX века словом *касыда*, изначально обозначавшим длинное стихотворение с закрепленной последовательностью мотивов, стали называть просто длинное стихотворение, почти аналог русской поэмы (так оно используется, например, в цикле палестинского поэта Махмуда Дарвиша «11 звезд на последние проводы Андалусии»).

Глобализация интенсифицирует процессы аккомодации, способствует образованию форматов из жанров и форм. Никакой жанр и никакая форма не могут быть перенесены автоматически из одной культуры в другую: при таком переносе всегда что-то деформируется, нормы и ограничения начинают трактоваться по-разному — и ослабевают. Выразительным примером таких трансформаций служит судьба хайку. Особенности аутентичного японского жанра по многим причинам не могут быть воспроиз-

ведены полностью в других языках. Характерные для него силлабические ограничения наталкиваются на то, что средняя длина слова и, следовательно, информационная емкость слога в других языках оказывается иной, а особые функции специализированной лексики — сезонные слова «киго» и разделительные слова «киредзи» — вовсе не имеют аналогов в других языках. У русского, американского, французского, сербского, бразильского хайку (в этих странах новый формат особенно успешен) ослаблены как формальные ограничения (варьируется и силлабический состав, и строчность), так и содержательные (привязка к природе вообще и к времени года в частности).

Интересно, что и при случившемся на столетие раньше заимствовании дактило-хореического гексаметра в русскую поэзию произошло то же самое: невозможность в точности воспроизвести средствами русского языка структуры квантитативного стихосложения привела к конструированию различных аналогов и появлению различных «дериватов гексаметра», так или иначе претендовавших на функциональное соответствие античному оригиналу. Обобщая историю русского гексаметра на протяжении двух веков, М. Ю. Лотман пришел к выводу, что «правильнее было бы говорить о гексаметре как о некоем прототипе и нечетком множестве соотносимых с ним стихотворных текстов» (2011: 83). То есть, в нашей терминологии, о том, что на основе гексаметра (как инокультурной формы, обладающей определенным семантическим ореолом) в русской поэзии сложился особый формат.

Движение от формы и жанра к формату — частный случай общекультурной закономерности: ухода от заранее предписанной нормы. В области метрики ему соответствуют два противоположенных принципа — «ритмизации метра» и «метризации ритма» (Шапир 1990/2000), частное проявление которых можно видеть в истории русского дольника. Этот вид стиха возникает вследствие расшатывания, «ритмизации» силлабо-тонической схемы на основе трехсложных размеров, но затем, уже в поэзии середины XX века, его ритм «метризуется», становится ригидным и почти не предполагающим вариаций (для 3-иктного дольника он сводится к двум формам — *2*1* и *4*). Еще более ярко этот принцип выражен в так называемом пеоническом дольнике, который получается в силу сокращения безударных слогов в ритмической схеме пеона (*3*3* → *3*2* или *2*3*) и сразу «отвердевает» в устойчивый, не предполагающий вариаций метрический тип — например, у Михаила Кузмина, а затем у Александра Галича (Плунгян 2011).

Интересно, что подобная тенденция может распространяться и на другие элементы стиха — например, на рифму. Так, в практике многих

современных поэтов рифма из единственного структурно значимого элемента звукового строя превращается в один из многочисленных приемов, который можно применять или не применять в зависимости от конкретной задачи (см. дискуссию о статусе рифмы в современной поэзии в Кузьмин 2008).

Расширить это наблюдение позволяют материалы переводческих мастерских, проводившихся на Биеннале поэтов в Москве в 2019 году, когда гостем фестиваля была Латинская Америка. На этих мастерских поэты при посредничестве лингвистов переводили друг друга, и оказалось, что если в русском стихотворении присутствует даже единичная рифма или напоминающее ее созвучие, испано- и португальязычные переводчики предпочитали их систематически избегать, несмотря на то, что сам факт созвучия дополнительно подчеркивался при работе над переводом. Можно предположить, что это также связано с пересмотром границ поэтических форматов: если рифмованные тексты часто используются в популярных песнях, особенно в рэпе, а также в прикладной (детской и рекламной) поэзии, то в «серьезной» или профессиональной поэзии возникает противоположная тенденция — избегать рифмы, чтобы не заступить на чужую территорию.

Отчасти такое положение дел фиксирует современное англоязычное словоупотребление, где слова *lyrics* и *poetry* обозначают своего рода «сверхформаты»: первый — это тексты песен, как правило рифмованные, второй — «книжная» поэзия, как правило нерифмованная. Эта установка настолько значима, что если поэт напишет рифмованное стихотворение, не объясняя специально, зачем он это делает, адресат воспримет это как «лирику», то есть слова для песни. В то же время, мотивировать употребление рифмы может обращение к твердым формам, прежде всего к сонету, который — по контрасту с русской традицией — очень часто сохраняет характерные формальные черты (обыгрывая эту ситуацию на переводческих мастерских, сонет аргентинского поэта Эдгардо Добры перевели на русский белым дольником).

«Лирика» и «поэзия» рассинхронизованы друг с другом: первая «запаздывает» относительно второй, используя те формальные черты, которые были новаторскими на предыдущем этапе развития «поэзии». Так же «рассинхронизованы» друг относительно друга и различные поэзии мира: в континентальном Китае, несмотря на очень ранние опыты нерифмованной поэзии, идеал классического стиха распространялся в том числе через поэзию Мао Цзэдуна (Азарова 2017); в России удержание рифмы во многом было связано с тем, что функцию рок-звезд, пишущих рифмованную «лирику», выполняли поэты-«шестидесятники»; напротив, в Ла-

тинской Америке вследствие поэтического бума 1960–1970-х годов, выведшего на передний план поэтов-верлибристов, широко распространился нерифмованный стих. Все эти явления аккомодации разных поэтических традиций должны быть учтены не только при построении обобщающей картины мировой поэзии, но также — и это даже более важно — в практике поэтического перевода.

Литература

- Азарова Н. М. 2008. Сонет как отрицательная форма в авангардной поэзии XX–XXI веков. В сб.: И. Ю. Иванюшина (отв. ред.). *Литературно-художественный авангард в социокультурном пространстве российской провинции*. Саратов: Наука, 2008, 439–446.
- Азарова Н. М. 2017. Стихи Мао Цзэдуна и их переводы. *Новый мир*, №5, 174–186.
- Кронгауз М. А. 2019. Переосмысление текста и мотив превращения в малом жанре интернет-поэзии («порошок»). *Слово.ру*, т. 10, №4, 109–126.
- Кузьмин Д. В. 2008. Рифма и звуковой повтор: внутри единого процесса. *Новое литературное обозрение*, №90, 259–268.
- Кузьмин Д. В. 2016. *Русский моностих: Очерк истории и теории*. М.: Новое литературное обозрение.
- Кукулин И. В. 2008/2019. От Сваровского к Жуковскому и обратно. О том, как метод исследования конструирует литературный канон. В кн.: И. В. Кукулин. *Прорыв к невозможной связи: Статьи о русской поэзии*. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 597–614.
- Лотман М. Ю. 2011. Историческая типология русского гексаметра. In: Michail Łotman, Lucylla Pszczołkowska (red.). *Słowiańska metryka porównawcza. IX. Heksamet. Antyczne wzorce wiersza i strofy w literaturach słowiańskich*. Warszawa: Instytut Badań Literackich PAN, 82–166.
- Плунгян В. А. 2011. «Мне с каждым утром противней заученный мертвый стих»: к некоторым особенностям тонического стиха М. Кузьмина. В сб.: L. Rapova, S. Pratt (eds.). *The many facets of Mikhail Kuzmin: a miscellany*. Bloomington, Indiana: Slavica (UCLA Slavic Studies, New Series, v. VIII), 43–60.
- Плунгян В. А. 2016. Баллада. В кн.: Н. М. Азарова, С. Ю. Бочавер, К. М. Корчагин и др. *Поэзия: учебник*. М.: ОГИ, 599–608.
- Шапир М. И. 1990/2000. *Metrum et rhythmus sub specie semioticae*. В кн.: М. И. Шапир. *Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII—XX веков*. Кн. 1. М.: ЯСК, 91–128.

Авторский стиль

и интертекстуальность

О некоторых незамеченных (?) цитатах из русской классики*

И. Б. Иткин

Институт востоковедения РАН /

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

ilya.borisovich.itkin@gmail.com

Поиск интертекстуальных связей — занятие столь же захватывающее, сколь и опасное. Нередко увлеченный исследователь предлагает на роль источника нечто, известное только ему, а удивленный читатель оказывается не в силах усмотреть между претекстом и предполагаемой цитатой совершенно ничего общего.

Автор этих строк, однако, неоднократно оказывался в противоположной ситуации: источник хрестоматиен или по крайней мере широко известен, наличие переклички не вызывает сомнений... так что вместо мучительного вопроса «Неужели правда цитата?» приходится задаваться другим, не менее мучительным: «Неужели этого никто не заметил?»

Скорее всего, конечно, заметили; если это действительно так, мы с удовольствием отдаем пальму первенства нашим предшественникам. С другой стороны, коль скоро долгие поиски соответствующих работ не привели ни к какому результату, можно думать, что обсуждаемые ниже сопоставления как минимум не являются широко известными. Если наши заметки хотя бы отчасти способствуют их введению в круг внимания филологов и преподавателей литературы, мы будем считать нашу задачу всецело выполненной.

1. А. С. Пушкин, «Анчар» ← Г. Р. Державин, «Властителям и судиям»

После выхода статьи (Пумпянский 1939), в которой «Анчар» наряду со многими другими пушкинскими стихотворениями и поэмами второй половины 1820-х — 1830-х гг. был включен в число произведений, тесно

* Автор выражает искреннюю благодарность А. В. Кулагину, С. И. Переверзевой, И. А. Пильщикову, М. С. Сухановой и В. Н. Терёхиной за многообразную помощь в работе над статьей.

связанных с традицией русской поэзии XVIII в., исследователи обнаружили в стихотворении Пушкина возможные параллели с произведениями Тредиаковского и Ломоносова (Долинин 2009: 67 с дальнейшей библиографией). Однако не менее (а, на наш взгляд, существенно более) явное сходство имеется между второй частью «Анчара» и одним из самых знаменитых стихотворений Державина — «Властителем и судиям»:

Принес он смертную смолу	И вы подобно так падете,
Да ветвь с увядшими листьями,	Как с древ увядший лист падет!
И пот по бледному челу	И вы подобно так умрете,
Струился холодными ручьями;	Как ваш последний раб умрет!
<...>	
И умер бедный раб у ног	
Непобедимого владыки.	

Не имея возможности вдаваться в дискуссию об общей идейной направленности «Анчара», подчеркнем, что рассматриваемая параллель кажется глубоко неслучайной. Как совершенно справедливо отмечает А. А. Долинин, Пушкин описывает анчар, «используя библейскую метафорику», — об этом свидетельствует, в частности, присутствие в тексте многократно встречающегося в Библии выражения *день гнева* (там же: 66). Отсылка к «гневной оде» Державина, как известно, представляющей собой переложение псалма 81, значительно усиливает в стихотворении, сюжет которого восходит к совсем иной культурной традиции, звучание библейских обертонов.

2. М. Ю. Лермонтов, «Куда, седой прелюбодей...» ← Г. Р. Державин, «Вельможа»

Четверостишие «Куда, седой прелюбодей...» входит в число так называемых «пятигорских экспромтов», или «экспромтов 1841 года», сочиненных Лермонтовым незадолго до дуэли с Мартыновым (или приписываемых ему). Во всех известных нам изданиях, включая «Лермонтовскую энциклопедию» и многочисленные собрания сочинений, оно удостоивалось лишь реального комментария (а именно, указания адресата — полковника А. Л. Манзея) — ср., например, (Лермонтов 1954–1957, т. II: 376–377). Между тем это четверостишие интересно и с собственно литературной точки зрения; строго говоря, оно представляет собой не экспромт, а шутивную переделку «с учетом окружающей обстановки» фрагмента из еще одного знаменитого стихотворения Державина — «Вельможа»:

Куда, седой прелюбодей,
Стремишь своей **ты мысли беги?**
Кругом с арбузами телеги
И нет порядочных людей!

А **ты**, вторый Сарданапал!
К чему **стремишь** всех **мыслей беги?**
На то ль, чтоб век твой протекал
Средь игр, средь праздности и неги?¹

3. С. А. Есенин, «Иорданская голубица» ← Ф. Шиллер ~
В. А. Жуковский, «Поликратов перстень»

Заключительное четверостишие 4-й главки маленькой поэмы «Иорданская голубица» (1918), кажется, никогда не было предметом комментирования — см., например, примечания С. И. Субботина в сравнительно недавнем полном собрании сочинений Есенина (Есенин 1995–2002, т. II: 336–343). На фоне многих других мест поэмы, насыщенной сложно пересмысленной мифологической символикой, оно выглядит вполне понятным, а его центральный образ — «судьба-мздоимец» — кажется в высшей степени органичным для художественного мира Есенина. Тем не менее этот образ отнюдь не принадлежит автору «Иорданской голубицы», а взят им (вместе с соответствующей рифменной парой) из сделанного В. А. Жуковским перевода баллады Шиллера «Der Ring des Polykrates»:

Страж любви — **судьба-мздоимец**
Счастье пестует не век.
Кто сегодня был **любимец** –
Завтра нищий человек.

«...Чтоб верной избежать напасти,
Моли невидимые власти
Подлить печали в твой фиал.
Судьба и в милостях **мздоимец**:
Какой, какой ее **любимец**
Свой век не бедственно кончал?..»

4. С. П. Бобров, «Логарифмическая погоня» ← А. С. Пушкин,
«Пир во время чумы»

Данный случай несколько выбивается из общего ряда — и не только в силу прозаического характера текста «слева от стрелки». Сергей Павлович Бобров (1889–1971) — поэт-футурист, классик стиховедения (что, как представляется, априори делает его фигурой, интересной для юбиляра), автор замечательных, до сих пор широко читаемых научно-популярных

¹ Как установили А. А. Быстрова и О. М. Гостюшева (личное сообщение), обращение «седой прелюбодей», в свою очередь, заимствовано из стихотворения И. И. Дмитриева «Воздушные башни» (1794). Таким образом, неприятная острота «на случай» на поверку оказывается едва ли не центоном, искусно соединяющим цитаты из сочинений двух прославленных стихотворцев предшествующей эпохи.

книг по математике. Его фантастическая проза, однако, известна лишь специалистам и самым преданным поклонникам раннесоветской фантастики; более того, рассказ «Логарифмическая погоня» (1922) едва ли может быть отнесен к числу художественных удач. Несмотря на это, его републикация в журнале «Шалтай-Болтай» была сопровождается подробными примечаниями Г. Смиренской, одно из которых относится к слову *мурин* и выглядит следующим образом: «Фамилия персонажей повести Ф. М. Достоевского “Хозяйка” и романа Ф. Сологуба “Мелкий бес”. У Достоевского — злоеший таинственный старик внушительного вида, колдун, “мистик”, волжский разбойник, ревнивый муж молодой красавицы, наводит страшный сон на главного героя; у Сологуба — грубый и глупый провинциальный помещик» (Бобров 2006: 142, сн. 6). Мы беремся утверждать, что бобровский «мурин» не имеет отношения ни к Достоевскому, ни к Сологубу: очевидно, автору комментария осталось неизвестным довольно употребительное в XIX — начале XX века нарицательное существительное *мурин* «негр, арап». С учетом этого обстоятельства в соответствующем фрагменте рассказа однозначно узнается отсылка к ремарке из «Пира во время чумы», ср.:

С крайним неудовольствием отметил я у всех друзей моих — какую-то каменность и неопределенно-отсутствующее выражение лиц. Особенно это лезло в глаза на физиономии дорогого нашего хозяина: — можно было подумать, что этот **мурин** исполняет сегодня обязанности Харона и **везет четыре трупа**, в том числе и свой собственный, в последний круг Дантовой карусели.

Едет телега, наполненная мертвыми телами. Негр управляет ею.

5. Ю. И. Визбор, «Москва святая» ← О. Э. Мандельштам, «Фазтонщик»

В своем комментарии к песне Юрия Визбора «Москва святая» (1963) А. В. Кулагин указывает на ее несомненную связь с песней М. Лисянского и С. Аграняна (музыка И. Дунаевского) «Дорогая моя столица» и гипотетическую — с песней Б. Окуджавы «На Тверском бульваре» (Кулагин 2015: 129–131). Эти сопоставления кажется возможным осторожно дополнить еще одним, несколько неожиданным — с начальными строками стихотворения О. Э. Мандельштама «Фазтонщик» (1931):

**На высоких перевалах,
В непутевом том краю**
Ты мне руку подавала,
Руку сильную свою.

**На высоком перевале
В мусульманской стороне**
Мы со смертью пировали —
Было страшно, как во сне.

Об интересе Визбора и его друзей к творчеству «запрещенных» поэтов см., в частности, Арефьева 2014: 270, Кулагин 2019: 129–132. Общеизвестно, что стихи Мандельштама имели очень широкое хождение в самиздате, однако конкретно в случае «Фаэтонщика» источником Визбору мог послужить «тамиздат»: стихотворение Мандельштама было впервые опубликовано в 1961 г. во II выпуске нью-йоркского альманаха «Воздушные пути» (Мандельштам 1990, т. I: 517).

Возможно, цитата из Мандельштама призвана была придать довольно-таки «верноподданнической» песне иное звучание в кругу «своих». Не исключено, однако, что Визбору, певцу горно-туристической романтики (одно только слово «перевал» встречается в его стихах десятки раз), просто оказался близок изображенный в «Фаэтонщике» кавказский пейзаж.

6. В. С. Высоцкий, «Баллада об уходе в рай» ← М. И. Цветаева, «Не хочу ни любви, ни почестей...»

«Баллада об уходе в рай» (1973) — одна из самых известных песен Высоцкого, написанных для фильма «Бегство мистера Мак-Кинли» по повести Л. Леонова. Роль рефрена в ней исполняет следующее четверостишие: «Вот и сбывается все, что пророчится, // Уходит поезд в небеса — счастливый путь! // Ах! как нам хочется, как всем нам хочется // Не умереть, а именно уснуть». Вопрос о конкретном источнике двух последних строк может показаться странным. Во-первых, они вполне соответствуют сюжету фильма. Во-вторых, ассоциации, связанные с парой «умереть, уснуть», поистине неисчислимы — можно лишь с осторожностью предположить, что для большинства читателей и слушателей Высоцкого двумя основными маяками в их интертекстуальном море служат монолог Гамлета и стихотворение Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...».

В тексте «Баллады...», однако, обращают на себя внимание настойчивый повтор («Ах! как нам хочется, как всем нам хочется...») и усиленное словом *именно* противопоставление «Не умереть, а ... уснуть» — как если бы герои песни возражали кому-то, кто, наоборот, пожелал «умереть». В монологе Гамлета такого противопоставления нет: слова *умереть* и *уснуть* выступают в нем как синонимы. В стихотворении Лермонтова противопоставление есть, но в нем вообще нет глагола *умереть*. Все эти особенности рефрена «Баллады...» легко объясняются, если согласиться, что Высоцкий эффектно обыграл в нем финал восьмистишия Марины Цветаевой «Не хочу ни любви, ни почестей...» (1920):

<p>Вот и сбывается все, что пророчится, Уходит поезд в небеса — счастливый путь! Ах! как нам хочется, как всем нам хочется Не умереть, а именно уснуть.</p>	<p>Что-то цепью за мной волочится, Скоро громом начнёт греметь. — Как мне хочется, Как мне хочется — Потихонечку умереть!</p>
--	---

Литература

- Арефьева Р. Г. 2014. Так было. В сб.: Э. Сухорученкова (отв. ред.). *Судеб переплетенье: [Сб. воспоминаний о Визборе]*. М.: Аванглион-Принт, 269–276.
- Бобров С. П. 2006. Логарифмическая погоня. Подгот. публикации Г. Смиренской. *Шалтай-Болтай*, №3, 136–152.
- Долинин А. А. 2009. «Анчар». В: *Пушкинская энциклопедия: Произведения*. Вып. 1. А–Д. СПб.: Нестор-История, 63–70.
- Есенин С. А. 1995–2002. *Полное собрание сочинений*. В 7 т. М: Наука; Голос.
- Кулагин А. В. 2015. Из комментария к произведениям Ю. Визбора. В сб.: А. В. Кулагин (сост.). *Голоса: Сб. статей к 60-летию Андрея Крылова*. М.: Булат, 128–136.
- Кулагин А. В. 2019. Из комментария к авторским песням. Три заметки. *Палимпсест. Литературоведческий журнал*, №1, 125–139.
- Лермонтов М. Ю. 1954–1957. *Сочинения в 6 томах*. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР.
- Мандельштам О. Э. 1990. *Сочинения*. В 2-х т. Сост. П. М. Нерлера, подгот. текста и коммент. А. Д. Михайлова и П. М. Нерлера; Вступ. статья С. Аверинцева. М.: Художественная литература.
- Пумпянский Л. В. 1939. «Медный Всадник» и поэтическая традиция XVIII в. *Пушкин. Временник Пушкинской комиссии*. Вып. 4–5. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 91–124.

«Записки охотника» и то, что не вписывается в тургеневский идиостиль*

М. Ю. Михеев^а, Л. И. Эрлих^б, М. В. Орлова^в

^а НИВЦ МГУ имени М. В. Ломоносова; mihej57@yandex.ru

^б НИВЦ МГУ имени М. В. Ломоносова; levehr@yandex.ru

^в МГУ имени М. В. Ломоносова / Институт языкознания РАН;
mriaorlova@gmail.com

Задача определения авторства неатрибуированного текста, а также установления степени близости между стилями разных авторов требует удобных инструментов, которые позволили бы с высокой степенью точности распознать идиостиль автора, отличить его от идиостиля любого другого. Перспективным способом решения этой задачи представляется подсчет частот используемых в тексте *скреп*, или «малых слов», — союзов, частиц, дискурсивных и вводных слов и оборотов, которые так или иначе «скрепляют» смыслы в предложении или в тексте. Анализ частотности служебных и близких к ним по функциям слов, очевидно, должен давать более показательные результаты, чем подсчет частот знаменательных слов, поскольку «малые слова» употребляются пишущим во многом бессознательно, обычно не воспринимаются как определяющие для авторской стилистики и поэтому реже заимствуются в случае намеренной стилизации.

Полученные статистические данные делают возможной характеристику авторских идиостилей с точки зрения присущего им набора *скреп*, а также позволяют определить степени близости между различными идиостильями. С этой целью по методике, изложенной в работах Михеев, Эрлих 2018, 2019, Михеев, Эрлих, Орлова 2020, обчислено более 30 авторов русской литературы XIX–XX вв. и более тысячи их текстов, куда включались, помимо классической русской художественной прозы, еще и некоторые образцы научной прозы — такие как тексты Бахтина, Выготского, Тынянова.

Если рассматривать как единый текст не только романы — скажем, «Братьев Карамазовых» или «Войну и мир», — но и сборники текстов, на-

* Работа поддержана грантом РФФИ №18-012-00220 «Создание алгоритма идентификации авторского идиостиля на основании частотности употребления служебных слов».

пример, «Записки охотника» (ЗО) или «Вечера на хуторе...» (ВнХ), оказывается, что и они тоже, согласно обсчетам, вписываются в идиостилистику своих авторов. Иначе говоря, суммарные отклонения частот всех скреп в тексте ЗО не выходят за рамки ограничений в идиостиле Тургенева в целом, и отклонения в тексте ВнХ — за рамки идиостиля Гоголя. Но можно ли утверждать в более общей форме, что **все** крупные произведения **любого** писателя должны вписываться в его идиостилистику (или в идиостилевой *профиль*)? Вот это уже неверно — по крайней мере, для «Неточки Незвановой» Достоевского (НН), «Цветов запоздалых» Чехова (ЦЗ) и «Матери» Горького (М). Но они — исключения особого рода, которые следовало бы отнести, так сказать, к *беззаконным кометам*, или инородным вторжениям в идиостилистику автора. Представленные в таблице 1 тексты (и вслед за ними соответствующие авторские идиостили) мы называем *неуравновешенными*: в сочинениях этих авторов выделяются один или даже несколько текстов, которые так или иначе не вписываются в их идиостилистику — частотные показатели скреп этих текстов сближаются с частотами, характерными для какого-то другого (или даже для нескольких других) авторов, отличаясь от частот, которые наблюдаются в основном массиве текстов титульного автора. Так, Достоевского по близости к НН, как видим, обгоняет Тургенев, Горького по близости к М, — Ф. Крюков, а Чехова по близости к ЦЗ — сразу четверо «посторонних» идиостилей: Пушкина, Куприна, Ф. Крюкова и худож. текстов Тынянова.

Текст (объем)	1-й претендент:						
	отклонение	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	7-й
НН (54,7)	Тур 68,6	Дос 69,1	Гог 70,4	Лер 71,3	Л. Тол 71,6	Гарш 72,1	Гон 72,1
ЦЗ (11,4)	ТынХ 61,5	К 62,5	Куп 62,7	Пуш 64,4	Чех 64,5	Бун 66,5	Гор 67,9
М (86,0)	К 43,7	Гор 46,8	ТынХ 48,2	Куп 50,0	ИлП 55,0	А. Тол 55,3	Сер 55,6

Таблица 1. Очередность основных претендентов на авторство *неуравновешенных* текстов

Но и когда мы расчленим единый массив, скажем, сборник ЗО, на составляющие очерки, некоторые из них почему-то тоже перестают вписываться в идиостиль автора. Тут перед нами (в отличие от случаев из таблицы 1) исключения уже другого рода, объяснимые попросту тем, что

эти тексты слишком малы по объему, из-за чего в них перестают выполняться статистические закономерности.

Уравновешенными мы называем идиостилии тех авторов, в чьих текстах на протяжении творческой деятельности выдерживаются приблизительно одни и те же частотные показатели для одних и тех же скреп. Они выигрывают «соревнование» за авторство во всех своих текстах: таковы Пушкин, А. Толстой, Набоков, Бахтин... Таков оказывается и Тургенев. Необходимые для этого условия, как нами установлено, таковы: *уравновешенный* текст (иными словами, текст, соответствующий характеристикам идиостилия титульного автора) не должен быть менее 10 тыс. слов по объему, тексты меньшего объема в принципе не оцениваются на уравновешенность, поскольку частоты представленных в них скреп зачастую непоказательны. **Отступ** минимального отклонения среди всех идиостилей (или величина отклонения первого из претендентов) не должен превышать 60 тыс. единиц (в нашем подсчете единица отклонения — это одно лишнее или же одно недостающее употребление любой из скреп (в пересчете на миллион словоформ) в идиостилие автора по сравнению с ее употреблением в оцениваемом тексте). Допустимый **Разрыв** — между отклонениями титульного автора и первым из группы «соперников» (или претендентов на авторство) — составляет, как правило, 10 и более тыс. пунктов (в таблице 2 это разница между первой и второй колонками цифр). Тогда как **Интервал** внутри группы остальных соперников (интервал между частотами второй колонки и третьей, третьей и четвертой и т. д.), как правило, весьма невелик — он не превышает 3–5 тыс. пунктов. (Напомним, что всего в нашем «соревновании» за авторство участвовали более 30 различных идиостилей. При добавлении авторов в это множество Интервалы между ними, естественно, сокращаются.)

В таблице 2 представлены суммарные отклонения от идиостилия Тургенева его текстов с объемами более 10 тыс. слов в сравнении с отклонениями шести ближайших его конкурентов.

Итак, у Тургенева ни один из текстов большого объема не нарушает норм авторского идиостилия: во всех случаях ближайшим по величине отклонений к своему тексту оказывается титульный автор; Отступ во всех случаях не превышает 60 тыс. (самый большой, как и должно быть — в самом малом из текстов, «Фаусте»: 53,5 тыс.); величина Разрыва между Тургеневым и ближайшим из конкурентов везде более 10 тыс. и варьирует от 12 до 26 тыс. пунктов, тогда как Интервал (у всех остальных) колеблется между 1 и 5 тыс. Именно так, согласно нашим наблюдениям, и должно обстоять дело в «нормальных» условиях — для *уравновешенных* текстов.

Тексты Тургенева и их объемы, по времени написания	1-й претендент: отклонение	2-й...	3-й...	4-й...	5-й...	6-й...	7-й...
Записки ох-а 103,4 (1847–53)	Тур 37,9	Ш 50,3	К 53,3	Сер 54,3	Гон 54,9	А. Тол 55,2	ТД1 56,9
Яков Пасынков 11,2 (1855)	Тур 46,8	Гор 58,6	ТынХ 63,6	Лер 54,3	Куп 66,1	ИлП 66,4	А. Тол 66,5
Рудин 35,8 (1855–56)	Тур 37,7	Гор 54,2	Гарш 56,1	Лер 56,8	Гон 75,0	Наб 59,5	Куп 60,2
Фауст 12,6 (1856)	Тур 53,5	Гор 65,8	Лер 66,2	Наб 67,1	Гарш 67,4	Гон 68,5	Наг 70,7
Ася 14,0 (1857–58)	Тур 41,7	ИлП 55,5	Гор 57,0	Лер 57,7	Наг 60,3	Наб 60,7	Куп 60,9
Двор. гнездо 47,1 (1859)	Тур 27,6	ТынХ 49,0	ИлП 49,8	Гарш 50,4	К 50,4	Наг 51,0	Гор 51,0
Накануне 44,0 (1859–60)	Тур 33,9	Лер 48,5	Гон 50,6	Гор 50,8	Гарш 51,3	ИлП 52,1	ТынХ 52,4
Первая любовь 19,0 (1860)	Тур 42,2	Куп 54,3	ТынХ 57,3	Гарш 58,0	Бун 58,4	Бул 59,1	Кор 59,6
Отцы и дети 56,2 (1860–62)	Тур 27,8	Лер 48,7	Гон 49,6	Наг 50,0	Наб 50,5	Гарш 50,7	ИлП 50,9
Дым 49,3 (1865–67)	Тур 27,5	Гог 53,5	Наб 53,7	Гон 54,0	Гор 55,3	Бул 55,7	Куп 55,8
Несчастливая 24,3 (1869)	Тур 37,6	Наб 50,3	ИлП 56,1	Наг 56,6	Лер 56,8	Куп 59,1	Гор 59,5
Степ. Клир 21,1 (1869–70)	Тур 41,9	Ш 61,1	Куп 61,5	К 62,6	Гон 63,6	ИлП 64,0	Бун 64,3
Новь 76,0 (1871–77)	Тур 30,0	Гарш 49,8	Гон 52,4	Куп 54,0	Гог 54,1	Гор 55,6	Бул 56,0
Вешние воды 38,8 (1872–73)	Тур 34,1	Гарш 51,7	ТынХ 53,9	Гон 55,3	Бул 55,8	Куп 55,9	Кор 56,6
После смерти 16,2 (1883)	Тур 49,3	Гон 65,2	Гарш 65,9	Гог 66,7	Куп 69,2	ТынХ 71,8	Гор 72,6

Таблица 2. Наиболее объемные тексты Тургенева
и отклонения суммарных частот «малых слов»
у семи ближайших претендентов на авторство в этих текстах

Тексты Тургенева по убыванию объемов (и время их написания)	1-й претендент: отклонение	2-й...	3-й...	4-й...	5-й...	6-й...	7-й...
Призраки 8,2 (1864)	Сер 66,3	Тур 72,1	К 75,0	Бун 75,5	А. Тол 77,0	ТД1 77,0	Ш 78,6
Певцы 5,4 (1850)	Сер 77,1	Пуш 81,5	ТынХ 81,6	К 82,3	Тур 83,5	Куп 87,5	Бун 87,7
Чертопханов и Н-н 4,9 (1849)	Пуш 75,4	Сер 79,4	К 79,7	ТынХ 81,4	Тур 81,8	А. Тол 82,7	ТД1 83,4
Контора 4,4 (1847)	ТД1 73,8	Тур 77,7	А. Тол 80,0	Ш 80,7	Гор 84,7	К 86,0	ИлП 86,2
П. П. Каратаев 4,2 (1847)	ТД1 77,0	Ш 78,2	Тур 79,0	А. Тол 82,7	Лер 84,5	Гон 85,5	ИлП 86,1
Хорь и Калиныч 3,7 (1847)	Пуш 68,8	К 72,1	А. Тол 74,1	ТД1 75,1	Тур 76,5	Сер 77,5	ТынХ 78,3
Смерть 3,4 (1848)	А. Тол 66,7	ТД1 69,5	Тур 70,2	Ш 76,7	Лер 77,1	Пуш 77,5	Наг 78,3
Лебедянь 3,2 (1848)	Пуш 69,6	К 77,3	ТынХ 79,0	Тур 80,1	ТД1 80,4	Сер 80,8	А. Тол 82,7
Малиновая вода 2,7 (1848)	Пуш 83,3	Сер 86,7	К 88,3	ТынХ 91,7	А. Тол 92,0	ТД1 92,9	Тур 93,1
Свидание 2,6 (1850)	Сер 92,8	Тур 98,7	К 100,3	А. Тол 100,5	ТынХ 102,6	Куп 102,8	Гор 103,7
Бирюк 2,1 (1848)	ТД1 79,3	А. Тол 81,8	Пуш 82,1	Ш 87,7	Тур 88,8	Сер 89,1	Гасп 92,3
Лес и степь 1,8 (1852)	ТД1 111,1	А. Тол 114,8	Жирм 123,1	Ш 123,6	Сер 124,7	...	(8-й) Тур 128,2
Русский немец 0,4 (1848)	ТД1 104,4	Гасп 106,2	Ш 109,8	А. Тол 111,0	Пуш 111,7	...	(11-й) Тур 118,2

Таблица 3. «Малые» тексты Тургенева и суммарные отклонения ближайших претендентов на авторство по идиостилю

Однако в малых текстах (менее 10 тыс. слов) Отступ возрастает более чем до 60 тыс. и Разрыв сокращается, сравниваясь в итоге со всеми остальными Интервалами. То, как нарушается «правильная» закономерность, можно видеть в таблице 3, где представлены отклонения, которые демонстрируют 15 малых текстов Тургенева. Статистика употребительности скреп в текстах такого «критического» объема оказывается уже очевидно недостаточной для того, чтобы по суммарным отклонениям можно было делать выводы об авторстве текстов — и по крайней мере в полови-

не случаев наша методика для этих текстов не срабатывает (малые тексты, в которых Тургенев остается на 1-м месте, в таблице не приводятся).

Титульного автора по близости к частотам искомого текста опережают от одного до десяти (!) конкурентов; при этом Отступ значительно возрастает (от 20–40 до 60–80 или даже более 100 пунктов: ср. «Лес и степь», «Русский немец»), а Разрыв практически сглаживается или вовсе исчезает, фактически сводясь к Интервалу — т. е. более или менее равномерному распределению суммарной частоты отклонений титульного автора среди остальных частот. В результате этого титульный автор как бы «теряется», становясь практически неотличимым от остальных претендентов, что, кстати, очевидно происходит и в случае *неуравновешенных* текстов (см. отклонения у НН, ЦЗ и М в таблице 1).

Специфика частотности у скреп, принадлежащих различным гнездам (все скрепы, числом более 600, объединяются по формальным и семантическим характеристикам в гнезда, которых сейчас в нашей классификации 16), может быть соотнесена с жанром ЗО как очерков описательного характера, с большим удельным весом пейзажных (и портретных) зарисовок и значительно меньшей долей повествовательных и аргументативных фрагментов. Именно жанровыми особенностями текста можно объяснить бóльшую (по сравнению с авторским идиостилем Тургенева) частотность некоторых скреп из Гнезда 13 «Место»: ВДОЛЬ (по этой скрепе отклонение идиостиля Тургенева от текста ЗО отрицательное, оно составляет –76,18), ИЗ-ПОД (–249,78), МИМО (–107,91), ОКОЛО (–150,13) и в частности, изобилие локативных наречий «большой дистанции», появление которых, особенно при описании сельского пейзажа, представляется вполне закономерным, — таких, как В ОТДАЛЕНИИ (–30,72), ВДАЛИ (–65,35), ИЗДАЛЕКА (–21,78). Здесь и далее знак минус фиксирует дефицит скрепы в идиостиле в целом по сравнению с ее частотой в ЗО, а знак плюс — ее избыток. Характерно также, что по 5 из 7 перечисленных скреп (ВДАЛИ, ВДОЛЬ, ИЗ-ПОД, МИМО, ОКОЛО) сборник ЗО демонстрируют вообще самые высокие частотные показатели по сравнению со всеми общитаемыми идиостиллями, по двум другим Тургенев как автор уступает только одному своему «конкуренту»: Лермонтову — по скрепе В ОТДАЛЕНИИ и Нагибину — по скрепе ИЗДАЛЕКА. Точно так же естественным представляется и, наоборот, более редкое (по сравнению с идиостилем Тургенева в целом) употребление некоторых показателей логических отношений. В гнезде 3 «Причина» это заметно на примере всех трех вариантов союза *потому что* — его дистантного варианта — ПОТОМУ (2–10), ЧТО (+18,06) и обоих слитных, с запятой и без нее: ПОТОМУ, ЧТО (+65,01) и ПОТОМУ_ЧТО (+91,41). Столь радикальное снижение частоты

ты наиболее нейтрального из причинных коннекторов компенсируется повышением частотности более разговорной скрепы схожей семантики ВЕДЬ (–468,59). Подобные тенденции можно наблюдать и в других гнездах, объединяющих показатели логических отношений в тексте: так, значительно реже, чем в других текстах Тургенева, в ЗО употребляются «базовые», или наиболее нейтральные, распространенные коннекторы из гнезд 8 «Цель»: ДЛЯ (+ 294,28), ЧТОБ (+ 105,06), ЧТОБЫ (+ 406,93) — и 11 «Условие»: ЕСЛИ (+ 364,65). Характерно, что еще реже, чем Тургенев в ЗО, из обсчитываемых авторов предлогом ДЛЯ пользуется только один Шолохов (–5,48), а две другие целевые скрепы вовсе не употребляются с такой низкой частотой ни в одном идиостиле. Крайне редкое в ЗО употребление скрепы: , ЧТО (+ 3 359,94) также представляется неслучайным: в своем основном, союзном употреблении, она используется преимущественно как показатель изъяснительных отношений, характерных для текстов в информативном, а не в репродуктивном (и особенно не в репродуктивно-описательном) регистре. С тем же явлением малого удельного веса «информативных» блоков в жанре очерка, кажется, можно связать и низкие частоты употребления всех вариантов предлога О, маркирующего семантический акт содержания речи/мысли: О (+ 2 082,08), ОБ (+ 228,19), ОБО (+ 114,33).

Список условных сокращений

А. Тол — А. Толстой; Бул — Булгаков; Бун — Бунин; Гарш — Гаршин; Гасп — Гаспаров; Гог — Гоголь; Гон — Гончаров; Гор — Горький; Дос — Достоевский; Жирм — Жирмунский; ИлП — Ильф и Петров; К — Крюков; Кор — Короленко; Куп — Куприн; Л. Тол — Л. Толстой; Лер — Лермонтов; Наб — Набоков; Наг — Нагибин; Пуш — Пушкин; Сер — Серафимович; ТД1 — автор частей «Тихого Дона», опубликованных до 1929 г.; Тур — Тургенев; ТынХ — Тынянов (художественные тексты); Чех — Чехов; Ш — Шолохов.

Литература

- Михеев М. Ю., Эрлих Л. И. 2018. *Идиостилевой* профиль и определение авторства текста по частотам служебных слов. *НТИ*, сер. 2, №2, 25–34.
- Михеев М. Ю., Эрлих Л. И. 2019. Количественная оценка степени сходства неатрибуированного текста с текстами возможных авторов из числа русских классиков. В сб.: О. Ю. Инькова (ред.). *Структура коннекторов и методы ее описания (глава 7)*. М.: Торус пресс, 234–321.
- Михеев М. Ю., Эрлих Л. И., Орлова М. В. 2020. Об одном способе различения «маргинальных» и «магистральных» текстов. В сб.: *Тезисы международной конференции «Маргиналии-2020»*, 22–24 фев. 2020 в Поленове, <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/conf/marginalii-2020/thesis.htm>.

Уронить слезу в бокал и другие проявления сентиментальности в идиоматике Достоевского*

А. Д. Козеренко

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; akozerenko@yandex.ru

Несмотря на то, что толковые и фразеологические словари современного русского языка часто иллюстрируют употребление идиом примерами из классической литературы XIX в. (ср. словари Ушаков 2007, Федоров 2008), есть ряд существенных различий в том, как ведут себя идиоматические выражения в языке XIX в. и в современном русском языке. Как уже отмечалось в ряде работ (ср. Баранов, Добровольский 2005), идиомы, которые присутствуют в текстах XIX в., в частности, у Ф. М. Достоевского, и сохранились в современном русском языке, демонстрируют существенные различия в компонентном составе, моделях управления, наборе значений и в контекстах употребления. Ср. подробный разбор значений и употреблений идиомы *иметь в виду* в текстах Достоевского и его современников по сравнению с современным русским языком в работе Киселева, Козеренко 2019а. Кроме того, некоторые очевидно идиоматические сочетания, употреблявшиеся в XIX в., не сохранились сегодня и наоборот, значительная часть современных идиом не употреблялась в литературе XIX в. По данным проекта изучения идиоматики Достоевского, осуществляемого в Отделе экспериментальной лексикографии ИРЯ РАН, лишь около четверти всех идиом, зафиксированных в Тезаурусе русских идиом (2018), встречаются в текстах Достоевского.

В настоящей работе мы продемонстрируем расхождения в форме, значении и употреблении идиом на примере нескольких выражений с компонентами *плач, слезы*: [*удариться...*] *в слёзы, пустить слезу, пролить/уронить слезу в бокал, плакать(ся) в жилетку*¹ и некоторых других.

Идиома [*удариться...*] *в слёзы* употребляется в текстах Достоевского в целом так же, как в современном русском языке, ср. следующие примеры:

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант №18-012-90025.

¹ Все идиомы приводятся в той форме, которая принята в Тезаурусе русских идиом (2018).

- (1) Он сказал, что тотчас же по приезде придет к нам и если я не откажусь от него, то мы скажем обо всем бабушке. Теперь он приехал, я это знаю, и его нет, нет! И она снова **ударилась в слезы** (Ф. М. Достоевский. Белые ночи).
- (2) Вернувшись, я объявил родителям, что женюсь. Мама, конечно же, **ударилась в слезы** — для нее мой выбор был почти неожиданностью (Ю. Сенкевич. Путешествие длиною в жизнь (1999))².

Однако в текстах Достоевского встречается также употребление этой идиомы с нестандартным глагольным компонентом — *впасть в слезы*, ср:

- (3) <...> когда время начало приближаться к разлуке, он опять **впал в беспокойство, в слезы** и опять прибежал ко мне и выплакивал свое горе (Ф. М. Достоевский. Униженные и оскорбленные).

В современном русском языке (по данным НКРЯ) употребление этой идиомы в такой форме отсутствует, так же, как и каузатив с глагольным компонентом *вести* в значении ‘доводить до слез’, встречающийся у Достоевского и в других текстах конца XIX в.:

- (4) А сколько, сколько раз я ее **в слезы вводила!** Да на прошлой еще неделе! Ох, я! (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание).
- (5) Видишь, что ты с отцом сделал? **Ввел его в слезы...** хочешь? — Давай!.. (Г. И. Успенский. С конки на конку (1879)).

Идиома *пустить слезу* не встречается в текстах Достоевского, однако можно обнаружить идиому *пролить (кровавую) слезу* (от кого-л.) в значении ‘пострадать от кого-л./чего-л.’, отсутствующую в современном русском языке (по данным НКРЯ):

- (6) Говорю ему: «Эй, себя сгубите, не потекайте Фоме! **Прольете слезу!**» (Ф. М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели).
- (7) Ведь он там полковника-то до кровавых слез доведет; ведь **кровавую слезу прольет** от него полковник-то, да уж поздно будет (там же).

Современная идиома *выплакать все глаза* не встречается у Достоевского, однако зафиксированы такие выражения, как *выплакать все (свое) горе/душу (перед кем-л.)*:

² Для поиска примеров употребления идиом в текстах Достоевского был использован Корпус текстов Достоевского Отдела экспериментальной лексикографии ИРЯ РАН; все прочие языковые примеры взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

- (8) *Она умеет утешать, Иван Петрович! О, я **выплакал** перед ней **все горе**, все ей высказал* (Ф. М. Достоевский. Униженные и оскорбленные).
- (9) *Помню, так горько, так горько сказала, словно **всю душу выплакала*** (Ф. М. Достоевский. Хозяйка).

В НКРЯ эти выражения встречаются преимущественно в текстах XIX в.: *выплакать все (свое) горе* — 5 примеров, из них 3 — XIX в., 2 — первая треть XX в.; *выплакать всю (свою) душу* — 5 примеров, из них 2 — XIX в., 3 — XX в., последний пример в тексте 1995 г.

Наконец, остановимся подробнее на выражении, вынесенном в заголовок статьи: *пролить/уронить слезу в бокал*. Достоевский использует его дважды в значении ‘произнести прочувствованный тост’:

- (10) *Я бы тотчас же отыскал себе и соответствующую деятельность, а именно: пить за здоровье всего прекрасного и высокого. Я бы придирался ко всякому случаю, чтоб сначала **пролить в свой бокал слезу**, а потом выпить его за все прекрасное и высокое* (Ф. М. Достоевский. Записки из подполья).
- (11) *Я изобразил бы вам, как этот часто поминаемый Андрей Филиппович, **уронив сначала слезу в бокал**, проговорил поздравление и пожелание, провозгласил тост и выпил за здравие...* (Ф. М. Достоевский. Двойник).

Хотя примеров употребления этого выражения явно недостаточно для построения полноценного толкования, про него можно сказать, что оно а) употреблено в непрямом значении, б) встречается только в «алкогольном» контексте и в) описывает проявления сентиментальности. Поиск в НКРЯ выявил только одно употребление похожего выражения в литературе XIX в., также в непрямом значении:

- (12) *Пили за здоровье дам, за всех провожающих, за адмирала Ашанина, а старик адмирал провозгласил тост за уходивших моряков и пожелал им хорошего плавания. Все гости чокались с моряками, и **немало слез упало в бокалы...*** (К. М. Станюкович. Вокруг света на Коршуне (1895)).

Значение этого выражения здесь можно интерпретировать как ‘было немало проявлений сентиментальности’. В современных текстах НКРЯ нашелся один пример употребления близкого по форме выражения:

- (13) *При первых звуках рояля и голоса все привычное, будничное, надоевшее исчезало, голос уносил меня в иные, неведомые края. Где-то прекрасные женщины **роняют слезы в бокалы вина*** («Из ваших синих подведен-

ных глаз в бокал вина скатился вдруг алмаз...»), а попугаи твердят: «Жаме, жаме, жаме» и «плачут по-французски»... Где-то существуют притоны Сан-Франциско, и лиловые негры подают дамам манто... (Н. И. Ильина. Дороги и судьбы (1957–1985)).

В этом примере явно прослеживается отсылка к тексту Александра Вертинского начала XX в.:

- (14) Я помню эту ночь. Вы плакали, малютка.
Из Ваших синих, подведенных глаз
В бокал вина скатился вдруг алмаз... <...>
Грустит в углу Ваш попугай Флобер,
Он говорит «жамэ».
Он все твердит: «жамэ», «жамэ», «жамэ».
И плачет по-французски.

(1916)

Применительно к двум последним, более поздним текстам следует говорить уже о прямом значении выражения, а не об идиоме.

Еще одна идиома, описывающая проявления сентиментальности, — *плакать(ся) в жилетку* (кому-л.) — отсутствует у Достоевского, однако в его текстах встречаются такие более развернутые выражения, как *припасть лицом на жилетку и залиться горячими слезами* и *звать на жилетку родительскую*. Их можно рассматривать как описание жестового поведения, которое в дальнейшем легло в основу внутренней формы идиомы:

- (15) Я как был, так тут же и **припал** к нему **лицом на жилетку**. «Благодетель мой, отец ты мой родной!» — говорю, да как **зальюсь своими горячими!** Господи, бог мой, какое тут поднялось! Он плачет, баба его плачет, Машенька плачет... тут еще белобрысенькая одна была: и та плачет... куда — со всех углов ребятишки повиползли (благословил его домком господь!), и те режут... сколько слез, то есть умиление, радость такая, блудного обрели, словно на родину солдат воротился! (Ф. М. Достоевский. Ползунков).

- (16) Оделся, умылся, завился, припомадился, фрак новый напялил и прямо на праздник к Федосею Николаичу, а бумагу в шляпе держу. Встречает меня сам, с отверстиями, и опять **зовет на жилетку родительскую!** (там же).

Изучение подобных употреблений идиом позволяет выдвигать гипотезы о языковых изменениях в области идиоматики в период между второй половиной XIX в. и второй половиной XX в. Кроме того, изучение

отсутствующих в современном русском языке идиом, которые употребляют писатели XIX в., позволяет расширить представления об идиостиле Достоевского: часть таких идиом характерны именно для языка Достоевского, другие встречаются также у других авторов того времени (Толстого, Тургенева, Гончарова, Салтыкова-Щедрина). Более того, сравнивая, как эти авторы используют одни и те же или близкие по значению и компонентному составу идиомы, мы можем проследить процесс формирования некоторых идиом в языке того времени (ср. такое исследование для идиом *в глаза, в глазах, на глаза, на глазах* в работе Киселева, Козеренко 2019b).

Во многих работах (ср. обзор работ по истории эмоций И. Виницкого (2012)) отмечается, что героям литературы XIX в., описывающей высшее общество, свойственно более активное проявление некоторых эмоций — они больше плачут (в том числе мужчины), заламывают руки, чаще падают без чувств и т. д. Это проявляется и в идиоматике, описывающей эмоции, ср. высокую частотность идиом *всплеснуть руками* (59 употреблений в корпусе текстов Достоевского), *заламывать руки* (49 употреблений), *сердце разрывается* (16), *обливаться/умываться слезами* (17) и др.; а также сочетаний, описывающих телесные проявления эмоций: *со слезами на глазах* (21).

На примере выражений, описывающих эмоции в текстах Достоевского, мы можем увидеть не только процесс формирования идиом, ставших частью современного русского языка, но и изменения социальных норм, предписывающих то или иное эмоциональное поведение в обществе. И пусть сегодня уже не принято ронять слезу в бокал, в нашей жизни по-прежнему случаются особые поводы, при наличии которых простительно некоторое проявление сентиментальности.

Литература

- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. 2005. Об идиоматике Ф. М. Достоевского. В сб.: Э. Брайтенедер, Д. О. Добровольский (ред.). *Лексикография и фразеология литературного текста*. Вена: Изд-во Австрийской академии наук, 58–76.
- Виницкий И. Ю. 2012. Заговор чувств, или Русская история на «эмоциональном повороте» (Обзор работ по истории эмоций). *Новое литературное обозрение*, №117.
- Киселева К. Л., Козеренко А. Д. 2019а. *Иметь в виду* в текстах Достоевского: механизмы метафоризации. VI международная конференция «Культура русской речи» (Гротовские чтения), 21–23 февраля 2019 г., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. <https://drive.google.com/file/d/1veYT9Cko2jjN3o2ур8Q36AlbQCEJ7YLP/view>.

- Киселева К. Л., Козеренко А. Д. 2019b. Особенности значения и употребления идиом в текстах Достоевского в сравнении с современным русским языком. В сб.: М. Л. Ремнёва, О. В. Кукушкина (ред.). *Русский язык: исторические судьбы и современность. VI Международный конгресс исследователей русского языка* (Москва, филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 20–23 марта 2019 г.). Труды и материалы. М.: МГУ, 209–210.
- Тезаурус 2018. Баранов А. Н., Вознесенская М. М., Добровольский Д. О., Киселева К. Л., Козеренко А. Д. *Тезаурус русских идиом: семантические группы и контексты*. Под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, 2-е изд., испр. и доп. М.: ООО «ЛЕКСРУС».
- Ушаков Д. Н. (ред.). 2007. *Толковый словарь русского языка*. В 4 т. М.: Терра.
- Федоров А. И. 2008. *Фразеологический словарь русского литературного языка*. М.: Астрель; АСТ.
- НКРЯ. *Национальный корпус русского языка*. <http://www.ruscorpora.ru>

Неопределенные местоимения на *-то* как маркер остранения в «Анне Карениной»

В. Ю. Апресян

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» /
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
valentina.apresjan@gmail.com

В 2008 году В. А. Плунгян в статье о корпусе как инструменте и идеологии в современной лингвистике высказал надежду на то, что «будущие грамматические описания языков станут “корпусно-ориентированными”» (2008: 14). То, что в 2008 году было надеждой, в 2020 году стало стандартом, отправной точкой многих исследований.

Корпусный подход лежит в основе и этой небольшой работы на пересечении грамматической семантики и лингвистической поэтики, которую я приношу в качестве скромного дара одному из главных вдохновителей и создателей Национального корпуса русского языка. В работе рассматриваются художественные эффекты употребления неопределенных местоимений на *-то* в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Как известно, русские местоимения на *-то* выражают референтность в сочетании с сильной неопределенностью (Плунгян 2011: 163) или «неизвестностью говорящему» (Падучева 1985, Haspelmath 1997), т. е. вводят указание на существующий объект, который говорящему неизвестен; ср. *Кто-то там к тебе пришел* ('не знаю, кто это'). Однако в художественных текстах *то*-местоимения могут употребляться в ситуациях, когда трудно или невозможно предположить, что говорящий (т. е. автор или фокальный персонаж) не знает, о чем в точности идет речь.

Вообще, если повествование ведется с позиции «всезнающего» автора, то употребление неопределенных местоимений на *-то* нехарактерно; ср., впрочем, следующий пример, где *то*-местоимение именно в авторской речи вносит в нарратив тревожную ноту:

- (1) *В половине десятого особенно радостная и приятная вечерняя семейная беседа за чайным столом у Облонских была нарушена самым, по-видимому, простым событием, но это простое событие почему-то всем показалось странным* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)).

Однако, как известно, для Толстого характерно уподобление «чужого слова» авторскому для передачи внутренней речи героев (Успенский 1970), так что по большей части употребление *то*-местоимений в «Анне Карениной», хотя формально принадлежит автору, по сути передает именно перспективу персонажей; ср. пример, где ни наблюдатель (Стива Облонский), ни, возможно, даже субъект (Дарья Александровна) не знают, о каком в точности объекте идет речь:

- (2) *Дарья Александровна, в кофточке и с пришпиленными на затылке косами уже редких, когда-то густых и прекрасных волос, с осунувшимся, худым лицом и большими, выдававшимися от худобы лица, испуганными глазами, стояла среди разбросанных по комнате вещей пред открытой шифоньеркой, из которой она выбирала что-то* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)).

Неопределенные местоимения на *-то* часто используются в «Анне Карениной» для передачи психологического состояния героев — возбуждения, смятения, беспокойства; ср. пример (2) выше, а также описание тревожной полудремы Анны на пути из Москвы в Санкт-Петербург в (3):

- (3) *Мужик этот с длинною талией принялся грызть что-то в стене, старушка стала протягивать ноги во всю длину вагона и наполнила его черным облаком; потом что-то страшно закричало и застучало, как будто раздирали кого-то* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)).

Однако наряду с подобными вполне стандартными примерами употребления *то*-местоимений встречаются и такие, в которых предположить незнание персонажем референта невозможно. В «Анне Карениной» такое употребление *то*-местоимений связано в первую очередь с эффектом остранения (Шкловский 1917) и передает, как правило, отрицательное отношение или дистанцирование фокального персонажа — носителя оценки (Успенский 1970), или *view-point character* (Card 1988), к тому, о чем идет речь.

Основной фокальный персонаж в романе «Анна Каренина» — это Левин, и именно к его внутренней речи относится наибольшее количество подобных употреблений *то*-местоимений. Негативное отношение и желание дистанцироваться у Левина вызывают, в частности, всякого рода социально-политические институты, например, выборы губернского предводителя. Ср. следующие употребления *то*-местоимений, передающие неприязнь Левина и его нежелание вникать в представляющуюся ему бессмысленной процедуру:

- (4) — *Закон!* — слышал Левин с разных сторон и вместе со всеми, топившимися **куда-то** и боявшимся **что-то** пропустить, направился в большую залу и, теснимый дворянами, приблизился к губернскому столу, у которого **что-то** горячо спорили губернский предводитель, Свяжский и другие коноводы (Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)).

Если употребление второго *что-то* в этом отрывке можно отнести на счет незнания Левиным каких-то аспектов ситуации (например, он слышит спор, но может не понимать его сути), то употребление *куда-то* и первого *что-то* явно передают его отрицательное отношение к происходящему и некоторое брезгливое внутреннее дистанцирование от него. Употребление *то-местоимений* в составе приема остранения передает некоторое глобальное непонимание им смысла выборов. Отстраненность Левина многократно подчеркивается и лексически — в этих сценах он трижды *не понимает* происходящего и четыре раза *забывает* смысл объяснений.

Еще две области, которые вызывают у Левина некоторое опасение и желание дистанцироваться, хотя и в меньшей мере, — это бытовая сторона женской сферы (в первую очередь родов), а также болезни и смерти. Ср. сцену в доме Левина, когда беременная Кити, Долли и княгиня-мать занимаются приготовлениями для его будущего ребенка:

- (5) *Он старался все время не слышать этих разговоров о способе пеленания будущего ребенка, старался отворачиваться и не видеть **каких-то** таштучных бесконечных вязаных полос, **каких-то** полотняных треугольничков, которым приписывала особенную важность Долли* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)).

В примере (5) употребление местоимения *какой-то* очень нестандартно. Поясним, что имеется в виду. Вообще, местоимение *какой-то* имеет, по-видимому, наибольшее количество семантически и прагматически различных употреблений из всех местоимений на *-то*; так, Апресян 2020 выделяет у него семь разных значений. В примере (5) отчетливо прослеживается семантика первого, основного значения (*какой-то* 1.1. у Ю. Д. Апресяна), а именно референтного неопределенного: ‘A1, о котором говорящий или мыслимый им наблюдатель не знает ничего, кроме того, что это A1 или что A1 существует’. Кроме того, употребления в примере (5) отчасти окрашены пренебрежительной оценкой, которая свойственна отдельным употреблениям *какой-то* 1.1 и конституирует отдельное лексическое значение этой вокабулы (*какой-то* 3.2).

Однако основное значение, которое можно приписать этому местоимению в данном контексте, — это неизвестность объекта говорящему. При этом в данном лексическом контексте именно такое употребление

представляется нестандартным. С чем это связано? Еще в работе Кобозева 1981 отмечается, что разным неопределенным местоимениям свойственна разная лексическая сочетаемость. Некоторые лексические запреты и предпочтения для местоимений на *-то* упоминаются в работе Арутюнова 1998, а также подробно рассматриваются для местоимения *как-то* в работе Зализняк, Микаэлян 2019.

Представляется, что для основного употребления местоимения *какой-то* можно сформулировать следующий (скорее прагматический, чем чисто лексический) запрет: при указании на существующий, но неизвестный говорящему объект оно невозможно в контексте фразы *стараться не видеть*; ср. странность:

(6) ??Он старался не видеть **какое-то** грязное пятно на белом ковре.

Во всем корпусе НКРЯ на запрос *стараться + не + видеть + какой-то* на расстоянии 3 единственный пример употребления — обсуждаемый пример из «Анны Карениной». Чем объясняется этот запрет? Формально, говорящий может видеть нечто и при этом ничего не знать об этом объекте; более того, местоимение часто указывает на ситуации, когда ему неизвестен лишь какой-то аспект этого объекта, например, его происхождение; ср. правильность:

(7) Он увидел **какое-то** грязное пятно на белом ковре.

Вообще, в работе Кобозева 1981 контекст глаголов *видеть* и *смотреть* определяется как типичный для местоимений на *-то*, и действительно, в НКРЯ находятся тысячи примеров на сочетание *видеть* и других перцептивных глаголов с *то*-местоимениями.

Однако ситуация, когда человек *старается чего-то не видеть*, прагматически, очевидно, предполагает намного большую степень знакомства с объектом, чем просто ситуация, когда человек *что-то видит*. *Стараться не видеть* какой-то объект можно, когда он тебе неприятен, — а следовательно, ты уже что-то о нем знаешь. Таким образом, возникает конфликт между определенным знанием, вносимым контекстом *стараться не видеть*, и неопределенностью, вносимой *то*-местоимением. Поэтому сочетание *стараться не видеть* с неопределенным местоимением *какой-то* невозможно, как невозможны и сочетания с другими неопределенными местоимениями на *-то* в референтном употреблении: нельзя сказать *Он старался не видеть кого-то, *Он старался не видеть чего-то¹. В цитируемом отрывке это

¹ Вообще, по замечанию А. Ю. Урманчиевой, *не видеть*, даже без *стараться*, сочетается с *какой-то* гораздо хуже, чем *видеть*: на *видеть + какой-то* на расстоянии 1

употребление становится возможным как компонент приема остранения, в частности, для передачи восприятия Левина, желающего дистанцироваться от непонятных или неприятных ему действий и объектов.

Похожие примеры употребления мы находим также в сценах встречи Левина со смертельно больным братом, вызывающим у Левина смешанное чувство жалости и брезгливости. Здесь Левин также не хочет или не может полностью вникнуть во внешнюю, бытовую сторону происходящего, которая, напротив, не вызывает никакого отталкивания у Кити (сцена показывается через призму сознания Левина):

- (8) *И жалость в ее женской душе произвела совсем не то чувство ужаса и гадливости, которое она произвела в ее муже, а потребность действовать, узнать все подробности его состояния и помочь им. [...] Те самые подробности, одна мысль о которых приводила ее мужа в ужас, тотчас же обратили ее внимание. Она послала за доктором, послала в аптеку, заставила приехавшую с ней девушку и Марью Николаевну мечь, стирать пыль, мыть, **что-то** сама обмывала, промывала, **что-то** подкладывала под одеяло. **Что-то** по ее распоряжению вносили и уносили из комнаты больного (Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)).*

Впрочем, такое нестандартное употребление *то*-местоимений для создания эффекта остранения используется не только для передачи негативных чувств и ощущений. Так, в сценах, описывающих эйфорическое состояние Левина после его второго, удачного объяснения с Кити, употребление *то*-местоимений в похожих контекстах (например, в описании заседания, на которое его везет его брат Сергей Иванович) теряет свой резко негативный оттенок, сохраняя при этом идею бессмысленности происходящего и дистанцирования от него фокального персонажа — Левина:

- (9) *Они спорили об отчислении **каких-то** сумм и о проведении **каких-то** труб, и Сергей Иванович уязвил двух членов и **что-то** победоносно долго говорил; и другой член, написав **что-то** на бумажке, заробел сначала, но потом ответил ему очень ядовито и мило (Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)).*

НКРЯ дает 447 вхождений, при этом из них на *не видеть + какой-то* — только 6 (если отсечь «шум» — то 4). Это не соответствует количественному соотношению положительных и отрицательных форм этого глагола: на *видеть* НКРЯ дает около 370.000 вхождений, из них на *не видеть* приходится около 50.000. Повидимому, этот эффект связан с референтными особенностями *какой-то* и, шире, *то*-местоимений: они вводят конкретную референцию, т.е. указывают на реально существующие объекты, и поэтому плохо сочетаются с отрицанием.

- (10) *Он чувствовал себя на высоте, от которой кружилась голова, и там где-то внизу, далеко, были все эти добрые, славные Каренины, Облонские и весь мир* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)).

Помимо такого рода употреблений *то*-местоимений встречаются также употребления, где они передают отрицательно-ироническое отношение самого автора или другого персонажа к персонажу, который не симпатичен автору. В частности, нестандартные употребления *то*-местоимений в контекстах, где исключена та степень неопределенности, которую они передают, возникают, когда речь идет о явно глубоко несимпатичной автору Бетси Тверской. В следующем контексте, где Бетси неточно цитирует хрестоматийно известную заповедь о блаженствах (Мф 5:3), они очевидно передают авторскую иронию по отношению к ней:

- (11) — *Блаженны миротворцы, они спасутся, — сказала Бетси, вспоминая что-то подобное, слышанное ею от кого-то* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)).

В контексте (12) можно предположить, что *то*-местоимение (как и все остальное описание внешности Бетси) передает неприязненное восприятие героини Алексеем Александровичем и косвенно свидетельствуют об авторской эмпатии Каренину:

- (12) *Бетси, одетая по крайней последней моде, в шляпе, где-то наверху парившей над ее головой, как колпачок над лампой, и в сизом платье с косыми резкими полосами на лифе с одной стороны и на юбке с другой стороны, сидела рядом с Анной, прямо держа свой плоский высокий стан, и, склонив голову, насмешливою улыбкой встретила Алексея Александровича. — А! — сказала она, как бы удивленная* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)).

В заключение можно сказать, что в целом употребление неопределенных местоимений в романе «Анна Каренина» вполне соответствует русской дискурсивной тенденции к «акцентированию неопределенности», отмеченной для местоимения *как-то* в работе Зализняк, Микаэлян 2019, и используется, также вполне ожидаемо, для создания различных стилистических эффектов, в частности, передачи некоторых психологических состояний героев. Однако в некоторых случаях употребление *то*-местоимений явно идет вразрез с существующими в русском языке стратегиями, выражая неопределенность в контекстах, где она прагматически неуместна. В этих случаях можно говорить о функционировании *то*-местоимений в качестве маркеров остранения, передающих ироническое, негативное и/или дистанцирующееся отношение автора или фокального персонажа к тому, о чем идет речь.

Литература

- Апресян Ю. Д. 2020. Словарная статья *какой-то*. В кн.: В. Ю. Апресян, И. В. Галактионова, Б. Л. Иомдин (ред.). *Активный словарь русского языка*. Т. 4. М. (в печати).
- Арутюнова Н. Д. 1998. *Язык и мир человека*. М.: ЯРК.
- Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л. 2019. Производные значения русского неопределенного наречия *как-то*: опыт корпусного анализа. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог'2019»*, вып. 18 (25), 458–471.
- Кобозева И. М. 1981. Опыт прагматического анализа *-то* и *-нибудь* местоимений. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, т. 40, №2, 165–172.
- Падучева Е. В. 1985. *Высказывание и его соотносительность с действительностью*. М.: Наука.
- Плунгян В. А. 2008. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики. *Русский язык в научном освещении*, №2 (16), 7–20.
- Плунгян В. А. 2011. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ.
- Успенский Б. А. 1970. *Поэтика композиции*. М.: Искусство.
- Шкловский В. Б. 1917. Искусство как приём. В сб.: *Сборники по теории поэтического языка*. Вып. II. Пг., 3–14.
- Card O. Scott. 1988. *Characters and viewpoint*. Cincinnati, Ohio: Writer's Digest Books.
- Haspelmath M. 1997. *Indefinite pronouns*. Oxford: Clarendon press.

Корпусная лексикография

Неологизмы в составе сводного словаря поэтического языка: из опыта наблюдений

Л. Л. Шестакова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; lara.shestakova@mail.ru

В основе этих заметок — материалы «Словаря языка русской поэзии XX века», или СЯРП (Григорьев, Шестакова (ред.) 2001–2019). Словарь создается в ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН в соответствии с общей концепцией В. П. Григорьева. Как словарь поэтического языка эпохи СЯРП во многом необычен, экспериментален. Он носит сводный характер — составляется по произведениям десяти крупнейших русских поэтов: Анненского (в Словаре сокращенно — Анн), Ахматовой (Ахм), Блока (АБ), Есенина (Ес), Кузмина (Куз), Мандельштама (ОМ), Маяковского (М), Пастернака (П), Хлебникова (Хл) и Цветаевой (Цв). Совмещая в себе черты словаря-регистратора и объяснительного справочника, СЯРП характеризуется полнотой словника (в пределах выбранных источников) и гибкой структурой словарной статьи, предполагающей возможность включения в него комментариев разного рода. Опубликовано уже восемь томов Словаря, и большая часть из них подготовлена при участии В. А. Плуногяна как научного консультанта издания. Нельзя не сказать, что это тот редкий случай, когда роль научного консультанта не сводится к упоминанию его имени на обороте титула книги. Эта роль выражается в детальном и, главное, заинтересованном обсуждении с ответственным редактором тех вопросов, которые требуют пристального внимания. Вопросы касаются разных сторон лексики, описываемой в Словаре, а результатом их обсуждения становятся и конкретные решения, и наблюдения, касающиеся многих аспектов поэтического языка. Мы ограничимся здесь некоторыми наблюдениями, сделанными в процессе лексикографирования новых слов. Такой выбор неслучаен — он определяется не только тем, что словотворческое начало характерно для большинства из названных выше поэтов, но и наличием в их совокупном лексиконе немалого числа спорных «словоновшеств». И если «чистые» новообразования (слова, формы слов) достаточно снабдить принятой составителями пометой *нов.*, то неочевидные требуют дополнительных метаязыковых средств, комментариев разной степени полноты.

Рассмотрим далее примеры в основном из двух последних опубликованных томов СЯРП — седьмого и восьмого. В примерах используются шифры контекстов из условных обозначений Словаря с указанием автора, года создания произведения и страницы (или тома и страницы) источника.

1. Интерес представляют слова, имеющие сходство с уже существующими в языке, но в авторском употреблении не сводимые к ним. См., к примеру, статью к слову *сне́дки*, которое встречается у Кузмина:

СНЕ́ДКИ [нов.; ср. *снедь*; ср. *тж* у Даля: *снедо́к* — растение «купырь»] *Надорвась, вечерня, шмелем, Взвякивает узенько. Белки снедки мелко мелем, – Тпруси, тпруси, тпрусенька.* Куз917 (180.1).

С одной стороны, отсутствие этого слова в словарях, комментариев к нему в текстовых источниках, с другой — близость слова к существительному *снедь* (ср. *белки снедки / белая снедь* и далее *мелко мелем*), возможно, также к слову *снедо́к*, зафиксированному в Словаре Даля, подвели нас к решению отнести слово к числу авторских лексем — при этом не только маркировать его пометой *нов.*, но и сопроводить кратким комментарием. Обратим внимание на то, что в СЯРП статьи гнезда *Снедь* не содержат примеров из Кузмина — в них представлены Анн, АБ, ОМ, П, Хл, Цв. Получается, что единственное слово *снедки* репрезентирует у поэта это гнездо.

2. Весьма показательны примеры, когда авторская новация находит параллели в творчестве других поэтов, так что остается открытым вопрос: считать ли такой случай заимствованием (осознанным либо неосознанным) или это параллельное словопорождение? Верификации таких новообразований может служить НКРЯ, в первую очередь поэтический корпус, но также и основной. Приведем для иллюстрации словарные статьи, в которых после пометы *нов.* даются для сравнения примеры из Корпуса или другого источника (такой тип комментария был принят после обсуждения ряда статей к «параллельным» неологизмам):

СНИТЬ [нов.; ср. у И. Северянина: *Из терм Агриппы сам Нерон, Искавший упоения в литре, Шел к гастрономам снить свой сон* («Гастрономы древности», 1916) и др.] *Сню тебя шль снюсь тебе, — Сушь, вопрос седин Лекторских. Дай, вчувствуюсь: Мы, а вздох один!* Цв927 (III,138);

СНОВИДЯЩИЙ [нов.; ср. у И. А. Крылова: *Положим, чтоб человек спал двадцать лет сряду и чтоб беспрестанно снилось ему, что он, будучи сильным государем, <...> торжествует над всеми своими неприятелями; тогда не столько ли же бы сей сновидящий герой был счастлив, как и наивеличайшие в свете государи?* («Почта духов <...>», 1789); у А. Н. Ра-

дищева: *Если мысли сновидящего кажутся быть расстроены по той единственной, может быть, причине, что чрез меру живы суть, то с удивлением взирать должно на лунатиков, или ночных бродяг.* («О человеке, о его смертности и бессмертии», 1792–1796)] *В сновидящий час мой бессонный, совиный Так я вдруг поняла: Я знаю: не сердце во мне, — сердцевина На всем протяжении ствола.* Цв921 (II,17.2); *Седеющей волчицы римской Взгляд, в выкормыше зрящей — Рим! Сновидящее материнство Скалы...* Цв923 (II,210).

Как видно, глагол *снить* отмечается в строках Цветаевой 1927 г.; в 1916 г., по данным Словаря Никульцева 2008, это слово использовал И. Северянин. Очевидная необщепотребительность глагола *снить*, единичность случаев его использования, разная сочетаемость слова у поэтов и некоторые другие факторы позволяют определить его в СЯРП как новообразование Цветаевой и поставить помету *нов*.

Причастие *сновидящий* представлено, по правилам СЯРП, в отдельной словарной статье (что обусловлено особой ролью некоторых грамматических форм в языке поэзии). Встречается причастие также у Цветаевой в стихах 1921 и 1923 гг. (*сновидящий час, сновидящее материнство*). Если в предыдущем случае параллель обнаруживалась у поэта-современника, то здесь НКРЯ дает «отсылки» к прозе конца XVIII в. — к И. А. Крылову (у него прозрачное сочетание *сновидящий герой*) и к А. Н. Радищеву (у которого причастие субстантивировано, но по семантике тоже прозрачно: *мысли сновидящего*). Простое сравнение всех примеров говорит о новаторстве Цветаевой, если даже ей были знакомы случаи употребления этой формы предшественниками. Заметим, что авторский неологизм *сновидеть* впервые появляется у Цветаевой в 1924 г.

Как было отмечено в работе В. А. Плунгяна (2005: 18), одна из наиболее интересных задач, «которую можно решать с помощью Корпуса — наблюдения за динамикой развития языка <...>, за появлением или постепенным угасанием определенных слов, конструкций или грамматических форм». Примеры, подобные последнему, иллюстрируют специфическое изменение — появление в языке слова в виде конкретной грамматической формы, исчезновение ее на долгое время и возрождение в виде авторской новации вместе с появлением исходного слова.

3. СЯРП, выстроенный по алфавитному принципу, дает возможность увидеть, как авторские неологизмы встраиваются в словообразовательные гнезда, включающие в себя лексику разных классов. В этом смысле показательно гнездо слов с корнем *серебр-/сребр-*, содержащее 38 единиц (соответственно 18 и 20). В части гнезда на *сребр-* ожидаемо много поэтизмов (в статьях они маркированы пометой *поэт.*): *сребро* Хл, П, *сребри-*

стый Анн, АБ, Ес, Куз, ОМ, Цв, *среброзвездный* АБ, *среброзвонный* Ес, *сребролукий* Анн, Куз, *сребро-седой* Цв и др.; они перемежаются с новыми при знаковыми словами, построенными по традиционной для поэтизмов модели (маркированы пометой *нов.*): *среброзлачный*, *среброструйный* Ес, *сребристо-лысый*, *среброрунный* Хл, *сребролетейский*, *сребро-сухой* Цв и др.; встречается также устаревшее слово *сребролюбец* Ахм. Новообразования приведенного типа, по сути, продолжают поэтическую традицию, могут быть, с некоторой долей условности, отнесены по своей окраске к «новым» поэтизмам. Неслучайно при обсуждении стилистического статуса таких слов у В. А. Плунгяна возникла идея о возможном их маркировании сочетанием помет *нов. поэт.* Идея, безусловно, плодотворная в изучении самого феномена поэтизма и его словарного представления. К сказанному добавим, что в поэтическом корпусе, кроме лексем, представленных в СЯРП, содержатся такие слова из более поздней поэзии, как: *сребросизый* (С. Шервинский), *сребротканый* (Е. Кропивницкий), ср. также *сребрен-Краков* (В. Соснора). Эти примеры показывают, что поэтическая традиция жива и способна к словопорождению. В целом же по этому фрагменту видно, что совокупные словарно-корпусные материалы позволяют проследивать историю целых гнезд слов, в том числе их пополнение авторскими новообразованиями.

4. Среди рассмотренных групп выделяется небольшая, но выразительная группа новых слов, возникших на иноязычной основе. Такие слова — как будто бесспорные неологизмы, но при лексикографическом их описании кроме помет требуется, как правило, поясняющий (своего рода этимологический) комментарий. Приведем два примера неологизмов ономастического происхождения, которые можно считать неким следствием путешествий Маяковского в Америку и Францию (оба слова зафиксированы в словаре Валавин 2010):

РАЗЬЮНАЙТЕД [*нов.*; англ. *United States of America* — Соединенные Штаты Америки] *На хорошее / и мне не жалко слов. / От похвал / красней, / как флага нашего матёрйика, / хоть вы / и разьюнайтед стетс / оф / Америка. Ирон. М925 (228);*

УБИГАНИТЬСЯ [*нов.*; от назв. франц. парфюмерной фирмы «Убиган» («Houbigant»)] *Талш — / кубки. / Ногти — / в глянце. / Крашенные губки / розой убиганятся. М929 (369).*

Итак, материалы сводного словаря поэтического языка, в совокупности с корпусными данными, позволяют увидеть действие разных механизмов создания новых слов, показать соотнесенность таких слов с существующими (или существовавшими) в языке единицами.

Литература

- Валавин В. Н. 2010. *Словотворчество Маяковского: Опыт словаря окказионализмов*. М.: Издательский центр «Азбуковник».
- Григорьев В. П., Шестакова Л. Л. (ред.). 2001–2019. *Словарь языка русской поэзии XX века*. Т. I–VIII. М.: ЯСК.
- Никульцева В. В. 2008. *Словарь неологизмов Игоря-Северянина*. М.: Издательский центр «Азбуковник».
- Плунгян В. А. 2005. Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение. В сб.: В. А. Плунгян (ред.). *Национальный корпус русского языка: 2003–2005*. М.: Индрик, 6–20.

Метафоры и сравнения в словаре: опыт описания конструкций со значением персонификации

З. Ю. Петрова, Н. А. Фатеева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
zoyap@mail.ru; nafata@rambler.ru

В работе рассматриваются особенности очередной серии выпусков «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XXI вв.». В основу словаря положен принцип системно-семантического описания компаративных конструкций в сочетании с хронологическим расположением материала. Составители словаря поставили задачу целостного описания системы метафор и сравнений русской литературы в ее развитии, исходя из предположения о том, что и предметы сравнения, и их образные соответствия группируются в семантические поля, которые образуют систему, описываемую в терминах идеографической классификации лексики. Эта классификация была разработана исходя из проанализированного языкового материала с учетом уже существующих подобных классификаций; она уточняется и дополняется с каждым новым выпуском словаря, в настоящее время составители словаря активно пользуются классификацией лексики, представленной в Русском семантическом словаре (Шведова 1998, 2000, 2003, 2007).

За основу при создании словаря была взята группировка материала по образам сравнения. На сегодняшний день вышли пять выпусков словаря: «Птицы», «Звери, насекомые, рыбы, змеи», «Растения», «Ткани», «Камни, металлы» (Кожевникова, Петрова 2000, 2010, 2015, 2017). В текущей серии выпусков «Материалов к словарю...» представлены компаративные конструкции, образы сравнения которых относятся к семантической категории «Человек».

Основной источник словаря — поэтические и прозаические произведения русских авторов XIX–XXI вв. В последнее время при составлении словаря активно используется Национальный корпус русского языка (НКРЯ), что подтверждает значительную ценность и удобство корпуса для обработки больших массивов языкового материала.

В отличие от предыдущих выпусков словаря, в которых описывались указанные выше семантические поля образов сравнения, категория «Человек» устроена значительно сложнее. Семантические классы языковых единиц, входящих в нее, гораздо более многочисленны, чем в упомянутых полях, и эти классы вступают друг с другом в сложные и не всегда однозначно устанавливаемые отношения.

Образы сравнения класса «Человек» — опорные элементы метафорических и сравнительных конструкций со значением персонификации (олицетворения). Наше понимание олицетворения как приписывания в контексте художественного произведения неживым предметам, явлениям, животным, растениям и отвлеченным сущностям человеческих свойств ближе всего к определению С. К. Константиновой (1997).

В результате анализа персонифицирующих конструкций с различными предметами сравнения были выявлены следующие основные группы олицетворяющих языковых единиц, в соответствии с которыми группируется материал в словарных статьях: «Обозначения людей», «Активные действия», «Движение», «Жизненный цикл», «Восприятие», «Внешний вид», «Физические состояния и процессы в организме», «Части тела», «Звуки, речь», «Эмоции, эмоциональные действия», «Характер», «Социальная сфера». Рассмотрим организацию языкового материала в создаваемом фрагменте словаря на примере группы предметов сравнения «Части суток»: *ночь, полночь, день, полдень, утро, вечер*, ограничившись в основном первой группой олицетворяющих слов — «Обозначения людей» и некоторыми семантически связанными с ними элементами других групп.

Из всех обозначений частей суток выделяется *ночь* как соотносимая с древними представлениями о ней как о богине (Григорьева, Иванова 1969: 53). С этими представлениями связана аллегоричность некоторых контекстов, изображающих *ночь*, например: «Ночь с кипарисным венком на главе, В ризах, сотканных из мрака и звезд, По ступеням, нахмурясь, на трон свой идет» (Г. Каменев, 1803), где среди других олицетворяющих характеристик присутствуют названия атрибутов божественного могущества *ночи* — *трон, венок*. Такое представление влечет за собой приписывание *ночи* властных признаков, выраженное предикатами *царствовать, царить, править, властвовать* и др., адъективными характеристиками *царственная, полновластная*, субстантивными обозначениями *владычица, царица, повелительница* и пр.: «Из-за темных дубов Ночь-царица глядит» (И. Никитин, 1855–1860). Эти лексемы образно характеризуют *ночь* с начала XIX в. и проходят через весь описываемый в словаре временной период. У других обозначений частей суток эта семантика власти выражена значительно слабее.

Кроме обозначений, связанных с властными функциями, в классе образов сравнения «Обозначения людей», характеризующих ночь, с древними представлениями ассоциируются также подклассы «Колдовство, экстраординарные способности»: *волшебница, колдунья, кудесница, ясновидящая, гадалка, вещунья*: «Но лишь, предвечная колдунья, Начертит Ночь волшебный круг <...>» (В. Брюсов, 1906) и «Религия»: *исповедница, священник, церей, схимница, монашка, монашенка* и др.: «Ночь, как священник в черной рясе, Степь обходила, рожь кропя» (В. Нарбут, 1909). Оба эти подкласса развиваются преимущественно в начале XX в., пополняя класс образов сравнения «Обозначения людей» при предмете сравнения *ночь*. Образы, связанные с религией, выражаются при характеристике ночи также и обозначениями действий: «И ночь, склонившись над тобой, Сквозь ясные светила *Благословляющей* росой *Окрест* тебя *кропила*» (Ф. Сологуб, 1908), обозначениями церковных обрядов и их деталей: «И ночи стоят со *свечами / панихидных / копеечных звезд*» (Н. Ушаков, 1943), названиями одежды — церковных облачений ночи: «Взойди, о Ночь, на горний свой престол <...> Росистый хлад твоей *епитрахили* Да утолит души мятежный жар» (И. Бунин, 1915).

Образы, связанные с религией, достаточно часто характеризуют и вечер: *игумен, инок, молчальник, первосвященник; кадит, кадило, кадильница* и пр.: «Как *игумен* в *куколе*, вечер, взяв *кадильницу*, Складню роц финифтяных ладаном *кадит*» (Н. Клюев, 1914). Для дня и утра образы этого класса не употребительны.

Далее, для ночи и вечера характерны обозначения, включающие наименования лиц по национальности: *арабка, арабочка, арапка, цыганка, негр*, которые соответствуют особенностям денотатов — темному времени суток: «Ночь, как прелестная *арабка*, в звездном покрывале гляделась уже в померкшем зеркале Камы» (А. Марлинский, 1832), «Понимаете? Довольно видеть вечер в позе только *негра-грума*, Слишком черного, чтоб было видно, как утаптывается земной грунт» (К. Большаков, 1914).

В классе «Обозначения людей», кроме обозначений, связанных с властными функциями, колдовством, религией и национальностью, характеризующих в первую очередь ночь, остальные группы обозначений могут относиться ко всем частям суток: «Дружба / вражда, родство, любовная связь», «Виды деятельности, характер времяпровождения» («Преступная деятельность», «Профессии» и др.), «Обозначения по возрасту и полу» и т. д. Состав их различен для каждого наименования части суток. Так, среди обозначений группы «Дружба / вражда, родство, любовная связь» ночь и полночь характеризуются следующими: *подруга, друг, враг, врагиня, наперсница, дочь, мать, матерь, праmaterь, мама, тетушка, любов-*

ница, день — *враг, брат, родня, суженый*, вечер — *друг, брат, тятка*. В употреблении этих обозначений есть и общие черты для разных частей суток (слова *друг, враг, брат*), а есть и отличающие их: образные обозначения ночи часто подчеркивают ее женский образ и особенно — материнские свойства: «Ночь, как добрая *мать*, принимает в объятья на отдых» (А. Фет, 1854). В отличие от ночи, которую в большинстве случаев характеризуют слова, выражающие положительные ассоциации, день чаще всего — *враг*: «Ты, день, могучий *враг*, вновь покоришь меня!» (Брюсов, 1902).

Группа обозначений лиц по преступной деятельности характеризует как ночь, так и день; в обоих случаях эта группа развивается во времени, пополняясь новыми элементами. В начале XIX в. эта группа состоит из элементов *вор, тать, убийца*, в XX в. ночь также характеризуется как *преступница, налетчик, уголовница*, день — *фарцовщик, медвежатник*: «Вдруг ночь, *налетчиком*, срывая рамы, Вломилась в дом» (Р. Спинадель, 1928), «<...> зато не будет <...> необъяснимых этих пушечных звуков, про которые знает правду лишь *уголовница* ночь» (Асар Эппель, 1992), «Мне кажется, надев свой рваный ватник, Бредет *фарцовщик* или *медвежатник* — Расконвоированный день» (С. Липкин, 1962).

При образной характеристике обозначениями лиц по возрасту и полу ночь и день четко противопоставлены: ночь характеризуется наименованиями лиц женского пола, преимущественно старшего возраста — *старуха, старушонка, бабушка, карга*: «А за окном раздавленный мел Сыпала ночь-*старуха*» (Н. Тихонов, 1914–1921), для образных обозначений дня, наоборот, характерна семантика незрелости: *малютка, ребенок, карапузик-мальчик, мальчишка*: «*Ребенок*-день глядит светло и кротко» (А. Несмелов, 1924–1945). Это свойство дня поддерживают и прилагательные, обозначающие возраст: в подавляющем большинстве контекстов день определяется словом *юный*. Утро с точки зрения возраста характеризуется исключительно как *юное, молодое*; вечер в этом отношении амбивалентен, он и *ребенок*: «Отчего ты, вечер, серый и простой, Как *ребенок* малый с тихой мечтой» (С. Городецкий, 1908), и *старичок*: «И вечер-*старичок* в смешной скуфейке О быстротечной юности не плачет» (В. Державин, 1930).

Наборы обозначений лиц по профессии — разные для каждого времени суток, они в основном начинают появляться в метафорах и сравнениях в первой половине XX в.: ночь — *знахарка, целительница, лекарь; пряха, охотник, садовница, служанка, сторожиха, зодчий, строительница, повитуха* (во второй половине XX в. фиксируются ночь — *чернорабочий, церемониймейстер*), день — *паладин, рыбарь, воин, лакей, холуй, шофер, кучер, лихач, велосипедист, всадник, делец, тореро*; вечер — *швейцар, золотарь, солдат, офень*; утро — *авиатор*.

Такое описание каждого предмета сравнения в словаре с полным перечислением всех классов олицетворяющих слов дает возможность получить обобщенные персонифицированные образы частей суток: какие движения и звуки характерны для каждой из них, какие физические состояния и процессы в организме (сон, дыхание, болезни, усталость и т. п.), как чаще всего характеризуется их внешность (румяный / бледный, смуглый, кудрявый, горбатый и т. п.), одежда, какие части тела им приписываются (лицо, глаза, руки, пальцы, волосы и т. п.), какие им свойственны черты характера, эмоции; выявить общее и различное в персонифицирующих характеристиках частей суток, получить представление о частоте употребления каждого олицетворяющего слова, а также семантических классов слов.

Так, в группе слов «Жизненный цикл» (*рождаться, родиться, рождение, новорожденный; умирать, умереть, скончаться, почить, смерть, кончина, агония, убить, мертвый, труп* и др.) больше всего контекстов у дня, и эти контексты появляются в самый ранний период. Чаще всего они характеризуют конечный полюс жизненного цикла — умирание. Для утра, наоборот, более характерны образы начала жизненного цикла: *рождаться, родиться, новорожденное*. В описаниях ночи и вечера, как и у дня, преобладают контексты умирания. Из этих данных мы получаем сведения об образных представлениях протекания разных частей суток, об акцентах на их начале или конце.

Расположение материала в хронологическом порядке наглядно показывает эволюцию каждого класса тропов во времени.

Все выявленные нами закономерности организации материала должны получить словарное оформление, при этом важным фактором является то, что должны быть отражены точки семантического пересечения различных групп. Также должны получить отражение и отношения между различными предметами сравнения — например, *день* и *ночь*, которые характеризуются как взаимным притяжением, так и противостоянием (см. также Топоров 2006): «Еще не зримая, по сводам неба ясным Ночь тихая неслась вслед за днем прекрасным, И вечер, поцелуй любви стыдливой их, На землю пролился, блистателен и тих» (А. Подолинский, 1834–1836); «ночь осела синью, словно *избила в синяки* хрупкий деревенский день» (С. Буданцев, 1919–1922).

Итак, на примере небольшого фрагмента будущей серии выпусков словаря представлена методика лексикографического описания конструкций со значением персонификации и те основные сведения, которые можно будет получить из словаря.

Литература

- Григорьева А. Д., Иванова Н. Н. 1969. *Поэтическая фразеология Пушкина*. М.: Наука.
- Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. 2000, 2020, 2015, 2017. *Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.* Вып. 1. М.: ЯРК; Вып. 2. М.: ЯСК; Вып. 3. М.: ЯСК; Вып. 4, 5. М.: Издательский Дом ЯСК.
- Константинова С. К. 1997. *Семантика олицетворения*. Курск: Изд-во Курского гос. пед. ун-та.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>
- Топоров В. Н. 2006. Ночь и день: их противостояние и их взаимная тяга. В кн.: В. Н. Топоров. *Исследования по этимологии и семантике*. Т. 2. М.: Языки славянских культур, 166–197.
- Шведова Н. Ю. (ред.). 1998, 2000, 2003, 2007. *Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений*. Тт. 1, 2, 3. М.: Азбуковник; Т. 4. М.: ИРЯ РАН.

О названиях растений в языке поэзии, корпусе и словаре

А. С. Кулева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; an_kuleva@mail.ru

На первый взгляд названия растений не представляют большого интереса для исследователя: это сравнительно небольшая и вполне очевидная группа слов условно терминологического характера, не демонстрирующая глубин семантики (особенно в сопоставлении с другими семантическими разрядами, ср. Плунгян, Рахилина 2007). Однако такое впечатление неверно.

Особенно ярко своеобразие этой группы лексики обнаруживается в языке поэзии, что неудивительно, поскольку стихотворный контекст нередко подчеркивает, актуализирует или трансформирует значение слова, фиксирует особенности употребления лексемы, в том числе не отраженные в словарях, или же создает приращение смыслов (Григорьев 1979, Плунгян 2013). Если образное, символическое, этнокультурное и т. п. употребление «растительной» лексики в художественной речи хорошо известно и описано, собственно слова в соотношении с денотатом, можно сказать, обычно оказываются за пределами восприятия. При составлении словаря языка поэзии именно этот аспект нередко выходит на первый план.

Так, при работе над СЯРП, где описывается язык десяти видных поэтов Серебряного века, составление словарной статьи нередко требует обращения к разным источникам начиная с толковых словарей (СУ, МАС, БАС), а иногда и исследовательской работы. Собственно названия растений в СЯРП составляют группу объемом более 500 единиц (в вышедших тт. I–VIII (А–Т) и материалах к тт. IX–X (Т–Я)), во многом совпадающую с данными общеязыковых словарей. Наиболее разнообразны в поэтическом языке названия трав и цветов (полевых и садовых). Среди них как употребительные названия (*анемона, астра, бархатцы, бегония, василёк, гвоздика, герань, иван-да-марья, камыш, клевер, колокольчик, крапива, кувшинка, ландыш, лютик, мальва, медуница, незабудка, одуванчик, подорожник, ромашка, таволга, тимьян, тюльпан, фиалка, чистотел*), так и устаревшие номинации, поэтизмы (*крин / лилея / лилия, лилейный; нард; плевел*), об-

ластные варианты (*кашка, любка, плакун-трава*, а также у Хлебникова: *бех* 'ядовитое болотное растение', *крученный паныч* 'ипомея'), более научные, иноязычные по происхождению номинации (*гелиотроп, далия, настурица, флокс, цинерария*). Наиболее велика концентрация иноязычной лексики среди названий садовых, комнатных и оранжерейных цветов: *волькамерия, фикус, филодендрон, центифолия, цикламен*. Сравнительно немногочисленны составные названия (в СЯРП в таком случае они оказываются разнесены по соответствующим словарным статьям, причем в больших словарных статьях эти названия фиксируются в зоне значения): *анютины* [в сочет.: *анютины глазки* (цветы)], *куриный* [*тж* в назв.: *куриная слепота* (растение курослеп)], а также *брюссельский* (капуста), *волчий* (ягода), *душистый* (горошек), *зайчий* и *заячий* (капуста), *ночной* и *пармский* (фиалка), *персидский* (сирень), *плакучий* (береза, ива). Интересны случаи, когда вместо принятого сейчас названия используются менее привычные варианты, например: *Луга желтели курослепом, Ромашками и пастью львиною* (Б. Пастернак, 1944; ср. *львиный зев* и (устар.) *львиная пасть, уста львовы*).

При сопоставлении материала СЯРП с толковыми словарями бросаются в глаза противоречия в лексикографическом описании названий растений.

Прежде всего, вопреки традиции рассматривать этот разряд слов как подраздел терминологии (так, в СУ всем таким лексемам присваивалась помета *Бот.*), он очень разнороден. В него входят названия, разные по происхождению (русские и иноязычные), сфере употребления, стилистической окраске и т. п.: «народные» (обиходные и диалектные), «аптечные», ботанические, а также устаревшие, иноязычные, индивидуально-авторские и др. Эта разнородность традиционно игнорировалась толковыми словарями, где только в единичных исключительных случаях использовались пометы *Разг.*, *Прост.* или *Обл.* Эта же тенденция поддерживается другими лексикографическими жанрами: названия растений отсутствуют в словарях устаревшей лексики или «новых слов и значений», что вполне согласуется с нашим представлением о том, что сами растения являются своего рода константой окружающего мира.

Это представление не совсем верно по отношению не только к названиям растений, которые демонстрируют высокую степень вариативности и изменчивости (например, неточные обиходные названия вытесняются более научными), но и к самим растениям, поскольку они могут выходить из моды (*артишок, кольраби, резеда*), завозиться из других климатических зон и постепенно входить в обиход (ср.: *брокколи, гербера, лайм, нектарин, хоста*). Употребительные в поэтическом языке названия совре-

менному читателю далеко не всегда легко соотнести с известными ему растениями: так, традиционные для стихотворной речи *желтофиоль*, *левкой* и *резеда*, как представляется, нечасто встречаются в современной действительности. С другой стороны, многие «устаревшие» растения известны и сейчас. Так, *волькамерия* сейчас называется *клеродендрум*, *лакрица* более известна как *солодка*, *цинерария* — разновидность *крестовника*, *желтофиоль* выращивают как *лакфиоль* или *хеирантус*, а близкий родич *левкоя* — распространенная *маттиола*.

Обращение к поэтическому подкорпусу НКРЯ позволяет увидеть изменения в употреблении «растительной» лексики в динамике (общую картину показывает поиск по семантическому признаку «растение», хотя не все лексемы могут отражаться при заданном условии — в том числе по причинам, упомянутым ниже). Можно обнаружить, что многие вполне привычные сейчас названия растений появились в языке поэзии сравнительно поздно, ср.: *женьшень* (М. Щербаков, 1923), *примула* (Б. Лившиц, 1934 и К. Симонов, 1938), *аквилегия* (Н. Заболоцкий, 1957), *календула* (А. Адалис, 1966), *гладиолус* и *люпин* (Л. Мартынов, 1967). Однако и здесь нельзя проводить прямую аналогию между известностью растений и их названий: те же растения встречались и под другими названиями: *гладиолус* = *шпажник* (И. Бунин, 1903), *календула* = *ноготки* (А. Мерзляков, 1806).

Ситуация, когда одному растению соответствует несколько названий (или одно именование может относиться к разным растениям), хорошо известна. Более серьезной трудностью оказывается обнаруживаемая в языке поэзии вариативность названий, зачастую граничащая с индивидуально-авторским употреблением. Ср.: *Дворянских гнезд заветные аллеи. Забытый сад. Полузаросший пруд. Как хорошо, как все знакомо тут! Сирень, и резеда, и эпомец, И георгины гордые цветут* (К. Бальмонт, 1893; ср. *ипомяя*); *Запомню и не разбазарю: Метель полных метиол. Концерт и парк на крутояре. Недвижный Днепр, ночной Подол* (Б. Пастернак, 1930; ср. *маттиола* (Н. Рубцов, 1969)).

Вариативность названий растений затрагивает и грамматику: так, кроме известных и отражаемых словарями случаев типа *георгин / георгина*, *мирт / (устар.) мирта*, встречаются и другие: *И за кормой пурпурная заря Дрожала в синеве Цветком желтофиоли* (В. Брюсов, 1894); *По деревянным антресолям Стоят цветочные горшки С левкоем и желтофиолем, И дышат комнаты привольем, И пахнут пылью чердаки* (Б. Пастернак, 1947).

Кроме того, в поэтическом употреблении проявляются случаи, когда именование растения теряется среди значений многозначного слова. Так, у И. Анненского: *Но мне милей в глуши садов Тот ветер теплый и игри-*

вый, *Что хлещет жгучею крапивой По шапкам розовым дедов*; соответствующее значение отсутствует в толковых словарях, ср. в БАС-3 *дедовник* ‘чертополох’.

Подобные случаи особенно интересны с точки зрения корпусного представления определенных семантических разрядов (см., в частности, Плунгян, Рахилина 2012 и Lyashevskaya et al. 2018), особенно таких обманчиво простых, как названия растений.

Литература

- БАС — *Словарь современного русского литературного языка*. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950–1965.
- БАС-3 — *Большой академический словарь русского языка*. Т. 1–. СПб.: Наука, 2004–.
- Григорьев В. П. 1979. *Поэтика слова*. М.: Наука.
- МАС — А. П. Евгеньева (ред.). *Словарь русского языка*. Т. 1–4. 1-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1957–1961; 2-е изд. М.: Русский язык, 1981–1984.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>.
- Плунгян В. А., Рахилина Е. В. 2007. О лексико-семантической типологии. В сб.: Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина (ред.). *Глаголы движения в воде: лексическая типология*. М.: Индрик, 9–26.
- Плунгян В. А. 2013. *Вечеру*: о слове, которому поэзия продлила жизнь. В сб.: В. А. Плунгян, Л. Л. Шестакова (ред.). *Корпусный анализ русского стиха*. М.: Азбуковник, 68–80.
- Плунгян В. А., Рахилина Е. В. 2012. Из корпусных наблюдений над лексикой: о семантической эволюции и лексических маркерах. *Revue des études slaves*, v. 83, n. 2–3, 499–533.
- СУ — Д. Н. Ушаков (ред.). *Толковый словарь русского языка*. Т. I–IV. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1935–1940.
- СЯРП — В. П. Григорьев (отв. ред.), Л. Л. Шестакова (отв. ред.), Л. И. Колодяжная (ред.), А. С. Кулева (ред.). *Словарь языка русской поэзии XX века*. Т. I–. М.: ЯСК, 2001–.
- Lyashevskaya O, Vlasova E., Litvintseva K., Sechina E. 2018. A data analysis tool for the Corpus of Russian poetry. *NRU HSE. Series WP BRP “Linguistics”*, n. 77. <http://wp.hse.ru/data/2018/12/29/1143017363/77LNG2018.pdf>.

Использование корпусных данных для проверки тезауруса

Н. В. Лукашевич

НИВЦ МГУ имени М. В. Ломоносова; louk_nat@mail.ru

1. Введение

В течение последних двадцати лет корпусные данные (Плунгян 2008) стали основой для получения новых результатов в теоретических исследованиях естественного языка, а также в различных приложениях автоматической обработки текстов и речи. В частности, большие объемы текстовых данных используются для порождения представлений слов и других текстовых единиц в виде числовых векторов на основе анализа их контекстов (Lenci 2008). При этом предполагается, что сходство контекстов слов, а значит и соответствующих векторов, в большинстве случаев является проявлением семантической близости этих слов.

В то же время информация о семантической близости слов, их лексических отношениях может храниться в специализированных словарях (например, в словарях синонимов) или тезаурусах. В сфере автоматической обработки текстов наиболее известными лингвистическими ресурсами являются тезаурусы формата WordNet (Fellbaum 1998).

Для того чтобы лексико-семантические ресурсы были полезны в автоматических приложениях, они должны включать десятки тысяч слов и выражений, и, кроме того, должны непрерывно обновляться, т. е. дополняться появляющейся новой лексикой, устойчивыми выражениями, новыми значениями известных слов. Кроме того, такие ресурсы могут содержать случайные ошибки, которые очень трудно обнаружить среди большого объема описанных слов и отношений.

В данной статье рассматривается подход к нахождению неточностей описания в тезаурусах для автоматической обработки текстов с помощью сравнения множеств семантически близких слов, вычисленных по тезаурусу и по большому текстовому корпусу. Исследование проводилось для тезауруса русского языка RuWordNet, созданного в формате WordNet (Loukachevitch et al. 2018).

2. Тезаурусы для автоматической обработки текстов

Тезаурус WordNet (Fellbaum 1998) представляет собой семантическую сеть значений слов естественного языка. Единицей семантической сети является синсет, т. е. совокупность синонимов. Синсеты соединены между собой отношениями, такими как гипоним-гипероним, часть-целое и др. Многозначные слова представлены как единицы нескольких синсетов. Такой тезаурус дает возможность вычислять семантическую близость между словами и выражениями за счет использования описанной семантической структуры.

Тезаурусы типа WordNet разработаны для большого количества языков. Для русского языка опубликован тезаурус RuWordNet (Loukachevitch 2018)¹, который включает описание около 110 тысяч слов и выражений русского языка, более 130 тысяч значений. Текущая версия RuWordNet включает следующие типы отношений, описанные между синсетами: гипоним-гипероним, часть-целое, частеречная синонимия, антонимы, домен, однокоренные слова.

3. Вычисление множеств семантически близких слов на основе тезауруса и на основе дистрибутивных моделей

Чтобы сравнить множества семантически близких слов на основе корпуса и тезаурус RuWordNet, использовался корпус из 1 миллиона новостных статей. Коллекция была лемматизирована. Для исследования были взяты слова тезауруса с частотой более 100 в корпусе. Таких слов оказалось 32 596 (существительные, прилагательные и глаголы).

В качестве слов, близких по тезаурусу, были взяты следующие:

- синонимы слова, представленные в синсетах этого слова;
- все слова, расположенные на путях, состоящих из отношений гипоним-гипероним или отношений часть-целое длиной не более 3 отношений от синсета начального слова;
- все слова, связанные другими прямыми отношениями с синсетом исходного слова;
- для неоднозначных слов были рассмотрены пути, связанные с синсетами всех значений слов, и собраны близкие слова и выражения для этих значений.

Таким образом, для каждого исходного слова было получено множество слов, близких по тезаурусу, которое далее будем называть TBag.

¹ Тезаурус RuWordNet опубликован на сайте ruwordnet.ru.

Для вычисления слов, близких по корпусу, использовалась модель word2vec (Mikolov et al. 2013), которая на основе учета контекстов слова в корпусе позволяет представить слово в виде вектора заданной длины. Семантическая близость между словами может быть приблизительно оценена как так называемая косинусная мера. Косинусная мера представляет собой косинус угла между векторами слов, достигает максимума 1, что означает, что угол между векторами равен нулю.

Модель word2vec была применена к новостному корпусу, были вычислены слова из тезауруса, наиболее похожие на исходное слово по полученному векторному представлению, из полученного списка были извлечены 20 наиболее похожих слов — далее DBag.

Вычислив пересечение между TBag и DBag, можно выяснить, какие именно близкие по корпусу слова из DBag не оказались в множестве близких слов по тезаурусу, и дальше попытаться разобраться, с чем это может быть связано. Например, слово *троянец* описано в тезаурусе как *житель Трои*, а по корпусу у этого слова получается следующий список слов, в котором нет никакого пересечения с близкими словами по тезаурусу (также указаны близости слов по косинусной мере):

вредоносный 0.76, *программа* 0.73, *троянский* 0.71, ...*вирус* 0.61,...

Таким образом, из этого списка DBag очевидно, что в современном новостном корпусе слово *троянец* встречается в основном в значении *тройская программа*, и это значение отсутствует в тезаурусе.

Для анализа указанных выше несоответствий между множествами близких слов по корпусу и по тезаурусу были извлечены слова, для которых вообще не было пересечения между множествами DBag и TBag или суммированная близость слов к исходному слову в пересечении была меньше 0.5. Таким образом было получено 2343 наиболее проблемных слов. Далее будут рассмотрены основные причины расхождений двух множеств семантически близких слов.

4. Анализ несоответствий между множествами семантически близких слов

Существенную долю среди слов с высоким расхождением между тезаурусным и корпусным множествами семантически близких слов составляют слова с лемматической неоднозначностью словоформ, например, слова *банк* и *банка*. Поскольку в настоящее время для обработки корпуса использовался морфологический анализатор RuMorphu, который не имеет механизмов разрешения морфологической неоднозначности, то

в качестве первых лемм в результатах анализа могла выдаваться неправильная форма. В результате подавляющее большинство слов, близких по корпусу к слову *банка*, относится к финансовой области: *госбанк*, *сбербанк*, *банкир* и др.

Одной из причин различий между множествами DBag и TBag оказались частотные опечатки в текстах новостных статей. Так, в новостных сообщениях часто делают опечатку в слове *заявить* и получают слово *завить*. В результате получается, что по контекстам слово *завить* очень похоже на слова, относящиеся к глаголам передачи информации, например, к глаголам *информировать* или *отметить*.

Естественной причиной, которая вызывает исследуемые расхождения, является упоминание в корпусе имен собственных, написание которых совпадает с именами нарицательными. Например, в русском языке слово *мистраль* означает подвид ветра, но в современном новостном корпусе значительно более частотным является употребление слова *Мистраль* как названия французских десантных кораблей-вертолетоносцев. Кроме того, некоторые спортивные команды имеют прозвища, которые пишутся со строчной буквы; например, слово *циска* используется в русскоязычных спортивных новостных текстах как прозвище футбольного клуба Эвертон (*The Toffees*).

Расхождения между дистрибутивным и тезаурусным множествами близких слов могут возникнуть и из-за употребления устойчивых выражений. Например, по корпусу оказывается, что слово *ежовый* наиболее похоже на слово *рукавицы*, а слово *посудный* на слово *слон*, что на самом деле означает, что наиболее часто эти слова встречаются в выражениях *ежовые рукавицы* и *как слон в посудной лавке*. Таким образом, анализ расхождений может служить источником пополнения тезауруса устойчивыми выражениями.

Наконец, расхождения могут показать, что слово в корпусе чаще всего употребляется не в том значении, которое описано в тезаурусе. Помимо вышеупомянутого примера со словом *троянец*, были выявлены такие случаи: *прошивка* как вид программного обеспечения, *болгарка* как ручной электроинструмент, *навес* как передача в футболе и другие.

5. Заключение

В данной работе представлен подход к автоматизированному выявлению неточностей описания значений слов в тезаурусах, предназначенных для автоматической обработки текстов. Он состоит в использовании двух методов вычисления семантически близких слов: с одной стороны —

на основе большого корпуса текстов с помощью построения векторных представлений слов, с другой стороны — на основе семантической сети тезауруса. В результате сопоставления расхождений таких множеств семантически близких слов удастся выявить не описанные в тезаурусе устойчивые словосочетания и значимые в корпусе значения, а также уточнить отношения между синсетам.

Литература

- Плунгян В. А. 2008. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики. *Русский язык в научном освещении*, №2, 7–20.
- Fellbaum Ch. (ed.). 1998. *WordNet: An electronic lexical database*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Lenci A. 2008. Distributional semantics in linguistic and cognitive research. *Italian journal of linguistics*, v. 20, n. 1, 1–31.
- Loukachevitch N., Lashevich G., Dobrov B. 2018. Comparing Two Thesaurus Representations for Russian. In: F. Bond, T. Kiribayashi, Ch. Fellbaum, P. Vossen (eds.). *Proceedings of Global WordNet Conference GWC-2018*, Singapoure, 35–44.
- Loukachevitch N. 2019. Corpus-based Check-up for Thesaurus. In: *Proceedings of the 57th Annual Meeting of the ACL*, Stroudsburg, PA: Association for Computational linguistics, 5773–5779.
- Mikolov T., Sutskever I., Chen K., Corrado G., Dean J. 2013. Distributed representations of words and phrases and their compositionality. In: *Advances in neural information processing systems*, v. 26, 3111–3119.

**Собиратели слов — λεξομαεΐς:
провозвестники корпусной лингвистики
Никос Казандзакис и Эммануил Криарас**

Ф. А. Елоева

Институт лингвистических исследований РАН / Вильнюсский университет;
fatimaeloeva@yandex.ru

*When we contemplate ruins,
we contemplate our future.*

Chr. Woodward. In Ruins

Все, что делает В. А. Плунгян, — близко к совершенству. В своих лекциях, обращенных к широкой публике, он часто повторяет мысль о том, что язык лишь отражает мироздание, и задача лингвиста сводится к максимально точной фиксации специфики и характера этого отражения. Очевидно, что эта установка выражает мягкое неприятие любой авторитарности и диктата.

Однако, как кажется, сама личность и масштаб деятельности В. А. Плунгына вступают в очевидное противоречие с младограмматической сдержанностью этого утверждения.

Вполне в духе Вильгельма фон Гумбольдта он гармонизирует мироздание, языки и человеческие судьбы. И наблюдать за этим — настоящая радость.

Очень рано, уже к V в. до н. э., к грекам пришло осознание эталонной значимости созданных ими текстов; на протяжении тысячелетий в языке действовали архаизирующие, центробежные тенденции. Все это способствовало тому, что греки фактически «проволокли» свой лексикон вплоть до наших дней. Представляется, что к греческому можно применить термин «диахроническое смешение», предложенный некогда Бодуэном де Куртенэ (1901/1963). Часто в узусе сосуществуют архаический вариант лексемы и ее более поздние трансформации. Андре Мирамбель (Mirambel 1959) сравнил когда-то новогреческий лексикон с архивной книгой, в которой существуют только записи рождений, но не сохранилось записей смертей.

Фактически мы имеем дело с ситуацией, когда лексика, присутствующая в произведениях известных писателей XVIII, XIX, XX вв., может быть не зафиксирована словарями; таким образом, зачастую перевод лексем, засвидетельствованной в тексте, или интерпретация темного пассажи Пападиамантиса или Визиноса, ведущих прозаиков XIX века, требуют проведения исследования и, возможно, обречены на неудачу (Елоева 1989: 14, Кисилиер, Федченко 2011).

На греческом примере особенно ясной становится «рукотворность» понятия литературного стандарта (Елоева, Черноглазов 2016). И наконец, то обстоятельство, что греческие слова, однажды возникнув, никуда не исчезают, предоставляет носителям языка (и в частности писателям) фактически неограниченные возможности выбора и степени свободы. Естественно, что собеседники должны обладать общим кодом, чтобы понимать друг друга. Но когда речь идет о людях, беседующих на новогреческом, у говорящих обычно присутствует установка попытаться понять даже незнакомое слово (архаическое, экзотическое, диалектное).

В настоящее время при активном участии В. А. Плунгяна ведется интенсивная работа по созданию электронного корпуса новогреческого языка (о чем см. статьи Архангельский, Кисилиер 2018, Arkhangel'skiy et al. 2018, Eloeva et al. 2019). Но поскольку работа эта еще не достигла своего завершения, то наши возможности исследовать новогреческую лексику достаточно ограничены.

Парадоксальным образом наиболее полным на настоящий момент источником для изучения современного новогреческого языка является капитальный словарь средневековой народной греческой словесности (1100–1669) — грандиозное создание выдающегося греческого лексикографа Эммануила Криараса (1906–2014) (Κριάρας 1968–2012).

Именно этот словарь наиболее полно отражает языковую ситуацию современной Греции и может быть использован для работы с текстами современных (и не только) греческих авторов. Фактически этот словарь явился провозвестником электронного корпуса и сегодня отчасти выполняет его функции. Иллюстрации этого тезиса, собственно, и посвящена данная работа.

Лингвистическая ситуация новогреческого поощряет носителей к языковой игре, к оперированию архаической и диалектной лексикой, а на уровне *small-talk* — к металингвистическим рассуждениям.

Знаменитый греческий писатель Никос Казандзакис (1883–1957) и выдающийся лексикограф Эммануил Криарас, уроженцы Крита и относительные современники, могут, пожалуй, быть названы самыми страстными собирателями слов в истории греческого языка.

Никос Казандзакис — самый известный по сей день за пределами Греции греческий писатель двадцатого века. Его несколько раз выдвигали на Нобелевскую премию (Альбер Камю в 1957 г. получил Нобелевскую премию, получив при голосовании на один голос больше Казандзакиса). Сам же он никогда не воспринимал себя как прозаика и стал писать романы, благодаря которым обрел мировую известность, лишь под конец жизни, фактически для заработка.

Казандзакис всегда позиционировал себя прежде всего как поэта. Он мечтал стать греческим Данте и написал собрание поэм, озаглавленное «Терцины», где воспроизвел дантовский размер. Кроме того, ему принадлежит написанная гекзаметром поэма «Одиссея», где повествуется о продолжении странствий Одиссея. Эта поэма, очевидно, перекликается с XXVI песней «Божественной Комедии», состоит из 33333 ямбических семнадцатисложников, разделенных на 24 *rapсodии*. В «Одиссее» Казандзакиса выявлено 7,5 тыс. слов, не зафиксированных словарями новогреческого языка (см. Μαθιουδάκης 2012).

Одержимый идеей стать греческим Данте, Казандзакис целенаправленно создавал новый язык, собирая диалектную лексику и обращаясь к древнегреческому. Эта тактика во многом напоминает А. И. Солженицына, не расстававшегося со словарем Даля.

Язык поэзии Казандзакиса был сложен для восприятия соотечественников, однако один конгениальный читатель у него все-таки нашелся. Речь идет о переводчице его поэзии на английский, замечательном филологе Кимоне Фрайаре (1911–1993; см. Friar 1959).

Английский исследователь творчества Казандзакиса Питер Бин (род. 1930; см. Bien 2007) цитирует высказывание своей знакомой — образованной гречанки, которая заметила, что не выносит Казандзакиса в оригинале, но в английских переводах он ей скорее нравится.

Можно пойти дальше и постулировать, что чем дальше переложение Казандзакиса отстоит от языка оригинала, тем большее воздействие оно оказывает на публику, — таким образом, перевод на английский читается легче, чем оригинальный греческий текст, а экранизация оказывается эффективнее романа. Достаточно вспомнить грандиозный успех, который у публики имели фильмы, снятые по романам Казандзакиса: «Zorba the Greek» («Αλέξης Ζορμπάς», реж. Μιχάλης Κακογιάννης); «He Who Must Die» («Ο Χριστός Εανασταυρώνεται», реж. Joe Dassin), «The Last Temptation of Christ» («Ο Τελευταίος Πειρασμός», реж. Martin Scorsese).

Несколько лет назад я позволила себе провести отчасти рискованный лингвистический эксперимент и предъявила отрывок из «Терцины Сикельяноса» участникам конференции, посвященной проблемам новогре-

ческой филологии, — речь о профессиональных неоэллинистах, преимущественно греках. Показательно, что никто из них не смог перевести предъявленный им отрывок. В зале присутствовало около 50 человек. Невольные участники эксперимента были поражены его результатами. Сама возможность провести подобный эксперимент говорит о своего рода уникальности греческой лингвистической ситуации — напоминаю, что речь идет о стихах известнейшего греческого поэта XX века. Совершенно очевидно, что подобная ситуация в контексте русского языка представляется маловероятной.

Привожу отрывок из «Терцины Сикельяноса» Никоса Казандзакиса:

Н λεφτερι-ά κλοτσά-ει χιλιά-δες χρόν-ους
 DEF.F.SG.NOM свобода-SG.NGEN пинать.IPFV-PRS.3SG тысяча-PL.NGEN год-PL.ACC
 Την ούρμ-α πια ανεβάλλ-ουσ-α
 DEF.F.SG.ACC зрелый-F.SG.NGEN уже откладывать.IPFV-PRT.PRS.F-F.SG.NGEN
 σου μήτρ-α
 = POSS.2SG матка-F.SG.NGEN

Σύρ-ε φων-ή, Την άγι-α
 тянуть.PFV-IMP.2SG голос-SG.NGEN DEF.F.SG.ACC святой-F.SG.NGEN
 νύχτα, κράξ-ε
 ночь-SG.NGEN кричать.PFV-IMP.2SG

Την γρι-ά μαμ-ή
 DEF.F.SG.ACC старуха-SG.NGEN повитуха-SG.NGEN
 την καλο-ξε-γεννήτρ-α!
 DEF.F.SG.ACC хорошо-вновь-родительница-SG.NGEN

.....

Свобода пинает уже тысячу лет
 твою зрелую медлящую матку.
 Закричи во весь голос, возопи в святую ночь,
 К старой повитухе Калоксегеннитре!¹

Проблему представлял перевод слова ούρμ-α; показательно, что большинство испытуемых (как и я сама при первом прочтении) восприняло его как форму индикатива презенса 3 лица единственного числа от глагола ορμάω «стремиться, обрушиться». Такое прочтение совершенно меняет структуру предложения, лишая читателя возможности понимания.

Как ни удивительно, единственным словарем, где эту загадочную форму удалось отыскать, был упомянутый выше Словарь среднегреческой

¹ «Помогающая при родах» — эпитет Артемиды.

народной литературы Эммануила Криараса (Κριάρας 1968–2012: XII, 366), где мы читаем ούρμος, ούρμα, ούρμο ‘зрелый’.

Кажется, что спецификой своего языка Никос Казандзакис бросает читателям некий лексикографический вызов, заявляя о необходимости систематизации лексики (фактически корпуса), — вспомним 7,5 тыс. незафиксированных слов из его «Одиссеи».

Интересно, что на вызов Казандзакиса отозвался именно Эммануил Криарас. Этот выдающийся лексикограф, семья которого также происходила с Крита, родился в Пирее, а умер от сердечного приступа в своем доме в Салониках вечером 22 августа 2014 года. Ему было 107 лет. Он работал до последнего момента, и объем созданного им можно приравнять к результату труда многих институтов (им написано более тысячи статей и 60 книг). Он явился редактором и составителем лучшего словаря средневековой народной греческой литературы, речь о котором уже шла выше (Κριάρας 1968–2012). К этой работе Криарас приступил в 1956 году, в 1968 году «за демократические убеждения» он был уволен Черными полковниками с должности профессора Салоникского университета, и всю последующую жизнь посвятил составлению словаря (Καπλάνης 2000).

В некотором отношении научная общественность должна быть благодарна Черным полковникам: запрет на преподавание позволил Криарасу полностью сосредоточиться на словаре. Его деятельность предвосхитила создание электронных корпусов. Он называл себя «λεξομανής» — «одержимый словами». В одном из интервью он сказал, что «материализм убил мечту», но Криарас явно не имел отношения к материализму. Своей жизнью и работой он нарушил все законы материальной действительности: работал до последнего дня своей жизни и умер, когда почувствовал, что работа завершена.

Нам кажется, что Казандзакис, как и многие другие греческие риторы и литераторы, равнодушный к композитам, также, по-видимому, не отказался бы от определения «λεξομανής» — одержимый словами, букв. «словоман».

Список условных сокращений

2, 3 — 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; DEF — определённый артикль; F — женский род; IMP — императив; IPFV — имперфектив; NGEN — негенитив; NOM — номинатив; PFV — перфектив; PL — множественное число; POSS — притяжательное местоимение; PRS — настоящее время; PRT — причастие; SG — единственное число.

Λιτεράτυρα

- Αρχαγγελσκιγ Τ. Α., Κισιλιερ Μ. Λ. 2018. Κορπούσα γρητσескоγ γυζυκα: διστιζένη, τση και ζαδατση. *Ινδοευρωπαικση γυζυκοζνηνη και κλασσικη φιλολογία*, τ. XXII, 50–59.
- Βοδουэн δε Куртенэ И. Α. 1901/1963. Ο σμησαννηο χαρακтерε υσех γυζυκογ. Β κη.: И. Α. Βοδουэн δε Куртенэ. *Ιζβρανηνη τρυδύ πο οβτσему γυζυκοζνηνη*. Τ. 1. Μ.: Ιζδ-во ΑΝ СССР, 362–372.
- Ελοεβα Φ. Α. 1989. *Βυεδενηε β νοβογρητσескоγ φιλολογση*. ΣΠβ.: ΣΠβГУ.
- Ελοεβα Φ. Α. 2014. Καфаревυσα β συυενηνη νοβογρητσескоγ λιτεράτυρε — λινγυιστικησκιγ експеримент или отражение диахронии? *Ινδοευρωпαικση γυζυκοζνηνη και κλασσικη φιλολογία*, τ. XVIII, 246–267.
- Ελοεβα Φ. Α., Черногоζαυογ Δ. Α. 2016. Γρητσескиγ перфект как стилиστικησκιγ прием. *Βοπρосу γυζυκοζνηνη*, №1, 7–24.
- Κισιλιερ Μ. Λ., Федτσенко Β. Β. 2011. Ο γυζυке νοβογρητσескоγ λιτεράτυρε. *Acta linguistica Petropolitana. Τρυδύ Ινστυтута λινγυιστικησκιγ исσледоваηий*, τ. 7, ч. 1, 409–444.
- Arkhangelskiy T., Kisilier M., Plungian V. 2018. Ηλεκτρονικό σώμα кейμένων της Τσακωνικής διαλέκτου: Τι είναι και γιατί χрейάζετα. *Χρονικά των Τσακωνων*, τ. ΚΓ', 1/2, 89–93.
- Bien P. 2007. Καζαητζάκης, Η πολιτικη του πνεύματος. Τ. Β'. Ηράκλειο: Πανεπιστημιακές εκδόσεις Κρήτης.
- Eloeva F., Kisilier M., Nikolaenkova O. 2019. Corpora and language variation in Greek. In: A. Botinis (ed.). *International Society of Experimental Linguistics: ExLing 2019. Proceedings of the 10th international conference of experimental linguistics. 25–27 September 2019. Lisbon, Portugal*. Athens: ExLing Society, 73–76.
- Friar K. 1959. Η πνευματικη άσκηση του Νίκου Καζαητζάκης. *Νέα Εστία*, τ. 66, 69–85.
- Mirambel A. 1959. *La langue grecque moderne, description et analyze*. Paris: C. Klincksieck.
- Καπλάνης Τ. 2000 Ο καθηγητής Εμμανουήλ Κριαράς και το Λεξικό του της μεσαιωνικής ελληνικής δημώδους γραμματείας (1100–1669). Σε: *Τριάντα χρόνια από την παρουσία του Α' τόμου του Μεσαιωνικού Λεξικού του Εμμανουήλ Κριαρά: Ένας Εορτασμός*. Θεσσαλονίκη: Σφακιανάκης, 16–25.
- Κριαράς Ε. 1968–2012. *Λεξικό της μεσαιωνικής ελληνικής δημώδους γραμματείας (1100–1669)*. Θεσσαλονίκη: Κέντρο Ελληνικής Γλώσσας.
- Μαθιουδάκης Ν. 2012. Ποιητικοί νεολογισμοί στην ΟΔΥΣΣΕΙΑ του Νίκου Καζαητζάκης: χιλιάδες αθησαύριστες λέξεις αναζητούν την ταυτότητα τους. Σε: Ζ. Gavriilidou, Α. Efthymiou, Ε. Thomadaki, Ρ. Kambakis-Vougiouklis (επιμ.). *Selected Papers of the 10th International Conference of Greek Linguistics (10th ICGL)*. Komotini: Democritus University of Thrace, 905–918.

Шарада: эскиз лексикографического портрета

В. И. Подлесская

Российский государственный гуманитарный университет;
vi_podlesskaya@il-rggu.ru

*Дорогому Володе —
знатоку изящного слова и ценителю
интеллектуальных упражнений*

Слово *шарада* лексикографы единодушно расценивают как заимствование, апеллируя прежде всего к авторитету М. Фасмера: «Через нем. Scharade — то же или непосредственно из франц. charade от прованс. charrado ‘беседа’» (Фасмер 1996, 4: 407).

Само это интеллектуальное развлечение вместе с обозначающим его словом проникает в российские пределы в середине XVIII века. Согласно исследованиям Т. В. Струковой (Струкова 2015, 2019) первая опубликованная на русском языке шарада датируется 1761 годом. Самое раннее вхождение слова *шарада* в общем корпусе НКРЯ датировано 1791 годом, см. (1), в поэтическом — 1815 годом, см. (2):

(1) *Аббатъ Н., Раздаватель милостыни при Французскомъ Посольствѣ въ Женевѣ, игралъ важную роль въ Женевскихъ обществахъ. Онъ былъ довольно ученъ, весьма знакомъ со всѣми Французскими славными и полуславными Стихотворцами и Прозаистами, остроумень, весель, забавень, и проч. и проч. Отъ шести часовъ до осьми — время, въ которое обыкновенно въ вечернихъ Женевскихъ собраніяхъ всѣ безъ исключенія садятся за карточные столы — былъ онъ душою дамской бесѣды, загадывалъ загадки, шарады, рассказывалъ смѣшные и трогательные Парижскіе анекдоты, и тому подобное (К. (Н. М. Карамзин). Самоубійца. Московской Журналь, 1791).*

(2) *А вот я быть скажу: один поэт писал
Не день, не два, а целый месяц сряду,
Чернил себя, крестил, марал;
Потом, друзей созвав, пред ними прочитал...
Шараду.*

(А. Е. Измайлов. Гора в родах (1815.06.30))

В начале XIX шарады, наряду с другими языковыми головоломками, уже широко публикуются в журналах; их статус, их возможное развлекательное и дидактическое значение становятся предметом дискуссии (Жеребнов 2015). В словаре Даля находим, по-видимому, первое зафиксированное толкование:

«ШАРАДА м. франц. загадка: слово, со значенъемъ каждого слога» (Даль 1991, 4: 622).

Энциклопедические сведения полно и наглядно представлены в словаре Брокгауза и Эфрона (статья приводится в современной орфографии):

«Шарада (прованс. *charrada*) — род загадки, где слово, подлежащее отгадке, распадается на ряд последовательных частей, из которых каждая представляет собой отдельное слово; дают намеки на значение этих частей (мое первое, мое второе, мое третье и т. д.), и по ним должно отгадать целое (порт-ной, вино-град и т. п.). Иногда вместо словесных определений играют ряд сцен, из которых каждая символизирует какое-нибудь из слов-частей; зрителям предоставляется отгадать целое слово или же ему посвящается заключительная сцена. О такой *charade en action* идет речь в «Плодах просвещения» Толстого. Ш. вошли в моду во французских салонах в середине XVIII в., сменив модные до тех пор каламбуры. Затем их стал печатать «*Mercur de France*», помещая также списки отгадавших. Однажды журнал вызвал негодование читателей, поместив Ш. неразрешимую, так как отгадки для нее не было, и сознавшись в этом лишь после того, как читатели напрасно ломали себе голову» (ЭСБЕ 1993–2003, 39(77): 179).

Современные толковые словари добавляют к исходному значению — конкретного вида языковой головоломки — еще и его метафорическое расширение «загадочный феномен, тайна»:

ШАРАДА, шарады, жен. (франц. *charade*). Загадка, в которой загаданное слово состоит из нескольких составных частей, каждая из которых представляет собою отдельное слово, напр. первая часть — геометрическая фигура, вторая — подземное царство, третья — начальная буква алфавита; целое «шар-ад-а». || Вообще — загадка, тайна. — Одно лишь странно мне, как я найти могла ее браслет. «Так! Нина там была — и вот разгадка всей шарады». Лермонтов (Ушаков (ред.) [электронный ресурс]).

Интересно, что в драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад», откуда взят в словаре Д. Н. Ушакова пример метафорического употребления, имеется и употребление в «почти» прямом значении — используется образ разбиения слова на части для поэтического изображения частей жизненного пути:

(3) *Что? жизнь? давно известная шарада*

Для упражнения детей;

Где первое — рожденье! где второе —

Ужасный ряд забот и муки тайных ран,

Где смерть — последнее, а целое — обман!

(М. Ю. Лермонтов. Маскарад (1835–1836))

Всего в НКРЯ зафиксировано 370 вхождений леммы *шарада* в основном корпусе и 32 вхождения — в поэтическом. Контексты её употребления могут быть сведены к нескольким основным типам.

А. Упоминания и примеры текстовых шарад, т. е. шарад, в которых используются словесные (иногда стихотворные) описания частей и целого:

(4) *В купе поезда решили знакомиться с помощью шарад. — Первый слог моей фамилии, — говорит один, — это то, что нам обещали, а второй — это то, что мы получили. Поднимается другой: — Гражданин Райхер, пройдемте!* (Коллекция анекдотов: «органы», КГБ (1956–1991))

Как и в процитированном выше примере из М. Ю. Лермонтова, шарада может использоваться в качестве поэтического образа:

(5) *Ведь человек — двухчастная шарада*

Чела и Века. Здесь водораздел,

Его биографический предел,

Живая или мертвая преграда.

(П. Г. Антокольский. «Возмездье ждет меня или награда...»

[Венок сонетов, 4] (1967))

(6) *Позвольте же поднять бокал за Вас,*

за Ваше здоровье

и за Ваше имя,

где слово Ars — искусство — как в шараде,

со словом сень соседствует недаром,

напоминая отзвук сотрясений,

стократно повторившихся в душе <...>

(Ю. Д. Левитанский. Новогоднее послание
Арсению Александровичу Тарковскому (1991))

В игровых и поэтических целях сочинители шарад допускали отклонения от орфографической точности частей и целого, заменяя их паронимами:

(7) *Шарады составляются по принципу — чем непонятней, тем лучше (я иногда им помогаю): мое первое — сладкий напиток (сироп), мое*

второе — животное (лань), мое целое — способ передвижения (аэроплан) (Н. Н. Берберова. Железная женщина (1978–1980)).

- (8) *Копелян пришел к нам в гримерную с шарадой: «Праздник светильников преисподней». Всё вместе — «Ограждение возвышения». Что это? Ответ: «БАЛ ЛЮСТР АДА». Наш ответ Копеляну: Мое первое — «Африканец», мое второе — «Половина главного достоинства Копеляна», мое третье — «Важное достоинство девицы». Всё вместе — «Дружеское пожелание». Что это? Ответ: негр ус тити!* (Сергей Юрский. Вспышки. Заключительная глава книги // «Октябрь», 2001).

Б. Упоминания и примеры театрализованных шарад, т. е. шарад, в которых описания частей и целого (слова или предложения, иногда цитаты из прецедентного текста) демонстрируются с помощью пантомимы:

- (9) *Однажды на капустнике в институте Гнесиных отгадывали шарады. Сестры Гнесины задумали шараду на слово «палица». Открылся занавес, и перед зрителями по сцене прошла балерина, сделав красивое па — строго обусловленное движение классического балета. Ведущий произнес: — Это первая часть слова. Занавес закрылся, и из-за него выглянули головы двух сестер Гнесиных. Ведущий сказал: — А это — вторая часть слова. Сумеет ли кто-нибудь отгадать все слово?* (Вадим Баевский. Table-talk // «Знамя», 2011).

- (10) *Однажды произошел такой случай: играли мы в шарады, одна сторона ставила, другая отгадывала. По ходу действия начали нагромождать один стул на другой. Поднялась башня под самый потолок и с грохотом рухнула. — Это социализм строится! — воскликнула Ляля и тут же осеклась. Наступило неловкое молчание, все переглянулись, я искоса взглянул на Алексея. Да, за такие словечки тогда могли бы пришить 58-ю статью, но все обошлось* (С. М. Голицын. Записки уцелевшего (1980–1989)).

В. Слово шарада регулярно встречается в составе списков интеллектуальных развлечений, игр со словами:

- (11) *Ещё она умела говорить «наоборот», то есть, не задумываясь, переводить слова и даже целые фразы. Со словами у неё вообще были особые отношения: она любила ими играть, крутить их в разные стороны, придумывать шарады, ребусы, палиндромы. За год до описываемых событий, то есть тогда же, когда и я, она поступила на факультет структурной лингвистики* (Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)).

(12) Для Шуры, Сони, Володи и Тани у него было всегда наготове такое множество каламбуров, загадок, скороговорок, считалок, шарад, что дети буквально изнемогали от смеха (К. И. Чуковский. Короленко в кругу друзей (1940–1969)).

Г. Метафорические употребления с разной глубиной семантического сдвига. Минимальный сдвиг обнаруживаем в тех случаях, когда слово шарада используется для обозначения интеллектуальной головоломки, но иного — не словесного — типа, т. е. обозначения элемента того же таксономического класса. Таковы визуальные загадки, см. (13) или шахматные задачи, см. заголовок к статье о шахматисте в (14):

(13) Бывают такие визуальные шарады: лист, густо замалеванный зигзагами и пятнами, с подписью вроде «найдите на рисунке молодую женщину с веером». Когда находишь эту молодую женщину, делается непонятно, почему она не была видна с самого начала — и уже невозможно перестать ее видеть (Виктор Пелевин. Любовь к трем цукербринам (2014)).

(14) РЕШЕНИЕ ШАХМАТНЫХ ШАРАД Многократный чемпион мира по очному решению шахматных композиций — как в личном зачете, так и в составе сборных команд СССР и России — Георгий Евсеев уверенно, с большим отрывом, занимает верхнюю строчку рейтинг-листа решателей (Георгий Евсеев. Наш спорт // «64 — Шахматное обозрение», 2004.10.15).

Более заметный сдвиг наблюдается в тех случаях, когда шарада обозначает сложный и/или не вполне понятно как организованный объект, предметное значение при этом сохраняется:

(15) Девчонки, все поголовно, захотели заиметь на головах ту же самую «шараду», что и я. Некоторые, наверно, прямо с уроков бросились бы в парикмахерскую, но остановила цена. За удовольствие быть красивой и индивидуальной надо платить (Максим Милованов. Кафе «Зоопарк»).

Наконец, наиболее существенный сдвиг обнаруживается в тех употреблениях, где слово утрачивает предметное значение, отсылая к труднообъяснимым событиям или явлениям:

(16) Что-то опять больно складно все получается, — спохватилась Глушеникова. — Слишком простая развязка для дела, которое поначалу напоминало шараду в духе Агаты Кристи. А может, это мы сами себя запутали, превратив пустяковое дело в головоломку и заблудившись в

трех соснах? — Возможно! (Максим Милованов. Рынок тщеславия (2000)).

- (17) *На губах две сосиски пунцовой помады,
Сиз, как слива, напудренный нос,
Декольте — модный плоский поднос,
А глаза — две ночные шарады:
Мышеловки для встречающих мужчин, —
Эротический сплин все познавшей наяды,
Или, проще сказать, атропин.*

(Саша Черный. Диана (1922))

Шарада как слово вместе со своим означаемым было заимствовано из французского и в другие европейские языки, где продолжило самостоятельную жизнь с учетом особенностей языковой и культурной почвы. В немецком оно и сейчас опознается носителями как заимствование и допускает два написания — собственно немецкое *Scharade* и написание «с французским акцентом» *Charade*. Шарада как интеллектуальное развлечение в немецком узусе чаще понимается в своем текстовом (прежде всего, поэтическом) варианте, хотя бытуют и театрализованные шарады-пантомимы. Шарады в Германии были популярным лингвистическим развлечением еще в XIX веке. Как свидетельствует немецкая Википедия, см. [https://de.wikipedia.org/wiki/Scharade_\(Silbenraetsel\)](https://de.wikipedia.org/wiki/Scharade_(Silbenraetsel)), одна из известных шарад принадлежит знаменитому философу и психофизиологу Густаву Теодору Фехнеру (1801–1887), позволю себе привести ее без перевода:

- (18) *Die erste Silbe frisst,
die andre Silbe isst,
die dritte wird gefressen,
das Ganze wird gegessen.*

(Lösung: *Sau — er — kraut* → *Sauerkraut*)

Текстовые шарады рассматриваются в одном ряду с другими многочисленными и часто гораздо более популярными в Германии играми «в слова». Одна из самых известных — *Silbenrätsel*, букв. ‘слоговая загадка’ — состоит в том, чтобы составить слово из предложенного списка разрозненных слогов. *Silbenrätsel* иногда употребляется и как родовое имя для игр «в слова». Это может приводить к лексикографическим недоразумениям: так, в немецко-русском словаре (НРС 1992: 772) *Silbenrätsel* переводится как ‘шарада’, что, по мнению опрошенных мной носителей языка, является ошибкой.

В английском языке *charade* тоже опознается как явное заимствование, что заметно, в частности, по способу произнесения начального согласного: британский вариант произнесения [ʃəˈrɑ:d], американский — [ʃəˈreɪd] (вместо ожидаемого по правилам чтения [tʃ]). Шарада как интеллектуальное развлечение в англоязычной версии существует, скорее, не как текстовое, а как театрализованное развлечение, ориентированное на отгадывание общеизвестных цитат, а не произвольных слов, что объясняется, вероятно, сравнительной бедностью английской морфологии в сравнении с русской или немецкой. Английское слово *charade* имеет и особое метафорическое значение, отсутствующее у его немецкого и русского когната: оно может обозначать событие или действие, осуществляемое для видимости, имитацию. Приведу пример из словаря CIDE 1995: 217:

(19) *Everyone knew who was going to get the job from the start — the interviews were just a charade.*

К этому метафорическому значению отсылает название знаменитого фильма «*Charade*» (1963 г., в главных ролях — Одри Хепбёрн и Кэри Грант), где детективный сюжет вертится вокруг многочисленных имитаций. Однако авторы не так просты: во-первых, во французском флере заглавия есть еще и отсылка к тому обстоятельству, что основные события фильма происходят во Франции, а во-вторых, текст песни, которая служит основной музыкальной темой фильма, построен на поэтизировании шарады в прямом значении слова — как театрализованного развлечения-игры (насладиться звучанием и полным текстом можно здесь <https://www.youtube.com/watch?v=NoFr4SlXEQg>, поет Matt Monro, британский «бархатный голос» 1960-х годов):

(20) *When we played our charade
We were like children posing
Playing at games, acting out names
Guessing the parts we played...*

В завершение этого короткого очерка позволю себе предложить читателям шараду. Подсказка — загаданное имеет прямое отношение к нашему герою:

(21) *Мой ПЕРВЫЙ — напасть, и она сурова.
Шутить про ПЕРВЫЙ — на грани ВТОРОГО
Библейский ТРЕТИЙ — царь и гигант.
Нужен для ЦЕЛОГО — драйв и талант.*

Словари

- НРС — *Немецко-русский (основной) словарь*. М.: Русский язык, 1992.
- Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля в 4-х т.* М.: Русский язык, 1991 (1880–1882/1955).
- Ушаков Д. Н. (ред.). *Толковый словарь русского языка* [Электронный ресурс]. <https://ushakovdictionary.ru/>.
- Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка в 4-х т.* Т. 4. М.: Азбука-Терра, 1996.
- ЭСБЕ — *Энциклопедический словарь. В 86 т. Пер. воспр. изд. «Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона»*. Т. 39 (77): Чугуев — Шен. — 1903. СПб.: Фирма «ПОЛРАДИС»; АООТ «Иван Фёдоров», 1993–2003 (на сайте РГБ).
- CIDE — *Cambridge international dictionary of English*. Cambridge: Cambridge University Press. 1995.

Литература

- Жеребнов А. А. 2015. Е. Измайлов и его журнал «Благонамеренный» в журнальной полемике 1820-х гг. *Вестник РГТУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*, №4, 21–23.
- Струкова Т. В. 2015. Акrostих, шарада и другие разновидности жанра литературной стихотворной загадки в русской поэзии XVIII века. *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, №1 (64), 203–208.
- Струкова Т. В. 2019. *Энигматические жанры русской поэзии: эволюция и типология*. Дисс. ... доктора филол. наук. Орел: Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева.

Семантика и прагматика

Вопросительная деривация наречий *давно, далеко и долго**

Т. Е. Янко

Институт языкознания РАН / Институт русского языка им. А. С. Пушкина;
tanya_yanko@list.ru

Уникальные дискурсивные и просодические свойства наречия *давно* неоднократно привлекали к себе внимание исследователей (Апресян 1988, Падучева 1997, Янко 2001: 255–269). Корпусный анализ звучащей речи позволяет выявить еще одно свойство *давно* и других наречий — *много, далеко, долго, часто* и *быстро*. Эти слова образуют особый лексико-семантический класс, имеющий общие свойства с классом вопросительных слов *сколько, где, когда* и *как*. Так, в диалогической паре (1) наречие *давно* функционально равносильно неизвестному вопросу с вопросительным словом *сколько*:

- (1) — *И давно это он на диване лежит? — Второй месяц* (НКРЯ);
(ср. *И сколько (времени) это он на диване лежит?*)

Наша гипотеза состоит в том, что этот класс слов сформирован признаком «способность служить именем скалярного параметра, характеризующего положение дел или объект»: *давно* ≈ ‘время наступления ситуации, продолжительность’, *долго* ≈ ‘продолжительность ситуации’, *много* ≈ ‘количество ситуаций или объектов’, *часто* ≈ ‘количество ситуаций’, *далеко* ≈ ‘удаленность ситуации в пространстве’. Другой семантический признак членов выделяемого класса — соотнесенность с максимальным значением параметра. Почему с максимальным? Максимальное значение в отличие от минимального (*недавно, близко, редко, мало*) и других значений служит представителем всей шкалы, т. к. количественно покрывает любое из ее значений. Соответственно, можно предположить, что, будучи представителем целого класса значений, расположенных на семантической шкале, слово со значением максимума имеет более абстрактное

* Работа поддержана РФ (проект 18-18-00462 «Коммуникативно-синтаксический интерфейс: типология и грамматика», реализуемый в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина).

(обобщенное) значение, чем другие слова, обозначающие точки на той же шкале. По степени абстрактности это значение близко значению относительных и вопросительных слов *когда*, *сколько* и *где*.

Далее. Если от вопросов с вопросительным словом перейти к *да-нет*-вопросам, то становится очевидным, что наречие *давно*, как и практически любая другая словоформа в предложении, может служить неизвестным и *да-нет*-вопроса:

(2) — *И давно это он на диване лежит?* (— *Нет, только что прилег*).

В примере (2) и ниже полужирным шрифтом выделено слово — носитель вопросительного акцента, ср. примеры (3) с той же лексико-синтаксической структурой, что и вопрос в (2), но с неизвестными вопроса *диване* и *лежит*:

(3) *И это он на **диване** лежит (или на коврике у дивана)?; И это он на **диване** **лежит**?* (А ведь раньше всегда сидел).

Возникает вопрос: есть ли различия в вопросительных предложениях с *давно* в примерах (1) и (2)? Функциональные отличия, если и есть, невелики. Существенное отличие — в просодическом оформлении: в вопросе (1) акцент фиксируется на словоформе *диване*, и это акцент типа ИК-6, по Е. А. Брызгуновой (1980) (в примерах ниже знак /- после словоформы — носителя акцента), а в (2) словоформа-акцентоноситель несет на себе акцент типа ИК-3¹ (Брызгунова 1980, знак / после словоформы — носителя акцента), и это словоформа *давно*. Возникает вопрос, как это соотносится с выражением вопросительности в русском языке.

В русском языке существуют следующие основные свойства оформления вопросительных предложений. Вопросы без вопросительного слова, или *да-нет*-вопросы, маркируются акцентом ИК-3, который фиксируется на акцентоносителе вопроса, как в примерах (2) и (3). Соответственно, вопрос в примере (1) нельзя считать каноническим *да-нет*-вопросом. Вопросы же с вопросительным словом формируются как вопросы с помощью вопросительных слов, и интонация в них вариативна. Вопросы с вопросительными словами (и частицей *ли*) могут нести акценты ИК-2, ИК-4, ИК-6, причем основным способом оформления вопроса с вопросительным словом считается акцент ИК-2 на вопросительном слове (детали в работе

¹ ИК-3 — подъем частоты в существенном диапазоне на ударном слоге акцентоносителя и падение на заударных, если они есть. Если заударных нет, падение элиминируется. ИК-6 — подъем частоты в небольшом диапазоне плюс высокий ровный или слабо нисходящий тон на заударных слогах.

Брызгунова 1982). Таким образом, вопрос в примере (1) использует одну из просодий вопроса с вопросительным словом, но не ту, которая считается каноническим средством оформления вопросов такого типа.

Обратимся к корпусным примерам, чтобы проиллюстрировать просодические различия между типами вопросов на реальном материале. В диалоге (4) перед нами *да-нет*-вопрос с акцентом ИК-3 на *давно*. Тоннограмма² на рисунке 1 говорит о том, что на ударном слове *давно* наблюдается рельефный подъем частоты основного тона.

(4) — Я привык говорить то, что думаю, не таясь. — Да, и **давно**?
— Три месяца. — А (НКРЯ).

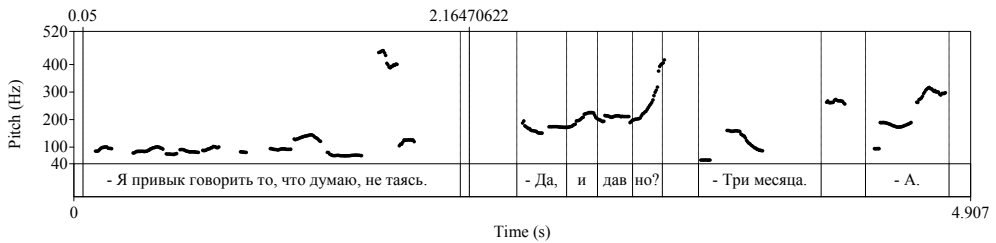

Рисунок 1. Кривая движения тона в примере (4)

В диалоге (5) (где речь идет о приступах радикулита) акцентоносителем вопроса тоже служит *давно*. Здесь мы наблюдаем подъем в небольшом диапазоне частот на ударном слове *давно* плюс относительно ровные ударные, которые образованы безакцентной фонетической группой *у вас*.

(5) — Скажите, пожалуйста, и **давно**/- у вас? — Пятый год (НКРЯ).

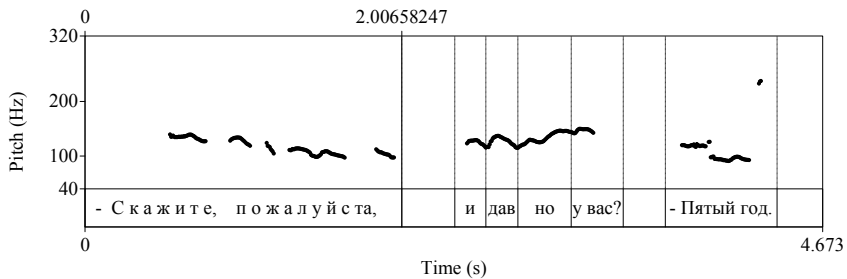

Рисунок 2. Кривая движения тона в примере (5)

² Тоннограмма представляет собой график изменения частоты тона человеческого голоса. По оси абсцисс откладывается время, прошедшее с начала анализируемого отрезка речи в секундах, по оси ординат — частота тона в герцах. Графики получены с помощью системы анализа устной речи Praat (Boersma, Weenink 2020).

Таким образом, в примере (4) перед нами стандартный *да-нет*-вопрос с начальным *давно*. В вопросе же примера (5) просодия *да-нет*-вопроса отсутствует. Более того, в примере (1) с той же просодией акцентоносителем вопроса служит не *давно*, а другая словоформа — *диване*. Последнее говорит о том, что в примерах (1) и (4) не такой способ выбора акцентоносителя, как в *да-нет*-вопросах с вопросительным компонентом *давно* (2), (3) и (5). В вопросах (1) и (4) акцентоноситель определяется в соответствии с принципом выбора для нерасчлененного предложения (Янко 2008: 46–48). Для визуализации особенностей просодии повторим пример (1) под номером (6) и рассмотрим тонограмму.

(6) — *И давно это он на **диване** лежит? — Второй месяц* (НКРЯ).

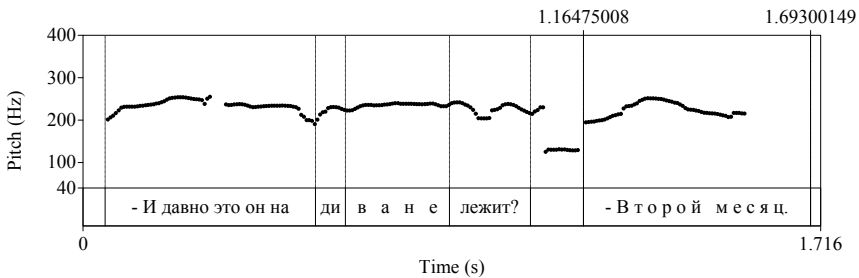

Рисунок 3. Кривая движения тона в примере (6)

Тонограмма говорит о том, что в примере (6) на ударном слоге словоформы *диване* фиксируется незначительное повышение тона и почти ровный высокий тон на заударном слоге. Это акцент ИК-6, как и в примере (5). В *да-нет*-вопросах этот акцент не используется, но в вопросах с вопросительным словом он вполне возможен, ср. пример (7):

(7) *Ну и сколько он так под **водой** провисел?* (НКРЯ)

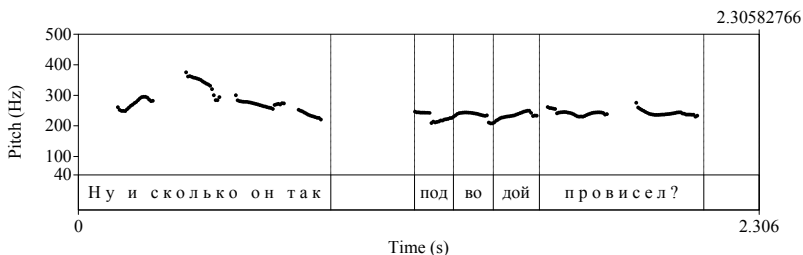

Рисунок 4. Кривая движения тона в примере (7)

В вопросе (7) можно наблюдать небольшой подъем (практически ровный тон) на ударном слоге словоформы *водой* плюс высокий ровный тон

в финале предложения. Это ИК-6, как и в вопросе из диалога (6). Заметим также, что в обоих контекстах в начале вопросительного предложения имеется подъем частоты. Это подъем начала, который, в соответствии с нашей гипотезой, не играет роли в формировании коммуникативной структуры: он выполняет фонетическую функцию формирования звучащего предложения.

Таким образом, вопросы с инициальным *давно* могут просодически и функционально уподобляться вопросам с вопросительным словом. Заметим, что наречия, которые отсутствуют в предложенном здесь списке с *давно*, *долго*, *много* и *далеко*, подобных вопросов не формируют. Анализ корпуса и данные интроспекции автора показывают, что наречия, не принадлежащие к классу, способному служить полноценным именем параметра, не образуют вопросов с ИК-6, аналогичных (5) и (6): *И легко он отделился/-?*; *И скоро он вернулся/-?*; *И трудно ему на новом месте приходится?* Для выражения соответствующих смыслов скорее будут использованы *да-нет*-вопросы с наречием в позиции непосредственно перед сказуемым и акцентом типа ИК-3: *И он легко/ отделился?*; *И он скоро/ вернулся?*; *На новом месте ему трудно/ приходится?*

Анализ мультимедийного (звучащего) подкорпуса НКРЯ объемом 4540588 слов (193635 клипов на 25 марта 2020 г.) показывает, что вопросы с наречиями, уподобляющимися вопросительным словам, распределены в корпусе следующим образом: с *давно* имеется 38 вопросов, с *долго* — 29, с *много* — 29, с *часто* — 11, с *далеко* — 11. Встречаемость вопросов исследуемого типа с наречиями *быстро* (*И быстро ответили/?*), *дорого* (*И дорого спрашивают/-?*) и *хорошо* (*И хорошо съездили/-?*), от которых на основании интроспекции мы также ожидали присутствия в корпусе, равна нулю. Мы предполагаем, что частота встречаемости вопросов анализируемого типа в корпусе может отражать степень миграции наречия в сторону вопросительного слова, если рассматривать вопросительную деривацию как процесс.

Далее. Кроме ИК-6 вопросы с наречиями принимают еще один тип просодии. Это акцент типа ИК-4³ (знак ∨), который привносит в предложение дополнительное прагматическое значение вызова или, наоборот, специально выраженной вежливости: отношение говорящего к слушающему в таких вопросах подчеркнуто маркировано. Вежливость выражает акцент или вызов, обозначается тембром голоса, учтивым или вызываю-

³ ИК-4 — падение на ударном слоге акцентоносителя и подъем на заударных, если они есть. Если заударных нет, единое нисходяще-восходящее движение тона реализуется на последнем или единственном слоге акцентоносителя.

щим и резким. В рабочем массиве анализируемых вопросов представлено примерно поровну вопросов с ИК-6 и ИК-4. Обратимся к примерам.

В вопросе (8) на словоформе *стоите* наблюдается падение на ударном слоге и подъем на заударном. В данном случае начальник выражает недовольство подчиненным, который подслушивает секретный разговор.

(8) *И давно вы здесь **стоите** \/?* (НКРЯ)

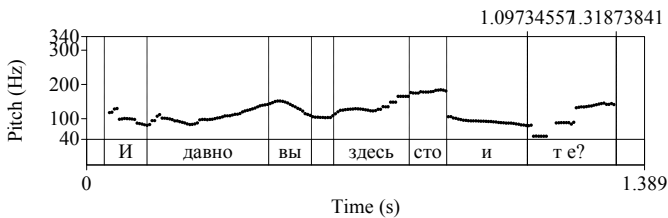

Рисунок 5. Кривая движения тона в примере (8)

Тоннограмма демонстрирует падение на ударном слоге словоформы *стоите* и подъем на заударном слоге. При нейтральном отношении говорящего к слушающему за вычетом значения вызова на *стоите* фиксировался бы акцент типа ИК-6. В вопросах с вопросительным словом акцент ИК-4 и соответствующий принцип выбора акцентоносителя также используются:

(9) *И сколько вы за нее **просите** \/?*

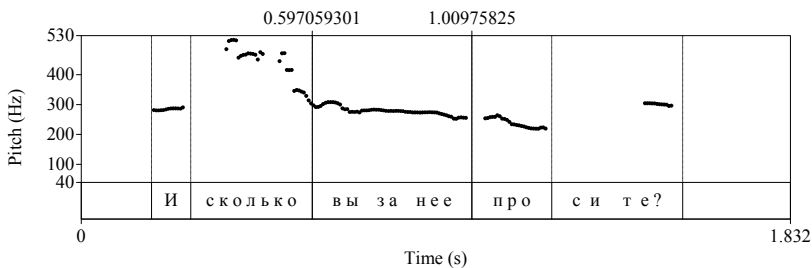

Рисунок 6. Кривая движения тона в примере (9)

Далее. Что касается дискурсивного контекста анализируемых вопросов, он всегда включает в себя речевое или экстралингвистическое введение в рассмотрение ситуации, по поводу которой и задается вопрос. Ситуация налицо, вопрос нацелен на экспликацию ее параметра: — *Можно влюбиться в твоего отца, если он на пристани несёт чужие вещи?* — *И много вещей?* — *Один чемодан* (НКРЯ). Такая структура дискурса поддерживается соединительными союзами *и* и *а* в начале вопроса.

Итак, рассмотрен особый тип вопросительных предложений, которые нельзя однозначно отнести ни к вопросам с вопросительным словом (потому что в них отсутствует вопросительное слово), ни к *да-нет*-вопросам (потому что в них отсутствует просодия *да-нет*-вопроса). Эти вопросы характеризуются следующими параметрами.

1) С точки зрения *семантики*, наречия, формирующие такие вопросы, обозначают максимальную точку шкалы, соотносимой со скалярными значениями времени, пространства и количества.

2) С точки зрения *порядка слов*, такие вопросы характеризуются вынесением наречия в начальную позицию непосредственно после союзов *и* или *а*, соединяющих (факультативно, потому что союз может отсутствовать) вопрос с предтекстом.

3) С точки зрения *просодии*, эти вопросы формируются акцентами ИК-6 и ИК-4, причем ИК-6 формирует вопрос, не обремененный дополнительными значениями, а ИК-4 выражает подчеркнутую вежливость говорящего или, наоборот, вызов.

4) С точки зрения *структуры дискурса*, анализируемые вопросы предполагают предшествующее им введение в дискурс ситуации, в связи с которой и задается вопрос.

5) С точки зрения содержания *лексико-синтаксической деривации*, наречия в таких вопросах уподобляются вопросительным словам *когда, сколько, как и где*.

Литература

- Апресян Ю. Д. 1988. Типы коммуникативной информации для толкового словаря. В сб.: Ю. Н. Караулов (ред.). *Язык: система и функционирование*. М.: Наука, 10–22.
- Брызгунова Е. А. 1980. Интонация. В кн.: Н. Ю. Шведова (ред.). *Русская грамматика*. Т. 1. М.: Наука, 96–120.
- Брызгунова Е. А. 1982. Средства выражения неизвестного в вопросе (взаимодействие лексики, контекста и грамматики). В кн.: Н. Ю. Шведова (ред.). *Русская грамматика*. Т. 2. М.: Наука, 397–401.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>.
- Падучева Е. В. 1997. Давно и долго. В кн.: Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко (ред.). *Логический анализ языка: Язык и время*. М.: Индрик, 253–266.
- Янко Т. Е. 2001. *Коммуникативные стратегии русской речи*. М.: ЯСК.
- Янко Т. Е. 2008. *Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте*. М.: ЯСК.
- Boersma P., Weenink D. 2020. *Praat: Doing phonetics by computer. Version 6.1.08*. Online: <http://www.praat.org/>.

К таксономии лексических префиксов

С. Г. Татевосов^а, К. Л. Киселева^б

^а МГУ имени М. В. Ломоносова; tatevosov@gmail.com

^б Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН; xkisseleva@gmail.com

Предлагаемый ниже эскиз таксономии лексических префиксов никогда бы не появился, если бы воздух московской лингвистики в последние пару десятков лет не был напитан всеобщим воодушевлением от грамматической семантики. Важнейший источник воодушевления — работы сегодняшнего юбиляра, который, несмотря на молодость, не упустил из виду, кажется, ни одного сколько-нибудь существенного грамматико-семантического сюжета. Присоединяясь к многоголосому хору поющих «Многая лета!», мы переходим к предмету этих заметок. С днем рождения, дорогой Володя!

Лексические префиксы (Babko-Malaya 1999 и последующая литература), такие, например, как *на-*, *под-*, *о-*, *за-*, *при-*, *с-*, *ис-* в *написать*, *подписать*, *описать*, *записать*, *приписать*, *списать* и *исписать* — семантически неоднородная группа единиц, которые объединяются в естественный класс благодаря обширному общему набору морфосинтаксических и событийно-структурных свойств. Ключевое свойство показано в (1):

(1) Лексические префиксы вводят в семантическое представление глагольного предиката результирующее состояние процесса, который описывается основой.

Будучи эмпирическим обобщением, (1) остается критически неполным, если к нему не прилагается теории, описывающей

- (i) дескриптивные свойства результирующего состояния, вводимого префиксом;
- (ii) актантную структуру префикса;
- (iii) механизм семантической композиции, обеспечивающий соединение префикса с основой;
- (iv) ограничения на унификацию событийных структур префикса и основы.

Предлагаемый эскиз затрагивает в первую очередь (iv) и откладывает (i)–(iii) на будущее.

Примем важное исходное допущение: в качестве элемента, описывающего (результатирующее) состояние, префикс содержит также информацию о носителях (одном или более) этого состояния, т. е. собственную актантную структуру. При соединении префикса с основой две актантные структуры должны взаимодействовать.

Как осуществляется это взаимодействие? В Татевосов 2020 предлагается следующая таксономия:

- (2) 1. Основа в составе комбинации с префиксом обозначает ситуации с теми же дескриптивными свойствами, что и вне этой комбинации.
 - 1.1. Префикс обозначает результирующее состояние с одним (синтаксически реализованным) актантом.
 - 1.1.1. Актант префикса идентичен внутреннему аргументу основы.
 - 1.1.1.1. С результирующим состоянием из экстенционала префикса совместимо любое событие из экстенционала основы.
 - 1.1.1.2. С результирующим состоянием из экстенционала префикса совместимо собственное подмножество событий из экстенционала основы.
 - 1.1.2. Актант префикса не совпадает ни с одним из актантов основы.
 - 1.1.2.1. У основы есть внутренний аргумент, который получает экзистенциальную интерпретацию и синтаксически не реализуется. Актант префикса становится прямым дополнением.
 - 1.1.2.2. У основы нет внутреннего аргумента. Актант префикса становится прямым дополнением.
 - 1.1.3. Актант префикса идентичен внешнему аргументу основы.
 - 1.2. Префикс обозначает результирующее состояние с двумя (синтаксически реализованными) актантами.

< ... >
2. Основа в комбинации с префиксом и вне этой комбинации обозначает ситуации с разными дескриптивными свойствами.

В этой таксономии среди комбинаций основы и лексического префикса сначала выделяются два макрокласса, соответствующие случаям, когда основа имеет регулярную интерпретацию, и случаям, когда это не так. В первый макрокласс, в частности, входят *написать*, *выписать*, *подписать*, *исписать* и т. д. Основа *писа-* в составе таких глаголов по необходимости обозначает процессы писания. Если верно, что X *написал/выписал/подписал/исписал* Y, верно и то, что X нечто писал (хотя и не обязательно Y). При

помощи этой эвристики во второй макрокласе можно отправить случаи типа *открыть* или *описать*. Если *X открыл Y*, неверно, что *X крыл* что бы то ни было. Если *X описал Y*, в общем случае неверно, что *X писал*. Далее в составе второго макрокласа можно при желании выделять частные случаи.

В первом макрокласе есть два основных класса, 1.1 и 1.2, различающиеся поверхностной актантажной структурой префикса. В первый попадают случаи, когда у префикса имеется единственный актонт, во второй — префиксы с двумя актантами.

Класс 1.1.1 — это префиксы, актонт которых идентичен внутреннему аргументу основы. Так называемые чистовидовые префиксы типа *про-* в *прочитать (письмо)* или *на-* в *написать (письмо)* — представители именно этого класса. *Письмо* — носитель результирующего состояния ‘быть написанным’, которое возникает в результате писания. Оно же представляет собой актонт основы *писа-*. Идентичность актантов префикса и основы устанавливается, например, с помощью такой эвристики: если верно, что *X написал Y*, верно и то, что *X писал Y*.

В этот же класс, согласно эвристике, попадают и глаголы типа *зачитать (обращение)*, не относящиеся к чистовидовым. Чем *зачитать* отличается от *прочитать*?

Возможный ответ, навеянный популярной гипотезой Вея-Схонефельда, заключается в том, что в чистовидовом случае толкование приставки полностью содержится в толковании глагола и как бы поглощается им. Для «нечистовидовых» глаголов это неверно.

С учетом (1) на этот вопрос кажется возможным дать и более содержательный ответ, опирающийся на соображения о том, как соотносятся результирующие состояния, обозначаемые префиксом, и события из экстенционала исходной основы. В состояние, описываемое префиксом за- ‘быть зачитанным’, ведет не любое событие из экстенционала предиката основы *чита-*, а только довольно ограниченное подмножество: это события чтения вслух, скорее всего обращенного к аудитории. События чтения про себя состояние ‘быть зачитанным’ каузировать не могут. Состояние ‘быть прочитанным’, с другой стороны, не накладывает на событийный предикат подобных ограничений: любое событие из экстенционала *чита-* способно привести объект в состояние ‘быть прочитанным’. Чем суше сужается экстенционал событийного предиката, тем более отчетливо ощущается «семантическое приращение», вызываемое лексической префиксацией.

Таким образом, мы предполагаем, что чистовидовой случай удовлетворяет следующему условию:

(3) Чистовидовые префиксы

Пусть основа обозначает отношение между индивидами и событиями, а префикс — отношение между индивидами и состояниями. Тогда префикс выступает чистовидовым по отношению к основе, ЧВ(Префикс, Основа), если и только если

$$\forall x \forall e [\text{основа}'(x)(e) \rightarrow \diamond \exists s [\text{cause}(s)(e) \wedge \text{префикс}'(x)(s)]]^1$$

Отметим важное предсказание (3): чистовидовой префиксальный коррелят допускают только основы, имеющие внутренний аргумент, то есть переходные (*читать* — *прочитать*) и неаккузативные (*таять* — *растаять*) — при условии, что внешний аргумент вводится не основой, а отдельным грамматическим элементом. Неэргативы типа *бегать* или *смеяться* чистовидовых коррелятов иметь не могут, поскольку представляют собой событийные предикаты, а не отношения между индивидами и событиями. Насколько можно судить, это верное предсказание — хотя корреляция между неэргативностью и отсутствием чистовидовой префиксации, как ни удивительно, до сих пор не обсуждалась в литературе.

Рассматривая глагол как отношение между событием и внутренним аргументом, т. е. как тематическое отношение, и делая аргумент частью определения «чистовидового» случая, (3) дает возможность объяснить и то, что один и тот же глагол с разными объектами может иметь разные «чистовидовые» префиксальные корреляты. Непроизводный *копать*, например, описывает события, которые происходят, с одной стороны, с создаваемым объектом (*копать яму*), а с другой — с объектом, подвергающимся поверхностному воздействию (*копать землю*). Это разные тематические отношения, к каждому из которых применимо (3). Их «чистовидовые» корреляты тоже различны: *выкопать* и *вскопать*. Объемлющий экстенционал предиката *копа-* распадается на два подмножества, назовем их *копа*_{EFFECTED} и *копа*_{AFFECTED}: одни каузируют для создаваемого объекта состояние ‘быть выкопанным’, другие ведут объект поверхностного воздействия в состояние ‘быть вскопанным’.

Во многих случаях разные дескрипции результирующего состояния совместимы с полным или почти полным экстенционалом событийного предиката. Таковы, например, *зажарить*, *изжарить* и *поджарить*. Требуются очень серьезные лексикографические усилия, чтобы определить, в какой ситуации картошка может быть изжарена, не будучи зажаренной

¹ Модальный оператор возможности позволяет определению работать и в том случае, когда основа содержит в своем экстенционале события, не кульминирующие в текущем мире. Результирующее состояние в этом случае обнаруживается в мире, отличном от текущего.

или поджаренной. Процессы жарки, которые ведут в эти состояния, как кажется, различаются мало или не различаются вовсе, а вопрос, какой из приставочных вариантов показывает «чистовидовой эффект», становится умозрительным.

Таким образом, (3) выделяет в классе 1.1.1 два подкласса — чистовидовой 1.1.1.1 (такие глаголы, как *прочитать*) и нечистовидовой 1.1.1.2 (такие глаголы, как *зачитать*), членство в которых определяется тем, насколько результирующее состояние совместимо со всеми событиями из экстенционала непроизводного предиката.

Кратко охарактеризуем остальные классы таксономии. В 1.1.2 собраны случаи, когда актант префикса не идентичен ни одному из актантов основы. Первая возможность в этом ряду — 1.1.2.1: у основы есть внутренний аргумент, но актант префикса (= носитель результирующего состояния) отличен от него. Пример такой возможности — *наесть пузо*. Основа *ед-* имеет валентность на актант, уничтожаемый в процессе поедания. Актант *пузо* в *наесть пузо*, однако, не уничтожается, а создается (в результате множественных актов поглощения пищи, длящихся продолжительное время). Результирующее состояние в этом случае — это ‘существовать, присутствовать, иметься’, и *пузо* — его носитель.

Общий принцип, описывающий взаимодействие актантных структур префикса и основы, который, насколько можно судить, не имеет контр-примеров, показан в (4):

- (4) Если внутренний аргумент основы и аргумент префикса различаются, первый получает экзистенциальную интерпретацию, второй синтаксически реализуется в качестве дополнения.

Вероятно, (4) вытекает из более общих принципов, ограничивающих возможные языковые дескрипции ситуаций. В частности, весьма ограничено пригодны к употреблению дескрипции с двумя различными индивидными аргументами — такими, что первый претерпевает изменения в событийном компоненте, но при этом в результирующее состояние входит другой. Соображения объема, однако, заставляют нас отложить подробное обсуждение таких принципов до следующей okazji.

Класс 1.1.2.2 содержит непереходные неэргативные глаголы с лексическими префиксами, как в паре *работать* — *заработать* (*приличную сумму*). Единственное отличие от предыдущего случая состоит в том, что *работать* не имеет пациентивного аргумента и поэтому не нуждается в его экзистенциальном закрытии. Актант префикса становится, как и в предыдущем случае, внутренним аргументом *заработать*, а префиксация имеет транзитивизирующий эффект.

Последний случай в первом макрокласе, 1.1.3, возникает тогда, когда в результирующее состояние, задаваемое префиксом, вступает не пассивный, а агентивный актанта основы. Все такие глаголы — *добежаться*, *обрыдаться* и т. п., — по-видимому, относятся к так называемому префиксально-постфиксальному типу, то есть, помимо префикса, содержат и элемент *-ся*. В новое состояние у них входит тот, кто бежит и рыдает. В традиционных описаниях они рассматриваются как продукт словообразования с использованием «циркумфикса»/«конфикса» типа *до- ... -ся* и *об- ... -ся*. Деривация и семантика этих глаголов — огромный сюжет, пока мало представленный в литературе. Некоторые соображения на эту тему можно найти в Татевосов, Киселева 2019.

У префиксальных глаголов с двухвалентным префиксом (класс 1.2) воспроизводятся более или менее те же возможности, что и с одновалентным. Второй аргумент, как правило, представлен предложной группой и синтаксически реализуется как сирконстант — *выписать цитаты из книги*, *списать предложение с доски* и т. д. Важный случай, который есть только у двухвалентных префиксов и невозможен у одновалентных — *исписать тетрадь стихами* и аналогичные, где, согласно Е. Е. Романовой (Romanova 2006), в качестве дополнения проецируется не внешний, а внутренний аргумент префикса, а сам префикс проявляет свойства, характерные для конфигураций с пассивом.

Таковы в общих чертах контуры системы русской лексической префиксации.

Литература

- Татевосов С. Г. 2020. *Русский вид: четыре конспекта*. Рукопись.
- Татевосов С. Г., Киселева К. Л. 2019. Идентификация событий в префиксально-постфиксальном словообразовании. *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, №1, 7–35.
- Babko-Malaya O. 1999. *Zero morphology: A study of aspect, argument structure, and case*. PhD. New Jersey: Rutgers University.
- Romanova E. 2006. *Constructing perfectivity in Russian*. PhD. Tromsø: University of Tromsø.

Именно *

А. А. Козлов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» /
Институт языкознания РАН; scripturas@mail.ru

1. Введение

Я несколько колебался, размышляя, на каком языке писать эту статью, пока не вспомнил, для чего я её пишу. Как известно, В. А. Плунгян ценит многоязычие лингвистики и призывает развивать русский научный дискурс. Поэтому я представляю его суду статью о русском дискурсивном слове.

Настоящая статья посвящена семантике русской фокусной частицы *именно*. Эта частица обсуждается в статье И. Б. Левонтиной в НОСС (Левонтина 2004); там ей (и квазисинонимичной частице *как раз*) приписывается следующее толкование: **именно** *P* ‘*P*, и говорящему важно, что *P*, а не что-то другое, чего в равной или большей степени можно было бы ожидать’; далее И. Б. Левонтина перечисляет тонкие отличия *именно* от *как раз*. Не вдаваясь в обсуждение этих отличий, заметим, что, по-видимому, так сформулированное толкование несколько широко. Действительно, любое высказывание, раз уж говорящий его делает, подразумевает, что ему или ей важно, что дела обстоят так, а не иначе. Если этого *иначе* нельзя ожидать «в равной или большей степени», то можно вообще ничего не говорить — всё и так понятно.

Цель этой статьи — описать частицу *именно* в рамках фреймворка Семантики альтернатив (Rooth 1992, Beaver, Clark 2008), вписав её таким образом в более общий контекст типологии фокусных частиц (ср. König 1991, особенно гл. 6 о функционально сходных частицах).

С присутствием *именно* бывает связано большое количество разнообразных прагматических эффектов. Вот неполный список контекстов, в которых она может появляться.

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году. Автор благодарен А. С. Бердичевскому и А. Ч. Пиперски за ценные замечания.

- Корректирующий фокус ('X, но не Y'):
- (1) *Цикл проходит именно по ЭЛЕМЕНТАМ СТРУКТУРЫ, а не по командам (НКРЯ)*¹.
 - Фокус пропозиции, которая является данной или выводимой из предшествующего дискурса. Часто (но не всегда) такая пропозиция находится в риторическом отношении ОБЪЯСНЕНИЯ с какой-то другой пропозицией:
- (2) *Выбрала именно ЕГО, потому что было очень много хороших отзывов (НКРЯ)* {к моменту произнесения предложения мы уже понимаем, что говорящая выбрала этот магазин}.
 - Эмфаза, прагматическое выделение (в самом широком из возможных смыслов):
- (3) *Именно для ЧТЕНИЯ ЭТОГО АВТОРА изучал он русский язык (НКРЯ)*.

Мы считаем, что все эти прагматические эффекты — следствие наличия в значении частицы *именно* двух следующих компонентов:

- **экзгаустивной** пресуппозиции («пресуппозиция исчерпанности»; «данная альтернатива является единственно верным ответом на текущий дискурсивный вопрос»);
- и требования **данности** ассоциата частицы («означаемое семантического ассоциата частицы, то есть фокуса пропозиции, является дискурсивно данным») ².

2. Экзгаустивность

Экзгаустивность в основном исследовалась как семантический компонент английских *it*-клефтов, которые очень схожи функционально с частицей *именно*. Авторы статьи (Velleman et al. 2012) формулируют её следующим образом:

- (4) Актуальная альтернатива — самая сильная истинная альтернатива среди множества альтернатив, отвечающих на текущий дискурсивный вопрос.

¹ Выделение капителью предположительно главного акцентоносителя наше. — А. К.

² Следуя распространённой традиции (см., напр., König 1991: 45–52), мы считаем *сферой действия* частицы всю пропозицию. Фокус пропозиции, с которым частица также семантически связана, мы в соответствии с той же традицией будем называть её (семантическим) ассоциатом. Например, в предложении *Пришёл именно Вася* ассоциатом частицы *именно* является ИГ *Вася*.

Поясним, что имеется в виду, на примере (5):

(5) *Пришли именно СОБАКА С КОТОМ, {а не кто-нибудь ещё}.*

Текущий дискурсивный вопрос (об этом понятии см. Roberts 1996), на который отвечает предложение (5), выглядит примерно так: 'Кто пришёл?'. Ответами на такой вопрос могут быть следующие альтернативы: {'Пришла собака'; 'Пришёл кот'; 'Пришли собака с котом'; 'Пришёл Виссарион Семёнович'; 'Пришли Виссарион Семёнович, собака и кот' и т. д.}. Актуальная альтернатива — это означаемое предложения без *именно*, то есть 'Пришли собака и кот'. Пресуппозиция (4), которую вводит *именно*, сообщает, что все альтернативы, которые не следуют из актуальной, например, 'Пришёл Виссарион Семёнович' или 'Пришли Виссарион Семёнович, собака и кот', не являются верными. (Альтернативы 'Пришла собака' или 'Пришёл кот' являются верными, поскольку они следуют из актуальной.)

Более простыми словами это можно перефразировать так: 'больше никто не пришёл — вообще или из контекстно заданного множества'.

Это можно продемонстрировать с помощью следующих примеров:

(6) *#На этот раз, кроме остальных детей, мы позвали именно КАТЮ.*

У предложения *Мы позвали именно Катю* есть пресуппозиция, утверждающая, что Катя была единственной позванной; поэтому его нельзя модифицировать обстоятельством *кроме остальных детей*.

Предложение (7) неприемлемо в нулевом контексте, потому что в сборник обычно включают больше одной статьи.

(7) *Мы включили в сборник именно ЕГО статью.*

Однако оно становится допустимым в том случае, если в дискурсивном контексте есть какое-то подмножество статей (например, по какой-то конкретной теме), из которых редколлегия выбрала для сборника только одну. (Возможно, с помощью какой-то похожей стратегии можно спасти пример (6).)

Ожидаемым образом, если обе частицы относятся к одному ассоциату, *именно* не может сочетаться с аддитивными фокусными частицами (*тоже, и... тоже, даже*), но может — с ограничительной частицей *только*:

(8) **Я хочу, чтобы он поехал не только в Таллинн, но именно и в Ригу тоже.*

(9) {*Может быть, заболеть? — подумалось ей.*} **Именно только** подумалось, отказаться она не смогла (НКРЯ)³.

³ НКРЯ, в основном, но не исключительно, в примерах из XIX века фиксирует сочетание *именно даже*, ср. *Замечу, что она именно даже просила меня побывать к ней*

В контекстах снятой утвердительности выживает только более слабая экзистенциальная пресуппозиция. (Это закономерно вытекает из того, как пресуппозиция сформулирована в (4); см. Velleman et al. (op. cit.) об анализе этого явления для английского клефта.)

(10) *Если бы пришёл именно Вася, то <...> {→ ‘Кто-то пришёл, но не Вася’}.*

3. Данность фокусного референта

Тем не менее, *именно* не является полностью синонимичным английскому *it*-клефту.

(11) а. *It was some bachelor student who eventually proved that theorem.*

б. *Эту теорему в итоге доказал именно студент бакалавриата.*

(11b) явно отличается от (11a) следующим: в предшествующем дискурсе студенты бакалавриата должны были как минимум упоминаться. Риторическая цель, с которой могло бы быть использовано предложение (11b), могла бы быть такой: показать, что на научные результаты студентов бакалавриата следует обращать внимание.

Не случайно предложения с *именно* не могут вне контекста быть ответами на частные вопросы.

(12) а. {— *Кто это сделал?*}[#] — *Это сделал именно Вася.*

Предложение (12) приемлемо только в том случае, если в более широком контексте Вася и его дела уже обсуждались. При этом для приемлемости *именно*, по-видимому, означаемое фокусной группы не обязано быть никак особенно контекстно связано с задаваемым вопросом — его просто достаточно сделать данным в локальном фрагменте дискурса. Здесь, однако, есть *caveat*: если его степень актуализации будет совсем высока, то по общим правилам русского синтаксиса фокусный референт должен стоять в начале предложения. В этом случае перед глаголом должна стоять частица *и*:

б. {*Вася что-то не хочет говорить... Кто это сделал?*} — **Именно Вася это и сделал**⁴.

сегодня. По свидетельству опрошенных нами консультантов, в современном языке предложения с таким сочетанием частиц неприемлемы.

⁴ Левонтина (op. cit.) называет группы с *именно* в предложениях такого рода контрастными топиками.

Но если риторическое расстояние до предыдущего упоминания означаемого фокусной группы больше, то возможна обычная конечная позиция фокуса и ассоциированной с ним частицы:

(13) {Есть печальный социологический закон: один хулиган испортит настроение целому автобусу. **Человек с сумасшедшинкой** всегда активнее обычных людей. Спроецируем этот закон на отношения школы и Церкви. Разрешает российское законодательство вести религиозное преподавание в школах? Да. Предписывает ли законодательство контроль религиозной организации над тем, что преподается от ее имени в госшколе? Нет.}

а. *В итоге именно «люди с сумасшедшинкой» нередко оказываются рядом с детьми (НКРЯ).*

б. ^{OK}*В итоге рядом с детьми нередко оказываются именно «люди с сумасшедшинкой».*

4. Вместо заключения: от семантики к прагматике

Мы утверждаем, что приведённые выше два требования являются не только необходимыми, но и достаточными условиями для возможности употребления *именно*. Если выполняется presupпозиция эксгаустивности, а означаемое ассоциата частицы является дискурсивно данным, то частица *именно* может быть употреблена в предложении.

Тогда прагматические эффекты, связанные с *именно*, должны объясняться этими двумя требованиями. Легко найти объяснение тому, что *именно* часто выступает в коррективных контекстах типа (1): смысл presupпозиции эксгаустивности как раз и состоит в том, что все альтернативные ответы неверны. Поддаётся объяснению и частое употребление *именно* в контекстах типа (2): если вся пропозиция уже упоминалась в предшествующем дискурсе, то *ipso facto* данным является и означаемое её фокуса. Сложнее с интуицией «эмфатического выделения», присутствующего в некоторых предложениях с *именно*; однако мы попробуем набросать здесь по крайней мере контур объяснения и этой интуиции.

Рассмотрим более широкий контекст предложения (3) — это авторское примечание к стихотворному посланию В. Ф. Ходасевича:

(14) = (3) {Друзья мои! Ведь вы слышали // О бедном магарадже том, // Который благотворным сном // Не мог забыться лет едва ли // Не десять? Всё он испытал: // Менял наложниц, принимал // Неисчис-

лимые лекарства, // Язык заглатывал, скликал // Ученых, йогов, заклинал // Богов — и Фельзена читал*. // Не помогало.}

*Именно для чтения этого автора изучал он русский язык (В. Ф. Ходасевич).

Благодаря эксгаустивной пресуппозиции здесь сообщается не только то, что чтение Фельзена было причиной того, что магараджа выучил русский язык, но и то, что оно было *единственной* причиной этого — все остальные альтернативы неверны. Получается, что это не просто релевантный, а прямо-таки исчерпывающий ответ на текущий дискурсивный вопрос. После этого вопрос оказывается «закрытым»: больше нечего уточнять или дополнять. Понятно, что такой вклад в построение дискурса по сравнению с обычным, неисчерпывающим фокусом оказывается крайне ценным — может быть, отсюда и происходит ощущение важности, о котором говорит И. Б. Левонтина (op. cit.).

Литература

- Левонтина И. Б. 2004. Именно 2, как раз 1. В кн.: *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*. Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах, 440–443.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>.
- Beaver D., Clark B. 2008 *Sense and sensitivity: How focus determines meaning (Explorations in Semantics)*. Oxford: Blackwell, 2008.
- König E. 1991. *The meaning of focus particles. A comparative perspective*. London: Routledge.
- Roberts C. 2006. Information structure in discourse: Towards an integrated formal theory of pragmatics. *OSU Working Papers in Linguistics*, v. 49, 91–136.
- Rooth M. 1992. A theory of focus interpretation. *Natural Language Semantics*, n. 1, 75–116.
- Velleman D. B., Beaver D., Destruel E., Bumford D., Onea E., Coppock L. 2012. It-clefts are IT (inquiry terminating constructions). In: A. Chereches (ed.). *Proceedings of the 22nd Semantics and Linguistic Theory Conference (SALT 22)*, 441–460.

Slovenski *komaj*: skoraj nič ali veliko?*

Mladen Uhlik

Univerza v Ljubljani; mladen.uhlik@ff.uni-lj.si

1. Uvod

Prispevek obravnava posebnosti leksema *komaj*, ki v slovenščini izstopa zaradi svoje polisemije in zajema zmožnosti prislovne, členkovne in vezniške rabe. Izpostavljena bo njegova izhodiščna prislovna raba, ki v veliki meri sovпада z ruskima prislovoma *еле* in *едва*. V nasprotju z ruskimi *еле/едва* je za slovenski *komaj* značilna tudi členkovna raba v količinskih in časovnih zgradbah; omenjena bo tudi raba *komaj* v vlogi časovnega veznika. Primerjava z ruskimi zgradbami s členkovno zvezo *едва ли* kaže, da *komaj* v sodobni slovenščini ne izraža epistemične naklonskosti. Opis slovenskega *komaj* kaže na tipološke značilnosti polisemije prislovov, ki izhodiščno označujejo bodisi visoko stopnjo prizadevanja pri premagovanju težav bodisi nizko intenzivnost dejanja.

2. Pomenska hierarhija *komaj*

Leksem *komaj* je v pomenu 'lat. vix; mukoma, s težavo' značilen za severozahodni del južnoslovanskega prostora: v slovenskih govorih je *komaj* ob različicah *komej*, *kumej* izpričan že v 16. st.¹; v kajkavščini se pojavlja kot *komaj* in *kumaj* (Budmani 1898–1903: 234–235); v severnočakavskih govorih sta izpričani *komaj* (Houtzagers 1985: 272) in *komoć* (Kalsbeek 1998: 469). Po naših virih v sodobnih štokavskih in južno- ter srednječakavskih govorih *komaj* ni v rabi, pomen 's težavo' izraža najpogosteje leksem *jědva*.

* Ob tej priložnosti bi najprej čestital jubilarntu akademiku Vladimiru Aleksandroviču Plungjanu, mu zaželel veliko zdravja in ustvarjalnega elana ter se mu zahvalil za navdihujoče pogovore o jezikoslovju. Rad bi se zahvalil tudi Mislavu Beniću, Polini Bičkovi, Domnu Krvini, Mihailu N. Sajenku in Andreji Žele za dragocene nasvete pri nastajanju prispevka. Zahvala gre tudi urednikom pričujočega zbornika za vabilo in potrpljenje.

¹ Glej *kumai* v protestantskih delih P. Trubarja in S. Krelja iz 16. st. v *Korpusu besedil slovenskih protestantskih piscev 16. st.* <https://fran.si/korpus16/iskanje?Query=kumai> (dostop 01. 04. 2020).

Na drugi strani Balkanskega polotoka, v makedonskih in bolgarskih govorih, se za pomen 's težavo' uporabljajo bolg. *едва́*, mak. *одвај/едвај*, medtem ko je *komaj* v rabi v drugem pomenu, in sicer kot členek, ki izraža približno količino (bolg. *кома́й*, mak. *комај* 'skoraj, približno') ali celo epistemično oz. verjetnostno oceno (bolg. *кома́й* 'gotovo, najbrž').²

Za današnje govorce slovenščine leksem *komaj* glede tvorbe in izvora ni transparenten, tudi v etimoloških slovarjih slovenskega jezika (Bezljaj 1982: 59–60; Snoj 2016: 322) ni enotnega stališča glede njegove etimologije.³

Za izhodišče se bom oprl na hipotezo, da je leksem *komaj* v izhodiščnem pomenu najtesneje povezan s predikatom in ima v glagolski zvezi funkcijo načinovnega prislova. V tej funkciji sta za *komaj*, kot bo prikazano v nadaljevanju, značilna dva pomena, razlikovanje med njima je pogosto odvisno od tipov predikata ter širšega leksikalnega in skladenjskega konteksta.

2.1. *Komaj* kot načinovni prislov 'mukoma, s težavo'

Ob povedkih, ki prototipsko izražajo kontrolirano zavestno dejanje, *komaj* označuje visoko stopnjo prizadevanja živega vršilca, da bi kljub težavam dejanje opravil. V tem pomenu je ob predikatih z dogodkovno dinamiko najbližji prislovom in prislovnim zvezam 's težavo, mukoma, s trudom', kar ustreza ruskim *еле, едва́, насилу*.⁴ Raba dovršnika poudarja rezultativnost dejanja (1), medtem ko prehodni nedovršniki najpogosteje izražajo terminativne procese (2):

(1) SLVN. *Letos sem se hotel poročiti. Vendar se je tako zasukalo, da sem **komaj odnesel pete.***

RUS. *В этом году надумал жениться. Но так обернулось, что **еле ноги унёс.***

² F. Bezljaj (1982: 60, 61) in M. Snoj (2016: 322) sta mnenja, da sta severnozahodno južnoslovanski *komaj*, *komac* in vzhodno južnoslovanska *кома́й, комај* istokorenske besede. P. Budmani (1898–1903: 235) je bil nasprotno prepričan, da gre v prvem primeru za izposojenko iz nem. *kaum*, v drugem pa za bolgarsko besedo, prevzeto iz turščine.

³ V Bezlajevem slovarju (1982: 60) etimološki izvor ni eksplicitno podan, zapisano je, da je mogoče izhajati iz pomena 'mukoma, s težavo', ki je značilen tudi za starovisokonešsko **chūto*, **kūto*. M. Snoj pa *komaj* povezuje z deležjem *komaje*, kar naj bi bilo izvorno verjetno deležje glagola **komati*, ki se ohranja v hrv., srb. *komati* 'porivati z roko'. V tem primeru bi beseda prvotno pomenila ***porivaje* s pritiskom, na silo, mukoma'. *Этимологический словарь славянских языков*, ki sicer beleži glagol **komati* 'толкать (рукой)' (ЭССЯ 1983, X: 171), ne navaja leksikalizcije deležja in prav tako ne omenja južnoslovanskih oblik sorodnih s slovenskim *komaj*.

⁴ V Баранов, Плунгян, Рахилина 1993: 15 so *едва, эле, насилу, с трудом*, uvrščene v skupino besed, povezanih z idejo nepopolnosti; medtem ko jih V. Ju. Apresjan (1997) opredeljuje kot »prislove prizadevanja« in »prislove majhne stopnje«.

- (2) SLVN. *Sprva sem komaj bral zapise iz 19. stoletja, zdaj berem že 17. stoletje.*
 RUS. *Поначалу я едва/эле мог читать надписи XIX в., а теперь я уже справляюсь с XVII веком.*

2.2. *Komaj* kot načinovni prislov 'nizka intenzivnost dejanja/stanja'

Ob povedkih, ki označujejo statične situacije, stanja ali procese, ki ne implicirajo sprememb, *komaj* najpogosteje izraža nizko intenzivnost poteka dejanja ali stanja, ki se približuje spodnji meji sprejemljivosti:

- (3) SLVN. *Včeraj je bila Špela v komi in je komaj dihala, danes pa se že sprehaja.*
 RUS. *Вчера Шпела была в коме и едва дышала, а сегодня уже гуляет.*

Ker je v primeru (3) bolnica (Špela) v nezavestnem stanju, glagolska zveza s *komaj* ne označuje zavednega kontroliranega procesa, temveč situacijo, ko dihanja skoraj ni več prisotno v minimalni stopnji, zato bi jo lahko zamenjali z zvezo 'skoraj ni dihala'. V ruščini se ob statičnih povedkih nizka intenzivnost lahko izraža tudi s prislovom *чуть* (*Мальчик спрятался за шкафом чуть дыша* 'Fantek se je skrila za omaro in pri tem je komaj dihal'). Raba *komaj*, ki označuje nizko intenzivnost dejanja/stanja, je značilna predvsem za zgradbe z doživljajskimi povedki, ki označujejo neagentivno zaznavo (*videti, slišati*):

- (4) SLVN. *Komaj vidim / slišim. ≈ Skoraj ne vidim / ne slišim.*
 RUS. *Я едва вижу / слышу. ≈ Я почти ничего не вижу / не слышу.*

3. *Komaj* kot omejevalni členek v količinskih zvezah

Iz prislova za nizko oz. komaj zadostno intenzivnost dejanja se je, kakor domnevamo, v slovenščini razvila členkovna raba *komaj* v količinskih zvezah, ki ni značilna za ruski ustreznici *едва/эле*. V tem primeru gre za členek, ki označuje odnos upovedovalca do količine, ki jo ta ocenjuje kot premajhno, navadoma manjšo od njegovih ali splošnih pričakovanj.⁵ Obseg delovanja *komaj* se v primerih (5) in (6) ne nanaša na predikat (upovedovalec ne ocenjuje intenzivnosti dejanja), temveč na količinski izraz, njegova ruska ustreznica pa je *всего*:

- (5) SLVN. *Pijan je, a je spil komaj dva vrčka piva.*
 RUS. *Он опьянел, а выпил всего две кружки пива.*
- (6) SLVN. *To stane komaj tri evre.*
 RUS. *Это стоит всего три евро.*

⁵ Glede podrobnega opisa slovenskih členkov glej A. Žele 2015.

Identična raba je zabeležena v primerih severnočakavskega *komoć* (Kalsbeek 1998: 468):

- (7) SEV. ČAK. *Ima komoć tri leta.*
 SLVN. *Ima komaj tri leta.*
 RUS. *Ему/ей всего три года.*⁶

Na drugem delu južnoslovanskega prostora se »homonim« *komaj* pojavlja v količinskih zvezah, a z drugim pomenom — bolgarski in makedonski *комаѝ* ne ocenjuje, da je količina premajhna (*всего), temveč da se količinska zveza približuje polni meri (rus. *почти*). Ob makedonskem in bolgarskem *komaj/комаѝ* se lahko uporablja kvantor *vsi*, kar je za slovenski *komaj* in rus. *всего* izključeno:

- (8) MAK. *Дојдоа комај сите.*
 SLVN. *Prišli so skoraj vsi.* (**Prišli so komaj vsi.*)
 RUS. *Прибыли почти все.* (**Прибыли всего все.*)
- (9) BOLG. *Ние имаме хубави орехи, .. харесаха ги и изядоха комаѝ всичките.*
 SLVN. *Imato prelepe orehe ... vŕeč so bili ljudem in so jih skoraj vse pojedli.*
 RUS. *У нас прекрасные грецкие орехи ... людям они понравились и они почти все съели.*

V vlogi omejevalnega členka je slovenski *komaj* skoraj sinonimen s členkom *samo* (rus. *только*). Tu velja poudariti, da se *komaj*, prav tako kot rus. *всего*, ne uporablja v izvzemalnih zgradbah:

- (10) SLVN. *Martin je naročil samo pivo.*
 RUS. *Мартин заказал только пиво.*
- (11) **Martin je naročil komaj pivo.*
 **Мартин заказал всего пиво.*

V členkovnih zgradbah s *komaj* poleg količinskih izrazov (*komaj dva vrčka piva, komaj dva evra*) lahko stojijo tudi nedoločni zaimki (npr. *komaj kdo* 'malokdo', rus. *мало кто, komaj kaj* 'malokaj', rus. *мало что*, kar bi torej v dobesednih prevodih v ruščino ustrezalo **всего кто, *всего что*):

- (12) SLVN. *Danes ga komaj kdo pozna kot pisca tega eseja.*
 RUS. *Сегодня мало кто узнает в нём автора этого эссе.*

⁶ V ruskem stavku *Ей/Ему едва исполнилось три года* se *едва* nanaša na predikat, in ne na količinsko zvezo.

Tovrstne zgradbe označujejo gradacijsko približevanje negativnemu stanju (*komaj kdo* 'skoraj nihče', rus. *почти никто*, *komaj kaj* 'skoraj nič', rus. *почти ничего*), kar jasno kaže slovenski prevod ruskega stavka v (13):

- (13) RUS. *Я покупаю ему всё, что ему бывает нужно, но ему почти ничего и не нужно.*
 SLVN. *Kupim ti vse, kar potrebuje, to pa je komaj kaj.*

4. *Komaj* kot členek v časovnih zgradbah

Slovenski *komaj* se uporablja v členkovni funkciji tudi v časovnih zgradbah (14), pri kateri opredeljuje čas dejanja, ki se je zgodilo tik pred trenutkom upovedovanja ali tik pred drugim dejanjem (*Komaj je prišel* 'он только пришёл'):

- (14) SLVN. *Ni dobro, da ga takoj sprašuješ, komaj je prišel.*
 RUS. *Не стоит сразу набрасываться на него с расспросами, он только пришёл.*

Odenki med različnimi rabami *komaj* so včasih odvisni od leksikalnega in skladenjskega konteksta: časovni *komaj* se v besedilu včasih zgolj zaradi konteksta razlikuje od načinovnega *komaj*: *Komaj je prišel* 'Он только пришел' vs. *Martin je komaj prišel do cilja* 'Мартин еле дошел до цели'). Pri glagolski zvezi *komaj priti do cilja* ima *komaj* vlogo načinovnega prislova 's težavo, mukoma', ki modificira predikat. V zgledih s časovnim *komaj* obseg delovanja ni notranje povezan samo s predikatom, ampak zajema celotno klavzo.

5. *Komaj* kot veznik za izražanje kontaktne preddobnosti

Iz rabe časovnega členka se je razvil časovni veznik *komaj*, ki povezuje dve predikaciji in med njima uvaja časovno razmerje kontaktne preddobnosti. V tem primeru je odvisnik s časovnim veznikom *komaj* po navadi v prepoziciji, v obeh stavkih prevladuje raba dovršnikov.

V ruskih korpusnih ustreznicah se pojavljajo naslednje ustreznice odvisnih klavz s *komaj*, ki izražajo kontaktno preddobnost:

- a) konstrukcija *не успел X P, <как> Q*, = dogodek Q nastopi takoj po poteku P, pri čemer zamenjava poteka hitreje od upovedovalčevih pričakovanj (o tem Плунгян 2004):
- (15) SLVN. ... *komaj je izrekel te besede, so se po vsej dvorani oglasili kriki negotovanja.*
 RUS. *Но не успел он выговорить эти слова, как весь зал разразился криками негодования.*

b) konstrukcija **Едва Р**, <как> **Q**, pri kateri *едва* uvaja časovni odvisnik, ki izraža neposredno preddobno dejanje:

(16) SLVN. **Комай** sem prilezel na vrh, je začelo deževati.

RUS. **Едва** я взобрался на вершину, как сразу пошёл дождь.

c) konstrukcija (**Как**) **только Р**, **Q**, pri kateri imata *только* ali *как только* vlogo časovnega veznika:

(17) RUS. **Только** вымолвила царица это слово, тотчас прилетели три сокола...

SLVN. **Комай** je carična to povedala, so prileteli trije sokoli...

Zaradi prostorske omejitve se ne bom poglobljal v razlike med omenjenimi strategijami; naj samo omenim, da ruski prevodi (16) in (17) kažejo na zanimivo tipološko značilnost: kontaktna preddobnost se lahko izraža s *только* in *едва*, ki se sicer uporabljata za izražanje omejene količine (*только*) in nizke intenzivnosti dejanja (*едва*).

6. Od teže k majhni verjetnosti: rus. *едва ли*, slvn. *težko*

Tipološko je zanimivo, da se ustreznice slovenskega *komaj* v slovanskih jeziki pogosto uporabljajo v kontekstih epistemične modalnosti, pri kateri upovedovalec izraža svoj dvom oz. navedeno stanje/dejanje ocenjuje kot malo verjetno. Tovrstna raba je značilna za rusko členkovno zvezo *едва ли* in za češka leksema *sotva* in *stěží*, ki v svojih izhodiščnih pomenih ustrezata *komaj*.

(18) RUS. *Рембо в 1872 году под этими словами едва ли представлял себе миллионы ленинских и сталинских бюстов.*

ČEŠ. *Rimbaud si v roce 1872 sotva pod těmi slovy představoval miliony Leninových a Stalinových bust.*

SLVN. **Težko**, da bi si Rimbaud leta 1872 v teh besedah predstavljal milijone doprsnih kipov Lenina in Stalina.

V slovenskem prevodu zgleda (18) opazamo zanimiv pomenski premik: prislov *težko*, ki sicer lahko tudi označuje visoko stopnjo prizadevanja, se dekonkretizira (izgublja prvotni pomen) in označuje majhno verjetnost.

Za sodobno slovenščino raba *komaj* sicer ni značilna za izražanje epistemične modalnosti, zanimivo pa je, da referenčni slovar slovenskega jezika SSKJ navaja arhaični primer s *komajda*,⁷ zvezo *komaj* in veznika *da*,⁸ ki označuje majhno verjetnost in ustreza ruskemu *едва ли*.

⁷ Gl. www.fran.si (dostop 01. 04. 2020).

⁸ Slovenščina pozna še nekaj sklorov (стяжение) z veznikom *da*, ki označujejo epistemično in/ali evidencialno naklonskost *morda* (rus. *может быть*), *menda* (rus. *может*

- (19) ARH. SLVN. *Ali pride? Komajda.* (= *Najbrž ne; Težko*)
 RUS. *Он придет? Едва ли.*

7. *Komaj* v pomenu velike intenzivnosti?

Pri večini slovenskih zgledov (od 1. 2) slovenski *komaj* izhaja iz pomena nizke intenzivnosti dejanja/stanja in vsebuje pomensko komponento 'skoraj nič'. Zadnji del študije namenjamo primeru, pri katerem se *komaj* nepričakovano uporablja kot intenzifikator, ki izkazuje visoko stopnjo dejanja. Naj poudarim, da je tovrstna raba omejena na predikate, ki izražajo pričakovanje (*komaj čakati, komaj dočakati*):

- (20) SLVN. *Komaj čakam tisti dan, ko bom lahko v knjižnici prebrskala vse knjige.*
 RUS. *Не могу дождаться, пока сама не смогу просмотреть все книги в библиотеке.*

V zvezi *komaj čakati* pridobiva *komaj* pomen notranje napetosti, s katero se povečuje intenzivnost dejanja. Tako prihaja do novega preosmišljanja — *komaj* ne izraža premagovanja zunanjih težav, temveč postaja intenzifikator visoke stopnje pričakovanja.⁹

Naj še dodamo, da opisani pomenski premik ni značilen samo za slovenščino: v vseh južnoslovanskih jezikih¹⁰ se intenzivnost čakanja izraža z ustreznici slovenskega *komaj* (21), medtem ko se v ruščini ta pomen lahko označuje s konstrukcijo, ki vključuje reduplikacijo predikata, ki je v drugem delu zanikan (22).¹¹

- (21) SLVN. *Komaj čakam.*
 ŠTOK. *Jedva čekam.*
 JUŽ. ČAK. *Jedva čekon.*

быть, допустим), bojda (rus. *может быть, мол*). Pri naslednjih sklopih gre za glagolske oblike 3Sg. (*meni* = rus. *считает*, *more* = rus. *должен*, *boje* = rus. *говорят*) in veznika *da*. O nastanku evidencialnih markerjev z okrnjenimi glagolskimi oblikami v ruščini glej Плунгян 2008.

⁹ Drugačen primer nastanka intenzifikatorja iz rus. *жуть, жуткий* (sicer označevalca čustev) je opisan v Плунгян, Рахилина 2012.

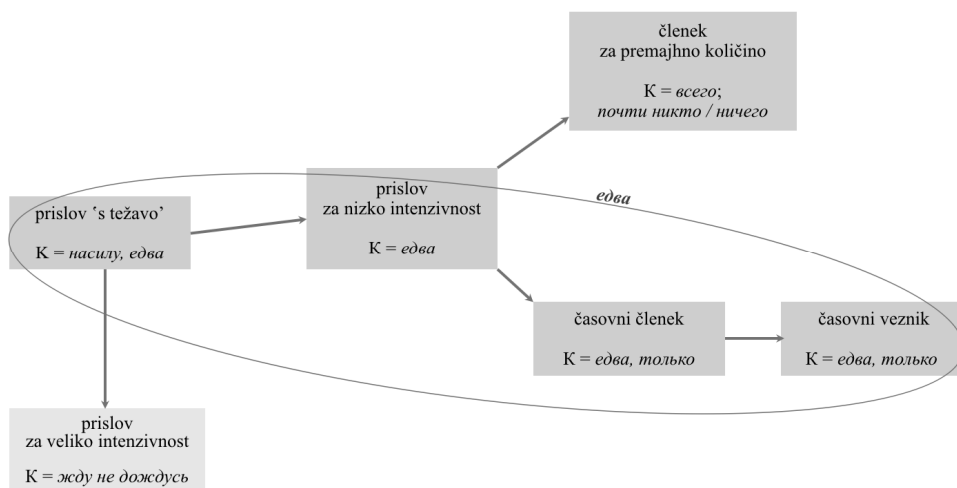
¹⁰ V čakavskih govorih se *jedva* in *kotoč* uporabljata kot intenzifikatorja tudi ob predikatih želje: čak. *Jedva/kotoč želin.* = slvn. *Močno si želim*, rus. *Я сильно желаю* (iz ustnega posveta z M. Benićem).

¹¹ Ruščina, poljščina in češčina lahko izražajo intenzivno pričakovanje tudi z zanikanim modalnim glagolom zmožnosti in predponskim glagolom pričakovanja, npr. rus. *Не могу дождаться*, češ. *Netohtu/nemůžu se dočkat*, polj. *Nie mogę się doczekać*.

SEV. ČAK. **Кото́ц** *čekon*.MAK. **Одвај/едвај** *чекам*.BOLG. **Едва** *чакам*.(22) RUS. *Жду не дождусь*.

8. Zaključek

Prispevek opisuje polisemijo in večfunkcionalnost leksema *komaj* in ga primerja z ustrezniciami iz drugih slovanskih jezikov. Polisemijo obravnavanega leksema lahko ponazorimo z naslednjo shemo, pri kateri so posebej označeni pomeni, ki sovpadajo z ruskim *едва*:

Словенское *komaj*: почти нет или очень?

Статья рассматривает полисемию словенского слова *komaj* 'еле, едва; всего; только', употребляющегося в функции наречия, частицы и союза. Примеры его употребления сопоставляются с эквивалентами из других славянских языков. Наряду с описанием словенского *komaj* цель статьи — выделить некоторые типологические особенности поведения наречий, которые выражают два основных значения: 'усилие для преодоления препятствий' и 'низкую степень интенсивности'. Большинство употреблений *komaj* в качестве частицы, по нашему мнению, восходит ко второму значению. Исключение представляют конструкции, в которых *komaj* употребляется с предикатами ожидания (*komaj čakam* 'жду не дождусь'), при которых происходит непредвиденное изменение значения и слово становится интенсификатором.

Literatura

- Bezljaj F. 1982. *Etimološki slovar slovenskega jezika*. 2. knjiga: K–O. Lj.: Mladinska knjiga.
- Budmani P. (ur.). 1898–1903. *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* (dio V). Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.
- Fran — Slovarji Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU. www.fran.si (accessed 01.04.2020).
- Houtzagers H. P. 1985. *The Čakavian dialect of Orlec on the island of Cres* (*Studies in Slavic and General Linguistics*, v. 5). Leiden: Brill.
- Kalsbeek J. 1998. *The Čakavian dialect of Orbančić near Žminj in Istria* (*Studies in Slavic and General Linguistics*, v. 25). Amsterdam; Atlanta, GA: Rodopi.
- Korpus besedil slovenskih protestantskih piscev 16. stoletja*. <https://fran.si/korpus16> (accessed 01. 04. 2020).
- Snoj M. 2016. *Slovenski etimološki slovar*. Lj.: Založba ZRC.
- Žele A. 2015. *Slovar slovenskih členkov*. Lj.: Založba ZRC.
- Апресян В. Ю. 1997. Семантика и ее рефлексy у наречий усилия и малой степени. *Вопросы языкознания*, №5, 16–34.
- Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. 1993. *Путеводитель по дискурсивным словам русского языка*. М.: ПиП.
- Плунгян В. А. 2004. *Конструкция с успеть и не успеть в русском языке XIX–XX веков: Корпусное исследование*. Доклад, прочитанный на конференции «Русский язык XIX века: проблемы изучения и лексикографического описания». Санкт-Петербург, 21 октября 2004 г.
- Плунгян В. А. 2008. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: «мол», «якобы» и другие. In: B. Wiemer, V. A. Plungjan (Hg.). *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in Slavischen Sprachen* (*Wiener Slawistischer Almanach*. Sonderband 72). München: Sagner, 285–311.
- Плунгян В. А., Рахилина Е. В. 2012. Из корпусных наблюдений над лексикой: о семантической эволюции и «лексических маркерах». *Revue des études slaves*, v. 83, n. 2–3, 499–533.
- ЭССЯ 1983 — О. Н. Трубачев (ред.). *Этимологический словарь славянских языков*. Выпуск X. М.: Наука.

Частицы с компонентами *у* и *же*: эволюция и семантическая вариативность

Татьяна Боттино

INaLCO CERLOM; tatiana.bottineau@inalco.fr

Уже и *уж*, *неужели* и *неужто* традиционно считаются синонимическими единицами, однако их коммутация возможна далеко не всегда, а перевод на иностранные языки в некоторых случаях вызывает затруднения. Специфика употребления и семантические вариации частиц в значительной мере определяются значениями и функциями их исторических компонентов *у* и *ж(e)*. В синхронном употреблении роль *у* и *же* выявляется при коммуникативном анализе, позволяющем установить различия между семантически близкими частицами.

1. *Уже* и *уж* в словарных изданиях

Уже и *уж* неоднократно вызвали интерес лингвистов, однако их специфика остается недостаточно ясной как на грамматическом, так и на семантическом уровнях. В этом легко убедиться при беглом просмотре словарных источников. Близость *уже* и *уж* по форме и значению, а также возможность их коммутации способствуют тому, что обе единицы причисляют к классу наречий и усилительных частиц, представляя их как взаимозаменяемые формы.

В словаре С. А. Кузнецова (2001: 861–862) *уж* отождествляется с наречием *уже*, однако примеров его употребления в качестве наречия словарь не предлагает. Раздел статьи, посвященный частице *уж*, содержит примеры, в которых замена на *уже* допустима (1) или же, наоборот, невозможна (2), (3)¹:

(1) *Он уж давно уехал, а ты всё сидишь.*

(2) *Уж вы не забудьте меня.*

(3) *Уж не задумал ли ты что-нибудь?*

¹ Примеры (1)–(6) взяты из словаря С. А. Кузнецова.

Различие между *уже* и *уж* словари относят к сфере стилистических регистров, приводя примеры фольклорно-поэтического толка, в частности, зачины народных песен:

- (4) *Уж как пал туман.*
- (5) *Уж как по мосту, по мосточку.*
- (6) *Уж зачем ты, алая заря, просыпалась.*

В примерах (4)–(6) *уж* сочетается с союзными словами или местоимениями и свободно замещается частицами *и* и *вот*², однако его замена на *уже* не представляется возможной.

Наиболее интересный материал предлагается в «Словаре структурных слов русского языка» (Морковкин и др. 1997). Его авторы отказываются от семантического и категориального отождествления *уже* и *уж* и посвящают каждой единице отдельную словарную статью, при этом *уже* подается как наречие и частица, а *уж* характеризуется только как частица. Практически во всех приведенных примерах его замена на *уже* невозможна, в то время как в примерах с *уже* запрета на коммутацию с *уж* не наблюдается. Это позволяет предположить, что область употребления обеих единиц совпадает частично и, возможно, является более обширной для *уж*, чем для *уже*. Однако на данном этапе работы мы не располагаем статистическими данными, позволяющими подтвердить или опровергнуть эту гипотезу.

Опыт описания *уже* и *уж* предпринимался в публикациях Е. В. Урысон (2007) и И. Б. Левонтиной (2008), в основе которых отчасти лежат работы И. М. Богуславского (1996: 227–255) и Д. Пайара (1986). Подход Пайара с позиции коммуникативной лингвистики является также наиболее близким к сравнительному анализу обеих частиц в статье Bottineau 2020.

На наш взгляд, камнем преткновения в разграничении значений *уже* и *уж* является не столько их грамматическая классификация, сколько трудность отбора критериев, позволяющих или затрудняющих их коммутацию. Общий для обеих единиц этимон и его историческая эволюция позволяют описать различия в употреблении *уже* и *уж* в синхронии, а также понять причины, по которым их значения и функционирование совпадают отнюдь не всегда³.

² МАС: «Употребляется в повествовании и при обращении, соответствует по значению: *и*, *вот*» (Евгеньева (сост.) 1957–1984).

³ Схожий подход мы предлагаем при анализе частицы *ведь*, на этимологию которой опираемся в статье Bottineau 2017.

2. Краткий этимологический экскурс

В монографии, посвященной древнерусским энклитикам, А. А. Зализняк (2008: 28) рассматривает *уже* и *уж* как результат сращения самостоятельного слова у ‘теперь, сейчас’ и усилительной частицы *же*. Зализняк разделяет мнение французского лингвиста А. Вайана (Vaillant 1964: 368), который придавал *же* значение ‘с другой стороны; однако’ и считал ее калькой непере译имой греческой формы $\delta\acute{\epsilon}$, подчёркивающей противительные значения и устанавливающей межфразовую связь. Как и Вайан, Зализняк относит *же* к классу древнейших славянских энклитик (Зализняк 2008: 73) и упоминает о существовании варианта *жь* с утраченным гласным *e*, но относит этот факт к области фонетики. По мнению Зализняка, подобно всем энклитикам, *же* обладает синтаксическими и семантическими признаками. В качестве союза и частицы *же* имеет фразовое назначение и соотносится с противительным, причинным, усилительным смыслами, являясь, по выражению Зализняка, «скрепой» двух клауз. В прочих значениях, пишет Зализняк, энклитика *же* является не фразовой, а локальной, однако в позиции Ваккернагеля в начале клаузы трудно отличить употребление *же* в отождествительном значении (*тот же* ‘тот же самый’, *так же* ‘тем же способом’) от сочетания *тотъ, тако* с частицей *же*, выступающей в роли «скрепы» (Зализняк 2008: 28–29).

Ссылаясь на статью Р. О. Якобсона (1935), Зализняк подчёркивает, что уже в древнерусских источниках *же* тяготеет к непосредственной близости к первому слову предложения, что приводит к образованию устойчивых сочетаний с рядом слов, употребляемых в начальной позиции, в том числе и с дейктическим у.

Что касается дейктика у, то он свободно сочетался с *же* и использовался как самостоятельная единица в вопросительных и отрицательных предложениях. Примеры тому находим в словаре В. И. Даля (1882/1982: 476–477):

(7) *Не у прииде час мой.*

(8) *Почему не у?*

Несмотря на то, что сегодня у не употребляется как независимое слово, его присутствие в составе *уже*, *уж*, *неужели*, *неужто* означает, что принцип индексации вводимого содержания на некий пространственно-временной ориентир зафиксирован в семантике этих единиц.

В составных формах постпозиция частицы *же/ж* к у не случайна, а роль их акцентных характеристик выходит за границы фонетического анализа. Находясь под ударением, полногласное *же* выделяет простран-

ственно-временную составляющую пропозиции Р, условно названную *t* и служащую ориентиром, к которому отсылает *у*.

Этого нельзя сказать об *уж*. На фонетическом уровне элизия гласного приводит к перемещению ударения на *у*, а в плане дискурса к ослаблению роли усилительной частицы *же*. С точки зрения структурирования информации, происходит изменение ориентации высказывания и сдвиг индексации Р с референциальных пространственно-временных ориентиров на коммуникативную инстанцию говорящего как очаг восприятия Р в момент речи $t_{\text{hic et nunc}}$ и как источник высказывания. Иными словами, *уж* указывает, что в центре высказывания находится говорящий и его субъективное восприятие ситуации, а значит, выражение модальных значений, определяющихся контекстуально.

Подобный взгляд на *уже* и *уж* перемещает их описание с фонетического или грамматического уровней в план дискурса, соотносится с фразовой функцией *же*, о которой упоминали Якобсон и Зализняк, и мобилизует иные методы анализа (см., например, Bottineau 2020).

3. Краткий анализ частиц *неужели* и *неужто*

В качестве иллюстрации вышесказанного, остановимся на различии между семантически близкими *неужели* и *неужто*, выражающими удивление или сомнение говорящего. Обе частицы располагаются в начальной позиции, а запрет на их перемещение указывает на их фразовую сферу действия. Дейктик *у* указывает на индексацию положения дел Р на некий момент *t*, однако компоненты *ли* и *то* передают разные смыслы, так или иначе связанные с полногласием или неполногласием *же* и с локализацией момента *t* на оси времени. Обе частицы содержат отрицание *не*, однако если его устранение в случае *неужто* (**ужто*) не представляется возможным, то *ужели/ужель*⁴ встречаются в текстах 19-ого века и их понимание не вызывает затруднений у современных носителей языка, хотя эти формы и считаются устаревшими:

(9) *Ужель загадку разрешила? Ужели слово найдено?* (А. С. Пушкин. Евгений Онегин)

При употреблении *(не)ужели* локализация *t* на шкале завязана на ситуацию Р, поэтому запрета на временные характеристики глагола не наблюдается. Полногласное *же* подчеркивает существование Р в момент *t*, однако вопросительное *ли* ставит под вопрос введенное содержание

⁴ Анализ различия между *ужели* и *ужель* не входит в задачу этой статьи.

и «ослабляет» роль *же*, актуализируя презумпцию не-Р⁵ как исходную позицию говорящего:

(10) **Неужели он его обманул?**⁶

Вопросительная частица (*не*)*ужели* оперирует как дискурсивный маркер и передает колебание говорящего между двумя смыслами — презумпцией не-Р и презумпцией Р. Значения компонентов слова взаимосвязаны: говорящий формулирует вопрос, исходя из не-Р и выражает удивление и/или сомнение (*ли*) в реализации Р в момент референции *t* (*у*). *Неужели* вводит содержание Р как гипотезу с оттенком неуверенности или сомнения в возможности реализации Р в момент *t*.

При употреблении *неужто* дела обстоят иначе:

(11) *Неугомонная забота Его тревожит; мыслит он: — Неужто вправду я влюблен? Что если можно?..* (А. С. Пушкин. Граф Нулин)

Специфика *неужто* заключается в том, что в его структуре присутствуют два дейктических элемента, первичный локализатор *у* и дейктик-«дублер» *то*. «Продублированная» дейктизация Р не позволяет считать гипотезой Р, актуальность которого не подлежит сомнению. Можно предположить, что с этим связано ослабление иллокутивной силы *же* и элизия конечного гласного. Временной ориентир *t* интерпретируется как время говорящего $t_{\text{hic et nunc}}$, который констатирует Р, что отличает *modus operandi* частицы *неужто* от функционирования *неужели* и затрудняет употребление глагола в будущем времени:

(11') ^{??}*Неугомонная забота Его тревожит; мыслит он: — Неужто вправду я влюблюсь?*

Говорящий употребляет *неужто*, исходя из констатации Р, однако выражает сомнение в его существовании: в момент речи $t_{\text{hic et nunc}}$ положение дел Р дестабилизируется актуализацией ожидавшегося не-Р. Статус говорящего можно метафорически назвать позицией Фомы неверующего: «не могу поверить, что Р; скажите мне, что я ошибаюсь; не может быть, что Р».

Структура и значения составляющих обеих частиц позволяют рассматривать их в перспективе ориентации высказывания, что задает разные модальные смыслы: *неужели* выражает сомнение в *возможности* реализации Р в момент *t*, а *неужто* передает сомнение в *актуальности* Р в момент $t_{\text{hic et nunc}}$.

⁵ Напомним, что операция локализации связана с экзистенциальными значениями.

⁶ Пример наш.

Цель краткого обзора *неужели* и *неужто* состояла в том, чтобы показать, что этимологические факторы обуславливают сходство и различие их семантических особенностей, проявляющиеся на коммуникативном уровне. Эти параметры важны и при анализе *уже* и *уж* с вычислением, какой из компонентов *у* или *же* имеет преобладающий вес, а с ним и значения, которые он выражает.

Литература

- Богуславский И. М. 1996. *Сфера действия лексических единиц*. М.: Школа ЯРК.
- Даль В. И. 1882/1982. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. IV. СПб; М.: М. О. Вольф.
- Евгеньева А. П. (сост.). 1957–1984. *Словарь русского языка (Малый академический словарь, МАС)*. <http://rus-yaz.niv.ru/doc/small-academic-vocabulary/index.htm>.
- Зализняк А. А. 2008. *Древнерусские энклитики*. М.: ЯСК.
- Кузнецов С. А. и др. (ред.). 2001. *Современный толковый словарь русского языка*. СПб: Норинт.
- Левонтина И. Б. 2008. Загадки частицы *уж*. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам Международной конференции «Диалог'2008»*, вып. 7 (14), 306–310.
- Морковкин В. В. и др. (ред.). 1997. *Словарь структурных слов русского языка*. М.: Изд-во альм. «Лазурь», 363–364.
- Урысон Е. В. 2007. *Уже* и *уж*: вариативность, полисемия, омонимия? *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам Международной конференции «Диалог'2007»*, вып. 6 (13), 531–541.
- Bottineau T. 2017. A propos de la particule russe *ved'*. In: D. Paillard (dir.). *Comparaison des marqueurs discursifs (Langages, n. 207 (3))*, 105–116.
- Bottineau T. 2020. Опыт сравнительного описания употребления *уже* и *уж* с позиции лингвистики высказывания. *Russian Linguistics*, v. 44, iss. 1, 21–38.
- Jakobson R. 1935. Les enclitiques slaves. *Atti del Congresso di Linguistica tenuto in Roma il 19–26 Settembre 1933*. Firenze. Перепечатано в кн.: R. Jakobson. 1971. *Selected Writings*. V. II. The Hague; Paris: Mouton, 16–22. (цитируется по Зализняк А. А. 2008. *Древнерусские энклитики*. М.: ЯСК).
- Paillard D. 1986. *Už* ou l'indiscutable. In: J. J. Franckel, D. Paillard (dir.). *Particules et connecteurs (Bulletin de linguistique générale et appliquée, v. 13 [num. spéc.])*, 190–213.
- Vaillant A. 1964. *Manuel du vieux slave*. Paris: Institut d'études slaves.

Несколько слов о моем почтении

Е. В. Рахилина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» /
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; rakhilina@gmail.com

1. Введение

Эта заметка, посвященная имениннику, связана с маленьким фрагментом из лингвистического комментария к повести «Фаталист» М. Ю. Лермонтова. Поводом для комментария стал один пример нестандартного для современного русского языка контекста, который мы обсудим в разделе 7.

Что касается идеи проекта комментария в целом, то она состоит в том, чтобы исследовать глобальные (как например, грамматикализация или мена порядка слов) и локальные (как сужение значения частной лексемы) сдвиги в языковой системе на коротком, но хорошо документированном в НКРЯ (<http://www.ruscorpora.ru/new/>) промежутке времени двух-трех веков — иначе говоря, провести *микродиахроническое* исследование выбранного текста.

Представляется, что это позволит рассмотреть отдельные этапы конкретных языковых процессов как бы в микроскоп и увидеть то, что обычно ускользает от нашего внимания при их целостном восприятии. Действительно, одно дело, если мы просто сообщаем о переезде из пункта А в пункт В с преодолением такого-то расстояния с такой-то скоростью. Другое дело, когда мы тщательно следим за самой поездкой и обнаруживаем, что и скорость не была постоянной всю дорогу, и остановки были, и направление движения менялось, а однажды и вовсе свернули не туда и пришлось возвращаться.

Вот с этой точки зрения, отслеживая причудливую траекторию произошедших исторических изменений, мы обсудим уходящую лексику *почтение*.

2. Редукция форм

Первое изменение функционала этой лексики произошло раньше наблюдаемого периода: оно отражено в словаре XI–XVII вв., который свиде-

тельствует, что еще в XVI в. эта лексема со значением не только ‘почет, почтение’, но и ‘знаки внимания / расположения’ имела множественное число: <...> *за многия дары и почтения постави царя еврейска в Иерусалиме.*

Ни в более поздних словарных примерах, ни в корпусных примерах XVIII века формы множественного числа больше не встретилось. Такая редукция парадигмы, видимо, сопровождается семантический сдвиг: окончательный уход лексемы из зоны поступков (= знаков внимания, как *благодарности, поощрения*) в зону отношений и ощущений (как *благодарность, уважение, почёт*). Результат его полностью соответствует семантике категории Sg tantum. Собственно, до сих пор эта лексема по набору контекстов в целом довольно близка к XVII веку. К сожалению, мы не сможем здесь обсудить отдельные любопытные примеры расхождений с современной нормой, как <...> *служители по каждому характеру и почтению поступали* <...> (1720), и перейдем к более заметным историям.

3. Лексикализация: формула вежливости

Примерно через два века после редукции числовых форм, к середине XVIII века, корпус постепенно фиксирует утрату этой лексемой всей словоизменительной парадигмы в контексте притяжательных местоимений первого лица. Это происходит ввиду контекстной лексикализации: образования устойчивой формулы вежливости *мое (наше) почтение*.

Кстати, на современный русский перевести эти контексты было бы непросто. Кажется, что *почтение* соответствовало бы нашим *приветам*: оно может передаваться третьему лицу (*прошу донести мое почтение* (1781)) и стоит в одном ряду с *поклонами* (*Анне Васильевне мое почтение и братцу поклон* (1763–1774)). Однако, в отличие от *приветов*, которые только *передают*, причем всегда через кого-то, *почтение* тогда можно было еще и *выразить* непосредственно адресату — как сейчас *сочувствие* — и даже сообщить очно (*намерен был вам засвидетельствовать мое почтение и осведомиться о вашем здоровье* (1755)).

Пожалуй, по-настоящему функционально близких аналогов этой формуле, не только выражающей положительную оценку адресата, но подчеркивавшей иерархические отношения участников, сейчас нет: в ходе исторических и культурных изменений утеряна сама потребность в таком функционале. Можно зайти, чтобы поведать, навестить — но не чтобы выразить уважение или оказать внимание.

4. Прагматикализация

Следующий шаг касается перестройки формулы вежливости. В начале XIX века на ее базе возникает стандартная изолированная дискурсивная реплика-клише: рутинная¹ со значением вежливого приветствия (*— Здравствуйте-с, — сказал я ему. — **Мое почтение**, — отвечал он (1857)*) или прощания (*я оставляю вашу квартиру: она мне неудобна! **Мое почтение** (1858)*). Первое употребление этой формулы как изолированной реплики в НКРЯ засвидетельствовано в «Женитьбе» Н. В. Гоголя (1833–1842); примерно того же времени примеры из О. И. Сенковского (1833).

Здесь интересны два сюжета: переход из формулы вежливости в реплику-рутину и совмещение приветствия и прощания. Оба не так распространены, однако современное однословное *Привет!* или уходящее *Доброго здоровья!*, кажется, «умеют» и то, и другое. В начале XX века эта формула перестала употребляться как рутинная — и, в сущности, почти исчезла, но остались любопытные лингвистические следы.

5. Метонимия

В середине XIX века регистрируется приобретение этой формулой семантики утраты, исчезновения: *напроказит что-нибудь, и мое почтение (1845)*, и даже, эвфемистически — смерти: *болезнь-то прихватит, знаете, так оно и мое почтение-с! (1848)*.

Природа этого сдвига — метонимическая: как если бы человек попрощался перед расставанием. Последовательность *прощание* → *утрата*, которая приводит к такому переносу, подчеркивается особой частотностью союза *и*. Так что без сомнения, тут источником является формула прощания — по аналогии с *до свидания* и *будь здоров: Пришьют какую-нибудь уголовщину, и будь здоров!.. (1983)*.

Заметим, что рутинная формула приветствия *Здравствуйте!* (так же метонимически) переносится на неожиданное **появление** кого-то или, в более общем варианте, возникновение неожиданной для собеседника ситуации: *я зажег лампу, и — **здравствуйте!** — ежик выбежал из-под кровати (1921–1925)*.

¹ Не углубляясь в этой короткой заметке в обсуждение терминологических традиций и нюансов, примем, что рутины, в отличие от формул (= устойчивых выражений) вежливости, употребляются изолированно, как отдельные реплики (*Вам кого?, Вот тебе!*), и в отличие от **дискурсивных** формул (*Еще бы! Не факт*), ситуативны, то есть выражают не «да-нет» реакцию на слова собеседника, а реакцию на сиюминутную ситуацию: кто-то заглянул в дверь, крик, сопровождающий удар в драке и др. Сюда мы относим и приветствия.

Теоретически, формула *мое почтение*, которая выражает приветствие много чаще прощания, могла бы иметь возможность переноса на появление / возникновение — но этого не происходит, причем не только с ней, но и с похожим на нее более современным *Привет!* В рутинном значении это тоже одновременно приветствие и прощание, а в переносном, метонимическом — только исчезновение, утрата и гибель (*Ведро отобрал, и привет!* (1987)), но не появление. Такую асимметрию можно считать проявлением общего принципа *goal bias*, согласно которому в языке конечная точка (здесь: «точка прощания») всегда приоритетнее начальной («точка встречи»).

6. Метафора

Другой вектор развития нашей формулы связан с метафоризацией.

Во-первых, это обесценивание приветствия как такового и противопоставление «пустого» словесного общения более выгодному, связанному с куплей-продажей или материальным вознаграждением. Это метафора безвозмездности, которая навязывается *мое почтение* конструкцией с предлогом *за*: *VP за X*, где *X* ничтожно в денежном выражении. Ср.: *А баню <...> отхватим за мое почтение...* (1882), ср.: *за бесценок, за так*, а также близкий аналог для *за мое почтение* — *за спасибо*.

Во-вторых, это метафора беспричинности, случайности, которую реализует та же конструкция *VP за X* (в частности, это может быть метафора беспричинной агрессии — не в ответ на нападение). Ничтожный повод для *VP* выражает *X*. Можно этот повод обозначить как (*за*) *просто так* (или *ни за что*), а можно метафорически — сравнив с рутинным приветствием: *за мое почтение*. В этом контексте аналогичный формуле *мое почтение* метафорический сдвиг демонстрирует уже не *спасибо*, а *здорово живешь*, в прошлом тоже приветствие, ср.: *загубил Божьего младенца за здорово живешь!* (1889).

Связь между этими двумя метафорами есть, и косвенным подтверждением этому служит то, что *мое почтение* развивало обе. Но есть и противопоставление, ср.: *ни за грош (пропал/погиб)* как метафору беспричинности и *за гроши (работал, купил, продал)* как метафору безвозмездности.

7. Грамматикализация

Теперь перейдем к обещанному во введении примеру:

<...> не люблю я также винтовок черкесских <...> Зато уж шашки у них — просто мое почтение! (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841))

Мое почтение выступает здесь в роли маркера восхищения: ‘отличная шашка’. Это первое зарегистрированное в корпусе (сам процесс должен был начаться много раньше), но далеко не единственное употребление *мое почтение* в функции оценки. Получается, что оно зафиксировано позже, чем рутина, и тем более чем формула вежливости.

Оценочная семантика возникает здесь как результат стирания основного значения формулы (вплоть до присущей ей положительной оценки) и ее грамматикализации (в широком смысле: приобретения значения из универсального грамматического набора), в особенности в определительных конструкциях *такой X / так VP, что Y*: *Такой бы театрище закатил, такой, что мое почтение* (1884–1885). На базе общего механизма иронии оценка может превращаться из положительной в отрицательную — это довольно распространенный эффект расширения значения для оценочных маркеров: *Да ты, кажется, молодец на словах только, а на деле... мое почтение!* (1845). Кроме того, параллельно с оценкой и в тех же контекстах при грамматикализации обычно появляются значения интенсива и размера — и развитие *мое почтение* дает ту же картину, ср.: *<...> такие куши рвут, что мое почтение* [= ‘большие куши’] (1883).

Интересен вопрос об источнике грамматикализации. Возможно, что источником для оценки была рутина. Косвенным подтверждением тут служит то, что точно такую траекторию изменений: *рутина* (= *формула прощания*) → *оценка / интенсификатор* имеет, например, *будь здоров*, ср.: *Какой-то сопляк покрутил карточку в руках и сказал: — Будь здоров девочка! Это был первый приступ ревности* (1963).

Другая идея в том, что триггером грамматикализации стало само имя *почтение* — и тогда источником служит не семантически стертая рутина, а семантически и синтаксически более прозрачная формула вежливости. Именно существительное могло естественным образом встроиться в характерную для середины XIX века конструкцию *такой X, что Y* или ее более современный вариант, сохранившийся до сих пор: *так VP, что Y*, где Y исходно оценочно или становится оценочным. Ср. НКРЯ: *такой молодец, что загляденье!* (1790); *такая сушь, что чудо!* (1838); *такая тоска, что ужас* (1845); *такая досада, что смерть!* (1853–1861); *ведут такую брань, что смех* (1873), а также: *так похорошела, что чудо* (1839–1841); *дниги так идут, что беда* (1855) и новое: *так болит, что кошмар* (2008).

8. Заключение

История имени *почтение* еще раз показывает, что постепенный процесс ухода лексической единицы из узуса не линейен: в ходе такого про-

цесса часто образуются фразеологизованные «острова» с высокой частотностью — как это случилось с *мое почтение*, — которые этот процесс тормозят.

В нашем случае интересно, что фразеологизация происходит одновременно в разных направлениях, порождает существенную многозначность и довольно далекие друг от друга значения, такие как оценка, 'исчезновение' или 'беспричинность'. При микродиакроническом анализе видно, что все они мотивированы регулярными историческими процессами — прагматикализацией, грамматикализацией, метафорой или метонимией. Процессы разные — естественно, что они приводят к разным семантическим результатам. Однако каждый такой результат вкладывается в систему: он аналогичен таким же сдвигам в других похожих единицах в тех же контекстах.

Все это в целом ожидаемо и хорошо видно на примере *мое почтение*. Но есть и более сложные аспекты его истории.

Каждый из процессов, который мы здесь упомянули, в принципе, конечен. Мы мало знаем о том, происходит ли с языковыми единицами что-то после, например, их прагматикализации или грамматикализации, описывая их как достижение определенной конечной точки. Наш пример показывает, что в принципе, точка фразеологизации не всегда конечная: возможна и, так сказать, жизнь после смерти, и было бы интересно в рамках микродиакронических занятий выявить все возможные пост-переходы такого рода.

Важно учитывать и неполноту каждого из процессов, прежде всего, грамматикализации: новое значение из универсального набора нашей единицей уже получено, старое стерто, композициональность утрачена, однако форма не успела измениться. Вполне вероятно, что это имеет какое-то значение, например, для срока жизни новых фразеологизованных единиц, при том, что о стандартах в этой области мы знаем мало.

У всех фразеологизмов серии *мое почтение* жизнь довольно короткая: уже к концу XIX века их число плавно уменьшается, а главное падение приходится на послереволюционный период начала XX века. Это происходит в то же самое время, когда исходное *мое почтение* уходит как формула вежливости: исчезают социальные иерархии, да и само *почтение* уже не в почете. Вряд ли это простое совпадение. Да, композициональность утрачена, но полностью сохранившаяся форма связывает все семейство, оно почти синхронно опускается на дно узуса, и — *мое почтение!*

Что скрывает ложь? — о сомнительности индоевропейской реконструкции глаголов «воровства»*

Т. А. Михайлова

МГУ имени М. В. Ломоносова / Институт языкознания РАН;
tamih.msu@mail.ru

Надежным критерием для языковой реконструкции и этимологии принято считать лишь реализацию регулярных фонетических переходов, тогда как диахроническая семантика лексемы предстает скорее как результат свободных и часто — непредсказуемых изменений. Однако это не совсем так. Собственно этимология лексем, кодирующих семантемы относительно позднего происхождения, как правило, также оказывается подчиненной относительно небольшому числу семантических деривационных моделей, часто — хранящихся в имплицитной форме в коллективном «бессознательном» группы исследователей, связанных общностью материала и методологических установок. Более того, опора на интуитивно реконструированную семантическую диахронию может вступить в противоречие с химией законов фонотактики, которые в таких случаях тонко обходятся, особенно — в аморфной зоне вокализма (удобным инструментом также оказывается система «восстановленных» ларингалов). Данный стихийный «метод» нельзя назвать полностью необоснованным и искусственным, поскольку естественное формирование и развитие лексики также, как правило, реализует ограниченное число деривационных семантических моделей. Естественно при этом ожидать, что сходные семантические сдвиги могут происходить как в языках, далеких генетически друг от друга, так и относящихся к одной языковой семье (см. в данном случае прекрасный анализ реконструкции понятия «кузнец» в индоевропейских и уральских языках в Blažek 2010). Наличие в нескольких родственных языковых ветвях лексем с идентичной (?) семантикой, которые возводятся к одному прото-корню, как кажется, может свидетельствовать о наличии соответствующей лексемы и в прото-языке. Однако этимологическое тождество в данном случае свидетельствует не о глубине

* Исследование выполняется в рамках проекта РФФИ №17-29-09124.

реконструкции, а о сходстве и типологической близости моделей семантических сдвигов.

Обозначение воровства как акта и вора — как его агенса предполагает наличие у коллективного носителя языка много-компонентного ментального комплекса, основные составляющие которого, предположительно, содержат: 1) информацию о лишении X-а объекта N (депривация); 2) информацию о заинтересованном в данном акте лице Y, которое присваивает объект N (лицо может быть обозначено как неизвестное, что маркируется формой глагола); 3) информацию о нанесении вреда, ущерба X-у в результате совершения описываемого действия; 4) информацию о совершенном действии как тайном, скрытом, прикрытом ложью, в первую очередь — от X-а, но не только. Список названных компонентов, возможно, нельзя назвать исчерпывающим, поскольку он не учитывает метафорических окказионализмов¹, экзотизмов типа франц. *voler* (восходит к жаргону соколиной охоты), а также эвиденциальных стратегий коммуникации. Однако, как представляется, он отражает важнейшие компоненты понятия «воровство, кража и пр.» и объясняет, например, почему таковым не могут быть названы ни открытое ограбление (4 — ∅), ни тайное лишение X-а, склонного к суициду, его родными соответствующих средств, необходимых для реализации намерения (2 — ∅). Этимологический анализ реальных лексем, представленных в языке в качестве нейтрально-базовых, должен, таким образом, опираться на семантику одного из указанных компонентов, в силу необъективных исторических и социальных сдвигов оказавшегося доминирующим в обозначении понятийного комплекса и затем — закрепившегося в речевом употреблении. Ср., например, историю употребления русск. *вор*, *воровка*, изначально реализовавших лишь компонент 4 (первое употребление fem. — о Марине Мнишек!) и восходящего предположительно к и.-е. **ur-* 'говорить возвышенно, лгать' (IEW 1162; если не из финск. *varas* 'вор, грабитель', см. Евгеньева 1939). Ср. также сходное семантическое развитие в обще-германском — англ. *thief*, нем. *Dieb* etc.: к обще-герм. **þeuba-z* с исходной семантикой «прятаться, скрываться, сидеть на корточках» (Orel 2003: 422).

Современный ирландский глагол *goid* 'красть' (откуда ном. agent. *gadaí* 'вор') в настоящее время может быть назван семантически нейтральным, и предположительно такой статус он получил уже в среднеирландский период (судя по его употреблению в юридических трактатах — Kelly 1988: 147–149). Предлагаемые этимологии интуитивно опирались на компонент 2 (см. Pedersen 1913: 160 — акцентировано желание Y об-

¹ Как означаемого («свистнуть шляпку»), так и означающего («красть время»).

ладать объектом X-а, соотносится с лит. *godas* ‘жадность, алчность’) либо компонент 3 (Matasović 2009: 155 — возводится к и.-е. **g^hosti-* ‘чужой, враг, гость’ с предполагаемой реконструкцией семантической деривации: чужой → враг → вред → нанесение ущерба; последняя этимология представляется безусловно верной с точки зрения фонотактики).

Однако в более ранних фиксациях могут быть отмечены значения, реализующие лишь компонент 1 (депривация). Ср. из «языка Глосс»:

- (1) *ní gati eronn ón*
 NEG.PART лишать.IMP.2SG на.PREP + 1PL DEM.PRON.NEUTR
 ‘Не **лишай** же нас (букв.: на нас) этого’.

Пример представляет собой глоссу к Псалму 86, стиху 15 (русск.):

- (2) *Ты, Господи, богатый благостию и верностью.*

Ср. также (из «Жития святой Бригиты»):

- (3) *Va saeth lia*
 COP.PRET.3SG обида.NOM.SG при.PREP + 3PL + POSS.PRON.3SG.FEM
brathrea gait disí
 брат.ACC.PL лишение.VN от.PREP + 3SG.FEM + EMP.PART
in tinscrae erru
 ART.N.ACC выкуп на.PREP + 3PL
 ‘Было обидно ее братьям, что она **лишает** их выкупа невесты’.

Ср. также из Законов (о том, что не может быть изъято из имущества дома в качестве платы за долг):

- (4) *na hi gatus sirg*
 CONJ.также это.NOM.SG лишать.PRES.IND.3SG.EMP болезнь.GEN.SG
dona macaib beca
 для + ART.DAT.PL сын.DAT.PL маленький.DAT.PL
 ‘также не то, что **лишает** болезни маленьких детей’²

В приведенных примерах обращает на себя внимание отсутствие компонента 2 — указания на лицо, заинтересованное в описанном действии.

Судя по данным Ф. Келли (1988), понятие воровства в современном понимании слова, т. е. с реализацией приведенного выше четырехкомпонентного комплекса, в древнеирландских законах еще не было сформировано, и, как правило, речь в них идет либо о незаконном присвоении скота, пчелиного роя, части урожая, либо — о насильственном

² Имеются в виду щенки и котята.

отъеме объекта (отсутствует компонент 4 — тайное действие). В последнем случае использовался другой термин — *brat* («отнимание, отбирание»).

Семантическая деривационная модель «депривация» как «отчуждение» реализуется также в лат. *alienare*, ср. также обще-славянское **otъt(j)udъjati* ‘делать чужим, лишать’³, реализующее семантический переход «депривация» → «кража» в чешск. и словацк. (см. ЭССЯ 2014: 15).

Другой деривационной моделью, описывающей воровство в др.-ирл., является образование обозначения вора — *táid* (полностью соответствует русск. *тать*) на основе компонента 4 (тайное действие). Аналогичная деривация наблюдается в славянских языках (Derksen 2008: 489), санскрите (*táyúh* ‘вор’) и в иранском (*tāyu-* ‘то же’), а также в хеттском (*tāje/a-* — Kloekhorst 2008: 809). Однако, более детальный анализ контекстов употребления последней лексемы в хеттских законах, предположительно, описывает, аналогично ирландским, скорее незаконное присвоение объекта (см. Hoffner 1997) и шире — незаконное действие как таковое.

С тем же феноменом мы встречаемся и в древнеирландском, в котором сущ. *táide* ‘кража, скрывание’ и глагол *táidid* ‘крадет, скрывает’ обозначают не столько воровство, сколько тайное противозаконное действие (ср. *duinetháide* — «тайное убийство», букв. «кража человека»). Интересно при этом, что поздний глагол *táidid* является дефектным и в качестве претерито-перфектных форм использует глагол *do-alla-* этимологически «отчуждает», т. е. соединяет в себе компоненты депривации и тайного действия. Более того, ср. также греч. глагол $\tau\eta\theta\acute{o}\mu\alpha$ ‘нуждаться в чем-л., быть лишенным’, также восходящий к понятию «тайное действие», но затем развивший семантический сдвиг к «депривации, лишению» в качестве back formation (Beekes, Van Beek 2009: 1480).

Наличие этимологической и семантической общности обозначения «кражи» в столь удаленных языковых ветвях, казалось бы, должно привести к логической идее возможности реконструкции и.-е. основы с соответствующим значением, что и делается составителями процитированных лейденских словарей. При этом в качестве «исходной» предлагаются основы — **teh*₂-, **teh*₄-, *(s)*teh*₂-, *(s)*tei*-. Аналогичный вывод эксплицирован Мэллори и Адамсом (2006: 275), заключающими, что базовой идеей обозначения «воровства» на и.-е. уровне было — «совершение тайного, скрытого действия, ложь». Фиксация указанного семантического перехода действительно частотна, однако это еще не означает, что мы имеем право проводить данную реконструкцию на и.-е. уровне, на котором, как всем хорошо известно, даже не реконструируется общий глагол «обладания»!

³ Ос **tjudъjъ* ‘чужой, чужак’ представляет собой раннее готское заимствование из *þiuda* ‘племя, народ’.

Чем же объяснить возникающие сближения? Ограниченностью и.-е. основ, с одной стороны, и рекурсивностью семантических сдвигов, с другой, при которой, по определению Анны А. Зализняк (2018: 770) возникает «отношение когнитивной смежности между двумя значениями». См., например — «красть» (когнат *крыть, покрывать, скрывать*) и устойчиво метафорическое — «красть время» = «лишать».

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ART — артикль; CONJ — союз; COP — связка; DAT — датив; DEM — указательное местоимение; EMP — эмпфаза; FEM — женский род; GEN — генитив; IMP — императив; IND — индикатив; N — имя; NEG — отрицание; NEUTR — средний род; NOM — номинатив; PART — частица; PL — множественное число; POSS — посессив; PREP — предлог; PRES — настоящее время; PRET — прошедшее время; PRON — местоимение; SG — единственное число; VN — отглагольное имя.

Литература

- Евгеньева А. П. 1939. История слова *вор* в русском языке. *Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена*, т. XX, 145–172.
- ЭССЯ 2014 — А. Ф. Журавлев (ред.). *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Вып. 39. М.: Наука.
- Beekes R., Van Beek L. 2009. *Etymological dictionary of Greek*. Leiden: Brill.
- Blažek V. 2010. *Indo-European “smith” and his divine colleagues*. Washington, DC: Institute for the Study of Man.
- Derksen R. 2008. *Etymological dictionary of the Slavic inherited lexicon*. Leiden: Brill.
- Hoffner H. A. 1997. *The laws of the Hittites. Critical edition*. Leiden: Brill.
- Kelly F. A. 1988. *Guide to Early Irish law*. Dublin: DIAS.
- Kloekhorst A. 2008. *Etymological dictionary of Hittite inherited lexicon*. Leiden: Brill.
- Mallory J. P., Adams D. Q. 2006. *The Oxford introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European world*. Oxford: Oxford University Press.
- Matasović R. 2009. *Etymological dictionary of Proto-Celtic*. Leiden: Brill.
- Orel V. 2003. *A handbook of Germanic etymology*. Leiden: Brill.
- Pedersen H. 1913. *Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen*. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht.
- Zalizniak Anna A. 2018. The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later. *Russian Journal of Linguistics*, v. 22, n. 4, 770–787.

Интерпретация эмоций как внутренних процессов или состояний в русском и чешском языках

Е. В. Петрухина

МГУ имени М. В. Ломоносова; elena.petrukhina@gmail.com

1. Дискуссионные вопросы изучения эмотивных глаголов

Русским эмотивным глаголам посвящена обширная специальная литература. Они изучаются в связи с типологией предикатов, актантной деривацией, дискурсивными функциями, деривационным потенциалом (Иорданская 1970, Зализняк 1992, Падучева 2004, Овсянникова 2015). При этом некоторые важные вопросы изучения эмотивной лексики продолжают оставаться дискуссионными. Рассмотрим некоторые из них, а также новые возможные аспекты исследования эмотивных глаголов.

При анализе возвратной деривации эмотивных глаголов типа *волновать* — *волноваться*, *обрадовать* — *обрадоваться* Е. В. Падучева, с одной стороны, признает декаузативный эффект и соответственно различия в концептуализации внеязыковой ситуации такими парными глаголами. «Каузатив, например *обрадовал*, приписывает изменение состояния Экспериента целиком воздействию Стимула; между тем декаузатив, например *обрадовался*, представляет дело так, что Экспериент имел некоторую свободу выбора, и отчасти сам отвечает за то, что с ним произошло» (Падучева 2004: 282). Но, с другой стороны, она отмечает также конверсивные отношения подобных парных глаголов. «Роли участников... у *рассердиться* и *рассердить*, *волноваться* и *волновать*, в принципе, одни и те же, а различие синтаксических позиций участников объясняется тем, что эти глаголы приписывают участникам разные синтаксические (и коммуникативные) ранги — как это свойственно всем конверсивам» (Падучева 2004: 281). Эта идея развивается в Овсянникова 2015, где эмотивные глаголы выделяются «в особую группу возвратных глаголов русского языка: семантически не являясь пассивными, они, как и пассивные возвратные глаголы, строго соотносятся с мотивирующими переходными глаголами по количеству обязательных участников и их ролевым характеристикам» (440).

Действительно ли можно говорить о строгом соответствии актантной структуры переходного и возвратного глаголов типа *волновать* — *волно-*

ваться, радовать — *радоваться*, предполагающем конверсивные отношения в подобных парах эмотивных глаголов? Как представляется, семантические и актантные отношения между переходным и возвратным эмотивными глаголами более сложные — для их анализа в большей степени подходит модель актантной деривации В. А. Плунгяна, допускающая изменения в референциальных свойствах участников ситуации (2011: 276–297). В предложениях типа *Он обиделся* описываются ситуации, «основная ответственность за возникновение которых лежит на их единственном актанте-пациенте. При этом существенно, что у таких ситуаций, вообще говоря, может иметься некоторая причина (как и у практически всех ситуаций в реальном мире), ср. вполне приемлемые конструкции типа *От легкомысленного ответа прохожего Иван обиделся...* Но эта причина не агентивна; такие ситуации не концептуализуются как *эксплицитно каузированные* некоторой другой ситуацией или деятелем» (Плунгян 2011: 285). Иными словами можно сказать, что у эмотивных возвратных глаголов типа *беспокоиться, волноваться, радоваться* каузация не внешняя, а внутренняя и «каузативный компонент слабо ориентирован на спецификацию причин» (Переверзев 1996: 117). Соответственно при употреблении возвратного эмотивного глагола Стимул может быть неопределенным или максимально обобщенным или может вообще уйти из образа обозначаемой ситуации, например в таких предложениях (почерпнутых из Национального корпуса русского языка), как: *Свою мысль я сумел направить так, чтобы радоваться* всему окружающему («Линия», 2005); *Она постоянно в стрессе... ей постоянно чего-то недостает, она все время беспокоится* (Н. Царенко, 2017); *Голицын ничего не объяснял, и Крылов дорогой почему-то волновался* (Д. Гранин, 1962).

В приведенных предложениях возвратные глаголы представляют эмоциональное переживание как динамический процесс. Об этом свидетельствует в частности сочетание глагола в последнем предложении с наречием *дорогой*, значение которого толкуется в словаре Т. Ф. Ефремовой (2000) следующим образом: ‘в процессе следования куда-либо; по пути, по дороге куда-либо’. Соответственно, в значении данного наречия имеется семантический элемент ‘в процессе’, который затрудняет его сочетание с именными предикатами, представляющими ситуацию статически. Маловероятно сочетание наречия *дорогой* с предикатами, содержащими имена или атрибутивные производные, а также предикативы: **дорогой он был в волнении / ему было грустно / он был рад / он был грустный* и т. п. Возможно применение и других тестов на сочетаемость предикатов с адвербиальными показателями для проверки признака динамичности (нестатичности), подробнее см. в Селиверстова 1982: 119.

С точки зрения денотативной семантики эмотивные предикаты обычно относят к предикатам состояния (внутреннего или эмоционального), в этот класс попадают и эмотивные глаголы (Иорданская 1970, Зализняк 1992, Падучева 2004: 189, Овсянникова 2015). Но если учитывать разную интерпретацию одной и той же денотативной ситуации в зависимости от глагольной или неглагольной формы предиката, то необходимо отметить динамический характер глагольных предикатов в отличие от стативных именных. Поэтому при таком подходе эмотивные глаголы рассматриваются в таксономическом классе не состояний, а внутренних процессов (Селиверстова 1982: 117–127, Вежбицкая 1996: 42).

Большая значимость при выражении эмоций в русском языке, чем в английском, «идеи активности», связанной с употреблением глагольной лексики, была интерпретирована А. Вежбицкой как «культурное различие» между сравниваемыми языками (1996: 46). Расхождения в выборе глагольных или именных эмотивных предикатов наблюдаются также при сопоставлении русского и чешского языков. Ср., например, соотношение глагольных и именных средств номинации в эквивалентных русских и чешских предложениях (переводы проверены чешским информантом):

- (1) Он сегодня *нервничает* — *Je dnes nervózní* (букв. нервный); Я *восхищалась* его успехом — *Byla jsem nadšena* (букв. была восхищена) *jeho úspěchem* / *Měla jsem z jeho úspěchu ohromnou radost* (букв. имела радость).

2. Соотношение глагольных и именных эмотивных предикатов в русском и чешском языках (на материале параллельных подкорпусов)

Возможность применения корпусных методов исследования позволяет проверить отмеченную особенность русского и чешского языков в выражении эмоций на большом объеме текстов, не ограничиваясь лишь отдельными примерами. «Использование корпуса особенно тесно связано именно с проблемой доказательства существования в языке того или иного явления» (Плунгян 2008: 14). В нашем случае большое значение для выявления различий в номинации эмоций между сравниваемыми языками имеют параллельные русско-чешские (и чешско-русские) подкорпусы Чешского национального корпуса (ЧНК) и Национального корпуса русского языка (НКРЯ)¹, о параллельных подкорпусах см. Сичинава 2019.

¹ Чешско-русский параллельный подкорпус входит в Корпус параллельных текстов InterCorp (в составе ЧНК), <https://wiki.korpus.cz/doku.php/cnk:intercorp>. Объем чешско-русского подкорпуса в ЧНК составляет 19560 тыс. слов. Здесь мы исполь-

Далее мы рассмотрим чешские соответствия русским глаголам *волноваться* и *радоваться* в чешских переводных и оригинальных текстах. Выборка ограничена личными формами данных глаголов во всех трех временах.

Среди 50 примеров перевода русских художественных текстов на чешский язык, содержащих глагол *волноваться*, мы обнаружили лишь 14 глагольных предикатов. В остальных 36 контекстах русским глагольным формам соответствуют в чешских переводных предложениях аналитические предикаты, в основном с атрибутивными производными, например:

- (2) *Извините, я волнуюсь, поэтому получается сбивчиво* (Акунин. Алтын-Толобас) / *Promiňte, jsem rozrušen* (букв. взволнован) *proto se vyjadřuji tak nesouvisle; Он волновался и радовался* (Гроссман. Жизнь и судьба) / *Byl rozčilen* (букв. расстроен) *a současně šťasten; Сорин: Ты вообразил, что твоя пьеса не нравится матери, и уже волнуешься и все* (Чехов. Чайка; пример из НКРЯ) / *Sorin: Ty sis vymyslel, že tvá hra se matce nelíbí, a jsi z toho podrážděný* (букв. раздражен) — *tak je to*.

Глаголы в чешских переводах (в том числе и редкие) используются там, где в русских оригинальных текстах имеются контекстные показатели динамического или пофазного развития ситуации, либо если глагол вводит прямую речь, например:

- (3) *Монтаж подвигался уже независимо от его воли, и чем больше волновался Аристархов, тем Чижегову все становилось безразличней* (Гранин. Дождь в чужом городе) / *Montáž už postupovala nezávisle na jeho vůli, a čím víc se Aristarchov vzrušoval, tím byl Čížegov lhostejnější; Что-то ты мало ешь, — лицемерно беспокоилсЯ Сомов* (Гранин. Прекрасная Ута) / *“Proč tak málo jíš?” znepokojoval se Somov pokrytecky*.

Проанализировав чешские соответствия формам глагола *волноваться*, употребленным в русских переводах чешских произведений, мы обнаружили также преобладание среди них именных предикатов — в выборке из 25 текстов в 14 случаях:

- (4) *Byl značně rozrušen* (букв. был взволнован) (К. Borský) / *Он заметно волновался; Uvědomila si, že ho musí probudit, že by jeho rodiče — sta-*

зовали выверенное ядро подкорпуса в 8123 тыс. словоупотреблений. Русско-чешский параллельный корпус в составе НКРЯ находится в стадии разработки и включает на данный момент 2000 тыс. словоупотреблений. Свое исследование мы проводили в основном на параллельном корпусе в составе ЧНК (в статье примеры из ЧНК даются без ссылок) с привлечением выборки из параллельных текстов НКРЯ, отсутствующих в ЧНК (см. пример со ссылкой на НКРЯ).

roušové, jak jim říkal — měli starost (букв. имели заботу) (J. Otčenášek) / Она понимала, что ему пора вставать, что родители — старики, как он называл их, — **волнуются**.

Русский глагол *радоваться* также часто переводится на чешский язык аналитическими предикатами — из 50 рассмотренных текстов такое соответствие зафиксировано в 21 случае. При этом в чешских переводах преобладает аналитическая конструкция *mít radost* (букв. иметь радость), например:

- (5) *Зачем вы **радуетесь**, что Евгений Павлович будет?* (Достоевский. Идиот) / *Proč **máte radost**, že přijde Jevgenij Pavluč? Он **радовался** успехам Соколова* (Гроссман. Жизнь и судьба) / *Ze Sokolovových úspěchů **měl radost**; Что же вы **не радуетесь**?* (Пастернак. Доктор Живаго) / *Jak to, že **nemáte radost**?*

Русские эмотивные глаголы имеют целый ряд фазисных модификаций, актуализирующих динамическую интерпретацию эмоций (*заволноваться, взволноваться, поволноваться, обрадоваться, возрадоваться, порадоваться*). При их переводе на чешский язык наблюдается несколько стратегий:

1) динамичность и фазисность не передаются и используются имен-ные предикаты:

- (6) *Они заговорили, **заволновались, обрадовались, ощутив общность...*** (Гроссман. Жизнь и судьба) / *Dali se do řeči, **netajili vzrušení ani radost*** (букв. не скрывали волнение и радость), *že mají leccos společného.*

2) выбирается бесприставочный эмотивный глагол, не имеющий фазисной семантики:

- (7) *Едва сдерживая слезы, предательски подступившие к горлу, Авдий **обрадовался**, как мальчишка...* (Айтматов. Плаха) / *Avdij stěžl zadržoval slzy dojetí, které mu zrádně stoupaly do krku, a **radoval se*** (букв. радовался) *jako dítě.*

3) употребляется приставочный глагол совершенного вида, выражающий начало или квант эмоционального переживания:

- (8) *Ну, конечно, Виктор Никифорович неказанно **обрадовался**, тут же поручился за Пашу* (Айтматов. Плаха) / *Viktor Nikiforovič **se samozřejmě nesmírně zaradoval** a za Pašu se zaručil.*

Таким образом, приведенный материал из параллельных русско-чешских корпусов демонстрирует различия в концептуализации эмоций

в сопоставляемых языках. Зафиксирована большая динамичность в представлении эмоций в русском языке, чем в чешском, часто отдающем предпочтение именным предикатам, концептуализирующим эмоции стatively, как внутреннее состояние. Возвратные эмотивные глаголы и их фазисные модификации актуализируют в интерпретации эмоций представления о динамическом внутреннем процессе, и русский язык чаще, чем чешский, выбирает именно такую концептуализацию.

Литература

- Вежбицкая А. 1996. *Язык. Культура. Познание*. М.: Русские словари.
- Ефремова Т. Ф. 2000. *Современный толковый словарь русского языка*. М.: Русский язык.
- Зализняк Анна А. 1992. *Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния*. München: Otto Sagner.
- Иорданская Л. Н. 1970. Попытка лексикографического описания группы слов со значением чувства. В сб.: В. Ю. Розенцвейг (ред.). *Машинный перевод и прикладная лингвистика*, вып. 17. М.: МГПИИЯ им. Мориса Тореза, 3–26.
- Овсянникова М. А. 2015. Возвратные и переходные глаголы эмоций русского языка: свойства актантов и дискурсивные функции. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, т. 11, ч. 1, 439–468.
- Падучева Е. В. 2004. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: ЯСК.
- Переверзев К. А. 1996. Семантика каузации на фоне лексической и пропозициональной типологии. *Вопросы языкознания*, №5, 107–118.
- Плунгян В. А. 2008. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики. *Русский язык в научном освещении*, №2 (16), 7–20.
- Плунгян В. А. 2011. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ.
- Селиверстова О. Н. 1982. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикатных типов русского языка. В сб.: О. Н. Селиверстова (ред.). *Семантические типы предикатов*. М.: Наука, 86–157.
- Сичинава Д. В. 2019. Параллельные тексты в составе Национального корпуса русского языка: новые языки и новые задачи. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, вып. XXI, 41–60.

Во сне и наяву: о ментальных локативных конструкциях в русском и французском языках

Ирина Кор Шаин

Университет Лазурного берега, CNRS, BCL; irina.kor-chahine@univ-cotedazur.fr

1. Введение

Как сказать правильно: *во сне* или *в сне*? Почему *видеть во снах* кажется не так хорошо? А *в мечте*, в отличие от *в мечтах*, почти не употребляется? В нашей статье речь пойдёт о функционировании абстрактных имён, относящихся к ментальной сфере не- и полуконтролируемых видений, как *сон*, *мечта* и др., в локативных конструкциях, т. е. в конструкциях с предлогом, имеющим пространственное значение. Такие конструкции мы будем называть «ментальными локативными конструкциями»¹.

Локативные конструкции — это довольно хорошо изученная тема, и им посвящены многие фундаментальные исследования. Интерес к локативным конструкциям был вызван необходимостью понимания организации лингвистического представления о пространстве, которое специфично для каждого отдельного языка. Этот вопрос получил широкое освещение и в сравнительных работах (см. Cienki 1989, Маляр, Селиверстова 1998, Плунгян (ред.) 2002 и др.) и, в частности, на материале русского и французского языков (Пайар, Селиверстова 2000, Плунгян 2001). Несмотря на то, что сейчас «мода» на локативные конструкции немного утихла, вопрос о представлении пространства через локативные конструкции несколько нельзя назвать исчерпанным.

Так, если способам описания физических пространств было посвящено немало работ, то о ментальной сфере, как кажется, говорилось мало. В данной статье мы будем рассматривать ментальные локативные конструкции в русском и французском языках, исходя из семантики локативных конструкций с лексемой *сон*. Как результат этого анализа, мы сделаем ряд общих выводов об особенностях организации ментальной сферы в обоих языках.

¹ Конструкции с именами, обозначающими контролируемое видение (как *мысли*, *размышления*, *планы*, *проекты* и т. п.), которые тоже входят в ментальную сферу, здесь рассматриваться не будут.

2. Ментальная сфера

Самым частотным именем, служащим для передачи неконтролируемого видения в русском языке, является *сон*. В словарях русского языка у лексем *сон* выделяется два значения: это (i) **значение состояния** (*здоровый сон*) и (ii) объектное значение **неконтролируемого видения** (*снятся сны*) (см. словарь Ожегова). Если говорить о локативных конструкциях, то мы остановимся только на четырёх: *во сне / во снах* и *в сне / в снах*. Отметим сразу, что эти синтаксические пары не будут семантически тождественны. Начнём же наш анализ с первого значения, значения состояния.

2.1. Состояние не-бодрствования (*сон1 / sommeil*)

Значение состояния не-бодрствования в рус. яз. передаётся лексемой *сон*, а также реже *дремота*, *дрёма*. В локативном значении будет использоваться конструкция *во сне*: *проводить жизнь во сне* означает «вести жизнь неосознанно, как в состоянии сна». *Во сне*, как правило, определяет какую-то деятельность или действие, которое выполняется тем, кто находится в состоянии сна, и которое происходит в действительности (*разговаривать, храпеть, дрожать во сне*). Во фр. яз. для передачи этого значения будет использоваться особая лексема — *sommeil* (*ronfler, gémir, mourir dans son sommeil* ‘храпеть, стонать, умереть во сне’):

(1) *J'ai entendu un bruit dans mon sommeil* (Patrick Modiano. *Quartier perdu*, 1985).

‘**Во сне** я услышал шум’ (П. Модiano (Ю. Яхнина, 1989))².

Фр. *sommeil* не имеет формы мн. ч., что, в принципе, и закономерно, поскольку имена состояний в языках, как правило, не изменяются по числу: ср. рус. *любовь, радость, горе* и т. п. Несмотря на то, что состояние является абстрактным понятием, которому множественность по своей природе не свойственна, в рус. яз. всё же встречаются синтаксически параллельные конструкции во мн. ч., указывающие на множественность таких состояний: *во снах* = «нас много и наших состояний много». Ср.:

(2) *Я подумал, что поскольку во снах мы все существуем в общей нейросети единого мозга, то это нас очень роднит и объединяет* («Пятое измерение», 2003).

² Примеры с авторским переводом взяты из французского параллельного корпуса НКРЯ (<https://ruscorpora.ru>), остальные примеры без помет принадлежат основному корпусу.

Но такие конструкции во мн. ч. маргинальны (меньше одного процента по сравнению с *во сне*), поэтому мы также склонны считать, что локативные конструкции, передающие состояние не-бодрствования в рус. яз., будут иметь только форму ед. ч. (*во сне, в беспмятстве, в обмороке*). Конструкции же со множественным *во снах* единичны и стилистически маркированы (об этом см. также ниже).

2.2. Неконтролируемое видение (*сон2 / гёве*)

Под действием метонимии имя *сон*, обозначающее состояние не-бодрствования, будет означать видение, которое возникает в таком состоянии, и мы имеем здесь дело со вторым значением лексемы *сон*. Так, в *Собака во сне лает, сон видит* (Даль 1863–1866) в конструкции *во сне лает* представлено первое значение состояния (*сон1*), а в *сон видит* — второе (*сон2*), обозначающее неконтролируемое видение. В конструкциях, передающих это значение, *сон* может появляться как в ед., так и во мн. числе, поскольку указывает на определённый абстрактный объект, который соответственно может исчисляться. В плане выражения, однако, мы здесь сталкиваемся с некоторыми особенностями.

2.2.1. Объектное значение

В ед. ч. функционируют две конструкции — *во сне / в сне*, — которые различаются по наличию или отсутствию беглой гласной при предлоге. С точки зрения правил русской фонетики, второй вариант без гласной является ненормативным: к конструкту типа *сн* «бессложный» предлог должен присоединяться с беглым гласным (*во сне, ко сну, со сном*). Но оказывается, что такие «нарушения» случаются в языке довольно часто и, как отмечает Н. А. Еськова, вариант конструкции без гласной будет иметь объектное значение (ср. *разойтись во мнениях / не разбираться в мнениях, погрузиться во мрак / взглядеться в мрак*; Еськова 2011: 489)³.

(3) **В сне** глубина, ум, сила и чистота переживания <...> (Ю. М. Нагибин. Дневник, 1955).

Характер «объектности» лексемы *сон* объясняет низкую частотность конструкции *в сне*, поскольку, в первую очередь, это имя мыслится как

³ Как кажется, в цитируемых Н. А. Еськовой конструкциях без гласной можно видеть и синтаксическое прочтение термина «объект», в смысле «пациенса», по оппозиции с дополнением с локативной или другой семантикой. Здесь же «объект» видится только семантически, подразумевается его предметность.

процессуальное: во сне всегда что-то происходит, и в этом случае, как мы увидим ниже, будет использоваться *во сне*. Со значением «объектности» же конструкция *в сне* часто встречается с зависимым генитивом, указывающим на того, кто видит сон: *в сне X-а — героя, Татьяны, Свидригайлова* и т. п. (конструкция же *во сне X-а* встретила только у двух авторов):

- (4) ***В сне Раскольникова смеётся не только убитая старуха (во сне, правда, её убить оказывается невозможным)*** <...> (М. М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского, 1963).

В этом примере объектное *в сне* употребляется вместе с процессуальным *во сне*, и кажется, что синтаксически и семантически они разграничиваются довольно чётко. Однако это наблюдение над обстоятельственными конструкциями не всегда подтверждается фразеологией. Так, в НКРЯ мы находим эксклюзивное употребление *потребность в сне* (а не *во сне*), имеющее скорее значение состояния не-бодрствования (сон1), но с тем же значением *нуждаться в сне / во сне* имеют одинаковую частотность в интернете⁴.

В объектном значении мы также можем встретить мн. ч., где *в снах* входит в одну синтагму с другим именем: *в снах и мечтах, в грёзах и снах, в снах и видениях, в снах и миражах, в снах и легендах* и т. д. Вне этих особых случаев конструкции *в сне / в снах*, как кажется, объектного значения не выражают. Однако, корпусные данные показывают, что в некоторых случаях конструкции *в сне / в снах* могут передавать процессуальное ментальное неконтролируемое видение. Если для *в сне* в ед. ч. это значение, как мы увидим, будет маргинальным, то для *в снах* во мн. ч. оно, наоборот, нормативно.

2.2.2. Процессуальное значение

В контекстах, обозначающих ментальное неконтролируемое видение в его процессе, чаще всего с глаголами деятельности или действия, будет употребляться *во сне*: *бежать, летать, падать, преследовать, приходить, видеть во сне* и т. п. обозначают все те действия, которые можно совершать во сне как в не-реальности. В этих контекстах *в сне*, если и встречается, то будет скорее стилистически маркированным, как, впрочем, и конструкции во мн. ч. *во снах*, ср.:

- (5) *Я себя тоже не понимаю, потому что каждую ночь вижу во сне ларьки и чемоданы* (Василий Шукшин. Калина красная, 1973).

⁴ Данные по поиску в Яндексe, апрель 2020.

- (6) *Я часто вижу в сне, как они ходят в саду, певая, украшенные цветами* (Л. М. Леонов. Русский лес, 1950–1953) ⇒ *во сне*.
- (7) *Умерла, а Ваня-то столетний на шестой день поехал было к сыну в Город и тут увидел жену во снах* (Владимир Личутин. Крылатая Серафима, 1977) ⇒ *во сне*.

Таким образом, как показывают примеры, для передачи ментального неконтролируемого видения в его процессе в рус. яз. используются синтаксически негомогенные конструкции: в ед. ч. это *во сне*, а во мн. вариант без беглой гласной — *в снах* (а не *во снах*):

- (8) *Мне во сне надо было куда-то бежать, а в снах нельзя бежать, спутаны ноги, от этого делается неимоверно тесно* (Б. А. Пильняк. Три брата, 1923–1928).

Теперь вернёмся к французскому. Во фр. яз. оба значения неконтролируемого видения, объектное и процессуальное, будут передаваться лексемой *rêve*. Она появляется в локативных конструкциях *dans le (un) rêve / dans les rêves* со всевозможными посессивными вариантами (*dans mes/ses... rêves*):

- (9) *Mais oui, je connaissais cet air. Distendu, ralenti, comme dans un rêve, c'était la musique d'Avril au Portugal* (Patrick Modiano. Quartier perdu, 1985).
‘Конечно же, я знал эту мелодию. Тягучая, замедленная, как во сне, это была мелодия «Апреля в Португалии»’ (П. Модино (Ю. Яхнина, 1989)).
- (10) *Le temps n'a pas de prise dans les rêves* (Frantext: Marc Lévy. L'étrange voyage de Monsieur Daldry, 2011).
‘Время в снах не действует’. ⇒ *во сне*

Здесь также встречается *en rêve* в ед. ч., способное передавать как состояние сна, так и конкретное сновидение, поэтому по частотности данная конструкция превышает в настоящее время⁵ все возможные варианты конструкции *dans le rêve*.

- (11) *Oui, mais nous allons si vite qu'il me semble que je voyage en rêve* (Jules Verne. Le tour du monde en quatre-vingt jours, 1872).
‘Да, но мы едем так быстро, что кажется, будто путешествуешь во сне’ (Ж. Верн (Н. Габинский, Я. Лесюк, 1939)).

Наши наблюдения над параллельными конструкциями показывают, что в большинстве контекстов фр. конструкция по мн. ч. (*dans les rêves*)

⁵ Данные Google Ngram, апрель 2020.

оказывается семантически параллельна рус. конструкции в ед. ч. (*во сне*), приобретающей в данных контекстах обобщающее значение:

- (12) *Мать не зову, а она приходит ко мне во сне* (Светлана Алексиевич. *Время секунд хэнд*, 2013).
 ‘Je n’appelle pas ma mère, mais elle vient me voir **dans mes rêves**’
 (S. Alexievitch (Sophie Benech, 2013)) ср. ^{??}*dans mon rêve*.

Такой неоднородный способ маркирования ментального неконтролируемого видения в рус. яз. (*во сне / в снах*), с одной стороны, и тенденция к предпочтению ед. ч. (*во сне*), с другой, представляют особую трудность для изучающих русский. Приведём пример из учебного корпуса RLC⁶:

- (13) *Для него Крым похоже на «остров Сокровищ» поэтому его впече/атления так <ие> как тогѡ что он мог видеть во снах* (RLC: Alice, 2014) ⇒ во сне.

Синтаксическая ошибка франкоязычной студентки явно совершена под влиянием фр. конструкции, которая со значением процессуальности используется во мн. ч. (*voir dans ses rêves*). В рус. яз. здесь лучше употребить *во сне*: *что он мог видеть (только) во сне*. Но, с другой стороны, нет ли здесь ещё и лексической ошибки, и не идёт ли здесь речь о «снах наяву», нежели о снах-сновидениях? Особенностью фр. *rêve* является то, что он может означать как не-, так и полуконтролируемое видение, своего рода «сны наяву» (*видеть в (своих) мечтах*), которые семантически организуют особую часть ментальной сферы (об этом ниже).

Добавим, что в конструкциях этого типа можно также встретить *cauchemar* ‘кошмарный сон’, *le mauvais rêve* ‘дурной сон’, и устаревшее *songe*, которое близко по своей семантике к современному *rêve*, поскольку передаёт процессуальные значения, соответствующие рус. *сон* и *мечта*. Эти имена менее частотны, чем *rêve*, но синтаксически функционируют так же.

2.3. Полуконтролируемое видение (*мечта/rêve*)

Если в рус. яз. с именем *сон* связано всё, что касается ментального неконтролируемого видения во время не-бодрствования, то с именем *мечта* в ментальную сферу будут входить все те образы, которые появляются во время скорее не бодрствования, а забытия. К ним надо отнести *мечты, шлюзы, мечтания, образы, а также дурные мысли (лезут в голову)*.

⁶ <http://www.web-corpora.net/RLC/>

- (14) *Когда пришёл Горбачёв, все мы бегали ошалевшие от радости. Жили в мечтах, в иллюзиях* (Светлана Алексиевич. *Время секонд хэнд*, 2013).
 ‘Quand Gorbatchev est arrivé au pouvoir, nous étions tous fous de joie. On vivait **dans des rêves, des illusions**’ (S. Alexievitch (Sophie Benech, 2013)).
- (15) *Nous faisons une drôle de paire, Claude les yeux perdus dans ses rêves et moi le regard toujours à l'affût* (Frantext: Alexandre Jardin. *Bille en tête*, 1986).
 ‘С виду мы казались странной парой, Клод блуждал **в своих мыслях**, я же ничего не упускала из виду’.

Как мы уже упоминали, фр. яз. лексически не различает образы, возникающие в состоянии сна и не поддающиеся контролю (*сны, сновидения*), и образы, возникающие в состоянии бодрствования и определённым образом контролируемые (*мечты*)⁷. В обоих случаях используется лексема *rêve* в уже упомянутых выше конструкциях *dans les rêves* и *en rêve*. Но при необходимости дифференциации этих значений во фр. значение полуконтролируемого видения будет передаваться его близкими однокоренными синонимами *rêvasserie* и *rêverie*.

Примечательно, что в некоторых контекстах фр. *rêves* сближается с рус. *мысли* (см. последний пример выше): обе реальности очень близки по своей природе, поскольку обозначают полуконтролируемое видение. В рус. яз. на семантическую близость имён *мечта* и *мысль*, в частности, указывают примеры употребления конструкций *в мечте* в конце XIX — начале XX века; это значение не сохранилось в современном рус. яз.:

- (16) *И вот тут случилось такое, что и в мечте ни у кого не было* (М. Стронин. *Васка*, 1925) ⇒ *в мысли, в мыслях*.

Таким образом, так же, как и фр. *rêve*, занимающее промежуточное положение между сферой не- и полуконтролируемого видения, рус. *мечта* диахронически «покрывало» смежные семантические зоны полу- и контролируемого видения, в которые входят *мысли, размышления, планы* и т. п.

⁷ Здесь следует отметить, что под влиянием французского языка в конце XVIII — начале XIX века встречаются единичные употребления русского *сон* в значении контролируемого видения, см.: *Totalement нельзя. Это не такое несчастье, которое бы скоро в мыслях могло быть заглажено. Однако нельзя и того сказать, чтоб оно живо было в нашей памяти. Оно представляется нам, как сон, как illusion* (Д. И. Фонвизин. *Бригадир*, 1783–1786) (ср. пример из С. Алексеевич выше), а также у А. С. Пушкина (из словаря Ушакова): *То был ли сон воображенья?; Она поэту подарила младых восторгов первый сон; В глуши звучнее голос лирный, живее творческие сны*. Однако частотность этого употребления не подтверждается корпусом (ср. *Не ведает, сон ли то или мечта* (А. Н. Радищев. *Бова*, 1798–1799)).

В конструкциях этого типа преимущественно употребляется мн. ч.: ср. *в мечтах* (но *в мечте о X*), *в грёзах* (**в грёзе*), *в иллюзиях*, (*витать*) *в небесах* и т. п. Так же новые конструкции будут строиться по аналогии — *в кайфах* (18 тыс. употреблений, Google.fr):

(17) *Если человек живёт в кайфах, у него сегодня одно настроение, завтра другое — нам не по пути* (Мария Миронова. Возможно всё!, 7days.ru).

3. Заключение

Анализ локативных конструкций с именами, обозначающими не- и полуконтролируемые видения в рус. и фр. яз., показал, что в ментальной сфере следует выделять четыре категории, каждая из которых будет характеризоваться как своим набором лексики, так и своим типом конструкций. Так, в первую категорию (i) будут входить конструкции в ед. ч., обозначающие состояние не-бодрствования: *во сне* vs. *dans son sommeil*. Во вторую категорию (ii) попадают имена, передающие неконтролируемое видение: фр. ед. ч. *en rêve*, *dans le rêve* / мн. ч. *dans les rêves*, а в рус. яз. происходит дифференциация по признаку состояние (ед. ч. *в сне*) / процесс (нестандартная пара ед. *во сне* / мн. *в снах*). Третью категорию (iii) составляют конструкции полуконтролируемого видения во мн. ч. (*в мечтах* vs. *en rêve*, *dans les rêves*). И, наконец, четвертую категорию (iv) будут составлять имена, передающие контролируемое видение с полной парадигмой ед. и мн. числа (*в мысли* / *мыслях* и т. п. vs. *dans la pensée* / *les pensées*, etc.).

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что организация ментальной сферы в рус. и фр. яз. происходит по двум основным принципам. В рус. яз. в основе распределения локативных конструкций стоит принцип контролируемости / неконтролируемости: так «работают» имена *сон* и *мечта*. А во французском в основе лежит возможность появления образов — в том числе и в состоянии бодрствования (*rêve*) — и их отсутствие (*sommeil*)⁸.

Литература

Еськова Н. А. 2011. Предлоги с беглым *о* в русском языке: попытка лексикографического отражения. В кн.: Еськова Н. А. *Избранные работы по русистике: Фонология. Морфонология. Морфология. Орфография. Лексикография*. М.: ЯСК, 486–491.

⁸ Я благодарю Владимира Плунгяна за обсуждение вопросов, которые впоследствии стали объектом настоящего исследования, а также Сергея Сахно (Université Paris 10 Nanterre, France) за ценные замечания по прочтении статьи.

- Маляр Т. Н., Селиверстова О. Н. 1998. *Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках (Slavistische Beiträge, Bd. 362)*. München: Otto Sagner.
- Пайар Д., Селиверстова О. Н. (ред.). 2000. *Исследования по семантике предлогов*. М.: Русские словари.
- Плунгян В. А. 2001. Русское *через* — французское *à travers*: опыт сопоставления. В сб.: М. Гиро-Вебер, И. Б. Шатуновский (ред.). *Русский язык: пересекая границы*. Дубна: Межд. ун-т «Дубна», 154–170.
- Плунгян В. А. (ред.). 2002. *Исследования по теории грамматики*, вып. 2: *Грамматикализация пространственных значений*. М.: Русские словари.
- Cienki A. J. 1989. *Spatial cognition and the semantics of prepositions in English, Polish, and Russian (Slavistische Beiträge, Bd. 237)*. München: Otto Sagner.

Засветло или затемно?*

Анна А. Зализняк

Институт языкознания РАН /

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН;

anna.zalizniak@gmail.com

*Дорогому Володе —
в память о Париже 90-х*

В самом начале 90-х годов прошлого века французский лингвист Дени Пайар создал при университете Париж-7 рабочую группу для описания семантики русских дискурсивных слов и глагольных приставок с применением оригинального концептуального аппарата, разработанного им на основе теории А. Кюльоли. В эту группу вошли и некоторые молодые российские лингвисты, в том числе Володя (в дальнейшем — Владимир Александрович) Плунгян. По стечению обстоятельств я оказалась в то же время в том же месте и случайным образом также занималась исследованием семантики русских приставок — благодаря чему мне довелось принимать участие в работе этой группы. Обсуждения, проходившие в рамках семинара Пайара, оказались весьма плодотворными и во многом определили направление исследований в двух означенных выше областях русистики на ближайшие годы (замечу также, что сам термин «дискурсивные слова» был введен в русский лингвистический обиход именно группой Пайара).

В настоящей заметке я хочу вернуться к одному из тогдашних сюжетов — проблеме многозначности приставки и ее последствиям. Речь пойдет о приставке *за-* в составе двух наречий — *засветло* и *затемно* — и возникающей в связи с их анализом проблеме энантиосемии.

Наречие *затемно* употребляется в русском языке для обозначения двух различных временных точек (соответствующие два значения выделяются, в частности, в МАС):

* Статья написана при поддержке РФФИ, грант №17-29-09124.

- (i) ‘незадолго до рассвета’ (*отправился в путь затемно; пришел на работу затемно*); в этом случае *затемно* обычно фиксирует момент начала деятельности, которая будет продолжаться после рассвета;
- (ii) ‘вскоре после заката’ (*вернулся домой затемно; закончил работу затемно*); в этом случае *затемно* фиксирует момент окончания деятельности, которая началась до заката).

Ср. следующие примеры из НКРЯ (www.ruscorpora.ru):

- (i) ‘незадолго до рассвета’
 - (1) В разговорах с Соломоном Волковым он вспоминал, что когда в ссылке **затемно** отправлялся на работу, мысль о том, что этим ранним утром миллионы людей на ее бескрайних просторах идут в свои цеха и забот, странным образом ободряла и согревала его (Анатолий Макаров. Ортодокс поневоле (2001)).
 - (2) Утро в лазарете начинались с обходов, **затемно** (Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)).
- (ii) ‘вскоре после заката’
 - (3) Чуть свет он уходит, возвращается **затемно** (Борис Екимов. Сосед (2001)).
 - (4) Расходились **затемно**, довольные собой и друг другом (Евгений Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание (1999–2000)).

В статье Шмелев 2009: 197 слово *затемно* трактуется как энантиосемичное. Однако противопоставление его двух значений не является в буквальном смысле противоположностью; оно представляет собой результат реализации единой концептуальной схемы, заключенной в слове *затемно* (‘нахождение в < темном > промежутке времени, близко к его границе’), применительно к двум различным порядкам следования света и тьмы на рассвете и на закате. Если речь идет о границе, отделяющей свет от тьмы (наступление вечера), *затемно* означает ‘вскоре после заката’ (*вернуться домой затемно*); если, наоборот, о границе между тьмой и светом (наступление утра) — ‘незадолго до рассвета’ (*выехать затемно*).

При этом слово *затемно* может появляться в переводе как эквивалент англ. *in the dark* и нем. *im Dunkel*. Возможность такого употребления говорит о том, что различаемые словарями два значения слова *затемно* трактуются русским языком скорее как контекстные варианты одного и того же значения; в отсутствие различающего контекста их противопоставление исчезает.

Слово *засветло* реализует аналогичную концептуальную схему: ‘нахождение в <светлом> промежутке времени, близко к его границе’, и здесь имеется аналогичная пара значений: (i’) ‘незадолго до заката’ (*вернулись домой еще засветло*) и (ii’) ‘вскоре после рассвета’ (*закончили работать уже засветло*). Примеры:

(i’) ‘незадолго до заката’:

- (5) *Когда в день своего исчезновения он засветло, до наступления сумерек вышел от Гордона на Бронную, направляясь к себе домой на Спиридоновку, он тут же, не пройдя и ста шагов по улице, наткнулся на шедшего во встречном направлении сводного брата Евграфа Живаго* (Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945–1955)).

(ii’) ‘вскоре после рассвета’

- (6) *Александр Павлыч кутил в «Магните» и возвращался уже засветло, когда Привалов успевал уйти* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы (1883)).

Таким образом, вариант локализации «на краю» временного интервала, обозначенного основой (т. е. в его начале или в его конце), не закреплен в словах *затемно* и *засветло*. Частицы *еще* и *уже* локализуют точку, находящуюся «на краю» — соответственно, темного или светлого пространства, — на временной оси, помещая ее в той или иной части суточного цикла. Наречие *еще* служит показателем реализации значения ‘до заката’ для *засветло* (*вернулись домой еще засветло*) и значения ‘до рассвета’ для *затемно* (*выехали на рыбалку еще затемно*). Наречие *уже* указывает на реализацию значения ‘после рассвета’ для *засветло* (*вернулся с ночного дежурства уже засветло*) и значения ‘после заката’ для *затемно* (*вернулись домой уже затемно*).

Сказанное может быть представлено в форме следующей таблицы:

‘до рассвета’ (<i>еще</i>) <i>затемно</i>	‘после рассвета’ (<i>уже</i>) <i>засветло</i>	‘до заката’ (<i>еще</i>) <i>засветло</i>	‘после заката’ (<i>уже</i>) <i>затемно</i>
--	--	---	---

Эта замечательно стройная картина является, однако, неполной.

А именно, наречие *засветло* имеет еще одно значение — ‘до рассвета’ (в котором оно оказывается синонимично *затемно*), где приставка *за-* указывает на локализацию, наоборот, **вне** пространства, обозначенного основой. Как показывает материал НКРЯ, слово *засветло* в этом значении распространяется начиная с середины XX в., ср.:

- (7) *Наш караван, состоявший из мулов и ослов, двинулся в путь еще **засветло**, когда в городе едва пропели сонные третьи петухи и на небе еще сияли звезды* (А. П. Ладинский. В дни Каракаллы (1959)).
- (8) *Чтобы попасть на московский самолет, встать приходится **засветло** и потом ехать по спящему шоссе в порт, чтобы отправиться с первым паромом в Неаполь и далее в Рим* (Алексей Мокроусов. В тени Эпомео (2002) // «Домовой», 2002.08.04).

Для наречия *засветло* в обоих значениях характерна сочетаемость с наречием *еще*. Тем самым неоднозначным может оказаться уже и само сочетание *еще засветло*. Эта неоднозначность может разрешаться за счет контекста, но может и оставаться неразрешенной. Так, в (9) из смысла описываемой ситуации следует, что имеется в виду ‘до рассвета’ (метро еще не ходит), а в (10) для выбора понимания ‘до заката’ или ‘перед рассветом’ необходимы дополнительные сведения.

- (9) *Но меня все же тянуло в Париж. Хотелось хоть украдкой со стороны взглянуть, что там происходит, и еще **засветло** мы с Наташей вышли из поезда на вокзале «Сен-Лазар». Метро не действовало, такси и автобусы не ходили, и мы пешком двинулись на свою квартиру на Кэ Бурбон* (А. А. Игнатъев. Пятьдесят лет в строю. Кн. 5 (1947–1953)).
- (10) *Еще **засветло** Родион и Тихон прячут в сарае среди всякого хозяйственного хлама все, что поценнее* (А. А. Богданов. Тайга разбужена (1925)).

Значения слова *засветло* ‘после рассвета’ и ‘до рассвета’ являются безусловно противоположными. Такая энантиосемия требует объяснения; дело в том, что единственным безусловным источником (когнитивным механизмом) развития у слова противоположного значения, т. е. реализации семантического перехода типа ‘А’ → ‘не-А’, является ирония, ср. *Хорошенькое дело! Ну ты молодец!; Fiez-vous aux femmes!* как призыв не доверять женщинам (пример Ш. Балли) и т. п.; во всех прочих случаях наличие у слова противоположных значений представляет собой побочное следствие действия механизмов семантической деривации, разные пути которой могут приводить к различным результатам, в том числе противоположным (ср. Балли 2001: 192, Blank 1997: 229, Ермакова 2002, Shmelev 2016). Об источнике энантиосемии глаголов с приставкой *за-* (ср. *задуть* *домну* и *задуть* *свечу*, *залечить* *рану* и *залечить* *человека*, русск. *запомнить* и польск. *zapomnieć* ‘забыть’ и др.) см. Зализняк 2013: 422.

Объяснение энантиосемии слова *засветло* включает два обстоятельства.

Первое состоит в том, что в значениях 'до заката/после рассвета' и 'до рассвета' приставка *за-* в слове *засветло* имеет разное значение. А именно, в первом случае приставка *за-* имеет значение «на краю» <пространства, обозначенного основой>. Пространственная метафора, реализованная в этом значении слова *засветло* (также как и в *затемно*), соответствует тому фрагменту «пространственной идеи» приставки *за-*, который реализован в глаголах *замочить* <край одежды>, *запилить* 'сделать надрез пилой', *задеть* и т. п., ср. признак EDGE (= 'действие, производимое «с краю»') в Зализняк 1995. В *засветло* = 'до рассвета' приставка *за-* имеет иное значение: она выражает идею нахождения объекта с другой стороны от некоторой преграды; в рамках глагольной префиксации это значение отсутствует, но оно имеется у предлога *за*, ср. *зайти за дом*, *уехать за границу*¹. Это же значение приставка *за-* имеет в слове *завтра* (из др.-русск. *заутро*), а также в *заутреня* (= 'утренняя служба'). *Завтра* — это время, находящееся от наблюдателя *за* границей, после которой начинается *утро*.

Однако парадокс состоит в том, что *засветло* в значении 'до рассвета' имеет в точности ту же внутреннюю форму, что *завтра*, при этом *засветло*, в отличие от *завтра*, означает время не **после**, а **до** рассвета. Объяснение этому парадоксу называется «дейктический сдвиг» — явление, описанное в статье Добровольский, Падучева 2008, где продемонстрирована потенциальная обратимость позиции наблюдателя (субъекта дейкисиса), включенного в семантику немецких пространственных частиц *hin* и *her*; ср. также примеры соответствий немецкого предлога *vor* 'перед' русскому *за* в Тарасевич 2014: нем. *vor die Tür setzen* — рус. *выставить за дверь*, *vor der Stadt* — *за городом*, *es regnet vor dem Fenster* — *за окном дождь*. Очевидно, *Мы выехали засветло* (= 'до рассвета') содержит тот же дейктический сдвиг, что *Мы стояли за дверью* (например, аудитории, где происходила интересующая нас лекция), — с точки зрения условного наблюдателя, который находится внутри этого пространства.

Отметим, что наречие *затемно* аналогичного сдвига не допускает (оно не имеет значения 'до заката'), — что обусловлено, очевидно, тем, что светлая и темная часть суток неравноправны: светлая является «выделенной» точкой отсчета.

Итак, отношение между двумя значениями слова *затемно*, так же как и между двумя аналогичными значениями слова *засветло*, не является

¹ Ср. Плунгян 2001 о принципиальном единстве описания полисемии приставки и предлога.

энантиосемией. Что же касается третьего, «внесистемного» значения слова *засветло* ('до рассвета'), то его действительно следует признать энантиосемичным по отношению к значению 'после рассвета', и эта противоположность является следствием а) реализации разных значений приставки и б) наличия «дейктического сдвига».

Литература

- Балли Ш. 2001. *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. М.: УРСС.
- Добровольский Д. О., Падучева Е. В. 2008. Дейксис в отсутствие говорящего: о семантике немецких дейктических элементов *hin* и *her*. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам Международной конференции Диалог'2008*, вып. 7 (14), 140–146.
- Ермакова О. П. 2002. Существует ли в русском языке энантиосемия как регулярное явление? Вспоминая общую этимологию начала и конца. В сб.: Н. Д. Арутюнова (ред.). *Логический анализ языка. Семантика начала и конца*. М.: Индрик, 61–68.
- Зализняк Анна А. 1995. Опыт моделирования семантики приставочных глаголов в русском языке. *Russian Linguistics*, v. 19, 143–185.
- Зализняк Анна А. 2013. *Русская семантика в типологической перспективе*. М.: ЯСК.
- Плунгян В. А. 2001. Приставка *под-* в русском языке: к описанию семантической сети. В сб.: М. А. Кронгауз (сост.). *Глагольные префиксы и префиксальные глаголы (Московский лингвистический журнал, т. 5, №1)*, 95–124.
- Тарасевич Л. А. 2014. Интерпретация пространственных выражений: к проблеме неоднозначности (на материале немецкого и русского языков). *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки, №10*, 102–107.
- Шмелев А. Д. 2009. «Незначашее» и «невывраженное» отрицание (когнитивные и коммуникативные источники энантиосемии). В сб.: Н. Д. Арутюнова (ред.). *Логический анализ языка. Ассерция и негация*. М.: Индрик, 173–202.
- Blank A. 1997. *Prinzipien des lexikalischen Bedeutungswandels am Beispiel der romanischen Sprachen. (Beihefte für Zeitschrift für romanische Philologie, Bd. 285)*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
- Shmelev A. 2016. Semantic shifts as sources of enantiosemy. In: P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). *The lexical typology of semantic shifts*. Berlin: De Gruyter Mouton (*Cognitive Linguistics Research*, v. 58), 67–94.

Metaphor: Unidirectional vs. non-directional carrying in Russian

Tore Nessel, Laura A. Janda

UiT The Arctic University of Norway
tore.nessel@uit.no; laura.janda@uit.no

Verbs of motion represent a major challenge for L2 learners of Russian, and metaphorical uses of the verbs are particularly difficult to master. In this article, we consider the verbs *носить* and *нести* ‘carry’, which occur frequently in metaphorical uses. On the basis of data from the Russian National Corpus (www.ruscorpora.ru), we show that *носить* is metaphorically focused, while *нести* is versatile. We discuss a number of generalizations and suggest that the versatility of *нести* may be due to the fact that life consists of many purposeful activities, for which a unidirectional motion verb like *нести* represents a suitable source domain.

In Nessel, Janda to appear we distinguish between “specific”, “generalized” and “metaphorical” motion. Specific motion is when the verb is used in its literal sense (*нести посылку домой* ‘carry a package home’). Generalized motion involves physical movement, but not of the kind specified by the verb:

(1) *Да и вода любой реки несет с собой столько ила, песка, гальки [...].*

‘And the water of any river carries with it so much mud, sand and pebbles [...]’ («Знание — сила», 2008).

Metaphorical motion is present when no physical motion takes place, as in expressions like *носить имя* ‘(lit.) carry a name’ and *нести ответственность* ‘carry responsibility’. In order to study the distribution of these three kinds of motion (specific, generalized and metaphorical), we constructed a database with 100 random examples for each of the following verbs: *ходить/идти* ‘walk’, *ездить/ехать* ‘ride in a vehicle’, *летать/лететь* ‘fly’, *носить/нести* ‘carry’, *водить/вести* ‘lead’, *возить/везти* ‘transport’, and *плавать/плыть* ‘swim/sail’. Figure 1 shows that both unidirectional and non-directional verbs are used metaphorically, but that the former category is much more prone to metaphorical use. The question is why. In order to investigate this, we consider *носить* and *нести*, which are both used frequently in metaphors.

Characteristic of *носить* is the use with a garment as the object (*носить пиджак* ‘wear a jacket’), which occurs in 49 out of 100 examples in our data-

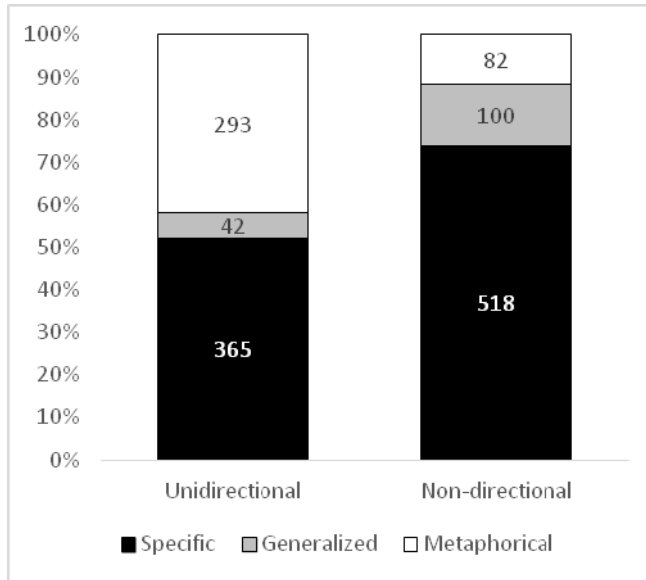

Figure 1. Distribution of specific, generalized, and metaphorical motion for 14 simplex verbs of motion. Numbers are raw numbers from our database, which consists of 700 examples with unidirectional verbs and 700 with non-directional verbs

base. We classify this as generalized motion, since the garments move around with their owners, although they are not carried in a literal sense. Among the metaphorical uses, two types stand out:

- (2) *Во всем мире первоначально терроризм носил характер индивидуальной агрессивной активности.*
 ‘All over the world, in the beginning terrorist activity was of an individual aggressive nature’ (Коллективный, 2008).
- (3) *В этом отеле каждый номер носит имя композитора.*
 ‘In this hotel, each room bears the name of a composer’ (Спивакова, 2002).

In our database, the “character construction” in (2) is attested in 23 examples, while we have 12 examples with the “name construction” in (3). Thus, taken together the two constructions occur in 35 out of 100 examples. Apart from these two constructions, our database contains only 6 more metaphorical examples with *носить*. In this sense, the metaphorical use of *носить* is “focused”; while the verb is often used metaphorically, two metaphorical constructions dominate.

The picture is quite different for *нести*. As shown in (1) above, this verb also occurs in generalized uses, but we found only 7 examples in this category. Metaphorical uses, on the other hand, are attested in as much as 59 out of 100 examples in our database. The metaphorical uses are quite heterogeneous and therefore difficult to classify. However, one broad class involves situations that have consequences, often negative:

- (4) *Федеральные силы продолжают нести потери в столкновениях с боевиками.*
'The federal forces keep experiencing losses in confrontations with insurgents' («Еженедельный журнал», 2003).

To this category belong frequent collocations such as *нести потери/убытки* 'carry losses' and *нести риск* 'carry risk', and we may also include *нести ответственность* in this class, since responsibility comes with consequences. Less closely related are constructions involving carrying (metaphorical) weight:

- (5) *Станут ли религии несущими конструкциями нового миропорядка?*
'Will religions become support structures in a new world order?' («Эксперт» 2013)

If something is not able to carry weight, the result is collapse — clearly a negative consequence.

Another broad class involves abstract nouns with negative or positive connotations:

- (6) *Многие знания обо всем творящемся на просторах России несут с собой многие печали.*
'Many insights about everything happening in Russia bring a lot of sadness' (Дежнев, 2009).
- (7) *Здесь какая-то ущербная [...], «слободская» урбанизация, которая, в отличие от средневековых городов, не несет с собой воздух свободы.*
'Here we are dealing with detrimental urbanization, which, unlike medieval towns, does not bring about the air of freedom' («Знание — сила», 2008).

Characteristic of examples like these is the fact that *нести* denotes bringing about something, creating a new situation.

Four more constructions deserve mention; although we have few examples in our database, they are well attested in the Russian National Corpus. The first one involves laying eggs:

(8) *Куры несли яйца чаще и крупнее.*

‘The hens laid eggs more often and bigger’ («Зеркало мира», 2012).

The second construction is about growing leaves:

(9) *А вот клёны [...] несут довольно крупные листья и являются довольно крупными деревьями, распространёнными в горах.*

‘And the maples [...] grow quite large leaves and are fairly large trees that are widespread in the mountains’ (Карпун, 1997).

Both laying eggs and growing leaves are “transformations” that are part of cyclic processes. Eggs become chickens that lay eggs, and trees grow leaves in the spring and lose them in the fall before growing new leaves next spring.

The third class that deserves mention is what we may call the “speech construction”, since *нести* corresponds to a speech verb in English:

(10) *Это же очевидно. — Что ты несешь? — сказал Дамилола сердито.*

‘“That’s obvious.” “What nonsense are you saying?”, said Damilola angrily’ (Пелевин, 2011).

(11) *А когда человек несет реальную чушь, не предлагая ничего взамен — что это по-вашему?*

‘And when a person is talking nonsense without offering anything back, what is that in your opinion?’ (Коллективный, 2010-11)

Examples where *нести* is used about smell represent the fourth construction that is not widespread in our database, but nevertheless well attested in the corpus at large:

(12) — *Опять от тебя несет, Павел, — жена шепчет.*

‘“Once again you smell bad, Pavel”, his wife whispers’ (Маканин, 1977).

Examples (4) through (12) testify to a heterogeneous situation, where *нести* occurs in a number of different metaphorical constructions. While *носить* is metaphorically “focused”, we may conclude that *нести* is “versatile” when it comes to metaphorical use.

What should we tell L2 learners, when they ask how to use *носить* and *нести* in metaphors? For a native speaker of Russian, it may appear obvious that you use the former verb in the “name construction” (*носить имя*), but the latter about responsibility (*нести ответственность*). For L2 learners, on the other hand, this is anything but obvious. On the basis of our finding that *носить* is metaphorically “focused”, while *нести* is “versatile”, we propose the following rule of thumb:

(13) The *носить/нести* metaphor rule:

In metaphorical expressions, use *нести*, except in the “name construction” (*носить имя*) and the “character construction” (*носить характер*).

Since this rule is simple and at the same time refers to verbs that are frequently used metaphorically, it stands to reason that this rule is valuable in second language pedagogy. At the same time, the rule raises a question of interest for theoretical linguistics. What is the motivation for the skewed distribution summarized in the rule? Is it possible to explain why the unidirectional verb *нести* is more prone to metaphorical use than its non-directional partner *носить*?

Although it seems unfeasible to provide a definite answer, we suggest that the answer should be sought in the difference between unidirectional and non-directional motion in space. We observe that the unidirectional *нести* is used in metaphors involving change of state. This applies to the examples with situations leading to (negative) consequences (e.g., *нести потери*) and situations where *нести* denotes bringing about some sort of result (e.g., *нести с собой печаль*). The examples with eggs (*нести яйца*) and leaves (*нести листья*) also involve change of state. The “speech construction” (*что ты несешь?*), is also relevant, insofar as speech verbs are about conveying information, i.e. bringing about a change from less information to more information (although in examples like *нести чушь* the relevant information is not particularly valuable.) Even the examples involving smell (*от тебя несет*), can be analyzed as conveying information.

While the metaphors with *нести* tend to involve change of state, the two metaphorical constructions with *носить* are stative. In the “name construction”, *носить* denotes inalienable possession, since a name is something one has, which under normal circumstances cannot be changed easily. It is therefore expected that *носить имя* ‘carry a name’ competes with the nearly synonymous *иметь имя* ‘have a name’. The “character construction” (*носить характер*) also relates to (inalienable) possession insofar as the possessive verbs *иметь* ‘have’ and *обладать* ‘possit’ also combine with *характер*.

The upshot of this discussion is that metaphorical *нести* tends to involve a change of state, while *носить* is stative and does not imply a change of state. This is in harmony with the spatial meanings of the two verbs. While the former indicates movement in one direction along a path towards a goal, the latter describes non-directed motion. The question why *нести* is more versatile in metaphor thus boils down to the question of why metaphors tend to involve change of state, i.e. metaphorical motion in one direction towards a goal, rather than stative situations involving possession. To this question, we have

no definitive answer, but we note that already Lakoff and Johnson (1980) pointed out that LIFE IS A JOURNEY, i.e. unidirectional movement along a path. This journey has taken Vladimir Plungian to his sixtieth birthday, at which we would like to bring him (*принести*) our congratulations and best wishes for the future.

References

- Lakoff G., Johnson M. 1980. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press.
- Nesset T., Janda L. A. To appear. Securing strategic input for L2 learners: Constructions with Russian motion verbs. In: H. Boas (ed.). *Proceedings from the conference Constructionist Approaches to Language Pedagogy 3*. Berlin: de Gruyter.

Несемиотические позы: типологический аспект*

Т. И. Резникова, Д. А. Рыжова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
tanja.reznikova@gmail.com; daria.ryzhova@mail.ru

1. Введение. Лексическая смежность

Как известно, одна и та же внеязыковая ситуация может по-разному структурироваться разными языковыми системами. Классические примеры таких «разных точек зрения» в грамматике представляет категория времени, смежная с категориями модальности и аспекта. Так, ситуация, которая в языках средневропейского стандарта описывается как будущее время, противопоставленное настоящему и прошедшему, в другой системе может передаваться ирреалисом, противопоставленным реалису. Точно так же, тот факт, что ситуация относится к прошлому, может передаваться в одной системе формой прошедшего времени (противопоставленной настоящему и будущему), а в другой — перфективом (противопоставленным имперфективу).

Нам интересна такого рода смежность для *лексических* категорий глагола. Пример, который здесь уместен, касается поля падения, о структуре которого в разных языках был собран и обобщен большой типологический материал (см. Рахилина и др. (ред.) 2020). Упрощая, скажем, что в этой области языки различают:

- падение с высоты (чашка со стола)
- падение вертикальных объектов (дерево)
- падение закрепленных объектов (яблоко с дерева).

Бывает, что одна лексема описывает почти все поле, как *erori* в баскском; есть языки со специализированными лексемами падения для каждого типа ситуаций. Между тем, бывает, что нужный предикат заимствуется из другого поля: например, для падения вертикальных объектов в некоторых языках используется глагол поворота, ср. в шугнанском употребление *gāxtow* ‘поворачивать’ (Рахилина, Некушоева 2020):

* Исследование поддержано грантом РФФИ № 20-012-00240 «Проблема семантической непрерывности в лексико-типологическом аспекте».

- (1) *xaḥ ḫīz sut xu yā diraxt gāḫt*
 твердый ветер статья:PST:M и DEM:DIST:F:SG дерево упасть:PST
 ‘От сильного ветра то дерево упало’.

Глаголы поворота принадлежат полю вращения, а не падения, но оказываются они в зоне падения не случайно, а потому, что поворот — это первая фаза падения вертикальных объектов. Точно так же частью ситуации падения может быть удар, сопровождающий соприкосновение падающего тела с поверхностью — и есть языки, которые метонимически называют ситуацию падения, включающую подобный контакт с поверхностью, не стандартным для них глаголом падения с высоты, а глаголом удара. Такое пересечение лексических полей — вращения и падения или удара и падения — мы считаем *смежностью*, очень похожей на смежность грамматических категорий: времени и модальности или времени и аспекта.

2. Материал исследования

В этой короткой заметке мы поговорим о лексической смежности на необычном, но очень богатом в этом отношении типологическом материале. Он собран в ходе нашего проекта по типологии частей тела. Общая идея проекта была в том, чтобы преодолеть традиционный «бесконтекстный» подход к описанию этой категории имен (см., например, Majid et al. 2006) и перейти к их анализу через конструкции, в которых они используются. Так, для определения ноги или ступни в русском мало уметь указать их соответствия на картинках, изображающих человечков, — нужно еще знать, что носок надевают не на ступню, а на ногу, точно так же, как перчатку — не на ладонь и не на кисть, а на руку, а ребенка сажают на колени, а не на ноги или на бедра.

Для проекта мы специально отобрали стандартные, но семиотически пустые позы человека, такие как ‘заложить руки за спину’, ‘вытянуть руку’, ‘согнуть ногу’ и проч., и собрали их описания в тридцати языках. Часть материалов размещена в базе данных, доступной по ссылке: <https://linghub.ru/nonsemiotic/>¹.

На этот материал мы и предполагаем сейчас опереться в поисках случаев лексической смежности в глаголе. Дело в том, что соответству-

¹ Мы благодарим Е. В. Рахилину, идейного вдохновителя и двигателя этого проекта, а также студентов школы лингвистики НИУ ВШЭ, принимавших в нем участие, и всех экспертов, помогавших нам в сборе материала: Ирину Багировову, Аимгуль Казкенову, Анну Панину, Елену Парину и Лилию Холкину.

ющие описания, как правило, в большой степени некомпозициональны: в контексте частей-целых глаголы обозначают не вполне ту ситуацию, которую они выражают прототипически. Показательна, например, семантика предикатов движения: неотторжимую часть тела нельзя никуда переместить в собственном смысле слова, ср. *поднять голову* vs. *поднять камень*. Голова при этом тоже движется, но совсем иначе: ее не берут в руки и не перемещают вверх. Она движется сама собой, за счет воли и мышечных усилий ее владельца, и не перемещается вся целиком из пункта А в пункт В.

В принципе, учитывая специфичность подобных ситуаций, язык мог бы использовать для них особые лексические средства — как для разных типов падения. И действительно, в нашем материале имеются глаголы, описывающие почти исключительно то или иное движение / положение части тела (ср. русск. *оттопыривать*). Однако эта стратегия встречается скорее редко. Гораздо чаще языки «приспосабливают» для обозначения поз лексемы, функционирующие и за пределами данной семантической зоны (как глаголы поворота или удара при падении). При этом разные языки для одной и той же позы могут «считать подходящими» разные глаголы, так что лексическая вариативность среди наименований поз довольно высока — вот почему эта зона служит хорошим источником разнообразных случаев лексической смежности. Мы рассмотрим здесь в качестве примера позу, соответствующую русской конструкции *положить ногу на ногу*.

3. Семантика и типология

Ситуация, в ходе которой человек принимает позу ‘нога на ногу’, включает в себя три фазы (ср. Плунгян 2011: 384):

- (1) *процесс*: перемещение одной ноги по направлению к другой;
- (2) *момент завершения процесса*: контакт одной ноги с другой;
- (3) *результатирующее состояние*: положение ног друг относительно друга.

В «окно наблюдения» (термин, хорошо знакомый нам по работам юбиляра) могут попадать одна или сразу несколько фаз.

3.1. Процесс (+ контакт)

Акцент на идее движения явно выражен в предикатах со значением ‘бросить’, см. латышск. *pārmest vienu kāju pār otru* ‘перебросить одну ногу через другую’, ср. также адыг. *лъэкъуитIу / лъакъохэр зэтэдзэн* букв. ‘две ногí / нóги бросить друг на друга’, где такое движение представлено как

симметричное. В других глаголах каузивированного перемещения, как ‘положить / поставить’ (укр. *покласти / закласти ногу на ногу* или польск. *założyć nogę na nogę*; казахск. *аяғын аяғының үстіне қою* ‘ногу ногі вверху поставить’, грузинск. *რ^hexis რ^hexზე გადადება* букв. ‘ногу на ногу отложить’) семантика процесса в большей степени склеена с последующим контактом. В обоих случаях исходное значение задает смысл перемещения по воздуху и достижения конечной точки. Однако ‘положить’ предполагает, что процесс контролируется на протяжении всего пути, и конечная точка четко определена, а ‘бросать’ не подразумевает полного контроля над тем, где окажется объект. В применении к частям тела это различие трансформируется в идею аккуратности позы для ‘положить’ и небрежности для ‘бросать’ — в тех языках, где оба варианта лексикализации допустимы (ср. русск. *положить* vs. *закинуть ногу на ногу*).

3.2. Контакт

Момент контакта одной ноги с другой — подобно контакту с поверхностью в ситуации падения — выделяется предикатами с семантикой ‘ударить’, ср. немецк. *Beine überschlagen (übereinander schlagen)* букв. ‘ноги над-ударить (друг над другом ударить)’. Заметим, что несмотря на явную пространственную асимметрию ног (обе ноги не могут одновременно находиться друг над другом), немецкая конструкция, как и раньше адыгейская, представляет их в этой ситуации «равноправными».

Каковы границы семантического потенциала глаголов с семантикой ‘ударить’, т. е. какие еще типы контакта они способны обозначать помимо падения и поз — это лексической типологии еще только предстоит выяснить, проверив по языкам лексикализацию таких смыслов, как, например, ‘коснуться’ или ‘поцеловать’ (ср. Падучева 2004: 48–50). И наоборот, нужно определить, подходят ли для описания позы ‘нога на ногу’ другие глаголы контакта — иными словами, каким требованиям должен удовлетворять исходный глагол, чтобы иметь возможность встроиться в эту конструкцию.

3.3. Результирующее состояние (+ процесс и контакт)

На обозначение всей ситуации может расширяться предикат результирующего состояния, сам по себе не подразумевающий ни контакта, ни предшествующего ему перемещения. Так, в китайском поза ‘нога на ногу’ передается с помощью глагола ‘торчать’, предполагающего исключительно статичный зрительный образ. Правда, исходно китайская конструкция

задает несколько иную позу: с верхней ногой, опирающейся на нижнюю на уровне лодыжки, а не колена. Именно так изображают Эрлан-шэня — божество китайского даосско-буддистского пантеона, к которому отсылает внутренняя форма конструкции, ср. *qiào èr lǎng tuǐ* букв. ‘торчать эрлан нога’, т. е. ‘с торчащей ногой, как у Эрлан-шэня’. Существенно, однако, что стандартная поза ‘нога на ногу’ тоже описывается этим выражением.

Профилирование зрительного образа иногда достигается и при помощи динамических предикатов, которые так или иначе включают и предшествующее движение, и момент контакта. К этой группе мы относим глаголы с семантикой ‘скрестить / перекрестить’ (ср. сербск. *prekrstiti noge*, франц. *croiser les jambes*, валлийск. *croesi ei goesau / choesau*), ‘сплести’ (японск. *ashi / hiza o kumu*, букв. ‘сплестать ноги / колени’), ‘оседлать’ (итал. *accavallare le gambe*, где *accavallare* исходно означало ‘сажать на лошадь’). Здесь предполагается, что в результирующей позе две ноги вместе, соответственно, образуют форму креста, или переплетены, как нитки в шнурке, или же одна нога представляется сидящей «верхом» на другой. Заметим, что последняя — итальянская — конструкция в современном языке все дальше отходит от композиционной интерпретации, задействуя форму множественного числа существительного ‘нога’ (*accavallare le gambe* букв. ‘посадить ноги верхом’).

Лексическое кодирование финальной позиции может опираться не только на зрительный (внешний образ), но и на принципиально иной — внутренний тип восприятия ситуации (ср. Кустова 1998). Этот аспект профилируется в монгольском при помощи глагола ‘грузить’, ср. *хөл ачин суух* букв. ‘ногу нагрузив сидеть’: нога, находящаяся сверху, своим весом воздействует на ту, что оказалась внизу.

4. Заключение

Семантическая смежность, особенно если она типологически устойчива, — это важное языковое проявление существенных для человека когнитивных связей. Пока мы слишком мало о них знаем, а для того, чтобы узнать больше, нужно научиться такие связи искать.

По-видимому, хорошим подспорьем в таком поиске может оказаться понятие окна наблюдения: в сложных многокомпонентных ситуациях языки могут выделять разные фазы и распространять их лексикализацию на обозначение ситуации в целом. Так работает метонимия. Ее роль в возникновении лексического разнообразия языков существенно недооценена — особенно по сравнению с метафорой.

Список условных сокращений

DEM:DIST — указательное местоимение со степенью удаления «вдали»; F — женский род; M — мужской род; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Кустова Г. И. 1998. Производные значения с экспериенциальной составляющей. *Семиотика и информатика*, вып. 36, 19–40.
- Падучева Е. В. 2004. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: ЯСК.
- Плунгян В. А. 2011. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ.
- Рахилина Е. В., Некушоева Ш. С. 2020. Система глаголов движения вниз в шугнанском языке. В сб.: Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, Д. А. Рыжова, С. Ю. Дмитренко (ред.) 2020.
- Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Рыжова Д. А., Дмитренко С. Ю. (ред.). 2020. *Типология глаголов падения (Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований)*, т. 16, ч. 1 (в печати).
- Majid A., Enfield N. J., van Staden M. 2006. Parts of the body: Cross-linguistic categorisation. *Language Sciences*, №2–3 (28), 137–360.

VII

Языковые контакты и ареалы

Язык в контексте перевода

В. Я. Порхомовский

Институт языкознания РАН; vporkhom@yahoo.com

Жанр настоящего издания приглашает начать с небольшого вступления и сказать несколько слов о месте языкознания в системе наук и месте юбиляра в науке о языке.

В принятой системе классификации наук языкознание принято относить к гуманитарным наукам, противопоставленным комплексу естественных наук. Однако совершенно очевидным представляется особый статус лингвистики среди гуманитарных наук. Объекты изучения истории, социологии, литературоведения, искусствоведения и т. д. формируются и развиваются в рамках активности человеческого общества и/или отдельных индивидов. Языкознание в этом отношении обладает двойственной природой: некоторые сферы без сомнения относятся к области гуманитарных наук, но принципиально важные аспекты феномена человеческого языка как такового не являются непосредственным результатом активности социума или отдельных его членов. Иными словами, эти аспекты как бы задаются извне, подобно объектам естественных наук. Достаточно сопоставить формирование письменной нормы в бесписьменных и младописьменных языках и такие явления, как германское передвижение согласных и т. п.

Со второй половины прошлого века происходит очевидный процесс формирования все более тонких методов анализа языковых структур на самых разных языковых уровнях, чему в значительной мере способствует развитие компьютерных технологий, создание электронных баз данных, корпусной лингвистики, методов автоматического анализа и синтеза, полевой лингвистики и т. п. Разумеется, эти процессы обеспечивают впечатляющий прогресс лингвистики в целом, но при этом необходимо отметить и усиливающуюся тенденцию дистанцирования комплекса лингвистических дисциплин от пространства традиционной филологии, а также социальной и культурной антропологии, что приводит к формированию типа исследователей-лингвистов, для которых гуманитарные и социальные аспекты выходят за пределы их интересов. Автор настоящих заметок имел возможность наблюдать постепенное развитие этих процес-

сов на протяжении многолетней преподавательской деятельности как в ИСАА МГУ и в аспирантуре Института языкознания РАН, так и в ряде ведущих европейских университетов Франции, Германии, Италии и др. На эти процессы накладывается постепенное угасание великой европейской культуры, и именно гуманитарные научные дисциплины оказываются чем-то вроде последних ее бастионов.

Так сложилось, что научная деятельность Владимира Александровича Плунгяна полностью совпала с этими процессами. Он оказался как бы на пике этой трансформации научной и культурной парадигмы в обществе и науке, которая в модели развития научного знания Т. Куна именуется научной революцией. Причем опыт В. А. является замечательной, в каком-то смысле уникальной, демонстрацией возможности сочетания высокого профессионализма и выдающихся достижений как в области современной лингвистики, в значительной мере вышедшей за пределы классического гуманитарного знания, так и в этой традиционной области. Этот процесс стал результатом деятельности предшествующего поколения ученых, относившихся к элите традиционной гуманитарной интеллигенции, которые и создавали эту новую лингвистику. Одним из самых выдающихся представителей этого поколения является недавно ушедший от нас Андрей Анатольевич Зализняк. Наш герой изначально попал уже в новую ситуацию, и его пример является своеобразным символом возможности сосуществования этих двух парадигм.

Автор настоящего очерка был непосредственным свидетелем научной жизни юбиляра. Володя Плунгян сразу после окончания университета пришел в Институт языкознания РАН, был аспирантом в секторе (теперь отделе) африканских языков, где работает автор. Причем его репутация талантливого молодого исследователя предшествовала его непосредственному приходу. Этому способствовало то обстоятельство, что сотрудником нашего сектора была Антонина Ивановна Коваль, замечательный специалист по языку фула, а ее муж, Александр Евгеньевич Кибрик, был научным руководителем Плунгяна на отделении структурной и прикладной лингвистики филфака МГУ. Дальнейшая научная жизнь и административная деятельность нашего героя хорошо известны, как и его многочисленные научные труды, убедительно свидетельствующие об успешном и плодотворном совмещении им обеих лингвистических «парадигм», традиционной и новой.

Для меня остается открытым вопрос, открывает ли творческий путь Плунгяна перспективу для молодых исследователей, или же он окажется в языкознании кем-то вроде Боэция, «последнего римлянина». Здесь хочется вспомнить, как на пленарном заседании последнего Всесоюзного

конгресса по теоретическим вопросам советского языкознания замечательный лингвист и мыслитель Энвер Ахмедович Макаев начал свое выступление словами: «Закатные лучи озаряют панораму современного языкознания» (цитирую по памяти, но за «закатные лучи» ручаюсь). Тогда по молодости лет я воспринял эти слова как парадоксальный эксцесс большого ученого, но теперь я вижу в них свидетельство его проникновенной интуиции.

Далее я хочу очень кратко привести некоторые примеры негативного влияния на современные лингвистические исследования пренебрежительного отношения к гуманитарным и культурным аспектам.

Исключительный упор на заранее приготовленный материал для перевода на неизученные бесписьменные языки в ходе полевых исследований естественным образом приводит к тому, что информанты переводят, как умеют, на свой язык сложные синтаксические конструкции, которые едва ли могут присутствовать в виртуальном корпусе идиомов ограниченного устного общения. Поэтому целесообразно проверять существование подобных конструкций в спонтанной речи или в традиционных фольклорных текстах. В частности, эту проблему могут создавать придаточные предложения нереального условия. Или такой случай. Информанты по одному из южноаравийских диалектов в ходе полевой работы с отечественным лингвистом вместо форм на своем родном идиоме предлагали формы на местном варианте арабского, поскольку считали его более престижным. Здесь возникает естественная ситуация, когда информант стремится ответить на все вопросы исследователя, и при этом хочет произвести наиболее хорошее впечатление. Весьма ненадежным в этом плане является перевод информантом-билингвом заранее заготовленных текстов на языке-посреднике. Безусловно, наиболее предпочтительным является метод фиксации спонтанных или канонизированных в рамках устных традиций текстов с последующим их анализом. Но этот подход, помимо гораздо большей трудоемкости и времени на полевую работу, не дает возможности изучать все предусмотренные заранее элементы запланированного анализа. Проблемы возникают и при формальном использовании лексикостатистики. Так, на основании применения модели С. А. Старостина в рамках чадских языков один из участников семинара по компаративистике выделил в отдельную ветвь, условно названную им «wild Chadic», языки группы котоко, не приняв во внимание, что это единственные чадские языки, жизнь носителей которых давно и тесно связана с водой (озеро Чад и впадающие в него реки), что сказалось на базовом лексиконе этих языков. Эти и многие подобные примеры свидетельствуют о важности учета культурных и антропологических факторов

в формальных лингвистических моделях, не говоря уже об истории этнических миграций и контактов.

В заключительной части этого очерка я хотел бы привести некоторые соображения из области теории и практики перевода, которые свидетельствуют в пользу сохранения тесной связи формальной лингвистики с филологией и культурной антропологией. Автор этих строк имеет насчитывающий несколько десятилетий опыт работы в самых разных областях переводческой деятельности — синхронный и последовательный перевод как на родной язык, так и на иностранный (французский и английский, а также с одного иностранного языка на другой), и письменные переводы (также во всех вариантах). Как особую сферу отмечу многолетний проект изучения стратегий перевода сакрального текста Ветхого Завета на различные языки, европейские и африканские, совместный с недавно ушедшим из жизни другом и соавтором, профессором семитологии Филиппом Кассюто (Экс-ан-Прованс). Вполне логично, что в случае письменного перевода предпочтительным является перевод на родной язык переводчика (мы не рассматриваем здесь случаи интегральных билингов). Напротив, для синхронного перевода следует по возможности предпочитать перевод с родного языка на иностранный. Ограниченный объем настоящего очерка не позволяет обсуждать здесь возникающие в этой области проблемы. Хочу остановиться лишь на одном аспекте, который стал для меня очевидным лишь в последние годы. Известно, что различия в грамматическом строе языка источника и языка перевода могут оказывать существенное влияние на перевод. Этим определяется предпочтение белого стиха при переводе русской поэзии на французский язык, тогда как обратный перевод не вызывает принципиальных трудностей.

Однако опыт автора показывает, что при переводе серьезных научных исследований ведущих ученых XIX и начала XX века в области культуры и религии Древнего Востока с английского и французского языков проявляются серьезные различия лексического и синтаксического порядка, существенно затрудняющие воспроизведение этих текстов на русском языке. Поскольку авторы этих текстов обладают высокой эрудицией и литературными способностями, часто обнаруживается невозможность полностью воспроизвести на языке перевода все тонкие оттенки содержания, иронию или пафос оригинального текста, не создавая при этом новых смыслов, хотя русский литературный язык безусловно является превосходным инструментом в рамках процесса $\text{мысл} > \text{текст}$. Это неизбежно при переводе поэзии и вообще художественной литературы, но для научного текста едва ли допустимо.

В заключение подчеркнем, что задача поиска формального подхода к этой указанной выше проблеме анализа языка в контексте перевода является безусловным вызовом. Именно здесь могут оказаться востребованными исследователи того типа, который столь удачно воплощает В. А. Плунгян.

Nigeria as a linguistic terra incognita: The two languages of Lau*

Dmitry Idiatov, Mark L. O. Van de Velde

LLACAN (CNRS — INALCO)

dmitry.idiatov@cnrs.fr; mark.vandavelde@cnrs.fr

1. Introduction

Linguistically, Nigeria is both the third richest and second least studied country in the world. In addition to the four major languages spoken by millions of speakers — Yoruba, Hausa, Igbo and Nigerian Pidgin — hundreds of other languages of varying sizes are spoken there. The Ethnologue (<https://www.ethnologue.com/country/NG>) lists 517 languages. In reality, no one knows the exact number. These languages can be grouped into an equally unknown number of language families, most of which belong in one way or another to the Niger-Congo macro-family, with the exception of the Chadic and Ijoid languages, Kanuri and a few presumed isolates. According to a recent bibliometric study (Harald Hammarström, p.c.), we currently have a grammatical study for only 17% of Nigerian languages, compared to an average of 30% in Africa and 31% worldwide. In addition, there are several language families for which no grammatical studies have been published, such as the Wurbo or Jarawan groups.

The wider Benue River Valley in the northeast of Nigeria is one of the areas with the highest concentration of languages on which very little linguistic research has been done so far. AdaGram (<http://llacan.vjf.cnrs.fr/AdaGram/index.html>) is a recent research project aimed at improving our knowledge of the languages of this region. One of the first research initiatives of the AdaGram project was a linguistic survey in 2016 (see Idiatov et al. 2017 for more

* This research is produced within the AdaGram project (<http://llacan.vjf.cnrs.fr/AdaGram/index.html>) funded by the “Emergence(s)” program of the City of Paris. We also gratefully acknowledge the support of the project GL7 “Reconstruction, genealogy, typology and grammatical description in the world’s two biggest phyla: Niger-Congo and Austronesian” of the Labex EFL supported by a public grant overseen by the French National Research Agency (ANR) as part of the program “Investissements d’Avenir” (reference: ANR-10-LABX-0083). It contributes to the IdEx Université de Paris — ANR-18-IDEX-0001.

details). The general goal of this survey was to gather basic lexical and grammatical data for a number of languages of the region about which almost nothing is known. Another goal was to establish contacts with these linguistic communities to prepare ground for prospective PhD candidates who would undertake comprehensive grammatical and lexical descriptions of these languages for their PhD. Figure 1 shows the itinerary of the survey with Yola as its starting point and the four settlements visited, Kpasham, Lau, Mayo Kam and Sabon Gida Duna.

Figure 1. The itinerary of the 2016 AdaGram survey

2. Lau: One town, two absolutely unrelated languages

The most spectacular discovery of the survey was made in Lau. According to the existing linguistic atlases, such as Blench 2019 and Eberhard et al. (eds.) 2020, the language spoken in Lau is called Laka [ISO 639-3: lak] and belongs to the Mbumic family of the Adamawa pool¹ within the Niger-Congo macro-family, as illustrated on Figure 2. This classification is not based on linguistic data, as none was available before the AdaGram survey. It is based purely on the name of the language, as the term *Laka* has sometimes been used in the literature to refer to the Mbumic languages (see references in Elders 2006: 45–46), and the fact that many languages in that part of the Benue River Valley are traditionally referred to as Adamawa languages, with Mbumic being an Adamawa group.

¹ *Adamawa* is best seen as a referential label for a number of currently unclassified low-level Niger-Congo language groups spoken in a region stretching from the Benue valley in Eastern Nigeria to the Guéra and Moyen Chari administrative regions in Southern Chad.

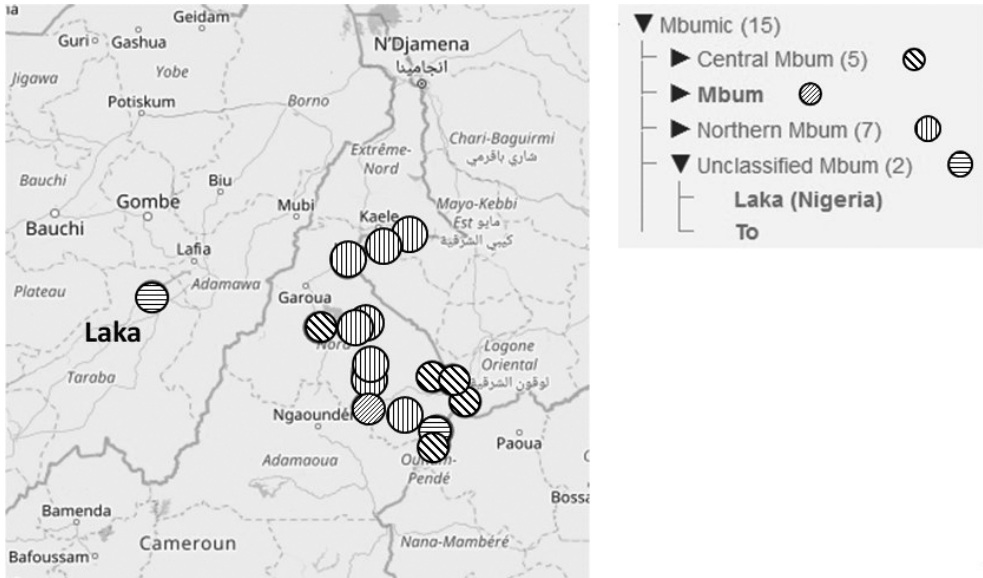

Figure 2. The Mbimic languages and Laka (adapted from Glottolog.org; accessed on 20.08.2017)

However, our survey established that the town of Lau is divided between two distinct linguistic communities who speak mutually unintelligible languages. The map in Figure 3 shows the town of Lau and its approximate division into two parts, Lau proper in the northwest closer to the Benue River and the Laka ward of Lau (Hausa *Angawan Lakawa*, formerly known as *Garin Lakawa* ‘Laka town’).

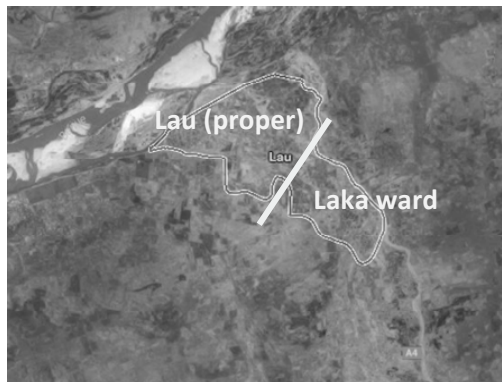

Figure 3. The two parts of the town of Laka: Lau proper and the Laka ward

The subsequent analysis of the data made it clear that neither of the two languages is Mbumic. One language, which can be referred to as Lau [lâw],² is a variety of Shoo-Minda-Nye [bcv; shoo1247], which belongs to the Wurbo group of the Jukunoid languages. The other language, which we refer to as Kaba Laka [kâbá làkà], turned out to be the only Central Sudanic language of Nigeria. More specifically, Kaba Laka belongs to the Sara-Bongo-Bagirmi branch of Central Sudanic and is a variety of the Central Saraic language Kaba [ISO 639-3: ksp; glottocode: kab1281], which is otherwise spoken more than 500 km to the southeast in the extreme southwest of Chad and across the border in the northwest of the Central African Republic. Figure 4 shows the distribution of the Central Saraic languages, the location of Kaba Laka of Lau and Kaba, as well as their closest relative Laka.

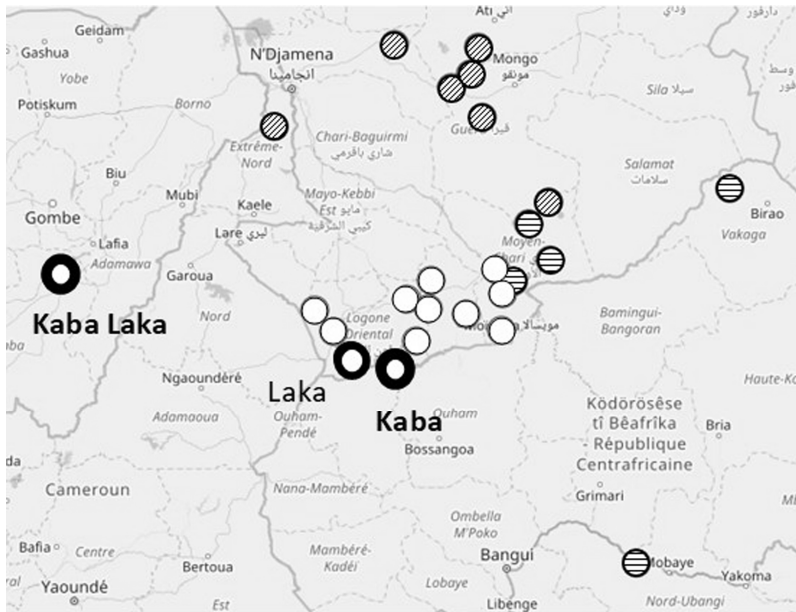

Figure 4. Kaba Laka and the other Saraic languages. The Central Saraic languages are marked with white circles. The map also shows the primary location of Kaba [kab; kab1281] and of its closest relative Laka [lap; lak1254]

² The name of the town Lau [lâw] means ‘mud’. The speakers of Lau refer to their own language simply as the language of the people of Lau [wī lâw mā] (people Lau language).

Table 1 shows a selection of words from the two languages spoken in Lau, namely Kaba Laka and Lau, as well as their translations in Kaba and Laka spoken in Chad.

	Kaba Laka (Nigeria)	Kaba and Laka (Chad)	Lau
animal	<i>dā(:)</i>	<i>dā</i>	<i>néwku</i>
cow	<i>màngā</i>	<i>màngī</i>	<i>nāw</i>
chicken	<i>kūnǵá</i>	<i>kūnǵá</i>	<i>zāw</i>
man	<i>ǵǵǵàw</i>	<i>ǵǵǵàw</i>	<i>jǵǵànwò</i>
medicine	<i>kùmā ~ kùmā</i>	<i>kùmā ~ kùmā</i>	<i>gāj</i>

Table 1. A selection of words from Kaba Laka and Lau spoken in Lau (Nigeria) and their equivalents in Kaba and Laka spoken in Chad (cf. Keegan 2014)³

3. Kaba Laka is a variety of Kaba [kab; kab1281]

As can be readily observed in Table 1, Kaba Laka words are identical to their equivalents in Kaba and Laka, but radically different from those of Lau. Since Kaba and Laka are lexically very similar and the speakers of Kaba Laka use the term *Laka* when referring to themselves and their language in English and Hausa, initially we mistakenly identified Kaba Laka of Lau as a variety of Laka (cf. Idiatov et al. 2017). However, a closer examination of the data revealed that Kaba Laka of Lau is most similar to Kaba. As illustrated in Table 2, both Kaba Laka and Kaba preserve word-internal intervocalic voiceless stops, corresponding to voiced and sometimes implosive stops in Laka. In fact, the name Laka is *lākà* in Kaba and Kaba Laka, while in Laka itself it has the form *lǵǵà*. Furthermore, Kaba Laka shares at least one lexical item ‘rat, mouse’ with Kaba to the exclusion of Laka.⁴

³ We use an IPA-based transcription here and we normalized the forms taken from other sources accordingly. For comparative reasons, Keegan (2014) distinguishes between *i* and *ə*. However, in his Kaba and Laka data both symbols represent the same neutral central vowel, for which we prefer to use the traditional schwa symbol *ə*, even though phonetically it is usually realized rather high as [ɘ] (but not as high as [i]).

⁴ Despite the superficial similarity of the Laka form *dǵǵī* ‘rat, mouse’, its initial consonant cannot be a regular correspondence of Kaba *j* (see Boyeldieu 2000: 241 on the comparative series ‘rat, mouse’).

	Kaba Laka of Lau	Kaba	Laka
penis	<i>mòtù</i>	<i>mòtì, mòtù</i>	<i>mòdì</i>
shoulder, wing	<i>bākā</i>	<i>bākī, bākā</i>	<i>bāgī</i>
tree	<i>kākā</i>	<i>kākī, kākā</i>	<i>kāgī</i>
buttocks	<i>kùtù</i>	<i>kùtù</i>	<i>kùdù</i>
before, in front	<i>kété</i>	<i>kété</i>	<i>kédé</i>
rat, mouse	<i>jékā</i>	<i>jékī, jékā</i>	<i>dāgī</i>

Table 2. A comparison of Kaba Laka of Lau with Kaba (Moser and Dingatoloum 2007, Keegan 2014) and Laka (Keegan 2014)

4. Lau is a variety of Shoo-Minda-Nye [bcv; shoo1247]

The classification of Lau as a variety of Shoo-Minda-Nye [bcv; shoo1247] is based on the claims of the speakers of Lau that they speak mutually intelligible languages with the inhabitants of the neighboring settlements of Kunini, Bandawa and Jeshi, whose languages are considered by Shimizu (1980a: 41–44) to belong to the Wurbo group of the Jukunoid languages. However, Shimizu (1980a) does not provide any linguistic data for the lects spoken in these settlements and only refers to three unpublished wordlists of 42 (Lau), 112 (Bandawa) and 102 (Minda) items collected around 1930 by Charles K. Meek (cf. Shimizu 1980b: xiv).⁵

Shimizu (1980a)’s classification of Wurbo languages as Jukunoid is plausible but needs to be confirmed with more data, since Shimizu has not collected data on these languages himself and relies heavily on the following observation by Meek (1931: 35):

“The people of Lau (and the surrounding towns of Bandawa, Kwinini, Minda etc.), though located within twenty-five miles of Kona, do not speak Jukun as their mother tongue. Their language is of a primitive monosyllabic type, but the vocabulary shows a number of resemblances to Jukun, and their close association with the Jukun is evident from the number of religious cults which they share with the Jukun of Kona”.

⁵ Unfortunately, this kind of situation is by no means unfamiliar for Africanists. Although the Dogon have fascinated researchers and the general public for decades, their languages have only recently been the object of systematic study. Thus, before Plungian’s (1995) study of Tommo So, we knew hardly anything about the biggest Dogon language.

However, Meek's judgements need to be taken with caution as he continues the above statement by adding that "[t]he same remarks apply to the riverain Jen, who like the Jukun, worship Ma" (1931: 35). Yet, we currently know that Jen languages [glottocode: jenn1241] are only very distantly related to Jukunoid. Like the Mbumic languages mentioned earlier, the Jen languages are one of the so-called Adamawa groups.

References

- Blench R. 2019. *An atlas of Nigerian languages*. 4th ed. Cambridge: Kay Williamson Educational Foundation.
- Boyeldieu P. 2000. *Identité tonale et filiation des langues sara-bongo-baguirmiennes (Afrique Centrale)*. Cologne: Rüdiger Köppe.
- Eberhard D. M., Simons G. F., Fennig C. D. (eds.). 2020. *Ethnologue: Languages of the world*. 23rd ed. Dallas: SIL International. <http://www.ethnologue.com/>.
- Elders S. 2006. Issues in comparative Kebi-Benue (Adamawa). *Africana Linguistica*, v. 12, 37–88.
- Idiatov D., Van de Velde M. L. O., Olagunju T., Andrew B. 2017. Results of the first AdaGram survey in Adamawa and Taraba States, Nigeria. Paper presented at the 47th *Colloquium on African Languages and Linguistics (CALL)*, Leiden, Netherlands. http://llacan.vjf.cnrs.fr/AdaGram/talks/2017_CALL_AdaGram_Survey_Results.pdf.
- Keegan J. M. 2014. *The Western Sara languages*. 5th ed. Cuenca: Morkeg Books. <http://morkegbooks.com/Services/World/Languages/SaraBagirmi/pdfs/TheWesternSaraLanguages.pdf>.
- Meek C. K. 1931. *Tribal studies in Northern Nigeria*. 2 vols. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co.
- Moser R., Dingatoloum J.-P. 2007. *Kabba-English-French Dictionary*. München: LINCOM Europa.
- Plungian V. A. 1995. *Dogon*. München: LINCOM Europa.
- Shimizu K. 1980a. *Comparative Jukunoid*. V. 1. Wien: Afro-Pub.
- Shimizu K. 1980b. *Comparative Jukunoid*. V. 2. Wien: Afro-Pub.

К вопросу о гибридных межъязыковых явлениях в славянских диалектах Албании*

М. М. Макартцев

Институт славистики, Университет им. Карла фон Осецкого /
Институт славяноведения РАН; maxim.makartsev@uni-oldenburg.de

1. Введение

В этом балканистическом этюде я бы хотел показать необычные результаты конвергенции двух дальнеродственных типологических близких языков, входящих в языковой союз. В условиях языкового контакта типологическая близость македонского и албанского потенциально облегчает поиск опоры для отождествления (*pivot matching*) при реплицировании паттерна (*pattern replication*) в заимствующем языке (следуя модели, предложенной Я. Матрасом (2009)). Македонская речь двуязычных говорящих в условиях доминации албанского языка структурно отдаляется от своего исходного типа и частично воплощает албанские паттерны¹. Это приводит к созданию гибридных образований, потенциально являющихся точками развития языковой системы в сторону бóльшей конвергенции с албанским. Их место в системах соответствующих диалектов — предмет отдельного корпусного исследования. Цель настоящей работы — продемонстрировать несколько нетривиальных случаев гибридизации, которые повышают сложность языковой структуры.

Я использую материал двух македонских диалектов, находящихся под продолжительным (по крайней мере в течение нескольких поколений) албанским влиянием: диалекта региона Голоборда² (< западнома-

* Исследование выполнено в рамках проекта «Contact-induced language change in situations of non-stable bilingualism — its limits and modelling: Slavic (social) dialects in Albania», поддержанного немецким научным обществом (Deutsche Forschungsgemeinschaft), номер проекта MA 8750/1-1.

¹ В терминологии А. Н. Соболева — характеризуется «бóльшей степенью проявления аллоглоссии в ареале близкородственных диалектов» (Соболев и др. 2018: 688).

² В литературе также встречается название в македонской диалектной огласовке: *Голо Бордо*.

кедонское наречие) и диалекта Бобоштицы-Дреновы (в македонской диалектологии известен под названием «корчанский диалект» < юговосточно-македонское наречие). Македонский диалект региона Голоборда (Видоески 1998, Steinke, Ylli 2007, Соболев, Новик (ред.) 2013) используется мультилокальным сообществом славян-мусульман. В сёлах Голоборды диалект «доминирует в языковой компетенции говорящих» (Соболев и др. 2018), а двуязычие носит стабильный характер (на диалекте говорят с детьми, его выучивают албаноязычные в смешанных браках). Со второй половины XX века часть носителей македонского диалекта в связи с трудовой мобилизацией переезжает в большие албанские города (в Тирану, Дуррес, Эльбасан, см. Макарцев 2014), где находится в ситуации нестабильного двуязычия с албанским, и уже второе поколение говорящих социализируется на государственном языке. Македонский диалект Бобоштицы-Дреновы (Mazon 1936, Видоески 1998, Steinke, Ylli 2008) помнят несколько человек в г. Корча в Юго-Восточной Албании, все они старше 80 лет, почти не общаются друг с другом и в повседневной жизни используют албанский. Материал, использованный в настоящей статье, записан от последней носительницы диалекта в с. Бобоштица, Эльпи Манчо (1936–2020).

2. Дублирование

Яркий случай славянско-албанского гибридного образования (1) был проанализирован А. Н. Соболевым (Соболев и др. 2018: 712–713):

(1) МАКЕДОНСКИЙ (с. Требишт, Голоборда)

'ima-t *d'el've-n-o* *na d'ef-i*
иметь-PRS.3PL делить-PTCP-NEUT на баран.PL-PL

‘(Они) раздавали баранов’ (Соболев 2018: 712).

В приведенном примере наряду с такими западномакедонскими особенностями³, как «балканский» *habere*-перфект (*'imat d'elj-*

³ При интерпретации каких-либо явлений в диалекте Голоборды как контактно-индуцированных в качестве основания для сравнения используются западномакедонские диалекты близлежащих сёл с другой стороны албанско-северомакедонской границы, которые не находятся в непосредственном контакте с албанским. Для диалекта Бобоштицы-Дреновы в качестве основания для сравнения используются публикации старых диалектных записей последней четверти XIX — первой трети XX века (Mazon 1936 и некоторые другие работы), а также описания юговосточно-македонских диалектов вне контакта с албанским языком. При цитировании сохраняется транскрипция, принятая в источнике.

veno)⁴ и дифференцированное маркирование объекта⁵, наблюдается и гибридное маркирование множественного числа: материальное заимствование *daš* ‘баран’⁶ (< алб. *dash*, мн. ч. *desh*) вместо ожидаемой с точки зрения западномакедонской морфонологии формы **dašovi* ~ **dašoj* комбинирует специфический албанский способ маркирования множественного числа при помощи чередования гласной в корне со славянским формантом *-i*. В данном случае албанский паттерн копируется вместе с языковой материей и затем дублируется при помощи славянского паттерна. При этом преодолевается потенциальная затрудненность заимствования морфонологического паттерна, т. е. его антибалканскость⁷.

3. Проецирование

Албанские паттерны могут проецироваться на славянский материал, ср. следующий пример из Бобоштицы:

(2) МАКЕДОНСКИЙ (с. Бобоштица)

I zborv-i (1) *kajn[as]...* *toko da*
и говорит-PRS.3SG на.языке.кайнас но COMPL
zborv-e (2) *i jeskaj ne go zborv-a*
говорит-PRS.3SG и я NEG он.ACC.SG говорю-PRS.1SG
mnogo dobre toko se razberv-ime!
очень хорошо но REFL понимаем-PRS.1PL

‘И он говорит на языке кайнас⁸, только насчет говорить и я на нём не очень хорошо говорю, но мы понимаем друг друга!’ (Бобоштица, ж., род. в 1936, среднее специальное обр.)⁹.

⁴ *Habere*-перфект — балканизм в македонской языковой структуре; в грамматикализации этой конструкции, по всей видимости, сыграл важную роль контакт с арумунским (Vužarovska, Mitkovska 2010).

⁵ Дополнение, выраженное одушевленным существителем, вводится при помощи предлога *na* ‘на’ по балканороманской модели.

⁶ Это слово используется и в других местах цитируемого А. Н. Соболевым нарратива, получая македонское морфологическое оформление: *daš* SG.INDEF, *dášot* SG.DEF, *dášof* SG.DEF.PROX ‘баран’ (Соболев и др. 2018: 712).

⁷ Ср. интерпретацию ряда морфонологических чередований как антибалканизмов у А. Н. Соболева (Соболев 2011: 189).

⁸ Автоним для славянского диалекта Бобоштицы *kajnas* < *kaj nas* ‘как мы’.

⁹ Это явление было проанализировано в Макарецв 2018. Примеры (2) и (3) из моих полевых материалов.

В данном примере нетривиальным образом маркируется глагольный комплемент¹⁰. Известно, что албанский и македонский вводят глагольные комплементы при помощи так называемого «дентального модального субординатора» (Friedman 1986): алб. *të*, макед. *да*, после которого следует личная форма глагола. Это так называемый «балканский конъюнктив», который входит в общепринятый список балканизмов (Lindstedt 2000). В македонском «конъюнктив» равен настоящему времени. Соответственно, в примере (2) ожидалось бы (2.1) *zborvi*, (2.2) *zborvi*.

В материальном плане использование *-e* в (2.2) *zborve* можно интерпретировать как трансфер из другой парадигмы (первого класса глаголов, напр., *píjet* ‘пить’, 3SG *píje* — Mazon 1936: 78) или внутри одной парадигмы¹¹ (у второго класса *-e* является окончанием 3PL — ср. *nósa* ‘носить’, 3PL *nóse* — Mazon 1936: 74). Однако структурно необходимость в особом маркировании 3SG в сфере действия *да* мотивирована албанским языком, где конъюнктив имеет особые окончания во 2SG и в 3SG, ср. формы (2a.1) *flet* (PRS.3SG) и (2a.2) *flasë* (CONJ.PRS.3SG) в переводе примера¹²:

(2a) АЛБАНСКИЙ

dhe flet (1) *kajnas...* *por të* *flasë* (2)

и **говорит.PRS.3SG** на.языке.кайнас но **COMPL** **говорит.CONJ.PRS.3SG**

as unë nuk e *flas-Ø...*

ни я **NEG** **ACC.SG** **говорю-PRS.1SG**

‘и он говорит на языке кайнас, только насчет говорить и я на нём не говорю’.

Здесь нельзя точно установить, что именно повлияло на говорящую при выборе окончания *-e* для маркирования конъюнктива: играло ли здесь роль созвучие македонского окончания *-e* албанскому *-ë*, или же влияние было исключительно структурное. В любом случае, повышение сложности здесь происходит за счет переосмысления собственно македонского элемента по албанской модели.

¹⁰ Ср. (2.1) в абсолютном употреблении PRS.3SG *zborvi* vs. (2.2) *zborve* в сфере действия *да*.

¹¹ Внутрипарадигматический перенос в диалекте можно наблюдать на примере глагола *ésa* ‘быть’: часть говорящих использует форму 3SG *éje* также в функции 3PL (в Mazon 1936: 79 3PL только *ése*).

¹² Перевод мой. Албанский глагол *flas* относится к небольшой группе частотных глаголов второго класса, у которых при спряжении, помимо разных окончаний, используются также чередования гласных и согласных в корне: 1SG *flas-Ø*, 2SG *flet-Ø*, 3SG *flet-Ø*, 1PL *flas-im*, 2PL *flis-ni*, 3PL *flas-in*. В конъюнктиве обычно количество чередований в парадигме меньше, чем в настоящем времени: 1SG *të flas-Ø*, 2SG *të flas-ësh*, 3SG *të flas-ë*, 1PL *të flas-im*, 2PL *të flis-ni*, 3PL *të flas-in*.

4. Многоуровневое взаимовлияние

В речи носителей македонских диалектов в Албании на основании славянских и албанских паттернов могут возникать новые конструкции, которые невозможно по отдельности объяснить ни из албанской, ни из македонской языковой структуры:

(3) МАКЕДОНСКИЙ (Голоборда)

А *kujtó-he-š* *na um, toj,*

INTERROG **помнить-REFL-PRS.2SG** на ум тот

što béše *v Trébišta, Blágojev*

что быть. IMPERFECT.3SG в Требишт Благоев

‘Ты помнишь того, который был в с. Требишт, Благоева’ (г. Эльбасан, 01.07.13, м., род. в 1957, среднее обр.).

В приведенном примере значение ‘вспоминать’ выражено конструкцией *kujtohesh na um*, состоящей из албанской формы *kujtohesh* (2SG от возвратного глагола *kujtohem*) и македонской предложной фразы *na um* (досл. ‘на ум’ или ‘на уме’). Хотя на первый взгляд в этой плеонастической конструкции (дословно предложение выглядит как «Ты вспоминаешься на ум/е <...> Благоева.АСС») можно говорить только о включении албанского элемента в македонскую речь, в действительности этот фрагмент — пример слияния албанских и македонских паттернов в речи двуязычного говорящего, которое приводит к структурному усложнению.

Албанский глагол *kujtohem* ‘вспоминаться’¹³ имеет особенности в управлении: он возвратный, объект припоминания выражается именительным падежом, а семантический агент — дательным (ср. пример (4) из словаря албанского языка), в то время как в примере (3) семантический агент (вспоминающий) является подлежащим, а объект припоминания (Благоев) — прямым дополнением.

(4) АЛБАНСКИЙ

Më kujto-he-t *dit-a* *e parë*

я. DAT **вспоминаться-REFL-PRS.3SG** день- NOM. DEF. SG AGR первый

e shkoll-ës

AGR школа- GEN. DEF. SG

‘Мне вспоминается первый день школы’ (Kostallari 1980).

¹³ По словарю современного албанского языка (Kostallari 1980): «*Më bie ndër mënd diçka që e kam parë, e kam dëgjuar, e kam mësuar a e kam jetuar më parë*» (‘Кому-то приходит в голову нечто, что он видел, слышал, узнал или пережил’). Албанский невозвратный глагол *kujtoj* ‘вспоминать’, от которого образован *kujtohem*, — переходный и также не может служить объяснением этой странной конструкции.

поддерживают возможность отождествления албанской и македонской конструкций.

Таким образом, *kujtohesh na im* является межъязыковым гибридом: входящий в эту конструкцию глагол — включение из албанского, следующее македонскому паттерну, а македонская предложная группа следует албанскому паттерну. Структурно этот гибрид усложнен как по сравнению с албанскими (примеры (4), (6)) моделями, так и по сравнению с македонской (5).

В перечисленных случаях мы имеем дело с конвергентным развитием балканских языков, которое не повышает степень балканизации (по Lindstedt 2000) соответствующих систем: языковые изменения происходят как бы вне балканской плоскости. Можно ли говорить о грамматикализации этих явлений и насколько широко они представлены в славянской речи в Албании? Этим вопросам будет посвящено отдельное исследование на основе корпуса славянских диалектов Албании, над которым я работаю в настоящее время¹⁷.

Список условных сокращений

1–3 — 1–3 лицо; ACC — вин. п.; COMPL — комплементар; CONJ — конъюнктив; DAT — дат. п.; DEF — определенная форма; GEN — род. п.; IMPERFECT — имперфект; INDEF — неопределенная форма; INTERROG — вопросительная частица; NEG — отрицание; NEUT — средний род; NOM — им. п.; PL — множественное число; PROX — проксиматив; PRS — настоящее время; PTCP — причастие; REFL — показатель возвратности; SG — единственное число.

Литература

- Видоески Б. 1998. *Дијалектите на македонскиот јазик*. Т. 1. Скопје: МАНУ; Фонд Трифун Костовски.
- Макарецв М. М. 2014. Язык славян-мусульман Эльбасана: постановка вопроса. В сб.: Е. С. Узенева (отв. ред.). *Славяне-мусульмане на Балканах: язык, культура, идентичность*. М.: Институт славяноведения РАН, 197–214.
- Макарецв М. М. 2018. Да-формы в славянских идиомах Албании. К типологии албанско-славянских языковых контактов. В сб.: С. М. Толстая (отв. ред.). *Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов*. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. М.: Институт славяноведения РАН, 206–224.

¹⁷ Этому посвящен мой исследовательский проект по контактно-индуцированным языковым изменениям в ситуации неравновесного билингвизма. См. информацию о гранте в первой сноске.

- Морозова М. С., Русаков А. Ю., Архангельский Т. А. 2020. *Албанский национальный корпус*. (Доступно онлайн по адресу: albanian.web-corpora.net, дата обращения 14.04.2020.)
- Соболев А. Н., Новик А. А. (ред.). 2013. *Голо Бордо (Gollobordë), Албания. Из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008–2010* (H. Schaller, A. Sobolev (hrsg.). *Materialen zum Südosteuropasprachatlas*. Bd. 6). СПб.; München: Наука; Otto Sagner.
- Соболев А. Н., Кисилиер М. Л., Козак В. В., Конёр Д. В., Макарова А. Л., Морозова М. С., Русаков А. Ю. 2018. Южнославянские диалекты в симбиотических сообществах Балкан. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, т. 24, №2, 685–746.
- Соболев А. Н. 2011. Антибалканизмы. *Јужнословенски филолог*, v. 67, 185–195.
- Bužarovska E., Mitkovska L. 2010. The grammaticalization of *habere*-perfect in standard Macedonian. *Balkanistica*, n. 23, 43–66.
- Kostallari A. (kryered.) 1980. *Fjalor i gjuhës së sotme shqipe*. Tirana: s.n.
- Friedman V. A. 1986. Balkan Romani modality and other Balkan languages. In: H. I. Aronson (ed.). *Da, ná, sǎ, tǎ, te: Constructions with subordinating complementizers in the Balkans (Folia Slavica*, v. 7, n. 3). Columbus: Slavica Publishers Inc., 381–389.
- Lindstedt J. 2000. Linguistic balkanization: Contact-induced change by mutual reinforcement. In: D. G. Gilbers, J. Nerbonne, J. Schaeken (eds.). *Languages in contact (Studies in Slavic and General Linguistics*, v. 28). Amsterdam; Atlanta, GA: Rodopi, 231–246.
- Makedonski.info. 2020. *Дигитален речник на македонскиот јазик*. SAM97 GmbH. (www.makedonski.info/impressum, дата обращения 16.04.2020.)
- Matras Y. 2009. *Language Contact*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mazon A. 1936. *Documents, contes et chansons slaves de l’Albanie du Sud (Bibliothèque d’études Balkaniques*. T. V). Paris: Librairie Droz.
- Steinke Kl., Ylli Xh. 2007. *Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA)*. 1. Teil. *Prespa — Vërnik — Bobobshtica*. München: Otto Sagner.
- Steinke Kl., Ylli Xh. 2008. *Die slavischen Minderheiten in Albanien (SMA)*. 2. Teil. *Golloborda — Herbel — Kërçishti i Epërm*. München: Otto Sagner.

Some aspects of possessive markers in Modern Armenian

Victoria Khurshudian

INALCO, SeDyL, CNRS, IRD; victoria.khurshudian@inalco.fr

Modern Armenian (MA) with its two standards Modern Eastern Armenian (MEA) and Modern Western Armenian (MWA) has three possessive markers *-s*, *-d* and *-n/-ə* for the 1st, 2nd and 3rd person respectively. They are attached to the possessed noun taking the final slot. There is always an epenthetic schwa if a consonant occurs word finally, (1), which gave rise to the definite article *-ə* in MA.

- (1) a. *das-s* *das-er-s* b. *katu-d* *katu-ner-d*
 [*dasəs*] [*daserəs*] [*katud*] [*katunerd*]
 lesson-1POSS lesson-PL-1POSS cat-2POSS cat-PL-2POSS
 ‘my lesson’ ‘my lessons’ ‘your cat’ ‘your cats’

In Classical Armenian these markers had only demonstrative and person semantics (which accounts for the evolution of the distal marker into the definite article in MA), in Middle Armenian the possessive semantics appears, and in MA as well as in Armenian dialects it is mainly the possessive semantics that has been developed, though certain rare cases of person and demonstrative functions can still be found.

Having predominantly an agglutinative nominal morphology, MA forms the plural by adding the markers *-er* (for monosyllabic words) or *-ner* (for polysyllabic words). Besides these two regular markers, some Classical Armenian relict plural forms have been conserved for very limited words (e.g. *mard* ‘man’ — *mardik* ‘men’, *kin* ‘woman’ — *kanajk^h* ‘women’ etc.). The possessive markers can have different functions in MEA and MWA redistributing the available morphological means to express the pluralness of the possessor or person/agent.

In MWA, there is a dedicated plural suffix *-ni* which is followed by respective possessive markers. This suffix *-ni* can be also found in certain Armenian dialects and it probably originates from Classical Armenian plural marker *-ani*.

The paradigm of plural possessive forms in MWA has certain peculiarities mainly due to phonotactic rules of plural formation. Depending on the number

of syllables three main cases can be outlined: monosyllabic words, words with an epenthetic schwa and one syllable, and polysyllabic words.

In case of monosyllabic words, a regular plural marker *-er* is followed by the plural possessive marker *-ni* + *-s/-d/-n*. It can have two readings with the possessee in singular or in plural, (2). Most probably this is because in Middle Armenian the plural marker *-ni* was reserved for only polysyllabic words and blocked for monosyllabic ones. Thus, in MWA monosyllabic words first get the regular plural marker becoming formally polysyllabic and then the plural possessive marker *-ni*.

(2) <i>tun-s</i>	<i>tun-er-s</i>	* <i>tun-ni-s</i>	<i>tun-er-ni-s</i>
house-1POSS	house-PL-1POSS	house-PL.POSS-1POSS	house-PL-PL.POSS-1POSS
'my house'	'my houses'	Int.: 'our house'	'our house/houses'

Words with an epenthetic schwa and one syllable take the regular plural marker *-ner* for polysyllabic words followed by the plural possessive marker *-ni* + *-s/-d/-n*, (3). In this case, there is unambiguous reading for four possible morphological options, i.e. singular/plural possessor with singular/plural possessee.

(3) <i>g(ə)rič^h-s</i>	<i>g(ə)rič^h-ner-s</i>	<i>g(ə)rič^h-ni-s</i>	<i>g(ə)rič^h-ner-ni-s</i>
pen-1POSS	pen-PL-1POSS	pen-PL.POSS-1POSS	pen-PL-PL.POSS-1POSS
'my pen'	'my pens'	'our pen'	'our pens'

Finally, in case of polysyllabic words, the plural possessive marker *-ni* + *-s/-d/-n* can be added to the singular or more rarely to the plural one, with the singular form allowing both readings of singular and plural possessor, (4).

(4) <i>zavak-s</i>	<i>zavak-ner-s</i>	<i>zavak-ni-s</i>	<i>zavak-ner-ni-s</i>
son-1POSS	son-PL-1POSS	son-PL.POSS-1POSS	son-PL-PL.POSS-1POSS
'my son'	'my sons'	'our son/sons'	'our sons'

Another peculiarity about the morphology of the plural possessive forms in MWA is their declension type and the suffix order. Plural possessives have a unique declension type with the alternation *i-u* in the genitive/dative. One of the explanations of the *-u* declension can be the regular *u*-declension proper to plural nouns in MWA, since the plural possessive is inherently plural (see Table 1).

Finally, the order of the grammatical suffixes in plural possessives in MWA is usually PL + POSS.PL + Case + Person. This order is true for all the paradigm forms except the instrumental, in which the case marker and the plural possessive are inverted (Case + POSS.PL) (see Table 1). The only thing that can be observed is that the instrumental is the only case with a consonant-final suffix *-ov*.

Case	SG-PL.POSS	PL-PL.POSS	SG-PL.POSS	PL-PL.POSS
Nom	<i>d(ə)proc^h-s</i>	<i>d(ə)proc^h-ner-s</i>	<i>d(ə)proc^h-ni-s</i>	<i>d(ə)proc^h-ner-ni-s</i>
Gen/Dat	<i>d(ə)proc^h-i-s</i>	<i>d(ə)proc^h-ner-u-s</i>	<i>d(ə)proc^h-n-u-s</i>	<i>d(ə)proc^h-ner-n-u-s</i>
Abl	<i>d(ə)proc^h-ē-s</i>	<i>d(ə)proc^h-ner-ē-s</i>	<i>d(ə)proc^h-n-ē-s</i>	<i>d(ə)proc^h-ner-n-ē-s</i>
Inst	<i>d(ə)proc^h-ov-s</i>	<i>d(ə)proc^h-ner-ov-s</i>	<i>d(ə)proc^h-ov-ni-s</i>	<i>d(ə)proc^h-ner-ov-ni-s</i>

Table 1. Nominal declension with possessive markers in MWA

Contrary to MWA, possessive markers in MEA are limited to singular possessor indication, plural possessor usually being expressed by possessive pronouns in plural and the possessee in singular or in plural, (5).

- (5) a. *mer das-ə* *mer das-er-ə* b. *zer beran-ə* *zer beran-ner-ə*
 our lesson-DEF our lesson-PL-DEF your.PL mouth-DEF your.PL mouth-PL-DEF
 ‘our lesson’ ‘our lessons’ ‘your(PL) mouth’ ‘your(PL) mouths’

However, there are certain particular cases in which the regular plural marker *-ner* together with the possessive markers will indicate the plural number of the possessor (and not the possessee), (6), or that of the person/agent, (7).

- (6) *isk menk^h ač^hk^h-ner-s* *lajn bac^h ar-ink^h...*
 and we eye-PL.POSS-1POSS wide open do-AOR.1PL
 ‘And we opened **our eyes** wide open...’

- (7) *menak t^he minč^hev gn-al-ner-s* *ban-man č^h-patah-i*
 only if till go-INF-PL.POSS-1POSS thing-RDB NEG-happen-SBJV.3SG
 ‘If only nothing (something like that) happens before **our departure**’.

Two main subclasses can be outlined according to the semantics: plural possessor marking and plural agent (subject/object) marking. If the singular possessive marking strategy is common for all the nouns in MEA, the plural possessor covers a closed class of nouns or nominalized units (contrary to MWA). The peculiarity of plural possessive markers is that they rarely function as the exact equivalents of possessive pronoun constructions and they often appear in idiomatic or grammaticalized cases.

Plural possessor marking includes mainly inalienable nouns, such as body parts (e.g. *sirt* ‘heart’, *k^hit^h* ‘nose’, *ač^hk^h* ‘eye’ etc.), (6), cognitive/emotion states (e.g. *xelk^h* ‘spirit’, *xosk^h* ‘language’, *hujs* ‘hope’ etc.), some kinship terms (*hajr* ‘father’, *majr* ‘mother’ etc. reserved for very idiomatic usages), as well as unique attributes of a possessor mainly reserved for monosyllabic words (e.g. *kjank^h* ‘life’, *hogi* ‘soul’, *zajn* ‘voice’) or sometimes arbitrary monosyllabic words (e.g. *šor* ‘clothes’, *ōr* ‘day’ etc.).

In case of body parts the plural possessor marking is either limited to monosyllabic words, e.g. *k^hit^h* ‘nose’, *ač^hk^h* ‘eye’ etc., or to those polysyllabic words that do not exist in pair and, thus, the only interpretation would be the pluralness of the possessor and not the possessee, e.g. *beran* ‘mouth’, *glux* [gəlux] ‘head’ etc. For the same reason a noun like *akanž* ‘ear’ in plural with a possessive marker has always the meaning of a plural of the possessee.

According to Nichols 1988 inalienable nouns being frequently-possessed nouns, a language is triggered by economic motivation to treat them differently. One of the reasons of the distribution of plural possessor marking with inalienable nouns in MEA can be their high frequency. According to Eastern Armenian National Corpus 26 out of the first 100 most frequent nouns can have plural possessive marking.

Plural agent marking by possessive markers covers mainly subjects and oblique objects. This strategy exists in both standards with certain contact-induced differences. It can be used with the following categories: postpositions, infinitives, resultative participles, dative subject constructions (only in MEA) and complex verbs (mainly in MEA).

The plural object of postpositions can be marked either by a personal pronoun in the genitive/dative or by the respective possessive marker with *-ner-s/-d/-n* for MEA and *-er-ni-s/-d/-n* or *-ni-s/-d/-n* for MWA, (8).

(8) MEA		MWA	
<i>het-s</i>	<i>het-ner-s</i>	<i>het-s</i>	<i>het-er-ni-s</i>
with-1POSS	with-PL.POSS-1POSS	with-1POSS	with-PL-PL.POSS-1POSS
‘with me’	‘with us’	‘with me’	‘with us’

Plural agent marking on postpositions could be induced by Persian contact (cf. Samvelian, Tseng 2010), though its existence in both standards prove to be at least partly language inherent (MEA had more contact with Persian, whereas MWA with Turkish). Interestingly, in certain Armenian dialects in Iran it is possible to have the possessive markers in direct/indirect object functions like in Persian, (9).

(9) <i>k-ta-m-d</i>	<i>k-zark-em-d</i>
COND-give-1SG-2POSS	COND-hit-1SG-2POSS
‘I’ll give you’	‘I’ll hit you’

Since this phenomenon has been found in various Armenian dialects in Iran that belong to different dialect branches (*-um* branch like MEA for most of Armenian dialects in Iran, and *-el* branch for Maragha dialect different from both MEA and MWA), it can be argued that object functions of possessive markers are purely contact-induced (cf. Acharyan 1954).

The plural object possessive marking is possible only for postpositions with spatial semantics (e.g. *vra* ‘on’, *mež* ‘in’, but not *hamar* ‘for’), with the genitive/dative object (e.g. *het* ‘with’, *mot* ‘near’, but not *heto* ‘after’ with the ablative object) and with postpositions that are either monosyllabic or polysyllabic but with singular attribute semantics similar to inalienable possession (e.g. *araž* ‘before’, but not *asin* ‘about’). Plural object possessive marking with postpositions is mainly used in nominative (cf. Belyaev, Matevosyan 2009).

Like postpositions, infinitives in both standards can be easily nominalized and declined. Plural possessive markers with infinitives express always the agent of the action though morphologically such constructions are quite similar to simple possessive ones, (7).

Another category allowing person marking is the resultative participle which in MA has mainly attributive semantics and it can often have participial relative function (cf. Hodgson 2019). Similar to infinitives, the possessive markers have agentive meaning when used with nominalized resultatives, (10a–b).

(10) a. MEA

<i>ker-ac-s</i>	<i>ker-ac-ner-s</i>
eat-RES-1POSS	eat-RES-PL.POSS-1POSS
‘the thing I have eaten’	‘the things I have eaten/ the thing/s we have eaten’

b. MWA

<i>ker-ac-s</i>	<i>ker-ac-ner-s</i>	<i>ker-ac-(ner)-ni-s</i>
eat-RES-1POSS	eat-RES-PL-1.POSS	eat-RES-(PL)-PL.POSS-1POSS
‘the thing I have eaten’	‘the things I have eaten’	‘the thing/s we have eaten’

Contrary to MWA, MEA can have dative subject constructions which are not numerous, but are very frequent. To our knowledge, such constructions have never been studied in spite of their high frequency in colloquial discourse.

In dative subject constructions, personal pronouns can be replaced by possessive markers and attached to the grammatical nominal subject in singular or in plural, as in (11)–(12).

- (11) *cicab-um katak-ner ėin* *an-um iski petk^h-ner-ə*
 laugh-IPFV joke-PL be.AUX.PST.3PL do-IPFV at.all need-PL.POSS-3POSS
č^h-ēr or *kri^v en* *ek-el*
 NEG-be.AUX.PST.3SG that war be.AUX.3PL come-PFV
 ‘[They] were laughing, making jokes, they did not care (their need was not) at all that they had come to war.’

- (12) *dur-ner-d* *č^h-i* *gal-is* *č^hk^h-v-ek^h* *zer*
 like-PL.POSS-2POSS NEG-be.AUX.3SG come-IPFV disappear-MED-IMP.2PL you.GEN
 “*ankax*” *erkr-ner... ov ē* *zez* *hravir-el* *Ġusastan?*
 independent country-PL who be.AUX.3SG you.DAT invite-PFV Russia
 ‘If you don’t like, disappear/go to your “independent” countries, who has invited you to Russia?’

Dative subject constructions existed in Classical Armenian especially with the infinitive in dative, however, in certain researches they are considered to be calqued from Russian in MEA (cf. Mkrtchyan 1967 in which it is even argued that such constructions are erroneous for Armenian). Russian might have influenced to develop the strategy (especially that these constructions do not exist in MWA), however, their existence in Classical Armenian, as well as in Persian could hint at the possibility of other sources.

The last category of the plural person marking class is complex verbs which are usually composed of some nominal element and a verb. Each of them can be grammaticalized/delexicalized to a different degree. Complex verbs cover two previous cases: either they represent the dative subject construction, (12), or some possessive semantics which is, however, tightly related to the agentive meaning, (13)–(14).

- (13) *diamc^h-ner-s* *inč^hk^han* *ač^hk^h-ner-s* *ktr-er*
 front-PL.POSS-1POSS as.much eye-PL.POSS-1POSS cut-SBJV.PST.3SG
azat ēr *oč^h mi* *xc^hanum*
 free COP.PST.3SG no one traffic.jam
 ‘In front of us, **as much as we could see** [our eyes covered] there was no traffic jam’ (Martirosyan 2019: 231).

- (14) *erku hogi-n* *šat ēr*
 two soul-DEF much COP.PST.3SG
už-ner-s *č^h-ēr* *pat-i*
 strength-PL.POSS-1POSS NEG-be.AUX.PST.3SG cover-CONN
 ‘Two people were too much, we wouldn’t have enough **strength** [our **strength** wouldn’t have been enough]’ (Martirosyan 2019: 243).

Possessive markers in Armenian originating from demonstrative and person semantics in Classical Armenian have had relatively similar evolutions in Armenian standards/dialects. However, they have developed different strategies to mark the pluralness of the possessor/person “recycling” the possessive marker for new types of constructions (e.g. dative subject, complex verbs etc.) often induced by contact (Persian, Russian and Turkish).

Abbreviations

1, 2, 3 — 1, 2, 3 person; AOR — aorist; AUX — auxiliary; COND — conditional; CONNEG — connegative converb; COP — copula; DAT — dative; DEF — definite form of a noun; GEN — genitive; IMP — imperative; INF — infinitive; IPFV — imperfective converb; MED — medial (passive); NEG — negation; PFV — perfective converb; PL — plural; POSS — possessive marker; PST — past tense; RDB — reduplication; RES —resultative participle; SBJV — subjunctive; SG — singular.

Online resources

Eastern Armenian National Corpus — www.eanc.net.

References

- Acharyan H. 1954. *Liakatar k^herakanut^hjun hajoc^h lezvi* [Complete Grammar of the Armenian Language]. V. 2. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR.
- Belyaev O., Matevosyan N. 2009. *Adpostpositions in Standard Eastern Armenian*. EANC research program. http://eanc.net/en/grant/project_summaries/.
- Hodgson K. 2019. *Relative clauses in colloquial Armenian: Syntax and typology*. PhD. Paris: INALCO.
- Martirosyan V. 2019. *Bambake pater* [Cotton walls], novel. Yerevan: Actual Art.
- Mkrtchyan E. 1967. Trakan holovov ent^hakan grabarum [The subject in dative in Classical Armenian]. *Patma-banasirakan handes*, nn. 2–3, 237–245.
- Nichols J. 1988. On Alienable and Inalienable Possession. In: W. Shipley (ed.). *In honor of Mary Haas*. Berlin: Mouton de Gruyter, 475–521.
- Samvelian P., Tseng J. 2010. Persian object clitics and the syntax-morphology interface. In: S. Müller (ed.). *Proceedings of the HPSG 10 Conference*. Stanford: CSLI Publications, 212–232.

К вопросу о лексическом и грамматическом значении в шугнанском языке

Л. Р. Додыхудоева

Институт языкознания РАН; leiladod@yahoo.com

В шугнанском языке известен композит, образованный соединением двух знаменательных основ: *têr-bîc*¹ ‘темный, хмурый, (зло)вредный’ (букв.: черное-лицо), ср. также *têr-gîl* ‘темноголовый, черноголовый, темноволосый’ (букв.: черная-голова), *têr-dîl*, *têr-zorð* ‘(зло)вредный, злой’ (букв.: черное-сердце), а также *rûšt-gîl* ‘красноголовый, рыжеволосый’ (букв.: красная-голова).

Наряду с этим в шугнанском имеется фразеологическое словосочетание *pîc têr* ‘бесстыжий, противный, вредный’ (букв.: лицо черное) с переносным значением ‘преданный проклятью, осуждению, порицаемый в резких выражениях и действиях’, употребляемое как бранное, как эвфемизм вместо бранных слов, в восклицательных предложениях в качестве упрека и связанное с древними траурными церемониями и ритуалами покаяния и поношения.

(1) *Wi pîc têr, finûn yu kîxt*
его лицо черный выдумка он делать.PRS.3SG
‘Бесстыжий, иди сюда’ (Карамшоев 1991: 439).

(2) *Tu nân pîc têr, tarû ya*
ты мать лицо черный сюда идти.PRS.3SG
‘Бесстыжий (букв.: лицо твоей матери черное), иди сюда’.

Данное фразеологическое словосочетание также имеет структурно близкую параллель — *pîc rûšt* ‘бессовестный, наглый; такой-сякой, пренебрегающий правилами поведения’ (букв.: лицо красное) с переносным значением ‘пострел’. Эта фразеологическая единица (ФЕ) также употребляется как эвфемизм вместо слова, обозначающего признак, о котором известно из контекста, как шутливо-бранное, упрек, особенно по отношению к детям:

¹ Все шугнанские примеры приводятся в латинице, таджикские (за исключением (10) и (12)) — в кириллице.

- (3) *Tu pīc rūšt, tu-t vo pīs ħac na-sut*
 ты лицо красный ты-2SG снова за вода NEG-идти.PST.2SG
 ‘Ах ты, бессовестный, ты опять не сходил за водой’ (Карамшоев 1991: 439).

На основе рассматриваемой ФЕ развился сложноименной глагол *pīc tēr ċīdow* ‘лгать, не иметь стыда; (о)чернить’, выступающий в роли сложноименного сказуемого, в котором компонент *pīc tēr* может быть рассмотрен как словосочетание с тенденцией к перестройке в композит (*pīc-tēr*, ср. *tēr ċīdow* ‘делать черным’):

- (4) *Dād xu pīc tēr kinen, mu-ja nist*
 они.MEDIUM свое лицо черный делать.PRS.3PL меня-POST NEG.есть.COP.1SG
 ‘Они лгут, у меня ничего нет’ (Карамшоев 1991: 439).

Сходную структуру имеет ФЕ *xu pīc tēr-um* ‘скрывать, таить (о грехе)’ с предикативной связкой:

- (5) *Ĥiz xu pīc tēr-um, odam beayb*
 зачем свое лицо черный-COP.1SG человек без.вины
nist, mu-nd mis yast
 NEG-есть.COP.3SG меня-POST тоже есть.COP.3SG
 ‘Что греха таить, нет человека без греха, и у меня они есть’ (Мирзоев, Карамова 2014: 33).

Приведем еще один пример из новейших фразеологических сложений. Здесь формирование новой ФЕ происходит на основе сращения стержневых компонентов и объединения их в одно сложное слово (субстантив), выступающее в качестве определения и факультативно оформляемое изафетом (-i), маркирующим в шугнанском языке обычно имя существительное. При этом в данном случае определить грамматическое значение этого компонента ФЕ сложно.

В настоящее время грамматическое значение ФЕ может варьировать в зависимости от лексического окружения, контекста. Отдельные единицы могут сохранять свое исходное значение либо перестраиваться и менять его. В частности, единицы (имя существительное + прилагательное) могут соединяться, композит-субстантив — адъективироваться и/или композит-адъектив — подвергаться субстантивации.

- (6) *Pīc-tēr(-i) odam*
 лицо-черный(-iz) человек
 ‘Бессовестный человек’ (Аламшоев 2018: 373).

Обычно в шугнанском языке определение стоит перед определяемым: *beḡarm odam* ‘бессовестный человек’. Такое оформление *-i* выявлено на примере композита, заимствованного из таджикского: *azor-ǰūfi odam* ‘изворотливый человек; перен. многообразный (о человеке)’ (таджикское *ҳазор* ‘тысяча’, *ҷуфтан* ‘складываться (вдвое)’) (Карамшоев 1988: 63), в котором имеет место адъективация композита-субстантива, при том что, как правило, суффикс *-i* в шугнанском маркирует имя существительное. В целом же для шугнанского языка все больше становятся характерными обороты по типу таджикских, где изафетом маркируется главный член именной группы:

- (7) *Odam-i gandā*
 человек-из плохой
 ‘Плохой человек’ (Карамшоев 1988: 376).

Наиболее близким по грамматическому значению к шугнанской ФЕ *rīc tēr* можно считать таджикский композит *сиёҳрӯ(ӣ)* ‘чернолицый; перен. опозоренный’ (ТРС 2006) с обратным порядком компонентов в композите (черное лицо), но с тем же порядком компонентов словосочетания, где препозитивное определение примыкает к определяемому слову:

- (8) ТАДЖИКСКИЙ
Siyohrū(y) odam
 черный.лицо человек
 ‘Человек с темным лицом / опозоренный человек’.

Та же конструкция с препозитивным определением без изафета встречается как заимствование из таджикского и в шугнанском — *surxrūy* ‘почетный, счастливый’ (букв.: красное лицо):

- (9) *Surxrū(y) odam*
 красный.лицо человек
 ‘Счастливый человек’.

О сходном типе конструкции с «перевернутым» изафетом (*изāфати мағлӯб*) — «слово управляющее ставится после управляемого» — упоминает для персидского языка Е. Э. Бертельс, подчеркивая, что данная форма считается устаревшей и «применяется она только в оборотах классического языка, к тому же превратившихся скорее в сложные слова: <...> *Irān šahr* ‘страна Иран’» (1926: 24).

Обычно это грамматическое значение выражается в таджикском языке изафетной конструкцией, в которой показатель изафета маркирует главный член именной группы:

(10) ТАДЖИКСКИЙ

Odam-i siyohrū(y)

человек-из черный.лицо

‘Чернолицый человек / опозоренный человек’.

Сходная с шугнанской ФЕ с компонентом *pīc tēr* (6) структура наблюдается в другой новой шугнанской ФЕ с ядерным компонентом *pīc-rūšt* (букв.: лицо красное):

(11) *Pīc-rūšt-i odam*

лицо-красный-из человек

‘Бессовестный, наглый человек’ (Аламшоев 2018: 373).

Обе шугнанские ФЕ (6) и (11) целесообразно рассматривать как имеющие одинаковый морфологический состав и одинаковое грамматическое значение. Грамматическая полисемия компонентов ядерного композита (образованного из сочетания имени существительного и прилагательного) допускает как минимум двоякую трактовку его грамматического значения — и как субстантива, и как адъектива — в составе именного атрибутивного словосочетания, где зависимое слово определяет главное (*odam*), указывая на его признак: *pīc-tēr* / *pīc-rūšt*.

Можно предложить две альтернативных трактовки таких сочетаний.

С одной стороны, словосочетание можно рассматривать как «перевернутую» изафетную конструкцию, где изафетом (*безударным* грамматическим показателем) маркируется зависимый член именной группы — композит-субстантив (*pīc-tēr(-i)* / *pīc-rūšt(-i)*), сформированный из словосочетания «существительное + прилагательное», а главный член (*odam*) формально не имеет согласования, что характерно для ряда прикаспийских языков, например, гилянско-го и мазандеранско-го (Иванов, Додыхудоева 2017). С другой стороны, зависимый член можно рассматривать как композит-субстантив (*pīc-tēr* / *pīc-rūšt*), находящийся в процессе преобразования в композит-адъектив, оформленный ударным суффиксом *-i*, что изредка наблюдается в заимствованиях из таджикского.

Наиболее близкими по грамматическому значению к шугнанскому *pīc-rūšt* (3) можно считать его частичный синоним — заимствование из таджикского *surxū(y)* (9) — и таджикское *сурхӯ(ӯ)* ‘краснолицый, румяный; перен. почтенный, уважаемый’ (букв.: красное лицо), идентичные по составу формальных составляющих с обратным порядком компонентов в композите, а также глагольную ФЕ *сурхӯ(ӯ) шудан* ‘покраснеть (о лице, человеке), достойно выйти из трудного положения’ (ТРС 2006).

(12) ТАДЖИКСКИЙ

Odam-i surxrū(y)

человек-IZ красный.лицо

‘Человек, с честью вышедший из трудного положения’.

Однако в таджикских сочетаниях, например, *rūi surx* ‘красное, румяное лицо’, *bo rūi surx* ‘с румяным лицом; перен. с победой’ и др., изафет оформляет определяемое слово — человек, лицо.

К приведенным выше можно добавить еще одну шугнанскую ФЕ с опорным словом в виде композита *pīc-rūšt* (букв.: лицо красное). На основе рассматриваемой ФЕ развился сложноименной глагол *pīc rūšt čīdow* ‘лгать; оправдываться’ (Аламшоев 2018: 373) (букв.: делать лицо красным), в котором именной компонент *pīc rūšt* может быть также рассмотрен как словосочетание с тенденцией к перестройке в композит (ср. *rūšt čīdow* ‘окрашивать в красный цвет’):

(13) *Yā xi pīc-rūšt čīd*

она свое лицо-красный делать.PST.3SG

‘Она себя оправдывает’.

Итак, можно высказать следующие предположения: в шугнанском языке активно идут два процесса: во-первых, как словообразовательный механизм используется формирование композитов с последующим изменением их грамматических значений (процессы субстантивации/адъективации композита и/или его составляющих), во-вторых, происходит продвижение заимствованных из таджикского способов оформления синтаксической связи путем изафетной конструкции.

Нам удалось выявить не только исторически адаптированные прямые заимствования оформленных изафетом словосочетаний из персидского (таджикского) языка, но и новое явление — появление в шугнанском языке конструкций с «перевернутым» изафетом (примеры (6) и (11)).

Список условных сокращений

COP — копула; IZ — изафет; NEG — отрицание; PL — множественное число; POST — послелог; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

Аламшоев Ш. М. 2018. *Фразеология шугнанского языка (структурно-грамматический и семантический аспекты)*. Дисс. ... канд. филол. наук. Душанбе: Хогрогский государственный университет им. М. Назаршоева.

- Бертельс Е. Э. 1926. *Грамматика персидского языка*. Л.: Издание Института живых восточных языков им. А. С. Енукидзе.
- Иванов В. Б., Додыхудоева Л. Р. 2017. Синтаксические отношения имен в северо-западных иранских языках (на мазандеранском и гиялском материале). *Вопросы языкознания*, №2, 77–95.
- Карамшоев Д. К. I. 1988; II. 1991; III. 1999. *Шугнанско-русский словарь*. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Мирзоев Ш., Карамова И. 2014. *Краткий словарь фразеологических единиц шугнанского языка и их эквиваленты в русском языке*. Хорог: б. изд.
- Плунгян В. А. 2003. *Общая морфология: Введение в проблематику*. М.: Едиториал УРСС.
- ТРС — С. Саймиддинов, С. Д. Холматова, С. Каримов (ред.). 2006. *Таджикско-русский словарь*. 2-е изд. Душанбе: Пажӯҳишгоҳи фарҳанги форсӣ-тоҷикӣ.

Ишкат мамаев*

М. Б. Бергельсон^а, А. А. Кибрик^б

^а Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
mirabergelson@gmail.com

^б Институт языкознания РАН / МГУ имени М. В. Ломоносова;
aakibrik@gmail.com

Книга писателя Бориса Гринштейна «Земля за океаном» представляет альтернативную историю Российско-Американской компании и в целом Русской Америки — какой она была бы, если бы все повернулось иначе (ср. «Остров Крым» Василия Аксенова). В книге Гринштейна¹ есть такое предложение: «Сдавать всё чиновникам и служащим Компании должно было по таксе, по которой, например, яман, в зависимости от размера, стоил 5–12 руб.; палтус 1,5–3 руб.; гусь или лебедь 1,25 руб.; утка, пара куропаток или ишкат мамаев — 75 коп.; а ведро брусники — 2 руб.». К выражению *ишкат мамаев* Гринштейн сделал такие примечания:

«Ишкат (чин.) — большая корзина или род мешка; у алеутов и кадьякцев <...> плетётся из стеблей трав, у индейцев — из корневых волокон деревьев.

Мамай — морской гребешок».

Таким образом, *ишкат мамаев* примерно значит ‘корзина морских моллюсков’.

После длительных поисков мы обнаружили первоисточник данного фрагмента. Это документ, изданный 7 декабря 1830 года Главным правителем Русской Америки бароном Фердинандом Петровичем Врангелем о таксах для торговли с колошами (глингитами). Нужный фрагмент документа опубликован в книге Кирилла Тимофеевича Хлебникова, см. Федо-

* Авторы выражают искреннюю признательность Е. В. Головки, Н. А. Татаренковой, А. Е. Аникину, А. Берге и О. А. Мудраку за консультации по некоторым обсуждаемым здесь вопросам. Разумеется, всю ответственность за содержание статьи несут только сами авторы.

¹ См., например, <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%93/grinshtejn-boris-vladimirovich/zemlya-za-okeanom/32>. Все обнаруженные нами публикации этой книги в интернете не имеют нумерованных страниц. Фрагмент относится к главе 29.

рова (сост.) 1985: 143; примечания, которые взял за основу Гринштейн, находятся на с. 260, 264. Итак, в речи образованных русских времен расцвета Русской Америки выражение *ишкат мамаев* было совершенно нормальным и употребительным.

Данная заметка посвящена лексическому и грамматическому составу этого выражения — как в русском языке Аляски XIX века, так и в том варианте аляскинского русского, который мы застали в ходе своей полевой работы, начиная с 1997 года.

1. Аляскинский русский

Аляскинский русский (АР) возник во второй половине XVIII века в результате контакта русских промышленников с автохтонным населением Алеутских островов. Уже в первой половине XIX века АР существовал как особый вариант русского языка, отличный от любых других вариантов и диалектов континентального русского (КР). АР стал родным языком креолов Русской Америки — социальной группы людей, имеющих смешанное русско-алеутское, а с самого начала XIX века и русско-эскимосское (по большей части — алютикское) происхождение. Во многом АР и сформировал эту социальную группу, хотя для первого поколения креолов был характерен билингвизм (русско-алеутский либо русско-алютикский). Независимо от различий в этническом происхождении, креолы представляли собой единую этнокультурную общность.

АР исследуется нами на примере сохранившегося по настоящее время русского языка деревни Нинильчик на Кенайском полуострове, где в 1847 году на исконной территории атабаскского племени денайна было образовано поселение пенсионеров Российско-Американской Компании. В нинильчикском русском (НР) присутствует небольшое число заимствований из коренных языков Аляски, также наблюдаются грамматические особенности по сравнению с КР (Бергельсон, Кибрик 2018).

2. Ишкат

Слово *ishkát* (у одного из информантов *is'kát'*) в значении 'корзина' было засвидетельствовано нами в НР, когда мы впервые занимались полевой работой по этому диалекту, см. Bergelson et al. 2017: 37. Каково происхождение этого слова?

Упомянутая в начале помета (*чин.*) при слове *ишкат*, видимо, означает, что Гринштейн связывает происхождение этого слова с языком чинук (шинук) или с чинукским жаргоном; в публикации Федорова (сост.) 1985

такой пометы не было. Имеющиеся лексикографические данные не подтверждают чинукскую версию, см. Gibbs 1863, Gill 1909, Hibben 2011. Как отмечает А. А. Истомин (1980), высказывалось предположение о заимствовании слова *ишкат* из языков калифорнийских индейцев помо (Кожин 1977: 70). На это Истомин справедливо указывает, что данное слово встречалось уже у Лисянского (1812), посетившего Русскую Америку до установления первых контактов между русскими и индейцами Калифорнии. Действительно, это слово неоднократно встречается в ранних русских источниках, связанных с Русской Америкой, в форме *ишкат* или, реже, *искат*, например: «Когда поспеть сарана, то накладывают на всякую женщину накопать по нѣскольку ишкатовъ (мѣра около четверика) корня оной» (Давыдовъ 1812: 129). Г. И. Давыдов находился на о. Кадьяк, о котором в основном идет речь в его книге, в самом начале XIX в., в 1802–1803 гг. Очевидно, уже в этот ранний период Русской Америки слово *ишкат* прочно вошло в АР.

Происхождение слова *ишкат* в АР на самом деле прозрачно: оно было заимствовано из алеутского языка — первого аборигенного языка, с которым русские вступили в контакт в ходе освоения Аляски еще в середине XVIII в.:

- (1) *исхатиx* [мн. *исхатис*] корзина (Головко 1994: 55)
isxati-x ‘grass basket’, ‘bag’ (Bergsland 1994: 213)

Техника плетения травяных корзин и других контейнеров была высоко развита у алеутов, см. Татаренкова 2013, особенно с. 8. Вероятно, именно высокое качество этих изделий и обусловило тот факт, что и сама реалья, и соответствующее слово вошли в обиход русских в Америке. Использовалось оно и на Командорских островах.

Рис. 1. Алеутский ишкат (Кунсткамера, собиратель П. П. Дорошин, 1848–1853 гг., о. Унга), Корсун (сост.) 2014: 220

Причина, по которой в слове *ишкат* мы обычно наблюдаем [š] (и реже [s] или [s']), состоит в следующем: «s used to be a palatal or palato-alveolar sibilant (often written sh by early Russians <...> but with younger speakers nowadays perhaps is mostly like an English s)» (Bergsland 1994: xviii). Что же касается репрезентации алеутского увулярного фрикативного [x̠] в виде [k] в АР, см. обсуждение в Bergsland 1994: xxii-xxiv, а также ср. аналогичную репрезентацию в немецких заимствованиях типа *галстук*, *фартук*.

Интересно, что в алеутско-русском словаре И. Е. Вениаминова данное алеутское слово не фигурирует, однако хорошо освоенное русское слово *ишкат* используется как перевод других алеутских слов:

- (2) *аигага́сикъ* корзина, ишкать (Веніаминовъ 1846: 7)
анѣга́чхъкъ большая корзина, ишкать (Веніаминовъ 1846: 19)

У Кирила Хлебникова в разных местах слово *ишкат* встречается как обозначение меры объема: 145 ишкатов малины, 8 ишкатов юколы, 30 ишкатов мамаев, см. Федорова (сост.) 1985: 143, 146, 147. Мы наблюдаем полисемию, аналогичную англ. *barrel* — и любая бочка, и бочка фиксированного размера, используемая как мера объема.

3. Мамай

Носители НР для слова *tamáyi* дают в качестве первого перевода *razor clam*. Этот вид моллюска — рус. *морской черенок*, лат. *Siliqua patula* — традиционно является важнейшим элементом диеты жителей Нинильчика. Мамаев добывают на берегу моря во время отлива, выкапывая их из песка специальной лопаткой — мамайником. Носители НР отмечают, что мамы — это не только *razor clams*, но и другие виды *clams*, т. е. двустворчатых моллюсков.

Рис. 2. Мамай (*Siliqua patula*)

Как мы уже видели, слово *мамаи* вошло в АР в первой трети XIX века. В частности, его широко употреблял И. Е. Вениаминов, например в том же алеутско-русском словаре:

(3) *камáкхнъ* мн. *мамаи* (ракушки морскія) (Вениаминовъ 1846: 7)²

Слово *мамаи* обнаруживается и на территории России, а именно на Командорских островах, которые были западной периферией Русской Америки. На Командорах данный термин применяется к видам моллюсков *Maclromeris polynuma*, *Protothaca staminea* и *Siliqua alta* (Татаренкова 2008, 2012). Согласно личному сообщению Н. А. Татаренковой (через посредство Е. В. Головки), в России слово *мамаи* в настоящее время бытует лишь на Командорских островах, но не на континентальной части Камчатки. В XIX в. отмечено употребление данного слова применительно к Сахалину — а именно, в 1853 г. в записках Н. В. Рудановского (2003), см. https://www.tourister.ru/responses/id_21688.

Судя по всему, *мамаи* — слово аляскинского происхождения, попавшее в АР из эскимосского языка алютик. (Надо сказать, что именно заимствования из алютика превалируют среди немногочисленных аляскинских заимствований в НР.) Оно есть в двух алютикских диалектных словарях:

(4) clam: *tamaayaq*; razor clam: *cingtaataq* (Leer 1979: 46)
butter clam: *tamaayaq*; razor clam: *cingtaataq* (Smelcer 2011: 62)

Поскольку жители Нинильчика генетически связаны с кадьякскими алютиками, чей диалект отражен в словаре Дж. Лира, можно заключить, что в НР был заимствован алютикский гипероним, а его употребление связалось в первую очередь с гипонимом — с наиболее важной разновидностью моллюсков, а именно с морским черенком.

Отметим, что алютикское слово *tamaayaq* отсутствует в других эскимосских языках (см. Fortescue et al. 2010). Согласно гипотезе Дж. Лира, в алютике оно происходит от корня *tame-* ‘close bilaterally, close in’ (Leer 1980: 297). То же происхождение данного слова (независимо от Дж. Лира и друг от друга) предложили А. Берге и О. А. Мудрак (личные сообщения). Если это верно, то *tamaayaq* буквально значит что-то вроде ‘закрывашка’. Схожее, но обратное развитие (скорее ‘открывашка’) отмечается для на-

² Интересно, что в словаре Бергсланда, наряду с собственно алеутским названием морского черенка (razor clam), фигурирует также русское заимствование *ustricha-ĕ* (Bergsland 1994: 451). Очевидно, русские иногда называли мамаев устрицами, хотя черенки относятся совсем к другой группе двустворчатых моллюсков, нежели настоящие устрицы. То же употребление зарегистрировано на Командорских островах (Татаренкова 2008: 188).

званий двустворчатых моллюсков в других эскимосских языках, см. Fortescue et al. 2010: 8.

Можно ли предположить, наоборот, что слово *мамаи* было принесено на Аляску русскими (откуда-то из Сибири) и от них попало в язык алютиков? Фонетически такое предположение возможно, однако в сибирских диалектных словарях это слово отсутствует, а в коренных языках Сибири вероятного источника не обнаруживается.

4. Родительный меры

Среди различных функций родительного падежа (см. Плунгян 2011: гл. 3, 4) заметным, хотя и далеко не основным является значение, встречающееся в конструкциях квантификации, подобных нашему выражению *ишкат мамаев: много снега, меньше года, половина дома, мешок угля, кусок хлеба, глоток воды, стакан молока, стадо коров* и т. п. Общепринятого термина для этой функции родительного падежа и соответствующей конструкции, видимо, нет. Встречаются термины «псевдопартитив» (Кортъевскаја-Тамм 2001), «квантитатив» (статья про партитив в английской википедии), «родительный количества» (Востоков 1844: 219), «родительный меры» (Кацнельсон 2001: 129) и др. В Грамматике-80 описание подобных употреблений является довольно сложным и отчасти противоречивым, см. Шведова (ред.) 1980: 59–60, 78, 427–428.

Как мы видели в примерах выше, в «образованном» AP XIX века конструкции с родительным меры ничем не отличаются от того, что мы наблюдаем в КР. А как обстоит дело в современном AP, лучше всего документированном в Нинильчике?

Надо сказать, что в НР категория падежа имеется, но родительный падеж фактически не обнаруживается. Так, в посессивных конструкциях используется особая форма на *-ina*:

- (5) *sahát'ina nos* 'нос лося' (ср. *sahát* 'лось')
m'idwét'ina láp'i bal'shíya 'у медведя большие лапы'
mát'ina kn'íga 'книга матери'

В конструкциях со значением количества/меры мы почти всегда наблюдаем немаркированный именительный падеж:

- (6) *tr'i tapar'í* 'три топора'
p'at' brát'i 'пять братьев'
mnóga drawá 'много дров'
tsélay kúcha m'ir'ikántsi 'полно американцев'

kusók r'íba 'кусок рыбы'
stakán wadá 'стакан воды'

В конструкциях этого типа нам удалось найти лишь два слова, которые сохранили окаменевшие формы прежнего родительного падежа: *l'ud'éy* и *fseh*. Они могут появляться в устойчивых словосочетаниях наряду с нейтральными формами:

(7) *n'étu l'ud'éy* ~ *n'étu l'úd'i* 'нет людей'
lúchi fseh ~ *lúchi chem fse* 'лучше всех'

Если главное слово обозначает контейнер, который в современном НР не концептуализируется как мера, используется перифрастическая конструкция с лексемой *pólan*:

(8) *m'ishók pólan úgal'* 'мешок угля'
w'idró pólan tamáyi 'ведро мамаев'

Согласно нашей замечательной информантке Сельме Лиман-Осколкофф, «*w'idró tamáyi* does not make sense».

Семантика контейнера может переосмысляться и как локализация:

(9) *w w'idré pólan wadá* 'в ведре много воды'
w stakán'i malakó 'в стакане (есть) молоко'

5. Заключение

Итак, лексический состав выражения *ишкат мамаев* понятен. Слово *ишкат* происходит из алеутского языка, укоренилось в АР еще в начале XIX в., в том числе как обозначение стандартной меры объема, и сохранилось в НР. Слово *мамаи* происходит из эскимосского языка алютик, укоренилось в АР в первой трети XIX в. и сохранилось в НР до наших дней, обозначая одну из ключевых культурных реалий.

Конструкция с родительным меры употреблялась в «образованном» АР XIX века неотличимым от КР способом. Однако в НР, как мы застали его в ходе своей полевой работы, эта конструкция с родительным меры практически отсутствует; используется либо «именительный меры», либо перифрастическая конструкция с *pólan*.

Более общий вывод из этой небольшой зарисовки связан с контактной социолингвистикой. АР не является гомогенным вариантом русского языка, это сложная сеть социальных и исторических форм, динамически варьирующая как во времени, так и в разных социальных группах. Во времена Российско-Американской компании существовал аляскинский

региональный вариант КР, которым пользовались временно проживавшие в Америке русские и который вобрал в себя некоторые лексические заимствования из аборигенных языков. В то же время формировался уже сугубо аляскинский русский язык, который был родным для креолов и который дожил до наших дней в Нинильчике и в некоторых других местах. Помимо лексических особенностей, этот АР обладает существенной грамматической спецификой, делающей его уникальным элементом русской языковой ойкумены.

Литература

- Бергельсон М. Б., Кибрик А. А. 2018. Русский язык на берегах залива Кука: самоидентификация культуры в условиях изоляции. *Вестник Томского гос. ун-та. Филология*, №54, 29–41.
- Веніаміновъ И. 1846. Словарь алеутско-лисьевского языка. В кн.: *Опытъ грамматики алеутско-лисьевского языка Священника И. Веніамінова въ Уналашкѣ*. Санктпетербургъ: Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.
- Востоков А. Х. 1844. *Русская грамматика Александра Востокова, по начертанію его же сокращенной грамматики полнѣе изложенная. Изданіе шестое, исправленное*. Санктпетербургъ: Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.
- Головко Е. В. 1994. *Словарь алеутско-русский и русско-алеутский (беринговский диалект)*. СПб: Просвещение.
- Давыдовъ Г. И. 1812. *Двукратное путешествіе въ Америку морскихъ офицеровъ Хвостова и Давыдова, писанное симъ послѣднимъ*. Часть вторая. Въ С. Петербургъ Печатано въ Морской Типографіи.
- Истомин А. А. 1980. Селение Росс и калифорнийские индейцы. *Советская этнография*, 1980, №4, 57–69.
- Кацнельсон С. Д. 2001. *Категории языка и мышления*. М.: ЯСК.
- Кожин П. М. 1977. Этногеографические наблюдения И. Г. Вознесенского в Калифорнии. *Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии*, вып. 7, 66–76.
- Корсун С. А. (сост.). 2014. *Алеуты. Каталог коллекций Кунсткамеры*. СПб: МАЭ РАН.
- Лисянский Ю. Ф. 1812. *Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах на корабле Нева*. Ч. II. СПб.
- Плунгян В. А. 2011. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ.
- Рудановский Н. В. 2003. «Поездки мои по острову Сахалину я делал осенью и зимою...» Отчеты лейтенанта Н. В. Рудановского, 1853–1854 гг. *Вестник Сахалинского музея*, №10, 137–166.
- Татаренкова Н. А. 2008. Использование моллюсков алеутами Командорских островов. В сб.: А. П. Ярков (ред.). «*Aus Sibirien — 2008*»: научно-информационный сборник. Тюмень: «КоЛеСо», 186–190.

- Татаренкова Н. А. 2012. Командорские острова: местные слова и термины, устаревшие и редко употребляемые понятия. В сб.: «О Камчатке: её пределах и состоянии...»: материалы XXIX Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский: М-во культуры Камч. края, 235–251.
- Татаренкова Н. А. 2013. Алеутское «шелковое» плетение. Этнографический сборник. Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс.
- Федорова С. Г. (сост.). 1985. Русская Америка в «записках» Кирилы Хлебникова. М.: Наука.
- Шведова Н. Ю. (ред.). 1980. Русская грамматика. Т. II. М.: Наука.
- Bergelson M., Kibrik A. A., Leman W., Raskladkina M. 2017. *Dictionary of Ninilchik Russian. 2017 Version*. Anchorage: Minuteman Press.
- Bergsland K. 1994. *Aleut Dictionary*. Fairbanks: ANLC.
- Fortescue M., Jacobson S., Kaplan L. 2010. *Comparative Eskimo Dictionary with Aleut Cognates. 2nd edition*. Fairbanks: ANLC.
- Gibbs G. 1863. *Alphabetical vocabulary of the Chinook language*. New York: Cramoisy Press.
- Gill J. K. 1909. *Gill's dictionary of the Chinook Jargon*. Portland, Oregon: The J. K. Gill Company.
- Hibben T. N. 2011. *Dictionary of the Chinook Jargon, or Indian Trade Language of the North Pacific Coast*. Victoria, B. C.: T. N. Hibben and Co.
- Коптјевскаја-Тамм М. 2001. “A piece of the cake” and “a cup of tea”: Partitive and pseudo-partitive nominal constructions in the Circum-Baltic languages. In: Ö. Dahl, M. Коптјевскаја-Тамм (eds.). *Circum-Baltic languages. V. II. Grammar and typology*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 523–568.
- Leer J. 1979. *A conversational dictionary of Kodiak Alutiiq*. Fairbanks: ANLC.
- Leer J. 1980. *Alutiiq Lexical Listing*. Unpublished Manuscript. Available at: <http://www.uaf.edu/anla/item.xml?id=SU972L1980>.
- Smelcer J. F. 2011. *Alutiiq Noun Dictionary and Pronunciation Guide*. Worldwide Conservator: Alaska State Library Historical Collections.

В Провансе, где нас нет

Е. Ю. Протасова

Хельсинкский университет; ekaterina.protassova@helsinki.fi

Литература, созданная авторами, владеющими несколькими языками, всё чаще становится мультилингвальной (Kramsch 2009). Употребление заимствований, переключение кода, словесные игры и прочие явления, возникающие при существовании в границах нескольких способов самовыражения (Casielles-Suárez 2013, Repinecz 2017), кажутся более естественными, чем одноязычие и отсутствие потребности смешивать языки (Apter 2013, Gramling 2016). Так, книги англичанина Питера Мейла превращаются в своеобразный путеводитель, заставляют получать удовольствие от прованских реалий, смаковать сочные выражения провинциалов.

Отрывки из эпопеи, частью которой является «Еще один год в Провансе» (Encore Provence: New Adventures in the South of France, 1999), часто используются специалистами для иллюстрации трудностей межкультурной коммуникации на неродном языке, отличающемся от родного не только грамматикой, но и ментальностью. Вернувшись из-за пределов Франции, автор на первой же странице сообщает: «Большую часть этих четырех лет мы провели в Америке, где гораздо меньше рисковали оказаться невежливыми или неточными, допустить социальный ляпсус либо — о ужас! — попасть впросак в “половом вопросе”. Не надо было лихорадочно решать, обращаться к собеседнику на “ты” или на “вы”, не пришлось гадать, а то и словарь листать, чтобы выяснить, мужского или женского рода слово “персик” либо “аспирин»» (2010: 7–8). Во всех книгах из серии о Провансе Мейл использует вкрапления из французского языка (в том числе и самоочевидные, но колоритные типа *Monsieur, messieurs, mesdames, chapeau*), сообщая о взаимодействии со здешними на самых разных уровнях. Географические названия и наименования ресторанов, фирм и других заведений даются обычным способом. Естественны обозначения учреждений типа *Académie Française*, театра *Comédie Française*, банка *Crédit Agricole*, *mairie* (мэрия) и *Syndicat d'Initiative* (туристический офис), документов типа *code sanitaire* (санитарный кодекс), *permis de chasse* (разрешение на охоту). Кажутся аутентичными и обозначения типа *France profonde*, французская глубинка, как и слова, похожие на английские,

интересные читателю. Заимствования отражают повседневность, переводятся и поясняются в тексте или в примечании: деревенские домишки-сараюшки *cabanons*, винные погреба *caves*, *crise de foie* (приступ печени), *boules*, *pétanque* (шары, любимая игра французов), *cochonnet* (букв. поросенок, т. е. шарик-цель), *le parking payant* (платная стоянка), *les potirons mutilés* (изуродованные тыквы), *en vacances* (в отпуск), *sangliers* (вепри), *mobylette* (мопед), *bidon* (канистра), *tablier* (передник), *salaud* (мерзавец), *frisson* (дрожь), *chantier* (стройплощадка), *lingerie* (магазин нижнего белья), *salle des fêtes* (зал для праздников), *fermé* (закрыт), *pieds tanqués* (ноги вместе), *entrepreneur de pompes funèbres* (похоронный распорядитель), *bête noire* (ненавистный, букв. черное животное), *attendre* (ждать), *oeil-de-beuf* (круглое окно), *chemin de fer* (железная дорога), *fermeture exceptionnelle* (закрыто вне плана), *marque* (марка), *excessif* (чрезмерный), *cigale* (цикада), *crise municipale* (муниципальный кризис), *toilettes publiques* (общественная уборная), *à la turque* (турецкого типа — туалет без унитаза), *queue de cochon* (свиной хвостик), *véritable* (подлинный), *relais routier* (путевая станция), *restaurant de luxe*, *amuse-geules* (кричалки от шеф-повара), *apparance de richesse* (демонстрация богатства), *joie de manger* (радость поесть), *haut resto* (высокая кухня), *joie de vivre* (радость жизни), *menu de mort* (меню смерти), *vendange* (время сбора урожая), *les bonnes adresses* (правильные адреса), *grossiste* (оптовик), *un charme fou* (безумно милый), *en viager* (пожизненный доход), *place* (площадь), *l'affaire Machin* (дело Машена), *verveine* (вербена), *transit intestinal* (путешествие по кишкам), *ça coule?* (течет?), *quelques gouttes* (несколько капель), *sentez* (понюхайте), *forme* (внешний вид), *potager* (огород), *poubelle antique* (древняя свалка), *gloriette* (беседка).

Адаптация невозможна без еды, и ее обозначения частотны: *bonne brioche* (сдобная булочка), *boulangerie* (булочная), *rillettes* (мелко рубленая и жаренная в сале свинина), *andouillettes* (кровяные сосиски), *pâté* (паштет), *foie gras* (гусиная печень), *gratin* (запеканка), *crème anglaise* (заварной крем), *baguettes* (багеты), *croissants* (круассаны), *appellation d'origine contrôlée* (контроль подлинности происхождения), *charcuterie* (колбасные изделия), *épicerie* (бакалея), *petits vins* (слабые вина), *rouge ordinaire* (ординарное красное), *fougasse* (мучная лепешка), *boule* (круглый хлеб), *pain fondu* (лепешки с сыром), *pain restaurant* (ресторанный хлеб), *pain du campagne* (деревенский хлеб), *pain au levain* (дрожжевой хлеб), *petits crottins* (маленькие головки овечьего сыра), *camambert de chèvre* (козий камамбер), *fromage détonateur* (сильный сыр), *à la cendre* (на углях), *petit gris de Provence* (прованская серая виноградная улитка), *tapenade* (прованское блюдо из каперсов, маслин и анчоусов), *courgette* (кабачок), *bouillabaisse*, *rascasse* (морской ерш), *rouille* (паста из оливкового масла, перца и чеснока), *aioli* (чесночный

соус), *aligot* (приправа/гарнир), *charantiers sublimes* (лучшие шарантские дыни), *artichaud à la barigole* (печеный артишок с грибами и салом), *daube* (тушеное мясо), *brouillade de truffes* (омлет с трюфелями), *à la façon biologique* (биологически чистый способ).

По-французски даются коммуникативы и экспрессивы: *(et) voilà(!) non? n'est-ce pas? mon Dieu, le bon Dieu, bon, tant pis, pas mal, mais non, beh oui/non, ah bon, bof, fi, putain, on dit, venez, alors, désolé, allez, merci, rien, exactement, C'est un scandale! C'est normal, c'est possible, c'est drôle, c'est pas con, courage! une merveille, déguelasse, eh, ah, mon vieux, ça va, c'est comme ça, un petit problème, pas de problème.*

Иногда фигурируют обозначения людей: *le pauvre, beau garçon, un homme de lettres, dragueuse, un peu spécial, grande valeur, père et fils, la mamie, les mimis de St. Tropez, gourmet, routier, la patronne, courtier, pépiniériste.*

Интересны особые местные выражения: *le pipi rustique* («кустики»), *piano de pauvres* (метеоризм), *en brosse* (коротко подстриженный), *téléphone arabe* (сарафанное радио), *coup de foudre* (любовь с первого взгляда). Автору нравится специальная лексика, наиболее точно описывающая какой-то вид занятий. Особые слова характеризуют и деятельность нюхачей, воспитывающихся в *L'École d'Initiation aux Arts et aux Métiers du Parfum Destinée aux Enfants Aveugles* (Школа посвящения в искусство и навыки парфюмерии для слепых детей): *couverture des mauvaises odeurs* (сокрытие дурных запахов), *fatigue nasale* (носовая усталость), *gantiers parfumeurs* (перчаточник-парфюмер), *eau de bureau* (смесь парфюмерных запахов в конторе), *tableau olfactif* (обонятельный образ в голове), *pipi de chat* (кошачья моча), *stupéfait par l'acuité et la pertinence olfactives* (потрясен острым и точным обонянием). Мейл любит экзотизмы, как породы дерева, из которых изготавливают рукоятки ножей: *amourette* (трясунка) и *bois de serpent* (змеиное дерево). В речи о недвижимости появляются термины *agents immobiliers, bastides, maisons de maître, bergeries*, категории цен: *prix intéressant, prix justifié, prix: nous consulter*, категории жилищ: *habitable, restauré avec authenticité, restauré avec goût, bon goût, goût raffiné, trompe l'oeil*. Восхищают сорта оливок: *salonenque, picholine, aglandau*.

Иногда по-французски цитируются целые вывески или сообщения, при переводе которых возможна ирония: *Tout contrevenant sera abattu, les survivants poursuivis* (нарушителей пристрелят, а кого недострелят до смерти, привлекут к ответственности); *Défense de pénétrer sous peine de sanctions correctionnelles graves* (вместо «Вход запрещен под угрозой тяжелого уголовного наказания» следует «За проникновение взыскивается штраф в пять сантимов по распоряжению исправительного суда»); *Té, il a encore baisé Fanny* (Он опять неумело играл, *anti-Fanny* — более совершенный набор для

игры в шары); *La vieillesse nuit gravement à la santé* (Старость серьезно вредна для здоровья); *Le marché est ouvert!* (Рынок открыт); *il faut du temps pour la corsetterie* (на корсеты требуется время); *C'est le regard du jardinier* (Это взгляд садовника).

Мейл восхищается речевым стилем: «Провансалец-рассказчик нередко оказывается магистром словесной магии, профессором многозначительной паузы, волшебником рукоделия сюжета. А жесты, мимика, игра голосом... Самое банальное происшествие, тривиальнейший фрагмент быта превращаются в его изложении в захватывающую драму». Местные особенности передаются также в диалектной лексике: «Города и деревни часто общаются два своих имени, одно из них в старом прованском написании. Менерб дублируется как Менербо, Авиньон как Авиньюн, Экс-ан-Прованс как Экс-ан-Прувансо» или словечке *bieng*. Есть здесь и свой певец — Фредерик Мистраль. *Pastis* (анисовую настойку) называют *pastaga*. Автора осуждают за *accent aigu* в названии Люберон, что здесь считается *parisianisme*.

Учитывается марсельское произношение, например, только в написанном виде понятно: *L'avillon, c'est plus rapide que le camillon, même s'il ya pas de peuneus* (Самолет быстрее грузовика, хоть и без шин); или обозначение человека без чувства юмора: *Il est un vrai cul cousu*; или психа, которого можно отправить на трамвае 54 в лечебницу: *Il est bon pour le cinquante-quatre*. Принято называть Андре Сису, Луиз — Зиз. Слова *toto, malafou, toti, scoumougne, cafoutchi* слышны только в Марселе: «Этот особый язык внутри языка иногда очень близок к прованским диалектам, но в нем встречаются и заимствования из языков иммигрантов, осевших в Марселе на протяжении столетий и прибывших из Италии, Алжира, Греции, Армении и бог весть откуда еще. Получившийся языковой компот, сочный и богатый, ошеломляюще действует на вновь прибывшего».

В романе блюстители чистоты французского языка выступают против заимствований из английского: *le fast-food, les casquettes de baseball* (бейсболки), *Алёуинь*¹ (Halloween). В тексте встречаются отдельные слова на других языках, например по-латыни.

Художественная литература, отражая жизнь людей, стремится запечатлеть и многоязычный способ размышления и рассказа о мире.

Литература

Мейл П. 2010. *Еще один год в Провансе*. СПб.: Азбука.

Apter E. 2013. *Against world literature: On the politics of untranslatability*. New York: Verso Books.

¹ Запись кириллицей — для ясности произношения; так в переводе по тексту книги.

- Casielles-Suárez E. 2013. Radical Code-switching in “The Brief Wondrous Life of Oscar Wao”. *Bulletin of Hispanic Studies*, v. 90, n. 4, 475–487.
- Gramling D. 2016. *The Invention of Monolingualism*. New York: Bloomsbury.
- Kramsch C. 2009. *The Multilingual Subject*. Oxford: Oxford University Press.
- Repinecz J. 2017. “The Facets of our Diglossia”: Native Speakers as Multilingual Storytellers. *Critical Multilingualism Studies*, v. 5, n. 2, 178–207.

Типология

Почему языки такие разные: к вопросу о психолингвистической типологии*

О. В. Федорова

МГУ имени М. В. Ломоносова; olga.fedorova@msu.ru

Как известно, лингвистическая типология — это область лингвистики, занимающаяся сравнением и классификацией языков с точки зрения их структуры. В данной работе мы введем термин «психолингвистическая типология»¹, обозначив им новую область психолингвистических исследований, формирующуюся на наших глазах.

Психолингвистика (в широком смысле слова) — это наука, исследующая процессы овладения родным и иностранным языками, или усвоение языка, порождение и понимание речи (психолингвистика в узком смысле слова), а также мозговые механизмы речевой деятельности (нейролингвистика). Психолингвистическая типология — это область психолингвистики, которая занимается сравнением и классификацией языков с точки зрения особенностей их усвоения, порождения и понимания речи, а также мозговых механизмов речевой деятельности людей, говорящих на этих языках.

* К этому тексту необходимо сделать три предваряющие ремарки:

1) Автор разделяет возможное недоумение юбиляра и читателей по поводу самой идеи втиснуть описание большой исследовательской области в рамки небольшой заметки, которая в лучшем случае будет представлять собой план-проспект дальнейшей работы. Возможно, однако, что когда-нибудь в будущем эта небольшая заметка будет расширена до полноценной монографии.

2) Автор испытывает некоторую растерянность из-за невозможности попросить юбиляра прочитать драфт данной статьи; несколько последних десятилетий редакторская правка юбиляра сопровождала многие важные статьи автора, часто внося в них недостающие изюминки.

3) Автор пользуется случаем выразить бесконечное восхищение, граничащее с любовью, многочисленными человеческими и научными достоинствами юбиляра.

¹ См. другие названия: «кросслингвистическая психолингвистика» (Norcliffe et al. 2015), «типологическая психолингвистика» (Chen, Myers 2017), «нейротипология» (Bornkessel-Schlesewsky, Schlewsky 2013), а также работу Белянин 1992, в которой термин «психолингвистическая типология» употреблен в другом смысле.

История психолингвистических типологических исследований началась около 40 лет назад. Чуть раньше других, в самом начале 1980-х гг., такие работы появились в области усвоения языка ребенком. В частности, в рамках проекта «The crosslinguistic study of language acquisition» под рук. Д. Слобина было описано более тридцати языков разных языковых семей всех пяти континентов (Slobin 1985–1997, см. обзор в Berman 2014). Другой типологический проект Слобина, осуществленный немного позже, опирался на материал популярной книжки с картинками «Frog, where are you?». Авторы записывали пересказы детей в возрасте от трех до девяти лет, говорящих на иврите, английском, испанском, турецком и немецком языках, а затем анализировали их с точки зрения употребления видовременных форм, связности повествования и т. д. (Berman, Slobin 1994). Самый известный современный «детский» типологический проект — корпус CHILDES (Child Language Data Exchange System, <https://chilides.talkbank.org/>, рук. Б. МакВинни) представляет собой открытый ресурс аудио- и видеозаписей на арабском, баскском, венгерском, греческом, идише, ирландском, польском, русском, сербском, сесото, тамильском, турецком и хорватском языках с собственной системой транскрипции и программами обработки (MacWhinney 2013, 2014).

В середине 1980-х гг. появился первый тематический обзор исследований в области порождения и понимания речи (Cutler 1985)². Исследователи, работающие в этой области, исходят из универсальности самых общих механизмов порождения и понимания речи, которые кратко можно описать следующим образом, см. рис. 1. Процесс порождения речи начинается с намерения говорящего передать собеседнику некоторую мысль (этап концептуализации), затем происходит выбор слов и синтаксической структуры (этап формулирования) и переход к артикуляции (этап артикуляции). Процесс понимания речи начинается с того, что слушающий сегментирует и распознает звуковой сигнал (этап акустического анализа), затем анализирует слова и синтаксические структуры (этап декодирования) и переходит к интерпретации сообщения (этап концептуализации).

Более частные языковые механизмы порождения и понимания речи, однако, могут описываться и как универсальные, и как зависимые от определенных свойств конкретного языка. Рассмотрим самый, пожалуй, известный пример — понимание предложений с «ранним/поздним закрытием».

² В этом обзоре среди прочих направлений исследований была упомянута и гипотеза лингвистической относительности, однако в дальнейшем эта проблематика исчезла из области психолингвистической типологии.

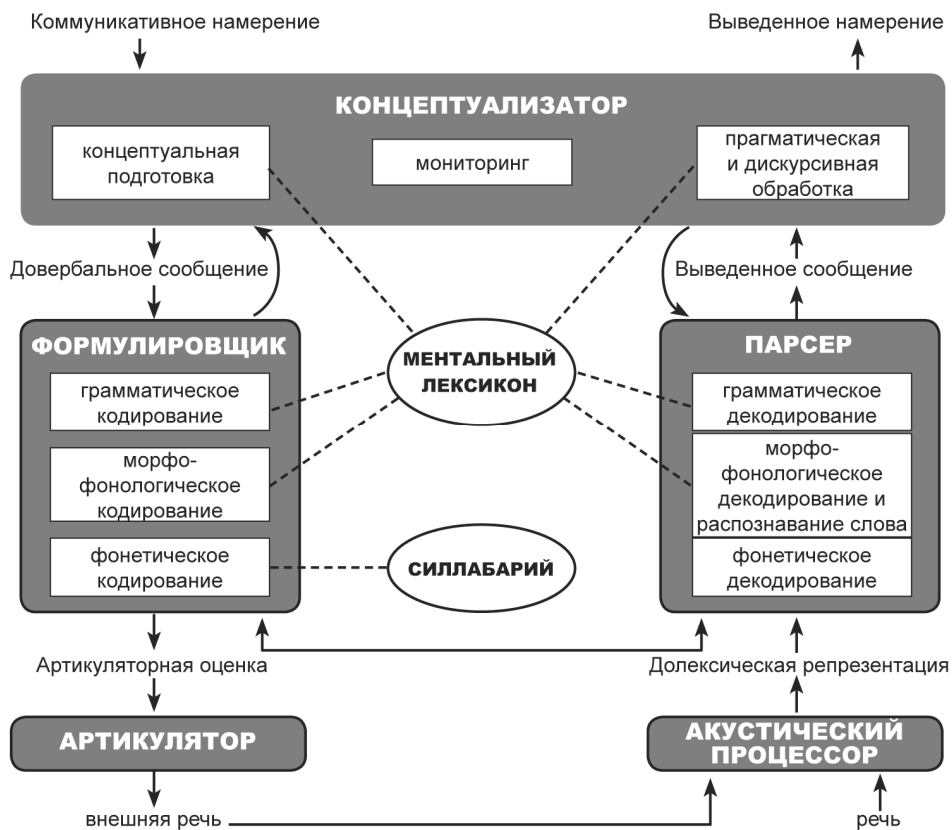

Рисунок 1. Основные компоненты порождения и понимания речи (Levelt 2000: 154)

Со времен работы Cuetos, Mitchell 1988 известно, что англоговорящие испытуемые, читая предложение *Someone shot the servant of the actress that was on the balcony*, чаще выбирают вариант с поздним закрытием ('the actress was on the balcony'), чем с ранним ('the servant was on the balcony'). Испаноговорящие испытуемые, однако, прочитав эквивалентное предложение *Alguien disparó contra la criada de la actriz que estaba en el balcón*, предпочитают раннее закрытие ('la criada estaba en el balcón'). За последние 30 лет было проведено большое число экспериментов на материале разных языков, см. табл. 1, однако данный вопрос по-прежнему не решен. Так, одни исследователи интерпретируют результаты в рамках универсалистского подхода, а другие признают существование в каждом языке своего особого синтаксического парсера.

«Раннее закрытие»	«Позднее закрытие»
африкаанс, болгарский, греческий, испанский, итальянский, корейский, немецкий, нидерландский, польский, русский, французский, хинди, хорватский, японский	арабский, английский, баскский, китайский, норвежский, бразильский португальский, румынский, шведский

Таблица 1. Предпочтение «раннего/позднего закрытия» по языкам

В 1980–1990-х гг. большой вклад в психолингвистическую типологию внесли работы Э. Бейтс. В частности, в сборнике MacWhinney, Bates (eds.) 1989 были собраны исследования, проведенные на английском, вальбири, венгерском, идише, испанском, итальянском, китайском, немецком, нидерландском, сербохорватском, турецком, французском и японском языках. Первое десятилетие развития психолингвистической типологии можно подытожить словами А. Гархнэма из известной книги «The Handbook of Psycholinguistics»: «психолингвисты постепенно приходят к пониманию того, что если они делают универсальное утверждение, они не должны ограничиваться данными английского языка» (Gernsbacher (ed.) 1994: 1137).

Если в первые годы развития психолингвистической типологии ее основу составляли исследования по пониманию речи, то в последние годы стали появляться работы, описывающие и механизмы порождения речи (напр., Jaeger, Norcliffe 2009). Отметим также статью Х. Класена «Contributions of linguistic typology to psycholinguistics», опубликованную не в обычном психолингвистическом издании, а в журнале «Linguistic Typology» (Clahsen 2016).

Нейролингвистические типологические исследования пока развиты меньше других, однако см. специальный выпуск журнала «Brain and Language» с вступительной статьей Э. Бейтс и Б. МакВинни (Bates et al. 1991), а также исследования в рамках проекта «нейротипология» (Bornkessel-Schlesewsky, Schlewsky 2013).

Подытоживая этот краткий обзор, нужно отметить, что проведенные исследования пока сильно разобщены и лишены единой методологии. В некоторых работах язык выступает в качестве независимой переменной (напр., см. Cuetos, Mitchell 1988), в других сравнивается много языков, но используются разные экспериментальные процедуры, в третьих описывается только один — но не английский — язык. Особый интерес представляют исследования последних лет, проводящиеся под девизом «Laboratory in the field», с привлечением материала «экзотических» языков, см., в частности, вступительную статью к специальному выпуску журнала «Language, Cognition and Neuroscience» (Norcliffe et al. 2015). Можно надеяться,

что со временем психолингвистическая типология обретет необходимый методологический опыт и мы сможем лучше понять, как говорят и думают французы, табасараны или догоны.

Литература

- Белянин В. П. 1992. *Психолингвистическая типология художественных текстов по эмоционально-смысловой доминанте*. Автореферат дис. ... доктора филол. наук. М.: МГУ.
- Bates E., Wulfeck B., MacWhinney B. 1991. Cross-linguistic studies in aphasia: An overview. *Brain and Language*, v. 41, n. 2, 123–148.
- Berman R. A. 2014. Cross-linguistic comparisons in child language research. *Journal of Child Language*, v. 41, 26–37.
- Berman R. A., Slobin D. I. 1994. *Relating events in narrative: A cross-linguistic developmental study*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.
- Bornkessel-Schlesewsky I., Schlesewsky M. 2013. Neurotypology: Modeling crosslinguistic similarities and differences in the neurocognition of language comprehension. In: M. Sanz, I. Laka, M. K. Tanenhaus (eds.). *Language down the garden path: The cognitive and biological basis of linguistic structure*. Oxford: Oxford University Press, 241–252.
- Chen T.-Y., Myers J. 2017. Worldlikeness: A web-based tool for typological psycholinguistic research. *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*, v. 23, n. 1, 4.
- Clahsen H. 2016. Contributions of linguistic typology to psycholinguistics. *Linguistic Typology*, v. 20, n. 3, 599–614.
- Cuetos F., Mitchell D. C. 1988. Cross-linguistic differences in parsing: Restrictions on the use of the late closure strategy in Spanish. *Cognition*, v. 30, 73–105.
- Cutler A. 1985. Cross-language psycholinguistics. *Linguistics*, v. 23, n. 5, 659–667.
- Gernsbacher M. A. (ed.) 1994. *The Handbook of Psycholinguistics*. San Diego: Academic Press.
- Jaeger T. F., Norcliffe E. J. 2009. The cross-linguistic study of sentence production. *Language and Linguistics Compass*, v. 3, n. 4, 866–887.
- Levelt W. J. M. 2000. Psychology of language. In: K. Pawlik, M. R. Rosenzweig (eds.). *International Handbook of Psychology*. London: Sage, 151–167.
- MacWhinney B., Bates E. (eds.) 1989. *The crosslinguistic study of sentence processing*. Cambridge: Cambridge University Press.
- MacWhinney B. 2013, 2014. *The CHILDES project: Tools for analyzing talk — electronic edition*. Part 1: The CHAT transcription format. Part 2: The CLAN programs. Pittsburgh, PA: Carnegie Mellon University. <https://talkbank.org/manuals/CHAT.pdf>; <https://talkbank.org/manuals/CLAN.pdf>.
- Norcliffe E., Harris A. C., Jaeger T. F. 2015. Cross-linguistic psycholinguistics and its critical role in theory development: Early beginnings and recent advances. *Language, Cognition and Neuroscience*, v. 30, n. 9, 1009–1032.
- Slobin D. I. (ed.) 1985–1997. *The crosslinguistic study of language acquisition*. V. I–V. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.

Прилагательные и типология грамматических категорий

П. В. Гращенков

МГУ имени М. В. Ломоносова / Институт востоковедения РАН;
pavel.gra@gmail.com

1. «Языки без прилагательных»

Прилагательные принято считать типологически необязательной частью речи: «самостоятельный грамматический класс прилагательных выделяется далеко не везде, и объем этого класса (даже если он выделяется) в разных языках оказывается существенно различным» (Плунгян 2011: 107). Обычно обращают внимание на дистрибутивные причины неразличения прилагательных с двумя «большими» частями речи. Так, атрибутив в цахурском языке фактически представляет собой средство оформления любого члена именной группы, ниже приводятся примеры для посессора, прилагательного и относительного предложения (глоссирование упрощено):

(1) ЦАХУРСКИЙ

a. *adami-na dost* b. *wiRile-na guž*
мужчина-А друг мужчина-А сила
'друг мужа' 'мужская сила' (Кибрик, Тестелец (ред.) 1999: 378)

(2) ЦАХУРСКИЙ

abna jug-na balkan
идти хороший-А лошадь
'Пришла хорошая лошадь' (Там же: 99).

(3) ЦАХУРСКИЙ

zak'le Gajžena [gade horRul]-na jed,
я увидел [мальчик помыла]-А мать
'Я увидел мать, которая помыла сына' (Там же: 87).

Похожая ситуация имеет место в китайском языке, который располагает маркером приименной зависимости *de*, также глоссируемым ниже как атрибутив. Данный показатель имеет широкую сочетаемость и может оформлять посессор, прилагательное, относительное предложение или послеложную группу:

- (4) КИТАЙСКИЙ
xiao-hai de mama
ребенок А мама
'мама ребенка'
- (5) КИТАЙСКИЙ
piao-liang de nü-ren
красивый А женщина
'красивая женщина'
- (6) КИТАЙСКИЙ
[hua zai qiang shang] de hua
рисовать IPF стена на А рисунок
'нарисованный на стене рисунок'
- (7) КИТАЙСКИЙ
[shan shang] de wu-zi
гора на А дом
'дом на горе'

Перспектива синтаксической типологии при этом часто упускает из виду свидетельства морфологического характера.

Если говорить о морфологии, то на первый взгляд прилагательные тут опять оказываются в роли «золушки», (почти) лишенной собственной семантической категории. В Плунгян 2011: 52–53 находим про категорию рода: «род прилагательных — словоизменяемая, а не словоклассифицирующая категория, поскольку каждая адъективная основа в нормальном случае сочетается с показателями всех трех родов; прилагательные, в отличие от существительных, имеют родовые *парадигмы*», то же релевантно и для числа и падежа.

Список основных грамматических категорий, ассоциируемых обычно типологами с различными частями речи (см. Croft 1991, Bhat 1994, Beck 2002, Baker 2003, Плунгян 2003, 2011), представлен в (8) ниже.

Среди грамматических категорий, выделяющих прилагательные в самостоятельную часть речи, остаются, таким образом, только те, которые связаны с градуальностью выражаемого ими признака, т. е. степень сравнения и средства выражения интенсивности. Но именно они делают свою работу достаточно качественно.

Ниже мы покажем, что обращение к грамматическим категориям и морфологии как средству дифференциации частей речи помогает выделить адъективные классы даже в сложных случаях.

(8) ЧР и грамматические категории

ЧР	Грамматические категории
Существительные	число, исчисляемость, падеж, род, размер (уменьшительность / увеличительность), форма (счетные классификаторы), определенность, отчуждаемость (при выражении посессивности)
Прилагательные	степени сравнения, интенсивность признака, атрибутивное согласование с существительным, вторичная предикация
Глаголы	время, вид, наклонение, модальность, согласование с подлежащим / прямым объектом / другими актантами и сирконстантами, переходность

2. Градуальность, компаратив, интенсификация

Компаратив является той грамматической категорией, которая регулярно выделяет прилагательные в отдельный класс даже в случае «неадъективных» языков, см. Bhat 1994 и др. Так, в языке волоф прилагательные и глаголы образуют сравнительную степень при помощи одного и того же показателя *gëna* (глагол ‘превосходить’):

(9) ВОЛОФ

Ibu moo gëna naɗ Aamadu

Ибу 3.SG CMP несчастный Амаду

‘Ибу несчастнее Амаду’ (Mc Laughlin 2004: 258).

(10) ВОЛОФ

Maɗ la gëna ligéey

1.SG 2.PL CMP работать

‘Я работаю больше, чем ты’ (Mc Laughlin 2004: 258).

Градуальная природа прилагательных может проявляться в том, что для некоторых единиц, значения которых соответствуют адъективной семантической зоне, существуют непроеизводные основы сравнительной степени:

(11) ВОЛОФ

Aamadu moo sut Ibu

Амаду 3.SG выше Ибу

‘Амаду выше Ибу’ (Hajek 2004: 258).

Даже в тех языках, где прилагательное совпадает в своих основных дистрибутивных свойствах с именем или глаголом, компаратив может давать основания для различения глаголов, имен и прилагательных. Так,

в тагальском языке, «[е]сли изменения акцентуации не происходит, наблюдается полное формальное тождество глаголов и прилагательных, прилагательных и существительных, при котором размываются семантические границы между ЧР [частями речи — П. Г.], например, *madali* ‘быстрый’ — *madali* ‘быть быстрым’, ‘торопиться’...» (Шкарбан 1995: 166).

Компаратив в тагальском образуется как от прилагательных, так и от других ЧР. Однако правила употребления компаратива с прилагательными и глаголами различаются. Так, сравнительное наречие более обязательно для конструкций с глаголами и факультативно с прилагательными:

(12) ТАГАЛЬСКИЙ

(*Mas*) *mabigat ang aso kaysa-sa pusa.*

более тяжелый PRT собака чем кошка

‘Собака тяжелее кошки’ (Schachter, Otanes 1972: 240).

(13) ТАГАЛЬСКИЙ

*(*Mas*) *pinaniniwalaan ko si Juan kaysa-sa-kay Pedro.*

более верить я PRT Хуан чем Педро

‘Я верю Хуану больше, чем Педро’ (Schachter, Otanes 1972: 241).

Еще одно отличие находим в интерпретации редуцированных форм, см., например, Hajek 2004. Повторение основы регулярно в языках мира соответствует значению большей интенсивности, ср. русское *длинный-(пре)длинный*, багвалинское *L’ani-* ‘толстый’ vs. *L’ani-L’ani-* ‘очень толстый’ и т. д.

Тагальские прилагательные, при всем видимом отсутствии формальных отличий от имен и глаголов, также наследуют эту типологически устойчивую для прилагательных склонность к редукации. Как замечает Л. И. Шкарбан, «[п]ревосходная (сравнительная) степень выражается у прилагательных также моделью *ka-R-an* (R — двусложное удвоение), например, ... *katura-murahan*... Структурный признак (удвоение) отличает эту адъективную модель от глагольной и субстантивной моделей на *ka-...-an* (у глаголов процесса — пассивный залог, у существительных — средство образования абстрактных существительных)» (Шкарбан 1995: 168).

В тайском языке, где прилагательные (в основном) являются глагольным подклассом, сравнительные конструкции также допускают прилагательные-стативы, но не стативные или активные глаголы:

(14) ТАЙСКИЙ

a. *khon níi sǔiŋ kwàa khon nân*

человек этот высокий более человек тот

‘Этот человек выше, чем тот’.

- b. **khon nī khít / dǎn kwàa khon nān*
 человек этот думать / гулять более человек тот
 Ожид.: ‘Этот человек думает / гуляет больше, чем тот’ (Post 2008: 345).

Итак, средства формального выражения сравнения и интенсификации позволяют отличить прилагательные от единиц других лексических классов в языках мира.

3. Деривационная морфология

Особенность, регулярно отличающая прилагательные от других ЧР, — выбор деривационных показателей. В том же тайском языке лексемы с семантикой, характерной для прилагательных, обладают синтаксическими и морфологическими свойствами глаголов. Есть, однако, следующие отличия. В случае выбора номинализатора глагольные и адъективно-стативные лексемы прибегают к разным стратегиям. Глаголы оформляются показателем *kaan*, в то время как прилагательные — показателем *khwaam*:

(15) ТАЙСКИЙ

- a. *khwaam dii* b. **kaan dii*
 NMN добрый NMN добрый
 ‘доброта’ (Post 2008: 349)

(16) ТАЙСКИЙ

- a. **khwaam dǎn* b. *kaan dǎn*
 NMN ходить NMN ходить
 ‘хождение’ (Post 2008: 349)

Похожая ситуация с показателем *jàaŋ*, производящим наречия. Он сочетается с прилагательными, но не с глаголами:

(17) ТАЙСКИЙ

- a. *phūt kàp phūujàj jàaŋ-suphâap*
 говорить COM старший ADV-вежливый
 ‘Со старшими разговаривай вежливо’.
- b. **phūt kàp phūujàj jàaŋ-rīu*
 говорить COM старший ADV-знать
 Ожид.: ‘Со старшими разговаривай со знанием’ (Post 2008: 355).

Как мы видели, даже при формальном сходстве с другими частями речи у лексем с адъективной семантикой есть предрасположенность к об-

разованию отдельных (под)классов в рамках таких «больших» ЧР. Прилагательные, как можно заключить, скорее являются универсальной категорией, для которой в некоторых языках нивелированы некоторые (дистрибутивные) способы различения.

Это видно и на русском материале: даже те адъективные лексемы, которые не обладают главными свойствами русских прилагательных — способностью к согласованию (по падежу) и атрибутивному употреблению, — принадлежат к классу прилагательных. Так, ряд прилагательных в русском языке не располагают полной формой: *рад*, *прав* (в значении 'верен'), *велик*, *мал* (в значении размера). Образуемые от них абстрактные существительные — *прав-от-а*, *велич-ин-а*, *рад-ость*, *мал-ость*. Один из этих суффиксов, *-от-*, в равной степени обслуживает образование имен и от прилагательных, и от глаголов, ср.: *темнота*, *беднота* (отадъективная деривация); *работа*, *тошнота* (отглагольная деривация). Суффикс *-ин-* образует имена как от прилагательных, так и от существительных: *лыси-на*, *боковина*; *баранина*, *горошина*. В то же время суффикс *-ость* — строго отадъективный: *старость*, *строгость*, *ясность*, *облачность* и т. д.

Можно заключить, что деривационная морфология, образующая имена от прилагательных, имеющих только краткую форму, либо совпадает с таковой для глаголов и имен, либо специфицирована для обслуживания прилагательных. Обратной ситуации — когда для прилагательных без полной формы используется некоторый показатель, специфицированный для какой-либо другой части речи, — не наблюдается. Таким образом, можно сказать, что не «атрибутивность делает прилагательное», а прилагательное может быть или не быть атрибутивным.

4. Заключение

Мы показали, что в случаях, когда дистрибутивные критерии не помогают выделить прилагательные в отдельный класс, на помощь приходят грамматические значения, характерные для прилагательных как части речи. Обращение к морфологии и типологии грамматических категорий, таким образом, показывает, что прилагательные можно считать не менее «универсальным» классом, чем имена и глаголы.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; А — атрибутив; ADV — адвербаллизатор; CMP — показатель сравнительной степени; COM — комитатив; IPF — имперфектив; NMN — показатель номинализации; PL — множественное число; PRT — частицы; SG — единственное число.

Литература

- Кибрик А. Е., Тестелец Я. Г. (ред.). 1999. *Элементы цахурского языка в типологическом освещении*. М.: ИМЛИ РАН.
- Плунгян В. А. 2003. *Общая морфология: Введение в проблематику*. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС.
- Плунгян В. А. 2011. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ.
- Шкарбан Л. И. 1995. *Грамматический строй тагальского языка*. М.: Восточная литература.
- Baker M. C. 2003. *Lexical categories: verbs, nouns, and adjectives*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Beck D. 2002. *The typology of parts of speech systems: the markedness of adjectives*. New York; London: Routledge.
- Bhat D. N. S. 1994. *The adjectival category: Criteria for differentiation and identification*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins.
- Croft W. 1991. *Syntactic categories and grammatical relations*. Chicago: University of Chicago Press.
- Hajek J. 2004. Adjective Classes: What can we conclude? In: R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (eds.). *Adjective Classes. A cross-linguistic typology*. Oxford: Oxford University Press, 348–362.
- Mc Laughlin F. 2004. Is there an adjective class in Wolof? In: R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (eds.). *Adjective Classes. A cross-linguistic typology*. Oxford: Oxford University Press, 242–262.
- Post M. W. 2008. Adjectives in Thai: Implications for a functionalist typology of word classes. *Linguistic typology*, v. 12, n. 3, 339–381.
- Schachter P., Otanes F. T. 1972. *A Tagalog reference grammar*. Berkley: University of California Press.

Интрагенетическая типология и описание уральских языков

Т. Б. Агранат

Институт языкознания РАН; tagranat@yandex.ru

В 1988 году была утверждена в окончательном варианте «Инструкция по единообразному описанию уральских диалектов» — совместный труд К. Е. Майтинской и В. Феенкера, опубликованная позже в Majtinskaja, Veenker 1990. Ее целью было получить сделанные по одинаковым параметрам описания уральских идиомов для возможности дальнейшего их сопоставления. Монографии, написанные по Majtinskaja, Veenker 1990, публиковались в серии *Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica*. Для своего времени «Инструкция» была выполнена на высоком научном уровне и вписывалась в прогрессивную научную парадигму. Но, во-первых, за прошедшие годы лингвистическая наука накопила новые знания, и описательная парадигма неизбежно изменилась, поскольку очевидно, что «необходимо, с одной стороны, поднять описательное языкознание на уровень современной теории и, с другой, — обогатить эту теорию новыми наблюдениями и заново переосмысленными языковыми фактами» (Кибрик 1992: 39). Во-вторых, вышли работы по интрагенетической типологии — как изучающие одну категорию во всех языках уральской семьи, например Шитц 2012, или в одной ее группе, как в Kehayov 2017, так и исследующие несколько категорий в отдельной группе (ср. Агранат 2016) или в разных группах уральских языков (например, Кузнецова (ред.) 2012). Таким образом, обнаружились важные для описания параметры, которые не были еще охвачены в Majtinskaja, Veenker 1990.

Если в первые годы вышло довольно много монографий, написанных по Majtinskaja, Veenker 1990, то постепенно их количество уменьшалось — и в настоящий момент, кажется, и вовсе сошло на нет, что вполне объяснимо.

Тем не менее, совсем отказываться от описания уральских идиомов по общей схеме не хотелось бы, поскольку она может послужить хорошей основой для внутригенетических сравнений. Представляется, что имеет смысл не создавать совершенно новую схему, а, взяв Majtinskaja, Veenker 1990 в качестве базы, ее несколько переработать, чтобы она отвечала современным требованиям. Что же нужно для этого сделать?

В Majtinskaja, Veenker 1990 имеется раздел «Географический ареал распространения диалекта; число говорящих на нем», где сейчас от автора не требуется дать подробные сведения о носителях, об их уровне владения языком по возрастным когортам, об использовании языка, о языковой лояльности, о языковой биографии носителей и др. Представляется, что должен быть раздел, содержащий анкеты, по которым нужно проводить социолингвистическое обследование среди носителей описываемого идиома. Последнее важно и интересно не только само по себе: учитывая, что многие уральские идиомы находятся на грани исчезновения, их грамматические системы полезно изучать в соотношении с социолингвистическим статусом. Устойчивость/изменчивость по крайней мере некоторых языковых параметров объясняется социолингвистическими причинами, как показано, например, в работах Агранат 2016 и Kehayov 2017.

Раздел «Фонология» относительно неплохо разработан, но раздел «Фонетика» отсутствует, и описания фонетики данная модель вообще не предполагает. Это связано с тем, что 30 лет назад исследования проводились слуховым методом. В сегодняшних условиях полевые лингвисты пользуются серьезным оборудованием как при записи, так и при обработке данных, что позволяет описывать фонетику на современном уровне. Последнее касается и разделов «Ударение» и «Просодические свойства», к работе над которыми следует предъявлять уже другие требования. В разделе «Морфонология» не учитываются чередования ступеней, важные для прибалтийско-финских и самодийских языков.

Наибольшую проблему представляет полное игнорирование грамматической семантики, и, соответственно, максимальная переработка Majtinskaja, Veenker 1990 должна быть направлена на создание схемы ее описания. Словоизменительную морфологию в существующем формате можно описывать только с точки зрения плана выражения. Между тем важно, например, описывать семантику и дистрибуцию числовых показателей, которая, как показывают исследования разных уральских языков, очень нетривиальна, ср., например, наличие категории числа у числительных в некоторых прибалтийско-финских языках (см. об этом Агранат 2014), что можно отнести к раритетным явлениям. О необходимости описания раритетных явлений на разных языковых уровнях говорится в работе А. И. Кузнецовой (2012а).

Для падежей в Majtinskaja, Veenker 1990 предлагается указать только их показатели, хотя представляется необходимым описать их семантику — видимо, через семантические роли. Описание нужно строить не только от плана выражения к плану содержания, но и наоборот, поскольку, несмотря на, как правило, большое количество падежей в уральских языках, много

семантических ролей и локализаций выражаются послелогоми (в некоторых языках также и предлогами). Во многих (если не во всех) уральских языках падежные и послеложные конструкции могут употребляться синонимично. Однако результаты исследований доказывают, что это квазисинонимы. Как, например, показано в Бирюк, Усачева 2012, в бесермянском диалекте удмуртского языка выбор в пользу послеложной конструкции делается при эмфатическом выделении. Вообще же, выражению коммуникативного членения уральские языки придают большое значение, не в полной мере еще оцененное лингвистами и совершенно не отраженное в Majtinskaja, Veenker 1990. Так называемое лично-притяжательное склонение, а также указательное и предназначительное склонения трудно описать адекватно, следуя данной схеме. Исследования, проведенные в последние годы, показали, что притяжательные аффиксы в разных уральских языках могут маркировать детерминацию, коммуникативное членение и т. п., ср.: «Собственно посессивное (притяжательное/принадлежностное) значение в силу своей максимальной независимости от контекста, высокой частоты встречаемости, легкости восприятия является ядром грамматической категории. По отношению к нему как к центру значения дейктическое (указательное или демонстративное), детерминативное (определенное), интенсивное (усилительно-выделительное) и другие будут составлять периферию всей семантической области анализируемой граммемы» (Кузнецова 2012b: 251). Соответственно, для таких категорий необходимо показать широкие контексты употребления, а не ограничиться парадигмой.

Для глагольных категорий, ввиду их большей сложности, тем более нужно создать возможности для более тонкого и детального описания. Сейчас из наклонений эксплицированы только индикатив и императив, при этом прохитивитив отдельно не обозначен, хотя его грамматикализация довольно частотна в уральских языках. Раздел «Другие наклонения» у авторов есть возможность заполнить самостоятельно. Представляется, что схема должна содержать список наклонений, наиболее частотных в уральских языках. Кроме того, модель должна позволять описывать способы выражения модальных значений, т. е. идти от плана содержания. Отсутствует раздел, посвященный описанию эвиденциальности, хотя она грамматикализована во многих уральских языках. Не различаются залог и актанта́ная деривация, качественная и линейная аспектуальность.

Модель описания синтаксиса нуждается в серьезной переработке. Раздел «Синтаксис некоторых элементов предложения» предполагает описание синтаксиса разных типов словосочетаний и синтаксис разных типов служебных слов: послелогов и предлогов, частиц, союзов и артиклей. Вряд ли кто-то из современных авторов работает в такой парадигме.

Полностью отсутствует раздел, посвященный дифференцированному маркированию прямого дополнения, в то время как это явление представлено во всех уральских идиомах, но его конкретные особенности сильно варьируют между языками, поэтому важно иметь его подробное описание. Схема представления полипредикативного синтаксиса построена по индоевропейскому образцу. Раздел «Синтаксис сложного предложения» делится на подразделы «Синтаксис сложносочиненного предложения» и «Синтаксис сложноподчиненного предложения». Такие модели действительно появились в уральских языках под влиянием контактов, но все-таки для этих языков характерно преобладание нефинитных клауз в составе полипредикации. Для описания последних можно воспользоваться особым разделом «Синтаксис предложений, осложненных причастными, деепричастными, инфинитивными и абсолютными оборотами», иерархически находящимся на том же уровне, что и разделы «Синтаксис простого предложения» и «Синтаксис сложного предложения», однако даже название раздела не отражает реальности уральских языков.

Публикация образцов текстов также требует современного формата — с глоссированием.

Разумеется, это далеко не полный список того, что нуждается в переработке, и дело не только в том, что объем статьи не позволяет написать больше. Представляется, что усовершенствование и обновление формата описания требует широкого обсуждения среди специалистов.

Литература

- Агранат Т. Б. 2014. Категория числа у числительных в прибалтийско-финских языках. В сб.: Н. Д. Арутюнова (ред.). *Логический анализ языка. Числовой код в разных языках и культурах*. М.: Ленанд, 45–56.
- Агранат Т. Б. 2016. *Сравнительный анализ грамматических систем прибалтийско-финских языков: принципы интрагенетической типологии*. М.: Языки народов мира.
- Бирюк О. Л., Усачева М. Н. 2012. Дискурсивные факторы, влияющие на выбор между послеложной и послеложно-падежной конструкцией в бесермянском диалекте удмуртского языка (экспериментальное исследование). В сб.: А. И. Кузнецова (ред.). *Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы*. М.: Рукописные памятники древней Руси, 607–646.
- Кибрик А. Е. 1992. *Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке)*. М.: МГУ.
- Кузнецова А. И. (ред.). 2012. *Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы*. М.: Рукописные памятники древней Руси.

- Кузнецова А. И. 2012а. Грамматические и лексические раритеты в языке бесермян в сопоставлении с другими уральскими языками. В сб.: А. И. Кузнецова (ред.). *Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы*. М.: Рукописные памятники древней Руси, 41–58.
- Кузнецова А. И. 2012б. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках. В сб.: А. И. Кузнецова (ред.). *Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы*. М.: Рукописные памятники древней Руси, 250–261.
- Шитц О. А. 2012. *Атрибутивная группировка словоформ качественной семантики в уральских языках (в сравнительно-сопоставительном аспекте)*. Дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск: Институт филологии СО РАН.
- Kehayov P. 2017. *The fate of mood and modality in language death. Evidence from Minor Finnic (Trends in linguistics, v. 307)*. Berlin: De Gruyter Mouton.
- Majtinskaja K., Veenker, W. 1990. *Leitfaden zur Gestaltung von Monographien der Dialekte der uralischen Sprachen (Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica, Hft. 9)*. Hamburg: Societas Uralo-Altaica.

Вид, время, модальность

Типологические аспекты русской аспектологии*

Е. В. Горбова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
elena-gorbova@yandex.ru

1. Введение

Для аспектолога, каковым полагает себя автор настоящей статьи, Владимир Александрович Плунгян является прежде всего автором детально проработанной современной концепции общей (типологически ориентированной) аспектологии. Эта концепция базируется на понятиях: (аспектуальной) семантической зоны, аспектуальных граммем как единиц «Универсального грамматического набора» (УГН), аспектуального кластера как модели совмещения аспектуальных значений УГН; предполагает деление аспектуальных значений на первичные и вторичные, а также терминологическое разведение универсального «аспекта» и лингвоспецифичного славянского «вида» (Плунгян 2011а: 94, 377–405), ср. с «видом славянского типа» в книге Dahl 1985: 69.

Принимая, в общем и целом, предлагаемый данной концепцией взгляд на устройство аспекта, в данной статье я бы хотела предложить иную модель описания русского вида: отличную от разработанной В. А. Плунгяном (2011а: 406–416, 2011б), но столь же типологически ориентированную и опирающуюся на положения аспектологической концепции из Плунгян 2011а: 377–405, 2011б: 291–295.

Статья имеет следующую структуру. Раздел 2 характеризует специфику славянского вида с опорой на Плунгян 2011б. В разделе 3 (основан на Горбова 2019а) излагается предлагаемый подход к описанию русского вида, в разделе 4 обсуждаются обозначенные в Плунгян 2011б специфические особенности славянского вида в ракурсе предложенной модели, раздел 5 кратко подводит итоги.

* Исследование поддержано грантом РФФИ 19-012-00143 А «Суффиксальная имперфективация приставочных перфективов в современном русском языке».

2. Славянский вид как нетипичная реализация универсального аспекта

Начнем с общей характеристики славянского вида в работе Владимира Александровича: «<м>ы исходим из того, что славянские видовые системы в целом являются скорее нетипичным примером грамматического выражения аспектуальных значений в глаголе» (Плунгян 2011б: 291). Это исходное положение далее аргументируется. Подробно обсуждается следующее: бинарность (раздел 3.1 упомянутой статьи), проблема «носителя» видовой граммы и непарадигматичность вида (3.2), семантические импликации перфективности: предельность и событийность (3.3) и проблема «чистовидовых» приставок и «эффект Схоневельда» (3.4). В результате автор приходит к заключению:

«Итак, славянский вид как ареальное и типологическое явление демонстрирует целый ряд своеобразных и редких особенностей, как в плане выражения, так и в плане содержания. К ним относятся в первую очередь следующие:

- бинарная оппозиция с имперфективным и перфективным кластерами широкой семантики;
- перфектив “комплетивного” типа, ориентированный на событийность;
- особая система средств выражения предельности в рамках “вторичного аспекта”: деривационные префиксы-ограничители, совмещающие выражение предельности с функцией классификаторов ситуации...» (Плунгян 2011б: 306–307).

3. Русский вид как типологически типичная аспектуальная модель

Предлагаемая теоретическая модель русского вида является двухкомпонентной в смысле работ Smith 1991/1997, Смит 1998. Ее первый (и основной) компонент имеет словоизменительный характер. Он основан на морфологическом механизме суффиксации и обладает сферой действия, охватывающей не все глаголы, а только приставочные. Второй компонент — акциональность глагольной лексики, или лексический вид, с максимально широкой сферой действия, характеризует глаголы в терминах состояний, (не)предельных процессов, событий и т. п. Первый компонент принадлежит области явной грамматики, поскольку имеет показатели. Именно он обеспечивает русскому виду характер словоизменительной грамматической категории. Второй относится к области скрытой грамматики, однако он значим для категорий грамматики явной и является главным фактором аспектуальной характеристики по (им)перфективности

для симплексов, остающихся за пределами сферы действия первого компонента — словоизменительного вида.

Итак, сфера действия вида как словоизменения в предлагаемой модели оказывается более узкой, чем в общепринятой (слово)классифицирующей (см. Шведова (ред.) 1980). Словоизменением охвачены исключительно приставочные перфективы и образованные от них суффиксацией (показатели *-(и/ы)ва-*, реже *-а-*) имперфективы: СВ₂ ~ НСВ₂¹. То есть это случаи типа *от-кры-ть* (СВ₂) ~ *от-кры-ва-ть* (НСВ₂), *при-от-кры-ть* (полиперфектив) ~ *при-от-кры-ва-ть* (НСВ₂).

Приставочные перфективы как производные от симплексов префиксальные дериваты преимущественно являются результатом телисизирующего воздействия префиксов-ограничителей — деривационных показателей вторичного аспекта по Плунгян 2011а: 401–402. Поскольку при имперфективации (образовании НСВ₂) префикс наследуется от перфектива, лексическая семантика в рамках данного морфологического механизма не изменяется. При этом суффикс-имперфективатор вводит в словоформу исключительно грамматическую семантику имперфектива: либо итеративную (хабитуальную), либо дуративную (в окне наблюдения — срединная стадия единичной ситуации, см. Плунгян 2011а: 394). То есть имеются основания признать перфектив и образуемый от него имперфектив аспектуальными формами одной лексемы, а соответствующий морфологический механизм — основным механизмом образования НСВ от СВ.

Поскольку имперфективация работает в диапазоне от 67% (для конвенциональных форм) до 100% (для неконвенциональных)², т. е. она регулярна в понимании А. А. Зализняка (2002)³, мы приходим к выводу о том, что в рамках указанной сферы действия вид русского глагола — типичная словоизменительная грамматическая категория: обязательная и регулярная.

¹ Индексы у СВ и НСВ означают: НСВ₁ — непроизводный имперфектив-симплекс (*копать*), СВ₁ — непроизводный перфектив-симплекс (*дать*), СВ₂ — единожды префигированный перфектив (*закопать*), НСВ₂ — суффиксальный имперфектив, образованный от СВ₂ (*закапывать*). То же в Горбова 2017б; 2019а.

² (Не)конвенциональные формы — формы, (не) обнаруженные в МАС; за исключением *по-*глаголов, у которых соответствующие показатели равны 31 и 69 % соответственно; количественные данные из отчета за первый год реализации гранта РФФИ 19-012-00143 А «Суффиксальная имперфективация приставочных перфективов в современном русском языке».

³ Требование к регулярности: необходимо, чтобы морфосинтаксическим механизмом были охвачены «все словоформы класса ... (или по крайней мере подавляющее их большинство)» (Зализняк 2002: 25–26).

Вся остальная глагольная лексика, т. е. моноаспективы (в первую очередь — Imperfectiva и Perfectiva tantum: НСВ₁ типа *спать* и СВ₁ типа *дать*) и биаспективы (см. Андросюк 2015) различной морфосинтаксической и деривационной природы, остается за пределами грамматического вида. Ее функционирование определяется взаимодействием вида лексического (акциональности) глагольной лексемы, т. е. второго компонента модели (сравнительный анализ семантики и акциональности НСВ₁ и НСВ₂ см. в Горбова 2015: 25–31, 2017б: 40–41), с синтагматическим и парадигматическим контекстом, определяющим аспектуальное значение глагола в высказывании (типология контекста из Горбова 2017а: 28–29).

Приведем основные положения и предсказания двухкомпонентной модели.

(1) В силу более высокого положения суффикса по отношению к префиксу в иерархии конфиксов, см. Мельчук 2001: 171, при формообразовании в области вида ожидается преимущество суффиксального форманта; более высокий статус суффикса соотносим с большей регулярностью суффиксального форманта и, следовательно, с его большей предрасположенностью к формированию словоизменительной категории; при суффиксальном образовании видовых форм ожидается их меньшее семантическое варьирование по сравнению с образованными префиксацией.

(2) Глагольная префиксация (изначально — модифицирующая лексическую семантику деривация) не обладает регулярностью ни со стороны формы, ни со стороны содержания и не ведет: а) к обязательной телисизации префигированного деривата; б) к обязательной перфективации деривата в случае телисизации; в) к обязательности грамматического противопоставления деривационно связанных симплекса и его префиксального деривата; телисизация и перфективация — тенденции.

(3) При контактном взаимодействии языков глагольная префиксация может заимствоваться языком-мишенью, однако при этом ожидается, что а) в языке-мишени префиксация будет обладать более низким уровнем грамматикализации по сравнению с языком-источником; б) заимствование префиксации (как исходно словообразовательного явления) в общем случае не зависит от заимствования суффиксальных аспектуальных механизмов, в силу чего при наличии в языке-источнике обоих морфологических механизмов каждый из них может заимствоваться отдельно.

(4) При наличии в языке высокограмматикализованных суффиксальных образований, получивших статус видовых глагольных форм, непроемкая глагольная лексика языка, а также префиксальные глагольные образования, по тем или иным причинам не подверженные суффиксальному видообразованию, функционируют в высказывании в соответствии со своими акциональными свойствами; префигированные глаголы склонны

при этом интерпретироваться (но не обязательно) как соотнесенные с пределом, поскольку префиксы тяготеют к реализации функции телесизаторов (в первую очередь — при взаимодействии с глаголами движения).

Верификация обобщений и предсказаний описанной модели (1)–(4), а также условия их фальсификации изложены в работе Горбова 2019а: 53–58.

4. Типологическая специфика русского вида в ракурсе двухкомпонентной модели

Вернемся к специфическим проблемам славянского вида, отмеченным в работе Плунгян 2011б, и посмотрим, как с ними справляется двухкомпонентная модель русского вида.

Очевидно, что предложенный теоретический подход легко решает две проблемы: «носителя» видовой граммы и «чистовидовых» приставок. Носителем граммы НСВ оказывается единственный продуктивный имперфективирующий суффикс *-(ы/и)ва-* (или более архаичный и менее продуктивный *-а-*). Проблема «чистовидовых» приставок попросту снимается, поскольку в рамках двухкомпонентной модели таковых нет: любая приставка, присоединяясь к глаголу-симплексу, работает как словообразовательный формант, образуя новый глагол, который и поступает на вход суффиксального механизма имперфективации.

Третья проблема — бинарность — предстает в ином контексте. Теперь это бинарность словоизменительной части аспектуальной системы при суженной до (исключительно) приставочных глаголов сфере действия, где она выглядит более оправданной, оставляя выражение других аспектуальных значений либо на долю менее грамматикализованных средств (семельфактивность — суффиксом *-ну-* и *-ану-*, ср. *чихать* → *чихнуть*, *крутить* → *крутануть*; лимитативность — префиксом *по-*, ср. *скрипеть* → *поскрипеть*, *выдавать* (книги) → *повыдавать* (книги), пример из Mehlig 1994), либо, при отсутствии морфологического показателя, переводя их в сферу вида лексического с большим, чем два, количеством классов (*спать*, *знать* — состояния, *махать* — мультипликативная деятельность, *таять* — соотнесенный с пределом процесс).

Наконец, семантические импликации перфективности: предельность и событийность. Двухкомпонентная модель в своей основной (словоизменительной) части имеет дело исключительно с семантикой предельности (достижением предела, кульминацией). Исходной точкой видообразования оказывается приставочный СВ₂: суффикс-имперфективатор⁴ вво-

⁴ Он является показателем имперфективного кластера значений: дуратива и хаби-туалиса (здесь мы следуем за Плунгян 2011а: 402).

дится в ранее префигированную основу, в которую префикс, как правило, уже привнес телисизацию и способствовал перфективации на предшествующем шаге деривации: *крыть*^{НСВ1} → *открыть*^{СВ2} ~ *открывать*^{НСВ2}, *шкурить*^{НСВ1} → *зашкурить*^{СВ2} ~ *зашкуривать*^{НСВ2}. Событийность в смысле мгновенности, реализующаяся как (семельфактивный) пунктив (*вспыхнул*), инцептив (*понял*), комплетив (*открыл*)⁵, при использовании ряда морфологических показателей оказывается морфологически разнородной. Семельфактивы с *-(а)ну-* не подвергаются суффиксальной имперфективации (Плунгян 2011б: 302, Горбова 2019б: 113–114), тем самым оказываясь вне словоизменительного компонента видообразования. Приставочные инцептивы и комплетивы имперфективации подвергаются (*понимать*^{НСВ2}, *открывать*^{НСВ2}), порождая в случае инцептива сложные с точки зрения семантики образования, в частности т. наз. «перфектные видовые пары» (Падучева 1996: 152–160, Анна Зализняк и др. 2015: 62). Если же событие представлено как комплетив (достижение предела), то реализуется самый частотный сценарий — мейнстрим для бинарной аспектуальной оппозиции СВ₂ ~ НСВ₂, основанной именно на предельности (в силу наличия в основе префикса с его тенденцией к телисизации).

5. Итоги

Двухкомпонентная модель русского вида с ее основным компонентом — словоизменительной категорией со сферой действия, ограниченной приставочными глаголами, — дает возможность представить устройство аспектуальной зоны русского языка в терминах типологически ориентированной аспектологии как пространства, неоднородного по степени грамматикализации показателей различных аспектуальных граммем. Ее центром является регулярная и обязательная бинарная оппозиция соотносенного с пределом приставочного СВ₂ и суффиксально производного от него приставочного же НСВ₂, выражающего кластер имперфективных значений: дуратив и хабитуалис. Специфичность русского вида в рамках предложенной модели минимальна.

Литература

- Андросюк Н. В. 2015. Биаспектив и контекст. В сб.: Р. Бенакьо (ред.). *Глагольный вид: Грамматическое значение и контекст (Die Welt der Slaven. Sammelbände, Bd. 56)*. München; Berlin; Washington, D. C.: Verlag Otto Sagner, 21–34.
- Горбова Е. В. 2015. Видообразование русского глагола: префиксация и/или суффиксация? *Вопросы языкознания*, №1, 7–37.

⁵ Перечень граммем и иллюстрации к ним взяты из Плунгян 2011б: 301.

- Горбова Е. В. 2017а. *Грамматическая категория аспекта и контекст*. СПб.: СПбГУ.
- Горбова Е. В. 2017б. Русское видообразование: словоизменение, словоклассификация или набор квазиграммем? (еще раз о болевых точках русской аспектологии). *Вопросы языкознания*, №1, 24–52.
- Горбова Е. В. 2019а. Двухкомпонентная модель русского вида: положения, предсказания, подтверждения. *Славистика*, v. 23, n. 1, 45–61.
- Горбова Е. В. 2019б. К ограничению на имперфективацию: имперфективируются ли русские глаголы перфективных способов действия? В сб.: *Сборник статей к 85-летию В. С. Храковского*. М.: Издательский дом ЯСК, 98–115.
- Зализняк А. А. 2002. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: ЯСК.
- Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. 2015. *Русская аспектология: в защиту видовой пары*. М.: ЯСК.
- МАС — Евгеньева А. И. (ред.). *Словарь русского языка в 4-х томах (Малый академический словарь)*. 2-е изд. М.: АН СССР, Ин-т РЯ. 1981–1984.
- Мельчук И. А. 2001. *Курс общей морфологии*. Т. 4. Часть пятая: *Морфологические знаки*. М.; Вена: ЯСК; Венский славистический альманах.
- Падучева Е. В. 1996. *Семантические исследования*. М.: ЯРК.
- Плунгян В. А. 2011а. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ.
- Плунгян В. А. 2011б. Типологические аспекты славянской аспектологии (некоторые дополнения к теме). *Scando-Slavica*, v. 57, n. 2, 290–309.
- Шведова Н. Ю. (ред.). 1980. *Русская грамматика*. М.: Наука.
- Смит К. С. 1998. Двухкомпонентная теория вида. В сб.: М. Ю. Черткова (отв. ред.). *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. М.: ЯРК, 404–422.
- Dahl Ö. 1985. *Tense and aspect systems*. Oxford; New York: Basil Blackwell Ltd.
- Mehlig H. R. 1994. Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени: о категории глагольного вида в русском языке. *Revue des études slaves*, v. 66, n. 3, 585–606.
- Smith C. 1991/1997. *The parameter of aspect*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers 1991, 2nd edition 1997.

Основообразование и словоклассифицирующий вид: замечания по сопоставлению видовременных систем русского и мегрельского языков

Бьёрн Вимер, А. А. Ростовцев-Попель

Майнцкий университет

wiemerb@uni-mainz.de; rostovts@uni-mainz.de

1. В данной статье рассматриваются вопросы организации видовременных систем в двух неродственных языках — русском и мегрельском. Мегрельский язык относится к картвельской языковой семье (Зап. Грузия, ок. 500 тыс. носителей, бесписьм.) и до сих пор малодоступен широкому кругу аспектологов. Различаясь как в формальном, так и в содержательном плане, сопоставляемые системы обнаруживают известное функциональное сходство по целому ряду параметров категории вида. Отправной точкой нашего весьма эскизного изложения¹ послужило понятие (слово-) классифицирующих категорий, которым В. А. Плунгян приписывает следующее свойство (см. тж. Плунгян 2000: 125):

«...определенное множество лексем данного языка без остатка разбивается на непересекающиеся подклассы, каждый из которых характеризуется своим значением некоторой грамматической категории. Эта категория приписана, таким образом, лексемам, а не словоформам и задает грамматическую *классификацию* лексики» (Плунгян 2011: 53).

На такие категории указывалось и ранее; в частности, Зализняк (1967: 31 и сл.) подчеркивал, что граммы таких категорий не противопоставляют словоформы одной парадигмы, а каждая грамма «характеризует парадигму в целом, противопоставляя ее другим парадигмам». Однако В. А. Плунгян, думается, был первым, в чьей концепции представление славянского вида (оппозиции основ PFV vs. IPFV) получило четкое обоснование в качестве яркого примера классифицирующей категории.

¹ За отсутствием места мы отказались от заглавий, а ссылки и примеры, а также глоссы к мегрельскому материалу свели к минимуму. Мы далее исходим из того, что читатель знаком с морфологической организацией русского глагола.

Как видно из приведенных цитат, понятия парадигмы и лексемы взаимообусловлены, но вопрос о лексемном статусе единиц, задействованных в парах или группах, а также об их парадигматическом соотношении остается неразрешенным. Этот вопрос мы здесь рассматривать не будем. В то же время славянский вид является наиболее известным, но не единственным представителем классифицирующего типа (отличия русской системы от систем, представленных в других славянских языках, мы также не рассматриваем). Первый шаг к типологической проверке языков с видом такого типа был сделан в статье Аркадьев, Шлуинский 2015.

2. Глагольные системы мегрельского и русского языков с разной степенью последовательности выражают вид, время и наклонение; за исключением частично сопоставимых неличных форм, все прочие категории выражаются в них по-разному. Слотовая структура финитной словоформы мегрельских глаголов представлена в [1a] и [1б] (ср. Rostovtsev-Popiel 2020: §12.5):

[1a] Мегрельская глагольная префиксация

слот	-6		-5	-4	-3	-2	-1	
маркер	AFF/FOC/PFV/NEG/PROH	AFX	IPFV	EVID	IO/DO/S	VAL		

[1б] Мегрельская глагольная суффиксация

слот	+1	+2	+3	+4	+5	+6		+7		+8
маркер	AUG	CAUS	INTR	SM	EM	IND/SUBJ	IO/DO/S (SG/PL)	COND		

Не все слоты могут быть одновременно заполнены, причем аффиксы, относящиеся к некоторым из них, зачастую являются взаимоисключающими. Применительно к рассматриваемой проблематике особого внимания заслуживают приставки из слотов -4, -5 и -6:

- слот -6: внешние приставки, которые могут обладать самыми различными функциями, а некоторые из них (в особой степени — *ge-*) — выражать в т. ч. перфективную семантику, если она не выражена в словоформе иным образом;
- слот -5: внутренние (лексические) приставки, при помощи которых в общем случае от имперфективных основ образуются перфективные;
- слот -4: приставка вторичной имперфективации, которая используется в ограниченном количестве ТАМов для выражения прогрессивной, итеративной и хабитуальной семантики и не может находиться в начале словоформы.

Приставки из слотов –6 и –4 могут употребляться только в личных формах глагола. Это существенно отличает их от русских приставок (а также от основорасширяющего суффикса в русском), для которых нет принципиальных ограничений применительно к финитности или наличию других показателей, относимых к словоизменению. Кроме того, в мегрельском составе приставок, соотносимых с различными слотами, не пересекаются, и это соответствует различиям их функционала, тогда как в русском в различных функциях может использоваться исторически одна и та же приставка.

3. Наше сопоставление опирается на критерии, предложенные в статье Аркадьев, Шлуинский 2015. Наиболее важными из них нам представляются следующие два:

[K1] Превазирование того или иного типа основообразования (применительно к словарным единицам, а не токенам в дискурсе). При этом различаются (а) функциональное направление (либо от IPFV к PFV, либо от PFV к IPFV) и (б) локус изменения основы (либо префиксальный, либо суффиксальный). Таким образом, возникает перекрестная классификация, дающая четыре типа:

[2] Типы видообразования

простая основа		тип
IPFV	⇒ PFV (преф.)	[A]
IPFV	⇒ PFV (суфф.)	[B]
PFV	⇒ IPFV (преф.)	[C]
PFV	⇒ IPFV (суфф.)	[D]

К типу [A] относятся славянские языки, а также, например, идиш, грузинский и осетинский. Тип [B] засвидетельствован, в частности, в языках Микронезии и марги (чад.), тогда как тип [D] отмечается в таких языках, как самодийские, эвенский, а также реконструируется для праиндоевропейского уровня (ср. Wiemer, Seržant 2017: §3.1). Языков, относящихся к типу [C], авторам обнаружить не удалось.

[K2] Наличие вторичного основообразования, приводящего к изменению видовой принадлежности уже афигированной основы. В данном случае также есть смысл разграничивать (а) направление деривации и (б) ее локус.

Далее мы рассмотрим оба критерия.

3.1. [K1]

В обоих языках исходные (бесприставочные) основы в общем случае представляют IPFV, а присоединение приставки переводит их в PFV (= тип [A]). В русском большинство приставок относится к числу внутренних, причем в каких-то случаях они (i) не изменяют лексический концепт исходной основы (что дает естественные перфективы² = тип I; (1а–б), (2а–б)), тогда как в других — (ii) модифицируют его (= тип II; (3а–б), (4а–б)). В последнем случае можно говорить о новой лексеме:

(1а) <i>пишет</i>	(1б) <i>на-пишет</i>
(2а) <i>č'ar-un-s</i> писать-SM-S.3SG 'пишет'	(2б) <i>do-č'ar-un-s</i> PFX-писать-SM-S.3SG 'напишет'
(3а) <i>пере-пишет</i>	(3б) <i>вы-пишет</i>
(4а) <i>gino-č'ar-un-s</i> PFX-писать-SM-S.3SG 'перепишет'	(4б) <i>eša-č'ar-un-s</i> PFX-писать-SM-S.3SG 'выпишет'

Кроме того, в мегрельском существует еще один тип внутренней приставки, который (iii) образует лексически модифицированную основу, не меняя ее видовой принадлежности (= тип III):

(5а) <i>gila-[o]-č'ar-an-s</i> PFX-[VAL]-писать-SM-S.3SG 'списывает (долг кому-л.)'

Отметим, что русское морфологическое соответствие (*списывает*) является PFV.

Различия отмечаются также при сравнении функционирования ТАМов плана прошедшего времени:

(i) русскому прошедшему времени IPFV в мегрельском соответствуют либо имперфект (7а), либо аорист (7б) IPFV:

(6) <i>писал</i> ≅ (7а) <i>č'ar-un-d-u</i> писать-SM-EV-S.3SG.PST 'писал (прогр./итер./хаб.)'	(7б) <i>č'ar-u</i> писать-S.3SG.PST 'писал (но не дописал)';
---	--

(ii) русскому прошедшему времени PFV в мегрельском соответствует только аорист PFV:

² Термин по Janda 2007.

- (8) *na-pisal* ≅ (9) *do-č'ar-u*
 PFX-писать-S.3SG.PST
 'написал';

(iii) присоединение приставки к форме имперфекта дает кондиционал PFV:

- (10) *do-č'ar-un-d-u*
 PFX-писать-SM-EM-S.3SG.PST
 'написал бы'

Данное правило, таким образом, затрагивает «имперфекты» и с другими приставками, например *gino-č'arundu* 'переписал бы', *eša-č'arundu* 'выписал бы'. Однако основы, образованные при помощи приставок типа III, в формах прош. вр. остаются IPFV:

- (11) *gila-[o]-č'ar-an-d-u*
 PFX-[VAL]-писать-SM-EM-S.3SG.PST
 'списывал (долг кому-л.); *списал бы (долг кому-л.)' (имперфект)

- (12) *gila-[o]-č'ar-u*
 PFX-[VAL]-писать-S.3SG.PST
 'списывал (долг кому-л.) (но не списал); *списал (долг кому-л.)' (аорист)

Таким образом, в отличие от русского языка, выражение имперфективной семантики у глаголов с внутренними приставками в прошедшем времени в мегрельском, как и в остальных картвельских языках, наталкивается на существенные ограничения. Тем не менее, как будет показано ниже, в мегрельском возникли средства, позволившие нивелировать данный фактор.

3.2. [K2]

В обоих языках наблюдаются механизмы вторичной имперфективации. Однако они различаются (i) морфологическим локусом, (ii) грамматической семантикой и (iii) последствиями для образования видовых пар и троек.

3.2.1. В славянских языках вторичная имперфективация осуществляется при помощи суффиксов, причем зачастую можно говорить о замене, а не о добавлении суффикса. Такая имперфективация особенно продуктивна в русском языке и вообще в восточной части Славии (Wiemer, Seržant 2017:

253). Ее продуктивность вместе с большим количеством т. н. естественных перфективов (см. §3.1) привела к возникновению устойчивых биимперфективных троек (например, *делитъ — разделить — разделять; множить — умножить — умножать*), объединенных единым лексическим концептом.

В мегрельском языке средством вторичной имперфективации, напротив, служит префикс (слот –4 в [1a]) *-tima-/-ti-/-tm-/-ma-/-mo-* (ср. Kiria et al. 2015: §II.7.9.4, Rostovtsev-Popiel 2020: §7.1). Он появляется в формах презенса и имперфекта тех глагольных основ, которые были образованы при помощи внутренних приставок. Так, выражающие значение буд. вр. PFV формы, приведенные в примерах (4a–б), могут присоединить один из алломорфов данного префикса с тем, чтобы образовать формы презенса:

(13a) *gin[o]-mo-č'ar-un-s*
 PFX-IPFV-писать-SM-S.3SG
 ‘переписывает’

(13б) *eš[a]-ma-č'ar-un-s*
 PFX-IPFV-писать-SM-S.3SG
 ‘выписывает’

В то же время естественные перфективы (см. 2б) не допускают использования данного имперфективатора (ср. **do-ma-č'aruns* ‘*написывает’). По этой причине в мегрельском языке видовые тройки при использовании таких префиксов не образуются.

Иначе дело обстоит с приставочными основами типа III. Несмотря на то, что форма, приведенная в примере (5a), не является перфективной, носители допускают формы со вторичным префиксом (см. ниже 5б) — с той оговоркой, что описываемое действие разворачивается в момент речи, тогда как глагол без данного префикса можно использовать как в актуальном, так и во вневременном контексте:

(5a) *gila-[o]-č'ar-an-s*
 PFX-[VAL]-писать-SM-S.3SG
 ‘списывает (долг кому-л.)’

(5б) *gil[a]-ma-[o]-č'ar-an-s*
 PFX-IPFV-[VAL]-писать-SM-S.3SG
 ‘списывает (долг кому-л.)
 (прямо сейчас)’

Следовательно, функции данного префикса сводятся не к имперфективации вообще, а к прогрессивизации. Напротив, в случае со вторичной префиксацией основ с внутренними приставками типа II прогрессивное значение не выходит на первый план и может переосмысляться как итеративизация или хабиитуализация.

Следует отметить, что в литературе вопроса до сих пор игнорировалось то обстоятельство, что наличие внутренней приставки (слот –5) не является обязательным условием употребления рассматриваемого пре-

фикса (слот –4); так, возможны словоформы при наличии какого-либо иного предшествующего ему префикса, например *ve-* (слот –6), ср. (14):

(14) *ve-tmi-o-rz-an-d-u*

NEG-IPFV-VAL-зажигать-SM-EM-S.3SG.PST

‘[жена ночью даже свет] не зажигала’

(Danelia, Canava 1991: 133, цит. по Kiria et al. 2015: §II.7.9.4)

Это позволяет предположить, что напрямую с нейтрализацией перфективирующей функции приставки этот имперфективатор не связан и, скорее всего, эмфатически выделяет в данном примере функции, характерные для IPFV.

3.2.2. Множественная префиксация наблюдается и в русском языке, но обладает в нем совершенно иным статусом. Здесь приставка формально может быть добавлена только *слева* от другой приставки и сама по себе не имперфективирует основу. Во множественную префиксацию вовлечены только т. н. внешние приставки, которые затрагивают глагольную множественность и другие квантитативные аспекты значения (делимитативность, кумулятивность, дистрибутивность и др.); ср. Татевосов 2009. Они меняют видовую принадлежность основы (> PFV), только если присоединяются к простой основе (15) или ко вторично имперфективированной основе (ср. 16 vs. 17), а также могут присоединяться друг к другу (18). В связи с этим обстоятельством множественная префиксация в русском сама по себе под [K2] не подпадает.

	мена вида
(15) [^{Pfv} <i>на</i> -[^{Ipfv} <i>бра</i>]]-ть	+
(16) [^{Pfv} <i>на</i> -[^{Ipfv} <i>со-бир-а</i>]]-ть	+
(17) [^{Pfv} <i>на</i> -[^{Pfv} <i>рас-став-и</i>]]-ть	–
(18) [^{Pfv} <i>по</i> -[^{Pfv} <i>на</i> -[^{Pfv} <i>рас-сказ-а</i>]]]-ть	–

В мегрельском же языке множественная префиксация подразумевает, в первую очередь, использование перфективатора *ge-* (слот –6) в дополнение к внутренней приставке (слот –5) — либо для обозначения однократности ((4a) vs. (19)) у словоформ, образованных от основ PFV типа II, либо для перфективации словоформ IPFV, образованных от приставочных основ типа III ((5a) vs. (20)):

(4a) *gino-č'ar-un-s*

PFX-писать-SM-S.3SG

‘перепишет’

(19) *ge-g[i]no-č'ar-un-s*

PFV-PFX-писать-SM-S.3SG

‘перепишет (один раз)’

(5a) <i>gila</i> -[o]-č'ar-an-s
PFX-[VAL]-писать-SM-S.3SG
'списывает (долг кому-л.)' | (20) <i>ge-g</i> [i]la-[o]-č'ar-an-s
PFV-PFX-[VAL]-писать-SM-S.3SG
'спишет (долг кому-л.)' |
|--|--|

В обоих случаях изменяется только видовая принадлежность, но не количественные характеристики. Таким образом, *ge-* можно считать чистым перфективатором.

4. На материале нескольких морфологических контекстов нами был рассмотрен русский и мегрельский материал в свете типологии слово-классифицирующего вида. Следует учитывать, что классификация опирается на разновидности продуктивного образования глагольных основ. Основному критерию таких видовых систем, а именно: *аффиксация меняет видовую принадлежность всех форм основы в целом* — русский и мегрельский языки в общем удовлетворяют. В мегрельском ему противоречит лишь возможность образования за счет внутренних приставок таких дериватов, которые остаются имперфективными, а также то обстоятельство, что ряд аффиксов может добавляться лишь к части финитных форм парадигмы.

Кроме того, наиболее явные расхождения между языками отмечаются в области вторичной имперфективации, а именно различны ее локус и последствия для лексического соотношения основ: в мегрельском языке практически нет видовых троек. Неодинаковым статусом обладает также множественная префиксация: в русском языке она меняет вид только в зависимости от места в *деривационной истории* основы. Вместе с тем функция приставки в мегрельском четко вытекает из места в слотовой структуре; с этими позициями и функциями связаны также разные инвентари приставок.

Таким образом, можно утверждать, что два языка, использующих для выражения схожих грамматических значений сопоставимые морфологические механизмы, вовсе не обязательно должны принадлежать к одному и тому же типологическому типу в конкретном разделе грамматики.

Список условных сокращений

AFF — маркер утвердительности; AUG — аугмент; CAUS — каузатив; COND — кондиционал; DO — маркер прямого объекта; EM — распространитель основы; EVID — эвиденциальный маркер; FOC — фокусный маркер; IND — индикатив; INTR — интранзитив; IPFV — имперфектив; IO — маркер косвенного объекта; NEG — маркер отрицания; PFV — перфектив; PFX — приставка; PL — маркер множественного числа; PRON — прохибитив; PST — маркер прошедшего времени; S — субъектный маркер; SG — маркер единственного числа; SM — тематический суффикс; SUBJ — конъюнктив; VAL — валентностный маркер.

Литература

- Аркадьев П. М., Шлуинский А. Б. 2015. Словоклассифицирующие аспектуальные системы: опыт типологии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*, т. 12, №3, 4–24.
- Зализняк А. А. 1967. *Русское именное словоизменение*. М.: Наука.
- Плунгян В. А. 2000. *Общая морфология. Введение в проблематику*. М.: Едиториал УРСС.
- Плунгян В. А. 2011. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы в языках мира*. М.: РГГУ.
- Татевосов С. Г. 2009. Множественная префиксация и анатомия русского глагола. В сб.: К. Л. Киселева и др. (ред.). *Корпусные исследования по русской грамматике*. М.: Пробел-2000, 92–156.
- Danelia K., Canava A. 1991. *Kartuli xalxuri sit'q'viereba. Megruli t'ekst'ebi (kartuli targmaniturt) [Georgian folk literature. Megrelian texts (with a translation into Georgian)]*. V. II. Tbilisi: Tbilisi University Press.
- Janda L. A. 2007. Aspectual clusters of Russian verbs. *Studies in Language*, v. 31, n. 3, 607–648.
- Kiria Č., Ezugbaia L., Memišiši O., Čuxua M. 2015. *Lazur-megruli gramat'ik'a. I. Morpologia [Laz-Megrelian grammar. I. Morphology]*. Tbilisi: Meridiani.
- Rostovtsev-Popiel A. 2020. Megrelian. In: M. Polinsky (ed.). *Oxford Handbook of the Languages of the Caucasus*. Oxford: Oxford University Press, 529–569.
- Wiemer B., Seržant I. 2017. Diachrony and typology of Slavic aspect: What does morphology tell us? In: W. Bisang, A. Malchukov (eds.). *Unity and diversity in grammaticalization scenarios*. Berlin: Language Science Press, 230–307.

Префикс *s-* и суффикс *-ни-* с мультипликативами в резьянском диалекте

Розанна Бенаккьо

Падуанский университет; rosanna.benacchio@unipd.it

1. Введение

В одной статье, вышедшей в 2000 г., В. Плунгян обратился к одному из наиболее спорных (и сложных) вопросов, касающихся русской (и вообще славянской) категории глагольного вида и ее морфологического выражения. Это вопрос о значении (точнее, о значениях) суффикса *-ну-* (с перфективирующей функцией). Спорный характер вопроса состоит в том, что весьма трудно определить сложную семантику данного суффикса, включающую как *семельфактивную*, так и просто перфективирующую функции (напр., Исаченко 1960, Мелиг 1994, Падучева 1996, Храковский 1989, 1998, Зализняк, Шмелев 2000)¹.

Эта работа, проведенная в типологическом ракурсе, представляет собой шаг вперед в изучении этого вопроса. В ней автор предлагает интересную классификацию разных возможных значений перфективирующего *-ну-* в русском языке, исходя из того, что он выражает «быстроту», а именно значение *быстро*₂ (завершение процесса за более короткий, по сравнению с ожидаемым или нормальным, промежуток времени). Это позволяет автору объединить под общим семантическим ярлыком разные конкретные проявления данной семантики, различая четыре класса глаголов на *-ну-*, или, иными словами, четыре частных значения суффикса *-ну-*: 1) «кванты», т. е. производные от мультипликативов *бесприставочные* глаголы (*шагнуть* < *шагать*), выражающие «настоящее» (классическое) *семельфактивное* значение; 2) «события», т. е. *непроизводные* глаголы, в которых суффикс *-ну-* является показателем *мгновенности* (*кокнуть*, *хлынуть*); 3) «комплетивы», т. е. *приставочные ну-глаголы*, в которых суффикс является просто морфологическим показателем СВ, так как *семельфактивное* значение размылось под влиянием приставок (*придвинуть/*

¹ Более подробно об этой дискуссии и об исследованиях, которые появились в последние годы, см. Бенаккьо, в печати.

придвигать, заснуть/засыпать); и наконец 4) «свертки», представляющие собой «сокращенные» процессы (*гульнуть, курнуть, пугнуть*). По мнению автора, последний класс является самым интересным не только потому, что он охватывает очень продуктивный в современном русском языке класс разговорных (и сленговых) глаголов, но и потому, что он свидетельствует о растущей тенденции русского языка к употреблению СВ не только для выражения «событий», но также для выражения очень кратких ситуаций, подобных тем, которые обозначаются делимитативным префиксом *по-*. Среди вторичных семантических эффектов, свойственных сверткам, автор называет оттенок «ущербности», «второстепенности», связанный с тем, что эти глаголы называют некоторую «сокращенную» реализацию исходной ситуации, осуществляемую ««слегка», “не по полной программе”, прежде всего, конечно, очень недолго, но и, возможно, без предварительной подготовки, с пониженной интенсивностью или тщательностью» (Плунгян 2000: 221).

В ходе исследований, предпринятых нами с целью определить формальные (морфологические) средства выражения глагольного вида и, в частности, свойства семельфактивного суффикса *-ни-* в резьянском диалекте² (см. особенно Бенаккьо, в печати), мы столкнулись с явлением, в чем-то напоминающим описанное Плунгяном поведение русских *ну-*глаголов, классифицированных как «свертки».

Описанию этого варианта словообразовательной перфективации посвящена данная работа.

В качестве источника нашего анализа мы использовали материал, собранный Х. Стэнвейком в городке Сан-Джорджо (по-резьянски — Била) (Steenwijk 1992: 237–338), дополненный посредством опроса информантов из того же самого населенного пункта.

2. Распределение *-ни-* и *s-* с мультипликативными глаголами в резьянском диалекте

В резьянском диалекте бесприставочные³ *ни-*глаголы встречаются в основном как «кванты», т. е. как глаголы СВ, производные от мультиплика-

² Следует упомянуть, что резьянский диалект, вместе с терским и надижским, принадлежит к группе сохранившихся славянских (словенских) лингвистических островов, бытующих на периферии славянского ареала в северо-восточной Италии, на границе со Словенией.

³ В резьянском диалекте встречаются приставочные «комплетивы», представляющие те же характеристики (затемнение семельфактивного значения суффикса под влиянием префикса), что и в русском языке. См. подробнее об этом Бенаккьо, в печати.

тивов и образующие с исходным глаголом «семельфактивную» пару. См., например, *kapat* — *käpnut* ‘капать — капнуть’, *kinkat* — *kynknut* ‘лягать — лягнуть’, ‘пинать — пнуть’, *pijat* — *pyhnut* ‘дуть — дунуть’, *pikat* — *pyknut* ‘клевать — клюнуть (о курице, птице)’, *pjiuwat* — *pjiwnut* ‘плевать — плюнуть’, *pyrdët* — *pyrdnut* ‘пердеть — пернуть’, *rigat* — *rygnut* ‘рыгать — рыгнуть’, *trüšat* — *trüšnut* ‘бодать — боднуть’ и т. д. Т. н. «события» или «свертки» (по определению Плунгяна) среди *ни-*глаголов нам не встречались.

Однако мы заметили, что практически все названные выше мультипликативные глаголы имеют «вариант» СВ, образованный посредством префикса *s-*. Ср. *kapat* — *skapat*, *kinkat* — *skinkat*, *pijat* — *spijat*, *pikat* — *spikat*, *pjiuwat* — *spjiuwat*, *pyrdët* — *spyrdët*, *rigat* — *zrigat*, *trüšat* — *strüšat*.

По мнению информантов, эти формы отличаются тем, что в отличие от суффикса *-ли-*, который всегда придает глаголу семельфактивное значение, они обозначают действие, которое имело место не один раз, а несколько раз (не много раз!) в короткий промежуток времени. Рассмотрим несколько примеров употребления названных выше глаголов, из которых становятся очевидными различные значения двух аффиксов в резьянском диалекте.

Глагольные формы СВ, образованные от глагола *kapat*, имеющего явно мультипликативное значение, могут употребляться в следующих контекстах:

(1) *To jë käpnulu. To lijë.* ‘Закапал дождь. Идет дождь’.

(2) *To jë skapalö.* ‘Покапало’.

В (1) речь идет о том, что упала одна капля дождя, значит, пошел дождь. Другими словами, глагольная форма в СВ с *-ли-* выражает начало новой ситуации. В (2) выражается недолго длившаяся ситуация. См. еще следующие примеры, касающиеся мультипликатива *kinkat*.

(3) *Nur müš an jë kynknul anu me wdaril le jzdë, ta-na lanito.*

‘Однажды осел лягнул меня и попал мне в щеку’.

(4) *An jë skinkal balun, ma an se štuřäl anu an šyl spet gledat tilivižjun.*

‘Он попинал мяч, но ему надоело, и он пошел снова смотреть телевизор’.

Здесь тоже *ни-*глагол в (3) выражает семельфактивную ситуацию, в то время как в (4) делается акцент на непродолжительности действия. При этом подразумевается действие, совершенное «слегка», даже как-то «нехотя», «левой ногой». См. также в императиве:

(5) *Kynkny ga!* ‘Пни его!’

(6) *Skinkej!* ‘Поиграй немного с мячом!’

То же самое в примерах, касающихся мультипликатива *pijat*:

(7) *An jë pihnul anu wgäsnul svičo.* ‘Он дунул и задул свечу’.

(8) *To görkö ta-nutrë. Najej da to spijej nu malö!*
‘Здесь душно. Пусть войдет немного воздуха’.

Интересный «пространственный» вариант касается производных от *pykat* глагольных форм СВ:

(9) *Pajek me jë pyknul.* ‘Паук меня укусил’.

(10) *Pukriwa mi jë spikala.* ‘Крапива меня покусала’.

В отличие от (9), где описывается типичная семейфактивная ситуация, в (10) речь идет о действии, которое имело место не один, а несколько раз (точнее, не в одном, а в разных местах). Аналогичная ситуация наблюдается в примерах с глаголом *pjüwat*. См. следующие примеры в инфинитиве (после модального глагола) и в императиве:

(11) *Ti maš pjüwnut! To jë valanjöws.*
‘Ты должен сразу выплюнуть! Это ядовито’.

(12) *Se ma naredit gargarisme anu spjüwat wödo.*
‘Ты должен полоскать горло и потом сплюнуть’.

(13) *Pjüwni!* ‘Выплюнь (что-то)!’

(14) *Spjüwej!* ‘Сплюнь!’

3. Заключение

Такое регулярное распределение в резьянском диалекте двух производных форм СВ (суффиксальной и префиксальной) с двумя значениями (соответственно, семейфактивным и «делимитативным») от глаголов, принадлежащих к одному и тому же лексическому классу мультипликативов, — безусловно, любопытное явление. В частности, вызывает интерес выражение посредством префикса *s-* семантики, очень близкой (если не тождественной) семантике, характерной для «сверток», выраженных ну-глаголами в русском языке, выделенных В. Плуныяном (включая вторичные, прагматические значения «ущербности»).

Следует заметить также, что это явление нашлось только в резьянском диалекте; в других словенских диалектах Фриули, а также в словенском литературном языке тот же префикс *s-* с теми же глаголами ведет себя как обычный перфективирующий префикс, выражая результативное значение, часто с нюансом финитивности — подчеркивается исчерпанность действия (Бенаккьо, Стэнвейк 2017).

Замеченное нами явление не следует определять как «способ действия» (в частности, «делимитативный» или «аттенуативный»), хотя оно, несомненно, близко к этой категории, так как в резьянском диалекте (и вообще в словенском языковом ареале — как и во многих других «западных» славянских языках) способы действия не распространились так, как в других славянских языках (прежде всего в русском) и не приобрели такую же значимость⁴.

Перед нами скорее интересное (для славянской аспектологии) промежуточное значение между результативным значением, касающимся событий, и функциями «делимитативного типа», касающимися процессов. Присутствие таких «промежуточных» значений, по всей вероятности, распространено в славянском языковом ареале больше, чем ожидалось (см. по этому поводу сравнительный анализ развития *-ли-* в славянских языках в Dickey 2001). Дальнейшее исследование в диалектологическом ракурсе могло бы привести к интересным результатам и способствовать более глубокому и полному пониманию категории славянского аспекта.

Литература

- Бенаккьо Р., в печати. Значения и функции перфективирующего суффикса *-ли-* в резьянском диалекте (в сопоставлении с русским языком). В сб.: Л. Л. Иомдин, И. М. Богуславский (ред.). *От семантических кварков до вселенной в алфавитном порядке. К 90-летию академика Юрия Дерениковича Апресяна. (Труды института русского языка им. В. В. Виноградова, вып. 24).*
- Бенаккьо Р., Стэнвейк Х. 2017. Грамматикализация глагольного вида в резьянском диалекте: исконно-славянская и романская лексика. In: R. Benacchio, A. Muro, S. Slavkova (eds.). *The role of prefixes in the formation of aspectuality. Issues of grammaticalization.* Firenze: Firenze University Press, 23–39.
- Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. 2000. *Введение в русскую аспектологию.* М.: ЯРК.

⁴ Например, в резьянском диалекте начинательный и делимитативный способы действия практически не образовались: чаще всего здесь значение *za-* совпадает со значением *po-*: оба имеют просто перфективирующую функцию (ср. *Na ga zazibala no malo; Na ga pozibala no malo* ‘Она покачала его немного’; *Zazibaj ga! Pozibaj ga!* ‘Покачай его!’).

- Исаченко А. В. 1960. *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология*. Ч. II. Братислава: Словацкая Академия Наук.
- Мелиг Х. Р. 1994. Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени. О категории глагольного вида в русском языке. *Revue des études slaves*, t. LXVI, fasc. 3, 585–606.
- Падучева Е. В. 1996. *Семантические исследования*. М.: ЯРК.
- Плунгян В. А. 2000. 'Быстро' в грамматике русского и других языков. В сб.: Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин (ред.). *Слово в тексте и в словаре*. М.: *Studia philologica*, 212–223.
- Храковский В. С. (отв. ред.) 1989. *Типология итеративных конструкций*. Л.: Наука.
- Храковский В. С. 1998. Типология семельфактива. В сб.: М. Ю. Черткова (ред.). *Типология вида. Проблемы, поиски, решения*. М.: *Studia philologica*, 485–490.
- Dickey S. 2001. "Semelfactive" -*nq*- and the western aspect gestalt. *Journal of Slavic linguistics*, v. 9, n. 1, 25–48.
- Steenwijk H. 1992. *The Slovene dialect of Resia. San Giorgio*. Amsterdam; Atlanta, GA: Rodopi.

Перформативы в резьянском и молизско-славянском микроязыках*

Марко Биазо

Падуанский университет / Новисадский университет;
marco.biasio.1@phd.unipd.it

1. В настоящей статье предлагается грамматическое описание видовременных свойств четырех классов перформативных глаголов¹ (т. е. декларации, экспозитивы, комиссивы и директивы)² в двух славянских микроязыках, а именно в резьянском и в молизско-славянском, представляющих собой лингвистические острова, распространяющиеся по некоторым населенным пунктам на северо- и юго-восточных итальянских территориях. Тема исследования, с нашей точки зрения, вызывает особый интерес по крайней мере по двум причинам. Во-первых, предварительное описание

* Настоящая статья является дополнением (с точки зрения славянской диалектологии) к более объемному анализу видовременных свойств перформативных глаголов в современных русском и сербскохорватском языках, который представлен в диссертационной работе под названием *Dictum erit factum? Видовременные свойства перформативов в русском и сербскохорватском языках в сопоставительно-типологическом аспекте*. В тексте употребляются следующие сокращения: СВ — совершенный вид, НСВ — несовершенный вид, През — презенс, Фут — футур, мод. — модифицированный, л. с. — личное сообщение. Автор выражает свою глубокую признательность Малинке Пиле и Вальтеру Брою за помощь в подборке подходящих примеров из резьянского и молизско-славянского микроязыков, а также Виктории Трубниковой за правку текста.

¹ Перформативным глаголом (или, проще, перформативом) мы будем называть главный, «эксплицитный» (т. е. реализованный на морфофонологическом уровне) предикат перформативного высказывания. Под «перформативным высказыванием» подразумевается высказывание, произнесение которого со стороны уполномоченного агенса совпадает с действием, обозначенным в соответствующем предложении (напр. *Я объявляю заседание закрытым*). На основе этого общего определения мы будем отличать «настоящие» перформативы от т. н. делокутивов (напр. *благодарить* в предложении *Благодарю вас за внимание*).

² Четырехуровневая таксономия перформативных глаголов (и соответствующих речевых актов) взята из известной работы Searle 1976, к которой отсылаем для остальных технических деталей.

диалектных данных позволяет лучше понимать механизмы, лежащие в основе диахронического развития видовременных отношений в связи с проблемой появления эксплицитных перформативов, которые традиционно считаются относительно поздним явлением в естественных языках³ (Austin 1975: 71). Во-вторых, изучение этих периферийных славянских диалектных изоглосс может пролить свет на роль и влияние межъязыковых контактов (в том числе контактов между славянскими и романскими языками; это итальянский и его региональные варианты, напр. фриульский и венецианский для резьянского, и молизский диалект для молизско-славянского).

Статья состоит из трех частей. Сначала (§2) проводится сопоставительный анализ данных резьянского микроязыка с данными современного литературного словенского языка. Потом (§3) мы возвращаемся к вариантам молизко-славянского микроязыка, на которых по сей день говорят в итальянских поселках Круч (на итальянском Acquaviva Collecroce), Филич (на итальянском San Felice del Molise) и Мундимитар (на итальянском Montemitro). Наконец (§4), подведены итоги и очерчены некоторые исследовательские направления для дальнейшего развития темы.

2. Резьянский микроязык является словенским диалектом, распространенным в долине Резия, в северно-восточной итальянской области Фриули-Венеция-Джулия (см. подробнее Бенаккьо 2002). С одной стороны, резьянский находится в ситуации абсолютного языкового контакта с итальянским языком, т. е. носители резьянского свободно владеют также итальянским языком и, реже, фриульским диалектом (Breu et al. 2016: 55). С другой стороны, что касается языковых контактов со словенским языком, своеобразная геоморфология данной зоны отчасти препятствовала непосредственному контакту между резьянским и другими словенскими населенными. Это объясняет, по-видимому, почему в долине Резия активное и/или пассивное овладение словенским языком более ограничено, чем в соседних долинах Торре и Натизоне (Pila 2017a: 267–268).

Широко известно, что фитиль целой дискуссии о видовременном маркировании славянских перформативов подождли к концу XX века именно данные словенского языка, в котором и сейчас в некоторых пер-

³ Что касается славянских перформативов, убедительно доказано, что на их видовременное маркирование влияют не столько их семантические и акциональные свойства, сколько ряд прагматических признаков, которые хронологически являются более поздним фактором в определении глагольного вида и которые в значительной степени различаются в разных славянских языках (см. подробнее об этом Вимер 2014).

формативных контекстах замечается двухчленное противопоставление между двумя презенсами (СВ : НСВ) (напр. комиссивы *obljubím*^{CB}, букв. ‘пообещаю’ и *obljúbljam*^{NCB} ‘обещаю’)⁴. В резьянском микроязыке, наоборот, ситуация является иной: вне зависимости от принятого во внимание класса перформативов (ср. комиссив в (1), директив в (2) и декларацию в (3)), в перформативном контексте в подавляющем большинстве случаев появляются только презенсы НСВ, т. е. на первый взгляд отсутствует настоящая видовременная конкуренция⁵:

- (1) *Ti obačawen*^{NCB} *da parajan zūtra*.
‘Я тебе обещаю, что приду (букв. ‘прихожу’) завтра’ (мод. из Pila 2017b: 88).
- (2) *Ti ovizawen*^{NCB}, *či ti ni priděš, čon se ribjet*.
‘Я тебя предупреждаю: если ты не придешь, я рассержусь’ (мод. из Pila 2017b: 88).
- (3) *Wäs puščüwän*^{NCB} *ta-w ne növe roke ano dä buhdej*.
‘Я вас оставляю в новых руках, на все воля Божья’ (http://www.comune.resia.ud.it/fileadmin/user_resia/img/ANNO_30_N1.pdf; Малинка Пила, л. с.).

3. В отличие от резьянского микроязыка, на три принятых нами во внимание варианта молизско-славянского (по-тамошнему *na-našu*) уже давно не имеет влияния сербскохорватский континуум, к которому они исконно принадлежали⁶. Это значит, что молизско-славянский микроязык

⁴ Об истории вопроса см. подробнее Žagar, Grgič 2011. Некоторые предложения о формальных и функциональных различиях между презенсами СВ и НСВ в перформативном контексте в словенском языке см., среди прочих, в Дерганц 2012 и Мошник 2015.

⁵ Однако надо всегда иметь в виду, что частотность и употребление эксплицитных перформативов в резьянском качественно и количественно определены, ведь в торжественных ситуациях употребляется скорее итальянский язык (Pila 2017a: 274). В резьянском, как кажется, наблюдается видовая оппозиция между презенсами СВ и НСВ скорее в случае делокutiveв (Pila 2018; Малинка Пила, л. с.). В терском и надижском говорах, распространенных во фриульских долинах Торре и Натизоне, употребление презенса СВ в перформативном контексте значительно учащается (Pila 2017a: 274–275; Малинка Пила, л. с.).

⁶ Принято считать, что сбежавшие в начале XVI века от турецкого вторжения славяне, которые в дальнейшем переселились на южные территории Италии (в том числе и в нынешнюю область Молизе), проживали вдоль Далматинского побережья между реками Цетина и Неретва, где в то время говорили на штокавско-икавском наречии современного сербскохорватского континуума (Rešetar 1997 [1911]: 55).

находится в ситуации абсолютного языкового контакта преимущественно с итальянским языком (роль молизского диалекта здесь не будем принимать во внимание), а никакой связи со сербскохорватским континуумом (точнее, с его диалектными вариантами, относящимися к хорватским изоглоссам) не сохраняется. Однако закономерность в видовременном противопоставлении, которое можно отмечать в перформативном контексте в современном хорватском языке (вкратце, ПрезНСВ : ФутСВ, напр. директивы *molim*^{ПрезНСВ} ‘прошу’ и *zamolit ću*^{ФутСВ} ‘попрошу’), отображается и в данных молизско-славянского микроязыка, особенно в области экспозитивов, где ПрезНСВ (см. прим. (4)) свободно чередуется с ФутСВ (см. прим. (5) и (6)):

- (4) *Sa, jušt za reč drugu stvaru, vami povidivam*^{ПрезНСВ} *fat do Kapučeto Ros.*
 ‘Хочется рассказать что-то другое — сейчас вам расскажу сказку Красной Шапочки’ (Круч; <https://doi.org/10.24397/pangloss-0000741#S1>).
- (5) *Sa ću vam povidam*^{ФутСВ} *na fat do dvahi, cita oš namurate.*
 ‘Сейчас вам расскажу, что случилось с влюбленной парой, парнем и его невестой’ (Мундимитар; <https://doi.org/10.24397/pangloss-0000786#S1>).
- (6) *Allora, sa ću reč*^{ФутСВ} *ona zlav.*
 ‘Итак, сейчас расскажу ту (колыбельную — М. Б.) славянскую’ (Филич; Pugliese, Agresti 2019: 211)⁷.

Оппозиция между презенсом НСВ и футуром СВ наблюдается также для деклараций (см. прим. (7) и (8)), в то время как для комиссивов (9) и директивов (10) преобладающим оказывается выбор презенса НСВ (в примерах сохраняется оригинальная орфография источников):

- (7) *Ga ka ti boug mi-hoš salvat duš, ja ću-sapendit*^{ФутСВ} *moje grih.*
 ‘Поскольку ты, Бог, хочешь спасти мою душу, я каюсь (букв. ‘покаюсь’) в своих грехах’ (Круч; Rešetar 1997 [1911]: 157).
- (8) <...> *prvomu sinu ostavljam*^{ПрезНСВ} *malen, drugomu ostavljam*^{ПрезНСВ} *tovar e nazeñetu mački.*
 ‘Первому своему сыну я оставляю мельницу, второму осла, а младшему кошку’ (Круч; Rešetar 1997 [1911]: 174).
- (9) *Ti primičivam*^{ПрезНСВ} *ka ono ka mi govaraš si držim za mena.*
 ‘Я тебе обещаю, что буду в себе держать то, что будешь мне говорить’ (Круч; Вальтер Брой, л. с.).

⁷ Это отрывок из видеинтервью с двумя жителями Филича, Марией Дзарой и Вирджилио Пикколи, которое можно посмотреть по следующей ссылке: <http://www.youtube.com/watch?v=iwEYUxXNYnA>.

- (10) <...> *ti prosim*^{ПрезНСВ} *ka tam do ja sta jopa s tebot.*⁸
 ‘Я прошу тебя, чтобы я мог вернуться и вновь остаться с тобой’
 (Круч; <https://doi.org/10.24397/pangloss-0000747#S38>).

4. В статье было эскизно описано видовременное противопоставление в перформативном контексте в некоторых периферийных славянских микроязыках, находящихся в ситуации абсолютного языкового контакта с итальянским языком, а именно в резьянском и в трех вариантах молизско-славянского микроязыка. В то время как в резьянском дефолтной формой в перформативном контексте является презенс НСВ, в вариантах молизско-славянского есть возможность чередования с футуром СВ.

Чтобы лучше понять логику этого видовременного противопоставления, имеющиеся в нашем распоряжении данные было бы уместно подкрепить в ближайшем будущем путем распространения анкеты для носителей микроязыков, а также сравнить с диалектными ситуациями, которые мы находим в других периферийных славянских говорах (напр., в градищанско-хорватском микроязыке).

Литература

- Бенакьо Р. 2002. Славяно-романские контакты в словенских говорах Фриули. В сб.: Т. М. Николаева (ред.). *Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением*. М.: ЯСК, 263–300.
- Вимер Б. 2014. Употребление совершенного вида в перформативном настоящем. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, т. 10, №3, 90–113.
- Дерганц А. 2012. Перформативные глаголы в словенском языке. *Вестник МГУ. Серия 9. Филология*, №6, 228–236.
- Пила М. 2018. Вид глагола в резьянском микроязыке в северо-восточной Италии. В сб.: S. Kempgen et al. (Hrsg.). *Deutsche Beiträge zum Internationalen Slavistenkongress Belgrad 2018 (Die Welt der Slaven. Sammelbände. Bd. 63)*. Wiesbaden: Harrasowitz, 247–256.
- Austin J. L. 1975. *How to do things with words*. 2nd ed. Cambridge: Harvard University Press.
- Breu W., Piccoli G. 2000. *Dizionario croato molisano di Acquaviva Collecroce. Dizionario plurilingue della lingua slava della minoranza di provenienza dalmata di Acquaviva Collecroce in Provincia di Campobasso. Dizionario, registri, grammatica, testi*. Campobasso: Arti Grafiche La Regione.

⁸ Заметим, что в говоре Круча засвидетельствован также перформатив *molit* ‘просить’, ‘умолять’, ‘молиться’ (Breu, Piccoli 2000: 108), который, однако, в нашем материале никогда не появляется в перформативном контексте.

- Breu W., Berghaus J., Scholze L. 2016. Der Verbalaspekt im totalen Sprachkontakt. Moliseslavisch, Obersorbisch und Burgenlandkroatisch im Vergleich. In: W. Breu, T. Reuther (eds.). *Slavistische Linguistik 2014. Referate des XL. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens in Konstanz/Hegne, 1.–5. September 2013 (Wiener Slawistischer Almanach, Bd. 77)*, 55–116.
- Močnik M. 2015. *Slovenian perfective and imperfective explicit performative utterances*. MSC Thesis. Amsterdam: Universiteit van Amsterdam.
- Pila M. 2017a. L'uso dell'aspetto perfettivo al tempo presente nei dialetti sloveni della Val Resia e delle Valli del Torre e del Natisone. In: M. Di Filippo, F. Esvan (eds.). *Atti del VI. Convegno di Linguistica Slava, Università l'Orientale di Napoli, sede di Procida, 22.–24.9. Studi di Linguistica slava*. Napoli: Il Torcoliere, 267–281.
- Pila M. 2017b. Die Verwendung der perfektiven Präsensformen im Russischen, Slovenischen und heutigen Resianischen. *Bavarian Working Papers in Linguistics*, v. 6, 81–94. <https://epub.ub.uni-muenchen.de/view/subjects/13282.html>.
- Pugliese F., Agresti G. (eds.). 2019. *Vocabolario polinomico e sociale italiano-croato molisano. Lessico dello spazio pubblico. Figure dell'autorità, mestieri e lavori. Raccolta della memoria orale*. Milano: Mnamon.
- Rešetar M. 1997 [1911]. *Le colonie serbocroate nell'Italia meridionale*. Traduzione italiana, prefazione, note, bibliografia a cura di W. Breu, M. Gardenghi. Campobasso: Arti Grafiche La Regione.
- Searle J. 1976. A classification of illocutionary acts. *Language in Society*, v. 5, n. 1, 1–23.
- Žagar I. Ž., Grgič M. 2011. *How to do things with tense and aspect: Performativity before Austin*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.

Фантастические аспектуальные твари и откуда они возникают: инкомплетив*

С. К. Михайлов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
stepanmihajlov@gmail.com

1. Введение¹

Инкомплетивом в работе В. А. Плунгяна (2011: 403–404) предложено называть аспектуальный кластер, совмещающий в себе значения результата (1) и прогрессива (2).

- (1) ВОСТОЧНЫЙ НЕВАРСКИЙ (< неварские < сино-тибетские)

Mica siŋ-an con-a

дочь умереть-PTCP оставаться-3sPst

‘Дочь мертва’².

- (2) *Un dwārā cul-en con-a*

3sERG неровные.зубы точить-PTCP оставаться-3sPst

‘Она точит свои клыки’ (Genetti 2007: 377).

2. Результатив и прогрессив — категории разного порядка

В. А. Плунгян отмечает, что инкомплетив совмещает «на первый взгляд далёкие друг от друга значения» (Плунгян 2011: 403), при этом добавляя, что в них можно выделить общий компонент актуальной длительности. Прогрессив выделяет срединную стадию ситуации как актуально-длительную, а результатив выделяет результирующую. Другими словами, оба значения подразумевают включение топикального времени

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 году.

¹ Автор выражает свою благодарность О. С. Волкову за руководство и поддержку, В. А. Плунгяну за поддержку и вдохновение и А. А. Козлову за поддержку и комментарии к первой версии этой статьи, а также редколлегии за правки и комментарии. Все неточности остаются на совести автора.

² Здесь и далее русские переводы английских глосс и примеров мои — С. М.

(Klein 1994) в длительную стадию времени ситуации — имперфективный аспектуальный ракурс.

При ближайшем рассмотрении, однако, кажется, что прототипический результатив отличается от прототипического прогрессива как минимум двумя особенностями.

Во-первых, результатив обычно производит от предельного глагола стативный глагол, т. е. выступает акциональным модификатором. Если бы результатив обладал исключительно аспектуальной функцией, мы бы ожидали, что он образуется только от «нейтральных» глаголов (Недялков, Яхонтов 1983: 11), т. е. глаголов с двумя акциональными значениями «процесс» и «состояние». Однако в языках, представленных в сборнике Недялков (ред.) 1983, этот класс составляет лишь малую часть глаголов, с которыми сочетаются результативные конструкции.

Во-вторых, результатив обычно не взаимодействует с топикальным временем напрямую, о чём свидетельствует сочетаемость результативных конструкций с наречиями длительности типа *два часа*, которые требуют перфективного аспектуального ракурса (Bertinetto, Delfitto 2000). Такие сочетания допускают, например, русские краткие причастия на *-н/-т*: *Окно было открыто два часа, пока его наконец не закрыли*. (Помимо русского такие же сочетания допускают по крайней мере 10 конструкций, обсуждаемых в сборнике Недялков и др. 1983, про сочетаемость остальных конструкций с наречиями длительности там не сообщается.)

С другой стороны, в исследованиях 36 прогрессивных конструкций в языках Европы (Dahl (ed.) 2000: §4)³ про 25 конструкций сообщается, что они не допускают сочетаемости с наречиями длительности. Такой запрет объясняется тем, что эти конструкции **обязательно** выражают имперфективный аспектуальный ракурс, несовместимый с такими наречиями.

Итак, если прогрессив является аспектуальной категорией, а результатив — акциональным модификатором, то общее зерно в их значениях, которое выделяет В. А. Плунгян, пропадает.

Таким образом, перед исследователями инкомплетива встаёт два существенных вопроса:

- 1) как возникают инкомплетивные конструкции, совмещающие столь непохожие функции?
- 2) возможен ли моносемический анализ инкомплетива, или необходимо постулировать полисемию во всех случаях?

Ответ на второй вопрос мы вынуждены оставить за рамками этой статьи, а ответ на первый вопрос и является нашей основной целью.

³ Исключая конструкции, для которых представлены недостаточные данные.

3. Гипотеза К. Эберт (1995) о возникновении инкомплетива не работает

В работе К. Эберт (1995) обсуждается несколько конструкций из разных языков под рубрикой «перфектно-прогрессивной полисемии». По видимому, все или большинство из 13 обсуждаемых там конструкций соответствуют приведённому выше определению инкомплетива, поэтому дальше мы будем говорить именно об инкомплетиве.

К. Эберт выдвигает гипотезу, согласно которой инкомплетив развивается из результата с глаголами ‘одеть/носить’. Сначала сочетание значит ‘одет в...’ (результатив), а потом переосмысливается как динамическая ситуация или как прогрессив (по Эберт). Эта прогрессивная функция распространяется на обычные процессуальные глаголы, например, ‘играет’.

Такой анализ исходит из неочевидной предпосылки, что разница между ‘одет в’ и ‘носит’ соответствует разнице между (прототипическими) результативом и прогрессивом или между состоянием и динамической ситуацией. В пользу этой предпосылки говорит соответствующий контраст в английском: *has X put on* ‘одет(а) в X’ (результатив) и *is wearing X* ‘носит X’ (прогрессив). Однако критерий истинности в точке⁴, разграничивающий состояния и процессы (Татевосов 2016: §2.3.1.2), однозначно говорит в пользу того, что *is wearing* описывает не процесс, а состояние. (Поскольку об истинности высказывания *John is wearing a furcoat* можно судить относительно моментального временного интервала.) Следовательно, английский прогрессив с этим глаголом имеет не чисто прогрессивную функцию. И, следовательно, обратное переосмысление, как предлагает К. Эберт, должно быть невозможно.

Чтобы спасти эту гипотезу, необходимо более детально объяснить, почему такое переосмысление должно быть возможно. (Попытки предложить критерий, противопоставляющий ‘одет в’ и ‘носит’ как состояние и процесс, как кажется, обязательно ведут к порочному кругу.)

4. Что общего у результата и прогрессива

В первую очередь следует отметить, что описание перцептивно доступных обратимых результирующих состояний является ядерной функцией

⁴ Состояния могут быть истинны относительно моментального интервала, а процессы — нет. *Он сидит* может быть истинно относительно фотографии сидящего человека. *Он бежит* не может: для этого необходимо увидеть хотя бы «несколько кадров» бега.

результатива (Недялков, Яхонтов 1983: §5.1) и, по-видимому, доступно для всех обсуждаемых в сборнике конструкций. Неудивительно, что ситуации типа 'носить', 'сидеть', 'прятаться' и т. п. описываются результативом.

Для прогрессива, в свою очередь, описание состояний никак не является центральной функцией. Судя по данным в исследованиях Dahl (ed.) 2000: §4, ядерной функцией прогрессива является описание перцептивно доступных процессов с агентивными субъектами (возможно для всех исследованных конструкций). Для 22 конструкций возможны сочетания с неодушевлёнными субъектами, для 16 — описание ситуаций, перцептивно недоступных говорящему. Наконец, для 5 конструкций доступны сочетания с глаголами ношения и положения в пространстве типа 'носить' и 'сидеть' (которые описывают состояния).

Примечательно в отношении этих функций то, что они наследуются, когда прогрессив эволюционирует в имперфектив (Bybee et al. 1994).

Вслед за Дж. Байби с коллегами (1994) и В. А. Плунгяном (2011: 394–395), мы предполагаем, что «молодые» прогрессивы ограничены описанием узкого круга ситуаций, который по мере «взросления» этих конструкций расширяется. Исходное ограничение можно представить как прототипический набор свойств ситуаций, описываемых прогрессивом. «Молодые» прогрессивы требуют полного соответствия этому набору свойств, а более «взрослые» допускают некоторые отклонения.

Этот прототипический набор свойств мы предварительно формулируем как **понятие прото-процесса**, включающее как минимум следующие свойства:

- (i) агентивный субъект;
- (ii) описываемая ситуация непосредственно перцептивно доступна говорящему;
- (iii) отсутствие истинностного значения в точке.

Очевидно, что ситуации типа 'носить', 'сидеть', и т. п. не соответствуют только третьему свойству и тем самым очень близки к прото-процессу, а значит, их описание является лишь слабым отклонением от ядерного прогрессивного значения.

Поскольку мы показали, что описание этих ситуаций является центральным для результатива и максимально близким к центральному для прогрессива, противоречие в гипотезе Эберт разрешается. Переосмысление результатива как прогрессива возможно именно с этими ситуациями, т. к. они центральны для обеих категорий.

5. Диахрония инкомплетива в двух языках

В работе К. Ватанабе (2008) показано, что японская инкомплетивная конструкция на *-te i-* произошла от результативной конструкции с глаголом *wiru* 'сидеть' (по «Манъёсю» (600–756 гг.)). Механизм возникновения прогрессивного значения не обсуждается, но приводятся списки глаголов, которые допускаются в конструкции по мере расширения её сочетаемости. Уже в «Манъёсю» обнаруживается глагол *kakuru* 'спрятаться', в «Повести о Гэндзи» (1001–1021 гг.) встречаются также *idaku* 'держаться, обнимать', *osikakaru* 'прислоняться к', которые вполне соответствуют ситуациям типа 'носить' или 'сидеть'.

Корейская конструкция на *-ko iss-* представляет ровно обратную картину. Согласно М. Ким (2009), изначально эта конструкция была исключительно прогрессивной, но уже в самых ранних примерах (XV в.) ей доступны результативные употребления с глаголами ношения типа *twuli-* 'надеть'.

Корейские данные показывают, что инкомплетив может развиваться не только из результата (как предполагала К. Эберт), но и из прогрессива, что вполне следует из нашего обоснования к гипотезе Эберт.

6. Заключение

Настоящая статья имела две цели. Во-первых, показать, что инкомплетив действительно «**фантастическая** аспектуальная тварь», поскольку совмещает в себе аспектуальную (прогрессив) и акциональную (результатив) категории.

Во-вторых, представить обоснование гипотезы Эберт, которое объясняет, почему происходит переосмысление результата как прогрессива. Такая реинтерпретация возможна с глаголами ношения и положения в пространстве, поскольку они описывают ситуации, входящие в ядро результата и максимально приближенные к ядру прогрессива. В последнем случае можно говорить о почти полном соответствии таких ситуаций введённому нами понятию **прото-процесса**, чего и требуют прогрессивные конструкции.

Список условных сокращений

3sERG — 3 л. ед. ч. эргатив; 3sPST — 3 л. ед. ч. прошедшее время; PTPR — причастие.

Литература

Недялков В. П. (ред.). 1983. *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*. Л.: Наука.

- Недялков В. П., Яхонтов С. Е. 1983. Типология результативных конструкций. В сб.: В. П. Недялков (ред.). *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*. Л.: Наука, 5–41.
- Плунгян В. А. 2011. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ.
- Bertinetto P. M., Delfitto D. 2000. Aspect vs. actionality: Why they should be kept apart. In: Ö. Dahl (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 189–226.
- Bybee J. L., Perkins R., Pagluica W. 1994. *The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago: University of Chicago Press.
- Dahl Ö. (ed.). 2000. *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
- Ebert K. H. 1995. Ambiguous perfect-progressive forms across languages. In: P. M. Bertinetto, V. Bianchi, Ö. Dahl, M. Squartini (eds.). *Temporal reference, aspect and actionality*. V. 2: *Typological perspectives*. Torino: Rosenberg and Sellier, 185–203.
- Genetti C. 2007. *A grammar of Dolakha Newar*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007.
- Kim M. 2009. The intersection of the perfective and imperfective domains: a corpus-based study of the grammaticalization of Korean aspectual markers. *Studies in Language*, v. 33, n. 1, 175–214.
- Klein W. 1994. *Time in language*. London: Routledge.
- Watanabe K. 2008. *Tense and aspect in Old Japanese: Synchronic, diachronic, and typological perspectives*. PhD. Itaka: Cornell University.

Немного о горномарийских достижениях*

Е. В. Кашкин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН; egorka1988@gmail.com

1. Введение

В статье рассматривается грамматикализация глагола *žoaš* ‘достигать’ в сложных глагольных комплексах в горномарийском языке (упоминаемый в литературе луговомарийский когнат — *žoaš*; в луговом марийском языке он омонимичен глаголу *žoaš* ‘бросать’). Мы представим краткий очерк его семантических и сочетаемостных свойств в конструкциях такого типа.

Под сложными глагольными комплексами понимаются морфосинтаксически слитные сочетания деепричастия лексического глагола на *-п* (*-əp*, *-əp*, *-ep*; в некоторых случаях с нулевым показателем) и грамматикализованного глагола в форме, определяемой внешним синтаксическим контекстом (подробнее см., например, работы Серебренников 1960: 188–202, Bradley 2016, об аналогичных конструкциях в тюркских языках монографию Гращенков 2015). Такие конструкции выражают различные противопоставления из аспектуальной зоны, и их исследование любопытно для лучшего понимания ее типологии, ср. относящиеся к этой области работы В. А. Плунгяна и его коллег (Головки и др. ред. 2012, Майсак и др. (ред.) 2016 и мн. др.).

Материал собран в 2016–2019 гг. в рамках экспедиций¹ ОТИПЛа МГУ в селе Кузнецово Горномарийского района Республики Марий Эл и в нескольких окрестных деревнях методом анкетирования информантов (источник таких примеров не помечается в тексте), а также с помощью анализа экспедиционного корпуса текстов (примеры имеют помету «Корпус»).

* Исследование поддержано грантом РФФИ №20-012-00240.

¹ Автор выражает благодарность юбиляру за самоотверженное организационное содействие на первых этапах данного проекта. Подробнее о его результатах см. <http://hillmari-exr.tilda.ws/>. На этом же сайте доступны другие работы участников проекта о горномарийских сложных предикатах, рассмотреть которые более системно невозможно в рамках столь краткой статьи.

2. Употребления в ситуациях перемещения

Вне сложных глагольных комплексов предикат *šoāš* имеет целый ряд значений, см. (Саваткова 2008: 346–347). Его первое значение — достижение какой-либо точки в пространстве:

- (1) *Asval't mâč-kâ val-edä, garaž jakte šo-da*
 асфальт конец-ILL2 спускаться-NPST.2PL гараж до достигать-NPST.2PL
 ‘Спуститесь по асфальту, дойдете до гаража’ (Корпус).

Эта семантика сохраняется и в сочетаниях предиката *šoāš* с деепричастиями глаголов движения (*aškedäš* ‘шагать, идти’, *miäs* ‘приходить’, *kuzäš* ‘подниматься’, *kârgâžäš* ‘бежать’, *väsäs* ‘лететь’ и проч.):

- (2) *Mä Novos'ib'irsk jakte väs-en šo-n-na*
 мы Новосибирск до лететь-CVВ достигать-PRET-1PL
 ‘Мы долетели до Новосибирска’.

Заметим также, что предикат *šoāš* в контекстах перемещения совместим с семантикой собирательности, но не с семантикой дистрибутивности:

- (3) *Xâna-vlä pog-ân-en / *šälän-en šo-n-ât*
 гость-PL собирать-DETR-CVВ расходиться-CVВ достигать-PRET-3PL
 ‘Гости собрались / *разошлись’.

3. Конструкции достижения предела

Глагол *šoāš* сочетается с наименованиями ситуаций, предполагающих достижение какой-либо точки в пространстве, см. (4а); пример (4б) иллюстрирует неразрывность (один из признаков морфосинтаксической слитности) таких конструкций. Аналогичные примеры представлены конструкциями *kâral-Ø šo-aš* (пахать-CVВ достигать-INF) ‘допахать (например, до забора)’, *tem-ân šo-aš* (наполняться-CVВ достигать-INF) ‘наполниться до какого-либо уровня (например, до краев)’.

- (4) а. *Ďrvezäš kabel' jakte kapaj-en šo-n*
 мальчик кабель до копать-CVВ достигать-PRET
 б. **Ďrvezäš kapaj-en kabel' jakte šo-n*
 мальчик копать-CVВ кабель до достигать-PRET
 ‘Мальчик докопал до кабеля’.

Семантика достижения некоторой точки развития ситуации возможна и в сочетании с глаголами, не предполагающими физического перемещения, ср. (5)–(6), а также *lâd-ân šo-aš* (читать-CVВ достигать-INF) ‘дочитать

(до какого-либо места), *äl-en šo-aš* (жить-CVB достигать-INF) ‘дожить до какого-либо возраста’. Заметим, что, согласно Bradley 2016: 239, рассматриваемый предикат сочетается только с непереходными лексическими глаголами, однако в нашем материале представлены и сочетания с переходными глаголами.

- (5) *Mä-läm Vas'a-m vâč-en šo-aš kel-eš*
 я-DAT.POSS.1SG Вася-ACC ждать-CVB достигать-INF быть_нужным-NPST.3SG
 ‘Мне нужно дождаться Васю’.
- (6) *Nakon'ec-to ti soč'in'en'i-m ostatka stran'ic jakte*
 наконец-то этот сочинение-ACC последний страница до
sir-en šo-n-am
 писать-CVB достигать-PRET-1SG
 ‘Наконец-то я это сочинение дописал до последней страницы’.

В некоторых случаях конструкция с *šoaš* обозначает достижение некоторого логического предела ситуации², специально не заданного в контексте группой с послелогом *jakte* ‘до’ или иным подобным образом, см. (7)–(8).

- (7) *Šudâ kušk-ân šo-n, sa don sal-en šu-en-ät*
 трава расти-CVB достигать-PRET коса с косить-CVB бросить-PRET-3PL
 ‘Трава выросла, косой ее скосили’ (Корпус).
- (8) *Kžžät vele mән' ängäl-en šo-Ø-m,*
 сейчас только я понимать-CVB достигать-AOR-1SG
ma tädä-län kel-eš
 что он-DAT быть_нужным-NPST.3SG
 ‘Только сейчас я понял, что ему нужно’.

Представленные в разделах 2 и 3 сведения о сочетаемости глагола *šoaš* позволяют сделать обобщение, что в конструкции с ним используются инкрементальные глаголы, т. е. такие, у которых части события находятся в одно-однозначном соответствии с частями участника (темы/пациенса, пути, свойства) — см. подробнее книгу Татевосов 2015: 131–141 и приводимые там ссылки. В свою очередь неинкрементальные глаголы (как *čüčäš* ‘закрывать’, *cüdejäš* ‘удивляться’, *jadaš* ‘спрашивать’, *kandaš* ‘приносить’, *kән'äläš* ‘вставать’, *âdâraš* ‘чесать’, *šäläš* ‘прятаться’, *šuaš* ‘бросать’, *moaš* ‘находить’ и проч.) для этой конструкции нехарактерны, см. (9)–(10).

² Ср. с формулировкой в работе Пенгитов и др. 1961 (ред.): 208: «видовое значение развития действия до известного предела».

- (9) *Mән' pört-äštä cilä okn'a-m čüč-Ø-äm /*
 я дом-IN весь окно-ACC закрывать-AOR-1SG
 **čüč-ән* *šo-Ø-m*
 закрывать-CVB достигать-AOR-1SG
 'Я дома закрыла все окна'.
- (10) *Mән' gęc-ән-em kot'i krovat' lävä-kä šäl-ән šänz-ән /*
 я EL-FULL-POSS.1SG кошка кровать низ-ILL2 прятаться-CVB садиться-PRET
 **šäl-ән* *šo-n*
 прятаться-CVB садиться-PRET
 'Кот спрятался от меня под кроватью'.

Заметим при этом, что лексические глаголы в конструкции с *šoaş* могут принадлежать к разным акциональным классам³, ср. <ES; P> — *temäš* 'наполняться', <ES P; P> — *siräš* 'писать', <S; S> — *äläš* 'жить'. В некоторых случаях рассматриваемый семантический эффект может наводиться контекстом, ср. в (11) употребление глагола *äläš* 'жить', по-видимому, метафорически переосмысляемое как обозначение инкрементального пути к заданной точке во времени. Подобные эффекты требуют дальнейшего исследования.

- (11) *T'ot'a ändekš lu i jakte äl-en šo-n*
 дедушка девять десять год до жить-CVB достигать-PRET
 'Дедушка дожил до 90 лет'.

4. Оценка

Конструкции с *šoaş* во многих случаях могут обозначать достижение положительно оцениваемого, но не отрицательно оцениваемого результирующего состояния, см. (12)–(13).

- (12) a. *Әrvezäš lädäš-äm jažo-n / *xuda-n*
 мальчик стихотворение-ACC хороший-ADV плохой-ADV
tämen'-Ø *šo-n*
 учиться-CVB достигать-PRET
 'Мальчик хорошо / *плохо выучил стихотворение'.
- b. *Mән'ә garmon'-äm šakt-aš mond-en-äm /*
 я гармонь-ACC играть-INF забывать-PRET-1SG

³ Акциональные классы выделяются в соответствии с подходом, представленным в работах С. Г. Татевосова (2015, 2016). В случае горномарийских глаголов мы опираемся на данные, обобщенные В. В. Дьячковым в рамках коллективного проекта.

***mond-en šo-n-am**

забывать-CVB достигать-PRET-1SG

‘Я забыл, как играть на гармонии’.

- (13) a. *Män'-än mäškär-em karšt-en əl'ə, a kəzət*
 я-GEN живот-POSS.1SG болеть-PRET RETR1 а сейчас

tör-län-en šo-n

прямой-MAN-CVB достигать-PRET

‘У меня живот болел, а сейчас прошел’.

- b. **Män'-än mäškär-em karšt-en šo-n*

я-GEN живот-POSS.1SG болеть-CVB достигать-PRET

Ожидаемое значение: ‘У меня живот заболел / разболелся’.

Эти примеры согласуются с толкованием ‘to succeed’, приводимым для конструкций с рассматриваемым предикатом (Bradley 2016: 239), см. также указание на подобную типологическую модель в работе Heine, Ku-teva 2004: 46. В то же время, в конструкции с *šoəš* не исключены лексические глаголы, описывающие отрицательно оцениваемую ситуацию накопления некоторого свойства, как *jangəlaš* ‘уставать’ (14) или *sitəš* ‘быть достаточным; надоедать’ (15).

- (14) *Vas'a päšä pašteḱ jangəl-en šo-n*

Вася работа после уставать-CVB достигать-PRET

‘Вася устал после работы’.

- (15) *Jesl'i päškädä mižgem, eče li-eš, a tak — pingädä*

если мягкий валенки еще становиться-NPST.3SG а так — твердый

mižgem dono tel gač sit-en šo-eš

валенки с зима через быть достаточным-CVB достигать-NPST.3SG

‘Если мягкие валенки, еще можно (ходить), а так — в твердых валенках за зиму надоедает (ходить)’ (Корпус).

5. Заключение

Глагол *šoəš*, выражающий семантику достижения конечной точки в пространственных контекстах, в сложных глагольных комплексах ожидаемо выражает значение достижения некоторой стадии развития ситуации. При этом он имеет тенденцию сочетаться с инкрементальными предикатами, на что не указывалось в работах предшественников. Во многих случаях конструкция с *šoəš* описывает, как указывалось и ранее, успешно завершённые действия, однако эта закономерность не является абсолютным правилом.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ADV — адвербиализатор; AOR — аорист; CVB — деепричастие; DAT — датив; DETR — детранзитивизатор; EL — элатив; FULL — полная форма; GEN — генитив; ILL2 — непродуктивный показатель иллатива; IN — инессив; INF — инфинитив; MAN — суффикс, образующий глагол поведения; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRET — претерит; RETR — ретроспективный сдвиг; SG — единственное число.

Литература

- Головко Е. В., Даниэль М. А., Плунгян В. А., Семёнова Кс. П. (ред.). 2012. *Типология аспектуальных систем и категорий. (Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований, т. 8, ч. 2).*
- Граченко П. В. 2015. *Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация.* М.: ЯСК.
- Майсак Т. А., Семёнова Кс. П., Плунгян В. А. (ред.). 2016. *Типология перфекта. (Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований, т. 12, ч. 2).*
- Пенгитов Н. Т., Галкин И. С., Исанбаев Н. И. (ред.). 1961. *Современный марийский язык. Морфология.* Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во.
- Саваткова А. А. 2008. *Словарь горномарийского языка.* Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во.
- Серебренников Б. А. 1960. *Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп.* М.: Изд-во АН СССР.
- Татевосов С. Г. 2015. *Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события.* М.: ЯСК.
- Татевосов С. Г. 2016. *Глагольные классы и типология акциональности.* М.: ЯСК.
- Bradley J. 2016. *Mari converb constructions: Productivity and regional variance.* PhD. Vienna: University of Vienna.
- Heine B., Kuteva T. 2004. *World lexicon of grammaticalization.* Cambridge: Cambridge University Press.

Прогрессив и около: конкурирующие глагольные конструкции в амхарском языке*

И. А. Фридман

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет;
fridman_iosif@mail.ru

1. Постановка проблемы

Современный амхарский язык характеризуется обилием аналитических глагольных конструкций, передающих весьма тонкие аспектуальные и временные, а подчас и модальные семантические различия. Не все из этих семантических различий до сих пор получали адекватную трактовку в научной литературе, посвящённой вопросам амхарской грамматики. В частности и в особенности сказанное справедливо по отношению к нескольким глагольным конструкциям, обслуживающим семантическую сферу прогрессива и смежных с ним аспектуальных значений.

Приведём только два из наиболее авторитетных на сегодняшний день определений граммема прогрессива. Одно из них принадлежит В. А. Плунгяну: «язык может маркировать срединную фазу только у таких ситуаций, для которых противопоставление начальной, срединной и конечной фаз может быть релевантно, т. е. у процессов (и особенно у предельных процессов)... Значение “динамической” длительности обычно называется *прогрессивом* — в отличие от *дуратива*, обозначающего срединную стадию у ситуаций любого типа» (Плунгян 2011: 294). Ещё одно определение было дано Бернардом Комри: «...мы можем дать общее определение прогрессивности как сочетания прогрессивного значения и нестативного значения» (Comrie 1976: 35). Итак, можно видеть, что граммема прогрессива обозначает срединную фазу развёртывания обозначаемой предикатом ситуации, но только у таких глаголов, которые выражают ситуации

* Автор выражает сердечную благодарность преподавателю амхарского языка А. П. Ренжину (МГЛУ) за неоднократные обсуждения вопросов, связанных с темой настоящей статьи, М. С. Булах (ИКВИА ВШЭ), Я. Н. Гутгарцу (ИВ РАН), а также г-же Деста Кокебе Мулугета, выступившей в роли информанта. За все теоретические ошибки и неточности в подаче материала в статье несёт ответственность исключительно автор.

динамические, а не тождественные самим себе в каждый момент времени статические ситуации. В дальнейшем мы будем придерживаться именно такого понимания термина «прогрессив».

Обратившись к претендующим на полноту охвата и интерпретации материала грамматикам амхарского языка, мы сможем заметить, что их авторы трактуют сразу несколько аналитических конструкций как прогрессивные либо очень близкие по своей семантике к прогрессиву. Речь идёт прежде всего о наиболее полной на сегодняшний день грамматике В. Леслау (Leslau 1995), а также о грамматике Й. Хартманна (Hartmann 1980), существенно уступающей первой по полноте, и о грамматике Е. Г. Титова (Титов 1991).

Из-за ограничений по объёму в настоящей статье мы сможем проанализировать семантику только двух таких конструкций, наиболее часто встречающихся в текстах¹. Для удобства рассмотрения представим релевантные данные названных выше грамматик в виде таблицы²:

Аналитическая конструкция	Описание семантики у Й. Хартманна	Описание семантики у Е. Г. Титова	Описание семантики у В. Леслау
аууä + претерит + связка: аууäsärra näw	отсутствует	«...аналитическое время типа аууäsärra näw (näbbär)... синонимично времени типа sisärra näw (näbbär)» (Титов 1991: 129)	«...expresses an action in process, a progressive and also continuous action...» (Leslau 1995: 664)
предлог bā- + инфинитив + послелог lay + связка: bā-mäsrat lay näw	Включена в число «Verbalgefüge, deren Hilfsverb den Verlauf einer gegenwärtigen oder vergangenen Handlung bezeichnet (progressive Aktionsart)» (Hartmann 1980: 208)	отсутствует ³	«...expresses an action that is in the process of being done, or a continuous present» (Leslau 1995: 409–410)

Таблица 1. Описание семантики аналитических конструкций с «условно прогрессивным» значением в некоторых грамматиках амхарского языка

¹ В дальнейшем автор надеется вернуться к этой теме и исследовать семантику всех конструкций, образующих «прогрессивный домен» в современном амхарском языке.

² В таблице формобразование аналитических конструкций продемонстрировано на примере глагола *särra* ‘работать, делать’.

³ Данная аналитическая конструкция упомянута в грамматике Титова, однако описания её семантики фактически не приведено, если не считать характеристику этой конструкции как «длительного времени» (Титов 1991: 131).

Как можно видеть, все приведённые определения страдают некоторой расплывчатостью формулировок — у читающего их лингвиста-типолога создаётся впечатление, что он имеет дело с семантической зоной, которая смутно определяется как «прогрессивная», однако внутри которой не установлены (и не поддаются установлению?) чёткие семантические дистрикции. Мы попытаемся продемонстрировать, что обеим вышеприведённым конструкциям вполне можно дать более чёткое семантическое определение.

2. Конструкция вида *əyyäsärra näw*

Эта конструкция состоит из формы претерита полнозначного глагола, к которой добавлен префикс *əyyä-*, и бытийной связки⁴. Связка обыкновенно не спрягается, так что всё словоизменение осуществляется за счёт формы полнозначного глагола. При самостоятельном употреблении форма *əyyäsärra* выполняет прежде всего функцию деепричастия одновременности⁵. Сочетание деепричастия одновременности и связки в рамках единой конструкции реализует значение прогрессива, которое является основным и фактически единственным значением рассматриваемой конструкции, весьма часто употребляемой в литературном языке. Примеры⁶:

(1) *mən əyyä-tākahed-ä n-äw*
 что SIMCONV-происходить.PST-3SG.M COP.PRES-3SG.M
 ‘Что происходит?’

(2) *sämma-h antä säw kābt-očč-aččən*
 слышать.PST-2SG.M ты человек скот-PL-1PL.POSS
əyyä-ṭäṭṭ-u n-äw
 SIMCONV-пить.PST-3PL COP.PRES-3SG.M
 ‘Эй ты, слышишь? Наш скот пьёт (сейчас, в момент речи)!’

⁴ В амхарском языке есть ещё локативная связка *allä*, восходящая к общеэфиосемитскому *verbum existendi*.

⁵ Simultaneity converb в терминологии авторов сборника Haspelmath, König (eds.) 1995.

⁶ В большинстве случаев примеры взяты из собрания сказок народов Эфиопии, размещённого в Интернете по адресу: <http://www.ethiopianfolktales.com>. Для примеров, взятых из других источников, источник указывается в скобках сразу после примера. В некоторых случаях в целях экономии места пример приводится не полностью, расширенный контекст даётся в угловых скобках при переводе.

- (3) *anči gən tamami = nna bəččəŋna əyyä-hon-š n-äw*
 ты.F но больной=и одинокий SIMCONV-становиться.PST-2SG.F COP.PRES-3SG.M
 ‘Но ведь ты **становишься** (всё более) больной и одинокой’.

Конструкция *əyyäsärra näw* ожидаемым образом практически не употребляется со стативными глаголами. В текстах на амхарском языке подчас можно встретить предложения, на первый взгляд опровергающие этот тезис; однако при более тщательном рассмотрении выясняется, что в данном случае перед нами не стативный, а динамический предикат, ср. следующий пример:

- (4) ... *täsfä əyy-adärräg-hu n-äw*
 надежда SIMCONV-делать.PST-1SG COP.PRES-3SG.M
 ‘Я **надеюсь**, < что Вы не лишите меня своей поддержки и быстро разрешите мой вопрос >’ (Титов 1991: 129).

Ожидалось бы, что глагольная лексема со значением ‘надеяться’ не будет поставлена в форму прогрессива. Дело, однако, в том, что специальной глагольной лексемы с таким значением в амхарском языке нет, и понятие ‘надеяться’ стандартно выражается лексикализированным сочетанием существительного ‘надежда’ и глагола ‘делать’. Последний же по своей семантике, безусловно, является глаголом динамическим и как таковой вполне совместим с граммемой прогрессива.

3. Конструкция вида *bä-mäsrat lay näw*

Эта аналитическая конструкция образована на базе инфинитива полнозначного глагола (в случае с лексемой ‘работать, делать’ это форма *mäsrat*), обрамлённого предложно-последовательным сочетанием *bä... lay*, обычно указывающим на локализацию на какой-либо, чаще всего горизонтальной, поверхности (‘на, сверху’). Вспомогательным глаголом служит связка, которая, в отличие от ранее рассмотренной конструкции, является здесь полноспрягаемой. Как можно видеть из сказанного, эта конструкция достаточно ярко реализует локативную метафору аспектуального значения длительности действия. По мнению авторов известной коллективной монографии Bybee et al. 1994, диахроническим источником всякой или почти всякой истинно прогрессивной глагольной формы служит перифрастическая конструкция с исходно локативной семантикой⁷. Каза-

⁷ Стоит привести здесь по меньшей мере два весьма значимых высказывания авторов этой книги: «...the original function of the progressive is to give the location of an agent as in the midst of an activity» (Bybee et al. 1994: 133); «...one strong hypothesis

лось бы, налицо все основания для постулирования прогрессивного значения конструкции *bä-mäsrat lay näw*.

Данная конструкция встречается в текстах существенно реже, чем «классический» прогрессив *əyuäsärra näw*, что может свидетельствовать о её более позднем происхождении. В обследованном нами материале в конструкции *bä-mäsrat lay näw* чаще всего встречаются глаголы движения, однако есть примеры и на употребление глаголов с иной семантикой. Эта конструкция также чаще всего употребляется в зависимых предикациях⁸, где вспомогательный глагол-связка *näw* вытесняется другим вспомогательным глаголом *allä* ‘иметься в наличии, существовать, находиться’. Практически все примеры, почерпнутые из эфиопских сказок, демонстрируют прогрессивную семантику без каких-либо значимых нюансов:

- (5) *ləʔul=u* ***bä mäzzäwawär*** ***lay s-all-ä***
 принц=DEF LOC прогуливаться.INF на TEMP-иметься.PRES-3SG.M
 ‘<И вот однажды,> когда принц **прогуливался**, <он увидел очень красивую пастушку>’.
- (6) *säläzzih wändämm-aččäw=ən gädl-äw* *wädä mäkabər.bota-w*
 поэтому брат-3PL.POSS=DO убивать.ANTCONV-3PL на кладбище-DEF
wäsd-äw ***bä mäkbär*** ***lay s-all-u...***
 брат.ANTCONV-3PL LOC хоронить.INF на TEMP-иметься.PRES-3PL
 ‘Поэтому когда они, убив своего брата и взяв (труп) на кладбище, **хоронили** (его)...’

Семантические нюансы употребления данной конструкции, однако, можно найти, если обратиться к текстам иных жанров, например, к беллетристике или журналистской прозе. Покажем это лишь на двух примерах:

- (7) *ahun* *bäkarbu ... yä-tä-bal-ä*
 сейчас недавно REL-PASS-сказать.PST-3SG.M
täzägažt-o ***bä mättatäm*** ***lay***
 быть.подготовленным.ANTCONV-3SG.M LOC печатать.PASS.INF на

for sources of progressives would be that a progressive involving a stative auxiliary always derives from a construction which originally included an element with locative meaning» (Bybee et al. 1994: 131).

⁸ Это вполне закономерно, так как в зависимых клаузах конструкция *bä-mäsrat lay näw* кодирует событийный фон, на котором разворачивается основная ситуация, обозначенная матричным предикатом. Данную особенность употребления этой конструкции специально отметила и наш информант.

y-all-ä *mähon-u = n* *b-ə-nägr-aččāw...*
REL-иметься.PRES-3SG.M быть.INF-3SG.M.POSS = DO COND-1SG-говорить.PRES-3HON.OBJ
‘Если я скажу ему, что совсем недавно книга под названием <...>⁹ подготовлена и находится в печати...’ (МТ 9)

- (8) ... *bä malät* *lay n-äw*
LOC говорить.INF на COP.PRES-3SG.M
‘<Теперь Абди (уже) не чистит обувь. Он стал учеником школы высшей ступени.> Он **говорит**: <«Выучившись на доктора, я стану хорошим врачом, как мой взрослый друг, и буду лечить несчастных больных»>’ (DSD 37).

Ситуация печатания книги в (7), разумеется, не означает, что книга печатается именно и строго в момент речи. Равным образом, ситуация «говорения» героя в (8) не означает, что он произносит вышеуказанные фразы именно в момент речи. Гораздо скорее и книга печатается, и фразы произносятся, так сказать, around now¹⁰, в момент речи, «растянутый» настолько, что он практически совпадает с «неопределённым настоящим»¹¹.

4. Заключение

У двух рассмотренных конструкций существует значительная область семантического совпадения: обе они в качестве центрального компонента своего значения имеют обозначение развёртывания ситуации в момент речи. Однако сам этот «момент речи» в двух случаях может заметно различаться: если основное значение конструкции *əyäsärra näw* — это прототипический прогрессив, то в случае с *bä-mäsrat lay näw* мы иногда имеем дело фактически с «растянутым» моментом речи, причём степень его «растянутости» обуславливается каждый раз достаточно широким контекстом высказывания.

Вдобавок к этому семантическому различию в использовании обеих конструкций следует обязательно сказать и об их чисто стилистическом отличии друг от друга: конструкция *əyäsärra näw* широко употребительна

⁹ Название книге дано не на амхарском языке, а на геэзе.

¹⁰ За эту английскую формулировку, по моему мнению, очень удачно отражающую основную семантическую особенность конструкции *bä-mäsrat lay näw*, я приношу благодарность её автору А. П. Ренжину.

¹¹ В грамматиках амхарского языка, изданных в прошлом столетии в Эфиопии, семантика данной конструкции и характеризуется как «неопределённое настоящее время», совпадая в таком качестве с одним из значений амхарского презента-футурума *yäsärrall*.

во всех стилях речи, включая (и даже в особенности) разговорный; что же касается конструкции *bä-mäsrat lay näw*, то она используется преимущественно в книжной (прежде всего официально-деловой и журналистской) речи.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ANTCONV — деепричастие предшествования; COND — подчинительный союз с условным значением; COP — связка; DEF — определённый артикль; DO — показатель определённого прямого дополнения; F — женский род; HON — гонорифическая форма; INF — инфинитив / имя действия; LOC — предлог с общим значением места; M — мужской род; OBJ — объектный местоименный согласователь в составе глагольной словоформы; PASS — пассивный залог; PL — множественное число; POSS — суффиксальное притяжательное местоимение; PRES — презенс-футурум; PST — претерит, общее прошедшее время; REL — показатель генитивной синтаксической связи у имён и релятивной формы у глаголов; SG — единственное число; SIMCONV — показатель деепричастия одновременности; TEMP — подчинительный союз с временным значением.

Источники

- DSD — Nasrin Zigä (azzägaṣ). *Dännäṣi, Saron, dännäṣi, ännä leloččəmm yä-həṣənat tarikočč.* Addis Abäba: Goethe-Institut, 2013 (Насрин Зиге (сост.). «Танцуй, Сарон, танцуй» и другие рассказы для детей. Аддис-Абеба: Институт им. Гёте, 2013).
- MT — Mängəstu Lämna 1959. *Məṣṣafä təzzəta zä?aläḳa Lämna Haylu Wäldä Tarik.* Addis Abäba: Wəhanənnä Sälam (Мэнгысту Лемма. *Книга воспоминаний священника Лемма Хайлю Вольдэ-Тарика.* Аддис-Абеба: изд-во «Свет и мир», 1966/67 по европ. летоисчислению).
- <http://www.ethiopianfolktales.com>

Литература

- Плунгян В. А. 2011. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира.* М.: РГГУ.
- Титов Е. Г. 1991. *Грамматика амхарского языка.* М.: Наука. Главная редакция восточной литературы.
- Bybee J. L., Perkins R., Pagliuca W. 1994. *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world.* Chicago; London: Chicago University Press.
- Comrie B. 1976. *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Hartmann J. 1980. *Amharische Grammatik (Äthiopistische Forschungen, Bd. 3).* Wiesbaden: Steiner.
- Haspelmath M., König E. (eds.). 1995. *Converbs in cross-linguistic perspective. Structure and meaning of adverbial verb forms — adverbial participles, gerunds (Empirical Approaches to Language Typology, v. 13).* Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
- Leslau W. 1995. *Reference grammar of Amharic.* Wiesbaden: Harrassowitz.

A note on the relative future in Russian

Atle Grønn

University of Oslo; atle.gronn@ilos.uio.no

Everybody agrees that Russian has relative tenses, but their licensing and the restrictions on their use remain rather mysterious. In this snippet, I will draw attention to examples of an apparently unexplored, deeply embedded relative future (...*велел её наблюдать его до того, как сам осмотрит его*), which I showed to professor Plungian in Nizhnij Novgorod in 2013. Judging from his reactions back then, he found the data intriguing and worthy of further investigations.

1. Background assumptions

The distinction between deictic (absolute; independent) and non-deictic (relative; dependent) tenses is well-known. In the Slavic world, the latter is often referred to as the study of taxis (Jakobson 1990 [1957]). The interest in relative tense in Russian is furthermore corroborated by the fact that Russian tenses typically have a relative interpretation in finite complements:

(1) *Дядя пообещал₁ ему, что в самое ближайшее время его посадят₂ в тюрьму* (Улицкая, from Grønn, von Stechow 2010).

The embedded future event of putting him in jail, say at a time t_w^2 , cannot be deictic (now $< t_w^2$), but must be forward shifted relative to the subject's intensional promise in the past (promise made $< t_w^2$). The best possible worlds according to the uncle's speech act at some time in the actual past are the ones where the guy will be put in jail shortly after the promise was made.

For simplicity, I will here use a toy representation of the relevant temporal interplay between morphology and semantics. My assumptions are the following:

- (i) Tenses express relations between two times/intervals.
- (ii) Leaving the present tense aside, the possible tense relations for finite tenses are:
 - (iia) Past: $t < T$ -center
 - (iib) Future: $t > T$ -center

- (iii) Variables such as t^1 , t^2 etc. are what we usually call the reference time of the verb. The T-center, the temporal center, is like a temporal pronoun (sometimes also called the evaluation time or perspective point) in finite tenses. The denotation of the T-center is responsible for the distinction between deictic and relative tenses. When the T-center is the utterance time 'now', the tense is deictic.
- (iv) Reference times in intensional (modal) contexts have a subscript w: t^1_w , t^2_w etc.

I will skip all the usual lambdas, quantification and other complications, which are not strictly necessary for the points made here. My representation of the embedded relative future in (1) should hopefully be self-explanatory:

(1') Matrix [$t^1 < \text{now}$]

Complement [T-center $< t^2_w$ & T-center = the uncle's subjective now_w , located at the beginning of his promise worlds]

2. Restrictions on the relative future

Given the presence of a relative future in Russian, one would, contrary to the facts (= judgements of native speakers), expect the construction in (2) with its analysis in (2') to be OK:

(2) ??*Она наблюдала₁ Шапошникова до того, как Платонов сам осмотрит₂ его.*

(2') Matrix [$t^1 < \text{now}$] & t^1 BEFORE the time at which

Adjunct [$t^2 > \text{T-center}$ & T-center = t^1]

The analysis makes perfect sense semantically, i.e. the future in the temporal adjunct is forward shifted with respect to the past reference time of the matrix ($t^2 > t^1$), mimicking the meaning of the complex temporal preposition *до того, как*. However, the accepted Russian construction is the deictic one with two independent tenses:

(3) *Она наблюдала₁ Шапошникова до того, как Платонов сам осмотрел₂ его.*

(3') Matrix [$t^1 < \text{now}$] & t^1 BEFORE the time at which

Adjunct [$t^2 < \text{T-center}$ & T-center = now]

Thus, Russian does not show unrestricted use of relative tenses. A fully principled explanation is missing in the literature, but the generalization, as a first approximation, seems to be that in purely extensional and episodic environments subordinate tense is deictic, i.e. independent of matrix tense (Grønn,

von Stechow 2012, Сай 2016). Informally, what seems to be the case is that there is no operator in (2)–(3) which can reset the T-center in the temporal adjunct. The speaker's utterance time remains the T-center, hence the unavailability of a relative future tense.

Note that temporal adverbial *before*-clauses can be non-veridical. However, even in these intensional contexts when the event in the adjunct does not occur in the actual world, Russian prefers a deictic past:

- (4) *Штюлер умер до того, как завершил (?завершит) проект* (Grønn, von Stechow 2012).

Alternatively, one can insert a modal, but again the tense of the modal is a deictic past in a construction with two independent past tenses (*умер, смог*):

- (5) *Караваджо умер до того, как смог (?сможет) представить эту картину* (cf. Grønn, von Stechow 2012).

It appears that the intensional operator must be located in the higher clause (matrix) in order to license a relative future in the temporal adjunct. This leads us to the next section.

3. Relative future embedded in intensional contexts

Here is the original on which examples (2) and (3) are based:

- (6) *Военврач Платонов обещал отпустить ее, но велел_{1a} наблюдать_{1b} Шапошникову до того, как Платонов сам осмотрит₂ его* (Гроссман).

The semi-formal analysis of the forward shifted future under a past matrix is the following:

- (6') Matrix_velel [$t^{1a} < \text{now}$]
 Matrix_nabljudat' [$t^{1b}_w > t^{1a}$] & t^{1b}_w BEFORE the time at which
 Adjunct [$t^2_w > \text{T-center}$ & $\text{T-center} = t^{1b}_w$]

The clue to an understanding of the construction is to be found in the semantics and syntax of the matrix verb *велел*. Syntactically, the verb combines with an infinitive complement. Although non-finite verb forms (*наблюдать*) do not have morphological tense, they still have a temporal interpretation, their own reference time, which is typically induced by the governing verb.

To command (*велеть*) is a speech act in which the subject has the necessary authority to exert pressure on another participant in the situation with the intention of forcing the latter to perform an action (here: *наблюдать Шапошникову*). Obviously, the action to be performed in the best possible worlds

for the commander must occur after the order itself, hence the forward shifting of the reference time of the infinitive ($t_w^{1b} > t^{1a}$). Thus, baked into the semantics of *command* (*велеть*) we can have a covert relative future, as in (6'). For this future (“taxis”), a deictic T-center is a priori excluded, since the forward shift is not overtly expressed by a morphological tense.

Finally, in the temporal adjunct in (6)–(6'), we have a forward shift with respect to the infinitive of the matrix: $t_w^2 > t_w^{1b}$. In other words, we get the following temporal ordering, where the two last events occur inside an intensional context: *велел* < *наблюдать* < *осмотрит*.

Here is the analysis of another similar example from Grossman's novel “Life and Fate”:

(7) *Женя пробиралась на кухню, когда все спали, а утром старалась_{1a} умыться_{1b} до того, как проснутся₂ жильцы* (Гроссман).

(7') Matrix_staralas' [$t^{1a} < \text{now}$]

Matrix_umyvatsja [$t_w^{1b} \subseteq t^{1a}$] & t_w^{1b} BEFORE the time at which

Adjunct [$t_w^2 > \text{T-center}$ & $\text{T-center} = t_w^{1b}$]

The explanation for (7)–(7') is similar to (6)–(6'), but there are obviously some differences between the intensional operators *велел* and *старалась*. I assume that the imperfective/habitual *старалась* provides a large reference time in the past, which includes subintervals (reference times for the infinitive, here shortened to the notation $t_w^{1b} \subseteq t^{1a}$) at which Zhenja washes herself. The quantificational structure of the habitual construction is not spelled out, but the important point is that the washing events occur in an intensional context. How often Zhenja actually succeeded in washing herself when she intended to, is unknown to the reader. Again, the event in the temporal adjunct, marked with future tense, is forward shifted with respect to the reference time of each potential washing event.

Apart from some mention in Grønn, von Stechow 2012 I am not aware of any discussion of this construction in the literature. The Russian reference grammar (Шведова (ред.) 1980) provides an interesting example without addressing the puzzling properties of the construction. I quote *in extenso* (I have added the subscripts):

(8) §2972. В наиболее общем виде признак предшествования выражается союзом *до того как*: *Валя должна_{1a} была сопровождать_{1b} отца до того, как начнет₂ светать* (Фадеев).

The temporal ordering is as in (6), with a covert forward shift from the past modal into the infinitive complement: *должна* < *сопровождать* < *нач-*

нет. The embedded future can obviously not be deictic since the beginning of the dawning can occur before the utterance time. In our simplified formalism, the analysis is the following:

- (8') Matrix_dolzha byla [$t^{1a} < \text{now}$]
 Matrix_soprovozhdat' [$t_w^{1b} > t^{1a}$] & t_w^{1b} BEFORE the time at which
 Adjunct [$t_w^2 > \text{T-center}$ & $\text{T-center} = t_w^{1b}$]

We conclude from examples (6)–(8) that Russian has a deeply embedded relative future in a temporal *before*-adjunct under a modalized/intensional past. The modal/intensional operator controls/shifts the reference time of its infinitival complement. This reference time is the first temporal argument of *before* (δo) while the reference time of the temporal adjunct is the second argument of the temporal preposition. Hence, *before* (δo) encodes the relation $t_w^{1b} < t_w^2$, which is the same configuration encoded by the relative future: $t_w^2 > t_w^{1b}$.

References

- Grønn A., von Stechow A. 2010. Complement Tense in Contrast. The SOT parameter in Russian and English. *Oslo Studies in Language*, v. 2, n. 1, 109–153.
- Grønn A., von Stechow A. 2012. Adjuncts, attitudes and aspect: Some additions to a tense theory for Russian. *Oslo Studies in Language*, v. 4, n. 1, 263–304.
- Jakobson R. 1990 [1957]. Shifters and verbal categories. In: Roman Jakobson. *On language*. Edited by L. R. Waugh, M. Monville-Burston. Cambridge, MA: Harvard University Press, 386–392.
- Шведова Н. Ю. (ред.). 1980. *Русская грамматика*. М.: Наука.
- Сай С. С. 2016. Время в русских финитных сентенциальных актантах: нейтрализация и точка отсчета. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН*, вып. X, 256–274.

Отрицание отрицания как стратегия грамматикализации

В. Ю. Гусев

Институт языкознания РАН; valentin.gusev@iling-ran.ru

В настоящей статье — не рассчитывая, разумеется, сообщить что-либо принципиально новое для юбиляра — мы хотели бы привлечь внимание к одной группе фактов, которые, возможно, покажутся ему интересными¹.

В грамматической типологии известно понятие ирреальности — как этот термин определяется в Плунгян 2004: 15, т. е. не в смысле грамматической категории, а в смысле семантического компонента «ситуация не принадлежит реальному миру». Северносамодийские языки интересны (среди прочего) тем, что демонстрируют необычную — во всяком случае, для этой части света — предрасположенность к грамматикализации этого компонента. В их относительно недавней истории как минимум четыре раза независимо грамматикализировались значения, перечисленные ниже, в формы/конструкции с инвертированной полярностью — т. е. исходно утвердительные в отрицательные, а исходно отрицательные в утвердительные:

- вопрос;
- дубитатив;
- контрфактичность;
- будущее время;
- сравнение ('как', 'как будто').

С другой стороны, далеко не все представленные в этих языках ирреальные граммы пережили такую эволюцию (примеры будут приведены в конце статьи).

¹ Автор статьи благодарит редколлегию за приглашение участвовать в сборнике и за замечания, которые значительно улучшили статью.

Напомним, что северносамодийская группа включает в себя пять основных идиомов — ненецкий лесной и тундровый, энецкий лесной и тундровый и нганасанский — и сама входит в самодийскую ветвь уральской языковой семьи.

1. Отрицание + вопрос → утверждение

Конструкции этого типа были подробно рассмотрены нами в другом месте (Гусев 2020), поэтому здесь мы проиллюстрируем их по возможности кратко. С другой стороны, именно они наиболее характерны для северносамодийских языков и представлены во всех из них.

В примере (1а) представлен обычный отрицательный вопрос; в примере (1б) та же конструкция выражает утверждение.

(1) НГНАСАНСКИЙ

а. *Id'a, ní-ŋi-ŋ d'ari-ʔ? — Ní-ndi-m, ŋuə-ńə ńaagəə-ʔ.*
 папа NEG-INTERR-2SG.S болеть-CN NEG-PRAES-1SG.S нога-PL1SG хороший-PL
 'Папа, ты не болен? — Нет, ноги у меня в порядке' (KES_080721_Disease_flkd 225–226)².

б. *Əiʔ, ŋamiaj munu-ʔə, mŋŋ-gümü-nə l'üasitə-muŋ-kəl'itə*
 эй другой сказать-PF я-то-1SG говорить.по-русски-NMLZ-EMPH
d'eru-tu-m. Təgətə ní-ŋi-ŋ t'eni-ʔ, tənə
 не.знать-PRAES-1SG.S потом NEG-INTERR-2SG.S знать-CN ты
konj-bi-tə əŋi maə-rə kuniʔa i-ŋu?
 пойти-COND-2SG PTCL что-2SG как быть-INTERR
 'Эй, другой говорит, я же даже по-русски не умею говорить. Ты ведь умеешь, почему бы тебе не пойти?' (PKM_93_Njisyme_flk 53–54).

Как можно заметить, *ńiŋiŋ t'eniʔ* в (1б) представляет собой не просто сообщение, но отсылку к информации, уже известной слушателю. Это является характерной чертой всех форм и конструкций, рассматриваемых в данной статье. Они все имеют тот или иной оттенок смысла, отличающий их от простого утверждения (и поэтому, в частности, не конкурируют с обычными утвердительными конструкциями). В большинстве случаев это именно факты, которые говорящий полагает известными³, хотя другие варианты тоже возможны.

В ненецком и энецком языках подобные конструкции также представлены, но имеют два формальных отличия. Во-первых, ненецкий и энецкий не имеют особой вопросительной формы в настоящем времени, поэтому

² Нганасанские примеры взяты из корпуса текстов «Spoken Nganasan Language Corpus» (Вукіна et al. 2018). Ссылки на текст включают его название в корпусе и номер предложения.

³ Их можно было бы называть «прагматической пресуппозицией» в терминологии Lambrecht 1994: 52 с тем уточнением, что К. Ламбрехт говорит о пресуппозиции и ассерции только в пределах предложения.

здесь «вопросительное происхождение» этой конструкции не видно; впрочем, обязательный показатель интеррогатива в прошедшем времени и факты нганасанского языка демонстрируют это происхождение со всей очевидностью.

Во-вторых, в ненецком и энецком языках вопросительно-отрицательные конструкции в значении утверждения должны употребляться с частицей типа нен. -м” (с синхронной точки зрения, возможно, стоит говорить об отдельной «контрастивной» серии окончаний, которая возникла из слияния лично-числовых аффиксов с этой частицей); эта же частица употребляется в предположениях, альтернативных вопросах, с формой т. н. репутатива, обозначающего «низкую вероятность действия» (см. про ненецкий Nikolaeva 2014: 121–123, про энецкий Шлуинский 2010). Ср. пример:

(2) ТУНДРОВЫЙ НЕНЕЦКИЙ

Сене’ ня-нта ни-ся-дам” ман-”, ни-хо-ва” хань-”.
 раньше к-LAT3SG NEG-INTERR-1SG.S.CONTR сказать-CN NEG-IMP-1PL.S ехать-CN
 [Чиканта нгэя, харта серта нив” нга” . Мунггаха” ни нись надм”.]
 ‘Я ведь говорила мужу: не надо нам ехать’ [Теперь уж ладно, сам он виноват. Он меня не послушался] (Лабанаускас 1995: 171–172, 178).

Отсылка к заведомо известной информации, обычно с целью аргументации, — типичное употребление вопросительно-отрицательных конструкций в нганасанском, энецком и тундровом ненецком языках. В лесном ненецком С. И. Буркова (2008) говорит об «экспрессивно усиленном утверждении».

2. Отрицание + другая ирреальная граммема → утверждение

В нганасанском языке конструкция, рассмотренная выше, возможна не только в интеррогативе, но и в некоторых других формах. Наиболее частая среди них — пробабилитатив, который сам по себе употребляется для выражения незнания или неуверенности, а с отрицанием чаще всего — в репликах подтверждения, согласия со словами собеседника.

(3) НГАНАСАНСКИЙ

Тэ kundu-² ní-lj-tə’, hiimti-kü-min-tə.
 ну уснуть-CN NEG-PROB-3PL.S вечер-DIM-NMLZ-LAT
 ‘[Остановившись, сварив (еду) поели и легли спать.] — Конечно лягут спать, раз поздно’ (ChND_080722_TwoFriends_flk 221–222).

С будущим временем индикатива такое употребление тоже возможно, хотя редко — намного чаще будущее время с отрицательным глаголом

употребляется все же в отрицательном значении. Заметим, что в примерах, подобных (4), нет никаких сегментных различий между утвердительным и отрицательным значением:

(4) НГНАСАНСКИЙ

Maа, kađaśii-tii-mii² tə², kaŋkəriai² ŋi-siđə-mi² taikə-².
 что быть.рядом-PRAES-1PL.S PTCL когда.угодно NEG-FUT-1PL.S пить.чай-CN
 ‘Рядышком сидим ведь, в любое время чай попьем’ (MVL_Djajku2_flkd 44).

Наконец, отрицание с контрфактической⁴ формой в утвердительном значении специализировалось в функции мягкого императива и выражения намерения в 1 лице (эти функции присутствуют и у обычного контрфактива наряду с его прямым значением):

(5) НГНАСАНСКИЙ

ŋuta-đi-ŋii² ŋi-hiaađə-mi² ŋunia-²
 ягода-DEST-ACC.PL1PL NEG-CTRF-1PL.S собрать-CN
 ‘Ягоды бы нам себе собирать’ (TKF_061023_SmallBird_flks 616).

Обратимся теперь к другой группе фактов — из энецкого языка. В тундровом энецком языке есть суффикс, который мы будем здесь называть дубитативом. Все известные его примеры были приведены в работе Siegl 2014. Сложность состоит в том, что, не считая употреблений с отрицательным глаголом, он ни разу не засвидетельствован в тексте; помимо отдельных форм, максимум, что у нас есть, — это несколько предложений в грамматическом очерке К. И. Лабанаускаса (2002: 60–61), происхождение которых неизвестно. Насколько можно судить по ним, этот суффикс обозначает «эпистемическую невозможность или сомнение» (Плунгян 2011: 435):

(6) ТУНДРОВЫЙ ЭНЕЦКИЙ

Me-kone aa-ba² fio-hone miuro fone-miŋa-ba².
 чум-LOC быть.PRAES-1PL.S снаружи-LOC что делать-DUB-1PL.S
 ‘Мы находимся в чуме, что нам делать на улице?’

(7) ТУНДРОВЫЙ ЭНЕЦКИЙ

Śiđe tia uđa miī ae kudaxa o-đii a-iŋe-ni,
 два олень мясо что быть.INF долго съесть-PT.PRAET съесть-DUB-1DU.OPL

⁴ Форму на *-haađə/-hiaađə* принято называть ирреалисом, ср., например, Wagner-Nagy 2019: 255–256, но чтобы избежать смешения с ирреальностью как более общим понятием, в этой работе мы будем называть ее контрфактической (CTRF).

тего от-е-пи.

быстро съесть-PRAES-1DU.OPL

‘Разве мы долго могли есть мясо двух оленей, мы быстро съели’.

Однако этот суффикс очень активно употребляется с отрицательным глаголом, и, по-видимому, только это его употребление сохранилось к настоящему времени в тундровом энецком языке (*i-ije-*), а в лесном вообще только оно и известно (*i-ŋi-*). Поскольку иные его употребления забылись, можно говорить о самостоятельном вспомогательном глаголе, который «используется для выражения неизбежных ситуаций, являющихся частью естественного хода событий» (Ханина, Шлуинский 2012: 118). Пример из той же работы иллюстрирует его употребление:

(8) ТУНДРОВЫЙ ЭНЕЦКИЙ

ker-tu? baza-du? i-ije-zu? kamaza-gu-?

свой-3PL язык-ACC3PL NEG-DUB-3PL.O понять-IMPF-CN

‘Свой язык они, конечно, понимают’.

3. Частный вопрос → отрицание

Как мы видели, для утверждения заведомо известного факта может использоваться сочетание отрицания с одной из ирреальных граммем, чаще всего — с общим вопросом. Симметричным способом указать на заведомо известное отсутствие чего-либо был бы просто общий вопрос, т. е. конструкция типа «верно ли, что Р», употребленная в значении «не-Р». Однако простые вопросы так не употребляются (по очевидным, как кажется, прагматическим причинам); в нганасанском языке для этого используются частные вопросы с соответствующим вопросительным словом и часто также с эксплетивным *маа* ‘что’, например:

(9) НГНАСАНСКИЙ

Маа кунидэ косэра²а турку-гүэ д’эру-тэ-ŋу.

что откуда сухой озеро-EMPH не.знать-FUT-INTERR

‘Он должен знать это засыхающее озеро («как будет не знать про это озеро»)’ (JDH_00_Fosterling_flkd 58).

(10) НГНАСАНСКИЙ

Оу², тэ һојтэгээ, маа кунидэ һэдэ-тэ-ŋу-мэ, һиим-и²э тэ,

о PTCL темно что откуда найти-FUT-INTERR-1SG.S стемнеть-PF PTCL

һонээ д’умэда²и-м-и²э-гэл’итэ.

еще снегопад-VBLZ-PF-EMPH

‘О, темно, я ее не найду («где я ее найду»), стемнело ведь, и даже начался снегопад’ (JDH_00_Njaakju_flkd 39).

Можно предположить, что вспомогательный глагол со значением ‘ведь не; конечно, нет’, представленный в энецком (эн. Т *boŋi-*, Л *buŋi-*) и ненецком (нен. Т *wuŋi-*) языках (см. Ханина, Шлуинский 2012: 116–117, Siegl 2013: 311–312, Nikolaeva 2014: 281), восходит к сочетанию типа эн. Л *obu kuŋi* ‘что’ + ‘как’ с аллегривым сокращением в *buŋi* и превращением во вспомогательный глагол по семантической и фонетической аналогии со стандартным вспомогательным глаголом *ŋi-*; в дальнейшем этот глагол мог распространиться из лесного энецкого, который ранее находился более или менее в центре ненецко-энецкой территории, в районе Мангазеи, на соседние диалекты.

4. Сравнение → отрицание

В нганасанском языке имеется послелог *mantə* ‘как’. Но помимо обычного значения сравнения, он может означать отрицание, как в следующих примерах:

(11) НГНАСАНСКИЙ

- а. *Tə-kəi-tə tə-tə tə maa təŋəd'a-²a-gümü tēsi-ti-ti mantə*
 тот-DU-PL2SG ну-ну ну что лето-AUGM-EMPH холодно-NMLZ-GEN3SG как
 [Один персонаж предупреждает другого: «Не ночуй в том доме, там тебя убьют. Давай отойдем подальше».] ‘Ну они... что, летом-то ведь разве холодно’. [Они отошли в сторону, устроились на ночлег на улице.]
- б. *Təə tūihə-ni maa təŋkə-tu mantə*
 тот время-LOC что нехватка-GEN3SG как
 ‘Тогда у нас все было’.

Как и *mantə* сравнения, *mantə* отрицания сочетается только с именами (в том числе с именными формами глагола), оставаясь таким образом в полной мере послелогом. Однако, в отличие от первого, оно обязательно требует личного (по форме — притяжательного) показателя на имени, таким образом, очевидно, делая клаузу «более финитной», поскольку никакого другого финитного элемента — что также уникально для нганасанского языка — в этих конструкциях нет.

Отметим в заключение, что в северносамодийских языках есть значительное количество форм, которые могли бы рассматриваться как ирреальные, но не грамматикализуются в отрицание. Прежде всего, это само отрицание как граммема; кроме того, это многочисленные эвиденциальные и повелительные формы, а также эпистемические, которыми особен-

но богат ненецкий язык, ср. пробабилитатив, суперпробабилитатив, гиперпробабилитатив и др. в терминологии Т. Салминена (Salminen 1997: 110–112); грамматикализация этих форм в конструкции с обратной полярностью, насколько нам известно, не засвидетельствована.

Разумеется, риторическое использование вопросов или сравнительных конструкций (как *Не хлопнуть ли нам по рюмашке?* или *А ты будто не знаешь*) не представляет собой ничего удивительного. Однако приведенные выше примеры иллюстрируют, по необходимости очень кратко, некоторые типологически интересные факты. Во-первых, это пример полной или почти полной грамматикализации таких конструкций. Во-вторых, это свидетельство существования категории ирреальности, которая может сама по себе не быть грамматикализована, но проявляться в эволюции грамматических форм (см. об этом Урманчиева 2004).

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; AUGM — аугментатив; CN — коннегатив; COND — условное деепричастие; CONTR — контрастивные (личные окончания); CTRF — контрфактическое наклонение; DEST — дестинатив; DIM — диминутив; DU — двойственное число; DUB — дубитатив; EMPH — эмфатический суффикс; FUT — будущее время; GEN — генитив; IMP — императив; IMPF — имперфектив; INF — инфинитив; INTERR — вопросительное наклонение; LAT — латив; LOC — локатив; NEG — отрицательный глагол; NMLZ — отглагольное имя; O — объектное спряжение (для ед. ч. объекта); OPL — объектное спряжение для мн. ч. объекта; PF — перфект; PL — множественное число; PRAES — настоящее время; PROB — пробабилитатив; PT — причастие; PTCL — частица; S — субъектное спряжение; SG — единственное число; VBLZ — вербализатор; T — тундровый; L — лесной.

Литература

- Буркова С. И. 2008. Аналитические глагольные формы сказуемого с модальным значением в текстах на лесном диалекте ненецкого языка. *Научный вестник Ямало-Ненецкого АО*. Вып. 6 (58): *Уральские языки севера Сибири*, 104–138.
- Гусев В. Ю. 2020. Разве он дороги не знает: к грамматикализации риторических вопросов в северосамодийских языках. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, т. 16, № 3 (в печати), СПб.
- Лабанаускас К. И. (сост. и переводчик). 1995. *Ненецкий фольклор: Мифы, сказки, исторические предания (Фольклор народов Таймыра)*. Вып. 5). Красноярск.
- Лабанаускас К. И. 2002. *Родное слово: Энецкие песни, сказки, исторические предания, традиционные рассказы, мифы*. СПб.: Просвещение.
- Плунгян В. А. 2004. Предисловие. В сб.: Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). *Исследования по теории грамматики*. Вып. 3: *Ирреалис и ирреальность*. М.: Гнозис, 9–25.

- Плунгян В. А. 2011. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ.
- Урманчиева А. Ю. 2004. Седьмое доказательство реальности ирреалиса. В сб.: Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). *Исследования по теории грамматики*. Вып. 3: *Ирреалис и ирреальность*. М.: Гнозис, 28–74.
- Ханина О. В., Шлуинский А. Б. 2012. Эмфатические отрицательные глаголы в энецком языке. *Вестник ТГПУ*, № 1 (116), 115–121.
- Шлуинский А. Б. 2010. «Контрастивные» глагольные окончания в лесном диалекте энецкого языка. В сб.: С. И. Буркова (ред.). *Материалы 3-й международной конференции по самодистике*. Новосибирск: Любава, 279–291.
- Brykina M., Gusev V., Szeverényi S., Wagner-Nagy B. 2018. *Nganasan Spoken Language Corpus (NSLC)*. Archived in *Hamburger Zentrum für Sprachkorpora*. Version 0.2. Publication date 2018-06-12. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-C6F2-8>.
- Lambrecht K. 1994. *Information structure and sentence form: Topic, focus and the mental representations of discourse referents*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nikolaeva I. 2014. *A Grammar of Tundra Nenets*. Berlin; Boston: Mouton de Gruyter.
- Salminen T. 1997. *Tundra Nenets inflection* (MSFOu 227). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Siegl F. 2013. *Materials on Forest Enets, an indigenous language of Northern Siberia* (MSFOu 267). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Siegl F. 2014. The counterfactive mood in Enets and its origin. *Finnisch-ugrische Forschungen*, 62, 184–206.
- Wagner-Nagy B. 2019. *A grammar of Nganasan*. Leiden; Boston: Brill.

On a minor law of modality and its corollaries

Axel Holvoet

Vilnius University; axel.holvoet@flf.vu.lt

The principle referred to below as a law is actually too restricted in its linguistic relevance to warrant this rather pompous name, but its applicability to human nature in general and the attitudes of language users in particular will be immediately obvious:

- Law: the speaker is always, or mostly, right.
- Corollary I: the optimal epistemic judgement is the one conforming to the speaker's convictions or expectations;
- Corollary II: while the speaker sees things as they are, other people see them as they perversely want to see them.

I will attempt to demonstrate that this principle, and its corollaries, underlie certain hitherto not fully understood strategies for encoding modal meanings.

I have dealt previously with the second corollary, which is reflected in a widespread tendency to depict other people's claims as acts of volition. The use of 'want' in the meaning of 'claim' in referring to other people's claims is widespread at least in European languages, as illustrated from Russian in (1):

(1) RUSSIAN

И именно понятие, а не слово, как этого хотят формалисты, [...] является специфическим содержанием мышления (S. L. Rubinštejn, RNC).

'And it is precisely the notion, and not the word, as the formalists **would have it** [...] that constitutes the specific content of thought.'

This is not just a rhetorical turn: it is also reflected in grammatical constructions. A striking example is the use of 'want' in the meaning of 'claim' in German:

(2) GERMAN

Sie will es selbst gesehen haben.

she want it self see.PART.PST have.INF

'She claims she saw it herself' (lit. 'She wants to have seen it herself') (constructed).

As individual acts of volition are often conveyed by an imperative or hortative, this provides a pathway for imperatives/hortatives to refer to other people's claims. As an example we could cite Slovenian *naj*, a hortative particle (corresponding functionally to Russian *нужь*) that, alongside other functions, has acquired that of a marker of reported speech:

(3) SLOVENIAN

Kmalu naj bi bil znan datum
 soon HORT IRR be.LFORM known.NOM.SG.M date.NOM.SG
predsedniških volitev.
 presidential.GEN.PL election.GEN.PL

'The date of the presidential elections will reportedly soon be known' (Internet).

The details of this development are discussed in Хольфут, Коницкая 2012. A similar development can be assumed in the case of the German modal *sollen*, which has many modal functions but is also used in evidential (reportative) meaning:

(4) GERMAN

Es soll dort sehr schön sein.
 it should.PRS.3SG there very beautiful be.INF

'They say it's very beautiful there' (constructed).

Authors writing on the semantics of *sollen* tend to assume that this verb's pathway from deontic to evidential must have passed through epistemic function. This assumption is natural because epistemic modality and evidentiality are conceptually closely related. But the mechanism consisting in representing other people's claims as acts of volition relies on pragmatics rather than on conceptual affinity. There is of course no close conceptual link between deontic modality and evidentiality. Nor is there, for that matter, between deontic and epistemic modality.

This brings us to the first corollary, which seems to account for certain shifts from deontic to epistemic modality. Shifts from deontic to epistemic modality are controversial. They are well known from the literature, as Traugott (1989) and Langacker (1999) cite them as instances of subjectification. But van der Auwera, Plungian (1998) are not convinced they are really attested, remaining ultimately agnostic about this. At any rate, they do not include a pathway from deontic to epistemic into their semantic map. Ziegeler (2016: 396) lists a number of authors reporting that the languages they work on do not have this source for epistemic modals, and wonders whether it could be restricted to English. This is not quite the case, but it is conceivable that it

is characteristic of Standard Average European. The question is in many cases undecidable because deontic meanings often go together with non-deontic participant-external modality, which is the superordinate notion in van der Auwera, Plungian 1998. Russian *должен*, the etymological meaning of which is ‘indebted’ and whose deontic meaning is therefore primary, can also have non-deontic participant-external meaning, as in

(5) RUSSIAN

Рано или поздно все это должно было кончиться (Sergej Dovlatov, RNC).
‘Sooner or later all this had to come to an end.’

But English *should* certainly has no non-deontic participant-external functions, and the same can be said, e.g., of Polish *powinien*, which has the same etymological meaning ‘indebted’ (shared with both Russian *должен* and English *shall*), and has only deontic and epistemic meanings.

Let us have a closer look at the subjectification account proposed for the pathway deontic → epistemic. Traugott (1989: 41–43) and Langacker (1999: 28) are less than explicit in formulating the mechanism of this change. We may assume that the modal meaning, even though subjectified, must somehow subsist. Consider (6):

(6) *It should be about five o'clock now.*

Subjectification would, in my understanding, consist in a deontic commitment existing in the external world being reinterpreted as a commitment on the part of the speaker. This could be an epistemic commitment, that is, a commitment to claim *y* arising from a belief in *x* if *y* follows from *x*. The explanation would thus amount to saying that on the basis of what (s)he knows the speaker is committed to a certain claim. But in what sense does *should* reflect a commitment? Consider the following examples:

(7) ENGLISH

*They all agreed that it **should** be morning but without anything to give them some indication it could not be determined* (T. Coles, *Spirit Talker*, found through Google).

(8) RUSSIAN

Что же, это всё полночь да полночь, а ведь давно уже должно быть утро? (M. A. Bulgakov, *Master i Margarita*, RNC).
‘What’s that—still midnight while it should have been morning long ago?’

I assume these uses of *should* to be epistemic, as the examples do not assume a deontic norm in the external world to the effect that it should be morning. Yet they do not seem to reflect a commitment, as both sentences reflect

situations where an epistemic judgment is, at the light of additional evidence, either found undecidable or rejected. In fact, these examples are reminiscent of counterfactual deontic statements, as in

(9) *You should be doing your homework instead of looking at Reddit.*

An interesting property of epistemic ‘should’, pointed out in Quirk et al. (1985: 227) is that it is infelicitous if the state of affairs referred to can only be regarded as undesirable, so that sentences like (10) are odd:

(10) *?There should be another disaster shortly.*

Quirk et al. conclude that *should* and *ought to* “tend to carry over from their obligational sense the suggestion that the proposition within their scope is desirable”. Arigne (2007), to whom I owe this reference, suggests that the notion of “desirable proposition” is the defining feature of deontic expressions used to convey epistemic judgements, positing a pathway from ‘le bon choix’ to ‘la bonne relation prédicative’. The idea that epistemic judgements could be valued as “preferred” or “dispreferred” (more or less accurate) is not in itself outlandish. However, examples like (7) and (8) suggest that the speaker’s epistemic judgements are by default preferred over alternative judgements, though they can be overridden, just as deontic norms can be overridden.

The notion of “desirable proposition” cannot be defined from the speaker’s point of view but must refer to general desirability. The speaker has no interest in presenting a proposition as corresponding to her or his individual preferences. As stated above, it is other people’s judgements that are subjective, while the speaker’s are objective and unbiased. A sentence like (6) probably does not reflect the speaker’s desire for it to be five o’clock. A proposition is desirable to the extent that it conforms to the speaker’s convictions or expectations as these are the most objective and unbiased. But the desirable proposition may be contrasted with what actually turns out to be the case, as in (7) and (8). I assume this account to be the key to at least one type of shifts from deontic to epistemic meaning, though other pathways may also exist.

The notion that the deontic marking in (6) reflects the principle that it is incumbent on the facts to conform to the speaker’s expectations may seem paradoxical, but it is not beyond human psychology, or human reasoning. The interactions of deontic modality with epistemic modality and evidentiality illustrated above have remained largely unexplained in the literature because of the lack of obvious conceptual affinities; the “law” and the corollaries formulated above are an attempt to make sense of them by providing a presumably pragmatic pathway by which epistemic judgments can be presented as normative statements or objects of volition.

Abbreviations

3 — 3rd person; GEN — genitive; HORT — hortative; INF — infinitive; IRR — irrealis; LFORM — l-form of the Slavonic verb; M — masculine; NOM — nominative; PART — participle; PL — plural; PRS — present tense; PST — past tense; SG — singular.

References

- Arigne V. 2007. Grammaticalization, polysemy and iterated modality: The case of *should*. *Corela*, v. 5, n. 1, DOI: 10.4000/corela.343.
- Langacker R. W. 1990. Subjectification. *Cognitive linguistics*, v. 1, n. 1, 5–38.
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. 1985. *A comprehensive grammar of the English language*. London; New York: Longman.
- RNC — Russian National Corpus. <http://www.ruscorpora.ru>.
- Traugott E. C. 1989. On the rise of epistemic meanings in English: An example of subjectification in semantic change. *Language*, v. 65, n. 1, 31–55.
- van der Auwera J., Plungian V. A. 1998. Modality's semantic map. *Linguistic typology*, v. 2, 79–124.
- Ziegeler D. 2016. The diachrony of modality and mood. In: J. Nuyts, J. van der Auwera (eds.). *The Oxford handbook of modality and mood*. Oxford: Oxford University Press, 387–405.
- Хольфут А., Коницкая Е. 2012. Интерпретативные деонтические выражения в славянских и балтийских языках. Источники и пути развития. В сб.: П. М. Аркадьев (ред.). *Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков (преимущественно в свете языковых контактов)*. СПб.: Алетейя, 195–219.

Конструкция **vilja til* в трех скандинавских языках: лирические отступления от исходно волитивного значения

Д. Д. Мордашова

МГУ имени М. В. Ломоносова / Институт языкознания РАН;
mordashova.d@yandex.ru

В статье рассматриваются когнаты общескандинавской конструкции **vilja til*, представляющей собой сочетание волитивного глагола **vilja* с поствербом *til*, в континентальных (норвежский, шведский) и островных (исландский) языках скандинавского ареала. Привлечение материала других скандинавских языков выходит за рамки этой короткой статьи, однако она может служить отправной точкой для дальнейших исследований.

Свойства модальных глаголов, в том числе восходящих к семантическому источнику со значением желания, неоднократно становились предметом обсуждения в работах по скандинавистике (см. хотя бы Daviedsen-Nielsen 1990, Eide 2005, Hilpert 2008, Mikušionis 2012). В центре внимания скандинавистов зачастую оказывались синтаксические характеристики модальных глаголов; для волитивных глаголов рассматривались также возможности их употребления в контекстах с референцией к будущему времени. Попытка последовательного анализа структуры зоны желания и семантических характеристик когнатов общескандинавского **vilja* была предпринята в работе Мордашова 2017. В настоящей статье мы сосредоточимся на одной частной конструкции внутри волитивной зоны.

Лежащая в основе исследуемой конструкции комбинация глагола *vilja* (*ville*) ‘хотеть’ и постверба *til* (*till*), происходящего от первообразного предлога *til* ‘к’, получила неодинаковое семантическое развитие в скандинавских языках. В грамматиках не содержится упоминаний данной конструкции; исследование опирается на корпусные данные (см. Электронные ресурсы), а также на консультации с носителями языков. Разделы 1–3 посвящены описанию семантических и структурных свойств конструкции в норвежском, шведском и исландском языках; в разделе 4 подводятся итоги о релевантных параметрах варьирования.

1. *Ville til* в норвежском языке

Конструкция *ville til* в норвежском языке обычно употребляется в авертивном значении: ‘ситуация была очень близка к осуществлению, но не осуществилась’ (подробнее об авертиве см. Kuteva 1998). При этом особую важность имеет второй компонент значения, состоящий в ненаступлении ситуации, подготовительная стадия которой имела место. Именно он, по Т. Кутевой, отличает авертив от проксиматива (проспектива), который также указывает на подготовительную стадию ситуации, но не содержит импликации ее неосуществления. Этот компонент часто выражается эксплицитно — с помощью клаузы, вводимой противительным союзом (1).

- (1) *Jeg ville til å løp-e etter,*
 я хотеть.PST к INF.PTCL бежать-INF за
men ble stå-ende.
 но становиться.PST стоять-PTCP.ACT
 ‘Я хотел было броситься следом, но остался стоять’.

Некоторые употребления *ville til* из корпуса LBK позволяют также усмотреть семантику, схожую с употреблениями русск. *было* (*Машина было поехала, но остановилась*), т. е. семантику не собственно авертива, а аннулированного или недостигнутого результата (об антирезультативе см. Плунгян 2001):

- (2) *Reseptor-er i hud-en vil til å begynn-e*
 рецептор-PL в кожа-DEF хотеть.PRS к INF.PTCL начинать-INF
med registrer-e at vi ha-r klær på kropp-en,
 с регистрировать-INF COMP мы иметь-PRS одежда на тело-DEF
men etter en stund føle-r vi dem ikke lenger.
 но после ART минута чувствовать-PRS мы они.OBL NEG дольше
 ‘Кожные рецепторы начинают было регистрировать присутствие одежды на теле, но через мгновение мы этого уже не чувствуем’.

Употребления с неодушевленным субъектом для норвежской конструкции скорее маргинальны, однако при отсутствии эксплицитного указания на неосуществление ситуации *ville til* в форме презенса в таких контекстах может получать проспективную интерпретацию:

- (3) *Vil til å eksploder-e.*
 хотеть.PRS к INF.PTCL взрываться-INF
 {Теперь я чувствую, как сдавливает грудь.} ‘Вот-вот взорвется’.

Как видно из (1)–(3), норвежская конструкция *ville til* представляет собой двухместный предикат, субъектом которого может выступать как агентивный участник (и тогда конструкция получает авертивную или антирезультативную интерпретацию), так и неодушевленный неагентивный участник (в этих немногочисленных случаях значение конструкции «сдвигается» в проспективную зону).

2. *Vilja till* в шведском языке

Развитие шведской конструкции пошло по иному пути: в контекстах с агентивным субъектом *vilja till* может выражать значение намерения, в этом случае конструкция сочетается с инфинитивом, при котором допускается опущение приинфинитивной частицы *att*.

- (4) <...> *säge-r man till en flicka som vill till*
 говорить-PRS IMPRS К ART девушка который хотеть.PRS К
gift-a sig med någon för att
 выходить_замуж-INF REFL С КТО-либо для INF.PTCL
bli välbärgad.
 становится.INF состоятельный
 ‘<...> говорят девушке, которая собирается выйти замуж за когонибудь по расчету’.

Примеры типа (4) находятся, однако, на периферии употреблений данной конструкции. Более характерным контекстом для нее является употребление с эксплетивным субъектом *det* ‘это’, где конструкция приобретает семантику необходимости в наиболее некатегоричном ее варианте, который можно связать с модальностью желательности (‘желательно, чтобы X’). В словаре Pettersson 2009 в качестве синонима конструкции приводится глагол *fordras* ‘требоваться’, что подтверждает связь с модальностью необходимости.

Синтаксически данная конструкция ведет себя как матричный предикат, требующий при себе зависимого инфинитивного оборота (5) или финитной клаузы, вводимой комплементаризатором *att* (6). При этом возможно выражение бенефактивного участника посредством предлога *för* ‘для’, как в (6).

- (5) *Men det vill till att vara på*
 но это хотеть.PRS К INF.PTCL быть.INF на
alert-en i varenda tävling.
 бдительность-DEF в каждый соревнование
 ‘Но на каждом соревновании нужно (желательно) быть начеку’.

- (6) *Det vill till för Hamilton att han få-r*
 это хотеть.PRS к для Хэмилтон COMP он получить-PRS
till en riktigt bra start.
 к ART совсем хороший старт
 ‘Хэмилтону необходимо очень хорошо стартовать’.

Консультация с носителем шведского языка позволила уточнить, что переводным эквивалентом конструкции в этих примерах могли бы служить английский модальный глагол *should* (однозначно не *must*) или перифрастическая конструкция *it's preferable* (но не *it's necessary*). Следовательно, значение желательности в контексте данной конструкции «перевешивает» модальность категоричной внутренней необходимости. Весьма вероятно, что решающую роль здесь играет сама по себе безличность конструкции, поскольку внутренняя необходимость выражается, как правило, от лица самого субъекта, который осознает некоторое положение дел как крайне важное для достижения своих целей.

Кроме того, конструкция допускает структуру, при которой зависимым элементом является не клауза, а именная группа, за которой следует целевой инфинитив (7).

- (7) *Men det ville till en Garri Kasparov för att*
 но это хотеть.PST к ART Гарри Каспаров для INF.PTCL
stopp-a "farfar" Smyslov.
 останавливать-INF дедушка Смыслов
 ‘Но понадобился Гарри Каспаров, для того чтобы остановить «дедулю» Смыслова’.

Наш консультант по шведскому материалу отдельно обратил внимание на то, что конструкция *vilja till* постепенно выходит из употребления, будучи совершенно не свойственной устной речи. Данные корпуса показывают резкое снижение ее частотности и в письменных текстах после 2014 г., где фиксируются лишь единичные вхождения.

3. *Vilja til* в исландском языке

Наиболее нетривиальная семантика закрепилась за рассматриваемой конструкцией в исландском языке: в соответствующей словарной статье в Берков, Бёдварссон 1962 отмечается, что *vilja til* имеет значение ‘происходить, случаться’, что иллюстрируется следующим примером:

- (8) *Honum vildi til óhapp.*
 он.DAT хотеть.PST.3SG к несчастье
 ‘С ним случилось несчастье’.

Однако подобные употребления являются не самыми типичными для исландского языка. Гораздо более широко употребляются безличные конструкции (с невыраженным субъектом) вида *svo* ‘так’ + адвербиальный модификатор + *vilja til* + *að* [финитная клауза]. Как правило, адвербиал имеет некоторое оценочное значение: ср. отрицательную оценку ситуации в (9) и эпистемическую оценку в (10).

- (9) *En svo fjandalega vill til, að kærasti hennar*
 но так ужасно хотеть.PRS.3SG к COMP парень ее
hefir sjeð þau.
 иметь.PRS.3SG видеть.PTCP.PASS они.ACC
 ‘Но вышло так ужасно, что ее парень их увидел’.

- (10) *Ef svo ólíklega vill til að hingað kom-i*
 если так невероятно хотеть.PRS.3SG к что сюда прийти-SBJV.PRS.3SG
gestur, óboðinn, not-um við kojur-nar.
 гость незванный использовать-PRS.1PL мы двухъярусная_кровать-DEF.PL.ACC
 ‘Если вдруг произойдет невероятное, и сюда придет незванный гость, то мы используем двухъярусные кровати’.

4. Релевантные параметры варьирования

Рассматриваемая конструкция имеет совершенно разные интерпретации в языках скандинавского ареала. Релевантные для нее параметры варьирования, включая как семантические, так и структурные свойства, а также дополнительные сведения о возможности просодического выделения постверба, представлены в Таблице 1.

	Валентность предиката	Одуш. субъект	Просодическое выделение постверба <i>til</i>	Доп. условия
норвежский				
авертив	2	+	-	-
(редко: перспектив)	(2)	(-)	(-)	-
шведский				
желательность	3	-	+	-
(редко: намерение)	(2)	(+)	(-)	-
исландский				
‘происходить, случаться’	1	-	+	адв. модиф.

Таблица 1. Параметры варьирования когнатов конструкции **vilja til*

Можно заключить, что норвежская конструкция в наибольшей степени приближена к семантике исходного волитивного глагола, для нее преобладают контексты с агентивным одушевленным субъектом. Шведская конструкция занимает промежуточное положение, допуская употребления с неодушевленным субъектом в модальном значении желательности. Наконец, исландская конструкция демонстрирует наибольший отрыв от исходной волитивной семантики, имеет редуцированную модель управления, в которой отсутствует эксплицитно выраженный субъект, а также накладывает ограничения на структуру предложения, требуя обязательной адвербиальной модификации. В последних двух случаях, по-видимому, можно говорить о лексикализации безличной конструкции в близком к исходному волитивному глаголу значении ‘желательно’ в шведском или в значении ‘происходить’ в исландском (в последнем случае конструкция, по-видимому, совсем утратила связь со своим лексическим источником).

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; ART — неопределенный артикль; COMP — комплементаризатор; DAT — датив; DEF — определенный артикль; IMPRS — субъектный имперсонал; INF — инфинитив; NEG — отрицание; OBL — косвенный падеж; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; PTCP.ACT — активное причастие; PTCP.PASS — пассивное причастие; REFL — рефлексив; SBLV — сослагательное наклонение; SG — единственное число.

Электронные ресурсы

<http://corpus.arnastofnun.is> — Корпус исландского языка Института им. Арни Магнуссона.
spraakbanken.gu.se — Коллекция корпусов шведского языка Corp.
www.hf.uio.no/iln/tjenester/kunnskap/sprak/korpus/skriftsprakskorpus/lbk/index.html
 — Корпус норвежского языка LBK.
www.malfong.is — Корпус исландского языка MÍM.

Литература

Берков В. П., Бёдварссон А. 1962. *Исландско-русский словарь*. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
 Мордашова Д. Д. 2017. Когнаты глагола **vilja* в скандинавских языках: на пути грамматикализации. В сб.: Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг (ред.). *Типология морфосинтаксических параметров*. Вып. 4. *Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2017»*. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 132–145.

- Плунгян В. А. 2001. Антирезультатив: до и после результата. В сб.: В. А. Плунгян (ред.). *Исследования по теории грамматики*. Вып. 1: *Глагольные категории*. М.: Русские словари, 50–88.
- Davidsen-Nielsen N. 1990. *Tense and mood in English: A comparison with Danish*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Eide K. 2005. *Norwegian modals*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Hilpert M. 2008. *Germanic future constructions: A usage-based approach to grammaticalization*. Amsterdam: Benjamins.
- Kuteva T. 1998. On identifying an evasive gram: Action narrowly averted. *Studies in Language*, v. 22, n. 1, 113–160.
- Mikučionis U. 2012. *Modality and the Norwegian modal verbs*. Doctoral dissertation in Humanities, Philology (04 H). Vilnius: Vilnius University.
- Pettersson L. E. 2009. *Svensk ordbok. Utgiven av Svenska Akademien*. Stockholm: Norstedts.

О семантике немецкого глагола *sollen* *

Д. О. Добровольский^а, Анна А. Зализняк^б

^а Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН /
Институт языкознания РАН / Стокгольмский университет;
dobrovolskij@gmail.com

^б Институт языкознания РАН / Федеральный исследовательский центр
«Информатика и управление» РАН; anna.zalizniak@googlemail.com

В статье van der Auwera, Plungian 1998 было предложено различать два основных типа модальности: «participant-internal» и «participant-external». Первый тип соответствует тому, что в более традиционной терминологии называется онтологической модальностью, т. е. это характеристика ингерентного свойства объекта, существующего независимо от чьего-либо мнения.

Значение онтологической необходимости у модальных слов возникает, по-видимому, исключительно при обозначении необходимого условия для достижения некоторой цели (ср. Падучева 2016): *Чтобы разжечь костер, нужны (нужно иметь) спички; Чтобы выиграть в лотерею, необходимо купить лотерейный билет* (ср. анекдот про нарушившего это правило Рабиновича).

Немецкий глагол *sollen* значения онтологической необходимости выражать не может, но он имеет широкий спектр значений, относящихся к модальной сфере деонтической необходимости, или *долженствования*, которая отличается от логической *необходимости* тем, что «в отличие от законов модальной логики, по которым все необходимое является существующим, в естественном языке как высказывание *X может P*, так и высказывания типа *X должен P* в равной степени предполагают, что *P* актуально не имеет места» (Плунгян 2011: 427). Кроме того, в отличие от модальной логики, где *необходимо P = невозможно не-P*, в естественном языке *X должен P* равно *X не может не P* только в случае онтологической необходимости, выражение которой находится на периферии семантики модальных глаголов.

Рассмотрим основные типы значений, выражаемых глаголом *sollen*.

* Статья написана при частичной поддержке РФФИ, грант №20-012-00166.

1. Деонтическая необходимость, или собственно долженствование.

Мы предлагаем считать, что этот тип языкового значения представляет собой семантический примитив, обозначим его 'должен'. Это установка некоторого субъекта, касающаяся связи некоторой ситуации с реальным миром. При этом ситуация обозначена подчиненным модальному предикату инфинитивом, а субъект может не совпадать с грамматическим субъектом. А именно, это может быть говорящий, слушающий или третье лицо, а также некий безличный или обобщенно-личный субъект — когда речь идет о принимаемой тем или иным сообществом норме.

Для семантики глагола *sollen* в целом характерно свойство «ослабленного долженствования»¹. Это свойство обнаруживается почти во всех типах его употребления. Исключение составляет обозначение жесткого морального запрета (*du sollst nicht töten!* — не убий!), возможное только в контексте отрицания. «Ослабленность» долженствования формально проявляется в частности в том, что многие значения этого глагола допускают (или даже требуют) сослагательного наклонения: ср. употребление *sollen* в речевых актах совета, рекомендации (*Sie sollten mit dem Rauchen aufhören* — вам следует бросить курить) или для выражения сомнения или удивления (*wie hätte ich das ahnen sollen?* — разве я мог подозревать об этом?). Даже когда *sollen* употребляется в индикативе, ему присуща семантика «ослабленного долженствования», что проявляется в самом характере высказывания: ср. контексты косвенного императива (*du sollst dich hier wie zu Hause fühlen* — чувствуй себя здесь как дома), неуверенного согласия (*das soll mir recht sein* — с этим я, пожалуй, соглашусь) или интерпретативные контексты (*das soll damit nicht gesagt sein* — это не вытекает из сказанного).

Если субъектом установки 'должен' является говорящий, то *sollen* всегда употребляется в одной из форм конъюнктива, ср.: *ich sollte lieber schweigen* — мне бы лучше помолчать; *wir hätten beizeiten daran denken sollen* — нам нужно было (бы) вовремя подумать об этом. Формы 1-го лица индикатива всегда отсылают к другому субъекту мнения о долженствовании. Это может быть некоторое третье лицо (ср. *ich sollte ihm die Zeitung mitbringen* — он просил меня принести ему газету) или некий «безличный» субъект (ср. *es sollte aber (alles) ganz anders kommen* — но вышло всё (совсем) по-другому).

Отдельно отметим специфическую конструкцию *Soll ich <inf.>?* (без вопросительного местоимения) означающую: 'говорящий сообщает слушающему, что он готов произвести действие, которое он считает пра-

¹ Ср. Wierzbicka 1987: 35, Bybee et al. 1994: 186 об англ. *should*, выражающем «weak obligation».

вильным (полезным, уместным, приятным и т. п.) для слушающего, имея в виду, что если слушающий с этим мнением согласится, то говорящий это действие совершит'. При наличии вопросительного местоимения реализуется другая конструкция — **вопрос**, который задает говорящий самому себе или адресату, ср. *Was soll ich tun?* — *Что мне делать?*, *Wann soll ich da sein?* — *Когда мне прийти?* и т. п. А конструкция *Soll ich... <inf.>?* — это речевой акт **предложения**, ср. *Soll ich dir Tee eingießen?* — *Налить тебе чаю?*

2. Эпистемическая необходимость — это высокая оценка говорящим вероятности того, что обозначенная подчиненным инфинитивом ситуация имеет место. Немецкий глагол *sollen*, как считается, практически не имеет эпистемического значения (ср. van der Auwera, Plungian 1998: 30). Действительно, оно возникает только в специальных условиях: для его реализации необходимо, чтобы глагол *sollen* был употреблен в контексте снятой утвердительности — в условных придаточных (ср. *falls du ihn doch heute noch sehen solltest, dann sag ihm bitte...* — *если ты его вдруг сегодня ещё увидишь, то скажи ему, пожалуйста...*), в вопросах, в том числе — риторических (ср. *sollte er es vergessen haben?* — *неужели он об этом забыл?*; *wie hätte ich das ahnen sollen?* — *разве я мог подозревать об этом?*) или придаточных косвенного вопроса (ср. *ich weiß nicht, was ich tun soll* — *я не знаю, что мне делать*), в уступительных придаточных (ср. *soll er sauer sein, mir ist es egal* — *пусть себе обижается, мне всё равно*). При этом во всех этих случаях эпистемическое значение задается не столько *sollen*, сколько самой конструкцией.

3. Эвиденциальное значение — репортатив (ср. Плуноян 2011: 464, Horvath 2013): вывод, что имеет место некоторый факт, сделанный на основании того, что кто-то об этом сообщил. В Diewald, Smirnova 2010: 65–66 соответствующие употребления *sollen* и *wollen* описываются как «mediated evidentials». В Mortelmans 2000 *sollen* характеризуется как «strongly evidential, weakly epistemic». Квазиэпистемические контексты, в которых встречается этот глагол, следует рассматривать как «hearsay evidentials» — ср. пример из van der Auwera, Plungian 1998: 85: *Es soll ein guter Film sein* — ‘It is said to be a good film’. Иными словами, *sollen* (в отличие от *müssen*) используется не для оценки вероятности события с точки зрения говорящего, а как репортатив, ср.: *er soll in Moskau sein* — *я слышал, что он в Москве*; *diese Kräuter sollen gut gegen Grippe sein* — *считается, что эти травы хорошо помогают от гриппа*.

4. Вывод, следствие: ‘факт А означает наличие факта В’. Это значение в van der Auwera, Plungian 1998: 85 названо «inferential evidentiality» — единственный тип эвиденциального значения, который авторы относят

к модальным. В словаре НРС этот тип употребления *sollen* характеризуется как «употребление в интерпретативном контексте»: что-то происходит, а я говорю, что это можно интерпретировать определенным образом, то есть наличие факта А *означает* наличие факта В (ср. *das soll damit noch nicht gesagt sein* — *это ещё не вытекает из сказанного*).

Интересный случай употребления *sollen* в этом значении представлен следующим примером:

- (1) *Olga sollte nicht gut genug sein? Ihr Gesicht nicht schön genug?* (Bernhard Schlink. *Olga*. Zürich: Diogenes Verlag, 2018, p. 38) — *Это Ольга-то недостаточно хороша? Лицом не вышла?* (Бернхард Шлинк. *Ольга*. Пер. Г. В. Снежинской. М., 2018. <https://www.litres.ru/bernhard-shlink/olga/chitat-onlayn/page-2/>).

Глагол *sollen* в примере (1) указывает именно на то, что дескрипция, выраженная подчиненным инфинитивом (*nicht gut genug sein*), — это вывод, заключение из сказанного кем-то ранее. При этом смысл несогласия с этим выводом имплицирован здесь конструкцией риторического вопроса. Немецкая фраза в (1) могла бы быть переведена также *Выходит, Ольга для них недостаточно хороша?* — или с использованием ксенопоказателя *видите ли* (ср. Левонтина 2020): *Ольга, видите ли, для них недостаточно хороша*.

5. Значение «миропорождающего оператора» (в математике): ‘представим себе мир, в котором имеет место P’, ср.: *das Dreieck soll gleichschenkelig sein* — *допустим, что треугольник равнобедренный*.

6. «Пустое» *sollen*. Для объяснения случаев «пустого» употребления *sollen* целесообразно использовать введенное в Mortelmans 2000 понятие «эпистемической дистанции» (epistemic distance) — параметра, измеряющего «расстояние» высказывания с *sollen* от простого немаркированного утверждения (нейтрального индикатива). В случаях, когда говорящий предпочитает формулировку с *sollen*, он как бы дистанцируется от соответствующего утверждения, не внося при этом идею сомнения в его истинности. Иными словами, глагол *sollen* (который в таких случаях чаще всего не переводится на русский язык) вносит в утверждение некоторую «мягкость», «ослабленность». Например, *Das soll mir recht sein* — на самом деле то же самое, что и *Das ist mir recht*, с той лишь разницей, что такое высказывание звучит менее категорично, как бы более «куртуазно»: *sollen* в таких употреблениях ничего не добавляет к семантике высказывания, придавая ему определенную прагматическую окраску.

Наиболее типичный случай «пустого» употребления *sollen* — с глаголами *bedeuten* или *heißen* с семантикой ‘означать’, дублирующими одно из

значений *sollen* (см. выше, п. 4); ср. первую строку стихотворения Гейне «Лорелея»: *Ich weiß nicht, was soll es bedeuten, dass ich so traurig bin* (в переводе Блока: *Не знаю, что значит такое, Что скорбью я смущён*), а также выражение *Was soll das heißen?*, соответствующее русскому *Что это значит?*

Назовем некоторые типы «пустого» употребления *sollen* (при котором в русском переводе эквивалент модального глагола отсутствует).

- В контексте глагола ‘означать’:
- (2) *Das soll heißen, daß der dort ein gemeiner Kerl ist und daß ich ihn verachte* (Hermann Hesse. Peter Camenzind (1904)) — *Это значит, что вон тот — подлец и что я его презираю* (Герман Гессе. Петер Каменцинд (Р. Эйвадис, 1995))².
- Общее или оценочное суждение:
- (3) *Don Quijotes sollen wir wohl alle sein, wenn wir nur ein wenig das Herz auf dem rechten Fleck haben und ein Körnchen Verstand unter der Schädeldecke* (Friedrich Dürrenmatt. Der Verdacht (1953)). — *Мы все Дон-Кихоты, если у нас честное сердце и под черепной коробкой крупица разума* (Фридрих Дюрренматт. Подозрение (Н. Савинков, 1990)).
- Формирование намерения (человек размышляет, как лучше поступить; глагол *sollen* соотносит выбор решения с неким представлением о «хорошем»/«правильном»)³:
- (4) *...und ich sagte, wir sollten doch noch etwas warten* (Heinrich Böll. Ansichten eines Clowns (1963)). — *и тут я <...> предложил ей немного повременить* (Генрих Бёлль. Глазами клоуна (Р. Райт-Ковалева, 1964)).

Как можно видеть, глагол *sollen* оказывается «пустым» в тех случаях, когда подчиненный предикат уже содержит семантический компонент, соответствующий одному из его значений: глагол ‘означать’ включает идею вывода; общее суждение всегда включает элемент субъективной оценки; любое намеренное действие включает идею выбора оптимального варианта и т. д. Этот трудноуловимый модальный смысл в немецком языке «подкрепляется» выражающим его словом *sollen*, а в переводе на другие языки может оставаться невыраженным.

² Примеры (2)–(4) взяты из немецко-русского параллельного подкорпуса НКРЯ (www.ruscorgora.ru).

³ Ср. использование семантического примитива ‘bad’ в одной из строчек толкования англ. *should*, предложенного А. Вежбицкой: ‘if X doesn’t do it it will be bad’ (Wierzbicka 1987: 35).

Как известно, *sollen* — самый сложный из всех немецких модальных глаголов: сколь бы ни было точным описание и разведение разных значений этого глагола, оно не может объяснить всех особенностей его реального употребления, в том числе — выбора между *sollen* и *müssen*. Глагол *sollen* имеет широкий спектр значений, при этом некоторые из них весьма специфичны, другие вообще практически не поддаются ни экспликации, ни переводу. Одна из наиболее существенных его особенностей (в частности, отличающая его от *müssen*) — выражение «ослабленного долженствования». В данной статье мы попытались очертить круг возможных значений глагола *sollen* и выявить присущие ему способы «ослабления» идеи долженствования.

Литература

- Левонтина И. Б. 2020. Об арсенале ксенопоказателей в русском языке. *Вопросы языкознания*, №3, 52–77.
- НРС — Немецко-русский словарь актуальной лексики / Под ред. Д. О. Добровольского. М.: Азбуковник (в печати).
- Падучева Е. В. 2016. Модальность. В сб.: *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики* (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М.
- Плунгян В. А. 2011. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ.
- van der Auwera J., Plungian V. 1998. Modality's semantic map. *Linguistic Typology*, v. 2, 79–124.
- Bybee J. L., Perkins R., Pagliuca W. 1994. *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World*. Chicago: University of Chicago Press.
- Diewald G, Smirnova E. 2010. *Evidentiality in German*. Berlin; New York: de Gruyter Mouton.
- Horvath K. 2013. Sind reportative Modalverben epistemisch? In: W. Abraham, E. Leiss (Hg.). *Funktionen von Modalität*. Berlin; Boston: de Gruyter, 131–155.
- Mortelmans T. 2000. On the 'evidential' nature of the 'epistemic' use of the German modals *müssen* and *sollen*. In: J. van der Auwera, P. Dendale (eds.). *Modal Verbs in Germanic and Romance Languages (Belgian Journal of Linguistics, v. 14)*. Amsterdam: Benjamins, 131–148.
- Wierzbicka A. 1987. The semantics of modality. *Folia linguistica*, v. 21, iss. 1, 25–43.

Перфект и родственные граммемы

Перфект и окно наблюдения (два экз.)

М. Л. Федотов

Институт лингвистических исследований РАН; tequila.lime@gmail.com

...Почему их вообще двое, и откуда, собственно, пошла легенда, что Янус Полуэктович един в двух лицах?

(А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу (1964))

1. Введение

В статье представлена попытка уточнить теоретическое описание значения перфекта — точнее, целой группы родственных перфектных значений. В первую очередь предполагается продемонстрировать, что такие значения вводят в семантику высказывания сразу два пропозициональных компонента, с каждым из которых связано своё «окно наблюдения».

2. Предварительные теоретические замечания

Дальнейший анализ семантики аспекта и времени основывается на развиваемой автором теории (одна из первых версий была представлена в докладе Федотов 2017). Эта теория, в частности, предполагает опору на четыре временных компонента:

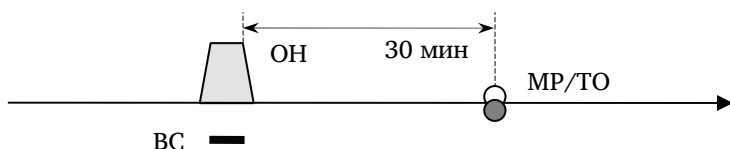
- **время ситуации** (ВС, \blacksquare) — весь временной интервал, занятый ситуацией-референтом клаузы в реальности (наименее задействованный в теории компонент);
- **«окно наблюдения»** (ОН, \triangleleft), или **предицируемое время**, — временной интервал, охватывающий релевантную часть времени ситуации; временной интервал, за который говорящий «ручается». Аналог «topic time» у В. Клейна (Klein 1994) и, собственно, «окна наблюдения»¹ у В. А. Плунгяна (2011);

¹ Следует отметить, что этот термин, ставший в определённой степени традиционным, своей внутренней формой может вводить в заблуждение. Строго говоря, стоящее за ним понятие не содержит (не должно содержать!) отсылки к какому-

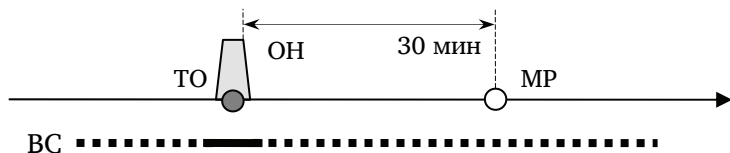
- **момент речи (MP, ○)** — «объективное сейчас», временной компонент канонического дейктического центра — речевого акта;
- **точка отсчёта (ТО, ●)** — «субъективное сейчас», либо совпадающее с моментом речи, либо соответствующее временному компоненту некоторого вторичного дейктического центра («позиции сознания»), если таковой имеется в дискурсе (в частности, нарративное время отсчёта).

Для иллюстрации приведём схемы с анализом трёх русских примеров (контекстом для них предполагается диалогическая речь):

- (1) *Полчаса назад Витька ушёл (но минуту назад вернулся).*
[‘перфектив’ (≈ ‘ТО не синхронна ОН’) + ‘прошедшее’]

- (2) *Полчаса назад (когда я зашёл к нему) Витька (ещё) спал.*
[‘имперфектив’ (≈ ‘ТО синхронна ОН’) + ‘прошедшее’]

- (3) *(Смотри,) Витька (ещё) спит.* [‘имперфектив’ + ‘настоящее’]

Также мы будем исходить из аксиомы, что временные обстоятельства всегда модифицируют (то есть «измеряют» и/или локализуют²) исключительно **окно наблюдения**. К примеру, в (1) и (2) выше обстоятельство *полчаса назад* модифицирует (локализует) окно наблюдения, включаю-

либо «наблюдению» в эвиденциальном смысле, равно как и к «фигуре Наблюдателя» (в смысле вторичного дейктического центра). В других работах я предлагал в качестве замены ему более нейтральный термин «преддицируемое время».

² По поводу разделения обстоятельств на локализующие, измерительные и измерительно-локализующие см. Федотов 2019: 516–517.

щее либо всё событие Витькиного ухода (1), либо релевантную часть длительной ситуации Витькиного сна (2).

3. Разновидности перфектных значений

Традиционно различаются следующие три или четыре основных разновидности перфектных значений, выявленные у английской формы Present Perfect (ср. Comrie 1976: 56–61):

- результативный перфект
— а также смежный с ним / включающий его перфект с «текущей релевантностью»,
- экспериенциальный перфект,
- «инклюзивный перфект».

Далее мы сосредоточимся в первую очередь на первом пункте — результативно-перфектном и «текуще-релевантным» значениях (разделы 4–6). Также будет кратко рассмотрено экспериенциальное значение (раздел 7)³.

В дальнейшем обсуждении мы будем в основном опираться на примеры из английского с формой Present Perfect и на примеры из русского с перфектными употреблениями форм претерита глаголов СВ, с сочетанием *уже* + глагол СВ⁴, а также с перфектными употреблениями бессвязочного пассива от глаголов СВ типа *Дом построен в прошлом году*.

4. Два окна наблюдения

Обратимся для начала к перфектному значению, которое можно считать наиболее простым и прототипическим — к **результативному** перфекту, ср. (4) и (5) далее.

(4) *England has declared war on Germany.*

‘Англия объявила войну Германии [и сейчас они находятся в состоянии войны]’ (Dahl, Hedin 2000: 390).

³ Последнее же — инклюзивное — значение следует вообще исключить из числа перфектных в предлагаемом здесь понимании. Можно показать, что инклюзивное значение (ср. *I have lived here for three years*), в отличие от остальных перечисленных, предполагает одно длинное окно наблюдения, захватывающее как всю прошедшую часть ситуации, так и её продолжение в момент речи (Федотов 2019).

⁴ Это сочетание в русском последовательно и вне зависимости от формы глагола выражает «ямитивно»-перфектную семантику — близкую к результативной и «текуще-релевантной», но с дополнительными компонентами, связанными с ожиданиями локуторов.

На результативном перфекте легче всего продемонстрировать основную идею анализа, предлагаемого здесь для перфектных значений. А именно — что перфектные значения следует трактовать как «гибридные», «двуглавые»: вводящие в семантику высказывания сразу два пропозициональных компонента, а следовательно, по определению, и два отдельных окна наблюдения.

Первая пропозиция и связанное с ней окно наблюдения вводят саму предшествующую ситуацию (в случае результативного перфекта — достигающую своего предела).

Вторая пропозиция и связанное с ней окно наблюдения вводят некоторое производное от этой ситуации состояние⁵ (в случае результативного перфекта это результирующее состояние предшествующей ситуации).

(5) *John has left.* / *Витка ушёл.*

[(результативный) перфект' + 'прошедшее']

Как видно из схемы в (5), предлагаемая конфигурация обладает ещё той особенностью, что первое окно наблюдения является ретроспективным — оно предшествует точке отсчёта, — а второе является синхронным — пересекается с точкой отсчёта. То есть, взятые сами по себе, первое окно наблюдения соответствует, по сути, конфигурации перфектива, ср. (1), а второе — конфигурации имперфектива, ср. (3).

Для «текуще-релевантного» перфекта, ср. (6), можно предложить аналогичный анализ. Только во втором окне наблюдения здесь находится уже не лексически детерминированный результат, а некоторое более абстрактное производное состояние, более опосредованно связанное с предшествующей ситуацией, — состояние её текущей релеванности⁶.

⁵ Ср. Плунгян 2011: 388–389: «перфект обозначает <...> предшествующую ситуацию, <...> последствия которой (не обязательно естественный результат!) существуют в момент речи».

⁶ К текущей релеванности, хотя определяется она довольно размыто, можно отнести наличие причинно-следственной или логической связи, а также «актуальность», важность самой предшествующей ситуации (а не её результата) для локуторов (ср. Dahl, Hedin 2000).

(6) *Vance has met with President Sadat. So, I think we can expect some new developments to break the deadlock.*

‘Вэнс **встретился** с Президентом Садатом. Так что, полагаю, можно ожидать новых событий, которые сдвинут всё с мёртвой точки’ (Dahl, Hedin 2000: 393).

5. Статус второй пропозиции

Два пропозициональных компонента, вводимых перфектными значениями, по всей видимости, имеют в семантике высказывания неодинаковый статус.

Если первый компонент (‘в ОН, предшествующем ТО, имела место ситуация Р’) можно уверенно отнести к ассертивным, то статус второго (‘в ОН, синхронном ТО, имеет место производное от Р состояние Р’) требует специального рассмотрения.

Можно показать, что второй компонент не является пресуппозицией, ср. его поведение в контексте отрицания или предиката мнения:

(7) а. *Неправда, что ревизор (уже) приехал.*

б. *Все считают, что ревизор уже приехал.*

(Истинность текущего нахождения ревизора в городе в этих высказываниях не принимается как данность.)

Также он не является и имплицатурой, поскольку не допускает подавления в последующем дискурсе. Так, в случае результативного перфекта эксплицитное указание на несохранение результата в точке отсчёта приводит к аномалии:

(8) *?John has left, but he has come back later* (Borik 2006: 202–203).

По всей видимости, больше всего этот компонент похож по своему статусу на то, что Е. В. Падучева (2004: 94, 123–128, 1996/2011: 243–244) называет «**атрибутивным компонентом**». Это «компонент, который является модификатором какого-то другого компонента толкования», причём «в отрицательном контексте атрибутивный компонент может лишаться смысла и выпадать».

Рассматривается, в частности, следующий пример:

(9) *Ёлка касается потолка.* =

1) ‘Ёлка в контакте с потолком’;

2) ‘Этот контакт слабый’ (Падучева 2004: 123).

В утвердительном варианте утверждаются оба эти компонента, однако при добавлении (общего) отрицания отрицается только нахождение

ёлки в контакте с потолком (основная ассерция), а указание на слабость контакта (атрибутивный компонент) пропадает⁷:

- (9') *Ёлка не касается потолка.* =
 'Ёлка не находится в контакте с потолком' (там же).

Как представляется, с перфектными значениями дело обстоит очень похожим образом. Рассмотрим высказывание:

- (10) *Рядом с нами построили новый дом.*
 1) 'Имело место строительство нового дома';
 2) 'Результат этого строительства сохраняется: дом стоит'.

Добавление общего отрицания к этому высказыванию непосредственно затрагивает первый компонент, а второй компонент как будто бы просто «выпадает» — говорить о сохранении или несохранении результата ситуации, которая вообще не существовала, бессмысленно:

- (10') *Неправда, что рядом с нами построили новый дом.* ≈
 'Строительство нового дома не имело места'.

Примечание. Также подобные отрицательные предложения не могут иметь интерпретации с отрицанием только сохранения результата. Так, (10') не совместимо со сценарием, в котором дом построили, но после этого его успело разрушить землетрясение. Ср. аналогичную несовместимость (9') с положением вещей, при котором ёлка сильно упирается в потолок.

Таким образом, вторую пропозицию, вводимую перфектными значениями, можно считать «атрибутивным компонентом».

6. Два окна наблюдения и временные обстоятельства

Основной эмпирический аргумент в пользу предложенного анализа — поведение временных обстоятельств различных типов.

Во-первых, при формах с перфектным значением принципиально возможно употребление обстоятельств, локализирующих **окно наблюдения в плане прошедшего**.

Даже английский Present Perfect, известный своими ограничениями на сочетаемость с такими обстоятельствами, допускает *recently* 'недавно' и *just* 'только что':

⁷ По всей видимости, именно в силу своей модифицирующей природы: у пропозиции 'Этот контакт (не) слабый' есть пресуппозиция существования этого самого контакта.

(11) *I have recently met an interesting poet* (Comrie 1976: 33).

Русский бессвязочный пассивный перфект допускает такие обстоятельства без всяких ограничений:

(12) *Вчера ограблен банк на Мясницкой* (Падучева 2010).

Возможно и использование таких обстоятельств в парцелляте или ответных репликах — в т. ч. в английском:

(13) *I have been to Birmingham, last week in fact* (Comrie 1976: 54–55).

Также возможны обстоятельства срока:

(14) *I've sold four in the last hour. / За последний час я продала четыре штуки* (context.reverso.net).

(15) *Письмо написано за полчаса* (Падучева 2010).

Во-вторых, формы с перфектным значением допускают и употребление обстоятельств, модифицирующих **синхронные окна наблюдения**. Это обстоятельства *сейчас-1*⁸, *теперь*, *в настоящий/данный момент*, англ. *now, at the moment*.

Ср. для результативного перфекта:

(16) *Мы сейчас/теперь изменили порядок оформления документов* (Падучева 1996/2011: 271).

(17) *At the moment I've turned the engine down on this knob here to its minimum setting. / В данный момент я увернул мощность двигателя до минимума* (context.reverso.net).

(18) ^{OK} *John has now left for London.*

Ср. также для русской версии «текуще-релевантного» примера (6):

(6') ^{OK} *Теперь/Сейчас Вэнс встретился с Президентом Садатом. Так что...*

Что же касается модификации двух окон наблюдения одновременно, в простом случае она приводит к неграмматичности:

(19) **Сейчас часы сломаны в прошлом году.*

Тем не менее, некоторые более сложные конфигурации представляются возможными. Так, наличие *сейчас-1/теперь/now* в основной части

⁸ Имеется в виду противопоставление трёх значений русского *сейчас*: *сейчас-1* ('в настоящий момент'), *сейчас-2* ('только что') и *сейчас-3* ('в ближайшем будущем'), ср. Падучева 1996/2011: 271.

высказывания не блокирует добавление обстоятельства плана прошедшего или срока в парцелляте:

(20) а. Теперь Витька уехал — около часа назад.

б. Теперь эта картина продана, всего за два месяца.

в. Сейчас дом уже достроен — около месяца назад.

(21) ^{OK} <...> *But now he has left for London... About an hour ago.*

7. Экспериенциалис как перфектное значение

Напоследок покажем, что экспериенциальное значение (*Ты прыгал когда-нибудь с парашютом?*) также соответствует описанной «двухоконной» конфигурации.

Для него можно аналогично постулировать два пропозициональных компонента. При этом первый компонент отличается от такового в результативно-перфектном и «текуще-релевантном» значениях тем, что указывает не на конкретный экземпляр ситуации (token-focussing), а на ситуацию как тип (type-focussing) (Dahl, Hedin 2000). Он указывает на факт существования в некоторое время до точки отсчёта хотя бы одной ситуации данного типа. Второй же компонент вводит синхронное производное состояние характеристики участника этим фактом, наличия у него этого опыта (ср. Плунгян 2011: 389).

При этом формы с экспериенциальным значением сочетаются по крайней мере с обстоятельствами типа *раньше* в основной части высказывания и с любыми обстоятельствами плана прошедшего в парцелляте:

(22) — Ты (*раньше*) прыгал с парашютом?

— Прыгал, два года назад.

Из числа «синхронных» обстоятельств экспериенциалис совместим по крайней мере с *теперь* и *now*:

(23) Ну всё, теперь ты и с парашютом прыгал — можем тебя хоть в космос запускать.

(24) ^{OK} — Wow. Now you've also base-jumped <...>

‘— Ого. Теперь ты ещё и прыгал с парашютом с вышки’. {Ты прямо экстремал, дружище!}

Ср. также возможность модификации обоих окон одновременно:

(25) Ну что, теперь я и с парашютом прыгал — неделю назад, на сборах.

8. Выводы

Выше были изложены некоторые идеи по уточнению теоретического описания перфектных значений: результативно-перфектного, «текуще-релевантного» и экспериенциального.

В отличие от более просто устроенных значений перфектива и имперфектива, перфектные значения вводят сразу два пропозициональных компонента и два соответствующих им окна наблюдения: ретроспективное (с самой предшествующей ситуацией) и синхронное (с некоторым производным от неё состоянием).

Первая пропозиция является основной ассерцией, вторая близка по свойствам к т. н. «атрибутивному компоненту».

Тезис о двух окнах наблюдения у форм с перфектным значением поддерживается их сочетаемостью с различными временными обстоятельствами: как с такими, которые модифицируют ретроспективное окно наблюдения, так и с такими, которые модифицируют синхронное.

Литература

- Падучева Е. В. 1996/2011. *Семантические исследования*. 1996; 2-е изд., испр. и доп.: М.: ЯСК, 2011.
- Падучева Е. В. 2004. *Динамические модели в семантике лексики*. М.: ЯСК.
- Падучева Е. В. 2010. Событийное и статальное значение глаголов совершенного вида в русском языке. В сб.: В. Ф. Выдрин, С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заика, С. С. Сай, Н. Р. Сумбатова, В. С. Храковский (ред.). *Проблемы грамматики и типологии: Сборник статей памяти В. П. Недялкова (1928–2009)*. М.: Знак, 240–252.
- Плунгян В. А. 2011. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ.
- Федотов М. Л. 2017. *Семантика перфектива и имперфектива: синхронность/несинхронность и динамическое/статическое время*. Хендаут доклада на конференции «Русская грамматика: описание, преподавание, тестирование» (Хельсинкский университет, 7–9 июня 2017 г.). <https://www.academia.edu/35586833/>.
- Федотов М. Л. 2019. Русские эквиваленты инклюзивного перфекта, обстоятельства длительности и частица *уже*. В сб.: Д. В. Герасимов, С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заика (ред.). *Сборник статей к 85-летию В. С. Храковского*. М.: Издательский дом ЯСК, 496–524.
- Borik O. 2006. *Aspect and reference time*. Oxford: Oxford University Press.
- Comrie B. 1976. *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. New York: Cambridge University Press.
- Dahl Ö., Hedin E. 2000. Current relevance and event reference. In: Ö. Dahl (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 385–401.
- Klein W. 1994. *Time in language*. London; New York: Routledge.

О перфектных временах в водском и ижорском языках*

Ф. И. Рожанский^а, Е. Б. Маркус^б

^аТартуский университет / Институт лингвистических исследований РАН;
handarey@yandex.ru

^бТартуский университет / Институт языкознания РАН;
helenmarkus@yahoo.com

1. Предварительные замечания

Перфектные времена, образованные при помощи глагола-связки и причастия смыслового глагола и несущие характерную семантику (Comrie 1985, Плунгян 2016), типичны для языков Европы, которые в большинстве своем относятся к индоевропейской семье. Однако для уральских языков эти времена не столь привычны: в большинстве языковых групп этой семьи они либо отсутствуют, либо игнорируются авторами описаний (Klumpp et al. 2018: 23–25). В данной статье мы обратим внимание на перфектные времена в малых прибалтийско-финских языках Ингерманландии, а именно в водском и ижорском. В имеющихся описаниях информация об этих формах крайне скудна. Так, например, для водского языка Ahlqvist 1856 вообще не упоминает эти времена, хотя активное причастие прошедшего времени он называет «перфектным прилагательным». Ariste 1968: 71–72 уделяет перфектным временам всего три коротких абзаца, не содержащих информации об употреблении и распространности этих форм. В грамматике Tsvetkov 2008, написанной в 1922 году, также нет информации об употреблении форм и их значении¹, хотя приведены парадигмы, включающие в себя, в частности, не отмеченные в других грамматиках формы кондиционалиса плюсквамперфекта (вопрос о том, насколько такие формы реально использовались в речи, а не были сконструированы автором грамматики по аналогии, остается открытым).

* Представленное в статье исследование было выполнено при финансовой поддержке Тартуского университета, грант РНВЕЕ18904.

¹ При этом перфект называется «прошедшим совершенным», а плюсквамперфект «прошедшим несовершенным» временем.

В грамматике Агранат 2007: 95, 96, 100 формообразование перфектных времен описано неполно и со спорными интерпретациями².

В данной статье мы хотим остановиться на следующих вопросах: (1) какие существуют формы перфектных времен в водском и ижорском языках и как они образуются, (2) насколько эти формы распространены в современном языке³, (3) какова семантика этих форм.

2. Данные

Материал для данного исследования собирался в процессе полевой работы авторов с носителями водского (песоцко-лужицкий и кракольский говоры западноводского диалекта⁴) и ижорского языков (сойкинский диалект) с 2001 по 2020 годы. Материал представляет собой корпус элицированных (более 250 часов записи для водского и около 700 часов для ижорского) и небольшие корпуса текстов (приблизительно 1 час записи для водского языка и 3,5 часа для ижорского).

3. Образование перфектных форм

И в водском, и в ижорском общая стратегия образования перфектных форм одинакова: в качестве связки используется бытийный глагол, а смысловой глагол представлен причастием (см. таблицы 1, 2). Перфект индикатива, плюсквамперфект индикатива и перфект кондиционалиса различаются формой связки: она стоит в форме настоящего или прошедшего времени индикатива или в форме кондиционалиса соответственно, ср. водское *e-mmâ sïïï-nïï* быть.PRS-1PL есть-PRТACT 'Мы поели' (перфект), *eł-i-mmâ sïïï-nïï* быть-PST-1PL есть-PRТACT 'Мы (давно) поели' (плюсквамперфект) и *ełl-izi-mmâ sïïï-nïï* быть-CND-1PL есть-PRТACT 'Если бы мы поели' (перфект кондиционалиса); и ижорское *oq-n män-d* быть.PRS-1SG идти-PRТACT

² Так, например, форма *on lehge-ttu* быть.PRS.3SG рубить-PRTPASS 'нарублен(ы)' называется в Агранат 2007: 96 перфектом пассива, хотя является пассивом настоящего времени. Перфект пассива в водском (равно как и в родственных языках) образуется при помощи перфектной формы вспомогательного глагола и пассивного причастия: *on eł-lud kraazge-ttu* быть.PRS.3SG быть-PRТACT красить-PRTPASS 'был покрашен' (Маркус, Рожанский 2017: 587). К сожалению, объем данной статьи не позволяет нам рассмотреть пассивные конструкции, и они остаются за рамками обсуждения.

³ Под «современным» мы подразумеваем язык XXI века.

⁴ Все примеры в статье приводятся в соответствии с нашим стандартом записи, основанным на первом из этих говоров.

‘Я ушел’, *ol-i-n män-d* быть-PST-1SG идти-PRТАСТ ‘Я (давно) ушел’ и *oïl-iïži-n män-d* быть-CND-1SG идти-PRТАСТ ‘Если бы я ушел’⁵.

Далее, однако, начинаются нюансы.

1. В водском языке формы имперсонала слились с личными формами 3 лица множественного числа (см., например, Рожанский 2017). В результате в соответствующих перфектных формах вместо активного причастия стало использоваться причастие пассивное⁶, ср. архаичное *omad saanniid* быть.PRS.3PL получать.PRТАСТ (Ariste 1968: 83) и *on⁷~елла saatu* быть.PRS.3SG~3PL получать.PRTPASS ‘(Они) получили’.

Заметим, что такая замена активного причастия на пассивное привела к появлению интересной омонимии: формы перфекта и плюсквамперфекта индикатива 3 лица множественного числа структурно совпали с формой пассивной конструкции, образуемой бытийным глаголом-связкой и пассивным причастием смыслового глагола. То есть предложение *hüü on süü-tü* 3PL быть.PRS.3SG есть-PRTPASS может быть переведено и как ‘Они съедены’ (пассивная конструкция) и ‘Они поели’ (перфектная конструкция). Выбор одной из двух возможных интерпретаций зависит и от глагольной лексемы, и от конкретного носителя языка. С точки зрения прагматики, контекст, где возможны обе интерпретации, представляется маловероятным (так, вряд ли может возникнуть ситуация, когда оказывается непонятным, кто кого съел).

В ижорском языке смешения личных форм с имперсональными не произошло, и последние сохранили свою независимость.

2. В водском языке в форме перфекта индикатива 3 лица множественного числа спрягаемый по лицам и числам бытийный глагол часто выступает в форме единственного числа (а для некоторых носителей этот вариант становится единственно возможным): *hüü on~елла ešettu lejpä* 3PL быть.PRS.3SG~3PL покупать.PRTPASS хлеб.PART ‘Они купили хлеба’. Аналогичное варьирование встречается и в ижорском, хотя там оно менее распространено.

⁵ В Ahlqvist 1856 и Ariste 1968 имеются примеры перфекта будущего времени, когда в качестве глагола-связки выступает бытийный глагол будущего времени (в рассматриваемых языках нет будущего как значения категории времени, но есть специальный бытийный глагол). В имеющемся у нас материале подобного рода примеров не встретилось.

⁶ Имеются в виду причастия прошедшего времени. Причастия настоящего времени почти полностью отмерли, см. Маркус, Рожанский 2017: 474 про водский и Рожанский, Маркус 2020: 106 про ижорский.

⁷ См. следующий параграф о числе глагола-связки.

3. В отличие от современного водского языка, ижорский язык различает у активного причастия формы единственного и множественного числа. Причастие согласуется по числу с субъектом предложения, ср. *hää oļ-iüž pääs-t* 3SG быть-CND.3SG попадать-PRTECT ‘Он бы попал’ и *höö ol-iži-vad pääs-šeed* 3PL быть-CND-3PL попадать-PRTECT.PL ‘Они бы попали’.

	Аффирмативные		Негативные	
	1Sg	3Pl	1Sg	3Pl
Перфект индикатива	<i>een</i> + PRTECT	<i>on~ella</i> + PRTPASS	<i>en ee</i> + PRTECT	<i>eväd ee</i> + PRTPASS
Плюсквамперфект индикатива	<i>elin</i> + PRTECT	<i>elti</i> + PRTPASS	не используются	
Перфект кондиционалиса	<i>ellizin</i> + PRTECT	<i>eltajz'</i> + PRTPASS	<i>en elliz'</i> + PRTECT	<i>eväd eltajz'</i> + PRTPASS

Таблица 1. Образование перфектных времен в водском языке

	Аффирмативные		Негативные	
	1Sg	Имперсонал	1Sg	Имперсонал
Перфект индикатива	<i>oon</i> + PRTECT	<i>on</i> + PRTPASS	<i>en oo</i> + PRTECT	<i>ei-oo</i> + PRTPASS
Плюсквамперфект индикатива	<i>olin</i> + PRTECT	<i>oli</i> + PRTPASS	<i>en old</i> + PRTECT	<i>ei old</i> + PRTPASS
Перфект кондиционалиса	<i>oļiüžin</i> + PRTECT	<i>oļiüž</i> + PRTPASS	<i>en oļiüž</i> + PRTECT	<i>ei oļiüž</i> + PRTPASS

Таблица 2. Образование перфектных времен в ижорском языке

4. Использование перфектных форм

В спонтанной речи перфектные формы встречаются крайне редко.

В имеющемся у нас корпусе водских текстов (~1 час записи) единственными такими формами были (а) одна форма отрицательного перфекта (1), и (б) одна форма плюсквамперфекта (Маркус, Рожанский 2017: 91, 95, 162)⁸.

- (1) *miä tätä e-n ee kensa näh-nü*
 1SG 3SG.PART NEG-1SG быть.CNG никогда видеть-PRTECT
 ‘Я его никогда не видела’.

⁸ Возможно, плюсквамперфектом следует считать еще один пример конструкции, состоящей из бытийного глагола и причастия (Маркус, Рожанский 2017: 109, 564).

В нашем корпусе ижорских текстов (~3,5 часа записи) нам встретились все шесть основных форм: перфект индикатива и кондиционалиса по два раза, остальные (плюсквамперфект индикатива и отрицательные формы перфекта индикатива, плюсквамперфекта индикатива и перфекта кондиционалиса) по одному разу. Однако ни одной формы перфектного имперсонала зафиксировано не было.

Нам неизвестны контексты, в которых форма перфекта или плюсквамперфекта индикатива была бы не только обязательной, но даже предпочтительной по сравнению с формой обычного прошедшего времени. Поэтому появление данных форм в качестве перевода русского стимула фактически отсутствует. Чаше других перфектных форм встречается перфект кондиционалиса: он периодически появляется в переводах конструкций со значением нереального события ((2), (3)).

(2) водский

parep tämä ell-iz' revitte-nni šizga
лучше 3SG быть-CND.3SG рвать-PRТACT тряпка.GEN
'Лучше бы он разорвал тряпку'.

(3) ижорский

hää oļ-iiz pääš-t koñti
3SG быть-CND.3SG попасть-PRТACT дом.III
no ovi ol-i kiin
но дверь быть-PST.3SG закрыто
'Он бы попал домой, но дверь была закрыта'.

При этом указанные выше формы перфекта и плюсквамперфекта в большинстве случаев признаются носителями языка как понятные и грамматически правильные. Отрицательный плюсквамперфект в водском языке не признавался правильным, хотя такие формы приводятся в Ariste 1968. Для отдельных носителей ижорского языка проблемными оказывались перфектные формы имперсонала.

5. Семантика перфектных форм

К сожалению, пожилой возраст носителей языка, с которыми мы имели возможность работать, не позволил нам провести систематическое исследование семантики перфектных форм. Тем самым, значение этих форм мы можем описывать только на основе немногочисленных имеющихся примеров и отдельных комментариев, сделанных носителями.

Примеры перфекта не позволяют утверждать, что семантика результата (или какая-либо другая характерная для перфекта семантика) четко

просматривается во всех случаях⁹. Нам не удалось получить оппозиции конструкций с простым прошедшим временем vs. с перфектом, демонстрировавших четкий семантический контраст. Если некоторые случаи перфекта выглядят как несущие семантику результата, то в других такая семантика неочевидна, как в примере (4) из ижорского.

- (4) *vot midä miä oq-n teh-t*
вот что.PART 1SG быть.PRS-1SG делать-PRTACT
šakšalaišš-ii-n aikkaa
немецкий-PL-GEN время.PART
‘Вот что я (с)делала, когда были немцы (досл. в немецкое время)’¹⁰.

Перфект кондиционалиса однозначно связывается с нереальным действием, см. примеры (2) и (3).

Плюсквамперфект довольно последовательно ассоциируется с действием, которое происходило когда-то давно, ср. пример (5) из ижорского.

- (5) *no miä ol-i-n noor šilloin i vašt ol-i-n*
ну 1SG быть-PST-1SG молодой тогда и только быть-PST-1SG
męhelle män-d
замуж идти-PRTACT
‘Я была молодая тогда, только что вышла замуж’.

6. Выводы

Хотя перфектные формы в рассмотренных языках отмечаются в материале XXI века, они, несомненно, имеют маргинальный статус и, скорее всего, отмерли бы в ближайшем будущем, даже если бы водский и ижорский языки сохранились. Это подтверждает тезис об «эволюционной нестабильности» перфекта (Плунгян 2016: 8).

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; COND — кондионалис; CNG — коннегатив; GEN — генитив; ILL — иллатив; NEG — отрицательный глагол; PART — партитив; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PRTACT — активное причастие; PRTPASS — пассивное причастие; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

⁹ Впрочем, это не должно рассматриваться как уникальное свойство водского и ижорского, ср., например, с разнообразной семантикой перфекта в славянских языках (Плунгян, Урманчиева 2018).

¹⁰ Это предложение является завершающим в рассказанной истории из времен Второй мировой войны.

Литература

- Агранат Т. Б. 2007. *Западный диалект водского языка (Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica, Bd. 26)*. Москва; Гронинген: Societas Uralo-Altaica.
- Маркус Е. Б., Рожанский Ф. И. 2017. *Современный водский язык. Тексты и грамматический очерк*. 2-е издание, исправленное и дополненное. СПб.: Нестор-История.
- Плунгян В. А. 2016. К типологии перфекта в языках мира: предисловие. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, т. 12, ч. 2, 7–36.
- Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. 2018. К типологии нерезультативного перфекта. *Slavistična revija*, 1. 66, št. 4, 421–440.
- Рожанский Ф. И. 2017. Дифференцированное маркирование объекта в прибалтийско-финских языках: основные принципы и девиации. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, т. 13, ч. 3, 41–75.
- Рожанский Ф. И., Маркус Е. Б. 2020. Система парадигматических классов глагола в сойкинском диалекте ижорского языка. *Вопросы языкознания*, №3, 101–134.
- Ahlqvist A. 1856. *Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning (Acta Societatis Scientiarum Fennicae T. V, Fasc. I)*. Helsingfors: Ex officina typographica H. C. Friis.
- Ariste P. 1968. *A Grammar of the Votic Language*. Bloomington; The Hague: Indiana University; Mouton & Co.
- Comrie B. 1985. *Tense*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Klumpp G., Mazzitelli L.-F., Rozhanskiy F. 2018. Typology of Uralic languages: Current views and new perspectives. Introduction to the special issue of ESUKA – JEFUL. *Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*, v. 9, n. 1, 9–30.
- Tsvetkov D. 2008. *Vadja keele grammatika (Эсимейн' ваддя чээле грамаатикк. Первая грамматика водского языка, 1922)*. Ed. by J. Viikberg. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus.

Модели полисемии экспериентива в ширинском даргинском*

О. И. Беляев

МГУ имени М. В. Ломоносова / Институт языкознания РАН /
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина;
belyaev@ossetic-studies.org

1. Введение

Экспериентив обычно описывают как форму, которая характеризует «субъекта ситуации как имеющего опыт совершения данного действия» (Плунгян 2011: 293). В ширинском даргинском (нахско-дагестанская семья) этим значением обладает парадигма, основанная на причастии совершенного вида. Она же, однако, при этом имеет ряд других употреблений, что представляет интерес как с точки зрения синхронного описания, так и с точки зрения типологии модели полисемии подобных форм в нахско-дагестанских языках и в более широкой перспективе. Не претендуя на то, чтобы дать полную семантическую характеристику этой парадигмы, в настоящей статье я предлагаю краткое описание её наиболее интересных употреблений.

2. Краткие сведения о ширинской глагольной морфологии

Глагольная морфология ширинского даргинского по своему общему устройству мало отличается от глагольных систем других даргинских языков, описанных в Абдуллаев 1954, Муталов 2002, Sumbatova, Mutalov 2003, Сумбатова, Ландер 2014, Daniel 2019 и других работах по даргинским языкам и диалектам. При этом наибольшее сходство в глагольной системе ширинский демонстрирует с кубачинским языком (Магометов 1963; Беляев 2012).

Каждый глагольный корень употребляется в виде двух основ: совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) вида; существует также небольшое

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект №18-18-00462 «Коммуникативно-синтаксический интерфейс: типология и грамматика».

число одновидовых корней. В большинстве случаев основу НСВ можно рассматривать как деривированную от основы СВ путём инфиксации, аблаута и т. д., однако предсказать форму одной из основ по форме другой невозможно.

Помимо основ СВ и НСВ, для построения глагольной парадигмы необходимо знание о способе образования причастия СВ. В этой функции используются три суффикса: *-ib* (*-ub* после лабиализованных согласных), *-ur* и *-un*; они распределены лексически и образуют три соответствующих типа спряжения, в рамках которых различаются формы многих глагольных показателей. Некоторые примеры глагольных основ и причастных форм представлены в Таблице 1¹.

	СВ	НСВ	причастие СВ	причастие НСВ	
нет изменений	<i>irx-</i>	<i>irx-</i>	<i>irxib</i>	<i>irxu</i>	собирать урожай
инфиксация <i>r</i>	<i>ag-</i>	<i>arg-</i>	<i>agur</i>	<i>argu</i>	уходить
инфиксация <i>l</i>	<i>≠ac-</i>	<i>≠alc-</i>	<i>≠acun</i>	<i>≠alcun</i>	пахать
падение <i>r</i> , аблаут	<i>≠arq^ʳ-</i>	<i>≠uq^ʳ-</i>	<i>≠arq^ʳun</i>	<i>≠uq^ʳun</i>	идти
метатеза	<i>≠elk^ʳ-</i>	<i>luk^ʳ-</i>	<i>≠elk^ʳun</i>	<i>luk^ʳun</i>	писать

Таблица 1. Основы СВ и НСВ; формы причастий

Как и другие дагестанские языки, ширинский даргинский имеет богатый набор аспектуально-модально-временных (далее ТАМ) форм. Из них сравнительно небольшое число являются синтетическими, т. е. образуются путём присоединения лично-числовых показателей непосредственно к базовой основе. К таким формам относятся, в частности, Хаби-туалис, Аорист и ряд модальных форм: Кондиционалис, Оптатив, Императив, Прохибитив. Большинство глагольных парадигм — аналитические, образующиеся путём сочетания нефинитной формы (причастия или деепричастия) с предикативным показателем или вспомогательным глаголом. В составе аналитических форм используются, во-первых, деепричастия СВ (Результатив) и НСВ (Презенс); эти деепричастия образуются от соответствующих причастий путём присоединения суффикса *-li*, например: причастие СВ *≠arq^ʳ-ib* ‘сделавший’ → деепричастие СВ *≠arq^ʳ-ib-li* ‘сделав’;

¹ Как дань дагестановедческой традиции, отделявшей классные показатели знаком равенства (=), я использую символ ≠ для обозначения позиции грамматического класса. По данной категории глагольные формы согласуются с абсолютным актантом (S/P). В иллюстративных примерах ниже я использую показатель третьего грамматического класса *-b-*.

причастие НСВ *ʒirqʷ-u* ‘делающий’ → деепричастие НСВ *ʒirqʷ-u-l* ‘делая’. Причастия в их базовой форме не участвуют в образовании аналитических ТАМ-парадигм², однако две парадигмы — Экспериентив и Проспектив — образуются от так называемых «полных форм» (с суффиксом *-zi*) причастия СВ и НСВ соответственно. Именно первой ТАМ-серии посвящена настоящая статья; пример парадигмы Экспериентива (с классным показателем среднего рода *-b*) дан в Таблице 2.

	нейтральный		экзистенциальный	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
1	<i>b-arqʷ-ib-zi-b = da</i>		<i>b-arqʷ-ib-zi-b le-b = da</i>	
2	<i>b-arqʷ-ib-zi-b = di</i>	<i>b-arqʷ-ib-zi-b = da</i>	<i>b-arqʷ-ib-zi-b le-b = di</i>	<i>b-arqʷ-ib-zi-b le-b = da</i>
3	<i>b-arqʷ-ib-zi-b ca·b·i</i>		<i>b-arqʷ-ib-zi-b le-b</i>	
PST	<i>b-arqʷ-ib-zi-b = di</i>		<i>b-arqʷ-ib-zi-b le-b = di</i>	

Таблица 2. Парадигма Экспериентива

Как видно из Таблицы 2, Экспериентив, как и прочие аналитические формы, образует целую серию парадигм, различающихся по двум признакам: «экзистенциальность» и время. Первый признак определяется выбором вспомогательного глагола: Экспериентив образуется как с использованием простого предикативного показателя (он же является связкой), так и с использованием нерегулярного экзистенциального глагола³ (иногда называемого «экзистенциальной связкой», см. Сумбатова 2010), в общем случае обозначающего местонахождение или существование (‘иметься’, ‘находиться’; ср. рус. *есть*). Оба варианта — «нейтральный» и «экзистенциальный» — в свою очередь могут использовать предикативный показатель как настоящего, так и прошедшего времени (= *di* во всех лицах и числах); последний, как правило, придаёт форме значение ретроспективного сдвига (Плунгян 2001), хотя иногда интерпретация не вполне композициональна. В результате Экспериентив разделяется на четыре подпарадигмы: Экспериентив настоящего времени, Экспериентив про-

² Перфект формально образуется от причастия СВ и, скорее всего, связан с ним диахронически, однако синхронно его скорее следует считать синтетической парадигмой (Belyaev 2018).

³ Этот глагол в Таблице 2 представлен в самом нейтральном варианте *le*, обозначающем главным образом местонахождение вблизи говорящего или слушающего. В ширинском имеются также другие дейктические формы этого же глагола: *te* ‘находиться вдали от говорящего и слушающего на горизонтальной плоскости’, *k'e* ‘находиться вдали выше говорящего’, *χe* ‘находиться вдали ниже говорящего’.

шедшего времени («пред-Экспериентив» в терминологии Муталов 2002), экзистенциальный Экспериентив настоящего времени, экзистенциальный Экспериентив прошедшего времени.

3. Функции экспериентива

3.1. Экспериенциальное значение

Собственно экспериенциальное употребление является наиболее простым для описания и часто выбирается носителями языка для перевода стандартных экспериенциальных контекстов, ср. (1)–(4).

- (1) *ʕü maskaw-le w-arq^s-un-zi-w = di = w?*
ты Москва-IN[LAT] м-идти.PFV-PTCP-ATTR-M = PST = GQ
‘Ты (когда-нибудь) **ездил** в Москву?’
- (2) *ʕät ɣ:^we cuc·b·ik-un-zi-b = u?*
ты.DAT собака <N>кусать.PFV-PTCP-ATTR-N = GQ
‘Тебя (когда-нибудь) **кусала** собака?’
- (3) *iž ilsan.ni-ž duḥa če·b·ag-ib-zi-w = ak·-u*
этот человек-DAT снег <N>видеть.PFV-PTCP-ATTR-M = NEG-PRS.3
‘Этот человек (никогда) **не видел** снега’.
- (4) *di-la ruci suk·r·ik-ib-zi-r = u ʕät? —*
я-GEN сестра <F>встретить.PFV-PTCP-ATTR-F = GQ ты.DAT
e, ču.jna-k'al = ra suk·r·ik-ib-zi-r ca·ri
да сколько-INDEF = ADD <F>встретить.PFV-PTCP-ATTR-F З<F>
‘Ты (когда-нибудь) **встречал** мою сестру? — Да, я **встречал** её несколько раз’.

Следует заметить, что ни в одном из этих контекстов Экспериентив не является обязательным: вместо него можно использовать также формы Перфекта.

3.2. «Фактическое» значение

Однако как при переводе с русского языка, так и в спонтанных текстах формы экспериентива также регулярно встречаются в контекстах, которые никак нельзя отнести к экспериентивным. Один из наиболее частых контекстов предполагает обращение к событиям, истинность которых не подвергается сомнению и которые не входят в структуру нарратива; я условно называю такое употребление «фактическим». Особенно

часто Экспериентив возникает при референции к фактам биографии и историческим событиям:

- (5) *germanija čib>uq-un-zi-b cai saweckij sajuz.li-ž*
 Германия «N»напасть.PFV-PTCP-ATTR-N 3<N> Советский Союз-DAT
azil.lim urč'am darš.lim av'w.c'a.nu ca.ra-ibil dus.li-ci-b
 тысяча девять сто сорок один-ORD год-INTER-N[ESS]
 'Германия **напала** на Советский Союз в 1941 году'.
- (6) *ci.qi:l žü w-arq'-ib-zi-w = di? — du w-arq'-ib-zi-w = da*
 когда ты M-родиться.PFV-ATTR-M = PST я M-родиться.PFV-ATTR-M = 1
azil.lim urč'am darš.lim wär.c'a.li-ibil dus.li-ci-w
 тысяча девять сто семьдесят-ORD год-INTER-M
 'Когда ты **родился?** — Я **родился** в 1970 году'.

Ни (5), ни (6) не относятся к экспериентивным контекстам, потому что описывают уникальные события, которые в принципе не могут повторяться. Канонический экспериентивный контекст предполагает, что событие произошло как минимум один раз, но точное число раз не уточняется. Характерно, что в (5) и (6) нельзя использовать ни Перфект, ни Аорист.

При этом, если (6) ещё можно было бы интерпретировать как описывающий некоторое состояние субъекта, его «опыт» (что можно считать маргинальным случаем экспериентивного значения), то в (5) это исключено: речь идёт именно о конкретном событии, в частности, это предложение было получено как ответ на вопрос «В каком году Германия напала на Советский Союз?»

Хорошо иллюстрирует «фактическое» прочтение Экспериентива следующая минимальная пара:

- (7) а. [Археолог, после осмотра развалин:]
iž šahar v'utig-ib.li cai žəb azir dus sala-ka
 этот город «N»разрушиться.PFV-CVB 3<N> три тысяча год перед-AVL
 'Этот город **разрушен [Результатив]** три тысячи лет назад'.
- б. [Экскурсовод, показывающий туристам те же развалины:]
iž šahar v'utig-ib-zi-b cai žəb azir dus sala-ka
 этот город «N»разрушиться.PFV-PTCP-ATTR-N 3<N> три тысяча год перед-AVL
 'Этот город **разрушен [Экспериентив]** три тысячи лет назад'.

Разница между этими примерами, по-видимому, состоит в том, что в (7а) разрушение города 3000 лет назад является выводом, который археолог делает на основании наблюдаемых признаков (развалин) — поэтому используется форма Результатива, имеющая эвиденциальное зна-

чение. В (76), напротив, экскурсовод не делает такого вывода, а лишь сообщает некоторую информацию, которая для него является несомненным и хорошо установленным фактом, который также не является частью какого-либо нарратива.

3.3. Фоновая информация

Другое частотное употребление форм Экспериментива (чаще всего в ретроспективном варианте) в текстах — это описание событий, не входящих в основную линию нарратива, причём иногда это не единичные отступления, а целые нарративные «подцепочки», см. пример (8) из устного текста, записанного в с. Шири.

(8) [КОНТЕКСТ: А: Ибрагим, расскажи нам историю о том, как твой дядя поймал бандитов. В: Мой дядя во время войны был председателем колхоза. Другой человек по имени Чамсулвара был главарём бандитов. Он послал дяде письмо с требованием отдать ему скотину, зерно и т. д. (Мой дядя отказался) и они поспорили. Мой дядя услышал стрельбу, вышел из дома, и они стреляли друг в друга.]

а. *hiba he.l-ti ak'i ha<d>arx-ib.li, waennyj-t.a-lla kulpat.li-ž*
затем этот-PL зерно <NPL>послать.PFV-CVB военный-PL-GEN семья-DAT
d-ut'-iž b-ik'-u.l, mistik'-a

NPL-раздать.PFV-INF NPL-говорить.IPFV-CVB мечеть-IN[LAT]

ka<d>ix-ib ak'i d-iž-un-žu-d ca<d>i

<NPL>класть.PFV-PTCP зерно NPL-украсть.PFV-PTCP-ATTR-NPL З<NPL>

‘Затем, когда они послали это зерно, чтобы его раздали семьям военных, зерно, которое сложили в мечети, **украли**’.

б. *cin-na uci-q'ar-ri d-iž-un.ni hel-ti, “wallah*
сам-GEN брат-двоюродный-ERG NPL-украсть.PFV-CVB этот-PL ей.Богу

ŝü-dil d-ic-ib.li = di, d-id.aq-ib.li, cara.li-ž

ты-ERG NPL-продать.PFV-CVB = 2 NPL-исчезнуть.PFV-CVB другой-OBL-DAT

d-ik-ib.li = di” b-ik'-u.l hel,

NPL-дать.PFV-CVB = 2 NPL-говорить.IPFV-CVB ЭТОТ

tusnaq<w>arq'-ib-zi-w = di

<M>посадить.в.тюрьму.PFV-PTCP-ATTR-M = PST

‘Его (= зерно) украл его двоюродный брат, но [власти], говоря: «Ей-Богу, это ты его украл, оно исчезло, ты отдал его кому-то другому», **посадили** его в тюрьму’.

в. *čum dus kat.elg-un-zi-w = di tusnaq-le-w? (...) dus*

сколько год остаться.PFV-PTCP-ATTR-M = PST тюрьма-IN-M[ESS] год

ket.elg-ini=l, kʷi dus kat.elg-ini=l, “ubkʷ-u.l
 остаться.PFV-PRET.3=IQ два год остаться.PFV-PRET.3=IQ [M]умирать.IPFV-CVB
ca-wʷi” b-ikʷ-u.l, tusnaq-le-ka tura-ix-ub.li
 3<M> HPL-говорить.IPFV-CVB тюрьма-IN-ABL наружу[LAT]-бросить.PFV-CVB

gur-sa.q-ib-zi-w=di

назад-принести.PFV-PTCP-ATTR-M=PST

‘Сколько лет он **был** в тюрьме? Один ли год оставался, два ли года, и они, говоря «он умирает», выбросили его из тюрьмы, и [его родственники] **принесли** его назад’.

г. *di-la ata-dil he.l, cin-na qʷismat χiʷbʷal-li,*

я-GEN отец-ERG этот сам-GEN судьба остаться<N>-CVB

ket.elg-un-zi-w=di, micʷiri ket.elg-un-zi-w=di

остаться.PFV-PTCP-ATTR-M=PST живой остаться.PFV-PTCP-ATTR-M=PST

χallaci, he.li-zi-b istorija χallaci-la, di-la

Халлаци этот-ATTR-N история Халлаци-GEN я-GEN

ata-la uci-lla le-b-zi-b caʷbi nisi-la

отец-GEN брат-GEN быть-N-ATTR-N 3<N> мы-GEN

‘И мой отец [взял] его, (такая) его судьба была, он **остался** в живых, такова (**есть**) история Халлаци, брата моего отца’.

Во всем основном (довольно коротком) нарративе, который дан под обозначением «КОНТЕКСТ», говорящий использовал формы Результатива — парадигмы, стандартно употребляющейся в эвиденциальных (заглазных) нарративах. Но затем, в (8а), рассказчик переключился на Экспериентив и использовал его до самого конца фрагмента. Очевидно, речи о «фактическом» прочтении здесь не идёт: предложения представляют собой нарративную цепочку.

Видимо, использование Экспериентива в (8) и подобных контекстах можно объяснить тем, что эти предложения не относятся к основной теме текста, который начинался как рассказ именно о столкновении с бандитами. Этот рассказ окончился в предшествующей клаузе. Остальные предложения содержат дополнительную информацию о судьбе дяди рассказчика. То, что этот рассказ оказался длиннее «основной» части нарратива, не имеет значения; важно, что он не относится к основной линии событий, которую говорящий намеревался сообщить.

4. Заключение

Из приведённых выше примеров ясно, что в целом ширинский Экспериентив имеет много общего с предикативными употреблениями прича-

стных форм в других дагестанских языках. Так, практически идентично ведут себя «причастный» Перфект и «причастный» Аорист в агульском языке (Майсак 2012). И в агульском, и в ширинском такие формы используются как в экспериментивном значении, так и в описании «несомненных» фактов и для подведения итогов нарратива. Схожим является и употребление имперфективных причастных форм — Проспектива в ширинском и «причастных» Презенса и Хабитуалиса в агульском. В связи с этим привлекательно выглядит идея найти «инвариант» для таких форм, который не только объединял бы перфективные и имперфективные финитные формы, но и связывал их значение с семантикой самих причастий, см. Калинина 1999, Калинина, Толдова 1999. Однако существование такого инварианта в ширинском находится под вопросом. Так, Т. А. Майсак указывает, что «<б>азовая форма выражает неактуальную (на момент речи) ситуацию, имеющую определенную локализацию во времени (...) “причастная” же форма описывает сам факт существования ситуации, не представляя ее как встроенную в какую-либо последовательность событий» (Майсак 2012: 269). Это обобщение объясняет большинство приведённых выше контекстов, но не все. В частности, (8) показывает, что формы Экспериментива могут использоваться для обозначения нескольких последовательных событий; здесь если и можно говорить об отсутствии смены точки отсчёта, то только по отношению к *основному* нарративу. Повидимому, полное семантическое описание функций ширинского Экспериментива и похожих парадигм в других нахско-дагестанских языках должно не стремиться к поиску одного базового значения, но описывать развитие значений в терминах теории грамматикализации, учитывая также их параллельное развитие в различных языках этой семьи.

Список условных сокращений

ABL — аблатив; ADD — аддитив; ATTR — атрибутив; CVB — деепричастие; DAT — дательный падеж; GEN — родительный падеж; ESS — эссив (положение покоя); ERG — эргатив; F — грамматический класс женщин; GEN — родительный падеж; GQ — общий вопрос; NPL — грамматический класс людей, множественное число; IN — локализация внутри полого объекта; INDEF — неопределённое местоимение; INF — инфинитив; INTER — локализация внутри сплошной среды; IPFV — несовершенный вид; IQ — косвенный вопрос; LAT — латив (движение к ориентиру); M — грамматический класс мужчин; N — грамматический класс нелиц; NEG — отрицание; NPL — грамматический класс нелюдей, множественное число; ORD — порядковое числительное; PFV — совершенный вид; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие.

Литература

- Абдуллаев С. 1954. *Грамматика даргинского языка*. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР.
- Беляев О. И. 2012. Аспектуально-темпоральная система аштынского даргинского. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, т. 8, ч. 2, 181–227.
- Калинина Е. Ю. 1999. Об омонимии и инвариантах. В сб.: Е. В. Рахилина, Я. Г. Тестелец (ред.). *Типология и теория языка: от описания к объяснению (К 60-летию Александра Евгеньевича Кибрика)*. М.: ЯРК, 212–223.
- Калинина Е. Ю., Толдова С. Ю. 1999. Атрибутивизация. В кн.: А. Е. Кибрик, Я. Г. Тестелец (ред.). *Элементы цахурского языка в типологическом освещении*. М.: Наследие, 377–419.
- Магомедов А. А. 1963. *Кубачинский язык*. Тбилиси: Мецниереба.
- Майсак Т. А. 2012. Причастные формы в видео-временной системе агульского языка. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, т. 8, ч. 2, 228–289.
- Муталов Р. О. 2002. *Глагол даргинского языка*. Махачкала: Издательско-полиграфический центр ДГУ.
- Плунгян В. А. 2001. Антирезультатив: до и после результата. В сб.: В. А. Плунгян (ред.). *Исследования по теории грамматики*. Вып. 1. *Глагольные категории*. М.: Русские словари, 50–88.
- Плунгян В. А. 2011. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ.
- Сумбатова Н. Р. 2010. Связки в даргинском языке: оппозиции и употребление. *Вопросы языкознания*, №5, 44–62.
- Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А. 2014. *Даргинский говор селения Танты: грамматический очерк, вопросы синтаксиса*. М.: ЯСК.
- Belyaev O. 2018. Aorist, resultative and perfect in Shiri Dargwa and beyond. In: D. Forker, T. Maisak (eds.). *The semantics of verbal categories in Nakh-Daghestanian languages*. Leiden: Brill, 80–119.
- Daniel M. 2019. Mehweb verb morphology. In: M. Daniel, N. Dobrushina, D. Ganenkov (eds.). *The Mehweb language*. Berlin: Language Science Press, 73–116.
- Sumbatova N. R., Mutalov R. O. 2003. *A grammar of Icari Dargwa*. München: LINCOM Europa.

Перфект в древнерусском: как долго он был перфектом?

М. Н. Шевелёва

МГУ имени М. В. Ломоносова; mnsheveleva@mail.ru

1. В старейшем вост.-слав. оригинальном пространном тексте — древнейшей части Повести временных лет (ПВЛ) — перфект употребляется так, как в ст.-сл. памятниках: он является маркированной формой в оппозиции с аористом, также способном выступать в контексте «перфектности» (релевантности результата) в прямой речи, и специализирован на выражении более сложной семантики. В работе Плуноян, Урманчиева 2017 эта семантическая специфика ст.-сл. перфекта определена как характеристическая функция — характеристика субъекта, объекта или топика данного фрагмента повествования в целом: «результат прагматически не так важен, как само совершение действия» и характеристика через него участников ситуации (2017: 29, 43; ср. также 2018: 424–429). Обращается внимание на то, как сложно формализовать правила выбора перфекта или аориста в старославянском, как трудно объяснить, «почему в семантически близких или аналогичных контекстах перфект не употребляется и мы находим вместо него аористную форму» (Плуноян, Урманчиева 2017: 23) — вопрос, давно занимавший славистов (Вайан 1952: 381–382, Кузнецов 1961: 83–84, Шевелева 2009: 152 и др.). В работе Плуноян, Урманчиева 2017, как кажется, точно выявлено главное в семантической маркированности перфекта: характеризующий, т. е. именной по своим корням компонент его значения, определяющий в большинстве случаев употребления (хотя уже, видимо, не во всех) выбор перфекта, а не аориста в сходных контекстах. Это перфектное «наращение» можно связывать с источником грамматикализации славянского перфекта — исконно именного перифрастического образования с относительно автономными частями.

Традиционно грамматикализацию славянского перфекта относили вглубь праславянской эпохи. Возражения против этого высказал В. Н. Топоров (1961), полагавший, что это был процесс очень поздний, вряд ли завершившийся даже ко времени создания первых славянских памятников: по мнению Топорова, применительно к ст.-сл. памятникам (по крайней мере, македонского извода) едва ли правомерно говорить о перфекте как об

«уже полностью сформировавшемся прошедшем времени» — скорее образования типа *pisalъ jestь* были еще на пути превращения из перифрастического мотивированного образования во временную форму (1961: 40–41).

Завершился или нет ко времени создания ст.-сл. языка процесс грамматикализации перфекта (скорее, видимо, все-таки да), это явно был процесс к этому времени очень близкий (надо иметь также в виду, что представленную в старейших евангельских кодексах XI в. картину следует относить ко времени создания самого кирилло-мефодиевского перевода, т. е. к IX в.). Очевидно, что выявленную в Плунгян, Урманчиева 2017, 2018 семантическую специфику ст.-сл. перфекта надо связывать с его генезисом и источником грамматикализации — процесса для того времени недавнего, что и отразилось в сохранении перфектом следов его именной природы.

Однако уже для ст.-сл. языка не все примеры употребления перфекта, как кажется, можно надежно интерпретировать как имеющие характеризующую семантику — в части случаев это первичное значение уже, видимо, стирается, выдвигая на первый план значение актуальности представленного в момент речи результата, ср. в рассказе об изгнании бесов:

- (1) **И се възъписте гл҃ща. Чьто естъ нама и тебѣ Исѣ снѣ бж҃ии. пришелъ еси сѣмо прѣжде врѣмене мжчитъ насъ** (Мф 8: 29, Асс. и др.) ‘ты пришел сюда раньше (предназначенного) времени мучить нас’.

Старейшие вост.-слав. памятники относятся к XI в. — от более раннего времени у нас свидетельств нет. При этом древнейшее «ядро» ПВЛ восходит, видимо, к первой половине XI в. (Гиппиус 2001 и др.) — текст очень ранний, причем оригинальный. Замечательно, что распределение перфекта и аориста в ранней части ПВЛ совершенно соответствует их распределению в ст.-сл. памятниках: аорист как немаркированный претерит свободно употребляется и в нарративе, и в чужой речи в контекстах релевантности результата, перфект же в нарратив вообще не выходит, а в чужой речи употребляется реже аориста и в большинстве случаев обладает той самой характеризационной спецификой, часто оказываясь в парах с именными конструкциями (с прилагательными, причастиями и др.). Ср. в рассказе о мести Ольги:

- (2) **отроци свѣнльжи изодѣли сѧ сѣть врѣжьемъ и порты а мы нази** (945 г., Лавр., л.14об.);
- (3) **баше бо мѣжь твои аки волкъ восхнщаша и грабѧ. а наши князи добри сѣть иже распасли сѣть деревьскѣ землю** (945 г., Лавр., л.15) ‘твой муж был расхищающий и грабящий, а наши князья хорошие, благоустроившие землю древлян’.

При этом аорист в том же рассказе в прямой речи встречается чаще перфекта (9 случаев против 3) и имеет не осложненное таким характеризующим компонентом значение релевантности результата, ср. в диалоге Ольги с древлянами:

- (4) И **возва** є **Вльга** к **совѣ** [и **рѣ** имѣ] **добри** **гостѣ** придоша. и **рѣ**ша **деревлане** придохомъ **княгини**. И **рѣ** имѣ **Вльга** да **гѣте** что ради придосте **сѣмо** (945 г., Лавр., л.15) и далее.

Так же, как в ст.-сл. текстах, характеризующая семантика просматривается в ранней части ПВЛ не во всех случаях употребления перфекта, ср. третий пример перфекта из того же рассказа о мести Ольги:

- (5) **почто** **идеши** **впѣть** поималъ **еси** **всю** **дань** (945 г., Лавр., л.14об.) ‘ты уже взял всю дань’ — характеристика субъекта здесь не исключена, но не очевидна.

Видимо, можно говорить о тенденции к утрате этого семантического компонента и намечающемся преобладании собственно результативного значения перфекта.

Сходство семантики и распределения перфекта vs. аориста в древнейшей части ПВЛ с представленным в ст.-сл. текстах вряд ли можно объяснить простым следованием ю.-сл. традиции: русское летописание не имело ю.-сл. образцов и на начальном этапе не могло опираться на какие-то устойчивые трафареты изложения (Живов 2017: 250–270). Более вероятно, что сходство это объясняется сходством реальной грамматики — устройства временной системы и статуса в ней перфекта, еще в значительной степени сохраняющего свою исконную «именную» специфику. Правда, текст этот все-таки книжный и мог отражать картину, для живого разговорного употребления устаревавшую и уходящую в сферу пассивного знания. К тому же и здесь наблюдается тенденция к утрате характеризующей специфики перфекта и употреблению его в «собственном перфектном» значении текущей релевантности результата.

2. Уже в поздней части ПВЛ, составленной в начале XII в., распределение перфекта и аориста решительно меняется: аорист практически уходит из прямой речи с характерным для таких контекстов «перфектным» значением и становится исключительно формой нарратива, оставаясь в прямой речи лишь в составе библейских цитат и устойчивых книжных клише; перфект же становится основной формой чужой речи, резко преобладая в таких контекстах над аористом (более 95 случаев против 15 аориста). При этом перфект в большинстве случаев утрачивает характеризующую специфику, используя в перфектном значении актуальности

результата, — встречаются целые ряды перфектов (со связкой и без нее) в диалогических контекстах, ср.:

- (6) **И почаша гл҃ати к Дѣдвѣ Игоревичю рекуще сице яко Володимеръ сложи^мсѧ е^мсть с Василко^м на Ст҃ополка и на тѣмъ. Дѣдъ же емъ вѣрѣ лживы^м слово^м нача молвити на Василка гл҃а. кто ѣ оубилъ брат[а] твоюго Гѣрополка а нынѣ мыслить на ма и на тѣмъ и сѣжилсѧ е с Володимеро^м. да промышлѣнъ во своен головѣ <...> И рече^т Василко не могу встати брѣте. оуже есмь повелѣлъ то-варо[ва]мъ (sic!) поити преди <...> И рече^т Ст҃ополкъ яко повѣда ми Дѣдъ Игоревич яко Василко брата ти оубилъ Гѣрополка и тебе хоче оубити и заати волость твою... а заходилъ ротѣ с Володимеро^м... (1097 г., Лавр., л. 87–88об.) и т. д. — всего 38 форм перфекта в этой повести об ослеплении Василька.**

Лишь в немногих случаях в благоприятных контекстных условиях именная специфика семантики перфекта может актуализироваться, причем встречаются такие примеры в наиболее книжных фрагментах текста, ср. в рассказе о старце Исакии:

- (7) **многажды во вѣси пакости дѣваху к мѹ и гл҃ху нашъ кси и поклонилсѧ кси нашѣмѹ старѣшинѣ и намъ (1074 г., Лавр., л.66).**

Употребление перфекта в поздней части ПВЛ уже существенно отличается от старославянского: перед нами складывающаяся традиция гибридного регистра книжного языка, для которой перфект становится основной формой речевого режима и употребляется с основным значением актуальности результата, а аорист и имперфект, несомненно отошедшие к XII в. в сферу пассивного знания (Зализняк 2004: 174), — формами летописного нарратива. Сходная картина наблюдается и в продолжающих ПВЛ летописях XII в.

3. Вопрос состоит в том, как эта восстанавливаемая по данным летописей картина соотносится с ситуацией в живом древнерусском языке XI–XII вв.

В не книжных текстах XI–XII вв. чаще всего перфект употребляется в результативном значении релевантности результата — так, как в летописях XII в.; характеризующих коннотаций с надежностью не просматривается. Ср. примеры из ранних берестяных грамот:

- (8) **вѣ:зѧ:лѣ: е:си: оу: о:тро:к[к]а: мо:е:го: кы:е:вѣ: гри:вѣ:ноу: се:ре:бра: при:сѣ:ли: коу:ны: о:же: не: при:сѣ:ле:ши: то: ти: вѣ: по:лы** ‘Ты взял в Киеве у моего отрока гривну серебра. Пришли деньги. Если не пришлешь, то [это станет займом] в половину (под 50% роста)’ №915, 3 четв. XI в. (Зализняк 2004: 243);

- (9) ѣзьскѣ роздрочени полъ пѣта десѣте гривнѣ да ѡзъ ти тоу сѣжоу а вѣлъчиноу си посѣли моужь инѣ ‘В Езьске разверстали сорок пять гривен. Да я вот сижу тут, а в Волочино-то пошли другого человека’ № 902, кон. XI — нач. XII в. (Там же: 247);
- (10) чемоу не восолеши чето ти есемо водала ковати. а дала тобѣ а нежатѣ не дала ‘Почему не присылаешь то, что я тебе дала выковать? Я дала тебе, а не Нежате’ №644, 10–20-е гг. XII в. (Там же: 267) и др.

Заметим, что такие «перфектные» контексты вообще наиболее часты для грамот в силу их прагматической специфики. При этом уже в ранних грамотах встречаются и случаи употребления перфекта в нарративных контекстах — как претерита, а не перфекта (Зализняк 2004: 173), ср.:

- (11) мене игоумене не поустиле а а прашалъ сѡ нѣ посѣлалъ сѣ Асафѣмъ кѣ посадьникоу медоу дѣла а пришла есвѣ оли звонили ‘меня игумен не пустил. А я отпрашивался, но он послал [меня] с Асафом к посаднику за медом. А пришли мы (двое), когда уже звонили’ №605, нач. XII в. (Там же: 271, 174);

ср. фрагмент длинной нарративной цепочки с формами перфекта из грамоты середины XII в.:

- (12) а въ [т]омъ ми сѡ не исправилъ въ борзѣ ни кѣ вамъ ни [т]ѣ ти былъ а въ томъ есмь осталъ по томъ пришли смерди ѿ Андрѣа мужъ пришли и дане ѡлли людѣе... №724, 60-е гг. XII в. (Там же: 350, 173).

В живом др.-рус. языке, как показывают некнижные тексты, перфект уже в XI в. расширял свою семантику, отрываясь от прагматически обусловленного значения актуальности результата и превращаясь в претерит, — для рубежа XI–XII вв. такое изменение уже несомненно.

Таким образом, в начале XI в. в летописных текстах мы еще видим архаичное употребление перфекта, указывающее на его связь с источником недавней грамматикализации, — преобладающее «характеризующее» значение. Для живого языка это значение, возможно, уже тогда было устаревшим, но скорее всего еще не исчезнувшим. В живом др.-рус. языке в XI в. шел активный процесс расширения семантики перфекта и отрыва его от исконной «именной» специфики: основное значение формы в некнижных текстах — значение актуальности результата, но уже для конца XI в. есть несомненные свидетельства дальнейшей эволюции перфекта в претерит — универсальное прошедшее время. XI век, очевидно, был переходным в истории др.-рус. системы прошедших времен: к XII в. старые простые претериты уже ушли в пассивное знание, а перфект уже мог

употребляться как универсальный претерит, сохранив следы своей былой «причастности» лишь в отдельных реликтах (см. Скачедубова 2019).

Оказывается, что собственно перфектом в вост.-слав. ареале он был крайне недолго: уже вскоре после грамматикализации с осложненной «именной» спецификой (\approx к IX–X вв. — точных свидетельств у нас нет) — уже в XI в. — он развивается в перфект с основным значением актуальности результата и почти сразу же «обрушивается» в претерит. Для перфекта характерна диахроническая нестабильность и небольшой срок жизни (Плунгян 2016: 22–23) — в вост.-слав. зоне эта недолговечность перфекта проявилась особенно ярко: утрата специфической «признаковой» коннотации и превращение в собственно перфект со значением актуальности результата привела к стремительному переходу формы из перфекта в претерит.

Литература

- Вайан А. 1952. *Руководство по старославянскому языку*. М.: Изд-во иностранной литературы.
- Гиппиус А. А. 2001. Рекоша дружина Игоревы... К лингвистической стратификации Начальной летописи. *Russian Linguistics*, v. 25, 147–181.
- Живов В. М. 2017. *История языка русской письменности*. В 2 т. М.: Университет Дмитрия Пожарского.
- Зализняк А. А. 2004. *Древненовгородский диалект*. 2-е изд. М.: ЯСК.
- Кузнецов П. С. 1961. *Очерки по морфологии праславянского языка*. М.: Изд-во АН СССР.
- Плунгян В. А. 2016. К типологии перфекта в языках мира: предисловие. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, т. 12, №2, 7–36.
- Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. 2017. Перфект в старославянском: был ли он результативным? *Slověne = Словъне: International Journal of Slavic Studies*, v. 6, n. 2, 13–56.
- Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. 2018. К типологии нерезультативного перфекта (на материале старославянского языка). *Slavistična revija*, l. 66, št. 4, 421–440.
- Скачедубова М. В. 2019. *Функционирование -л-формы в древнерусском нарративе (на материале ранних летописей)*. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: ИРЯ РАН.
- Топоров В. Н. 1961. К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола. *Вопросы славянского языкознания*. Вып. 5. М.: Изд-во АН СССР, 35–70.
- Шевелева М. Н. 2009. «Согласование времен» в языке древнерусских летописей. *Русский язык в научном освещении*, №2 (18), 144–174.

Перфект и перфектные формы в древнейшей редакции «Девгениева Деяния»

Алессандро Мария Бруни

Венецианский Университет Ка Фоскари; alessandromaria.bruni@unive.it

Настоящая статья посвящена особенностям употребления перфекта и перфектных форм в переводе византийской поэмы «Дигенис Акрит», известном в древнерусской литературе под названием «Девгениево Деяние». Дошедшие до нас греческие списки этого произведения расходятся между собой как в текстологическом, так и лингвистическом плане. Именно такую картину мы наблюдаем и в восточнославянской традиции, где сохранились две версии, которые различаются между собой и отличаются от сохранившихся византийских источников. Вполне возможно, перед нами переработка оригинала; тем не менее, нельзя исключить, что древнерусские редакции памятника отражают утраченные греческие прототипы. Объектом данного исследования является древнейшая из них, происхождение которой восходит к восточнославянской письменности XII–XIII вв. Этот текстологический пласт сохранился в рукописи РГБ, собр. Тихонравова, №399, 40-х гг. XVIII в.; благодаря выпискам Н. М. Карамзина можно также сделать вывод, что он читался и в Мусин-Пушкинском сборнике вместе со «Словом о полку Игореве» (Кузьмина 1962). Памятник только недавно стал объектом внимания со стороны ученых в связи с анализом его грамматических особенностей (Bruni 2014, Пичхадзе 2016). Следовательно, изучение этой проблемы еще находится на самых ранних этапах.

Как широко известно, в старославянских текстах наблюдается редкое употребление перфекта по сравнению с простыми претеритами. Заметное исключение составляли случаи, когда формы 2 и 3 лица ед. ч. аориста замещались перфектом для того, чтобы разрешить двусмысленность между ними. Более того, это позволяло избежать омонимии между формами аориста и повелительного наклонения у глаголов на -ити (см.: Вайан 1952, Пичхадзе 2011, MacRobert 2013). Данное явление постепенно стало нормой, особенно в восточнославянской среде, где эти формы вытеснялись перфектными. Что касается конкурирующего употребления аористных и перфектных форм в летописях, то в них простые претериты преоб-

ладают, в то время как перфект встречается, как правило, в прямой речи; более того, он употребляется как с препозицией, так и с постпозицией вспомогательного глагола с разным прагматическим фокусом (Плунгян, Урманчиева 2019б); в древнерусских литературных текстах, соответственно, перфект читается в диалогах (Успенский 2002). В берестяных грамотах, напротив, наблюдается обратная картина: аорист и имперфект крайне редки (Зализняк 2004: 173). В связи с этим, существует мнение о том, что эти два простых претерита отсутствовали уже в период первого южнославянского влияния. На это якобы указывают лингвистические данные источников, где отражена разговорная речь (Успенский 2002).

Определение семантики перфекта в языках мира является сложной задачей ввиду высокой степени его полисемии: как известно, его употребление отвечает разным значениям (Плунгян 2016). В древнегреческом уже на этапе койне перфект и аорист становятся полностью взаимозаменяемыми, а начиная с IV века нашей эры синтетический перфект выходит из употребления; вместо него возникает перифрастическая конструкция, которая становится нормой в текстах византийского периода, когда семантика перфекта нередко выражается формами аориста (Hinterberger 2014). Анализ старославянских памятников показывает, с одной стороны, что перфектом славянские книжники часто переводили греческие аористы (Drinka 2019); с другой стороны, он демонстрирует, что перфект использовался не только в результативных контекстах, но и в ряде других. Выяснилось, в частности, что он применялся для описания интерпретации определенного события, для характеристики субъекта действия, а также в экзистенциальных контекстах (Плунгян, Урманчиева 2017). Следовательно, результативное значение, которое долгое время считалось главным типологическим свойством старославянского перфекта, является далеко не единственным, если даже не минимальным компонентом в его семантике (Плунгян, Урманчиева 2019а).

«Девгениево Деяние» предлагает интересный материал для изучения конкурирующего употребления аориста и перфекта и для семантического анализа последнего. В древнейшей редакции памятника перфект употребляется исключительно в прямой речи; к тому же примеры со связкой немногочисленны. Они приводятся ниже (текст и перевод с древнерусского взяты из Творогов 1999).

- (1) ...глаголюще ему сице: якоже **еси** насъ смерти **не предаль**, но животь намъ **еси дароваль**, такоже насъ и с собою не вози, дай намъ свободу... (л. 13об.)

‘Говоря ему так: «Ты же смерти нас не предал и жизнь нам даровал, так не вози же нас с собою, возрати нам свободу...»’

- (2) ...уже бо **еси** многи вои **победил**, а отцу моему и братиши дай свободу, и не опечали матере моя, вскормивши тьбь жеңу... (л. 14)
 ‘Уже многих воинов ты победил, но отцу моему и братьям моим возврати свободу, не причини горя матери моей, вскормившей тебе жену...’
- (3) ...И рече ко отцу своему: «Ты, отче, пржежде силен **прослыть еси** силою и славою, и нынъ азъ — Божиею помощию и твоимъ благословениемъ и матернею молитвою — что есмь **здумаль**, то ми и збытся...» (л. 14)
 ‘И сказал так отцу своему: «Ты, отец, прежде прославился силой своей и славою, а теперь я — с Божьей помощью и твоим благословением и молитвами матери моей — что задумал, то и сбылось...»’
- (4) ...А ныне какъ **намыслилъ еси**, такъ и сотвори... (л. 17об.)
 ‘А сейчас уже делай так, как задумал...’
- (5) ...И рече: «О Стратигже преславны, кою дерзость имаши или сынове твои, иже **есмь исхитиль** у тьбь тцерь, и не бысть по мнъ погони от тьбь, ни от сыновъ твоихъ?» (л. 12об.)
 ‘И сказал: «О Стратиг преславный, где же отвага твоя и сыновей твоих, если я похитил твою дочь, но не помчались за мной в погоню ни ты сам, ни сыновья твои?»’

Более того, имеются также перфектные формы, которые используются в сослагательных конструкциях со связкой (об употреблении последней как гиперкорректный книжный элемент в древнерусском см.: Успенский 2002).

- (6) ...И рече дъвице: «Велика **есмь** срама **добыль**, аще не будетъ по мнъ погони, хоцу возвратитися и понось имъ сотворити...» (л. 12)
 ‘И сказал девице: «Покрою я себя великим позором, если не будет за мной погони; хочу вернуться и им самим бесчестье нанести»’.
- (7) ...Цареви жь своему рцйте: «Что какъ **удумаль еси** худобу мою видети, немного же поими воинъ с собою, да не разгневаеши мене...» (л. 16об.)
 ‘А царю своему скажите: «Если ты хочешь меня, недостойного, видеть, то возьми с собою воинов немного, чтобы не разгневать меня...»’.

Рассматривая вышеприведенные отрывки из «Девгениева Деяния», можно сделать следующие наблюдения. В первых трех из них перфект используется скорее для описания интерпретации события, нежели для результативности. Этот контекст близок к употреблению экзистенциаль-

ного перфекта: в нем подразумевается некий взгляд на ситуацию; более того, во (2) и (3) пассажах подчеркивается, что ситуация имела место по крайней мере один раз в прошлом. В отрывках (3) и (4) употребляются в форме перфекта глаголы *здуматися* и *намыслитися*, которые указывают не на какую-то конкретную ситуацию, имеющую четкую временную локализацию, а на резюмирующую характеристику события. В пятом примере перфект связывает описываемое событие с последующей ситуацией, которая локализуется в настоящем (*имаши*). Здесь он соседствует с аористом (*не бысть*), который употребляется для описания конкретной ситуации в результативном контексте. Что касается перфектных форм в сослагательных конструкциях (примеры (6), (7)), то они используются со значением условного наклонения, в частности для выражения реального условия.

В целом в «Девгениевом Деянии» для описания ситуации, имеющей четкую временную локализацию, используется аорист, который (вместе с имперфектом) является основной повествовательной формой в данном памятнике. Он применяется в результативном значении, даже в прямой речи, как показывают формы 2 лица ед. ч., которые, вопреки всеобщей тенденции, не заменяются перфектом (Bruni 2014). Нижеприведенные отрывки из текста показывают, что аорист передает информацию, известную слушателю, причем в первом из них, (8), в контексте типа ‘еще не’ (подобный пример читается в Супрасльской рукописи: Плуноян, Урманчиева 2017).

(8) *Стратиг бо уже приспе на тя со многими вои своими, а ты еще не собрал своих вой! Какъ ему даешь надежду твердо?* (л. 12об.)

‘То Стратиг уже пришел на тебя с бесчисленным войском своим, а ты еще своих воинов не собрал! Зачем же вселяешь в него надежду?’

(9) *...глаголюще ему тако: «О великое чудо, сотворимое тобою, младым юношемъ, о дерзость благодатная! Стратига победи и тищерь его исхити!» И рече имъ Девгений: «Не азъ победихъ Стратигову силу, но Божию силою побежденъ бысть»...* (л. 15)

‘Воскликая: «О великое чудо, совершенное тобой, молодым юношей, о смелость твоя благодатная! Стратига победил и дочь его похитил!» Отвечал им Девгений: «Не я победил силу Стратигову, но Божьей силой он побежден»’.

По результатам проведенного анализа можно сделать следующие выводы. Рассмотрение вышеприведенных отрывков указывает на существование нескольких значений перфекта в соответствии с моделью, предложенной в работе В. А. Плунояна и А. Ю. Урманчиевой (2017). В «Девге-

ниевом Деянии» перфект используется как для описания ситуации, не имеющей четкой временной локализации, так и для ее обсуждения. Более того, намечается тенденция параллельного использования перфекта и аориста (см. выше пример (5)), которая может быть интерпретирована как признак взаимозаменяемости этих форм. Бросается в глаза редкое явление сохранения формы 2-го лица ед. ч. аориста там, где, казалось бы, следовало ожидать его замены перфектом.

Все вышесказанное позволяет прийти к заключению о том, что в «Девгениевом Деянии» аорист тяготеет к семантике перфекта, а также, что результативность далеко не является основным компонентом значения последнего. В этом отношении глагольная система памятника соответствует общим древнерусским тенденциям; однако она имеет свои особенности, которые, несомненно, заслуживают дальнейшего исследования в типологическом ключе, в частности в целях более тщательного сопоставления со среднегреческим языком оригинального текста.

Литература

- Вайан А. 1952. *Руководство по старославянскому языку*. М.: Издательство иностранной литературы.
- Зализняк А. А. 2004. *Древненовгородский диалект*. 2-е изд. М.: ЯСК.
- Кузьмина В. Д. 1962. *Девгениево деяние (Деяние прежних времен храбрых человек)*. М.: Изд-во АН СССР.
- Пичхадзе А. А. 2011. *Переводческая деятельность в домонгольской Руси. Лингвистический аспект*. М.: Рукописные памятники Древней Руси.
- Пичхадзе А. А. 2016. Языковые особенности древнерусских эпических текстов. В сб.: *Язык: поиски, факты, гипотезы. К 100-летию со дня рождения Н. Ю. Шведовой*. М.: Лексрус, 605–620.
- Плунгян В. А. 2016. К типологии перфекта в языках мира: предисловие. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, т. 12, ч. 2, 7–36.
- Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. 2017. Перфект в старославянском: был ли он результативным? *Slověne = Словъне: International Journal of Slavic Studies*, v. 6, п. 2, 13–56.
- Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. 2019а. К типологии нерезультативного перфекта (на материале старославянского языка). *Slavistična revija*, l. 66, št. 4, 421–440.
- Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. 2019б. Перфект со связкой в «Повести временных лет» как фокусная конструкция. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, т. 15, ч. 3, 223–249.
- Творогов О. В. 1999. Девгениево деяние. Подготовка текста, перевод и комментарии. В сб.: Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, А. А. Алексеев, Н. В. Поньрко (ред.). *Библиотека литературы Древней Руси*. Т. 3. СПб.: Наука, 58–91.

- Успенский Б. А. 2002. *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*. М.: Аспект пресс.
- Bruni A. M. 2014 (2015). The language of the Old East Slavic “Digenis Akritis”: A few preliminary remarks. *Russica Romana*, 21, 9–41.
- Drinka B. 2019. The perfects of Eastern “Standard Average European”: Byzantine Greek, Old Church Slavonic, and the role of roofing. In: A. Danylenko, M. Nomachi (eds.). *Slavic on the language map of Europe: Historical and areal-typological dimensions (Trends in linguistics. Studies and monographs, v. 333)*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 145–186.
- Hinterberger M. 2014. The synthetic perfect in Byzantine literature. In: M. Hinterberger (ed.). *The language of Byzantine learned literature*. Turnhout: Brepols, 176–204.
- MacRobert C. M. 2013. The competing use of perfect and aorist tenses in Old Church Slavonic. *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*, v. 82, n. 4, 387–407.

Между грамматикой и прагматикой: дубитативное предбудущее в западнорусских грамотах XVI в.

Я. А. Пенькова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; amoena@inbox.ru

В последние десятилетия чрезвычайно возрос интерес к т. н. диахронически нестабильным категориям. К таковым можно отнести и *предбудущее* — коррелят перфекта и плюсквамперфекта, имеющий показатели референции к будущему и предшествования (таксиса). Оправданность такого подхода сформулирована В. А. Плунгяном на материале других категорий с участием перфекта:

«По мере эволюции перфекта семантическое противопоставление между презентным перфектом и претеритальным плюсквамперфектом всё более усложняется и идиоматизируется, приводя в конечном счете к их включению в разные семантические зоны. Если перфект перестает быть “результативом настоящего времени” <...> то плюсквамперфект <...> перестает быть “результативом прошедшего времени”, утрачивая не только результативное, но зачастую и таксисное значение и развивая значения из семантической зоны “сверхпрошлого» (Плунгян 2016: 21).

Однако это обобщение оказывается верным и для предбудущего: если по мере эволюции перфекта усложняется и идиоматизируется семантическое противопоставление между ним и плюсквамперфектом, то равнозначного усложнения и идиоматизации мы вправе ожидать от противопоставления между перфектом и футуральным перфектом, т. е. предбудущим. И такую идиоматизацию мы находим во многих языках Европы (Пенькова 2019). Славянские языки не являются исключением, более того, именно в истории славянских языков предбудущее обнаруживает наиболее продвинутую степень грамматикализации (Пенькова 2018).

В Пенькова 2019 рассмотрены различные «эпистемические» употребления форм предбудущего, т. е. какие модально-эвиденциальные стратегии они способны развивать. Однако в источниках по западнорусской деловой письменности XVI в., а именно — в судебных делах Литовской Метрики XVI в., автору этого очерка удалось обнаружить особую разновидность дубитативного употребления форм предбудущего, до сих пор не описан-

ную в литературе. В настоящей работе предпринимается попытка предложить объяснение ее специфике и возможным путям формирования.

В западнорусском языке, на котором велось делопроизводство в Великом княжестве Литовском, формы предбудущего образовывались так же, как в древнерусском языке — с помощью вспомогательного глагола *быть* в форме перфективного презенса и так называемого л-причастия:

- (1) *И мы казали пану Юрью Пацовичу, какъ ит насъ Полтескъ деръжалъ, того ся доведати, естли то владычныи люди **будуть были*** (ПГ, 380, 1502 г. Список к. XVI — н. XVII вв.).

‘И мы велели пану Юрью Пацовичу, когда он был нашим воеводой в Полоцке, выяснить, архиерейские ли это **были** люди’.

В западнорусском деловом языке предбудущее, как правило, употреблялось в зависимых предикациях для обозначения каких-либо потенциально возможных ситуаций или ситуаций, относящихся к плану прошлого, о которых говорящий не обладает точной информацией (ср. (1)). Отсутствие полной информации побуждает говорящего выражать эпистемическую дистанцию по отношению к сообщаемому при помощи форм предбудущего.

Однако в судебных делах встречается особый и довольно распространенный тип контекстов, в которых предбудущее используется не просто для снятия ассертивности, но для пересказа чужих слов и одновременно выражения сомнения в истинности «пересказываемого», т. е. *маркированного несогласия с цитируемым мнением оппонента*, ср.:

- (2) *И [мы] спытали кончавых людей: што къ таму за отпоръ маеть? И яни [так!] рекли: мы, пановъ, жадного есмо ему кгвалту не чинили, кгвалтомъ есмо на дворець его не находили, а ни замковъ у свирновъ есмо не отрубавали... И Скромовский рекъ: естьли **будеть** вы моцью кгвалтомъ на мой дворець не **находили**, и челеди моее не **перебили**, и замковъ у свирновъ **не поотрубали**, — тотъ мой дворець стаить при вяликой дарозь, а въ тотъ часъ тою дорогою ехали три члѣвки королевскии, люди добрыи, тыи лю[ди] тотъ кгваль видели, шлюся тѣперь на тыи люди добрыи* (ЛМ, 57, 1510 г.).

‘и мы допросили людей Кончия: какое возражение на это имеете? И они сказали: мы, господа, никакого разбоя не чинили, разбойного нападения на дворец его не совершали, замков у житниц не сбивали... И Скромовский сказал: если вы [говорите, что] на мой дворец разбойного нападения **якобы не совершали** и слуг моих **якобы не перебили**, и замков у житниц **якобы не сбивали**, то

[я возражу так:] мой дворец стоит у большой дороги, а в то время той дорогой ехали три королевских слуги, знатные люди, те люди тот разбой видели, ссылаюсь теперь на свидетельство тех людей’.

- (3) *И Янко рекъ: правда есть, пограблтъ я 4 кони, да пану е сме далъ, а собъ е сме ихъ не покорыставалъ. И Торкачь рекъ: не далъ ты тыхъ моихъ коней пану своему, самъ еси ихъ покорыстовалъ; а будешь ли ихъ пану отдалъ, а ими не покорыстовалъ, присягни на томъ, а либо я присягну* (ЛМ, 50, 1510 г.).

‘и Янко сказал: это правда, я украл четырех коней и отдал их господину, а сам ими не пользовался. И Торкач сказал: не дал ты тех моих коней господину, ты сам ими пользовался; а если [ты говоришь, что] ты их **якобы отдал** господину, а ими не **пользовался**, то [я скажу так:] присягни на этом, или я присягну’.

Все эти и подобные примеры устроены схожим образом. Точка зрения одного из участников судебного разбирательства передается с помощью форм прошедшего времени (бывшего перфекта, эволюционировавшего в претерит, ср.: *есмо не чинили, есмо не находили...*). Если же при этом его противник не согласен с сообщаемым и хочет поставить сообщаемое под сомнение, то возражающий «цитирует» речь своего оппонента, добавляя к формам прошедшего времени показатель будущего (*будете не находили*). Это позволяет перевести ситуацию из реальной модальности в ирреальную.

В таких употреблении значение предбудущего чрезвычайно близко ксенопоказателю *якобы*, который, с одной стороны, указывает на передачу «чужой» речи, а с другой стороны, — на то, что говорящий не признает истинность ситуации (Плунгян 2008), ср.:

- (4) *У них, сволочей, всё признаешь, — усмехнулся кто-то рядом на нарах. — Что родную мать убил, и то признаешь. Это тут некоторые пыль пускают, а там они... — Это прямо относилось ко мне, это я **якобы** ничего **не признал** и ничего **не подписал*** (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей / Приложение (1964) НКРЯ).

Другая аналогия к такому употреблению предбудущего — болгарский дубитатив, который объединяет выражение косвенной эвиденциальности с недоверием к сообщаемому, ср:

- (5) — *Вишната ц ъ ф на.*
— *Ти пѣк, **била цѣфнала!** Май нецо недвиждаш.*
— *‘Вишня зацвела.*
— *Да как же, **расцвела** она! Ты, кажется, что-то путаешь’* (Алексова, 2018).

Отличительной же особенностью рассматриваемых употреблений предбудущего в деловом языке ВКЛ является то, что они фиксируются исключительно в контексте условного протасиса, что нетипично, например, для дубитатива. Важно также, что все такие употребления встречаются не в «обычных» условных предложениях, а в таких, в которых семантическая связь между клаузами, соединенными условным союзом, не является условно-следственной. В условных предложениях с условно-следственной семантикой предбудущее не имеет такой дубитативной интерпретации, ср. продолжение контекста (2):

(6) *Верю твоему сумненью: естьли **будуть** тые люди мои тотъ кгвалъ **учинили**, и я тобъ тыи люди шиemi выдаю, а платити тобъ за нихъ кгвалту не буду* (ЛМ, 57, 1510 г.).

‘Верю твоему сомнению: если **окажется**, что те люди мои **учинили** тот разбой, то я тебе выдам их головами, а платить тебе за их разбой не буду’.

Такие *шлюкутивные* условные предложения, как в примерах (2) и (3) выше, фактически представляют собой косвенные речевые акты (см., например, Санников 2008: 53–70), чрезвычайно близкие особой конструкции в современном русском языке ‘если это X, то я — [любое невозможное отождествление]’, призванной выразить, что ‘X на самом деле не есть X’ или по крайней мере не соответствует представлениям говорящего о том, каким должен быть X. С их помощью говорящий сопоставляет степень вероятности описываемой ситуации, находящейся в протасисе, со степенью вероятности ситуации в аподосисе, которая равна нулю, ср. пример из НКРЯ:

(7) *Официант! Если это молодой цыпленок, то я — Папа Римский!* (Коллекция анекдотов: официанты (1970–2000)).

Цитируемые выше контексты из судных дел (2), (3) представляют собой определенный этап конвенционализации, или *прагматикализации*, подобных условных предложений, содержащих формы предбудущего, — закрепление таких конструкций в функции косвенного речевого акта (о понятии *прагматикализации* см. Diewald 2011). Иными словами, предбудущее в контексте с условным союзом в неканонических условных предложениях становится маркером косвенного речевого акта опровержения, несогласия, «отмены» утверждаемого оппонентом. В чем-то такое развитие близко описанному в Петрухин 2013 *перформативному* употреблению сверхсложного прошедшего в западнорусских грамотах, которое тоже «отменяет», аннулирует, однако не свидетельство оппонента, а некоторое распоряжение, установленное предыдущим актом:

- (8) *И мы им тоє село дали вечно, непорушно, со всим с тым, што к тому селу здав[н]а прислухало. А што были есмо перво сего тоє село дали боярину смоленскому Митку Телибуку и листъ есмо ему на то нашъ дали, ино мы ему тот нашъ лист зламали* (LM6: 174, 1498 г., Петрухин 2013: 92).

‘И мы им то село передали в пожизненное пользование, вместе со всем, что к этому селу издавна относилось. А что касается того, что мы ранее то село **давали** смоленскому боярину Митку Телибуку и грамоту ему в подтверждение дали, то мы эту грамоту аннулировали’.

Последнее показывает, что и в сфере прагматики предбудущее коррелирует именно со сверхсложным прошедшим, а не с перфектом, который на восточнославянской территории в XVI в. уже представлял собой немаркированное прошедшее.

Литература

- Алексова К. 2018. *Дубитатив в современном болгарском языке. Презентация*. Семинар по проекта «Эволюция на граматическия строеж на българския и руския език в съпоставителен план: корпусен анализ и формални граматика», Москва, 30.11.2018 г.
- ЛМ — *Русская историческая библиотека*, т. 20: *Литовская метрика*, т. 1. Петербург: Императорская археографическая комиссия, 1903.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>
- ПГ — А. Л. Хорошкевич (ред.), С. В. Полехов, В. А. Воронин, А. И. Груша, А. А. Жлутко, Е. Р. Сквайрс, А. Г. Тюльпин. *Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в.* Т. 2. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015.
- Петрухин П. В. 2013. К прагматике сверхсложного прошедшего времени в восточнославянской письменности. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, Neue Folge 1, 74–98.
- Пенькова Я. А. 2018. От ретроспективности к проспективности: грамматикализация предбудущего в языках Европы. *Вопросы языкознания*, №2, 53–70.
- Пенькова Я. А. 2019. Модально-эвиденциальные стратегии предбудущего: анкетирование и корпусные данные. *Вопросы языкознания*, №6, 7–31.
- Плунгян В. А. 2008. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: «мол», «якобы» и другие. In: В. Wiemer, V. A. Plungjan (Hrsg.). *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen (Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72)*. München: Otto Sagner, 285–311.
- Плунгян В. А. 2016. К типологии перфекта в языках мира: предисловие. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, т. 12, №2, 7–36.
- Diewald G. 2011. Pragmaticalization (defined) as grammaticalization of discourse functions. *Linguistics*, v. 49, iss. 2, 365–390.
- LM6 — *Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 6 (1494–1506)*. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas, 2007.

Плюсквамперфект в итальянском языке и его эквиваленты в русском

Франческа Фичи

Флорентийский университет; frafici39@gmail.com

1. Что такое Плюсквамперфект

Плюсквамперфект (Пкф) — сложная форма прошедшего времени глагола, встречающаяся в разных языках, с грамматическими показателями, имеющими формальное и семантическое сходство. Одно из основных значений Пкф — указание на событие, предшествующее другому событию. Эта глагольная форма представляет собой объединение двух категорий: семантической (предшествование) и грамматической (прошедшего) (Сичинава 2001). В итальянском языке Пкф характеризуется вспомогательным глаголом в форме имперфекта и лексическим компонентом в форме причастия. Исходя из темпоральных свойств этой формы глагола, в работе Vertinetto 2014, посвященной неконвенциональным функциям итальянского Плюсквамперфекта, автор, вслед за Рейхенбахом, показывал, как эта сложная форма глагола позволяет выдвигать вперед последовательность в речи и ставить событие в условное место, соответствующее актуальному статусу речи: «Using Reichenbach's (1947) conventions, an event (E) expressed by the PPF occurs before the Speech Time (S), but after a contextually determined Reference Time (R)». Другими словами, исходя из времени высказывания (S, speaking time), Пкф предусматривает существование двух событий в прошлом, следующих одно за другим:

___ E ___ R ___ S ___

Quando il sipario si è aperto (R), la prima ballerina era scomparsa (E).

‘Когда занавес поднялся, прима-балерина уже исчезла’.

В русском языке данная последовательность событий в прошлом передается посредством наречия *уже*. При отсутствии его время E оставалось бы двусмысленным, или же действия бы происходили в обратном порядке (*балерина исчезла после открытия занавеса*).

Иными словами, главная функция Пкф — выделить временной порядок событий. Цель этой статьи — представить некоторые функции Пкф

в итальянском языке и соответствующие формы или обороты на русском. При этом мы будем иметь в виду не только те случаи, когда Пкф понимается с точки зрения взаимного расположения событий в прошлом, то есть помогает локализовать события на оси времени (раздел 2), но и случаи, когда эта форма глагола сопровождается изменением существующей локализации и при этом ассоциирует событие с отношением к нему говорящего. Это значение мы определили как модальное. Для определения этой категории мы пользовались понятием «ретроспективный сдвиг» (Плунгян 2001) (раздел 3). Отдельно (раздел 4) мы обратили внимание на конструкции русского языка с частицей *было* в сопоставлении с итальянским Пкф. В разделе 5 мы предлагаем предварительные итоги исследования.

2. Пкф выражает последовательность событий в прошлом

В итальянском языке Пкф с временной функцией (т. е. как выражение давнопрошедшего события или события, предшествующего другому) встречается чаще всего в повествовании, т. е. в письменной речи, в 3-м лице. Этим объясняется, почему данная форма глагола типична в воспоминаниях. Мы приведем некоторые примеры на итальянском и на русском языках. Часть из них взята из воспоминаний итальянской писательницы Наталии Гинзбург «*Lessico familiare*» с соответствующим переводом Г. Смирнова «Семейные беседы», оба текста доступны в Интернете. Другие примеры взяты из НКРЯ (преимущественно из параллельного корпуса). Как мы увидим, взаимное расположение событий на оси времени в прошлом, которое в итальянском языке передается посредством Пкф, в русском может остаться не выраженным специальной формой, но передается через контекст или посредством наречий или частиц со значением времени. В частности:

2.1. В русском языке последовательность событий выводится из контекста:

- (1) *Mio padre diceva che nessuno [...] aveva ereditato la passione per la montagna* (Ginzburg).

‘Отец говорил, что никто [...] не унаследовал его страсти к горам’.

Глагол *essere* ‘быть’ в форме Пкф (*era stato/stata*) может быть признаком неактуальности состояния, в частности относиться к человеку, которого уже нет в живых:

- (2) *Il Silvio era stato un musicista e un letterato* (Ginzburg).

‘Сильвио был поэтом и композитором’.

2.2. Событие E, предшествующее R, выражается причастием или деепричастием прошедшего времени:

(3) (*Mio padre*) **si lamentava** (R) [...] *della nostra serva Natalina che gli aveva messo in disordine certi libri* (E) (Ginzburg).

‘Отец жаловался [...] на нашу служанку Наталину, разворошившую все его книги’.

2.3. Предшествование события в прошлом передается посредством наречий, имеющих прямое или относительное значение времени, таких как *давно* — *da tempo*, *накануне* — *alla vigilia*, *заранее* — *in precedenza*, *уже* — *già*, или предусматривающих событие, которое еще не имело место (*еще не* — *non ancora*):

(4) *Quanto al nonno Parente, era morto da tempo* (Ginzburg).

‘Что до дедушки Паренте, то он давно умер’.

(5) *Mать его болела психически. Шиллов заранее предупреждал, когда ее выписывали домой.*

‘Sua madre soffriva di una malattia psichica. Šilov lo aveva avvertito quando l’avevano dimessa’.

(6) *Но Паша сказал, что все уже решил, обратной дороги нет.*

‘Ma Pavel mi disse che aveva deciso e che non sarebbe tornato sui suoi passi’.

2.4. Итальянский глагол в форме Пкф при переводе на русский может номинализироваться; в данном случае предшествование одного события другому передается посредством наречия *после* — *dopo*.

(7) *Dopo che aveva litigato con Alberto e s'erano picchiati* (Ginzburg).

‘После ссор и драк с Альберто ...’

3. Модальные функции итальянского Пкф и «ретроспективный сдвиг»

Иногда Плюсквамперфект помещает ситуацию в семантическую зону, где сопоставляются два события с точки зрения не только их последовательности во времени, но и их соотношения с действительностью или с ожидаемой ситуацией. Эта функция Пкф была описана Плунгяном (2001) как «ретроспективный сдвиг». В «ретроспективный сдвиг» может входить и нарушение нормального хода события (Сичинава 2018). Принимая во внимание работы Vertinetto 1986, Korzen 2003, Gardelli 2018 о модальных характеристиках Пкф в итальянском языке, мне показалось, что и на них можно взглянуть в свете этого понятия, так как они касаются отношения

говорящего к событию. В этом разделе мы будем рассматривать употребления Пкф в итальянском языке, когда эта глагольная форма отражает отношение говорящего к событию, т. е. его модальные характеристики. В эту категорию входит и аннулирование ожидаемого результата какого-либо события, и констатация его неосуществимости.

3.1. Нарушение ожидаемого результата. В итальянском языке существует поговорка *col senno di poi* (англ. *in hindsight*), близкая по значению русскому *задним умом* или *непредусмотрительно*. Их можно передать посредством наречия *invano* ‘напрасно’ (букв. ‘впустую’). Если мы смотрим на событие, начиная с момента констатации его последствий, мы увидим, как фактически в этот оборот включаются два события, одно из которых может «остаться за кулисами» (невыраженным). Например:

(8) (*Col senno di poi*) *egli si accorse di aver perduto un’ottima occasione. Invano non aveva accettato quella ottima proposta.*

‘(Задним умом) он отдавал себе отчет, что потерял невозвратимую возможность. **Напрасно** он отказался от отличного предложения’.

(9) *Jura* думал, что **напрасно** все-таки они уехали из дому.

‘*Jura pensava che forse avevano fatto male a uscire*’.

3.2. Гипотетическая модальность. Гипотезис вводится частицей *se* ‘если’, ‘если бы’, за которой следует протазис с глаголом в условном наклонении.

(10) *Se avesse vinto la lista dell’avvocato, [...] il campanile sarebbe stato rimesso a posto.*

‘**Если бы выиграли** люди адвоката, починка колокольни **была бы** мне обеспечена’.

3.3. Посредством Пкф можно ввести мягкое, не прямое предложение к собеседнику:

(11) *Aevamo pensato di andare a Vienna. Che ne dici?*

букв.: ‘**Мы подумали**, не поехать ли нам в Вену. Что ты об этом думаешь?’ (перевод мой).

3.4. Пкф может подчёркивать особенно вежливое обращение к собеседнику:

(12) «*Я шел к тебе за делом с утра*», — начал он, уж вовсе не грубо.

“**Ero venuto da te per una faccenda**”, cominciò, abbandonando del tutto i toni rozzi’.

3.5. В разговорной речи, особенно в устном регистре, референция высказывания, выраженного глаголом в форме Пкф, может «оставаться за

кулисами», т. е. «прятаться» за дополнением в форме местоимения (обычно *lo* 'это'), при условии, конечно, что собеседник в состоянии определить его. Например: *Te lo avevo detto* 'Ведь я тебе это говорил', *Me l'ero immaginato* 'Я так и думал'. Функцию этой имплицитной ремы в русском языке может вводить частица *же* или *ведь*, или маркированный порядок слов (13). В случае, когда никакими языковыми средствами рема не выражена, при высказывании решающую роль играет интонация.

(13) *«Ve l'avevo detto», disse uscendo.*

'«Говорил я вам», — произнес он, подходя к двери'.

4. Аннулирование результата и частица *было*

Одна из функций Пкф — аннулирование ожидаемого результата какого-нибудь события или нарушение нормального хода событий, последовательность которых обычно обнаруживается в ближайшем контексте (Сичинава 2018). В итальянском, как и в русском языке, аннулирование результата выделяется посредством союза *ma* 'но'.

В художественных текстах на русском языке, особенно при некоторых глаголах СВ (в частности *сказать*, *подумать*, *решить*) и при *хотеть*, встречались и до сих пор встречаются глагольные обороты с частицей *было*, которая может следовать (*Он сказал было*) или, реже в современном языке, предшествовать глаголу в форме перфекта (*Я было подумал*). Об исторических, грамматических, семантических свойствах этой частицы и о ее позиции по отношению к глаголу см., в частности, Князев 2007, Попова-Боттино 2009, Сичинава 2018:

(14) *Решил было* наказать себя лишением кофе, *но* тот кончился ещё вечером.

'*Avevo deciso di punirmi privandomi del caffè, ma* la sera prima era già finito'.

Если же частица *было* предшествует глаголу, это отражается в просодии и имеет последствия в функции высказывания (Попова-Боттино 2009: 77). Но разница между двумя конструкциями не ограничивается этим: конструкции с *было* в энклитической позиции часто предвещают, что ожидаемое событие не состоялось из-за другого события, выраженного предложением с союзом *но* (см. 14). Значение оборота < *было* глагол >, редкого и стилистически маркированного в современных текстах, может выражать чистое временное значение, т. е. следование событий во времени, как Пкф итальянского языка:

- (15) — *А я было подумал, что-то новое. Лэри хрюкнул.*
 ‘— E io **avevo pensato** che ci fossero novità. Lery grugnì’.

5. Заключение

Целью моего анализа итальянского плюсквамперфекта является попытка представить семантические сходства и различия между этой формой и соответствующими конструкциями в русском языке. Если этот сопоставительный анализ будет продолжен, необходимо обратить должное внимание на те обороты, которые я определила как модальные.

Литература

- Князев Ю. П. 2007. *Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе*. М.: ЯСК.
- Плунгян В. А. 2001. Антирезультатив: до и после результата. В сб.: В. А. Плунгян (ред.). *Исследования по теории грамматики*. Вып. 1: *Глагольные категории*. М.: Русские словари, 50–88.
- Попова-Боттино Т. Л. 2009. Проблема размещения частицы *было* с точки зрения коммуникативного анализа. *Вопросы языкознания*, №4, 72–86.
- Сичинава Д. В. 2001. Плюсквамперфект и ретроспективный сдвиг в языке сантали. В сб.: В. А. Плунгян (ред.). *Исследования по теории грамматики*. Вып. 1: *Глагольные категории*. М.: Русские словари, 89–114.
- Сичинава Д. В. 2018. Частица *было*: порядок слов, семантика и информационная структура предложения. *Rhema. Рема*, №1, 82–100.
- Bertinetto P. M. 1986. *Tempo, aspetto e azione nel verbo italiano*. Firenze: Accademia della Crusca.
- Bertinetto P. M. 2014. Non-conventional uses of the Pluperfect in the Italian (and German) literary prose. In: E. Labeau, J. Bres (eds.). *Evolution in Romance verbal system*. Berne: Peter Lang, 145–170.
- Gardelli M. 2018. *Il trapassato prossimo nell'italiano contemporaneo*. Firenze: Cesati Ed.
- Korzen J. 2003. Il Trapassato Prossimo. Tempo o modo? In: M. Giacomo-Marcellesi, A. Rocchetti (eds.). *Il verbo italiano*. Roma: Bulzoni, 179–196.
- Reichenbach H. 1947. *Elements of symbolic logic*. New York: Macmillan.

Нефинитные формы глагола

Коммуникативный статус пропозиций и псевдосочинительная полипредикативная конструкция

А. Б. Шлуинский

Институт языкознания РАН; ash1@yandex.ru

Этот текст изначально был написан в 2002 г. для сборника статей молодых ученых филфака МГУ по мотивам дипломной работы, защищенной в том же году под руководством юбиляра. Сборник несколько лет ждал своего часа, а когда в конце концов вышел, именно этой статьи по неизвестным причинам в нем не оказалось. Теперь я подумал, что фештшриффт — хороший случай статью, которая имеет непосредственное отношение к В. А., открыть, отредактировать, более чем вдвое сократить и все-таки напечатать. Конечно, внесенная правка не меняет того, что, мягко говоря, не полностью учтено всё значимое для ее темы, что с тех пор произошло в лингвистике и что узнал лично я.

Я с ужасом заметил, что формально в статье нет ссылок на работы В. А., что странно для фештшриффта. Он знает и я знаю, что тюркский материал здесь рассматривается через оптику, обусловленную тем, что в 1998 г. им была объявлена тема курсовой работы о ведийском иньюнктиве с позиций типологии глагольных категорий, но как догадаются другие читатели? Скажу главное: это исследование находится в ряду заданного юбиляром направления поиска ключей к употреблению грамем не только собственно в грамматической семантике, но и в функционировании дискурсивных и коммуникативных категорий¹.

Предметом рассмотрения будут семантические свойства т. н. псевдосочинительных полипредикативных конструкций, обладающих следующими свойствами. Глагольные формы, которые являются синтаксическими

¹ Считаю своим долгом поблагодарить В. А. Плуиняна за несколько лет научного руководства, эта статья, как уже сказано, малая толика того, что происходило в те годы. Я также благодарен А. Г. Пазельской, с которой я много обсуждал тему статьи и примеры которой частично используются в работе; Е. В. Падучевой за консультации по проблемам коммуникативного статуса; Н. М. Стойновой за прочтение и замечания еще в 2002 г.

вершинами этих предикаций, морфологически неоднородны и неравноправны: одна из них выражает грамматические значения, относящиеся ко всей конструкции, а другая, нефинитная, имеет только отсылку к первой. Обе возглавляемые ими предикации равно важны для говорящего, то есть семантически конструкция является сочинительной². Цель работы — показать, какие семантические свойства предикаций определяют эту равную важность. Материалом работы³ являются деепричастные конструкции мишарского диалекта татарского языка и низового диалекта чувашского языка, но пафос касается и прочих псевдосочинительных конструкций.

Пример деепричастной псевдосочинительной конструкции представлен в (1a), где один глагол имеет показатель гортатива, а другой глагол употреблен в форме деепричастия, однако с семантической точки зрения перед нами два равноправных призыва говорящего к самому себе. Таким образом, в (1a) деепричастие наследует значение гортатива у финитной формы и тем самым вместе с возглавляемой им предикацией входит в сферу действия этого показателя и модального оператора, который является его значением. Сравним (1a) с (1b), где употреблена другая деепричастная форма, выражающая обстоятельственное значение предшествования и не входящая в сферу действия гортатива⁴. Это различие в семантической структуре «обычных» и псевдосочинительных полипредикативных конструкций во многом объясняет сочинительную семантику последних.

(1) ТАТАРСКИЙ

- a. *alma aša-p kit-i-m*
яблоко есть-CVB уходить-НОРТ-1SG
'Съем-ка я яблоко и уйду-ка'.
- b. *alma aša-gač kit-i-m*
яблоко есть-CVB.ANT уходить-НОРТ-1SG
'Уйду-ка я, когда съем яблоко'.

Формализацию интуитивного понятия важности предикации для говорящего предлагает теория дискурса, в частности Теория риторических структур (Mann et al. 1992), где различаются равноправные и неравноправные дискурсивные отношения между предикациями. Среди равноправных основные два — это отношения Последовательности (Sequence)

² Эти конструкции часто (но не всегда) проявляют и свойства синтаксического сочинения — см., например, Рудницкая 1997 для корейского языка. Синтаксическая тематика остается за пределами статьи.

³ Собран в экспедициях ОТиПЛ МГУ 1999–2001 гг.

⁴ Аналогичные пары примеров для турецкого языка см. в Johanson 1995: 323.

и Конъюнкции (Joint), соответствующие цепочкам предикаций, которые описывают ряд ситуаций, происходящих последовательно или одновременно. Неравноправных отношений введено существенно больше, из них интерес представляет Обстоятельство (Circumstance), соответствующее двум ситуациям, происходящим одновременно или последовательно, так что одна из них имеет меньшую дискурсивную значимость. Так, Конъюнкцию иллюстрирует *Вася лежит и читает*, а Обстоятельство — *Вася читает лежа*. В такой терминологической системе конструкции, как в (1а), примечательны тем, что в них асимметричное морфологическое оформление использовано не для Обстоятельства, а для равноправных Последовательности и Конъюнкции.

Полипредикативные псевдосочинительные конструкции не являются единственным типом псевдосочинительных конструкций: существуют комитативные конструкции, приобретающие сочинительное значение. Если деепричастие обычно выражает понижение дискурсивной значимости ситуации, то комитатив указывает на пониженную дискурсивную значимость ее участника. Как показано в Архипов 2001⁵, комитативная конструкция различает между собой участников ситуации, имеющих одну и ту же семантическую роль, но разный коммуникативный ранг. В Падучева 1998 коммуникативный ранг участника определяется синтаксической функцией соответствующей ему именной группы. Сочиненные именные группы имеют одинаковый коммуникативный ранг, а в комитативной конструкции комитативная именная группа всегда имеет периферийный коммуникативный ранг, а некомитативная — более высокий. При этом в псевдосочинительной конструкции одна из именных групп оформляется комитативом, однако образует с другой единую синтаксическую составляющую и тем самым получает и тот же коммуникативный ранг, как в *Маша с Васей пришли*.

Если продолжить аналогию двух типов псевдосочинительных конструкций, то возникает вопрос об аналоге понятия коммуникативного ранга для пропозиции. Говорить о коммуникативном ранге пропозиции в том же смысле, что и о коммуникативном ранге участника ситуации, невозможно, так как у предикации нет набора ранжированных синтаксических позиций. Однако пропозиции имеют другой тип свойств, отличающих их друг от друга, — коммуникативный статус. В Падучева 1996: 243 различаются ассертивный, пресуппозитивный, имплицативный, нейтральный, атрибутивный коммуникативный статусы и другие. Как известно, пропо-

⁵ В последующих работах А. В. Архипова рассуждение модифицировано, в частности, не используется терминологический аппарат Е. В. Падучевой.

зиции, имеющие пресуппозитивный статус, отличаются от пропозиций, имеющих ассертивный статус, тем, что не входят в сферу действия оператора отрицания, а также модальных операторов. Упомянем атрибутивный статус: если ассерция входит в сферу действия оператора отрицания, то атрибут туда не входит, но, в отличие от пресуппозиции, не сохраняет истинность, «а лишается смысла и пропадает» (Падучева 1996: 244). В русском языке для атрибутивного статуса пропозиции, выраженной отдельной предикацией, используется деепричастный оборот: *Вася читает лежа*. Аналогичная отрицательная конструкция — в условиях нейтральной информационной структуры — находится на грани приемлемости: **Вася не читает лежа*. Однако в татарском и чувашском языках предикации с деепричастиями могут быть и ассерциями, и пресуппозициями.

Суммируя, дискурсивное отношение Обстоятельства, а не Конъюнкции или Последовательности, пониженная дискурсивная значимость некоторой предикации и, как частое следствие, редукция ее морфологического оформления являются формальным отражением атрибутивного коммуникативного статуса. Две равноправные, то есть семантически сочиненные, пропозиции имеют равный коммуникативный статус, по умолчанию ассертивный. Тогда в псевдосочинительной деепричастной конструкции коммуникативный статус пропозиции, выражаемой предикацией с нефинитной формой, и коммуникативный статус пропозиции, выражаемой предикацией с финитной формой, должны совпадать.

Так, деепричастие на *-se* в (2b) наследует значение дезидератива у финитной формы. На семантическом уровне предложению (2b) соответствует модальный оператор желания, в сферу действия которого входят две пропозиции. То, что деепричастие входит в сферу действия оператора, подтверждается тем, что его коммуникативный статус является ассертивным. С другой стороны, ассертивный статус пропозиции ‘Вася ест суп’ в (2a) вынуждает ее, по определению, входить в сферу действия оператора желания в (2b) и тем самым наследовать значение дезидератива. В (2c) употреблена другая деепричастная форма, имеющая значение предшествования. Пропозиция, выражаемая обстоятельственным предложением времени, как правило, имеет пресуппозитивный коммуникативный статус и, следовательно, не должна входить в сферу действия модальных операторов. Как и ожидается, в (2c) пропозиция ‘Вася ест суп’ сохраняет значение истины, то есть является пресуппозицией.

(2) ЧУВАШСКИЙ

- a. *vaš'ša jaška ši-se čej iš-et'*
 Вася суп есть-CVB чай пить-PRS.3SG
 ‘Вася ест суп и пьет чай’.

b. *vašš'a jaška ši-se čej iš-es-šën*

Вася суп есть-CVB чай пить-FUT-DESID

‘Вася хочет есть суп и пить чай’.

c. *vašš'a jaška ši-sen čej iš-es-šën*

Вася суп есть-CVB.COND чай пить-FUT-DESID

‘Вася, съев суп, хочет пить чай’.

Существенно, что в татарском и чувашском языках наследование деепричастием отрицания у финитного глагола сопряжено с наследованием модальности: деепричастие рассматриваемого типа либо входит в сферу действия обеих категорий, либо не входит в сферу действия ни одной из них. Так, чувашская форма на *-se* многозначная и может быть как псевдосочинительной и ассерцией (3а.1), так и подчинительной и пресуппозицией (3а.2), но каждое из этих двух значений последовательно взаимодействует с обоими типами операторов (3б).

(3) ЧУВАШСКИЙ

a. *jaška ši-se čej iše-t-ën*

суп есть-CVB чай пить-PRS-2SG

1. ‘Ты ешь суп и пьешь чай’.

2. ≈ ‘Ты, когда ешь суп, пьешь чай’.

b. *jaška ši-se čej an iš*

суп есть-CVB чай PRON пить.IMP

1. ‘Не ешь суп и не пей чай’.

2. ≈ ‘Когда ешь суп, не пей чай’.

3. *‘Ешь суп и не пей чай’.

4. *‘Когда не ешь суп, не пей чай’.

Таким образом, способность нефинитной глагольной формы наследовать значения глагольных категорий финитной объясняется равным коммуникативным статусом пропозиций, что, в свою очередь, коррелировано с семантическим равноправием этих пропозиций, то есть с семантическим сочинением и с равноправным дискурсивным отношением.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; CVB — деепричастие; CVB.ANT — деепричастие предшествования; CVB.COND — деепричастие условия или предшествования; DESID — дезидератив; FUT — будущее время; HORT — гортатив; IMP — императив; PRS — настоящее время; PRON — прохитив; SG — единственное число.

Литература

- Архипов А. В. 2001. *Когнитивная и формальная структура комитативных конструкций*. Дипломная работа. М.: МГУ.
- Падучева Е. В. 1996. *Семантические исследования*. М.: ЯРК.
- Падучева Е. В. 1998. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики. *Семиотика и информатика*, вып. 36, 82–107.
- Рудницкая Е. Л. 1997. Проблема алтайского сочинения в корейском языке. *Вопросы языкознания*, №6, 89–99.
- Johanson L. 1995. On Turkic converb clauses. In: M. Haspelmath, E. König (eds.). *Converbs in cross-linguistic perspective*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 313–348.
- Mann W. C., Matthiessen Ch., Thompson S. A. 1992. Rhetorical structure theory and text analysis. In: W. C. Mann, S. A. Thompson (eds.). *Discourse description: Diverse linguistic analyses of a fund-raising text*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 39–78.

Причастие в древнеармянском языке и диахрония результативных конструкций

Д. Д. Дундуа

Оксфордский университет; dmitry.dundua@ling-phil.ox.ac.uk

Автору повезло поработать над загадочным древнеармянским причастием прошедшего времени под руководством (и большим влиянием) В. А. Плунгяна какое-то время назад. Настоящая заметка посвящена одной из многочисленных проблем, связанных с синхронией и диахронией этой формы. Хочется верить, что она соответствует общему направлению нашей работы.

1. Синхрония

С морфосинтаксической точки зрения, древнеармянское причастие прошедшего времени на *-eal* демонстрирует необычно широкую функциональность: (а) оно используется в ИГ, (б) входит в состав аналитических форм перфекта, плюсквамперфекта и перфекта будущего времени, (в) употребляется в конвербиальной функции, также (д) причастные формы без связки могут возглавлять независимое предложение:

- (1) *areal dayekac' = n pahuc'eal i dur'n kayser*
брат.РТСР наставник.GEN.PL = DEF бежать.РТСР PREP дверь кесарь.GEN.SG
'(В это время кто-то спас от рук злодея одного из сыновей армянского царя Хосрова, младенца по имени Трдат.) Его взяли кормилицы и бежали к царскому двору' (Агатангелос 36)¹.

Другая любопытная особенность этой формы — это генитивное маркирование субъекта переходных предикатов в аналитических формах, конвербиальных употреблениях и в употреблениях причастия как предиката независимой клаузы (см. (1)). При этом в аналитических конструкциях с генитивным субъектом связка выступает в неизменяемой форме третьего лица единственного числа. Объект неизменно стоит в аккумулятиве (здесь маркированном предлогом *z*):

¹ Перевод К. С. Тер-Давтян и С. С. Аревшатяна с небольшими изменениями.

- (2) *z = inč' gorc gorceal ē k'o*
 PREP = что дело делать.PTCP быть.PRAES.3SG ты.GEN.SG
 '... что Ты сделал?' (Ин. 18:35)²

С точки зрения семантики, в причастии, во-первых, наблюдается лабильность: в тех глаголах, в которых противопоставлены формы актива и медиопассива, эта оппозиция устраняется. Во-вторых, форма на *-eal* на первый взгляд крайне вариативна в аспектуальной семантике: будучи образована от неопредельных предикатов, она может иметь стативную/дуративную интерпретацию, от предельных — результивную (субъектную и объектную в смысле Недялков, Яхонтов 1983); в некоторых случаях единственно возможное прочтение — перфективное. Однако эта вариативность имеет довольно четкие корреляции с определенными морфосинтаксическими конфигурациями. В составе ИГ причастие соответствует прототипу статива/объектного результива, кодируя результирующее состояние предельных предикатов и не меняя поверхностную семантику неопредельных³:

- (3) *ew or z = arjakeal = n arnē šnay:*
 и REL PREP = освобождать.PTCP = DEF брат.ПРАЕС.3SG грешить.ПРАЕС.3SG
 '... и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует' (Мф. 5:31).
- (4) *ew oč' z = ban nora unik' i jez bnakeal*
 и NEG PREP = слово он.GEN.SG иметь.ПРАЕС.2SG PREP ты.ACC.PL обитать.PTCP
 '... и не имеете слова Его, пребывающего в вас' (Ин. 5:38).

Не будем специально останавливаться на семантике аналитических форм, которая была подробно описана в работах Lyonnet 1933 и Семёнова 2016. По словам Кс. П. Семёновой, для перфекта⁴ «доминирующим ... является результивное употребление, однако “результативный прототип” уже начинает разрушаться: достаточно отчетливо выделяются классы стативных и экспериенциальных контекстов» (2016: 308). Подчеркнем лишь наличие и регулярность употреблений, где аналитическая конструкция имеет форму субъектного результива или результивного перфекта (провести четкую границу между ними зачастую сложно). Нам важны три факта. Во-первых, в отличие от других интерпретаций, общих для аналитических конструкций и причастий в составе ИГ, именно эта не встречается в по-

² Синодальный перевод.

³ На наш взгляд, такое состояние деривируется от *события вхождения* в исходное состояние, но это не важно для изложения.

⁴ Семантика плюсквамперфекта и перфекта будущего времени не так важна для целей этой статьи; кодировка актантов идентична той, что наблюдается в перфекте.

следних. Во-вторых, такая интерпретация сохраняет аргументную структуру исходного предиката: в аналитических конструкциях причастие может быть и S-, и A-, и P-ориентированным, в отличие от S/P-ориентированных причастий в ИГ (Haspelmath 1994). В-третьих, как уже упоминалось выше, в аналитических конструкциях наблюдается любопытное трехчастное кодирование актантов: S — номинатив, A — генитив, P — аккузатив.

Причастия в функциях конверба и вершины независимой предикации в подавляющем большинстве случаев имеют перфективную интерпретацию; что касается падежной кодировки, то тут используется та же трехчастная стратегия (см. (1)).

2. Диахрония

В достаточно обширной литературе существуют различные сценарии возникновения такой ситуации; последний из них был недавно предложен Р. Майером (Meyer 2017, там же см. обзор предыдущих подходов). Как кажется, его реконструкция, хотя и находится на верном пути, требует некоторой модификации.

Майер находит источник трехчастной стратегии в эргативной конструкции среднеперсидского и парфянского. Известно, что армянский находился под сильным иранским культурным и политическим влиянием, с лингвистической точки зрения это отражается в колоссальном числе лексических иранизмов и в некоторых примечательных грамматических изоглоссах (Meyer 2017: 207–254). Древнеармянский аналитический перфект Майер считает результатом заимствования эргативного претерита из парфянского и дальнейшей его эволюции внутри армянского.

В среднеиранских языках наблюдается явление расщепленной эргативности: эргативное кодирование ограничено аналитическим претеритом, основанным на форме результативного причастия, где копула идентична бытийному глаголу, а субъект переходной предикации оформляется обликвусом, структурно соответствующим армянскому генитиву (оба используются для кодирования предикативной посессивности). Но в отличие от армянского, в первом случае кодировка актантов действительно эргативная ($S=P \neq A$), а мишенью согласования копулы является S/P-аргумент; в третьем лице единственного числа копула отсутствует. Аспектуальная интерпретация среднеиранской конструкции — перфективная, а не результативно-перфектная.

Майер считает, что в древнеармянском эта конструкция была заимствована в форме без связи и затем с помощью новой, неизменяемой формы связи «встроена» в спряжение. Аккузатив прямого объекта он объяс-

няет последующей нормализацией эргативного маркирования по аккумулятивной модели: генитивный субъект тоже довольно быстро исчезает в последующей истории языка. Нефинитные формы в независимых клаузах таким образом объясняются автоматически как более архаичные, морфосинтаксис конвербов — как развившийся под влиянием этих конструкций. Исходные, унаследованные конструкции — это адъективные причастия с S/P-ориентацией. Так как в среднеиранских языках причастные формы, послужившие основой для аналитического прошедшего времени, имеют идентичные адъективные употребления, именно они служат стимулом для заимствования претерита. Формы со связкой в 3 ед. являются результатом внутриязыковой эволюции: в древнейших армянских текстах засвидетельствованы как формы со связкой, так и без, причем число первых увеличивается со временем. К тому же, как отмечено в Minassian 1980, причастия без связки более частотны в подчиненных клаузах и под отрицанием — контекстах, с типологической точки зрения более консервативных, чем независимые клаузы (Bybee 2001).

Такая реконструкция не учитывает одного важного факта. Аспектуальная интерпретация форм со связкой и без различна: последние, как и их среднеиранские модели, имеют перфективную интерпретацию (хотя могут выступать в перфектных контекстах), тогда как первые близки к результативно-перфектному прототипу. Например, формы со связкой имеют презентную референцию и сочетаются с обстоятельствами настоящего времени (как *aužt* ‘сейчас’). При этом, как показано в Lyonnet 1933: 104–112, в нарративных контекстах формы со связкой не употребляются; в то же время формы без нее употребляются свободно — см. пример (1) выше и другие в Lyonnet 1933: 153–155.

На наш взгляд, такая ситуация лучше соответствует несколько иному диахроническому сценарию. **1.** Изначально, *eal*-причастие — это объективный результатив, совмещенный со стативом, имперсоналом и стательным пассивом, с презентной референцией «по умолчанию» и ориентацией на S/P. Такие формы употребляются в составе как ИГ, так и аналитических конструкций со связкой, согласованной с субъектом. Они функционально эквивалентны перфекту в ведийском и гомеровском греческом. **2.** Как и ведийские и греческие, армянские причастия приобретают конвербиальные употребления, где они меняют семантику: презентная референция «по умолчанию» невозможна, т. к. временная интерпретация конверба привязана к матричному предикату. Затем стательный компонент результатива, подвергаясь коэрсии, исчезает, и остается только акциональный — референция к событию, но не результирующему состоянию. Ориентация по-прежнему на S/P. **3.** Армянский заимствует эргативный прете-

рит из парфянского в форме без копулы и с перфективной интерпретацией. 4. Конструкция с генитивным субъектом и неизменяемой копулой возникает, с одной стороны, под влиянием эргативного претерита, у которого она берет возможность сохранять исходную аргументную структуру (отсюда А-ориентация причастия), с другой — уже существующего статива/объектного результата, из семантики которого новая конструкция «достраивает» результирующее состояние с презентной референцией. Неизменяемая форма связки возникает вследствие парадигматического давления уже существующих непреходных результирующих форм со связкой, согласующейся с подлежащим, однако — по идее Майера — в переходных перфектах согласование невозможно из-за генитивной и аккузативной кодировки А- и Р-аргументов, соответственно. Полученная конструкция вместе с непреходными аналитическими формами образует засвидетельствованную в языке парадигму перфекта. Параллельно генитивная стратегия кодировки агенса проникает и в семантически перфективные конвербы.

Отметим три факта. Во-первых, все четыре стадии зафиксированы в древнеармянских текстах. См. показательный контекст, где мы видим контраст между конструкциями из первого и третьего этапа:

- (5) *ays ē hac' = n or y = erknic' ijeal*
 DEM быть.3SG.ACT хлеб = DEF REL PREP = небо.GEN.PL спускаться.ПТСР
ē; zi or utic' ē ok' i smanē
 быть.3SG.ACT COMP REL есть.SUBJ.PRAES.3SG INDEF PREP он.ABL.SG
mi meranic'i
 NEG умирать.SUBJ.PRAES.3SG
 '...хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрет' (Ин. 6:50).

- (6) *Es em hac' = n kendani or y = erknic' ijeal*
 я быть.PRAES.1SG хлеб = DEF живой REL PREP = небо.GEN.PL спускаться.ПТСР
 'Я хлеб живой, спешший с небес ...' (Ин. 6:51).

Стативная/дуративная интерпретация конструкции со связкой в (5) соответствует унаследованной семантике армянского причастия, а конструкция без связки в (6) является точным функциональным эквивалентом среднеиранского претерита (заметим, что в греческом оригинале первому примеру соответствует презенс, второму — аорист).

Во-вторых, если такой сценарий верен, грабар представляет собой типологически любопытный случай появления результирующе-перфектной конструкции как следствие не прямой эволюции из результата, а гибридизации, в которой участвовал как результатив, так и заимствованный перфектив, который, в свою очередь, типологически является более поздним этапом эволюции перфектных форм.

В-третьих, более осмысленно говорить об эволюции не формы на *-eal*, а различных конструкций с ней: именно конструкции, понимаемые как пары морфосинтаксических свойств и аспектуальной семантики, появляются в истории языка на разных этапах, но сохраняются в синхронии⁵. В то же время стимулом к изменению служат отдельные их формальные и функциональные свойства, что, в свою очередь, может привести к появлению новых конструкций. С такой точки зрения многофункциональность древнеармянского причастия выглядит более гетерогенной, но менее таинственной.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; ACT — активный залог; AOR — аорист; COMP — комплементаризер; DEF — определённый артикль; DEM — демонстратив; GEN — генитив; IPFCT — имперфект; MP — медиопассивный залог; NEG — отрицание; NOM — номинатив; PART — частица; PL — множественное число; PRAES — настоящее время; PREP — предлог; PTCP — причастие; REL — относительное местоимение; SG — единственное число; SUBJ — конъюнктив.

Литература

- Козлов А. А. 2016. Мокшанский результатив и диахрония результативной конструкции. *Вопросы языкознания*, №1, 51–75.
- Недялков В. П., Яхонтов С. Е. 1983. Типология результативных конструкций. В сб.: В. П. Недялков. (отв. ред.). *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект)*. Л.: Наука, 5–41.
- Семёнова Кс. П. 2016. Семантика форм перфекта в древнеармянских Евангелиях. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, т. 12, ч. 2, 289–314.
- Bybee J. L. 2001. Main clauses are innovative, subordinate clauses are conservative. In: J. L. Bybee, M. Noonan (eds.). *Complex sentences in grammar and discourse: Essays in honor of Sandra A. Thompson*. Amsterdam: Benjamins, 1–17.
- Haspelmath M. 1994. Passive participles across languages. In: B. Fox, P. J. Hopper (eds.). *Voice: Form and Function*. Amsterdam: Benjamins, 151–177.
- Lyonnet S. 1933. *Le parfait en arménien classique, principalement dans la traduction des Évangiles et chez Eznik*. Paris: Champion.
- Meyer R. 2017. *Iranian-Armenian language contact in and before the 5th century CE*. PhD. Oxford: University of Oxford.
- Minassian M. 1980. Emplois du participe en *-eal* en arménien classique. *Annual of Armenian Linguistics*, v. 1, 69–95.

⁵ О сходной логике диахронического развития результатива в мокшанском языке см. Козлов 2016.

Об одном разночтении в Новгородской Первой летописи старшего и младшего изводов

М. В. Ермолова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» /
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
maria-anna2121@yandex.ru

Новгородская первая летопись представлена двумя изводами: старшим и младшим (далее НПЛ ст. и НПЛ мл., соответственно). НПЛ ст. представлена единственным списком (Синодальным) и состоит из двух частей. Первая часть была писана ок. 1234 г., вторая часть — ок. 1330 г. НПЛ мл. была составлена в конце 30-х гг. XV в. Ее основными списками являются Комиссионный (середина XV в.) и Академический (40-е гг. XV в.) (Словарь книжников и книжности 1987: 246, Гиппиус 1997).

В НПЛ ст. и мл. по Комиссионному списку представлено следующее разночтение¹:

- (1) НПЛ ст. л. 23 (1143 г.) **Въ то же лѣто ходиша Корела на Ёмь, и отвѣжаша ѿ лонвѣ вѣти** — НПЛ мл. л. 106 об. **В то же лѣто ходиша Корѣла на Ёмь, и отвѣжаша, ѿ лонвѣ извѣилѣ.**

До сих пор данное разночтение не анализировалось в научной литературе. Между тем, анализируемые формы и сам характер разночтения выявляют ранее не обсуждавшиеся свойства причастных форм вообще и -л-формы в частности.

Обратимся сначала к контексту из НПЛ ст. Сочетание «ѿ лонвѣ», по всей видимости, следует понимать как беспредложное употребление дв. ч. местного падежа, т. е. ‘в двух лодках’ (*лоива* — ‘большая парусная лодка, судно’)². «Беспредложный локатив места в оригинальных русских памятниках вплоть до XIII в. представляет явление широко распространенное» (Григорьева 1948: 131). Чаще всего он употребляется с именами собственными, ср.: сѣде **Кыевѣ** (ПВЛ по Лаврентьевскому списку, 1068 г.),

¹ Текст воспроизводится по изданию (НПЛ ст. и мл. 1950).

² Кроме того, можно предположить, что за ѿ лонвѣ скрывается гаплография въ ѿ лонвѣ.

прѣставися Святославъ Переяслави (НПЛ ст., л. 8), тако пошло Новгородѣ (Новгородская договорная гр. 1270 или 1269 г. №3) (примеры взяты у А. Д. Григорьевой (1948: 131), В. И. Борковского и П. С. Кузнецова (1963/2009: 442)). Примеры с беспредложными локативами нарицательных существительных хотя и очень редки, но тем не менее существуют, ср.: и положиша и оу стѣн Софьи притворѣ (НПЛ ст., л. 169.), не могу с тобою жити вдиномъ мѣстѣ (Киевская летопись, л. 191), и положиша и оу стѣн Софин головахъ оу дѣда (НПЛ ст., л. 88) (примеры взяты у П. А. Лавровского (1852: 99–100)). Такие примеры есть и в ранних берестяных грамотах, ср.: одиномо ти мь(сте) (грамота 227, 2 п. XII в.), середѣ (грамота 842, 1 п. XII в.) и др. (см. Зализняк 2004: 162). Таким образом, анализируемый пример из НПЛ ст. нужно понимать следующим образом: ‘В тот же год карелы ходили на емь, и отступили в двух лодках побитые’.

В аналогичном контексте из НПЛ мл. вместо страдательного причастия бити (м. р., им. п., мн. ч.) представлена форма извилѣ. Как известно, одной из особенностей древненовгородского диалекта являлась возможность употребления флексии -ѣ вместо -и в им. п. мн. ч. м. р. -ѣ-склонения (см. Зализняк 2004: 109–110). Это же окончание известно и у -л-причастия: первый пример из берестяных грамот относится к 3 четверти XII в. (сѣгонилѣ, грамота 821), много таких примеров становится в XIV–XV вв. (там же: 110). Таким образом, в НПЛ мл. и в НПЛ ст. мы имеем дело с причастиями, употребленными в одной и той же форме. Разница заключается в том, что в старшем изводе используется пассивное причастие, в то время как в младшем — активное. Если извилѣ переводить как форму бессвязочного перфекта, то перевод примера из НПЛ мл. должен выглядеть следующим образом: ‘В тот же год карелы ходили на емь, и отступили, в двух лодках побили’. Смысл предложения при таком переводе остается не очень ясным: кто был в двух лодках? Почему о действии *побили* сообщается после действия *отступили*, хотя хронологически *побили* предшествует *отступили*? Кроме того, смысл двух примеров получается диаметрально противоположным: в НПЛ ст. побитыми оказались карелы, в НПЛ мл. — емь.

Если предположить, что в НПЛ мл. -л-форма извилѣ употреблена не в своей основной функции (в качестве составной части форм сложных времен), а самостоятельно (в качестве причастия прошедшего времени), то контекст становится более понятным.

Об употреблении -л-форм непосредственно в причастном значении в древнерусском языке писал А. А. Потебня (1888/1958: 239–243). Он отмечает, что такие примеры редки, но, тем не менее, существуют, ср. два древних примера из НПЛ мл. и Кирилла Туровского: *милостыни*,

съв(ъ)күпилася (=совокупившись) съ постомъ и молитвою, отъ смерти избавляетъ человекѣа (НПЛ мл. 181 об.); кто се естъ царь славы, съ толкою на ны пришеаъ (=пришедший?) властью (Кирилл Туровский, Калайдович 1821: 38–39). Гипотеза о возможности функционирования -л-формы непосредственно в качестве причастия прошедшего времени высказывается в Скачедубова 2019. Однако рассматриваемый контекст необычен не просто тем, что -л-причастие употреблено самостоятельно, но и тем, что оно, очевидно, выступает как страдательное, а не действительное причастие, т. е. *избилъ* следует понимать как ‘побитые’, как и форму *вигти*. Такое употребление ранее не фиксировалось в научной литературе. Тем не менее, если принять во внимание материал как русского, так и других славянских языков, оно не кажется невероятным.

Славянским языкам известны -л-прилагательные/причастия со страдательным значением. Так, в словаре русского языка XI–XVII вв. (СлРЯ 1975–2004) находим такие прилагательные, как *измождаый* ‘изношенный’ (XIII в.), *припекый* ‘прижаренный’ (XVI в.), *запекый* ‘запекшийся’ (XVI в.), *поднесый* ‘вытянувшийся’ (XVI в.), ‘изможденный’ (XVII в.) и др. Такие прилагательные/причастия есть во многих славянских языках, ср.: словенск. *zrasel* ‘выращенный’, польск. *podniosły* ‘приподнятый’ (примеры взяты у Ф. Копечного (Корецнý 1958: 157–159)), чешск. *podezřelý* ‘подозреваемый’. В польском некоторые страдательные причастия/прилагательные имеют дублетные -л-формы, ср.: *przeleknięty* — *przelekły* ‘испуганный’. Такая же ситуация, по данным Ю. В. Шевелева, наблюдается в украинском языке: встречаются формы *заголілий* вместо *заголений* (‘оголенный’), *закурілий* вместо *закурений* (‘запыленный’), *похнюплий* вместо *похнюпений* (‘потупленный, понурый’) (Šerech 1953: 27–29). С. П. Бевзенко (1980: 146) отмечает, что в некоторых западноукраинских говорах причастия с суффиксом -л- нередко вытесняют страдательные причастия с суффиксами -н-/-т-, ср.: *заспалий*, *напилий*, *набилый*.

Интересно, что в славянских языках возможно не только использование действительной -л-формы «вместо» страдательной на -н-/-т-, но и наоборот: употребление пассивного суффикса вместо активного. Следующие примеры из украинского приводит Ю. В. Шевелев: *підпитий/підпийлий* ‘выпивший, подпитый’, *напийлий/напийтий* ‘напившийся’, *запізнений/запізнилий* ‘опоздавший’ (Šerech 1953: 27–29). Аналогичная ситуация наблюдается в польском: *wyrodziły/wyrodzony* ‘выродившийся’, ‘испуганный’, *zmarzły/zmarznięty* ‘замерзший’, *zeschły/zeschnięty* ‘высохший’. Подобное явление есть и в болгарском: *лъснал/лъснат* ‘блестящий’, *усмихнат* ‘улыбающийся’, *запъхтян* ‘запыхавшийся’ (Корецнý 1958: 155). Ряду чешских прилагательных/причастий на -л- в словацком соответствуют пассивные

формы, например: чешск. *opuchlý* — словацк. *opuchnutý* ‘опухший’, чешск. *vpadlý* — словацк. *vpadnutý* ‘впальный’ (там же: 154). В Мельничук (ред.) 1966: 244 отмечается, что особенно часто в славянских языках причастия/прилагательные с суффиксами *-н-/-т-*, имеющие, однако, активное значение, образуются от возвратных глаголов совершенного вида; такие образования есть в украинском, белорусском, польском, нижнелужицком, верхнелужицком, чешском, словацком, сербо-хорватском, македонском, болгарском и словенском языках, ср.: укр. *уsmіхнений (уsmіхнутися)* ‘улыбающийся’, белор. *ніжэйпадпісаны (ніжэй падпісацца)* ‘нижеподписавшийся’, польск. *rozśpiewany (rozśpiewać się)* ‘поющий, распевшийся’, н.-луж. *wuspany (wuspaś se)* и в.-луж. *wuspany (wuspać so)* ‘выспавшийся’, чешск. *rozkročený (rozkročiti se)* ‘расставивший ноги’, словацк. *usmiaty (usmiat' sa)* ‘улыбающийся’, мак. *насмеан (насмее се)* ‘ухмыляющийся’, серб.-хорв. *замисљен (замислити се)* ‘задумчивый’, болг. *решен (реша се)* ‘решившийся’, словен. *naveličan (naveličati se)* ‘уставший’.

Ю. В. Шевелев подобную взаимозаменяемость активных и пассивных образований объясняет тем, что залоговое значение отходит на второй план: «Diese Verbreitung wurde nur möglich, weil die angeführten Fälle sich auf die <...> Prozesse der Genus-Neutralisierung des Partizips stützen können»³ (Šerech 1953: 18). На первое же место выходит значение результата, состояния, наблюдаемое у всех рассматриваемых в данном контексте прилагательных/причастий (Šerech 1953: 28).

Таким образом, материал славянских языков свидетельствует о возможной взаимозаменяемости суффиксов *-л-* и *-н-/-т-* у причастий/прилагательных с результативным значением. Тот факт, что подобное явление зафиксировано в языках всех трех групп, говорит о его древности. Следовательно, есть основания предполагать, что в рассматриваемом примере из НПЛ мл. форму *извилѣ* можно интерпретировать как употребленную в страдательном значении. В таком случае понятными становятся и синтаксическая структура контекста, и его смысл, а расхождение по смыслу с примером из НПЛ ст. оказывается мнимым.

Интересно, что в Академическом списке в анализируемом контексте выступает вариант *двѣ лонвѣ извили* ‘две лодки побили’. Согласно выводам А. А. Гиппиуса (1997), тексты НПЛ ст. и НПЛ мл. восходят к разным протографам. Вероятно, в протографе НПЛ ст. была форма *виги*, в протографе НПЛ мл. — *извилѣ*. Создатель Академического списка, по всей видимости, не понял конструкцию *ѣ лонвѣ извилѣ*: употребление беспред-

³ Подобное явление могло получать распространение только потому, что происходила нейтрализация залогового значения причастия.

ложного местного падежа в XV в. было архаизмом, возможность же употребления формы *извѣнѣ* в страдательном значении явно была периферийным явлением. В связи с этим писец меняет конструкцию на понятную ему, тем самым кардинально изменяя смысл предложения: в его варианте получается, что карелы не вернулись побитыми, а сами побили две лодки.

Литература

- Бевзенко С. П. 1980. *Діалектологія*. Київ: Вища школа.
- Борковский В. И., Кузнецов П. С. 1963/2009. *Историческая грамматика русского языка*. М: URSS.
- Гиппиус А. А. 1997. К истории сложения текста Новгородской первой летописи. В сб.: *Новгородский исторический сборник*, вып. 6 (16). СПб: Дмитрий Буланин, 3–72.
- Григорьева А. Д. 1948. К отношениям предложности и беспредложности локатива в русском языке. *Доклады и сообщения Института русского языка*, вып. 1. М.: Изд-во АН СССР, 27–156.
- Зализняк А. А. 2004. *Древненовгородский диалект*. 2-е изд. М.: ЯСК.
- Калайдович К. Ф. 1821. *Творения Кирилла, епископа Туровского. Памятники русской словесности XII века*. М.: В тип. С. Селивановского.
- Лавровский П. А. 1852. *О языке северных русских летописей*. СПб: В тип. Императорской Академии наук.
- Мельничук О. С. (ред). 1966. *Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов*. Київ: Наукова думка.
- НПЛ ст. и мл. 1950 — *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР.
- Потебня А. А. 1888/1958. *Из записок по русской грамматике*. Т. I–II. М.: Учпедгиз.
- Скачедубова М. В. 2019. *Функционирование -л-формы в древнерусском нарративе (на материале ранних летописей)*. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: ИРЯ РАН.
- Словарь книжников и книжности 1987 — *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. I (XI — первая половина XIV в.). Л.: Наука.
- СлРЯ 1975–2004 — *Словарь русского языка XI–XVII вв*. Вып. 1–30, Справочный выпуск. М.: Наука.
- Кореčný F. 1958. *Přišedší, zahynuvší -přišlý, zahynulý (Příspěvek k problému slovan-ského přičestí l-ového)*. В сб.: В. В. Виноградов и др. (ред.). *IV Международный съезд славистов: Славянская филология*. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 138–163.
- Šerech J. 1953. *Participium universale im Slavischen (Slavistica, n. 16)*. Winnipeg: Verlag der Ukrainischen Freien Akademie der Wissenschaften.

Французское действительное причастие vs. отглагольное прилагательное: вопросы согласования

В. М. Ковальская

независимый исследователь; foi_forgee@mail.ru

1. Введение

Вопрос разграничения причастия и отглагольного прилагательного не раз ставился в грамматиках и теоретических исследованиях как по французскому (ср., например, описание в терминах транспозиции в Гак 2000 и в терминах трансляции в Теньер 1988), так и по русскому языку (см. о проблеме адъективации причастий в rusgram.ru/Причастие, а также причастие vs. псевдопричастие в Плунгян 2010).

Особенный интерес для французского языка представляет оппозиция действительного причастия и отглагольного прилагательного. Традиционно считается (например, в современной грамматике Grevisse, Da Silva-Genest 2018: 156), что причастие, представляя собой словоформу глагола и, соответственно, сохраняя аргументную структуру и семантику, свойственные глагольной лексеме, не согласуется с именной вершиной. В свою очередь, отглагольное прилагательное является отдельной лексемой с собственным (часто специализированным по сравнению с исходным глаголом) значением и проявляет соответствующие категориальные признаки¹: согласуется с именной вершиной в (женском) роде и (множественном) числе, а также не имеет валентностей, свойственных глаголу. Собственно, настоящее исследование представляет собой попытку проверить эти тезисы на синхронном материале (главным образом из сети Интернет), содержащем дериваты одного единственного французского глагола, выбранного в связи с экстралингвистическим поводом.

Кроме того, исследование причастия-словоформы vs. отглагольного прилагательного-лексемы представляется значимым и для понимания процесса лексикализации (в первую очередь в смысле Brinton, Traugott

¹ Подробнее на этот счет в типологическом ракурсе см. статью Гращенков, Лютикова 2018.

2005), и конверсии как способа словообразования (см., прежде всего, Мельчук 1995, а также Ковальская 2016).

2. Языковая единица *plongeant*: согласование, семантика и зависимые

Характерным для французского языка образом глагол *plonger* проявляет лабильность² (ср., например, *sortir* ‘выходить’, ‘вытаскивать’; *casser* ‘разбить’, ‘разбиться’). Ядерным значением переходного глагола *plonger* является ‘погружать’ (*plonger la louche dans la soupière* ‘опустить половник в супницу’, ср. более специализированное *plonger l'épée dans le dos* ‘вонзить меч в спину’, а также частное *plonger la main dans la poche* ‘засунуть руку в карман’ и переносное *plonger le peuple dans la dépression* ‘повергнуть народ в депрессию’). Как следует из сведений толкового (Larousse) и француско-русского (АВВУ Lingvo) словарей, переходный глагол *plonger* имеет обязательные валентности: на прямое дополнение и на косвенное с локативным значением (в подавляющем большинстве случаев вводимое предлогом *dans* ‘в’, но см. (1с)). При реализации указанной аргументной структуры и сохранении семантики исходного глагола причастие *plongeant* не допускает согласования с именной вершиной ни в женском роде (1а), ни во множественном числе (1b–с).

(1) а. *Gretel la poussa de toutes ses forces, **plongeant**/***plongeante** la vilaine sorcière dans le feu* (reverso.net).

‘Гретель толкнула ее изо всех сил, **погрузив** гадкую колдунью в огонь’³.

б. *Il est inquiétant de voir que **les tensions au Liban n'ont pas diminué l'année dernière, **plongeant**/***plongeants** le pays dans un cycle sans fin de crises politiques*** (reverso.net).

‘Тревожно наблюдать за сохраняющимся вот уже более года напряженными обстоятельствами в Ливане, **повергающими** страну в бесконечную череду политических кризисов’.

с. *Des gens **plongeant**/***plongeants** leurs mains par la fenêtre d'un taxi, pour mendier* (reverso.net).

‘Люди, **просовывающие** руки в окна такси ради подаяния’.

² См. Haspelmath 1993.

³ Переводы выполнены автором в стремлении найти оптимальный компромисс между сохранением синтаксической структуры французского примера и смысловой приемлемостью русских предложений.

Непереходный глагол *plonger* имеет значения ‘нырять’ (тж. более специально: *l’aigle plonge* ‘орел **пикирует**’, *plonger vers la balle* ‘**нырнуть** за мячом’), ‘погружаться’ (в частности *plonger dans la lecture / dans la dépression* ‘**погрузиться** в чтение / в депрессию’ и семантически еще более продвинутое *plonger dans la nuit* ‘**исчезнуть** в ночи’), ‘уходить корнями / основанием’ (прямо и переносно: *ses racines plongent dans le sol / dans le passé* ‘его корни **уходят** в почву / в прошлое’). Его модель управления предполагает валентность на косвенное дополнение, заполняемую актантом локативного типа⁴. В каноническом случае причастие *plongeant*, образованное от непереходного *plonger* (в частности с нереализованной валентностью на дополнение, как в (2а)), также не допускает согласования.

- (2) а. *Elle est toujours en mouvement, **plongeant** sans cesse* (fr.wikipedia.org)⁵.
 ‘Она все время в движении и постоянно ныряет (**ныряющая** без конца)’.
- б. *Absalon incite son clerc Saxo Grammaticus à doter le pays d’une histoire **plongeant** dans le passé mythologique* (Encyclopaedia Universalis, Danmark: Les Grands Articles d’Universalis).
 ‘Абсалон благословляет своего писца Саксона Грамматика обеспечить страну историей, **уходящей истоками** в мифологическое прошлое’.
- с. *L’axe de l’île est matérialisé à l’est et à l’ouest par **deux** escaliers **plongeant** dans le canal* (fr.wikipedia.org).
 ‘С запада и востока ось острова обозначена двумя лестницами, уходящими (**ныряющими**) в канал’.

Тем не менее обнаруживается целый ряд употреблений, в которых языковая единица *plongeant* проявляет депарадигматизацию. Несмотря на то, что она находится в синтаксической позиции, аналогичной примерам из (2) (ср. в особенности (2с) vs. (3с)) и сохраняет аргументную структуру и семантику непереходного *plonger*, она согласуется — по женскому роду в (3а) и (3с), а также по множественному числу в (3а–с), — что характерно для прилагательного.

⁴ Возможен анализ, при котором заполнение данной валентности оказывается адъектом в смысле Lazard 1994 или факультативным актантом — ср. рус. *я ныряю, я читаю*.

⁵ Здесь и ниже указывается первоисточник, однако ряд примеров найден с помощью конкордансера Word Sketch (app.sketchengine.eu).

(3) a. *Une fois arrivés sous les branches **plongeantes** vers eux comme une mère tend ses bras vers ses enfants, ils se saisirent des fleurs claires...* (Rena Circa le Blanc. La Montre. Celui qui vient de Vardosk).

‘Оказавшись под ветками, **свисающими** к ним, будто руки тянущейся к своим детям матери, они схватились за светлые цветы...’

b. *Le panorama exceptionnel de ces géants de glace **plongeants** dans les fjords nous laisse sans voix* (tirawa.com).

‘Исключительный вид этих ледяных гигантов, **уходящих основанием** во фьорды, захватывает дух’.

c. *La Vallette avait ses rues **plongeantes** dans la mer* (hautetfort.com).

‘В Валлетте были улицы, уходящие (**ныряющие**) в море’.

Варьирование в согласовании отвечающего прочим критериям причастия *plongeant* при наличии зависимых заставляет задаться вопросом о том, может ли отглагольное прилагательное иметь зависимые, подобные зависимым причастия.

Интересным образом выясняется: с точки зрения структурной позиции *plongeant* ‘ныряющий’, ‘направленный сверху вниз’ представляет собой, несомненно, прилагательное, поскольку выступает в качестве именной части предиката и модифицировано наречиями (*nullement* ‘нисколько’, *parfois* ‘иногда’). Тем не менее, оно проявляет валентность на зависимое с пространственным предлогом *vers* ‘к’ — (4a–b); отдельный интерес представляет (4c), где зависимая предложная группа введена нехарактерным при глаголе *plonger* предлогом *jusqu’à* ‘до’⁶.

(4) a. *...on reste sur une semelle plate qui pourra être légèrement **plongeante** vers le bas* (barrabes.com).

‘...нога остается на плоской стельке, которая может быть слегка **наклоненной** книзу’.

b. *Mais ces accidents ne sont nullement **plongeants** vers l’ouest mais faiblement inclinées vers l’est* (geo-alp.com).

‘Но эти неровности совсем не убывают (не **нисходят**) к востоку, а слабо наклонены к западу’.

c. *C’est à cette époque que le décolleté devient parfois **plongeant** jusqu’au nombril...* (fr.wikipedia.org).

‘Именно в это время вырез становится (**глубоким,**) иногда **доходящим** до пупка...’

⁶ Ср. грамматичное сочетание *décolleté jusqu’au nombril* ‘декольте до пупка’, но **décolleté devient jusqu’au nombril* ожд. ‘декольте становится [длинным] до пупка’.

Наряду с прилагательными из (4), проявляющими характерную для глагольной лексемы валентность и семантику, *plongéant* входит в состав устойчивых сочетаний (часть из них фиксируется в современных словарях), внутри которых демонстрирует разную степень идиоматизации исходного глагольного значения; в каждом из них *plongéant* имеет статус лексемы: *étoile plongéante* ‘падающая звезда’, *décolleté plongéant* ‘глубокий вырез’, *tir plongéant* ‘навесная стрельба’, *vue plongéante* ‘взгляд, направленный вниз’, ‘вид сверху’, *carré plongéant* ‘каре на ножке’ (причёска), *mélangeur/mixeur plongéant* ‘погружной блендер’, *tête plongéante* ‘удар головой по мячу’.

3. Заключение

Итак, анализ синхронного материала показал, что в современном французском языке причастие *plongéant*, реализующее семантику и аргументную структуру, присущие глагольной лексеме, не допускает согласования с именной вершиной, если является дериватом переходного *plonger* ‘погружать’, и обнаруживает варьирование в согласовании, если образовано от непереходного *plonger* ‘нырять’, ‘уходить корнями’. Подвергаясь депарадигматизации, единица *plongéant* закрепляется в классе прилагательных, но сохраняет необязательную валентность на актанта локативного типа наподобие глагольной лексемы. Развивая в разной степени специализированную семантику, прилагательное *plongéant* входит в состав идиоматизированных сочетаний, таких как *décolleté plongéant* ‘глубокий вырез’, *mixeur plongéant* ‘погружной блендер’, *tête plongéante* ‘удар головой по мячу’.

Таким образом, между каноническими причастиями-словоформами и прилагательными-лексемами существует зона варьирования, внутри которой языковая единица *plongéant* реализует глагольные валентности, но согласуется в рамках парадигмы прилагательного.

Указанная зона варьирования представляет собой интерес для уточнения прескрипций современных французских грамматик, а также для изучения процессов, сопутствующих лексикализации (в понимании Brinton, Traugott 2005) и словообразовательной конверсии по Мельчук 1995 — если рассматривать прилагательное *plongéant* как результат последних.

Остается желать и ожидать, что *Plongéant* и дальше будет проявлять нетривиальные согласовательные свойства и всё новые валентности.

Литература

- Гак В. Г. 2000. *Теоретическая грамматика французского языка*. М.: Добросвет.
- Гращенков П. В., Лютикова Е. А. 2018. Прилагательные в типологии и теории языка: семантика, дистрибуция, деривация. *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова*, №4, 9–34.
- Ковальская В. М. 2016. Параметры словообразовательной конверсии и русские деепричастия. *Rhema. Рема*, №4, 43–57.
- Мельчук И. А. 1995. Словообразование и конверсия. В кн.: И. А. Мельчук. *Русский язык в модели «Смысл ↔ Текст»*. М.; Вена: ЯСК; Wiener Slavistischer Almanach, 505–512.
- Плунгян В. А. 2010. *Причастия и псевдопричастия в русском языке: о границах вариативности*. Доклад, прочитанный 26 февраля 2010 г. в Осло.
- Проект корпусного описания русской грамматики. <http://rusgram.ru/Причастие>.
- Теньер Л. 1988. *Основы структурного синтаксиса*. М.: Прогресс.
- ABBYY Lingvo Live. <https://www.lingvolive.com>.
- Brinton L. J., Traugott E. C. 2005. *Lexicalization and language change*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Grevisse M., Da Silva-Genest Ch. 2018. *Le Grevisse de l'orthophoniste: Grammaire essentielle*. Bruxelles: De Boeck Supérieur.
- Haspelmath M. 1993. More on the typology of inchoative/causative verb alternations. In: B. Comrie, M. Polinsky (eds.). *Causatives and Transitivity*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 87–120.
- Larousse: Dictionnaire de Français. <https://www.larousse.fr>.
- Lazard G. 1994. *L'actance*, Paris: PUF.

Поддаются ли *-вши* корпусному анализу?*

Е. Р. Добрушина

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет;
edobrush@gmail.com

*Вши в самой древности читать, писать умели
И песни пели* (А. П. Сумароков)

1. Свободное варьирование

Соотношение суффиксов деепричастия¹ *-в/-вши* (*сказав/сказавши*) — это редкий для русской морфологии случай свободного варьирования. О вариантных морфах И. Б. Иткин (2007: 40) пишет: они «НОРМАЛЬНО взаимозаменяемы, но в определенных позициях на употребление одного или другого из них могут накладываться разного рода ограничения» — и по отношению к *-в/-вши* говорит о морфологических ограничениях, так как перед показателем возвратности возможно только *-вши* (*сказавшись*). Между тем варьирование *-в/-вши* в невозвратных формах² нередко считается стилистическим или даже лексическим.

2. Мнения грамматик

Приведу самые важные из редких свидетельств грамматик о соотношении *-в/-вши* как связанных или не связанных ограничениями.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 9-012-00200 «Корпусное исследование соотношения литературной нормы современного русского языка в области морфологии и синтаксиса с реальным узусом».

¹ Избегаю здесь обсуждения того, формообразующий это суффикс или словообразующий, так как статус деепричастия как части речи является дискуссионным. В традиционной русистике, например у А. А. Зализняка (1977: 85), деепричастие описывается как форма глагола. Но при типологическом подходе, например с точки зрения В. А. Плунгяна (2012: 122), деепричастное значение следует считать словообразовательным, присущим отглагольному наречию, поскольку оно меняет набор грамматических категорий глагола (превращает «глагол в наречие»).

² Возвратные формы на *-вшись* и формы на *-ши* (*несши*), как не имеющие варьирования, здесь далее рассматриваться не будут.

1834. Н. И. Греч (1834: 213) говорит о «полном окончании *ши*» и «усеченном *въ*», которые «значением совершенно равны; разность состоит в употреблении: полное употребляется преимущественно в изустном разговоре, а усеченное более на письме, в слоге возвышенном».

1911. В. И. Чернышев (1970: 571): «Мы почти не чувствуем различия между формами деепричастий прошедшего времени на *-в* и *-вши*... Деепричастия на *-в* более свойственны речи книжной и старой... Деепричастия на *-вши* отличают народную и разговорную речь. Взаимное соединение двух влияний привело к известному равновесию данных форм, отличающему современный язык. ... В общем и у новых писателей все-таки чаще встречается книжное причастие на *-в*».

1960. А. В. Исаченко (1960: 531): «Трудно указать осязаемую разницу между формами *прочитав* и *прочитавши*. Форма на *-в* несомненно преобладает в теоретических стилях, в языке газеты... Формы на *-вши*, по видимому, используются в современном языке в стилистических целях: они придают речи оттенок непринужденности или просторечия».

1976. Словарь вариантов Л. К. Граудиной и др. (1976: 230): «В языке наших дней для подавляющего большинства деепричастий совершенного вида нейтральной является только форма на *-в*. ... Формы на *-ши* оттенок архаичности приобрели сравнительно недавно».

Это практически все, что известно об описываемом варьировании, но уже на основе этих скурых замечаний видны микродиахронические изменения: постепенное вытеснение *-вши*. «Осязаемой разницы» между формами на *-в* и *-вши* нет ни для кого; но в XIX веке (во времена Греча) и в начале XX-го (время Чернышева) есть некоторое равновесие между книжным *-в* и разговорным *-вши* — а позднее нейтральным воспринимается только *-в*, а *-вши* характеризуется как стилистически выделенное, и, судя по словарю Л. К. Граудиной и справочнику Д. Э. Розенталя (Розенталь и др. 2005: 291), к последней четверти XX века формы на *-вши* стали архаичными и, возможно, используются лишь в поговорках.

3. Корпусный подход

60 лет назад А. В. Исаченко (1960: 531), чтобы подтвердить слова о стилистических функциях варьирующихся морфов, воспользовался доступным в те времена статистическим методом — исследовал количество форм на первых десяти страницах «Анны Карениной»: нашлось 6 форм, из них 5 разных, все на *-в*.

В наше время, благодаря корпусной лингвистике, стали возможны более обширные подсчеты. Помогут ли они уточнить утверждения грам-

матик о статусе варьирования в разные периоды и ответить на вопрос о существовании *-вши* в языке XXI века?

Начну с продолжения подсчетов В. А. Исаченко: в романе «Анна Каренина» на 270322 слов приходится 1238 деепричастий на *-в* и 11 на *-вши* (*бывши* — 4 раза, по одному: *вставши, ослабевши, нагнувши, евши, упавши, согнувши, положивши*), всего (включая *-вшись* и *-ши*) чуть больше 1700 деепричастий прошедшего времени³ и около 5400 деепричастий всех типов.

Анализируя формы на *-вши*, проверяю, что наряду с четырьмя формами *бывши* использовано 6 *будучи* и ни одного *быв*, а наряду с единичными употреблениями — 8 *встав*, 1 *упав*, 3 *согнув* и ни одного *ослабев*, *нагнув*, *ев*, *положив*. Форма *положивши* входит в цитату из Писания и является искаженным вариантом церковнославянского причастия. При сравнении остальных аналогичных форм на *-в* и *-вши* определить причины выбора *-вши* не удастся:

- (1) *Она, видимо, опомнилась несколько секунд, как бы не зная, где она и что ей делать, и, быстро вставши, тронулась к двери* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)).
- (2) — *Пойдем, я кончил, — сказал Вронский и, встав, пошел к двери* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)).

4. Общая статистика

Корпус	Объем в словах	Колич. деепр.	D	Колич. в-деепр.	Колич. вши-деепр.	VSH
Основной (1701–2017)	283 431 966	2 666 920	0,94%	539 628	21 796	3,8%
Поэтический (1705–2016)	12 231 802	180 660	1,48%	36 420	4 963	12%
Газетный (2000–2014)	226 975 485	1 055 660	0,46%	260 748	504	0,2%

Таблица 1. Частотность деепричастий в разных корпусах

Было посчитано два коэффициента: **D** — процент деепричастных форм всех типов от общего количества слов, то есть показатель частотно-

³ НКРЯ находит 1738 форм деепричастий прошедшего времени и 5464 деепричастия всего, но, поскольку омонимия не снята, в списки входят *взрыв*, *красив*, *мая* и др., то есть для указания точного числа требуется ручной подсчет. В дальнейшем большие числа даются по НКРЯ без ручной проверки.

сти деепричастий, и **VSH** — количество форм на *-вши* по отношению к сумме всех *-в* и *-вши* деепричастий. Бросается в глаза «поэтичность»⁴ форм на *-вши* и их отсутствие в современных газетных текстах.

Какие формы на *-вши* наиболее частотны, совпадает ли это с частотой их *в*-аналогов? Автоматически это в НКРЯ не выяснить, поэтому проверяю деепричастия от 100 самых частотных глаголов из словаря Ляшевская, Шаров 2009, а также чаще встречающиеся у писателей с *-вши*. Вот 10 самых частых *вши*-форм СВ с указанием в скобках позиции глагола в списке частотности, количества употреблений *-вши* в Основном корпусе и коэффициента VSH: *сказавши* (3) 733, **10,07**; *взявши* (25) 673, **8,69**; *узнавши* (72) 568 **6,06**; *подумавши* (51) 357, **9,15**; *приехавши* (83) 341, **11,17**; *получивши* (22) 340, **4,15**; *давши* (2) 324, **9,28**; *ставши* (6) 297, **8,54**; *увидевши* (34) 296, **2,62**; *вставши* (134) 276, **13,35**.

Вне списка уникальное *выпивши* (184) 600 **28,95**; по употребительности оно на втором месте, но перестало быть деепричастием: *выпивши* закрепились в литературном языке как сказуемое в перфектном значении, свойственное диалектам; в словаре Зализняка (1977: 289) это единственная *вши*-форма, ставшая леммой в качестве наречия и предикатива:

(3) *Правда, в тот момент все, исключая только что вошедшего академика, но включая говорившего, были сильно **выпивши**: дело происходило за обедом у Ахматовой в Комарове* (Анатолий Найман. Славный конец бесславных поколений (1994)).

Например, у Горького, при самом малом из классиков VSH, на 29 *выпивши* (в том числе в ремарках) приходится 16 *выпив*, и последовательно прослеживается распределение: первое о пьяном состоянии, второе о действии «пить».

Что касается форм НСВ, то им с прошлого века несвойственны суффиксы деепричастий прошедшего времени⁵, так что частотных глаголов с *-вши* всего два: *бывши*⁶ и *евши* 181.

5. Диахрония

Взгляд на микродиахронию можно начать с анализа создаваемых в старой версии НКРЯ графиков: для деепричастий в целом и для форм

⁴ Поэзия оказывается хранительницей редких форм, по-видимому, если их размер удобен для стихотворной строки. Ср. обсуждение «поэтичности» кратких форм прилагательных в Добрушина 2020b и введенный там же коэффициент поэтичности.

⁵ См. о деепричастиях НСВ с суффиксами прошедшего времени в Добрушина 2014.

⁶ Соотношение *быв*, *бывши* и *будучи* требует отдельного исследования.

на *-вши*. Деепричастия в целом в 1700 г. достигают относительной частоты 9800; в течение века их частота заметно возрастает до пика более 15000 в 1817 г., затем к 1844 г. падает до 10200 и примерно на этом уровне (с взлетами и падениями) сохраняется до 1944 г.; затем начинает падать, на уровне 9800 держится до 1976 г., вторично начинает заметно падать и к 2010-м достигает уровня 8400, продолжая снижаться. *Вши*-деепричастия держатся на пике частотности чуть дольше: они равномерно набирают частоту от 50 в 1700 г. до чуть меньше 300 в 1767 и держатся так до 1865, а потом их частотность начинает заметно падать, пересекая рубеж в 100 в 1915 г. и 50 в 1950, и, спустившись к 1966 на уровень немного выше 20, равномерно медленно падая, доходит до чуть больше 10 к 2019 г.

Из числовых данных также очевидно, что расцвет *вши*-форм пришелся на XVIII–XIX века, затем их популярность заметно падает, но в прозаических текстах несравненно более резко, чем в поэтических. Так, строки Слуцкого написаны почти одновременно со словами в Граудина и др. (1976: 230) об оттенке архаичности *вши*-форм:

- (4) *сломавши миллионы папирос, и высыпавши в трубочку табак, и надымивши столько, что...* (Б. А. Слуцкий. Павел-продолжатель (1971–1977))

Период	D		VSH	
	Основной	Поэтический	Основной	Поэтический
по 1799	1,26%	1,60%	12,3%	18,34%
1800–1899	1,07%	1,41%	10,2%	17,32%
1900–1999	0,99%	1,49%	2,3%	9,22%
с 2000 г.	0,74%	1,39%	0,5%	8,67%

Таблица 2. Частотность деепричастий по векам

6. Употребление конкретными писателями

Перечислю VSH для разных писателей в порядке их годов рождения: Ломоносов **14,9**; Карамзин **0,05**; Пушкин **1,2**; Даль **6,7**; Гоголь **50,9**; Тургенев **6,6**; Достоевский **1,2**; Толстой **1,6**; Чехов **11,3**; Горький **0,8**; Булгаков **2,5**; Солженицын **5,6**; Стругацкие **4,6**; Улицкая **3,3**. Тексты наших современников Прилепина и Санаева не содержат ни одной *вши*-формы. Огромное количество таких форм у Гоголя объясняется его русско-украинским двуязычием. На втором месте Чехов, и интересно, что «разговорное» *-вши* у него сочетается с полным отсутствием абсолютивных

деепричастных конструкций⁷. У Чехова *-в* и *-вши* так же, как у остальных, несложно найти в близких контекстах:

- (5) *Но вдруг он прислушался и, сделавши страшное лицо, побежал в сторону...* (А. П. Чехов. Черный монах (1893)).
- (6) *Он потушил папиросу и, сделал очень серьезное лицо, побежал к своей парадной двери* (А. П. Чехов. На святках (1900)).

7. Современность

Что представляют собой *вши*-формы в современных текстах? На первом месте по частоте весьма популярная поговорка *не солоно хлебавши*. В Газетном корпусе для около 500 форм имеем примерно такое распределение: *хлебавши* — 24%; *выпивши* — 11% (7% предикативных); другие поговорки — 15%; религиозный контекст — 10%; в стихотворных строках — 10%; в цитатах из XIX века и раньше (например, из Гоголя и Козьмы Пруткова) — 10%; 2% — в названиях (фильмов и др.). Любопытно, что *вши*-формы для носителей языка со времен Толстого оказываются знаком религиозного стиля или даже церковнославянского языка, в котором вообще нет деепричастий:

- (7) *«Отвергнувши ложь, говорите истину каждый ближнему своему...»* (Еф. 4:25). *Там, где нет доверия, не может быть и счастья* (Дик Вилли, магистр богословия, пастор. // Труд-7, 2004.10.27).

На самом деле в синодальном переводе *посему, отвергнув ложь, говорите*, а в церковнославянском использовано причастие: *Темже отложше лжу, глаголите*.

«Свободных» употреблений меньше 25%. Иногда создается впечатление, что цель автора — изобразить просторечие, иногда это вид иронии, иногда стилизация под архаику или высокий стиль речи, но чаще просто неясно, почему использована эта форма:

- (8) *Так сложилось, что некоторые нечистые на руку прапорщики и мичманы, не по своей воле **попавши** на хлебные тыловые должности, создали, мягко говоря, не лучшее представление об этой категории младших командиров* (Комсомольская правда, 2009.02.25).

⁷ Корпусное исследование абсолютных деепричастных конструкций (например: *Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа*) см. в Добрушина 2020а.

Был проведен анализ текстов из блогов корпуса ГИКРЯ. *Вши*-деепричастия встречаются, хоть и нечасто, и, безусловно, вполне естественны для употребляющих, впечатления стилизации не создается:

- (9) *извиняюсь что много букв, просто удивляет как в статьях умудряются **перевравши** рассказывать правду* (ГИКРЯ, 2015, г. р. 1977, Оренбург).
- (10) *Моя бабушка **захотевши** взять телефон выронила его прям у меня над головой* (ГИКРЯ, 1999, Россия).

* * *

Итак, *вши*-формы в наше время, конечно, гораздо более редки, чем полтора века назад, существуют на периферии языка, но сохраняются. Неверно, что они используются лишь во фразеологизированных конструкциях или архаизируются. Возможно, с середины XX века они начали уходить, но сейчас, на основе общего освобождения речи в интернет-текстах XXI века, вернулись, имеют свою нишу и вновь живы.

Литература

- Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. 1976. *Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов*. М.: Наука.
- Греч Н. И. 1834. *Практическая русская грамматика*. СПб: в тип. издателя.
- Добрушина Е. Р. 2014. *Видев и увидя: жизнь и смерть деепричастий, образованных по непродуктивным моделям*. В кн.: Е. Р. Добрушина. *Корпусные исследования по морфемной, грамматической, лексической семантике русского языка*. М.: ПСТГУ, 96–119.
- Добрушина Е. Р. 2020а. Абсолютивные деепричастия: норма и узус, микродиахрония и современное положение. *Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология*, вып. 63, 9–18.
- Добрушина Е. Р. 2020b. Краткие прилагательные цвета: опыт корпусного анализа. В сб.: М. Д. Воейкова, В. В. Казаковская (отв. ред.). *Проблемы функциональной грамматики: Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий*. М.: Издательский Дом «ЯСК», 217–239.
- Зализняк А. А. 1977. *Грамматический словарь русского языка. Словоизменение*. М.: Русский язык
- Исаченко А. В. 1960. *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким*. Братислава: Издательство Словацкой академии наук.
- Иткин И. Б. 2007. *Русская морфонология*. М.: Гнозис.
- Ляшевская О. Н., Шаров С. А. 2009. *Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)*. М.: Азбуковник.

- Плунгян В. А. 2012. *Общая морфология: введение в проблематику*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. 2005. *Справочник по русскому языку: правописание, произношение, литературное редактирование*. М.: Айрис-пресс.
- Чернышев В. И. 1970. *Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики*. В кн.: В. И. Чернышев. *Избранные труды*. В 2-х томах, т. 1. М.: Просвещение, 443–641.

Залог и актантная деривация

Каузатив и причина (об одной синтаксической конструкции в кхмерском языке)*

С. Ю. Дмитренко, В. С. Храковский

Институт лингвистических исследований РАН
dmitrserg@mail.ru; khrakovv@gmail.com

В кхмерском языке, как и во многих других языках, существуют каузативная и причинная конструкции, имеющие разное синтаксическое устройство. Стандартная каузативная конструкция, достаточно подробно описанная в литературе (см., в частности, Спатарь 1990: 12, Еловков 2006: 292–294, Khin Sok 2007: 264–267), представляет собой актантную конструкцию, в которой значение каузатива маркировано специальным показателем *aoj* (грамматикализованный глагол ‘давать’) или его вариантами (самый распространенный из них — *thvɣ*: *aoj*, представляющий собой сочетание исходного показателя каузатива и глагола *thvɣ*: ‘делать’). Позицию каузатора занимает именная группа (не обязательно агентивная) или клауза, называющая каузирующую ситуацию. Для каузативной конструкции характерен жесткий порядок следования, при котором каузатор или каузирующая ситуация всегда находится в препозиции к каузируемой ситуации:

(1) а. [сао] *ba:n bap aoj slap mneak*
бандит PRF стрелять CAUS умереть один.CLF
nuŋ rɔ:ŋ₁ rɔbuəh₂ mneak
и получить.ранение_{1,2} один.CLF
‘[Бандиты] застрелили одного человека и ранили (еще) одного’
(<https://vodkhmer.news>).

б. *rɔnteah bap thvɣ₁ aoj₂ slap 1 neak*
молния стрелять CAUS_{1,2} умереть 1 CLF

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда №18-18-00472 «Причинные конструкции в языках мира: семантика и типология», который реализуется в ИЛИ РАН. Мы чрезвычайно признательны Н. М. Заике, ознакомившейся с текстом статьи и высказавшей ряд важных замечаний.

miɯ rɔ:ŋ rɔbuaɯ₄ thɯɔɯn 2 neak
 и получить.ранение_{3,4} тяжелый 2 CLF
 ‘Молния убила одного человека и тяжело ранила двоих’
 (<https://postnews.com.kh/local/426925>).

Причинная конструкция, которая в кхмерском описана хуже (см. Еловков 2006: 360, Дмитренко, Спатарь 2018), представляет собой биклаузальную конструкцию, где зависимая клауза вводится служебными словами со значением причины, или конструкцию, состоящую из клаузы и зависимой именной группы, которая вводится примерно тем же набором причинных служебных слов. В составе главной клаузы также может факультативно появляться показатель следствия. При этом порядок частей в составе конструкции следования в большинстве случаев может быть любой (в (2), например, представлен случай с препозицией зависимой клаузы).

(2) *daoj₁ sa:₂ miɯn sthe?ra?phiap nɔjɔ:ba:j tɯ:p kɔmpuciə*
 REAS_{1,2} иметь стабильность политический CONS Камбоджа
miɯn kɔmpauɯn setha?kɛc ciə₃ bɔntv:₄ bɔntɔap₅
 иметь рост экономический продолжающийся_{3,4,5}
 ‘Благодаря политической стабильности в Камбодже наблюдается про-
 должающийся экономический рост’ (<https://grandnewsasia.com>).

Наравне с этим в современном кхмерском языке имеется еще одна конструкция, которая объединяет в себе черты каузативной и причинной конструкций и которую мы условно обозначим как формально «гибридную». В существующих описаниях кхмерского языка эта конструкция, насколько нам известно, не упоминается. Между тем, она достаточно распространена в письменной речи (например, в текстах СМИ и художественной литературе). В литературной устной речи такая конструкция также допустима, хотя и не слишком употребительна. В линейной структуре этой конструкции имеются пять слотов (позиций), которые представлены в таблице:

i	ii	(iii)	iv	v
REAS	Ситуация <i>p</i>	(CONS)	CAUS	ситуация <i>q</i>
<i>(pi:)pruaɯ; daoj sa; maok pi; haet tae</i>	Клауза/именная группа	<i>tɯ:p</i>	<i>thvɯ: aoj</i>	Клауза

Таким образом, внутри данной конструкции мы выделяем следующие линейные позиции: (i) показатель причины (служебное слово) — это один

из существующих в кхмерском показателей (более или менее синонимичных), который вводит причинную клаузу или именную группу со значением причины (ii). После причинной клаузы или именной группы следует показатель следствия (служебное слово) *tr:p* (iii), который является факультативным (но его употребление свидетельствует, с точки зрения наших информантов, о «хорошем» литературном стиле)¹. Затем следует составной показатель каузатива (iv), который, как уже говорилось выше, представляет собой сочетание глагола *thvɣ:* ‘делать’ и каузативного служебного слова *aoj*². Последнюю позицию в конструкции (v) занимает клауза, обозначающая ситуацию-следствие / каузируемую ситуацию³.

Проиллюстрируем все сказанное двумя примерами, которые сопровождаются еще несколькими комментариями, касающимися структуры рассматриваемой конструкции.

- (3) *pruəh*₁ *tae*₂ *koun* *mneak* *ni*_h *tr:p* *thvɣ:*₃ *aoj*₄ *mda:j*
 REAS_{1,2} ребенок один.CLF DEM CONS CAUS_{3,4} мать
pruəj *ba:rɔ:m* *khlaŋ* *na*_h
 беспокоиться беспокоиться сильный очень

‘Из-за этого сына мать очень сильно беспокоится / Этот сын доставляет матери очень сильное беспокойство’ (Информант).

Пример (3) содержит именную группу, включающую причинный показатель *pruəh tae*, который выступает здесь в функции предлога. Клауза, обозначающая следствие, включает показатель *tr:p*, после которого находится показатель каузатива *thvɣ:-aoj*. Следующий пример (4) представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным причины, которое вводится показателем *daoj sa:* (выступающим здесь в функции союза). В начале главного предложения помещается показатель каузатива *thvɣ:l aoj*. Показатель следствия отсутствует.

¹ Мы глубоко признательны нашим информантам — д-ру Миак Боура и д-ру Би Сокконгу, терпеливо обсуждавшим с нами почти все кхмерские примеры, приводимые в настоящей статье.

² В отличие от стандартной каузативной конструкции здесь невозможен исходный показатель каузатива *aoj* в «чистом» виде. В формальной письменной речи вместо показателя *thvɣ: aoj* иногда может употребляться показатель *bnnda:l aoj* — еще один показатель на основе *aoj* (*bnnda:l* — морфологический каузатив от глагола *da:l* ‘распространяться’).

³ Представляя данную схему, мы отдаем себе отчет в том, что показатель причины фактически является частью зависимой клаузы, а показатели следствия и каузатива входят в главную клаузу.

- (4) *daoj₁ sa:₂ cʊək craun nuŋ phək khlaŋ thvɣ:₃ aoj₄ viətna:m miən*
 REAS_{1,2} курить много и пить сильный CAUS_{3,4} Вьетнам иметь
a:tra: slap daoj₁ sa:₂ cɔŋju: tɔha:ri:k thlaum ti: 4 lɣ: pi[?]phɔplɔ:k
 процент умереть REAS_{1,2} болезнь рак печень ORD 4 PREP мир
 ‘Из-за большого количества курящих и употребляющих алкоголь Вьетнам находится на четвертом в мире месте по заболеваемости раком печени / Курение и употребление алкоголя приводят к тому, что Вьетнам занимает четвертое место в мире по заболеваемости раком печени’ (<https://www.lookingtoday.com/health/38206.html>).

Необычность данной конструкции заключается в том, что она, как мы уже сказали, является своего рода «гибридом» — включая одновременно как показатели причины и (факультативно) следствия, так и показатель каузатива. При этом большинство таких конструкций могут быть легко преобразованы в обычную каузативную или причинную конструкцию. Так, например, простая элиминация из примера (3) показателей причины и следствия превращает его в нормальную (с точки зрения информанта) каузативную конструкцию, а элиминация показателя каузатива — в стандартную причинную конструкцию. В результате мы имеем своего рода избыточное маркирование отношения между двумя ситуациями.

При этом, как нам кажется, правильной будет интерпретация структур типа (3) и (4) как разновидности актантных каузативных конструкций. Их особенность состоит в том, что первый актант такой каузативной конструкции не отличается от сирконстанта стандартной причинной конструкции. Последняя в кхмерском языке, как уже было сказано, представляет собой сложноподчиненное предложение или предложение с зависимой именной группой, вводимой одним из маркеров причины. Таким образом, первый актант каузативной конструкции маркирован показателем, который ожидаем в причинной конструкции.

Примерно так же интерпретируют такие конструкции и наши информанты. Их комментарии свидетельствуют о том, что предложения типа (3) или (4) близки к каузативным конструкциям, но их особенностью является то, что первый участник (или ситуация *p*, которая делает возможной ситуацию *q*) дополнительно выделен, акцентирован.

Как нам представляется, факт существования подобной конструкции иллюстрирует отсутствие жесткой границы между собственно каузативными конструкциями и конструкциями причины, на которое исследователями уже обращалось внимание (см., например, Неद्याлков, Сильницкий 1969: 6, Заика 2019: 18).

Анализ семантики именных групп (или подлежащих зависимых клауз), занимающих позицию (ii) в составе исследуемых конструкций, свидетельствует об их разнообразии. В этой позиции встречаются имена с высокой степенью агентивности, а потому находящиеся ближе к каузаторам (люди, животные). Примыкают к этой группе имена стихий (дождь, ураган, наводнение). При этом в данной позиции встречаются и разнообразные не-Агенты (как одушевленные, так и не одушевленные). Вполне возможно также и появление в этой позиции имен с максимально «обобщенной» ситуативной семантикой (типа ‘случай’, ‘ситуация’, ‘поступок’, ‘дело’, ‘причина’).

(5) *daoj₁ sa:₂ kru: mneak nih tr:p thvr:₃ aoj₄ səh ceh a:n*
 REAS_{1,2} учитель один.CLF DEM CONS CAUS_{3,4} ученик уметь читать
aksv: ja:η₅ stcat₆
 буква правильно_{5,6}
 ‘Благодаря этому учителю ученики хорошо умеют читать’ (Информант).

(6) *haet₁ tae₂ phliəŋ thleak khlaŋ tr:p thvr:₃ aoj₄ kəmrat tuuk*
 REAS_{1,2} дождь падать сильный CONS CAUS_{3,4} уровень вода
lauŋ khvəh bəmphot
 подниматься высокий очень
 ‘Из-за того, что прошли сильные дожди, уровень воды стал очень высоким’ (Информант).

(7) *daoj₁ sa:₂ mu:haet nih tr:p thvr:₃ aoj₄ səh miəŋ paŋna: nuŋ*
 REAS_{1,2} причина DEM CONS CAUS_{3,4} ученик иметь ум и
riəŋ₅ ka:j₆ lʷ: prəsau knoŋ ka:₇ riəŋ₈ sout₉
 физическая.форма_{5,6} хороший прекрасный в учеба_{7,8,9}
 ‘По этой причине ученики находятся в прекрасной интеллектуальной и физической форме’ (http://unicefcambodia.blogspot.com/2017/06/blog-post_23.html).

Кхмерский язык не является единственным языком ЮВА, в котором представлена подобная «гибридная» конструкция. Так, в литературном тайском языке существует конструкция, структурно и семантически полностью идентичная кхмерской⁴. В ее состав входит зависимая часть, содержащая показатель *pʰrɔ̌ʔ* (< кхмер. *pruəh*) — в примере (10) он сопровождается еще одним показателем причины (*hè:t* < санскр. *hetu* ‘причина’),

⁴ Мы благодарим Натчиван Мекратанакулпат за перевод на тайский предложений-стимулов и дальнейшее обсуждение тайского материала.

показатель каузатива *t^ham-hây* (глагол ‘делать’ + показатель каузатива на основе глагола ‘давать’) и факультативный показатель следствия *jîj*⁵.

(8) *p^hrôʔ k^hun₁ k^hru:₂ t^hâ:n ní: t^ham₃ hây₄ dèk à:n pen rew*
 REAS учитель_{1,2} CLF DEM CAUS_{3,4} ребенок читать мочь быстро
 ‘Благодаря этому учителю дети быстро научились читать’.

(9) *p^hrôʔ k^hwa:m rák cîj t^ham₁ hây₂ mi: wǎŋ*
 REAS NOM любить CONS CAUS_{1,2} иметь надеяться
 ‘Благодаря любви появляется надежда’ (<https://musicstation.kapook.com>).

(10) *hè:t p^hrôʔ kɛ:n lô:k iəŋ cîj t^ham₁ hây₂ sɛ:ŋ a:t^hít*
 REAS REAS ось мир наклоняться CONS CAUS_{1,2} свет солнце
səŋ krat^hóp tɛ:k tâ:ŋ₄ kan nay tɛ:₅ la?₆ rídu:₇ ka:n₈
 светить касаться отличать_{3,4} REC в каждый.из_{5,6} сезон_{7,8}
 ‘Из-за наклона земной оси солнечный свет по-разному освещает землю в разное время года’ (<https://ngthai.com>).

Как и в кхмерском, здесь перед нами конструкция, формально представляющая собой контаминацию двух синтаксических структур: прототипически моноклаузальной актантной каузативной конструкции и прототипически биклаузальной сирконстантной причинной конструкции. Семантическим основанием для их объединения в одну «гибридную» конструкцию служит то, что они кодируют «комплексную каузативную ситуацию, состоящую из ситуации причины и детерминируемой ею ситуации следствия» (Храковский 2020: 70). Нам представляется, что дальнейшее ареальное исследование, связанное с поиском и сопоставительным изучением подобных конструкций в языках Юго-Восточной Азии, может быть интересно как для описания грамматик конкретных языков, так и для выяснения соотношения между причинной и каузативной конструкциями в языках региона.

Список условных сокращений

CAUS — каузатив; CLF — классификатор; CONS — следствие; DEM — указательное местоимение; ORD — показатель порядкового числительного; PREP — предлог; PRF — перфект; REAS — причина; REC — реципрок.

⁵ Безусловно, полное совпадение кхмерской и тайской конструкций является результатом заимствования (направление которого в настоящее время мы установить не можем) или параллельного развития в рамках индокитайского языкового союза.

Литература

- Дмитренко С. Ю., Спатарь Н. М. 2018. Союз *daoj-sa*: в кхмерском языке: история и функционирование. В сб.: Е. Н. Колпачкова (отв. ред.). *Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Материалы XIII Международной научной конференции*. СПб.: Изд-во ЦСО, 65–73.
- Еловков Д. И. 2006. *Структура кхмерского языка*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ.
- Заика Н. М. 2019. Полипредикативные причинные конструкции в языках мира: пространство типологических возможностей. *Вопросы языкознания*, №4, 7–32.
- Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. 1969. Типология каузативных конструкций. В сб.: Холодович А. А. (ред.). *Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив*. Л.: Наука, 5–19.
- Спатарь Н. М. 1990. *Служебные слова и глагольные категории в изолирующих языках (на материале кхмерского языка)*. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л.: ЛГУ.
- Храковский В. С. 2020. О соотношении причинных и каузативных конструкций. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, т. 43, №3, 64–70.
- Khin Sok 2007. *Ve:jjə̀kɔː pʰiə̀saː khmae*. Phnom Pnɔːp: Riə̀c bə̀ndit sə̀pʰiə̀ kə̀mpʰuːciə̀ [Кхин Сок. *Грамматика кхмерского языка*. Пномпень: Королевская академия наук Камбоджи].

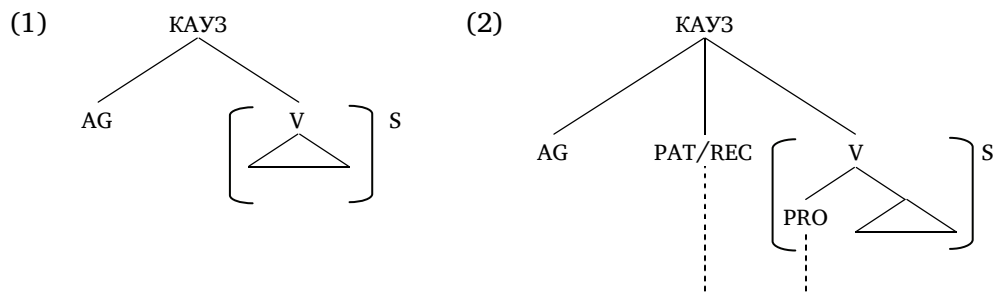
Грамматикализация каузативной конструкции в хваршинском языке

Е. А. Лютикова

МГУ имени М. В. Ломоносова; lyutikova2008@gmail.com

1. Введение

В данной статье я возвращаюсь к проблематике каузативной конструкции дагестанских языков, опираясь на разработанную в Кибрик, Плунгян, Рахилина 1982 таксономию морфолого-синтаксических средств выражения агентивной лексически неспецифицированной каузации. В указанной работе выделяется два варианта структурных имплементаций такой каузации: (1) структура, в которой каузативный предикат имеет валентность на агентивный каузатор и каузируемую ситуацию, и (2) структура, в которой каузативный предикат субкатегоризует не только каузатор и каузируемую ситуацию, но и каузируемого, получающего от каузативного предиката семантическую роль пациенса или реципиента; в этом случае каузируемый выступает контролером нулевой единицы (PRO), занимающей соответствующую позицию в структуре каузируемой ситуации.

Далее в этой статье я покажу, что различные структурные варианты каузативных конструкций не только могут сосуществовать в пределах одного языка — как это происходит, например, в табасаранском языке (Кибрик, Плунгян, Рахилина 1982), романских языках (Folli, Harley 2004, 2007), японском (Harley 2008), хинди (Ramchand 2008) или языке догон

(Plungian 1993), но и представляют собой разные этапы грамматикализации каузативной конструкции. Источником данных служит хваршинский язык — один из языков цезской группы¹. Мы рассмотрим конструкции, в которых выступает глагол *ešt'a* ‘пускать’. Я предполагаю показать, что синхронные употребления этого глагола могут быть разбиты на три группы: (i) собственно лексические употребления в качестве глагола ‘пускать’, имеющего три термовых семантических валентности и факультативно лицензирующего целевую клаузу; (ii) употребления в качестве каузативного глагола, представляющего собой предикат объектного контроля, и (iii) употребления в функции каузативного легкого глагола, вводящего неспецифицированную каузацию и проецирующего каузатор.

2. Конструкции с лексическим глаголом

Употребления лексического глагола *ešt'a* демонстрируются в примерах (3)–(4). Его аргументная структура содержит как минимум два аргумента — Агенс и Пациенс; еще один аргумент может быть обозначен как Путь (Path, Jackendoff 1983: 165); он специфицирует либо исходную точку движения, по умолчанию идентифицируемую с дейктическим центром (3), либо конечную точку, направление и цель (4).

(3) *ešt'a* *gote* *de* *ma*, *huni-n*
 I.пускать-CONV.FUT быть.PRS я.ERG ты дорога-ADD
l-ak^wa-χ-χo-λλa *ĩa-na* *qartaj-i*.
 IV-видеть-CAUS-CONV.PRS-QUOT сказать-CONV.PF Карт-ERG
 ‘Я отпущу тебя и дорогу покажу, — сказала (ведьма) Карт’ (Сыновья кузнеца, 34).

(4) *isi* *ĩã* *l-ešt't'a* *widra-ma-l*.
 он.OBL.ERG вода IV-пускать.AOR ведро-IN-LAT
 ‘Он пустил воду в ведро’.

Глагол не накладывает селективных ограничений на одушевленность Пациенса, однако ограничивает внешний аргумент семантической ролью Агенса. Как и прочие агентивные переходные глаголы, *ešt'a* образует конструкцию с ненамеренным Агенсом (non-volitional Agent, Ganenkov, Maisak, Merdanova 2008), демонстрируемую в примере (5), где ненамеренный Агенс оформляется не эргативом, а посессивом.

¹ Хваршинские примеры заимствованы из текстов, опубликованных в Каримова 2014 или собранных Я. Г. Тестельцом в селении Хонох в 2018–2019 годах, либо получены в ходе моей собственной полевой работы в июле 2019 года.

- (5) *isu-go vade b-ešt'a-na goṭe.*
 он.OBL-POSS ворон III-пускать-CONV.PF быть.PRS
 'Он, оказывается, нечаянно ворона выпустил'.

Лексическое значение 'пускать' является одним из наиболее популярных в качестве основы для грамматикализации каузативной конструкции с пермиссивным значением (Плунгян 2011: 283). Очевидно, развитие каузативной конструкции опирается на обобщение (лексического) значения 'не препятствовать движению X-а' до значения 'не препятствовать X-у совершать P'. Формальным источником каузируемой ситуации является целевая клауза, регулярно сопровождающая лексические употребления *ešt'a*. В (6) помимо направительной локативной группы 'к моей семье' глагол *ešt'a* присоединяет инфинитивную целевую клаузу 'чтобы их увидеть'.

- (6) *wo žene, ... da di-lo hāq'u-val ešt'-o židu b-ak^w-a!*
 о Джинн я я.OBL-GEN2 семья-DIR I.пускать-IMP они NPL-видеть-INF
 'О Джинн, ... меня к моей семье отпусти увидеться с ними!' (Сказка о чабане и злом духе, 14).

Следует отметить, что целевая клауза в конструкции с лексическим глаголом *ešt'a*, во-первых, факультативна (ср. примеры (3)–(5)), и, во-вторых, способ ее грамматического оформления не фиксирован. Помимо инфинитива, целевая клауза может выражаться, например, цитативной финитивной конструкцией с императивом (7), прохитивом (8) или адэссивной целевой конструкцией на основе футурального причастия (9).

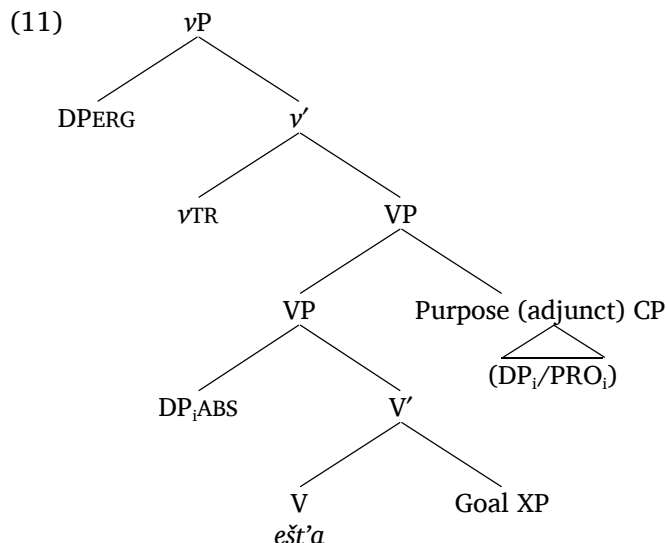
- (7) *lu-č lu-n muṭa-na l-isa-ṭal-na, q'ut'i goṭe q'ut'i,*
 кто-INTS кто-ADD учить-CONV.PF IV-найти-CND-ADD уговор быть.PRS уговор
āk'-a ma hoboža mi deba huni-ho, -ṭṭa
 I.идти-IMP ты теперь ты.ERG ты.GEN1 дорога-AD -QUOT
ešt'a-na idu qartaj-i.
 I.пускать-CONV.PF он Карт-ERG
 'Кто бы тебя ни научил, уговор есть уговор, иди теперь своей дорогой, — сказала Карт и отпустила его (= иди, мол, отпустила его)' (Сыновья кузнеца, 90).
- (8) *iša-t'i pat'imat quj b-uj-ju-ṭṭa idu-vol j-ešit't'a.*
 мать-OBL.ERG Патимат шум III-делать-PRH-QUOT дома-DIR II-пускать.AOR
 'Мать отпустила Патимат домой, чтобы она не шумела (= шум не делай, мол, отпустила)'.
 (9) *iša-t'i pat'imat rasul ak^w-a-ho-ṭṭa j-ešit't'a.*
 мать-OBL.ERG Патимат Расул I.видеть.FUT-AD-QUOT II-пускать.AOR
 'Мать пустила Патимат повидаться с Расулом (на встречу с Расулом, мол, отпустила)'.

Пример (10) иллюстрирует еще одно важное свойство целевых клауз при лексическом глаголе *ešt'a* — в них отсутствует обязательный контроль. Контролером невыраженного подлежащего целевой клаузы может быть любой из аргументов; кроме того, целевая клауза может иметь и полный набор выраженных аргументов.

- (10) *iša-t'i_i pat'imat_j [PRO_{i/j} / žu j-ad-a] ĭdu-vol j-ešt't'a.*
 мать-OBL.ERG Патимат PRO / он II-работать-INF дома-DIR II-пускать.AOR
 'Мать_i отпустила Патимат_j домой, чтобы PRO_{i/j} / самой работать'.

Итак, в конструкциях с сохранением лексического значения глагол *ešt'a* 'пускать' факультативно присоединяет целевую клаузу, причем ее способ оформления не фиксирован, а нулевое подлежащее допускает сдвиг контроля (Landau 2015).

Я полагаю, что перечисленные свойства характеризуют рассматриваемую конструкцию как свободную конструкцию с лексическим глаголом, обладающим только термовыми аргументами; целевая клауза является адьюнктивной (11).

3. Конструкции с объектным контролем

В данной группе употреблений глагол *ešt'a* 'пускать' используется как каузативный матричный предикат, обладающий ситуационной семантической валентностью и реализующий ее при помощи инфинитивной ак-

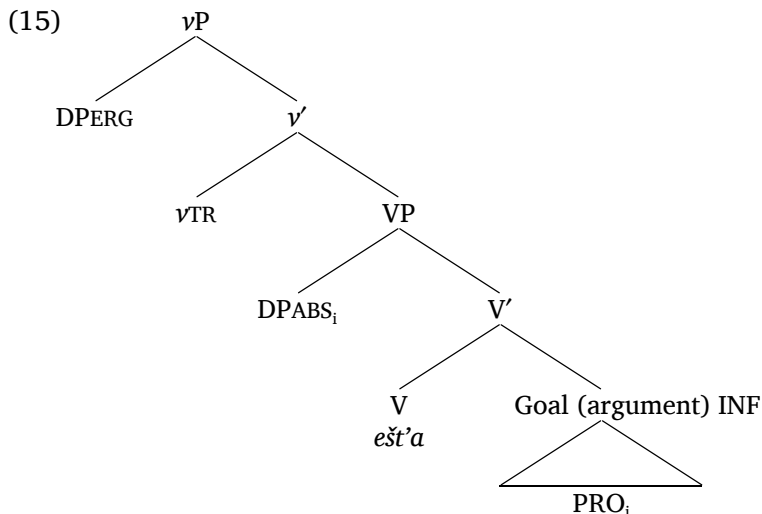
тантной клаузы. В этом случае зависимая клауза обязательна, а способ ее оформления — инфинитив с контролируемым нулевым или анафорическим подлежащим — фиксирован. Примеры подобных употреблений показаны в (12)–(16).

- (12) *īgo-žo eq-na-sa žu b-eχola t'ero-ho*
там-ABL I.выходить-CONV.PF-A он III-длинный мост-AD
birgadir-lana ad-a ešt'a-na.
бригадир-ADV I.работать-INF I.пускать-CONV.PF
'Когда оттуда ушел, его на длинном мосту бригадиром работать послали' (Переселение, 15).
- (13) *žu īq'e-č uža ... huni-n l-ak^wa-χ-na*
этот четыре-COLL сын дорога-ADD IV-видеть-CAUS-CONV.PF
īl'-a ešt'a-na.
I.идти-INF I.пускать-CONV.PF
'Четырех сыновей, показав дорогу, ... отправил (= пустил идти)' (Сыновья хана, 2).
- (14) *obu-t'i rasul āq l-uw-a ešt't'a.*
отец-OBL.ERG Расул дом IV-делать-INF I.пускать.AOR
'Отец заставил Расула строить дом' / 'Отец позволил Расулу строить дом'.

Важное изменение, которое претерпевает глагол *ešt'a* при переходе к этой конструкции — это приобретение им значения неспецифицированной дистантной каузации. (14) показывает, что использование этой конструкции совместимо с выражением не только пермиссива, но и рогатива. При дистантной каузации на каузируемого накладывается дополнительное ограничение — способность выступать субъектом обязательства (*obligation condition*, Folli, Harley 2007); соответственно, абсолютивный аргумент глагола *ešt'a* в этой конструкции должен быть одушевленным.

Появляются ограничения на референцию подлежащего инфинитивного оборота: независимо от того, выражен он пустой категорией или анафорическим местоимением, его контролирует второй термовый аргумент глагола *ešt'a*². Поскольку обязательный контроль сопряжен со структурным приоритетом контролера над контролируемым, очевидно, что инфинитивная клауза в структуре рассматриваемых конструкций должна располагаться ниже, чем в (11).

² Обычно обязательный контроль определяется в отношении пустой категории (PRO); однако, как показано в Stiebels 2007, контролироваться может и фонологически выраженное местоимение.

(15) показывает, что в конструкциях с объектным контролем представлена биклаузальная структура с двумя лексическими глаголами. Глагол *ešt'a* имеет два внутренних аргумента — каузируемого-контролера и контролируемый инфинитивный оборот — и внешний аргумент — каузатор. Биклаузальный характер структуры подтверждается как морфосинтаксическими, так и семантическими диагностиками. Падежное оформление каузируемого соответствует его роли (переходного) Пациенса при матричном предикате; согласование матричного предиката демонстрирует формальные признаки его собственного абсолютива. Семантическая диагностика может быть построена на интерпретации отрицания. Отрицание в матричной клаузе не может быть проинтерпретировано как имеющее сферу действия в зависимой клаузе; более того, зависимая клауза сама способна к выражению отрицания с узкой сферой действия (16).

- (16) *iša-t'i pat'imat χik'o-ba l-uwa-bč'u*
 мать-OBL.ERG Патимат хинкал-PL NHPL-делать-CONV.NEG
l-eč-a j-ešt't'a.
 NHPL-оставаться-INF II-пускать.AOR
 'Мать разрешила / велела Патимат не готовить хинкал'.

4. Конструкции с легким глаголом

Наконец, третий вид конструкций, в которых участвует глагол *ešt'a* — это моноклаузальные каузативные конструкции. Их структурное отличие от конструкций с объектным контролем становится явным в том случае,

когда каузируемая ситуация переходная и, соответственно, ее предикат проецирует внешний аргумент. Сравним конструкцию с объектным контролем в (14) и конструкцию с легким глаголом в (17):

- (17) *obu-t'i rasul-go āq l-uw-a l-ešt't'a.*
 отец-OBL.ERG Расул-POSS дом IV-делать-INF IV-пускать.AOR
 'Отец заставил Расула строить дом'.

Первое отличие состоит в том, что каузируемый в конструкции объектного контроля является абсолютным аргументом матричного предиката, а в конструкции с легким глаголом оформляется при помощи посессивного падежного показателя, обслуживающего также конструкции с ненамеренным агенсом (см. выше) и синтетические каузативные конструкции (18).

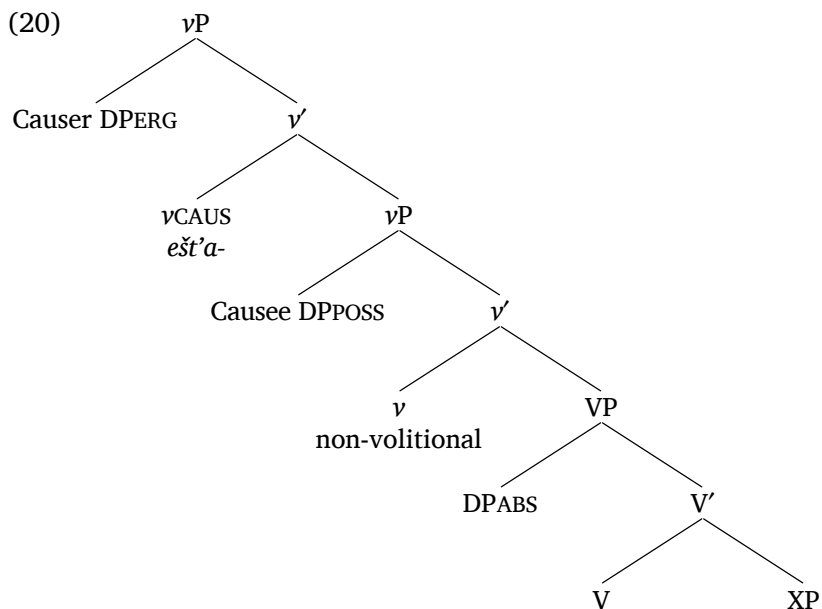
- (18) *isi goλ'a-n goλ'a-na mala nasrudin-go*
 он.ERG звать-CONV.FUT-ADD звать-CONV.PF Молла Насреддин-POSS
esa-χ-na.
 сказать-CAUS-CONV.PF
 'Он, позвав, Моллу Насреддина спросил (=рассказать заставил)
 (Ворон Моллы Насреддина, 21).

Следует отметить, что и в синтетических каузативных конструкциях, и в конструкциях с легким глаголом кодирование посессивом может получать любой внешний аргумент, в том числе и экспериенцер, однако только для эргативного внешнего аргумента оно является обязательным.

Второе отличие касается классно-числового согласования глагола *ešt'a*. Если в конструкции с объектным контролем он согласуется со своим собственным абсолютным термовым аргументом, то в моноклаузальной каузативной конструкции — с абсолютивом вложенного предиката. Согласование по классу каузируемого невозможно, ср. (19):

- (19) *obu-t'i rasul-go āq l-uw-a l-ešt't'a / *ešt't'a.*
 отец-OBL.ERG Расул-POSS дом IV-делать-INF IV-пускать.AOR / I.пускать.AOR
 'Отец заставил Расула строить дом'.

Этот запрет означает, что в главной клаузе отсутствует нулевой абсолютивный аргумент, коиндексированный с посессивным каузируемым, и, следовательно, в рассматриваемой конструкции невозможен обратный контроль (backward control, Polinsky, Potsdam 2002). Я заключаю, что в каузативной конструкции с легким глаголом *ešt'a* проецирует только один термовый аргумент — каузатор, а каузируемый проецируется в составе вложенной глагольной структуры (20).

В (20) *ešt'a* озвучивает только каузативную функциональную вершину v_{CAUS} и не имеет собственных термовых внутренних аргументов. Селективные ограничения каузативной вершины требуют, чтобы в качестве ее комплемента выступала неагентивная глагольная составляющая — например, группа лексического глагола VP или экспериенциальная группа легкого глагола v_{EXP} -P. Переходный агентивный легкий глагол должен быть заменен на легкий глагол, вводящий ненамеренный агент (v non-volitional). Поскольку в (20) присутствует только один абсолютный аргумент и все согласующиеся элементы находятся с ним в пределах одной клаузы, все компоненты каузативной конструкции единообразно согласуются с абсолютивом исходного глагола.

Структурные различия между конструкцией с объектным контролем и моноклаузальной каузативной конструкцией оказываются незаметны, если каузируемая ситуация непереходная. Например, (21) допускает обе структурные интерпретации: абсолютная именная группа '(эта) наша мама' может быть как аргументом глагола *ešt'a*, так и аргументом глагола *iha* 'умирать'.

- (21) *adyol esa-j isu-ɣo žu ila išu*
 раньше рассказывать-NEG.AOR он.OBL-POSS ЭТОТ МЫ.GEN1 мама
j-ih-a j-ešt'it't'a-λλa...
 II-умирать-INF II-пускать.AOR-QUOT
 '...Раньше она ему не рассказала, [что] (эту) нашу маму оставили умирать...' (Наша мама, 26).

Моноклаузальная каузативная конструкция отличается от конструкции с объектным контролем не только структурно, но и семантически. Во-первых, моноклаузальные каузативные конструкции не ограничены в отношении типа каузации, ср. (22):

- (22) *pat'imat-i es-t'e-ḡo lã χĩl-a l-ešit't'a.*
 Патимат-OBL.ERG сиблинг-OBL-POSS вода пить-INF IV-пускать.AOR
 'Патимат заставила сестру выпить воду' / 'Патимат напоила сестру водой'.

Во-вторых, событийная структура каузативной конструкции прозрачна для единого отрицания, доминирующего над каузативным легким глаголом. Соответственно, в сфере действия отрицания может оказываться как все каузативное событие целиком, так и только каузируемое событие. При этом зависимый инфинитив в моноклаузальной каузативной конструкции выразить отрицание самостоятельно не может.

- (23) *iša-t'i pat'imat-ḡo χik'o-ba l-uw-a l-ešt'a-j.*
 мать-OBL.ERG Патимат-POSS хинкал-PL NHPL-делать-INF NHPL-пускать-NEG.AOR
 'Мать не велела Патимат готовить хинкал' / 'Мать велела Патимат не готовить хинкал'.

5. Заключение

В этой статье были рассмотрены грамматические и семантические изменения, сопровождающие грамматикализацию глагола *ešt'a* 'пускать' в показатель аналитической каузативной конструкции. Представляется, что предпринятый анализ свидетельствует о важных корреляциях между различными языковыми маркерами данного процесса. Во-первых, «при-способление» лексического значения глагола к новой функции сопровождается изменениями в аргументной структуре, в частности, появлением ситуационной семантической валентности и закреплением грамматических способов ее выражения. Во-вторых, переосмысление значения глагола как грамматического и утрата собственного лексического значения связана с потерей термового внутреннего аргумента. В-третьих, грамматикализация матричного предиката как грамматического показателя (легкого глагола) требует не только изменений его собственной структуры, но и сокращения функциональной структуры его клаузального аргумента. По-видимому, сходные закономерности мы можем ожидать при грамматикализации не только каузативных конструкций, но и других видов актантных дериваций.

Список условных сокращений

I-VI — именной класс; A — атрибутивизатор; ABL — аблатив; ABS — абсолютив; AD — адэссив; ADD — аддитив; ADV — адвербиализатор; AG — агенс; AOR — аорист; CAUS — каузатив; COLL — собирательное числительное; COND — кондиционалис; CONV — конверб; DIR — директив; ERG — эргатив; FUT — футурум; GEN1 — генитив1; GEN2 — генитив2; HPL — личный класс мн. число; IMP — императив; IN — инэссив; INF — инфинитив; INTS — интенсификатор; NEG — отрицание; NHPL — неличный класс мн. число; OBL — косвенная основа; PAT — пациенс; PF — перфектив; PL — мн. число; POSS — посессив; PRN — прохибитив; PRO — нулевое подлежащее; PRS — презенс; QUOT — квотатив; REC — реципиент; S — клауза; V — лексический глагол; v — легкий глагол.

Литература

- Каримова Р. Ш. 2014. *Хваршинский фольклор*. Под общ. ред. Б. Комри. Лейпциг; Махачкала: АЛЕФ.
- Кибрик А. Е., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. 1982. Каузативная конструкция в табасаранском языке. В кн.: *Табасаранские этюды: Материалы Дагестанской экспедиции 1979*. (Публикации ОСиЛЛ, сер. монографий; вып. 15). М.: МГУ, 34–43.
- Плунгян В. А. 2011. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ.
- Folli R., Harley H. 2004. On the argument structure of FI and FP causatives. In: V. Chand, A. Kelleher, A. J. Rodríguez, B. Schmeiser (eds.). *Proceedings of WCCFL 23*. Cambridge, MA: Cascadilla Press, 195–208.
- Folli R., Harley H. 2007. Causation, obligation, and argument structure: On the nature of little v. *Linguistic Inquiry*, v. 38, n. 2, 197–238.
- Ganenkov D., Maisak T., Merdanova S. 2007. Non-canonical agent marking in Agul. In: H. de Hoop, P. de Swart (eds.). *Differential subject marking*. Netherlands: Springer, 173–198.
- Harley H. 2008. On the causative construction. In: S. Miyagawa, M. Saito (eds.). *Handbook of Japanese linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 20–53.
- Jackendoff R. 1983. *Semantics and cognition*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Landau I. 2015. *A two-tiered theory of control*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Plungian V. 1993. Three causatives in Dogon and the overlapping of causative and passive markers. In: B. Comrie, M. Polinsky (eds.). *Causatives and transitivity*. Amsterdam: Benjamins, 391–396.
- Polinsky M., Potsdam E. 2002. Backward control. *Linguistic Inquiry*, v. 33, n. 2, 245–282.
- Ramchand G. 2008. *Verb meaning and the lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Stiebels B. 2007. Towards a typology of complement control. In: B. Stiebels (ed.). *ZAS Papers in Linguistics 47. Studies in complement control*. Berlin: ZAS, 1–80.

К происхождению показателя возвратных пород *al-* в западносуданской группе диалектов арабского языка

В. Л. Цуканова

Марбургский университет; vera.tsukanova@yandex.ru

К западносуданской группе диалектов относятся варианты арабского языка, распространенные на западе Судана (регион Дарфур), в Чаде, в некоторых областях Камеруна и Нигерии и в небольших анклавах Нигера и Южного Судана (Owens, Hassan 2009)¹. При описании этой группы иногда используются термины чадский диалект или, по названию этнической группы, шоа (шува) или баггара. По данным справочника Этнолог, число говорящих на этом диалекте составляет 1,633,000 человек². В Судане основным языком является другой диалект арабского — суданский, в Чаде арабы составляют около 10% населения, но арабский язык является официальным и служит для межнационального общения. В Нигерии, Нигере и Камеруне арабы-баггара составляют меньше одного процента населения.

Арабы пришли на запад современного Судана в XIV в., бежав от мамлюкского правления в Египте, и в течение последующих веков продвигались далее на запад африканского континента (Zeltner, Tourneux 1986: 7). Именно египетским происхождением объясняется принадлежность языка баггара к восточной группе арабских диалектов.

В грамматиках арабских диалектов Чада и Нигерии отмечается явление, не характерное для других арабских диалектов, а именно функционирование префикса (?)*al-* в качестве показателя возвратных пород³ вместо типичного для семитских языков вообще и арабского в частности префикса *t-* (с вариантами *tV-/Vt-*).

¹ Данное исследование было представлено в виде доклада на международной конференции *The 9th Word Congress of African Linguistics*, (Рабат, Марокко, 25–28 августа 2018).

² Как L1: 1,563,000; как L2: 70,000 (<http://www.ethnologue.com/20/language/shu/>, дата обращения 19.08.2019).

³ Возвратными породами в семитологии принято называть деривационные модели, обозначающие, помимо рефлексива, также пассив, реципрок и антикаузатив.

НИГЕРИЙСКИЙ ДИАЛЕКТ⁴

- (1) *al-kallam* ‘говорить’ = ЛА⁵ *ta-kallama*
 (2) *al-māzan* ‘взвешиваться’ ~ ЛА *ta-wāzana* ‘уравновешиваться’
 (3) *al-maskan* ‘стать бедным, несчастным’ = ЛА *ta-maskana*

ЧАДСКИЙ ДИАЛЕКТ⁶

- (4) *?al-kassar* ‘сломаться’ = ЛА *ta-kassara*
 (5) *?al-kātal* ‘сражаться’ = ЛА *ta-qātala*

Префикс *al-* может присоединяться к четырехконсонантным глаголам, а также к каузативной и аппликативной породам, см. примеры (1)–(3) выше. В литературном языке это соответствует образованию пятой породы от второй и шестой — от третьей.

Диалекты данной группы не ведут себя гомогенно в морфологическом отношении. Так, в западно-суданском диалекте в узком смысле, а именно в диалекте Дарфура, показателем рефлексивных пород выступает архаичный префикс *it-* (Roset 2018):

- (6) *itzawwaǧ* ‘жениться’

В диалекте города Абеше (Чад) показатель возвратности вообще отсутствует, а каузативная и аппликативная породы являются лабильными, выражая как отсутствие, так и наличие рефлексива и антикаузатива, см. Roth 1979:

- (7) *barrad* ‘мыть что-л.; мыться’
 (8) *dāwas* ‘сражаться против кого-л.; сражаться друг с другом’

Все *al-*породы имеют полную парадигму: формы перфекта, имперфекта, причастия и отглагольного имени (масдара):

- (9) ЧАДСК. *?albarram* — *bilbarram* — *mulbarrim* — *tibirrim* ‘возвращаться’
 (10) НИГЕР. *al?ānas* — *bil?ānas* — *mil?ānis* — *?anasa* ‘разговаривать’

⁴ Здесь и ниже примеры из нигерийского диалекта приводятся по грамматике Owens 1993.

⁵ ЛА — литературный арабский язык.

⁶ Здесь и ниже примеры из чадского диалекта приводятся по умолчанию по грамматике Zeltner, Tourneux 1986.

Семантика данных пород соответствует семантике *t*-пород в других арабских диалектах: пример (3) ‘стать бедным’ иллюстрирует антикаузатив от глагола ‘делать бедным’, примеры (5) и (1) ‘сражаться’ и ‘говорить (друг с другом)’ — реципрок, глаголы из примеров (2) ‘взвешиваться’ и (4) ‘сломаться’ — пассивное или антикаузативное значение.

Префикс *al-* в западно-суданских диалектах подчиняется тем же морфонологическим правилам, что и определенный артикль *al-*, то есть полностью ассимилируется с последующим дентальным согласным:

ЧАДСК.

(11) *ʔad-dayyan* ‘занять’

(12) *ʔat-tābaʕ* ‘следовать друг за другом’

(13) *as-sallam* ‘приветствовать друг друга’ (Jullien de Pommerol 1999)

(14) *aj-jāmal* ‘сменять друг друга при переноске тяжестей’ (Jullien de Pommerol 1999)

НИГЕР.

(15) *aḏ-dayyag* ‘раздражаться’

(16) *an-nāzal* ‘оставаться на том же месте’

Этимология этого префикса не обсуждалась ни в Энциклопедии арабского языка и лингвистики (Owens, Hassan 2009), ни в грамматиках данной группы диалектов, ни в каких-либо других известных мне работах по арабской диалектологии. В настоящей статье выдвигается новая гипотеза о его происхождении. Я посвящаю эту статью В. А. Плунгяну, который научил меня применять морфологическую теорию к арабским диалектам и вдохновил на дальнейшие исследования в этой области.

Поскольку, очевидным образом, данный префикс не может являться архаизмом, возможные гипотезы о его происхождении — это заимствование или внутреннее развитие. При этом следует отметить следующие факты:

- Префикс *al-* по своей морфологической позиции и семантике соответствует префиксу *t-* в других вариантах арабского языка.
- Не наблюдается никакой конкуренции между старым префиксом *t-* и новым префиксом *al-*, что ожидалось бы, если бы последний был заимствован. Глаголов V или VI породы с префиксом *t-* в этих диалектах не зафиксировано.

- При этом существуют лексикализованные формы старой VIII породы с инфиксом *-t-*, более не продуктивные: *istalam* ‘получать’. Исторически данный инфикс является метатезой префикса, причем в ранних формах арабского языка этот процесс уже был завершен: в ЛА возвратной для основной породы является порода с инфиксом. В западносуданских диалектах она была вытеснена продуктивной породой VII с префиксом *an-*, ср. чадск. *anmala* = ЛА *imtalaza* ‘наполняться’.
- Префикс *t-* проявляется в ряде масдаров в форме *ti-*, см. пример (9) выше.
- Породы с префиксом *al-* продуктивны и являются стабильной частью глагольной системы данных диалектов.

На основании этих данных я делаю вывод о том, что *al-* является не результатом заимствования, а продуктом развития архаичного префикса *t-*. Чтобы установить путь данной трансформации, не отражающей фонетический закон, обратимся к сравнительным данным.

Ассимиляция префикса *t-* зафиксирована уже для древнеарабских диалектов, что отражено в Коране:

(17) V порода: *yaddakkaru* < *yatadakkaru* ‘вспоминают’ (Коран 2:269)

(18) VI порода: *ittāqaltum* < *tatāqaltum* ‘вы тяжело припали’ (Коран 9:38)

В современном каирском диалекте (Woidich 2006) префикс *t-* подвергается обязательной ассимиляции с дентальными согласными (*d, ṭ, ḍ, ṣ, ḏ*), и факультативной ассимиляции с сибиллянтами и велярными (*s, k, š, z, g*):

(19) *izzāhir* ‘делать вид’, *issabbīb* ‘служить причиной’

То же явление наблюдается и в более южных диалектах, например, в оазисе Бахария (Drop, Woidich 2007) или в столице Судана — городе Хартум (Bergman 2002). Отмечается оно и в грамматике диалекта Дарфура: «It is remarkable that in contrast with Chadian, Kordofanian Baggara and Nigerian Arabic [...], an *al-* prefix with a similar function is not found before verbs among my Darfurian informants. However, all three consonants of the West-Sudanic prefixes *in-*, *it-* or *al-* generally assimilate with alveolar first phonemes of the verb» (Roset 2018: 244).

Мое предположение заключается в том, что префикс возвратной породы приобрел форму *al-* по аналогии с определенным артиклем имени, пройдя через следующие стадии, приведенные в таблице, где 1 — реконструкция древнего диалектного состояния, 2 — стадия, зафиксированная в современных диалектах Египта и Судана, 3 — в диалектах Чада и Нигерии. Инновации маркируются серым:

	Возвратный глагол без ассимиляции	Возвратный глагол с ассимиляцией	Определенный артикл без ассимиляции	Определенный артикл с ассимиляцией
1	<i>at-kallam</i>	<i>at-sallam</i>	<i>al-kalām</i>	<i>as-salām</i>
2	<i>at-kallam</i>	<i>as-sallam</i>	<i>al-kalām</i>	<i>as-salām</i>
3	<i>al-kallam</i>	<i>as-sallam</i>	<i>al-kalām</i>	<i>as-salām</i>

Таблица 1. Стадии эволюции показателя возвратности

Я исхожу из гипотезы пропорциональной аналогии между префиксом рефлексива и определенным артиклем. Поскольку префикс *at-* в части фонетических контекстов на стадии 2 был неотличим от артикля *al-*, он слился с ним и в прочих контекстах. Более того, существует третья морфема *al* — относительное местоимение — которая демонстрирует то же морфонологическое поведение в этих диалектах, контрастируя при этом с остальными вариантами арабского языка:

(20) НИГЕР.

al-bitt ad = duggut gā?id-e hine
 DEF-девушка REL = сейчас сидеть.PTCP-F здесь
 'Девушка, которая сейчас сидит здесь'.

(21) ЧАДСК.

?al-bēt ?an = nazal-o fī = ye
 DEF-дом REL = остановиться.PRF-PL в = нем
 'Дом, в котором они остановились'.

Такая аналогия привела к упрощению языковой структуры, так как носителям чадско-нигерийских диалектов нужно запоминать лишь одно морфонологическое правило вместо трех, характерных для предыдущего языкового состояния.

Данный переход неслучайно имел место именно в диалектах Чада и Нигерии, поскольку они занимают промежуточную позицию между диалектами Судана, где арабский язык является основным государственным, и пиджинами, на которых арабы общаются с неарабским населением в этих и соседних странах⁷. В условиях неполного владения языком пространственным феноменом является его частичная реструктуризация (Holm 2008), которая в рассматриваемом случае и привела к изменению

⁷ В статье Jullien de Pommerol 2006 разделяются три уровня чадского диалекта, располагающиеся на шкале от пиджина до родного языка. Похожую ситуацию для Западного Судана описывает и Manfredi 2013.

показателя рефлексивности. Косвенным подтверждением данному тезису служат другие процессы упрощения, зафиксированные в данных диалектах: опциональное использование определенного артикля и показателя индикатива, утрата показателей 1 и 2 лица перфекта в ряде фонетических контекстов, утрата форм элатива, на фонетическом уровне — уменьшение числа согласных за счет утраты фарингализованных, устойчивых в обычных арабских диалектах, и утрата двойственного числа имен, см. Hagège 1973, Jullien de Pommerol 1999, Owens 1993, Roth 1979, Zeltner, Tourneux 1986.

Список условных сокращений

DEF — определенный артикль; F — женский род; PL — множественное число; PRF — перфект, основа перфекта; PТСР — причастие; REL — относительное местоимение.

Литература

- Drop H., Woidich M. 2007. *Il-bahariyya-Grammatik und Texte*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Hagège C. 1973. *Profil d'un parler arabe du Tchad*. Paris: Geuthner.
- Holm J. A. 2008. *Languages in contact. The partial restructuring of vernaculars*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jullien de Pommerol P. 1999. *Grammaire pratique de l'arabe tchadien*. Paris: Karthala.
- Jullien de Pommerol P. 2006. Chad Arabic. In: K. Versteegh (ed.). *Encyclopedia of Arabic language and linguistics*. V. I. Leiden; Boston: Brill, 360–368.
- Manfredi S. 2013. Native and non-native varieties of Arabic in an emerging urban centre of western Sudan: Evidence from Kadugli. In: M. Lafkioui (ed.). *African Arabic: Approaches to dialectology*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 13–51.
- Owens J. 1993. *A grammar of Nigerian Arabic*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Owens J., Hassan J. 2009. West Sudanic Arabic. In: K. Versteegh (ed.). *Encyclopedia of Arabic language and linguistics*. Leiden; Boston: Brill, V. IV, 708–718.
- Roset C. J. 2018. *A grammar of Darfur Arabic*. Utrecht: LOT Publications.
- Roth A. 1979. *Esquisse grammaticale du parler arabe d'Abbéché (Tchad)*. Paris: Geuthner.
- Woidich M. 2006. *Das Kairenisch-Arabishe: Eine Grammatik*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Zeltner J.-C., Tourneux H. 1986. *L'arabe dans le bassin du Tchad: Le parler des Ulâd Eli*. Paris: Karthala.

Аппликативы в абхазском языке*

В. А. Чирикба

Институт языкознания РАН / Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа; chirikba@gmail.com

1. Аппликативы

Аппликатив (от лат. *applicatus* ‘примыкающий, присоединяющийся’), наряду с каузативом, является одним из механизмов повышающей актантной деривации. В абхазской грамматической традиции аппликативы описываются в терминах субъектной и объектной *версии*¹. В отличие от некоторых других языков, в абхазском языке аппликативы могут использоваться как с переходными, так и с непереходными глаголами. Кроме того, они возможны как с динамическими, так и со статическими глаголами.

В абхазском языке аппликатив увеличивает число валентностей глагола путем ввода в структуру глагольного комплекса с помощью специальных префиксов первого, или, дополнительно к имеющемуся, второго косвенного объекта. Аппликативный префикс всегда располагается после вводимого в результате аппликативной деривации косвенного объекта. В отличие от каузатива, который трансформирует структуру непереходного глагола, превращая его в переходный, в абхазском аппликатив не влияет на транзитивность глагола, и не меняет его синтаксического типа. Равным образом введение аппликативом дополнительного косвенного объекта не меняет статуса актантных показателей.

Аппликативы возможны в рефлексивной конструкции, хотя они сочетаются не со всеми рефлексивными глаголами: *jə-čə-r + z-áa-jə-r-t'ə-∅-jt'* он-РЕФЛ-они + БЕНЕФ-ПРЕВ(‘сюда’)-он-КАУЗ-открываться-АОР-ФИН = ‘он себя открыл для них’. Аппликативы следуют обычной стратегии релятивиза-

* Я благодарен Джорджу Хьюитту и Леониду Куликову за ценные замечания по тексту статьи.

¹ См. Ломтатидзе 1947, 1976, Аристава и др. (ред.) 1968: 136–141. Термин *версия* является русским соответствием грузинского грамматического термина *ксева*, букв. ‘обращение, превращение’, введенного в грузинскую грамматику известным грузинским лингвистом Акакием Шанидзе.

ции: $jə-z + z-áa-s-χ^w a-z$ ЗЕД.НЧ-РЕЛ + БЕНЕФ-ПРЕВ-Я-ПОКУПАТЬ-ПРОШ.НЕОПР.НФИН = 'тот, кому я это купил'.

Аппликативы вводят такие семантические роли, как Бенефактив, Малефактив, Инструмент, Комитатив (Соучастник, Спутник, Компаньон) и Директив. В глагольной форме возможно использование двух аппликативов, см. (5)². В отличие от превербов, являющихся *словообразовательными* элементами, составляющими часть основы глагола, аппликативные префиксы представляют собой грамматикализованные *словоизменительные* элементы. Превербы часто сохраняют связь с производящей основой, тогда как для аппликативов производность от тех или иных частей речи не столь очевидна³. Поэтому здесь я придерживаюсь узкого понимания аппликативов, не включая в их число превербы⁴.

Тип аппликатива	Показатель
Бенефактив	
(а) Реципиентный	
(б) Экспириенцный	
(в) Локативный	$z(ə)-$
(г) Посессивный	
(д) Субститутивный/депутативный/заместительный	
(е) Целевой/конечный пункт движения	
(ж) Адресатный/дативный	
Малефактив	
(а) Малефактивный	$c^w(ə)-$
(б) Адверсативный	
(в) Акцидентальный/инадвертивный	
Комитатив	$c(ə)-$
Инструменталис	$la-$
Директив	$a-$

Таблица 1. Типы аппликативов в абхазском языке

² См. также Кибрик 1990: 68–69.

³ Ряд аппликативных маркеров обнаруживают связь с соответствующими послелогоми, ср. префикс бенефактива $zə-$ и бенефактивный послелог $-zə$ 'для, ради', префикс инструменталиса $la-$ и инструментальный послелог $-la$ 'посредством'. Префикс малефактива $c^wə-$ может быть связан с элементом c^w- в прилагательном $á-c^w g^a$ 'плохой', а также в сравнительной степени этого прилагательного — $aj.c^w á$ 'хуже'. К. В. Ломтатидзе (1976: 91) же связывает абх. $c^wə-$ с малефактивным префиксом s^we- в адыгейском и $f'e-$ в кабардинском языках (< праадыг. $*c^we-$), хотя и отмечает отсутствие глоттализации в абхазской форме.

⁴ См. иначе Ломтатидзе 1976: 94; но см. с. 95, O'Herin 2001: 481 et pass.

2. Бенефактив

Основное значение бенефактива — предназначенность действия или ситуации в пользу (для, ради) референта, выступающего в роли *бенефициара* или *реципиента*. При этом бенефактивный префикс *z(ə)*- санкционирует введение дополнительного актанта в предикативную структуру глагольного комплекса⁵.

- (1) *s-wə-ħ^wa-wa-jt'*, *də-s + zə-n.k'əl*
я-тебя(м)-просить-НАСТ-ФИН ЗЕД.ч-я + БЕНЕФ-задержи
'Прошу тебя, задержи его/ее для меня!'

В отличие от адыгских языков, в рамках бенефактивной конструкции агентс и бенефициар в абхазском не могут относиться к одному и тому же референту, т. е. автобенефактив с бенефактивным префиксом невозможен⁶. Для автобенефактивной деривации используется возвратное местоимение *-χ.a.zə* (букв 'голова-ЗЕД.нч-для') 'для себя'.

Бенефактивные глаголы обладают значительной степенью полисемии, и могут вводить, помимо бенефициара, другие семантические роли: *посессора / внешнего обладателя* (2), *экспериенцера* (3), *конечного пункта движения* (4), *субститутива/депутатива* («за кого / от имени кого») (5), *цели* (6), *адресата* (7) и др.

- (2) *a-j^wnə bzəja* *Ø-jə + z-gəla-w-p'*
АРТ-дом хороший ЗЕД.нч-он + БЕНЕФ-стоять-НАСТ-ФИН
'У него есть (букв. 'для него стоит') хороший дом'.

В конструкции внешнего обладателя (*external possessor*) обладатель выражен не именной группой, а аппликативным (бенефактивным) актантом, встроенным в глагольную словоформу. Актант *jə-* в (2) обладает таким образом двумя семантическими ролями — посессора (обладателя) и бенефициара.

- (3) *d-sə + z-g^w.áa-Ø-jt'*
ЗЕД.ч-я + БЕНЕФ-сердиться-АОР-ФИН
'он(а) на меня рассердился/рассердилась'
- (4) *a-šámtazə á-mj^wa* *j-a + z-k'əl.sə-Ø-jt'*
АРТ-рассвет АРТ-дорога они-ЗЕД.нч + БЕНЕФ-выйти-АОР-ФИН
'к рассвету они вышли на дорогу'

⁵ Апостроф ' служит для обозначения глоттализации, ^j — палатализации, ^w — лабиализации. Точкой в примерах разделены части сложной морфемы.

⁶ См. об этом Ломтатидзе 1976: 91, 95–96.

- (5) *jə-sə + z-j + á-š^w-h^wa*
 ЗЕД.НЧ-Я + БЕНЕФ-ОН + ДИР-ВЫ-СКАЖИ
 ‘то вы ему от моего имени скажите!’
- (6) [*a-*]*avá jə + z-k’əla.t^wa-ra*
 АРТ-ВРАГ ОН(М) + БЕНЕФ-ПОДЖИДАТЬ-МАСД
 ‘подстергать врага’
- (7) *jə-l + zə-s-h^wa-wa-jt’*
 ЗЕД.НЧ-ОНА + БЕНЕФ-Я-ГОВОРИТЬ-НАСТ-ФИН
 ‘то ей я говорю’

В (7) адресат может одновременно рассматриваться и как бенефициар (‘то я для нее говорю’). Помимо бенефактивного глагольного префикса, Бенефактив может альтернативно кодироваться бенефактивным послелогом; ср. для (7) вариант *lara l-zə jə-s-h^wa-wá-jt’* она она-для ЗЕД.НЧ-Я-ГОВОРИТЬ-НАСТ-ФИН = ‘я это для нее говорю’.

3. Малефактив

В отличие от ряда языков, в которых бенефактивные показатели могут выполнять и роль малефактива (как, напр. в лазском, см. Lascoix 2010: 282), в абхазском для выражения малефактивных значений используется специальный префикс *c^w(ə)*-. Абхазский различает три типа малефактива, которые можно расположить по шкале неблагоприятности действия: (а) собственно малефактив — выражение действия, совершаемого вопреки воли или желанию X (8); (б) адверсатив — выражение неблагоприятного или нежелательного действия, состояния (9); (в) акцидентатив (инадвертив) — выражение случайного действия, действия непреднамеренного характера (10).

- (8) [*a-*]*áazaj^w a-χ^wəč^j-k^wá a-mj^wadáw*
 АРТ-ВОСПИТАТЕЛЬНИЦА АРТ-РЕБЕНОК-МН АРТ-ДОРОГА
jə-l + c^w-a-ná.la-Ø-jt’
 ОНИ-ОНА + МАЛЕФ-ЗЕД.НЧ-ВЫЙТИ.НА.ПОВЕРХНОСТЬ-АОР-ФИН
 ‘дети вышли на улицу вопреки воле воспитательницы’
- (9) *s-práa-k^wa zeg^jə Ø-s + c^wə-zə-Ø-jt’*
 МОИ-ДЕНЬГИ-МН ВСЕ ЗЕД.НЧ-Я + АДВЕРС-ТЕРЯТЬ-АОР-ФИН
 ‘я потерял все мои деньги’
- (10) *jə-l + c^w-á-k^w.t^wa-Ø-jt’*
 ЗЕД.НЧ-ОНА + АКЦИД-ЗЕД.НЧ-СВЕРХУ.ПРОЛИТЬ-АОР-ФИН
 ‘то она нечаянно на что-то пролила’

4. Комитатив

Основное значение комитатива — выражение действия, совершаемого дополнительным агенсом совместно с главным. В абхазском значения префиксально выраженного глагольного комитатива по сути идентично семантике ассоциатива, описанной В. А. Плунгяном (2003: 211): «Показатель *ассоциатива* маркирует не появление участника с новой ролью, а появление другого участника с той же самой ролью, однако новый и исходный участники обычно оказываются всё же не вполне идентичны: добавленный участник воспринимается как второстепенный или вспомогательный».

- (11) *á-sas-c^wa d-rǎ + c-aa-Ø-jt'*
 АРТ-гость-МН ЗЕД.ч-они + КОМИТ-прийти-АОР-ФИН
 'он(а) пришел/пришла вместе с гостями'
- (12) *sará a-maš'ǎna s-á + c-aa-Ø-jt'*
 я АРТ-машина я-ЗЕД.нч + КОМИТ-приходить-АОР-ФИН
 'я приехал на машине/машиной'

5. Инструменталис

Данный вид аппликатива вводит в актантную структуру дополнительный косвенный объект с семантикой инструмента, орудия.

- (13) *a-mp'aχš'ǎ s-nap'ǎ Ø-á + la-sǎ-r + ba-Ø-jt'*
 АРТ-полотенце моя-рука ЗЕД.нч-ЗЕД.нч + ИНСТР-я-КАУЗ + сохнуть-АОР-ФИН
 'я полотенцем высушил руки'
- (14) *a-maš'ǎna s-á + l[a]-aa-Ø-jt'*
 АРТ-машина я-ЗЕД.нч + ИНСТР-приходить-АОР-ФИН
 'я прибыл машиной'

Функции инструментального аппликатива реализуемы и с помощью инструментального послелога *-la*: *mp'aχš'ǎ-la s-nap'ǎ Ø-sǎ-r + bá-Ø-jt'* полотенце-ИНСТР моя-рука ЗЕД.нч-я-КАУЗ + сохнуть-АОР-ФИН = 'я полотенцем высушил руки'; *maš'ǎna-la s-aá-Ø-jt'* машина-ИНСТР я-приходить-АОР-ФИН = 'я прибыл машиной'.

Вторым значением инструменталиса может быть комитативное.

- (15) *a-χ^wǎč'ǎ á-cg^wǎ d-á + la-χ^wmar-wa-jt'*
 АРТ-ребенок АРТ-кошка ЗЕД.ч-ЗЕД.нч + ИНСТР-играть-НАСТ-ФИН
 'ребенок играет с кошкой'

Третье значение инструменталиса — тематическое (контентное). Хотя прототипический Инструмент предполагает в качестве своего референта

неодушевленный предмет/орудие, инструментальный аппликатив может вводить в одноместный глагол *a-c^waž^wa-ra* ‘говорить’ в качестве темы/контента помимо неодушевленного, также одушевленный объект, ср. *ħ-á + la-c^waž^wa-wa.n* мы-ЗЕД.нч + ИНСТР-говорить-ИМПЕРФ = ‘мы говорили/рассуждали об этом / обсуждали это’ vs. *ħ-lá + la-c^waž^wa-wa.n* мы-она + ИНСТР-говорить-ИМПЕРФ = ‘мы говорили/рассуждали о ней / обсуждали ее’.

6. Директив

Основное значение директива — аллативное (обозначение направленности действия на объект) или дативное. В отличие от других видов аппликатива, директив в абхазском является непродуктивным и ограничен в своем употреблении лишь несколькими глаголами.

- (16) *s-b + á-c^waž^wa-wa-jt'*
 я-ты(ж) + ДИР-говорить-НАСТ-ФИН
 ‘я говорю с тобой (ж)’

Дополнительным значением директивного аппликатива является комитативная семантика.

- (17) (*sará*) *a-χ^wəč^ʷʷ* *s-j + á-χ^wmar-wa-jt'*
 я АРТ-ребенок я-он + ДИР-играть-НАСТ-ФИН
 ‘я играю с ребенком’

7. Аппликативы в словообразовании

Наряду с другими словообразовательными средствами, в создании новых слов принимают участие и лексикализованные аппликативные образования в случае, когда бенефактивный префикс становится обязательной частью основы, ср. такие глаголы, как *a-z.ħa-rá* ‘расти’, *a-z.χa-rá* ‘хватать, быть достаточным’, *a-zá.raz.χa-ra* ‘соглашаться с чем-либо’, *a-z.ħ^wa-rá* ‘сватать’, *a-c-ca-ra* ‘выходить замуж’ (букв. ‘идти с X’) и др. Такие глаголы могут принимать дополнительные аппликативные префиксы, ср. *wə-sə + z-j-á + z.c^waa* ты(м)-я + БЕНЕФ-он-ЗЕД.ч [+ БЕНЕФ]-спрашивать = ‘ты от моего имени его о том спроси’.

Список условных сокращений

З — 3 лицо; АДВЕРС — адверсатив; АКЦИД — акцидентив; АОР — аорист; АРТ — артикль; БЕНЕФ — бенефактив; ДИР — директив; ЕД — единственное число; Ж — женский род; ИМПЕРФ — имперфект; ИНСТР — инструменталис; КАУЗ — каузатив;

КОМИТ — комитатив; М — мужской род; МАЛЕФ — малефактив; МАСД — масдар; МН — множественное число; НАСТ — настоящее время; НФИН — нефинитная форма глагола; НЧ — класс не-человека; ПРЕВ — преверб; ПРОШ.НЕОПР — прошедшее неопределенное; РЕЛ — релятивный (префикс); РЕФЛ — рефлексивный (префикс); ФИН — финитный; Ч — класс человека.

Литература

- Аристава Ш. К., Бгажба Х. С., Циқолия М. М., Чкадуа Л. П., Шакрыл К. С. (ред.). 1968. *Грамматика абхазского языка. Фонетика и морфология*. Сухуми: Алашара.
- Кибрик А. А. 1990. Адресатная и комплетивная версия в абхазском языке. В сб.: *Тринадцатая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков (Глагольное словообразование в иберийско-кавказских языках)*. Тезисы докладов. Майкоп, 67–69.
- Ломтатидзе К. В. 1947. Категория версии в абхазском глаголе. *Труды Тбилисского государственного университета*, т. XXX–XXXI, №1, 411–419.
- Ломтатидзе К. В. 1976. Категория версии в картвельских и абхазско-адыгских языках. *Ежегодник иберийско-кавказского языковедения*, т. III, 87–100.
- Плунгян В. А. 2003. *Общая морфология. Введение в проблематику*. М: Едиториал УРСС.
- Lacroix R. 2010. Benefactives in Laz. In: F. Zuñiga, S. Kittilä (eds.). *Studies in ditransitive constructions*. Amsterdam: Benjamins, 2010, 271–293.
- O’Herin B. 2001. Abaza applicatives. *Language*, v. 77, n. 3, 477–493.

Комитативы в осетинском языке*

А. П. Выдрин^а, Ю. В. Мазурова^б

^а Институт лингвистических исследований РАН; senjacom@gmail.com

^б Институт языкознания РАН; mazurova.julia@gmail.com

1. На общем фоне новоиранских языков выделяется осетинский язык, в котором отмечается два показателя комитатива — комитативный падеж и специализированный комитативный предлог *æd*. В настоящей статье мы рассмотрим распределение этих двух показателей по семантической зоне комитатива¹, а также сделаем небольшой экскурс в комитативную зону в других иранских языках. Материалом для исследования осетинского комитатива послужили Устный корпус современного осетинского языка (далее УК, <https://ossetic-studies.org/ru/texts>) и Осетинский национальный корпус (далее ОНК, <http://corpus.ossetic-studies.org/>).

2. Комитативный падеж может использоваться для маркирования объекта некоторых предикатов. Приведем пример с предикатом *хъæбысæй хæцын* ‘бороться’:

(1) *арс-имæ хъæбыс-æй хæц-ы*
медведь-СОМ объятие-ABL держать-PRS.3SG
‘Он борется с медведем’ (Абаев 1959: 29).

У комитативного падежа не замечено каких-либо морфосинтаксических особенностей, отличающих его от других падежей осетинского языка. Комитатив функционирует как групповая флексия; группа, маркированная комитативом, может иметь различные модификаторы (определения, зависимые, посессивные местоимения и проч.). Комитатив употребляется с именами, отглагольными дериватами, местоимениями.

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РФФИ №19-012-00637 «Таджикский национальный корпус».

¹ Мы благодарны юбиляру за вдохновение, которое побудило нас заняться осетинским языком и в итоге привело к настоящей теме. Мы признаем за собой полную ответственность за результаты исследования. Читатель же вправе соглашаться или не соглашаться с нашими результатами, а также иметь свое мнение о категории комитатива или не иметь такового.

Основным семантическим значением комитативного падежа является совместность:

- (2) *Уазәг-уат-ы а-цызд-ыстәм мә зонгә-т-имә Казахстан-мә*
 гость-комната-GEN PREF-идти-PST.2PL POSS.1SG знакомый-PL-COM Казахстан-ALL
 ‘Мы с моими знакомыми поехали в Казахстан в гости’ (УК. Фатима Агузарова_23.08.11, 29.1).

Комитатив может передавать адвербиальное значение:

- (4) *Феврал-ы революци-йыл Новиков с-әмбәлд-и*
 февраль-GEN революция-SUPER Новиков PREF-встречать-PST.3SG
стыр цин-имә
 большой радость-COM
 ‘С большой радостью встретил Новиков Февральскую революцию’ (ОНК).

В небольшом количестве примеров комитатив может выражать значение факультативного Орудия (в терминологии работы Архипов 2005: 151). Ср. примеры ниже:

- (5) *әмә компьютер-имә куыд кус-ын хәәу-ы*
 и компьютер-COM как работать-INF нужно-PRS.3SG
 ‘[Мне она очень нравится: с одной стороны — учебники, с другой — то, что для учителей подготовлен методический материал, начиная от дисков и того,] как надо работать с компьютером, [— все там есть]’ (УК. Школа Дзуарикау_22.08.2011_2, 62.3).
- (6) *машинә-т-имә чи кус-а, ахәм адәймаг*
 машина-PL-COM кто работать-CONJ.3SG такой человек
 ‘[Если возьмет ключи от машины, то или водителем, или будет связан с машинами,] таким человеком, который работает с машинами, [или ремонтирует, или так...]’ (УК. Фатима Агузарова_23.08.11, 75.2).

Комитативный падеж может маркировать нефинитную форму глагола, выражая таксисное значение контактного предшествования (в терминологии работы Храковский 2009: 30). Ср. примеры ниже, где в первом комитатив присоединяется к причастию прошедшего времени, а во втором — к инфинитиву:

- (7) *Йе ‘рба-цызд-имә адджын цард кән-дзысты*
 POSS.3SG PREF-идти.PART.PST-COM вкусный жизнь делать-FUT.3PL
амәй фәстәмә
 этот.ABL после
 ‘С ее приходом, с этих пор, все будут сладко жить’ (УК. Зангиева_Хабалова_3, 36.1).

- (8) *æмæ гæрах-ы нæр-ын-имæ цæф дзæбидыр уæлгоммæйæ*
и выстрел-GEN греметь-INF-COM раненый тур навзничь
ра-хауд-т-а мусуат-ы кæрон-мæ...
PREF-падать-TR-PST.3SG ток-GEN край-ALL
'и с раздавшимся выстрелом раненый тур упал навзничь на краю тока'
(ОНК).

Таксисное значение усматривается также при употреблении комитативного падежа с некоторыми именами. Например:

- (9) *Стæй уæд фæлтæрддзинад цæу-ы рæстæг-имæ*
потом тогда опыт идти-PRS.3SG время-COM
'К тому же опыт приходит со временем' (т. е. по прошествии времени приходит опыт) (УК. Школа_Дзуарикау_22.08.2011_1, 48.2).

Комитативный падеж происходит из *цумæ* 'вместе' (один.ALL) (Абаев 1949: 101).

3. Комитативный предлог *æд* менее употребителен, чем комитативный падеж. В Устном корпусе отмечается 184 употребления падежа и только 5 употреблений предлога. В ОНК 43288 употреблений падежа и 2640 употреблений предлога. Приведем пример:

- (10) *хæр-ын-мæ йæ хъавыд-и лæдж-ы æд гал-т-æй*
есть-INF-ALL 3SG.ENCL.GEN хотеть-PST.3SG мужчина-GEN с бык-PL-ABL
'[Медведь проснулся, вышел и лег на его поле —] хотел он съесть мужчину с его быками' (УК. Лиса и медведь, 1.3).

В грамматиках осетинского языка отмечается, что предлог *æд* употребляется «только с именами существительными в именительном падеже» (Ахвледиани 1963: 295). «Обычно между предлогом *æд* и управляемым им существительным нельзя вставить какое-либо другое слово» (там же: 296). Данные современного осетинского языка показывают, что имя с предлогом может иметь определения, например:

- (11) *уый борисфенит-т-ы горæт-мæ йемæ йæ уарзон*
тот борисфенит-PL-GEN город-ALL 3SG.ENCL.COM POSS.3SG любимый
сылгоймадж-ы 'рба-код-т-а æд дыууæ сывæллон-ы
женщина-GEN PREF-делать-TR-PST.3SG с два ребенок-GEN
'он привез с собой в город борисфенитов свою любимую жену и двоих детей' (ОНК. 9.1997 Мах дуг).

Имя, маркированное предлогом *æд*, может стоять в косвенном падеже, в частности в генитиве и аблативе. Однако в генитиве имя может сто-

ять только в генитивной конструкции (с книжкой по общей морфологии Володи) или после числительного, как в примере выше (в осетинском языке числительные управляют генитивом). Маркированное аблативом имя с предлогом *æд* выполняет адвербиальную функцию:

- (12) *Æмæ бæлæс-тæ æд бьндзæфхад-æй тон-ын ба-йдыд-т-а*
 и дерево-PL.NOM с корень-ABL рвать-INF PREF-начинать-TR-PST.3SG
 ‘И деревья он начал вырывать с корнем’ (ОНК. Ирон адамон сфæлдыстад. Дыууæ томы. Дыккаг том. 1900–1950).

Адвербиальное значение отмечается у аблатива в грамматиках (Абаев 1959: 28). Комитативный предлог может выражать адвербиальное значение и без аблатива, ср. *æд цин* ‘с радостью’, *æд хъыз* ‘со скорбью’.

Предлог *æд* восходит к иранскому **hada* ‘вместе; с’ (см. Расторгуева, Эдельман 2007: 315), ср. древнеперсидский предлог совместности *hadā*.

4. При сравнении употреблений комитативного падежа и комитативного предлога обнаруживаются следующие особенности. Как семантическая, так и лексическая сферы употребления предлога *æд* сильно уже комитативного падежа. В частности, в нашем материале не обнаружено примеров на употребление предлога *æд* в инструментальном или в таксисном значениях. Согласно корпусным данным, предлог *æд* не может употребляться с местоимениями (а также с именами, маркированными посессивными, личными или указательными местоимениями) и крайне редко употребляется с именами собственными (в ОНК только один поэтический пример на употребление *æд* с именем собственным). Как справедливо отмечает Ф. Тордарсон (Thordarson 2009: 166), комитативный предлог, в отличие от падежа, не может также употребляться с прилагательными², например, *хорз* ‘добрый, хороший; доброта’ *хорзимæ* ‘с добротой’, **æд хорз*.

Предлог *æд*, в отличие от комитативного падежа, не обслуживает глагольных аргументов. Например, употребляясь с глаголом *кафын* ‘танцевать’, комитативный падеж маркирует того, с кем танцуют (*Сеня танцевал с Юлей*), а комитативный предлог — то, с чем танцуют или в какой обстановке танцуют (*Володя танцевал при свечах; Артист танцевал с балалайкой*).

² В осетинском языке границы между существительными и прилагательными стерты. «Существительные» могут иметь сравнительную степень (*лæг-дæр* мужчина-COMPAR ‘более мужественный’), «прилагательные» могут употребляться в качестве вершины именной группы (*зын* ‘трудный’, ‘трудность’).

Отметим также, что в осетинском языке возможно одновременное употребление комитативных предлога и падежа³:

- (13) *уæд ын йæ уат-ы йе стъол-ыл цу*
 тогда 3SG.ENCL.DAT POSS.3SG комната-GEN POSS.3SG стол-SUPER один
стыр къопп æд мин баъыроз-имæ с-æвæрд-т-ам
 большой коробка с тысяча папироса-COM PREF-ставить-TR-PST.1PL
 ‘На стол в его комнате мы поставили большую коробку с тысячью папирос’ (ОНК. 12.2003 Мах дуг).

В следующем разделе будут показаны основные стратегии выражения комитативного значения в других иранских языках, начиная с древнеиранского периода и заканчивая новоиранскими языками, и проведен сравнительный анализ комитативных показателей в осетинском языке.

5. В древнеиранских языках значение совместности было одним из центральных значений инструментального падежа (Расторгуева 1975, 132–133). Например, в авестийском языке (восточноиранский) инструменталис, помимо орудия, мог выражать значения совместности и адвербиальности, ср.: *vaçat̥ vuāpaua* ‘он говорил с мудростью’; *yazata bərəzata vaça* ‘он молился громким голосом’. В древнеперсидском (западноиранский) совместность выражалась сочетанием инструменталиса с предлогом *hadā* ‘вместе, с’.

В языках среднеиранского периода произошло уменьшение количества падежей, в частности, инструментальный падеж или был утрачен, или объединился с отложительным. Семантически отложительно-инструментальный падеж мог сохранять в себе значения древнеиранского отложительного падежа, орудийности и совместности. Такая ситуация наблюдается, например, в хотаносакском языке (восточноиранский).

В языках среднеиранского периода бóльшую роль начинают играть предлоги и послелого. Значение совместности также может выражаться отдельными предлогами. Например, в согдийском языке (восточноиранский) совместность передают послелог *pruw/’pruw*, а также предлоги *rt* и *δn*, которые могут употребляться вместе с послелогом *pruw*. Имя, маркированное предлогом или предлогом и послелогом, ставится в форму отложительно-инструментального падежа (Gershevitch 1954, Skjærvø 2007).

В мертвых иранских языках у средств, выражающих совместность (падежи, предлоги, послелого), не отмечается таксисного значения. Представляется, что это значение у осетинского комитатива возникло достаточно поздно.

³ В ОНК подобных примеров всего несколько десятков.

В новоиранских языках падежная система сильно упростилась. Большинство новоиранских языков используют двухпадежную, трехпадежную или четырехпадежную систему. Значение совместности передается главным образом с помощью предлогов и послелогов. Например, в современном таджикском языке (западноиранский) значение совместности выражается предлогом *бо*:

- (14) *Ба чашм-он-ам бовар на-мекунам, нахонд*
 PREP глаз-PL-POSS.1SG вера NEG-делать.PRS.1SG неужели
шумо-ро бо фоҳиша-ҳо мебинам?
 вы-OBJ.DEF с проститутка-PL видеть.PRS.1SG
 ‘Я не верю своим глазам, неужели я вижу Вас с проститутками?’
 (ТНК⁴. Мунтахаби осор. Душанбе, Маориф, 2018 Муҳаммадиева Г.).

Предлог *бо* также выражает значение орудийности:

- (15) *Бо қалам менависам*
 с ручка писать.PRS.1SG
 ‘Я пишу ручкой’.

Предлог *бо* может передавать адвербиальное значение, ср. *бо ҳисс-и ифтихор* / с чувство-EZF гордость / ‘с чувством гордости’. Предлог *бо* может употребляться с инфинитивом для выражения таксисного значения контактного предшествования, например:

- (16) *Бо омад-ан-и онҳо шеф-амон тағйир ёфта-аст*
 с приходить-INF-EZF они шеф-POSS.1PL изменение находить-PRF.3SG
 ‘С их приходом наш шеф изменился’ (ТНК. Чордодарон, Душанбе, Адиб, 2015. Муҳаммадиева Г.).

Предлог *бо* также используется для маркирования объекта у некоторых предикатов, например, *чангидан* ‘воевать с’, *суҳбат кардан* ‘разговаривать с’ и др.

6. Из проведенного нами исследования можно сделать следующие выводы. Набор значений у осетинского комитативного падежа тривиален для новоиранских языков. На примере таджикского языка видно, что все значения осетинского комитативного падежа могут передаваться в других новоиранских языках специализированными средствами выражения совместности. Выражение значений совместности и орудийности одной языковой единицей существовало в иранских языках издревле. Таксисное

⁴ Таджикский национальный корпус (<http://tajik-corpus.org>).

значение, отмеченное у осетинского комитативного падежа, не обнаружено в мертвых языках, однако встречается в новоиранских языках. Таксисное значение у осетинского комитатива, скорее всего, является инновацией, возможно, развившейся под влиянием русского языка (ср. *С приездом Володи в Петербург все наши планы поменялись*). Падежное выражение комитативности в осетинском языке является уникальным для новоиранских языков. Причины нехарактерного для иранских языков развития средств выражения совместности в осетинском языке могут быть объяснены продолжительной изоляцией этого языка от других иранских.

Список условных сокращений

ABL — аблатив; ALL — аллатив; COM — комитатив; COMPAR — сравнительная степень; CONJ — конъюнктив; DAT — датив; ENCL — энклитика; EZF — изафет; FUT — будущее; GEN — генитив; INF — инфинитив; NEG — отрицание; NOM — номинатив; OBJ.DEF — определенный объект; PART.PST — причастие прошедшего времени; PL — множественное число; POSS — посессив; PREF — преверб; PREP — предлог; PRF — перфект; PRS — настоящее; PST — прошедшее; SG — единственное число; SUPER — суперэссив; TR — переходность.

Литература

- Абаев В. И. 1949. *Осетинский язык и фольклор*. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Абаев В. И. 1959. *Грамматический очерк осетинского языка*. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во.
- Архипов А. В. 2005. *Типология комитативных конструкций*. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ.
- Ахвледиани Г. С. (ред.). 1963. *Грамматика осетинского языка*. Т. I. Орджоникидзе: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Северо-Осетинской АССР.
- Расторгуева В. С. (отв. ред.). 1975. *Опыт историко-типологического исследования иранских языков*. Т. II. М.: Наука.
- Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. 2007. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 3. М.: Восточная литература.
- Храковский В. С. (отв. ред.). 2009. *Типология таксисных конструкций*. М.: Знак.
- Thordarson F. 2009. *Ossetic grammatical studies*. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Gershevitch I. 1954. *A grammar of Manichean Sogdian*. Oxford: Basil Blackwell.
- Skjærvø P. O. 2007. *An introduction to Manichean Sogdian*. <https://sites.fas.harvard.edu/~iranian/Sogdian/sogdiancomplete.pdf>

О семантике совместности в комитативных конструкциях*

И. А. Хомченкова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН /
МГУ имени М. В. Ломоносова; irina.khomchenkova@yandex.ru

Комитатив можно определить как граммему, которая выражает «роль второстепенного участника ситуации, сопровождающего действия главного и отчасти дублирующего его ролевую функцию в ситуации (*пришел с друзьями*), хотя в некоторых случаях “ролевая асимметрия” между основным и комитативным участником может быть более сильной (*как настоящий англичанин, он спал с зрелкой*)» (Плунгян 2011: 124).

Заметим, что в этом определении фигурируют два типа комитативных конструкций (далее КомК): собственно КомК и копредикативная КомК. Собственно КомК — это морфосинтаксическая конструкция, в которой выражается множественный участник ситуации. Выражения, обозначающие участников этой ситуации, имеют различный структурный ранг, но одну и ту же семантическую роль (Архипов 2009: 83).

Копредикативные КомК характеризуются тем, что периферийная ИГ семантически определяет одного из участников, хотя синтаксически зависит от главного предиката. Копредикативные КомК являются частным случаем копредикативных конструкций (в англоязычной литературе чаще употребляется термин *depictive secondary predication*), см. (Архипов 2009: 208). В частности, ситуация, выражаемая копредикатом, происходит во временной рамке ситуации, выражаемой главным предикатом (общее свойство копредикатов, согласно Shultze-Berndt, Himmelmann 2004: 19).

Приводя примеры из чукотско-камчатских языков, в которых существует по два комитативных показателя, А. В. Архипов (2009: 26) предполагает, что «один из них исходно употреблялся в собственно КомК, а другой — в функции копредиката». Однако примеры из (Володин 1976: 152–153) заставляют задуматься об иных различиях у данных показателей. Так, в ительменском языке показатель *к/х-...-л* («сопроводительный I») может употребляться и в собственно КомК (1), и в копредикативных КомК (2), в которых он используется для обозначения «двух целых, независимо друг

* Исследование поддержано грантом РФФИ №19-012-00627.

от друга существующих предметов, представленных как часть и целое» (Володин 1976: 152). Показатель *к/х-...-чом* («сопроводительный II») употребляется в копредикативных КомК (3), в которых он обозначает «целое и часть в некотором предмете, существующем обычно как единый предмет» (Володин 1976: 152).

- (1) *Кэмма к'-иплҕе-л т-к'ол-кичен*
 я сом1-друг-сом1 1SG-приходить-PST.1SG.SUB
 'Я пришел с другом' (Володин 1976: 152).
- (2) *Ихлҕе-ҕн схези-ҕеҕн салаҕке к-ч'си-л*
 мужчина-PL поехать-PST.3.SUB река.DAT сом1-ружье-сом1
 'Мужчины отправились за реку с ружьями' (Володин 1976: 152).
- (3) *К'-иллал-чом у?w т-тwл-кичен*
 сом2-кора-сом2 дерево 1SG-приносить-PST.1SG.SUB
 '(Я) принес дерево с корой' (Володин 1976: 152).

Таким образом, в ительменском первый сопроводительный падеж вводит нового участника ситуации, а второй сопроводительный падеж, помимо ввода участника, накладывает на него семантическое ограничение: два участника должны образовывать единое целое.

В русском языке похожее ограничение накладывается с помощью добавления слова *вместе* к комитативному предлогу *с*:

- (4) а. *Маша упала в воду вместе с велосипедом.*
 б. *Маша выбросила герань вместе с горшком.*

По-видимому, оно связано с выражением совместности¹ (togetherness), которая может выражаться и без комитативного показателя: в (5) она выражается отдельным словом, а в (6) — показателем «совместного залога» в якутском языке.

- (5) *Маша и Петя сидят вместе.*
- (6) *Тураах-тар даабын-аһ-аллар*
 ворона-PL каркать-SOC-PRS:3PL
 'Вороны каркают (все вместе)' (Харитонов 1963: 25; цит. по Архипов 2009: 98).

¹ Возможность отличия комитативных показателей по признаку совместности отмечается в Архипов 2009: 100 на материале языка имбабура кечуа (Cole 1985: 80). К свойствам совместности относят выражение пространственно-временной колокализации, коллективная (не дистрибутивная) интерпретация и др., см., например, Moltmann 2004.

В русском языке сочетание слова *вместе* с комитативным показателем может употребляться в качестве именного зависимого («активная совместность»), см. (7) и в качестве глагольного зависимого («пассивная совместность»²), см. (4а), где комитативная группа относится к субъекту, и (4б), где комитативная группа относится к прямому объекту³.

(7) *Даша вместе с Васей испекли пирог.*

Таким образом, в некоторых языках «совместная комитативность» выражается сочетанием показателя ‘вместе’ и комитативного показателя, а в некоторых языках — специализированным показателем.

К языкам второго типа относится горномарийский язык (уральские), в котором существует комитативно-инструментальный послелог *dono*, а также «совместный» падежный показатель *-ge* (Саваткова 2002).

Послелог *dono* может употребляться в прототипической КомК (8а) и в копредикативной КомК (8б), в то время как показатель *-ge* может употребляться только в копредикативной КомК с семантическими ограничениями: референты двух именных групп должны образовывать одно целое (9а) или комплект (9б–в).

(8) а. *Ivan daša dono šärgä-škä ke-n*

Иван Даша с лес-ILL идти-PRET

‘Иван пошел в лес с Дашей’.

б. *Ivan хäна-l-aš arbuz dono tol-än*

Иван гость-DENOM-INF арбуз с приходит-PRET

‘Иван пришел в гости с арбузом’.

(9) а. *Pet'a väkä-škä vuj-ge pâr-en läkt-än*⁴

Петя прорубь-ILL голова-СОМ входит-СВВ выходит-PRET

‘Петя нырнул в прорубь с головой’.

² Возможно, в данном случае стоит говорить о семантике «комплектности», ср. допустимость предложения *Петя купил молоко вместе с картошкой* только в контексте, где молоко и картошка образуют «комплект» (например, они продавались по акции; Петя мог купить только молоко, но чтобы сэкономить деньги, он купил молоко **вместе с** картошкой).

³ В Kasyanenko 2018 проведено исследование приименного употребления конструкции *вместе с*; адвербиальное употребление этой конструкции пока осталось без рассмотрения.

⁴ Заметим, что предложения типа (ба) невозможны в русском языке: *Вася залез на диван (*вместе) с ногами*.

б. *Pet'a vätö-žä-ge ängör-äš kenvaz-än*
 Петя жена-POSS.3SG-СОМ река-ILL падать-PRET
 'Петя упал в реку вместе с женой'.

в. *Pet'a rokolma-m tärelkä-ge šu-en kolt-en*
 Петя картошка-ACC тарелка-СОМ бросать-CVB посылать-PRET
 'Петя выбросил картошку вместе с тарелкой'.

Отметим, что *-ge* не употребляется в собственно КомК: (9б) означает, что Петя упал в реку, держа на руках жену, т. е. жена в данном случае не обладает контролем над ситуацией. Таким образом, *-ge* не может маркировать «активную совместность».

Показатель *-ge* также употребляется в бисиндетических сочинительных конструкциях (10), в «квантификационных» конструкциях (11), а также в конструкциях с числительными (12), указывая на полный охват множества, см. Хомченкова 2019.

(10) *Pet'a tomoca-ge zabor-ge čäält-en*
 Петя баня-СОМ забор-СОМ красить-PRET
 'Петя покрасил и баню, и забор'.

(11) *Mä semn'ä-ge jäl tär-äškä kädal-än-na*
 мы семья-СОМ Волга берег-ILL ехать-PRET-1PL
 'Мы всей семьей поехали на Волгу'.

(12) *Kok ergä-ge tol-än-ät*
 два сын-СОМ приходиться-PRET-3PL
 'Оба сына пришли'.

Аналогично, в осетинском языке (индо-европейские) существует два комитативных показателя: падежный показатель *-itæ* (в иронском диалекте; в дигорском — послелог *xæccæ*), а также предлог *æd*. Согласно грамматическому очерку В. И. Абаева (1970), сочетания с *æd* довольно часто лексикализованы, и их приходится рассматривать скорее в аспекте сложных слов, чем в аспекте предложных конструкций, ср (13). При этом словарная статья предлога *æd* в «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» (Абаев 1958) изобилует примерами, которые как раз иллюстрируют «совместность», обсуждавшуюся выше, см. (14) из иронского и (15) из дигорского.

(13) *æd-gærztæ* 'с оружием', 'вооруженный' (Абаев 1958: 102)

(14) *Æz = æj k'ambec-y carm-y ny-ppærst-on æd k'æbila-tæ*
 я = 3SG.GEN буйвол-GEN шкура-IN PV-бросать-PST.1SG СОМ щенок-PL
 'Я бросил ее вместе со щенятами в буйволиную шкуру' (Абаев 1958: 102).

- (15) *æd særdæ, æd zumæg*
 сом лето сом зима
 ‘летом и зимой’ (Абаев 1958: 102)

Уже на материале трех языков — русского, горномарийского и осетинского — можно заметить, что «совместные» комитативные показатели значительно различаются. Так, в горномарийском с помощью показателя *-ge* нельзя выразить «активную совместность» (9б), в отличие от русского (7). В русском же, в отличие от горномарийского (9а), конструкция *вместе с* не может маркировать неотчуждаемую часть. В горномарийском (10) и осетинском (15) показатели *-ge* и *æd* могут использоваться в сочинительных конструкциях, в отличие от русского. В осетинском, в отличие от горномарийского и русского, *æd* может употребляться атрибутивно (13).

Кроме ительменского, горномарийского и осетинского, похожие показатели есть и в других языках: финский (Sirola-Belliard 2011), мордовские (Salo 2016), венгерский (Fekete 2013), нганасанский (Wagner-Nagy 2019), лесной энецкий (Siegl 2013), чукотский (Dunn 1999), корякский (Жукова 1972), уанукский кечуа (Weber 1983).

Таким образом, назревает необходимость типологического изучения «совместных» комитативных показателей. В каких языках эти показатели могут использоваться только в случае «пассивной» совместности, а в каких и в случае «активной» совместности? В каких языках эти показатели могут / не могут употребляться атрибутивно? В каких случаях возможно / невозможно маркирование неотчуждаемой части? В каких еще конструкциях могут употребляться эти показатели (ср. избытие конструкций в горномарийском)? На эти и многие другие вопросы еще предстоит ответить.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккузатив; COM — комитатив; CVB — деепричастие; DAT — датив; DENOM — показатель отыменной деривации; GEN — генитив; ILL — иллатив; IN — инессив; INF — инфинитив; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRET — претерит; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PV — преверб; SG — единственное число; SOC — социатив; SUB — субъект.

Литература

- Абаев В. И. 1958. *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
 Абаев В. И. 1970. *Грамматический очерк осетинского языка*. В кн.: В. И. Абаев. *Русско-осетинский словарь*. М.: Советская энциклопедия.
 Архипов А. В. 2009. *Типология комитативных конструкций*. М.: Знак.
 Володин А. П. 1976. *Ительменский язык*. Л.: Наука.

- Жукова А. Н. 1972. *Грамматика корякского языка*. Л.: Наука.
- Плунгян В. А. 2011. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ.
- Саваткова А. А. 2002. *Горное наречие марийского языка*. Szombathely: Savariaea.
- Харитонов Л. Н. 1963. *Залоговые формы глагола в якутском языке*. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Хомченкова И. А. 2019. Показатель *-ge* в горномарийском языке: между комитативом и аддитивной частицей. *Acta linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, т. 15, ч. 1, 405–438.
- Cole P. 1985. *Imbabura Quechua*. London: Croom Helm.
- Dunn M. 1999. *A grammar of Chukchi*. PhD. Canberra: Australian National University.
- Fekete I. 2013. Hungarian *gyerekestül* vs. *gyerekkel* ('with [the] kid'). *Hungarian Cultural Studies*, v. 6. e-Journal: <http://ahea.pitt.edu>.
- Kasyanenko S. 2018. *Varieties of collectivity*. PhD. New York: New York University.
- Moltmann F. 2004. The semantics of together. *Natural Language Semantics*, v. 120, 289–318.
- Salo M. 2016. On the meanings of the suffix *-ńek/-nek* in Erzya: A comitative case or derivational suffix? In: K. Shagal, H. Arjava (eds.). *Mordvin languages in the field (Uralica Helsingiensia, v. 10)*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 187–227.
- Shultze-Berndt E., Himmelmann N. P. 2004. Depictive secondary predicates in cross-linguistic perspective. *Linguistic typology*, v. 8, n. 1, 59–131.
- Siegl F. 2013. *Materials on Forest Enets, an indigenous language of Northern Siberia (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, v. 267)*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Sirola-Belliard M. 2011. Is there a future for the Finnish comitative? Arguments against the putative synonymy of the comitative case *-ine* and the postposition *kanssa*. In: S. Kittilä, K. Västi, J. Ylikoski (eds.). *Case, animacy and semantic roles*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 135–153.
- Wagner-Nagy B. 2019. *A grammar of Nganasan*. Leiden; Boston: Brill.
- Weber D. 1983. *A Grammar of Huallaga (Huanuco) Quechua*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.

Синтаксис и дискурс

On the difference between a clause and a sentence

Martin Haspelmath

Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology / Leipzig University;
haspelmath@gmail.com

1. A definition of ‘sentence’

Clause and *sentence* are two terms that linguists use all the time, but what exactly do they mean by these terms? An informal discussion on Facebook a few months ago confirmed to me that many linguists are unsure how these terms should be understood and defined. These terms and the possible differences are almost never discussed, but there is widespread agreement that they mean different things. But what exactly?

There may not be any need to agree on precise meanings of highly general words like “language” or “question”, but terms like “clause” or “affix” clearly belong to the technical part of our vocabulary. And technical terminology should be uniform across a discipline, so here I present some thoughts about how to define these terms. I will also comment on the term “main clause” (below in §5), because this term also causes confusion.

So first of all, here is my proposal for the definition of the term *sentence*:

- (1) A sentence is a maximal clause, i.e. a clause that is not part of another clause.

It seems to me that this definition will not cause controversies, but it crucially relies on the term *clause*, which we need to understand in order to understand what a sentence is. It is less straightforward to give a definition of *clause* that satisfies most linguists, i.e. that conforms to our intuitions. Here are two possibilities:

- (2) a. A clause is a combination of a predicate (full verb or nonverbal predicate) and its arguments, plus modifiers.
- b. A clause is a syntactic unit that can be independently negated (cf. Haspelmath 2010, Haspelmath 2016)

If we are not happy with either of these definitions, we can take “clause” as a primitive notion. As Anna Wierzbicka has reminded us (in many works,

e.g. in Wierzbicka 1996), any attempt at consistent definition must ultimately work with undefinable (= primitive) words. So it may be that “clause” will have to be one of these undefinable concepts that we simply need to take for granted in linguistics. I will not propose a decision here, and limit myself to noting that the definition in (1) provides a clear answer to the question about the difference between a sentence and a clause.¹

However, in actual practice, linguists almost never define a sentence as in (1) (I do not remember having seen a definition along these lines). Let us consider four possible alternatives.

2. Four possible alternatives

2.1. Is a sentence a possibly complex clause?

One intuition that one often finds is that a clause is “simple”, while a sentence may be “complex”, i.e. consist of multiple clauses. This is reflected by the definition in SIL’s *Glossary of Linguistic Terms*:²

(3) “A sentence is a grammatical unit that is composed of one or more clauses.”

However, this will not work as a definition, because a clause may itself be “complex”, as everyone agrees. For example, a relative clause may contain an adverbial clause, as in (4a), and an adverbial clause may contain a relative clause, as in (4b).

(4) a. *the pen [that I bought [after my pencil broke]]*

b. *[when I bought the pen [that I am now using]]*

Someone might suggest that the situation is different when two clauses are conjoined, because in that case, one clause does not contain the other. However, conjoining is usually thought to create constituents of the same type — two conjoined nominals are still a nominal, two conjoined adpositional phrases are still an adpositional phrase, and so on. Thus, two conjoined clauses should still be a clause. So the definition in (3) does not conform to the way we actually use the term “sentence”, while the definition in (1) does.

¹ This also means that I am ignoring here the issue of whether discourse can be divided into clauses in the same way in all languages (cf. Mithun’s (2005) discussion, prompted by a study of Hualapai discourse).

² <https://glossary.sil.org/term/sentence> (2020 May 26)

2.2. Is a clause a CP?

Many linguists think that the technical vocabulary that is taught in many syntax courses provides a solution — after all, why have this technical vocabulary if it does not add precision? Unfortunately, however, in the case at hand it certainly does not help to say, for example, that a clause is a “CP”, while a sentence is an “S” (as is done in Larson 2010: 293). In that textbook, Larson uses the term “sentence” in the first half of the book, but switches to “CP” in the second half. At some point, he replaces “S” by “TP”, but then later he keeps using “sentence” for what in his analysis is really a CP.

Larson’s book would have been less confusing if he had used only “clause” or only “sentence”, but this would not have conformed to general terminological usage. All linguists sometimes use the term “clause” (a combination such as “subordinate sentence” sounds quite strange), and most also use the term “sentence” in some situations. But in generative syntax, neither “CP” nor “TP” correspond closely to “clause” or “sentence”. By contrast, the definition in (1) above corresponds quite well to standard usage.

2.3. Is a sentence a discourse unit?

In the Facebook discussion, Alexandre François made the proposal that while “clause” is a syntactic concept, “a sentence is a unit of discourse: It is a self-contained unit of speech endowed with one speech act / illocutionary force (declarative, interrogative, imperative...)” This definition is similar to the one given by Dictionary.com.³

- (5) **sentence**: a grammatical unit of one or more words that expresses an independent statement, question, request, command, exclamation, etc., and that typically has a subject as well as a predicate, as in *John is here.* or *Is John here?* In print or writing, a sentence typically begins with a capital letter and ends with appropriate punctuation; in speech it displays recognizable, communicative intonation patterns and is often marked by preceding and following pauses.

This sense of “sentence” is actually quite similar to the definition that I proposed in (1) because illocutionary force (i.e. the difference between the speech act types: statements, questions, and directives) is not usually taken as a property of a unit that can be part of a sentence. A unit that expresses a directive cannot be a part of another sentence: In the example *She told me to go*

³ <https://www.dictionary.com/browse/sentence> (2020 May 26)

home, the expression *to go home* is part of another sentence, but it is not thought to be a speech act by itself. And embedded questions (as in *He asked me where I lived*) may be said to be questions, but not in the sense of speech acts. Similarly, it is not usually possible to conjoin units with different illocutionary forces, e.g. questions and statements (*?*It is raining and are we going out?*).

The main reason why I think that the definition in (1) is better than the one in (5) is that it specifies that a sentence is a kind of clause. By contrast, a definition in terms of a discourse unit and illocutionary force would include expressions such as *hello*, or *ouch* when used as complete utterances, and these are not normally treated as clauses. Likewise, they are not normally treated as sentences, so I feel that a definition of a sentence as a maximal clause corresponds best to ordinary usage.

2.4. Is a sentence a clause plus dislocated elements?

Van Valin and LaPolla (1997: 38) say that a sentence consists of a clause plus a pre-clausal position for left-dislocated elements, and a post-clausal position for right-dislocated elements, as in (6).

(6) *I have not seen them in two weeks, the Smiths.*

Again, this definition is quite similar to my proposed definition, because left dislocation and right dislocation are not normally thought to be possible in embedded clauses. But as a universally applicable definition, it faces the problem that the notions of “left dislocation” and “right dislocation” are not easily applicable to different languages. Van Valin and LaPolla say that English allows a left-dislocated element before the position of the question word, as in (7).

(7) *Yesterday, what did Robin show to Pat in the library?*

But in German, the counterpart of this would be completely impossible. So does German have “left dislocation” in the same sense as English? This is unclear, but a definition of “sentence” must be valid for all languages and cannot make reference to concepts that are specific to particular languages.

3. “Complex sentences” are really “complex clauses”

The idea of a sentence as a possibly complex clause is very widespread, and the term “complex sentence” has been used very widely, both in comparative studies of the world’s languages (e.g. Austin (ed.) 1988, Bybee, Noonan (eds.) 2002) and in psycholinguistic studies of English (e.g. Diessel 2004). It seems

that in all these cases, a “complex” clause/sentence really means “clause that includes at least one other clause”.

Some authors (e.g. Culicover 2009: Chapter 7) use the more accurate term *complex clause*. And this is probably what the authors mentioned in the previous paragraph actually mean. Clauses such as those in (4a–b) above are presumably not excluded just because they are not maximal clauses. Thus, the term “complex sentence” should be avoided unless it actually refers to a maximal clause which contains a clause.

4. “Sentence” has no counterpart in nominal syntax

It has often been suggested that the internal structure of clauses and the internal structure of nominal phrases show similarities, so one may ask whether there is a counterpart to the term “sentence” in nominal syntax. The answer is no. We have no special term for a maximal nominal, i.e. a nominal that is not part of another nominal. Just like clauses (which may contain other clauses), nominals may be recursive and contain other nominals. Everyone knows this, but nobody seems to miss a term for a maximal nominal.

Thus, I suspect that we wouldn’t miss the term *sentence* if it did not exist, because every sentence is a clause, and we rarely need to talk about maximal clauses in contrast to non-maximal clauses.

In fact, German does not make the distinction between “clause” and “sentence” and uses *Satz* for both notions. When I speak about grammar in German, I do not miss the distinction. In Russian, too, the term *кляуза* was added to the grammatical terminology only fairly recently, and it is still quite normal to use *предложение* also for subordinate clauses (i.e. non-maximal clauses which are never described as sentences in English).

5. What is a “main clause” and a “matrix clause”?

5.1. Main clause

Many authors distinguish between subordinate (or embedded) clauses and main clauses, but what exactly is a main clause? Of course, we all know stereotypical examples such as (8).

(8) *She e-mailed me [because she didn’t have my phone number].*

The sentence in (8) contains a causal subordinate clause, and if a student in an examination said that the part “*She e-mailed me*” is the main clause, we would not say that this is wrong. But in fact, we also all agree that a subordi-

nate/embedded clause is part of another clause, so there are really only two clauses here: the subordinate clause, and the full clause (which contains the subordinate clause).

In the Facebook discussion, Rob Truswell noted that linguists often talk in a sloppy way, as if in such complex sentences there were two non-overlapping clauses. For example, in a discussion of example (9a), linguists would typically say that the interrogative pronoun *what* has been fronted from the subordinate clause into the main clause.

(9) a. *What do you think [that Mary ate]?*

b. *I think [that Mary ate pasta].*

But of course, in (9b), the nominal *pasta* is not only part of the subordinate clause, but also of the full clause. It is therefore not accurate to say that *what* “has been fronted into the main clause”. So what do we call the part of the clause that the question word *what* has been moved into in this example?

Before getting to an answer to this question, we need to consider yet another term: the *matrix clause*.

5.2. Matrix clause and matrix-clause fragment

What is the difference between a “main clause” and a “matrix clause”? In Trasks’s *Dictionary of English grammar* (2000), we read:

(10) “A matrix clause is often a main clause ..., but it need not be: it can itself be a subordinate clause. In the sentence *The victim told the police [that the man [who attacked her] had had a beard]*, the subordinate clause *who attacked her* is contained within the subordinate clause *that the man ... had had a beard.*”

I am not sure how frequently the distinction between *main clause* and *matrix clause* is made, but it could be made, and in fact it should be made unless one wants to allow for the possibility of a main clause that is itself a subordinate clause — and this does sound contradictory.

Thus, in (9a) above (*What do you think [that Mary ate]?*), the question word *what* has been fronted out of the subordinate clause and is now included in the part of the matrix clause that is not the subordinate clause. For this part, it is useful to resort to the special term *matrix-clause fragment* (= the part of the matrix clause that is not the subordinate clause).

This may sound like a strange term, but if we want terminological consistency (as we should if we aspire to rigorous science), then I see no way around it.

Note that I did not invent the term: The grammatical glossary of the Institut für Deutsche Sprache in Mannheim⁴ contains the term *Hauptsatzfragment* (*Haupt-satz-fragment* [main-clause-fragment]), which is defined in roughly this sense.⁵

5.3. Main clause again

So we now have a definition of *matrix clause* and *matrix-clause fragment*, and we can describe the fronting in (9a) more accurately: The interrogative pronoun *what* was fronted into the matrix-clause fragment. But we still have no definition of *main clause*. Is a *main clause* the same thing as “a *matrix clause* that is not part of another clause”? Is it an “independent matrix clause”, i.e. a sentence that contains another clause? I do not think so.

The Wikipedia entry *independent clause*⁶ equates *main clause* with *independent clause*, and it seems to claim that an independent clause is not part of another clause (“can stand by itself”). The SIL Glossary’s definition of *main clause* is similar (“may stand alone as a complete sentence”).⁷

I think that this is correct, and I would simply define a *main clause* as “a clause that is not a subordinate clause”. (This ignores the distinction between subordinate and dependent clauses that I made in Haspelmath 1995, but this would take us too far afield.) This does not accord perfectly well with current usage (where a main clause is usually contrasted to a subordinate clause that is contained in it), but it is the only coherent sense that I was able to give to this term.

6. Summary

The definitions proposed here are summarized in the following:

- **clause**: A clause is a combination of a predicate (full verb or nonverbal predicate) and its arguments, plus modifiers.
- **sentence**: A sentence is a maximal clause, i.e. a clause that is not part of another clause.
- **complex clause** (= “complex sentence”): A complex clause is a clause that contains at least one other clause.

⁴ https://en.wikipedia.org/wiki/IDS_%E2%80%93_Institute_of_German_Language (2020 May 26)

⁵ <https://grammis.ids-mannheim.de/terminologie/97> (2020 May 26)

⁶ https://en.wikipedia.org/wiki/Independent_clause (2020 May 26)

⁷ <https://glossary.sil.org/term/main-clause>

- **subordinate (= embedded) clause:** A subordinate/embedded clause is a clause that is an argument (“complement clause”), and adnominal modifier (“relative clause”), or an adverbial modifier (“adverbial clause”) (but see Haspelmath 1995).
- **matrix clause** (of subordinate clause S): The matrix clause of subordinate clause S is the minimal clause that contains it.
- **matrix-clause fragment:** A matrix-clause fragment is the part of a matrix clause that is not the subordinate clause.
- **main clause:** A main clause is a clause that is not a subordinate clause.

It required some effort to arrive at these definitions, but I think that this exercise has shown that it is possible to give reasonably simple and clear definitions of grammatical terms. Part of my inspiration for this sort of work came from Mel’čuk (1982), who was an important member of the Moscow school of lexical semantics.

Acknowledgements

I am grateful to several colleagues who commented on my Facebook query (<https://www.facebook.com/martin.haspelmath/posts/10217026915437463>), as well as on a subsequent blogpost (<https://dlc.hypotheses.org/1725>), on which the present paper is based.

References

- Austin P. (ed.) 1988. *Complex sentence constructions in Australian languages*. Amsterdam: Benjamins.
- Bybee J. L., Noonan M. (eds.) 2002. *Complex sentences in grammar and discourse: Essays in honor of Sandra A. Thompson*. Amsterdam: Benjamins.
- Culicover P. W. 2009. *Natural language syntax*. Oxford: Oxford University Press.
- Diessel H. 2004. *The acquisition of complex sentences*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Haspelmath M. 1995. The converb as a cross-linguistically valid category. In: M. Haspelmath, E. König (eds.). *Converbs in cross-linguistic perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1–56. <https://zenodo.org/record/227108>.
- Haspelmath M. 2010. The interplay between comparative concepts and descriptive categories (Reply to Newmeyer). *Language*, v. 86, n. 3, 696–699.
- Haspelmath M. 2016. The serial verb construction: Comparative concept and cross-linguistic generalizations. *Language and Linguistics*, v. 17, n. 3, 291–319. <https://doi.org/10.1177/2397002215626895>.
- Larson R. K. 2010. *Grammar as science*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Mel’čuk I. A. 1982. *Towards a language of linguistics: A system of formal notions for theoretical morphology*. Munich: Fink.

- Mithun M. 2005. On the assumption of the sentence as the basic unit of syntactic structure. In: Z. Frajzyngier, A. Hodges, D. S. Rood (eds.). *Linguistic diversity and language theories*. Amsterdam: Benjamins, 169–183.
- Trask R. L. 2000. *The Penguin dictionary of English grammar*. Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books.
- Van Valin R. D. Jr., LaPolla R. J. 1997. *Syntax: Structure, meaning, and function*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wierzbicka A. 1996. *Semantics: Primes and universals*. Oxford: Oxford University Press.

О том, что: маркер сложного предложения в ходе языковой эволюции

Н. В. Сердобольская^а, А. Д. Егорова^б

^а Институт языкознания РАН / Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина; serdobolskaya@gmail.com

^б МГУ имени М. В. Ломоносова; astya28@mail.ru

1. Введение

В круг интересов Владимира Александровича входят языковые изменения в грамматике и грамматикализация. К этой области лингвистики принадлежит также изучение возникновения и развития показателей подчинения клауз, т. е. союзов и союзных слов (коннекторов): в частности, П. Хоппер и Э. Трауготт пишут о том, что при становлении новых коннекторов происходят те же процессы, что и при превращении полнозначной лексемы в грамматический показатель (Hopper, Traugott 2008: 185). Исследователи, занимающиеся развитием дискурсивных маркеров¹, соединяющих предложения в связном тексте («прагматикализация»), отмечают, однако, специфические особенности таких маркеров — не происходит морфологизация, данные маркеры не становятся обязательными (obligatorification) и др. (Fedriani, Sansò 2017: 14).

В свете этого крайне интересно «захватить» процесс прагматикализации в середине и попытаться понять, в каком порядке некоторое средство распространяется на те или иные контексты. Такую возможность дает материал современного русского языка, в котором развивается и набирает популярность новый комплементаризер, состоящий из демонстратива и изъяснительного союза, ср.:

(1) *Я на самом деле надеюсь **то, что** нас не пустят потому, что мы без юбок и мы стоим просто покурим там где-нибудь за углом* (НКРЯ)².

¹ Вслед за Fedriani, Sansò 2017 мы понимаем дискурсивные маркеры в широком смысле, т.е. включая союзы и различные субординаторы.

² Пометой (НКРЯ) отмечены примеры из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru), пометой (Э) — примеры из экспериментальных материалов.

В настоящей статье мы попытаемся определить возможный сценарий грамматикализации данного комплементаризера.

2. Комплекс *то что* как комплементаризер

Как известно, демонстративы активно участвуют в процессах образования коннекторов, в частности, маркеров относительного и обстоятельного предложения, ср. недавнее исследование Diessel, Breunese 2020. Доля маркеров актантных предложений, или комплементаризеров, образованных от демонстративов, существенно меньше: Х. Диссель и М. Бренесс (2020) пишут, что в их выборке из всех комплементаризеров только около 15% образованы от демонстративов, в то время как среди маркеров относительного предложения таких маркеров более 50%.

По большей части это релятивизаторы, которые начинают употребляться в функции комплементаризеров — то есть вначале конструкция используется для образования относительного предложения (*то, что он увидел*), а затем распространяется на актантные клаузы (*то, что он пришел*). Примером такого развития может служить конструкция с демонстративом и союзом *что* в литературном русском языке:

- (2) *Суть алгоритма заключается в том, что для нахождения решения на каждом этапе строятся итерационные процессы с разными скоростями сходимости* (НКРЯ).

Хорошо известно, что данные конструкции в целом характерны для формальных регистров дискурса и до недавнего времени не использовались в разговорном языке (Земская 1987: 146, Черемисина 2015: 16–17, см. также недавнее исследование Князев, Рудалева 2019). В последние десятилетия, однако, у многих на слуху похожая конструкция, распространенная, наоборот, в разговорном языке:

- (3) *Винни-Пух увидел следы... показал Пятачку следы и сказал, то что его... пре... их преследуют* (Э).

Данная конструкция отличается от литературной следующими свойствами: во-первых, демонстратив всегда выступает в одной и той же форме (и не получает падежного оформления от главного предиката, ср. (1)); во-вторых, *то* произносится без специального акцента и не отделяется от *что* паузой (в литературном сочетании *то, что* акцент и пауза также не всегда присутствуют, однако в ненормативном комплементаризере *то что* они отсутствуют всегда) (Коротаев 2013, 2016, Богданова-Бегларян 2015, Кожемякина 2016, Сердобольская, Егорова 2019). Чаще всего данное со-

четание произносится как [тошта]; зафиксированы как варианты с сильной редукцией [тоштъ] и даже [тожь], так и совсем без нее [тошто].

На слуху у многих конструкции, где клауза с *то что* занимает позицию прямого дополнения при главном предикате (*говорит/думает то что*, ср. (3)), однако в речи широко представлены и конструкции с *то что* при предикатах, требующих косвенного падежа сентенциального актанта, с предлогом (1) или без предлога (4).

(4) *Пятачок удивился, то что у Винни-Пуха на носу колючки* (Э).

В этих случаях некоторые носители допускают «дублирование» коррелята, например:

(5) *Пятачок удивился... тому, то что у Винни-Пуха... на носу колючки* (Э).

Первое *то* является полноударным местоимением с полной падежной парадигмой (дательный падеж в примере), а второе *то* произносится слитно с *что*, не несет ударения и не изменяется по падежам. В ряде работ высказывается предположение, что такие примеры — свидетельство грамматикализации комплекса *то что* в функции комплементаризера. Носители «дублирующей» конструкции не осознают тавтологичности *то*, что говорит о утрате вторым *то* связи с парадигмой местоимения и реанализе его как части комплементаризера, не изменяющегося по падежам (Коротаев 2013, 2016).

Можно было бы ожидать также примеры с дублированием при номинативно-аккузативных предикатах, ср.:

(6) *Я думаю/ что [нрзб] то/ как вы задали вопрос/ насчёт того откуда вот в человеке такая вот тяга к падению/ и прочее/ это уже предусматривает/ то то что мы смотрим на эту историю на самом деле во многом глазами последующей её переинтерпретации* (НКРЯ).

Однако как в корпусных, так и в экспериментальных текстах дублирование в номинативе/аккузативе представлено единичными примерами; они не встречаются даже в речи тех носителей, которые активно используют конструкцию с дублированием в косвенных падежах. Это говорит о том, что для этих носителей «закрепление» *то что* в функции комплементаризера не зашло настолько далеко, чтобы не осознавать тавтологичность комплекса *то то что*.

В работах Князев 2019 и Сердобольская, Егорова 2019 делается попытка ответить на вопрос о функциях данной конструкции. В частности, рассматриваются гипотезы о том, что новый комплементаризер *то что* более характерен А) для предикатов с тем или иным управлением

(противопоставляются номинативно-аккузативные главные предикаты (3) и косвеннопадежные главные предикаты (4)), Б) для тех или иных семантических типов клауз (факт, событие, пропозиция, ирреальные клаузы), В) для предикатов с обязательным коррелятом — т. е. предикатов, не допускающих в литературном языке *что* без коррелята (*начинаться с того, что*, в отличие от *думать, говорить*, допускающих и *что*, и *то, что*, см. подробнее Кобозева 2013, а также Шведова (ред.) 1980), Г) гипотеза о большей частотности *то что* в речи носителей, допускающих «дублирование» коррелята, как в (5).

Ниже мы анализируем результаты, полученные в различных исследованиях, верифицирующих данные гипотезы. Первое исследование выполнялось на материале мини-корпуса разговорных текстов, собранных студентами МГППУ и РГГУ в 2009–2012 гг., частично вошедшего в состав НКРЯ (результаты опубликованы в Сердобольская, Егорова 2019). Далее, нами были проведены два эксперимента: первый предполагал рождение нарратива по картинкам, второй — оценку приемлемости предложений на слух (результаты будут опубликованы в ближайшем будущем). Наконец, М. Ю. Князевым (2019) был проведен эксперимент по оценке приемлемости предложений в письменном виде. Таким образом, в первых двух экспериментах оценивалась частотность *то что* в тех или иных контекстах, а в последних двух — приемлемость предложений, сконструированных исследователем. Результаты четырех исследований суммированы в таблице 1 («+» означает, что параметр оказался релевантным, «-» — нерелевантным).

Гипотезы	Корпусные данные	Эксперимент с рождением квазиспонтанного нарратива	Эксперимент с оценкой грамматичности на слух	Эксперимент М. Ю. Князева: оценка грамматичности в письменном виде
Модель управления главного предиката	-	+	-	-
Семантика клаузы*	?-	+	+	не тестировалось
Обязательность коррелята	не тестировалось	-	+ **	+ ***
«Дублирование» коррелята	+	+	+	+ ***

Таблица 1. Результаты проверки гипотез о факторах, влияющих на употребление нестандартной конструкции с *то что*

- * Семантика клаузы. Результаты в различных ячейках противоречат друг другу: в эксперименте по порождению текста *то что* выбирается на порядок реже в клаузах со значением пропозиции, в то время как в эксперименте по оценке приемлемости пропозиции с *то что*, наоборот, оцениваются намного лучше, нежели остальные семантические типы клауз. На данный момент мы не готовы дать объяснение данным фактам. Что касается корпусного исследования, данных слишком мало для полноценной проверки релевантности данного фактора. В целом, проведенные исследования подтверждают поверхностные впечатления относительно семантики данной конструкции: как известно, литературное *то, что* употребляется в случае топикальных клауз, клауз в фокусе или с эмфазой (Шведова (ред.) 1980: §§2795–2796, Кобозева 2013), а ненормативное *то что* не имеет таких семантических ограничений, в частности, может маркировать новую информацию, ср. (1). Таким образом, происходит семантическое «обеднение» (bleaching) конструкции.
- ** Необходимо следующее пояснение. Мы предполагали, что влияет именно обязательность коррелята при данном главном глаголе в литературном языке: например, *начинаться с того, что* не допускает в литературном языке *что* без коррелята и, как мы предполагали, легче будет допускать конструкцию *начинаться с того, то что* (или *начинаться то что*). Однако предикаты с обязательным коррелятом разделились на два типа, номинативные/аккузативные (*причиной его раздражения было то, что...*) и косвенно-падежные (*начинаться с того, что; состоять в том, что*). Первые в целом гораздо реже допускают ненормативное *то что*, нежели вторые.
- *** Результаты этих двух ячеек требуют особого комментария. Эксперимент М. Ю. Князева показал, что наличие в речи носителя конструкций с «дублированием» коррелята, действительно, влияет на среднюю оценку ненормативного *то что*, полученную от данного носителя. Однако это влияние направлено не так, как в остальных ячейках: группа носителей оценивает конструкции с дублированием выше, чем конструкции без дублирования, причем только при глаголах с обязательным коррелятом (*начинаться* и под.). На основании этих данных М. Ю. Князев приходит к выводу о том, что грамматикализация *то что* сначала затронула конструкции при глаголах с обязательным коррелятом (и включала структуры с дублированием), а затем распространилась на остальные конструкции.

3. Выводы

Результаты четырех исследований можно суммировать следующим образом. Модель управления главного предиката (противопоставление номинативных/аккузативных и косвеннопадежных главных предикатов), по-видимому, не влияет на выбор (приемлемость) *то что*. В эксперименте по порождению текстов данный параметр оказался значимым: при номинативных/аккузативных главных предикатах носители выбирают *то что* чаще, нежели при косвеннопадежных предикатах. Однако, как показывает М. Ю. Князев, данное влияние, скорее всего, объясняется тем, что при

косвеннопадежных предикатах и обычный союз *что* получает достаточно низкие оценки (очевидно, носители предпочитают при таких предикатах литературную конструкцию *то, что* или иные средства выражения соответствующего смысла). Интересно, однако, что модель управления оказывается релевантной во взаимодействии с фактором «обязательность коррелята».

Обязательность коррелята сама по себе нерелевантна для выбора стратегии (ср. результаты эксперимента по порождению нарратива), однако она сложным образом взаимодействует с другими факторами. Так, эксперимент с оценкой приемлемости на слух показал, что данный фактор взаимодействует с обязательностью коррелята при главном глаголе: при косвеннопадежных предикатах с обязательным коррелятом (*начинаться с*) оценка *то что* выше, нежели при номинативных/аккузативных предикатах с обязательным коррелятом (*причиной его раздражения было...*). Очевидно, номинативные/аккузативные предикаты с трудом присоединяют *то что* с дублирующим коррелятом в силу совпадения фонетических форм в составе комплекса *то то что*, в то время как при косвеннопадежных предикатах первое *то* выступает в косвенном падеже и подобного эффекта не возникает.

В эксперименте М. Ю. Князева данный фактор взаимодействует с фактором «дублирования»: при глаголах с обязательным коррелятом оценки с дублированием коррелята выше, нежели без дублирования. В силу этого автор постулирует особый сценарий развития конструкций с *то что*: сначала усваиваются конструкции с дублированием при глаголах с обязательным коррелятом, а затем данная конструкция распространяется на остальные глаголы. Однако если бы это соответствовало действительности, то конструкции с коррелятом были бы в среднем приемлемы для всех носителей, использующих ненормативное *то что*. Между тем, наши исследования показывают, что это не так. Анализ корпуса и текстов первого эксперимента показывает, что число носителей, использующих дублирование, существенно меньше, нежели число носителей *то что* без дублирования. Эксперимент по оценке приемлемости на слух также показывает, что носители в среднем оценивают дублирование ниже, чем *то что* без дублирования. В силу этого, мы предполагаем, что конструкции с дублированием — не источник, а наоборот, результат грамматикализации ненормативного *то что*. Носители, использующие такие конструкции, — это и есть активные носители ненормативного *то что*, в то время как остальные довольно редко употребляют данную конструкцию в своей речи. В силу этого мы предлагаем следующий сценарий грамматикализации ненормативного *то что*: сначала носитель начинает употреблять *то что*

вне зависимости от модели управления главного предиката; примеры с дублированием на данном этапе не порождаются, т. к. носитель еще осознает тавтологичность данной конструкции. Затем носитель переосмысливает (reanalysis) беспадежное *то* как часть комплементаризера, не имеющую отношения к демонстративу, и становится возможной конструкция с дублированием (*тем то что*).

Еще один параметр был неожиданно выявлен в ходе анализа данных, полученных в эксперименте по порождению квазиспонтанных нарративов. В полученных нарративах было обнаружено немало примеров с литературной конструкцией *то, что*, оформленной не тем падежом или предлогом, которого требуют нормы литературного языка, например:

(7) *А закончилась [эта история], **тому что** он убежал домой (Э).*

(8) *Он боялся **о том, что** пчелы его кусают (Э).*

Наш эксперимент показал, что наличие такого рода примеров в речи носителя коррелирует с частотностью в его речи нестандартного *то что*. По-видимому, многие носители затрудняются в выборе правильного предложно-падежного оформления *то что* и используют нестандартную конструкцию с *то что* в целях «выравнивания» (принцип аналогии в теории грамматикализации, ср. Horper, Traugott 2008) — то есть одна и та же фиксированная форма выступает при любых матричных предикатах.

Таким образом, мы предлагаем следующий сценарий грамматикализации рассматриваемых конструкций в функции комплементаризера:

литературное сочетание *то/тому/тем, что* (демонстратив + союз *что*)³
 ↓ обобщение на все падежи и выравнивание по парадигме, семантическое обеднение,
 ↓ фонетическое стяжение ([тошта], [тоштъ] и даже [тожь] без паузы посередине)
 ненормативное *то что*
 ↓ реанализ (утрата связи компонента *то* с демонстративом)
 ненормативное *тем/тому то что* (демонстратив + комплементаризер *то что*)
 ↓ утрата осознания фонетического тождества
 ненормативное *то то что*⁴

³ В работе Сердобольская, Егорова 2019 аргументируется промежуточный этап между литературным и ненормативным сочетаниями — т.н. «топикальное» *то что*. В настоящей статье, однако, мы не освещаем данный этап в целях краткости.

⁴ Уточним, что данный тип конструкций нами практически не изучен; такие примеры единичны в корпусе и обычно отвергаются в экспериментах по приемлемости.

Литература

- Богданова-Бегларян Н. В. 2015. Агрессивный узус — или эволюция языковой нормы? *Верхневолжский филологический сборник*, №1, 25–30.
- Земская Е. А. 1987. *Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения*. М.: Русский язык.
- Князев М. Ю. 2019. Экспериментальное исследование дистрибуции изъяснительного союза *то что* в нестандартных вариантах русского языка. *Вопросы языкознания*, №5, 7–41.
- Князев М. Ю., Рудалева Е. А. 2019. Корпусное исследование влияния регистра на выбор способа оформления сентенциального актанта в русском языке. *Русский язык в научном освещении*, №1 (37), 147–183.
- Кобозева И. М. 2013. Условия употребления «то» перед придаточным изъяснительным с союзом «что». В сб.: О. Inkova (éd.). *Du mot au texte. Études slavotomanes*. Bern: Peter Lang, 129–148.
- Кожемякина (Егорова) А. Д. 2016. Конструкции с «то что» в устной спонтанной речи. В сб.: Е. М. Девяткина, С. Ю. Бочавер, Д. В. Маховиков, А. Б. Шлуинский (ред.). *Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Четвертой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых»*. М.: Канцлер.
- Кортаев Н. А. 2013. Полипредикативные конструкции с *то что* в непубличной устной речи. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог'2013»*, вып. 12(19), 324–331.
- Кортаев Н. А. 2016. Союз *то что* в устной русской речи. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, т. 12, ч. 1, 101–106.
- Шведова Н. Ю. (ред.). 1980. *Русская грамматика*. Т. I. М.: Наука.
- Сердобольская Н. В., Егорова А. Д. 2019. Морфосинтаксические свойства ненормативных конструкций с *то что* в русской разговорной речи. *Вопросы языкознания*, №5, 41–73.
- Черемисина М. И. 2015. Об изъяснительной конструкции с факультативным управляемым местоимением *то*. *Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология*, №14 (9), 11–24.
- Diessel H., Breunese M. 2020. A typology of demonstrative clause linkers. To appear in: Å. Næss, A. Margetts, Y. Treis (eds.). *Demonstratives in discourse*. Berlin: Language Science Press. (Preprint: https://www.researchgate.net/publication/341150897_A_typology_of_demonstrative_clause_linkers)
- Fedriani C., Sansò A. (eds.). 2017. *Pragmatic markers, discourse markers and modal particles. New perspectives*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins.
- Hopper P. J., Traugott E. C. 2008. *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.

С Божьей помощью: эргатив в непереходных оптативных конструкциях

Н. Р. Добрушина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
nina.dobrushina@gmail.com

*Володе Плунгяну, на память о первом сборнике
«Исследования по теории грамматики», с бла-
годарностью за научную судьбу.*

Императивы, пожелания и проклятия сообщают о желании говорящего. Императивные конструкции всегда называют того, кто должен это желание исполнить: собеседник, третье лицо, сам говорящий вместе с собеседником. Пожелания, как правило, такого исполнителя не называют: в высказываниях *Живи сто лет!* или *Пусть сбудутся твои желания!* не сказано, кто должен сделать эти ситуации реальными. Иногда, однако, такой исполнитель оказывается выражен на поверхности. В европейских языках это, как правило, Бог или черт (дьявол): *God help you!* или *Черт тебя поберу!*

В этой статье будет показано, что в некоторых языках Дагестана исполнитель пожелания выражается на поверхности достаточно регулярно и может иметь необычное падежное оформление, нарушая базовые правила падежного маркирования аргументов.

В большинстве языков Дагестана есть морфологический оптатив — особая грамматическая форма глагола, предназначенная исключительно для выражения благословений или проклятий (Плунгян 2011: 435–436). Имплицитным (не выраженным на поверхности) или эксплицитным исполнителем этих пожеланий является Аллах. Говорящие часто переводят оптативные высказывания на русский язык, используя слово *Аллах*, даже если в самом предложении Аллах не упомянут:

(1) МЕГЕБСКИЙ

ara-deš ***g-a-b!***

здоровый-NMLZ **дать:PFV-IRR-ОПТ**

‘Пусть Аллах даст тебе здоровья!’ (Dobrushina 2019)¹.

¹ Здесь и далее все примеры из мегебского языка цитируются по Dobrushina 2019.

Аллах является невидимым участником всех оптативных конструкций, но иногда он оказывается выражен на поверхности в виде обращения:

(2) МЕГЕБСКИЙ

ja-allah hušab ta'liḥ g-a-b

PTCL-Аллах(NOM) выл.DAT удача дать:PFV-IRR-OPT

‘Пусть Аллах принесет тебе счастье!’ (букв. ‘О Аллах, пусть счастье даст’).

Кроме того, в рутульском языке Аллах в оптативной конструкции может быть выражен формой эргатива, причем эргативный участник совместим как с переходной, так и с непереходной конструкцией. Носители языка могут переводить такой эргатив на русский язык выражением с помощью Аллаха:

(3) РУТУЛЬСКИЙ

allah-a-ra wa-s bala-d χini-mer d-ij-ij

Аллах-OBL-ERG ты-DAT много-ATTR ребенок-PL nPL-дать-OPT

‘Пусть Аллах даст тебе много детей’².

(4) РУТУЛЬСКИЙ

allah-a-ra wa-s duχ hiš-ij

Аллах-OBL-ERG ты-DAT сын I.статья-OPT

‘Пусть Аллах даст сына’ (букв. ‘С помощью Аллаха пусть сын будет’).

(5) РУТУЛЬСКИЙ

allah-a-ra sav jiš-ij žu-di duχ

Аллах-OBL-ERG здоровый I.статья-OPT REFL.I-ATTR сын

‘С помощью Аллаха пусть его сын будет здоров’.

Помимо оптативных конструкций, в рутульском языке есть еще один контекст, когда эргатив может сочетаться с непереходным глаголом, — эргатив в значении инструмента. Однако инструментальная интерпретация эргатива при оптативе маловероятна. Инструментальный эргатив может сочетаться с другим эргативом, в то время как оптативные конструкции второго эргатива не допускают.

(6) РУТУЛЬСКИЙ

Rasul-a si < d > ki-r gul-∅ darχilaq-a-ra

Расул-ERG IV.распилить.PFV-CVB доска-ABS пила-OBL-ERG

‘Расул распилит доску пилой’ (Григорьев 2017).

² Все рутульские примеры относятся к говору селения Кина и записаны автором.

(7) РУТУЛЬСКИЙ

**allaha-ra gari-je-ra wa-s bala-d χini-mer d-aʔa-ij*
 Аллах-ERG жена-OBL-ERG ты-DAT много-ATTR ребенок-PL NPL-сделать-OPT
 Ожид.: 'Пусть твоя жена подарит тебе много детей с помощью Аллаха'.

Употребление эргатива с непереходными глаголами наблюдается и в других дагестанских языках. В арчинском языке нет специальной оптативной формы, но существует грамматикализованная конструкция с императивом 2-го лица, который, сочетаясь с подлежащими разных лиц, выражает пожелания:

(8) АРЧИНСКИЙ

lobur χ^w:ara-ši zaba
 ребенок.PL быть.радостным-CVB прийти.IMP
 'Пусть дети вернуться с радостью!' (Dobrushina 2011).

Как и в рутульском языке, арчинские непереходные оптативные конструкции могут содержать слово *Аллах* в эргативе:

(9) АРЧИНСКИЙ

allah-li ja-t ʔan wež zumzum-t:-e-n-nu-t k-a
 Аллах-ERG(OBL) этот-IV вода вы.DAT Замзам-PL-OBL-GEN-ATTR-IV IV.статья-IMP
 'Пусть Аллах сделает эту воду святой для тебя' (букв. похожей на воду Замзама, святого источника в Мекке) (Dobrushina 2011).

Как и в рутульском, форма *allahli* не может быть вторым эргативом в предложении:

(10) АРЧИНСКИЙ

- а. *dušman-til-čaj wit maħla dimmu-s b-a*
 враг-PL-OBL(ERG) ты.GEN дом разрушить-INF III-сделать -IMP
 'Пусть враги разрушат твой дом!' (Dobrushina 2011).
- б. **allah-li dušman-til-čaj wit maħla dimmu-s b-a*
 Аллах-ERG враг-PL-OBL(ERG) ты.GEN дом разрушить-INF III-сделать -IMP

В статье Dobrushina 2011 было высказано предположение, что эргатив слова *Аллах* в арчинских оптативных высказываниях является эргативом причины, как в следующем примере:

(11) АРЧИНСКИЙ

to-w ac':i-li lap hac e«w»ti-li
 тот-I болезнь-OBL(ERG) очень быть.слабым 1БЫТЬ.PFV-EVID
 'Он очень ослабел от болезни' (Кибрик 1977: 139).

В кининском диалекте рутульского, однако, эргатив причины не засвидетельствован.

В мегебском языке имеется морфологическая форма оптатива, однако Аллах в эргативе допустим только при переходных глаголах:

(12) МЕГЕБСКИЙ

а. *allah-li ara-deš g-a-b*

Аллах-OBL(ERG) здоровый-NMLZ **дать:PFV-IRR-ОПТ**

‘Пусть Аллах даст здоровья!’

б. **allah-li qu b-a^hlq-a^hb*

Аллах-OBL(ERG) поле **н-расти:PFV-ОПТ**

Ожид.: ‘Пусть поле растет с помощью Аллаха!’

При этом мегебские непереходные оптативные конструкции обнаруживают другую возможность: непереходный глагол в оптативе часто имеет каузативный показатель. Этот суффикс не меняет значение глагола, но делает его переходным. Глагол с каузативным суффиксом позволяет использовать в предложении слово *Аллах* в эргативе.

(13) МЕГЕБСКИЙ

allah-li-ni qu b-a^hlq-a^hq-ab

Аллах-OBL-ERG поле **н-расти:PFV-CAUS-ОПТ**

‘Пусть поле растет с помощью Аллаха!’

Непереходный глагол в оптативе и его каузативный вариант имеют одинаковое значение. Если спросить носителя, чем различаются примеры с каузативом и без него ((14а) и (14б)), то можно получить ответ, что каузативные оптативы подразумевают призыв к Аллаху — даже в случае, когда слово *Аллах* в предложении отсутствует. При этом, как и в рутульском языке, любой оптатив может быть переведен с использованием слова *Аллах*.

(14) МЕГЕБСКИЙ

а. *hum-be ʔa^hχ d-uh-a-b!*

дорога-PL хороший **нPL-стать:PFV-IRR-ОПТ**

‘Счастливого пути!’ (букв. ‘Пусть дорога будет хорошей’)

б. *hum-be ʔa^hχ d-uh-aq-a-b!*

дорога-PL хороший **нPL-стать:PFV-CAUS-IRR-ОПТ**

‘Счастливого пути!’ (букв. ‘Пусть дорогу каузирует быть хорошей’)

Таким образом, в мегебском, в отличие от рутульского и арчинского, невозможно сочетание непереходного оптатива с эргативом слова *Аллах*,

но есть специальная возможность добавить глаголу валентность с помощью каузативного суффикса, чтобы эргативный актант стал допустим.

Описанное явление — экспликация исполнителя пожеланий добра и зла, который обычно в конструкциях пожелания отсутствует, — имеет один аналог. Так называемые метеорологические конструкции (описания состояний погоды) в языках мира часто бывают безличными (*Холодает, ветрено*) или имеют в качестве субъекта нереферентное местоимение (*It rains*). В некоторых языках позицию субъекта в метеорологических конструкциях занимает полнозначное существительное. Например, во многих нахско-дагестанских языках таким существительным является арабское заимствование *dunijal* со значением ‘мир’, ‘погода’ (Daniel et al. 2008). Кроме того, в некоторых языках мира в метеорологических конструкциях используется так называемый мифологический субъект, то есть слово, которое обозначает божество (в японском и в уральских языках — Malchukov, Ogawa 2011, Salo 2011).

Конструкции со значением пожелания добра или зла тоже могут быть безличными (*Чтоб тебя разорвало!*) или, как было показано в начале, иметь мифологический субъект (*Que Dieu te garde!*). В некоторых дагестанских языках это происходит более последовательно, чем в других: Аллах имплицитно считается исполнителем всех пожеланий и может быть выражен на поверхности любой конструкции, как переходной, так и семантически непереходной. При этом, если субъект метеорологических конструкций является пациенсом и выражается номинативом, то субъект оптативной конструкции является агенсом и выражается эргативом, в некоторых языках — даже с непереходными глаголами.

Список условных сокращений

ABS — абсолютив; ATTR — атрибутив; CAUS — каузатив; CVB — конверб; DAT — датив; ERG — эргатив; EVID — эвиденциальность; GEN — генитив; IMP — императив; IPFV — имперфектив; IRR — ирреалис; NMLZ — номинализатор; NOM — номинатив; OBL — косвенная основа; OPT — оптатив; PFV — перфектив; PL — множественное число; PTCL — частица; REFL — рефлексив; I, II, III, IV, M, F, N, HPL, NPL — показатели рода.

Литература

- Григорьев Э. Г. 2017. *Некоторые функции грамматических надежей и пространственных маркеров и нестандартные локативы в кининском говоре рутульского языка*. Рукопись.
- Кибрик А. Е. 1977. *Опыт структурного описания арчинского языка: Таксономическая грамматика*. Т. II. М.: МГУ.

- Плунгян В. А. 2011. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ.
- Daniel M., Khalilova Z., Molochieva Z. 2008. *Impersonal domain in East Caucasian*. Рукопись.
- Dobrushina N. 2011. The Optative domain in East Caucasian languages. In: G. Authier, T. Maisak (eds.). *Tense, aspect, modality and finiteness in East Caucasian languages*. Bochum: Brockmeyer, 95–130.
- Dobrushina N. 2019. Moods of Mehweb. In: M. Daniel, N. Dobrushina, D. Ganenkov (eds.). *The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax*. Berlin: Language Science Press. Ch. 5, 118–165.
- Malchukov A., Ogawa A. 2011. Towards a typology of impersonal constructions. In: A. Malchukov, A. Siewierska (eds.). *Impersonal constructions: A cross-linguistic perspective (Studies in Language Companion Series, v. 124)*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins.
- Salo M. 2011. Meteorological verbs in Uralic languages — are there any impersonal structures to be found. In: A. Malchukov, A. Siewierska (eds.). *Impersonal constructions: A cross-linguistic perspective (Studies in Language Companion Series, v. 124)*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins.

Синтаксис в словообразовании в модели генеративной грамматики: эвенкийская лексическая номинализация с аккузативным объектом

Е. Л. Рудницкая

Институт востоковедения РАН; erudnitskaya@gmail.com

В эвенкийском языке XX века, и устном (1), и литературном (2), есть именные конструкции, состоящие из несобытийного отглагольного имени (*иктэ*- ‘чистить’ → *иктэ-вун* ‘инструмент для чистки (чего-л.)’ в (2)) с аккузативным прямым объектом — зависимым этого имени. Как трактовать образование этой именной формы — как словообразовательный или как синтаксический процесс?

(1) *bu upkat ičə-rə-w*

1PL.EXCL весь видеть-NFUT-1PL.EXCL

[_{NP}[_{VP} *səktə-kə-r-wə* *koŋi*]-*mnə-wə-tin*]

ветка-INTS-PL-ACC отгрызть-NMLZ.RES-ACC-PS.3PL

i [[_{NP}[_{VP}t *səktə-lə-dʹək*]-*wə-tin*] *lalbuka-l-wa*]

и подстилка-VBLZ.OBJ-NMLZ.LOC-ACC-PS.3PL мох-PL-ACC

‘Мы все увидели, что **ельник обгрызен** [результат того, что кто-то обгрыз ельник] и [увидели] **место, где она** [медведица] **собирала для подстилки мох**’ (Лебедева 1952, архив)¹.

¹ Наши источники — сайты «Малые языки Сибири: наше культурное наследие» (устные рассказы 1998–2019 гг.), режим доступа: <http://gisly.net/corpus/> или <http://minlang.srcc.msu.ru> (примеры (3), (5а–б)) и «Корпусы Института этнографии и антропологии РАН» (тексты газет, переводные тексты 2000-х гг.), режим доступа: <http://corpora.iea.ras.ru/corpora/search.php> (пример (4)). В примерах из устного языка (а также из архива Е. П. Лебедевой — (1)) используется фонетическая транскрипция, принятая в корпусе рассказов (записано в транскрипции и отгласировано Е. Л. Клячко), а в примерах из письменных текстов — кириллическое написание, принятое в источнике. Используются глоссы, созданные для корпуса рассказов (О. А. Казакевич, Н. К. Митрофанова и др.). Отдельная благодарность Е. А. Лютиковой и А. Ю. Урманчевой за полезные замечания.

- (2) [_{NP}[_{VP} *иктэ-л-вэ тэси*]-*вун*]
 зуб-PL-ACC чистить-NMLZ.INSTR
 ‘зубная щетка’ [инструмент для чистки зубов] (Василевич 1940: 136)

Подобные конструкции типологически засвидетельствованы: они встречаются, например, в языке кечуа (Lefebvre, Muysken 1988) или в якутском языке (Baker, Vinokurova 2009: 520, 537). Это модели с изменением категории, однако дериват при этом наследует субкатегориальные характеристики производящей основы. М. Бейкер и Н. Винокурова анализируют подобную номинализацию для якутского как номинализацию группы VP, ср. (i) [[_{VP}N_{ACC} + V_{BASE}] + NMLZ]².

В (i) аккумулятив присваивается прямому дополнению (N_{ACC}) глаголом (V_{BASE}), а не функциональной вершиной, то есть является лексическим. М. Бейкер и Н. Винокурова (2009) и А. Спенсер (2005: 89–90) допускают в деривационных процессах синтаксическую структуру, не превышающую VP³; в (i) все категории, доминирующие над VP, именные.

Данный анализ допускает включение синтаксической информации и структуры в словообразовательные процессы. При подобном подходе синтаксис «вторгается» в слово в деривационных процессах, и принцип целостности слова (lexical integrity) не соблюдается даже в самом смягченном виде.

В генеративной грамматике для словоизменительных процессов целостность слова нерелевантна. Словоизменительные морфемы трактуются как функциональные вершины или реализации признаков этих вершин. В (3) именная словоформа включает несколько составляющих, которые не могут быть отдельными словами: NumP с вершиной Num (-ал), KP с вершиной K (-ду), PossP с вершиной Poss (-н).

- (3) [_{POSSP} [_{KP} [_{NumP} [_{NP} *цвет*_{NP}]-*ал*_{NumP}]-*ду*_{KP}]-*н*_{PossP}]
 цвет-PL-INSTR-PS.3SG
 ‘цветами’ [«Снег засверкал на солнце всеми **цветами** радуги»] (Болдырев 2007: 170).

Стандартный генеративный подход предполагает, что синтаксические правила и механизмы не могут использоваться для словообразования: это бы нарушало то правило, что лексические единицы и их субкатегориаль-

² Такая же расстановка скобок принята в (1)–(2).

³ А. Спенсер приводит анализ английских сочетаний типа [_{NP} [_{VP} *lawn mow*]-*er*] ‘газнокосилка’, в соответствии с которым вершина *mow*- ‘косить’ присваивает объекту *lawn* ‘газон’ семантическую роль «тема» (это происходит внутри VP). Вопрос о присвоении падежа применительно к английскому, естественно, не затрагивается.

ные и другие свойства берутся из лексикона в самом начале синтаксической деривации (порождения предложения). Они «вставляются» в «(глубинно-)синтаксическую структуру» (Deep Structure), только и исключительно в которой синтаксические правила и могут применяться, см. Jackendoff 1997: 85 на основе работ Н. Хомского. Далее Р. Джекендофф (1997: 87) предлагает, что лексические единицы могут быть вставлены в синтаксическую структуру не только в начале, но и в самом конце деривации, после применения всех правил и трансформаций и перед переходом к фонологической форме PF (Phonological Form). Р. Джекендофф отмечает, что вставка лексического материала в конце синтаксической деривации правомерна с точки зрения интерпретации, потому что предшествует не только переходу к фонологической форме, но и переходу к семантической структуре (LF, логическая форма).

Итак, бóльшая часть лексического материала вставляется в начале синтаксической деривации, а та часть лексики, которую нельзя построить с помощью стандартных преобразований, — уже после построения синтаксической структуры. Р. Джекендофф (1997: 168) приводит примеры: вершине в синтаксической структуре соответствует синтаксически членящая составляющая из лексикона, ср. содержащиеся в лексиконе идиомы типа [_{VP} *kick the bucket*], соответствующие абстрактной вершине V «умереть»; VP *kick the bucket* «вставляется» в узел V. При таком подходе синтаксическая структура может существовать внутри лексических единиц уже в лексиконе⁴.

Данный подход незаменим при анализе групповой флексии (ср. посвященные этой теме работы В. А. Плунгяна (Плунгян 1994, Плунгян 2009: 33–34)) и так наз. «скобочных парадоксов» (bracketing paradoxes), в том числе (1)–(2). В соответствии с изложенной концепцией, подобные сочетания содержатся в лексиконе до вставки в синтаксическую структуру в конечный момент синтаксической деривации (в минимализме — «вставка лексических единиц на последнем этапе» (late insertion), см. Spencer 2005: 89–91, Ackema, Neeleman 2007: 341–343)⁵.

⁴ Соотнесение элементов лексикона и синтаксических структур регулируется «правилами соответствия» (correspondence rules) — см. Jackendoff 1997: 111. «Правила соответствия» Р. Джекендоффа получили дальнейшее развитие в минимализме. В LFG и HPSG эта проблема решается через введение отдельного морфологического уровня, на котором допустимы определенные фрагменты синтаксического представления.

⁵ Один из примеров, приводимых этими авторами, — [_{NP}[_{NP} *classical guitar*]-ist]. В работе Newell 2005: 260–261 принят следующий подход к разбору таких при-

В итоге, пример (2) — сочетание лексической номинализации и аккумулятивного объекта — анализируется двумя способами: (i) $[[_{VP}N_{ACC} + V_{BASE}] + NMLZ]$ (синтаксический анализ с наследованием управления глагола): (i') $[иктэ-л-вэ + тэси-] + вун]$ и (ii) $[N_{ACC} + [V_{BASE} + NMLZ]]$ (по работе Booiј 2019, словообразовательный анализ с сохранением целостности слова (lexical integrity)): (ii') $[иктэ-л-вэ + [тэси- + вун]]$. При допущениях Р. Джекендоффа, изложенных выше, первая схема соответствует построению конструкции с аккумулятивным объектом и ее номинализации внутри лексикона, а вторая — этой же конструкции, вставленной в синтаксическую структуру перед переходом к PF, и уже на PF.

В устных и письменных текстах начала XXI века употребление подобных конструкций сильно ограничено. В обоих типах текстов есть сочетания, в которых прямое дополнение лексически фиксировано: это *oron/oro-r* — 'олень/олени', ср. (4). В устных текстах также есть агентивные и инструментальные номинализации с аккумулятивным объектом, обозначающие постоянное занятие или функцию, ср. (5а–б).

(4) ...эр гиркэлэ-вун [**оро-р-во**
этот дружить-NMLZ **олень-PL-ACC**
ирги-чи-мни-л-ду] аят бэлэ-дэ-рэ-н
воспитывать-DUR-NMLZ.AG-PL-DAT хорошо помогать-IPFV-NFUT-3SG
(работа... идет хорошо —) 'эта дружба сильно помогает **оленеводам**'
(газета).

(5) а. [*doyinјakta-l-wə həlgi-wun*]
гриб-PL-ACC сушить-NMLZ.INSTR
'грибосушилка' (устный рассказ)

б. [*təti-γə-l-wə bī-mīi*]
одевать-NMLZ-PL-ACC давать-NMLZ.AG
'(В Туре) я раздавала одежду' [была кастеляншей] (устный рассказ).

меров: зависимое слово-модификатор (*lawn, classical*) анализируется как адьюнкт (слово, не входящее в базовую/аргументную структуру клаузы). Аналогично в минимализме анализируются наречия, и в обоих случаях считается, что эти слова отсутствуют в исходной синтаксической деривации и вставляются на последнем этапе: «late adjunction» вместо «late insertion». Этот анализ не предполагает, в отличие анализа Дж. Бейкера выше или А. Спенсера (сноска 3), что адьюнкту присваиваются семантическая роль или падеж, а скорее сближает рассматриваемые сочетания с одной из моделей словосложения **tatpuruṣa** (модификатор + отглагольное имя).

Помимо указанных выше характеристик, сочетания типа (4)–(5) находятся на начальной стадии лексикализации (Brinton, Traugott 2005: 96–97). Они не являются продуктивными, и аккумулятивное дополнение в подобном сочетании употребляется нереферентно. Согласно работе Mugdan 2015: 282–283, они считаются фразеологическими единицами (phraseological units) и хранятся в лексиконе. Возможно, на возникновение подобных сочетаний оказали влияние сложные слова русского языка: *оленеvod*, *грибо-сушилка*⁶. Такая трактовка рассматриваемых сочетаний подтверждает гипотезу Р. Джекендоффа (1997: 164–165) о сходстве идиом и сложных слов: и те, и другие являются результатом лексикализации.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ACC — аккумулятив; AG — агентивный; DAT — датив; DUR — дуратив; EXCL — эксклюзив; INSTR — инструменталис, инструмент; INTS — интенсификатор; LOC — локативный; NFUT — не-будущее время; NMLZ — номинализатор; OBJ — объектный; PL — множественное число; PS — посессивный; REZ — результативный; SG — единственное число; VBLZ — вербализатор.

Литература

- Болдырев Б. В. 2007. *Морфология эвенкийского языка*. Новосибирск: Наука.
- Василевич Г. М. 1940. *Очерки грамматики эвенкийского (тунгусского) языка*. Л.: Госучпедгиз.
- Лебедева Е. П. 1952. *Тексты на эвенкийском языке, записанные в экспедиции 1952 г.* (из архива ИЛИ РАН). Рукопись.
- Плунгян В. А. 1994. Грамматичность и отношения между морфемами (к вопросу о групповой флексии). *Известия РАН. Серия литературы и языка*, т. 53, №3, 26–55.
- Плунгян В. А. 2009. *Общая морфология: Введение в проблематику*. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС.
- Аскема Р., Neeleman А. 2007. Morphology ≠ Syntax. In: G. Ramchand, Ch. Reiss (eds.). *The Oxford handbook of linguistic interfaces*. Oxford: Oxford University Press, 325–352.
- Baker M., Vinokurova N. 2009. On agent nominalizations and why they are not like event nominalizations. *Language*, v. 85, n. 3, 517–556.
- Booij G. 2019. Compounds and multi-words expressions in Dutch: Cooperation and competition. In: B. Schlücker (ed.). *Complex lexical units: Compounds and multi-word expressions*. Mannheim; Berlin: Institut für Deutsche Sprache; De Gruyter, 95–126.
- Brinton L. J., Traugott E. C. 2005. *Lexicalization and language change*. Cambridge: Cambridge University Press.

⁶ В эвенкийском языке нет словосложения (Nedjalkov 1997: 308). О прямом калькировании в нашем материале можно говорить только для слова *оленеvod*.

- Jackendoff R. 1997. *The architecture of the language faculty*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Lefebvre C., Muysken P. 1988. *Mixed categories. Nominalization in Quechua*. Dordrecht; Boston: Kluwer.
- Mugdan J. 2015. Units and patterns of word-formation. In: P. O. Müller, I. Ohnheiser, S. Olsen, F. Rainer (eds.). *Word-formation. An international handbook of the languages of Europe*. V. 1. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 235–301.
- Nedjalkov I. 1997. *Evenki*. London; New York: Routledge.
- Newell H. 2005. Bracketing paradoxes and particle verbs: A late adjunction analysis. In: *Proceedings of ConSOLE XIII*, 249–272. <http://www.hum2.leidenuniv.nl/pdf/lucl/sole/console13/console13-newell.pdf> (accessed April 22, 2015).
- Spencer A. 2005. Word formation and syntax. In: P. Štekauer, R. Lieber (eds.). *Handbook of Word-Formation*. Dordrecht: Springer, 73–97.

Еще раз об актантах и сирконстантах (на материале пропозиционального местоимения *так*)*

О. Е. Пекелис

Российский государственный гуманитарный университет; opekelis@gmail.com

1. Введение

Как известно, граница между актантами и сирконстантами является зыбкой (о трудных случаях см. Плунгян, Рахилина 1998). В настоящей работе этот факт проиллюстрирован материалом конструкций с пропозициональным местоимением *так* типа (1). С одной стороны, при глаголе *думать* в (1) нет других заполнителей обязательной пропозициональной валентности, что указывает на актантный статус местоимения. С другой стороны, в большинстве своих употреблений *так* выступает как адвербиал образа действия, ср. (2), — т. е. как сирконстант¹.

(1) *Чтобы дружить, надо ходить друг другу в гости. Я так думаю* (Дина Сабитова. Где нет зимы (2011)).

(2) *Это хорошо, что финны в блокаде участвовали, так они предотвратили взятие фашистами города* (коллективный. Форум: Сепаратисты провезли по Петербургу Маннергейма (2012)).

Заполняет ли *так* пропозициональную валентность при глаголе, присоединяющем сентенциальный актант? Судить об этом по привычным внешним признакам не представляется возможным. Решение вопроса о синтаксической природе *так* затрудняется тем, что *так* не изменяется по падежу (отличаясь этим от местоимения *это*, актантный статус которого при глаголах с пропозициональной валентностью не вызывает особых

* Материал, легший в основу настоящей статьи, обсуждался на семинаре по русской корпусной грамматике в ИРЯ РАН под руководством В. А. Плунгяна. Автор глубоко признателен участникам семинара и его руководителю за заинтересованное обсуждение и ценные замечания.

¹ Примеры с указанием источника заимствованы из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), www.ruscorgpora.ru.

сомнений). О семантике *так* трудно судить потому, что, будучи местоимением, *так* обладает лишь референцией, но не значением. При этом значение, к которому отсылает местоимение, «вычисляется» по значению антецедента, но необязательно совпадает с последним (примеры семантического несовпадения между антецедентом и местоимением при анафоре см. в Webber et al. 2003). В случае с *так*, как мы надеемся показать, такое несовпадение как раз имеет место.

Предпринятый анализ указывает на то, что в актантных контекстах *так* остается адвербиалом, функция которого — представить значение антецедента как характеристику образа (способа, манеры) действия, обозначенного матричным предикатом. К примеру, в (3) посредством *так* пропозиция ‘старик полюбил мои стихи’ представлена как образ действия, обозначенного глаголом *сказать*. Собственно значение сентенциального актанта (‘что стихи полюбил’) при этом тоже получает выражение, но не в качестве ассерции *так*, а в качестве импликации, порождаемой значением адвербиала.

(3) *Старик полюбил мои стихи, во всяком случае он так сказал* (Эдуард Лимонов. Молодой негодяй (1985)).

Раз сирконстантный статус *так* не виден невооруженным глазом, для его выявления требуется обратиться к тем или иным специфическим свойствам конструкции с *так*. Ниже рассмотрены некоторые из таких свойств.

2. Синтаксические признаки сирконстантного статуса *так*

В качестве свидетельства сирконстантного статуса *так* привлечем факты сочетаемости *так* при предикатах, присоединяющих сентенциальный актант.

Во-первых, *так* может употребляться в таком контексте одновременно с местоимением *это* или частицей *оно*, сохраняющей некоторые свойства полнозначного местоимения (4)². Напротив, одновременное употребление *оно* и *это* невозможно.

² Так, *оно* может заполнять обязательную семантическую валентность предиката. Как кажется, именно по этой причине в (i) *оно* нельзя опустить:

(i) *Сам-то ты сколько лет рыскал повсюду, самонадеянно полагая, что разыщешь того без всякой посторонней помощи, и *(оно) понятно: такая помощь чревата огромными осложнениями* (Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008–2009)).

- (4) *Мы тут же сговорились: если я улажу свою поездку — ехать в одно время и даже поселиться в Париже в одном месте. Так это / ^{OK}так оно / *это оно > и вышло в конце сентября 1865 года по русскому стилю* (П. Д. Боборькин. Воспоминания (1906–1913)).

Запрет на сочетание *это* и *оно* — следствие более общего запрета на двукратное выражение семантической роли, ассоциируемой с тем или иным актантом (Dowty 1991 и др.). В самом деле, *это* и *оно* имеют в (4) статус кореферентных актантов, заполняющих при предикате *вышло* одну и ту же семантическую валентность. Между тем *так*, не будучи актантом, под действие запрета не попадает³.

Во-вторых, *так* крайне ограниченно сочетается с сопредикатными адвербиалами, выражающими образ действия. Это наблюдение (в другой формулировке) приводится в работе Летучий 2011 применительно к глаголам речи, однако матричные глаголы большинства других лексико-семантических классов накладывают аналогичное ограничение. Ср. бытийный глагол *происходить* в (5) и модальный предикат *нужно* в (6). Заметим, что вне контекста наречия образа действия сочетание *так* с этими предикатами допустимо (ср. *так происходит последние двадцать лет; так нужно*).

- (5) *Хуже, если бы это / ??так происходило тайно* («Газета», 2003.06.20).

- (6) *Мне это / ??так непременно нужно* (Беременность: Планирование беременности (форум) (2005)).

Указанное ограничение ставит *так* в один ряд с неместоименными адвербиалами образа действия, подтверждая, тем самым, сирконстантный статус *так*. Известно, в самом деле, что выражение одного адвербиала образа действия может блокировать выражение другого при том же предикате (Филипенко 2003: 49 ff. и др.). Так, интерпретация *нарочито* как наречия образа действия доступна только в (7б) ('оделась нарочитым образом'), поскольку в (7а) значение образа действия уже выражено предложной группой *в черно-белом стиле*:

³ По наблюдению Г. И. Кустовой (2019: 7), возможность сочетания *это* и *так* ограничена бытийными матричными глаголами. Обратим внимание, однако, что это ограничение не является жестким, ср. сочетание *так* и *это* в контексте глагола речи:

- (ii) *Уже население Москвы подступало к девяти миллионам, жили здесь и люди, чьи имена войдут в историю народа, станут его славой и гордостью, но Гришин был — Первый. Так это говорилось на аппаратном языке, так мыслилось* (Г. Я. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды (1999)).

(7) а. *Она нарочито оделась в черно-белом стиле* (Эдуард Лимонов. Под-росток Савенко (1982)).

б. *Она оделась нарочито.*

3. Семантические признаки сирконстантного статуса *так*

Семантическим свидетельством сирконстантного статуса *так* могут служить ограничения на использование *так* для ответа на вопрос. Рассмотрим эти ограничения на материале конструкции с глаголом *думать*. Последовательность *я так (не) думаю* затруднена в качестве ответа на прямой общий вопрос, причем положительный ответ затруднен в большей степени, чем отрицательный. В примере (8) оба ответа являются неприемлемыми, тогда как в (9) неприемлем только положительный ответ⁴.

(8) — *Ты запер дверь?* — **Я так не думаю. / *Я так думаю.*

(9) *Может ли «Монреаль» теперь выиграть Кубок Стэнли?* — *Я так не думаю / ??Я так думаю* (Советский спорт, 2010.05.14).

В Газетном корпусе НКРЯ из 141 вхождения последовательности *я так думаю* лишь 2 выступают как реакция на общий вопрос, и в обоих вопрос вводится матричным предикатом *считать*, как в (10). Наличие в вопросе глагола мнения в форме 2 лица, по-видимому, создает специальные условия для ответа *я так думаю*.

(10) *Вы считаете, что это дефект производственного характера?* — *Я так думаю* (Комсомольская правда, 2009.03.14).

Напротив, из 135 вхождений последовательности *я так не думаю* она выступает в качестве реакции на общий вопрос (не содержащий глагола мнения в позиции матричного предиката) в 57 случаях.

Предположение о том, что *так* выполняет при *думать* функцию ад-вербиала образа действия, позволяет предложить объяснение перечисленным фактам. Напомним, что согласно этому предположению *так* представляет пропозицию, соответствующую антецеденту, как образ действия, выраженного матричным предикатом. Другими словами, *так* вводит соответствующее семантическое преобразование над содержанием антецедента. Но чтобы такое стало возможным, содержание антецедента должно быть эксплицитно задано в контексте. Именно поэтому реплика *я так*

⁴ Английское *I think so* не подчиняется аналогичным ограничениям, ср.: — *Did you remember to lock the door? — I think so* (Meijer 2018).

думаю затруднена в качестве ответа на общий вопрос: антецедентом *так* в этом случае оказался бы предполагаемый ответ на вопрос (например, пропозиция ‘я запер дверь’ в (8)), который по самой природе вопроса не может быть эксплицитно задан.

Подкрепим сказанное двумя соображениями. Во-первых, запрет на реплику *я так думаю* в качестве реакции на общий вопрос снимается, если этой реплике предшествует положительный ответ, ср. (11) и (12). Показательно, что при элиминации *ну да* в (12) естественность ответа *я так думаю* заметно снижается.

(11) —*Ты запер дверь?* — *Да, запер. Во всяком случае, я так думаю.*

(12) *Скажите мне, зачем Анатолий Анатольевич велел вам иметь с собой все ваши препараты? Он реально боялся отравления?* — ??*(Ну да). Я так думаю* (Н. Леонов, А. Макеев. Эхо дефолта (2000–2004)).

Во-вторых, с точки зрения способности отсылать к пропозиции, не являющейся контекстно заданной, местоимение *так* ожидаемо отличается от местоимения *это*, заполняющего позицию актанта: *это* при предикате мнения может отсылать к подразумеваемому ответу на общий вопрос. Так, в (13) *это* замещает sentенциальный актанта при предикате *уверен*, а антецедент *это* соответствует фокусу предшествующего вопроса. Ответ *я так думаю* в той же позиции неуместен.

(13) *Надеюсь, что теперь, после того как я согласился на эти условия, она свободна?* — *Я уверен в этом.../ ??Я так думаю* (Григорий Адамов. Тайна двух океанов (1939)).

Почему реплика *я так не думаю* в качестве ответа на вопрос употребляется более свободно, чем реплика *я так думаю*? Дело, по-видимому, в том, что в качестве ответа допустима и реплика *не думаю*, т. е. *не думаю*, в отличие от *думаю*, уже содержит в себе полноценный ответ. Тем самым пропозиция, которая посредством *так* преподносится как образ действия, в ответе *я так не думаю* оказывается контекстно заданной. Ср. контраст в (14):

(14) *Следующий год будет спокойным?* — *Не думаю / *Думаю/ ОКЯ так не думаю* (Комсомольская правда, 2014.01.02).

Отдельный вопрос состоит в том, от чего зависит приемлемость ответа *я так не думаю*. Основным релевантным фактором предположительно выступает семантический тип употребления глагола *думать*. Известно, что наряду с употреблением в качестве однозначного глагола мнения,

думать может употребляться как своего рода эпистемический маркер, который выражает вероятность осуществления ситуации, соответствующей сентенциальному актанту (Thompson 2002 и др.). Общая закономерность видится в том, что в контексте эпистемического употребления ответ *я так не думаю* неуместен, потому что адвербиал *так* выражает при *думать* значение *образа мыслей* — совместимого только с однозначным употреблением *думать* (Пекелис 2018). К сожалению, рамки статьи не позволяют нам развить это предположение.

4. Вместо заключения

С точки зрения проблемы разграничения актантов и сирконстантов, рассмотренная конструкция с *так* представляет собой особый случай. Во-первых, особой является причина, по которой статус *так* трудно диагностировать: она состоит в том, что, будучи местоимением, *так* обладает только референцией, но не значением. Во-вторых, сирконстант *так* позволяет «вычислить» значение остающегося невыраженным актанта при том же предикате. Последнее свойство не является уникальным и в Schwabe 2016 усматривается у ряда условных придаточных в немецком языке. Это ставит вопрос о поиске и сопоставлении других подобных случаев.

Литература

- Кустова Г. И. 2019. Концептуализация не полностью контролируемых ситуаций: глаголы и местоимения. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции Диалог'2019*, вып. 18(25), 340–350.
- Летучий А. Б. 2011. Прономинализация сентенциального аргумента в русском языке. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции Диалог'2011*, вып. 10, 459–470.
- Пекелис О. Е. 2018. Комплемент и адвербиал одновременно: о местоимении *так*, замещающем сентенциальный актант. *Материалы конференции «Типология морфосинтаксических параметров»*, Москва, 22–24 октября 2018 г.
- Плунгян В. А., Рахилина Е. В. 1998. Парадоксы валентностей. *Семиотика и информатика*, вып. 36, 108–119.
- Филипенко М. В. 2003. *Семантика наречий и адвербиальных выражений*. М.: Азбуковник.
- Dowty D. 1991. Thematic proto-roles and argument selection. *Language*, v. 67, n. 3, 547–619.

- Meijer M. 2018. The pragmatics and semantics of embedded polar responses with English *so*. In: Wm. G. Bennett et al. (eds.). *Proceedings of the 35th West Coast Conference on Formal Linguistics*. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project, 269–279.
- Schwabe K. 2016. Sentential proforms and argument conditionals. In: W. Frey, A. Meinunger, K. Schwabe (eds.). *Inner-sentential Propositional Proforms: Syntactic Properties and Interpretative Effects*. Amsterdam: Benjamins, 211–240.
- Thompson S. A. 2002. ‘Object complements’ and conversation: towards a realistic account. *Studies in Language*, v. 26, n. 1, 125–164.
- Webber B., Stone M., Joshi A. and Knott A. 2003. Anaphora and discourse structure. *Computational Linguistics*, v. 29, n. 4, 545–587.

Об одном необычном явлении в цаконском диалекте новогреческого языка*

М. Л. Кисилиер

Санкт-Петербургский государственный университет /
Институт лингвистических исследований РАН;
m.kisilier@spbu.ru, maxim@iling.spb.ru

Хорошо известно, что ни местоименные клитики, ни диалекты новогреческого языка не входят в сферу непосредственных научных интересов В. А. Плунгяна. Тем не менее, мы познакомились во многом благодаря моей диссертации о местоименных клитиках, а наша последняя совместная поездка была в Грецию на конференцию, посвященную языку и культуре носителей цаконского диалекта. В настоящей статье обе эти темы объединились, и хочется надеяться, что они вызовут у юбиляра по крайней мере приятные эмоции.

Название этой статьи может показаться на первый взгляд странным. Цаконский принято считать самым необычным из новогреческих диалектов, поэтому логично предположить, что любое свойственное ему явление необычно. Однако это не совсем так. Если не брать во внимание фонетику, где наблюдаются очень странные изменения, отсутствующие в других диалектах новогреческого языка (ср. Χαράλαμπος 1980), морфология, за исключением аналитических форм презенса и имперфекта, описанных в работе Кисилиер 2016, и синтаксис в целом мало чем отличаются от других диалектов¹.

В этой статье речь пойдет о местоименном повторе дополнения, который, как и в новогреческом, есть в цаконском, причем рассмотрены будут те случаи, когда в роли дублируемого объекта выступает сильная форма личного местоимения:²

* Исследование проведено при поддержке самых теплых чувств к юбиляру.

¹ Фиксируемые там особенности интересны разве что для узких специалистов по новогреческой диалектологии и едва ли привлекут внимание типолога.

² Для исследования были использованы полевые материалы, собранные у трех носителей цаконского диалекта из трех разных населенных пунктов в 2016 и 2019 гг. Инф. 1 — муж. 1937 г. р., высш. обр.; Инф. 2 — муж. 1960 г. р., обр. средн.; Инф. 3 — муж. 1955 г. р., обр. средн. неполн., в 17 лет уехал на заработки за границу

- (1) $o = ni = m = e\text{-}\widehat{\delta\acute{u}ts}\text{-ere}$ $s\ \acute{e}n\acute{i}u$
 NEG = 3SG.OBL = 1SG.OBL = PST-давать.AOR-AOR.2SG в 1SG.OBL
 ‘[Ты] **мне** это не дал’ (Инф. 2).

Уже в (1) наблюдается отличие от стандартного новогреческого, где в цепочке клитик был бы иной порядок:

- (2) $\mu\omicron\nu$ $\tau\omicron$ $\acute{\epsilon}\text{-}\delta\omega\sigma\text{-}\epsilon$
 1SG.GEN = 3SG.N.NGEN(ACC) = PST-давать.PFV-PST.3SG
 ‘[Он] мне это дал’³.

Можно предположить, что в цаконском допустима вариативность в порядке местоименных клитик в рамках цепочки, поскольку у личных местоимений не различаются генитив и аккузатив, ср. с (3):

- (3) $o = mi = n^j = e\text{-}\widehat{\delta\acute{u}ts}\text{-ere}$
 NEG = 1SG.OBL = 3SG.OBL = PST-давать.AOR-AOR.2SG
 ‘[Ты] **мне это** не дал’ (Инф. 1).

Более необычной выглядит ситуация с местоимением 3 л. ед. ч.:

- (4) $n^j = e\text{-}p\acute{e}k\text{-}a = ni$ $n^j\acute{i}mu$
 3SG.OBL = PST-говорить.AOR-AOR.1SG = 3SG.OBL 2PL.OBL
 ‘Сколько раз [я **это**] уже вам говорил’ (Инф. 1).

В (4) оба местоимения являются клитиками — и дублирующее (в позиции к глаголу), и дублируемое (следующее за глаголом). Аналогичная особенность наблюдается и в диалекте приазовских греков, правда, не с 3 л. ед. ч.:

- (5) $mas = f\acute{o}r^j\acute{a}s\text{-}an = mas$
 1SG.OBL = одевать.PFV-PST.3PL = 1SG.OBL
 ‘[Они] **нас** одели’ (Борисова 2009: 400).

Еще более проблемными кажутся примеры с 1 и 2 л. мн. ч., на которые одним из первых обратил внимание Брайан Джозеф:

- (6) $tsi\ m = e\text{-}p\acute{e}ts\text{-}ere$ $n\acute{a}mu$
 что 1SG.OBL = PST-говорить.AOR-AOR.2SG 1PL.OBL
 ‘Что [ты] **нам** сказал?’ (Joseph 1990: 177)⁴.

и вернулся лишь в 60 л. В отличие от Инф. 1 и 2, у Инф. 3 доминирующий язык не новогреческий, а английский.

³ Пример взят из Корпуса греческого языка (http://web-corpora.net/GreekCorpus/search/index.php?interface_language=ru), дата обращения 27.04.20.

⁴ Пример, вероятно, заимствован из монографии Pernot 1934.

Он заметил, что местоимение 1 л. мн. ч. *náti*⁵ дублируется местоименной проклитикой 1 л. ед. ч. *m[i]* (букв. *что [ты] мне сказал нам*). Полевые исследования 2016 г. подтвердили, что (6) не является ошибкой, опечаткой или единичным примером, а подобное явление встречается не только у 1 л. мн. ч. (7а), но и у 2 л. мн. ч. (7б):

- (7) а. *m = orák-ate* *náti*
 1SG.OBL = видеть.AOR-AOR.2PL 1PL.OBL
 '[Вы] нас увидели' (Инф. 1).
- б. *ét^he* *thé-nde* *na = ndi = ð-u* *n'ítu*
 быть.PRS.2PL хотеть-PTCP.NN.PL SBJV = 2SG.OBL = давать-1SG.SBJV 2PL.OBL
 'Хотите, [я] вам дам' (Инф. 2).

Никос Лиосис в своей статье Liosis 2017: 63–64 обратил внимание на то, что в примерах, подобных (6) и (7а–б), наблюдается третий этап ре-анализа местоименной клитики 1 и 2 л. мн. ч., тем более что в словаре Κωστάκης 1987: 394 удалось обнаружить пример, где и дублирующее, и дублируемое местоимение — 1 л. мн. ч.:

- (8) *ékai' to' ékai' váμ'* *ε-μποίκ-αί* *váμov*
éngi ts éngi nam e-mbík-ai *náti*
 это и это 1PL.OBL PST-делать.AOR-AOR.3PL 1PL.OBL
 'И то, и то [они] нам сделали'.

По мнению Лиосиса, форму *nam* следует рассматривать как первый этап превращения в клитику, на что, в частности, может указывать апокопа *-u*, а единичность подобных примеров как раз и свидетельствует о том, что в современном цаконском такая конструкция почти не используется. На втором этапе *náti* становится более похожим на клитику и превращается в *ti*:

- (9) *θa = mól-oi* *na = tu⁶ = fá-ne* *náti*
 FUT = приходиться.PFV-3PL.SBJV SBJV = 1PL.OBL = есть.PFV-3PL.SBJV 1PL.OBL
 '[Они] придут, чтобы нас съесть' (Liosis 2017: 64).

На третьем этапе, как предполагает Лиосис, отпал *-u*, и в итоге носители цаконского диалекта не только перестали различать клитики 1 л. мн. ч. и ед. ч., но и стали употреблять в обоих случаях 1 л. ед. ч.:

- (10) *mí = nⁱ = e-ðúts-ere* *náti*
 1SG.OBL = 3SG.OBL = PST-давать.AOR-AOR.2SG 1PL.OBL
 '[Ты] мне это дал' (Инф. 1).

⁵ Джозеф ошибочно считает и его клитикой.

⁶ Если бы это был показатель ед. ч., он имел бы форму *ti*, как в (3), а не *ti*.

По логике Лиосиса, во 2 л. мн. ч., по-видимому, сработала аналогия, и в результате реанализа и грамматикализации в цаконском появились циркумклитики *m[i] ... náti* и *nd[i] ... n'ítmi*. Концепция Лиосиса демонстрирует, что и в местоименном синтаксисе цаконский выделяется из всей массы новогреческих диалектов. Тем не менее, можно предложить более простое объяснение рассматриваемому явлению.

Известно, что в древнегреческом языке не было местоименных клитик 1 и 2 л. мн. ч. Уместно предположить, что и цаконский сохранил эту древнегреческую особенность, и лишь относительно недавно в нем стали появляться потенциальные клитические формы типа *ti* из (9). Впрочем, скорее всего, победит модель с апокопой конечного гласного, ср. с (8):

(11) *na = n'um = alí-u*

SBJV = 2PL.OBL = говорить.IPFV.SBJV = 1SG.SBJV

‘...чтобы [я] **вам** сказал’ (Инф. 1)

Местоименный повтор дополнения — средневековое явление, развившееся не во всех диалектах новогреческого языка (его, например, нет в понтийском). В отдельных диалектах, в частности, у приазовских греков, оно, по-видимому, стало развиваться достаточно поздно. Там под влиянием целого комплекса причин (в частности, переезда из Крыма в Приазовье и утраты массовых связей с грекоязычным миром) местоименный повтор не успел оформиться в полной мере и сейчас существует в виде целого набора маргинальных конкурирующих друг с другом конструкций (ср. Борисова 2009: 398–401).

В отличие от приазовских греков, цаконцы имели постоянные контакты с недиалектным вариантом греческого — именно на нем, а не на диалекте разговаривала вся местная аристократия и интеллигенция, однако местоименный повтор дополнения характерен именно для разговорного языка, а не для языка литературы и образования. Таким образом, для цаконского местоименный повтор, скорее всего, является инновацией XX в., связанной с распространением димотики. Показательно, что в речи информанта, жившего в горах до 17 лет, до своего отъезда в США, и говорившего преимущественно по-цаконски, нет ни одного примера, где бы местоименное дополнение дублировалось. Напротив, чаще всего рассматриваемое явление фиксируется у наиболее образованного информанта, знакомого и с некоторыми существующими грамматиками.

Подводя итоги, можно высказать предположение, что в цаконском местоименный повтор дополнения представляет собой инновацию, заимствованную из димотики. Димотическая модель в целом хорошо подошла для местоимений 1 и 2 л. ед. ч, где было противопоставление ударных и безударных форм, и примеры типа (1) сегодня можно услышать в речи

носителей диалекта. В мн. ч., где были только ударные формы, ситуация оказалась сложнее. При повторе стала использоваться модель, характерная для ед. ч. с тем отличием, что на число указывает только ударная форма. Эта модель известна многим носителям, но она практически не употребляется в спонтанной речи, а проявляется лишь при анкетировании и то при настойчивой просьбе исследователя. Очевидно, что влияние со стороны стандартного новогреческого продолжает нарастать, все чаще используются формы *nam* и *n'um*, появляющиеся в позициях, свойственных для клитик, в частности, после модальных частиц, как в (11). Повидимому, именно они будут все больше использоваться при местоименном повторе, и примеры типа (8) — *nam e^mbíkai námu* — это не первый этап, а, напротив, завершающая стадия в формировании новой морфосинтаксической модели.

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; AOR — аорист; FUT — будущее время; GEN — генитив; IPFV — имперфектив; NEG — отрицание; NGEN — негенитив; NN — несредний род; OBL — косвенный падеж; PFV — перфектив; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; SBJV — сослагательное наклонение; SG — единственное число.

Литература

- Борисова А. Б. 2009. Местоименный повтор дополнения (Гл. 13). В кн.: М. Л. Кисилиер (ред.). *Лингвистическая и этнокультурная ситуация в греческих селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов* (коллективная монография). СПб.: Алетейя, 394–402.
- Кисилиер М. Л. 2016. Аналитические формы настоящего времени и имперфекта в цаконском диалекте новогреческого языка. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, т. 12, №3, 93–109.
- Joseph B. D. 1990. The benefits of morphological classification: On some apparently problematic clitics in Modern Greek. In: W. U. Dressler, H. C. Luschützky, O. E. Pfeifer, J. R. Rennison (eds.). *Contemporary morphology*. Berlin: Mouton de Gruyter, 171–181.
- Liosis N. 2017. Auxiliary verb constructions and clitic placement. Evidence from Tsakonian. *Journal of Greek Linguistics*, v. 17, 37–72.
- Pernot H. O. 1934. *Introduction à l'étude du dialecte tsakonien (Collection de l'Institut Néo-Hellénique de l'Université de Paris, t. II)*. Paris : Société d'édition « Les Belles Lettres ».
- Κωστάκης Θ. Π. 1987. *Λεξικό της Τσακωνικής διαλέκτου*. Τ. III (Π–Ω). Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών.
- Χαραλαμπόπουλος Α. Λ. 1980. *Φωνολογική ανάλυση της Τσακωνικής διαλέκτου*. Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, Διδακτορική διατριβή.

Испанский предлог в зеркале функционально-коммуникативной лингвистики

Рафаэль Гусман Тирадо

Гранадский университет; rguzman@ugr.es

В нашей статье предпринята попытка описать особенности предлогов испанского языка согласно основным положениям концепции международного проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии. Морфология и синтаксис». Данный проект, инициированный в 2001 году М. В. Всеволодовой (филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова), объединил участников из Белоруссии, Украины, Болгарии, Польши и Сербии. Основным принципом работы являлся широкий подход к описанию предлога, который позволяет рассматривать в качестве предложных не только собственно предлоги, но и единицы, которые лишь в определенных условиях выполняют функции предлога. Весь круг подобных единиц объединяется в рамках функционально-грамматического поля предлога и характеризуется термином «предложные единицы». Теоретическая база исследования заключалась в рассмотрении предлога с позиций функционально-коммуникативной лингвистики и объективной грамматики. Подобное описание предложных единиц пересекается с такими направлениями современной лингвистики, как теория грамматикализации и грамматика конструкций. Фундаментальная задача исследования — осуществить комплексное описание предложной системы во всей полноте этого категориального класса, что подразумевает составление наиболее полного реестра предложных единиц и осмысление системных закономерностей как в структуре, так и в функционировании данного класса служебных единиц. Результатом работы стали словари предложных единиц, опубликованные для украинского, польского, белорусского и русского языков (см. также Виноградова 2017).

Данная работа посвящена особенностям функционирования предлогов в испанском языке согласно основным положениям концепции этого международного проекта. Учитывая ограничения по количеству страниц статьи для данного сборника, мы предполагаем внести скромный вклад в исследования, которые до сих пор ведутся в области сопоставлений предлогов в разных языках.

Прежде всего обратим внимание на особенности функционирования предлога в испанском языке. Испанским предлогам присущи следующие характерные черты:

- это связующие элементы, то есть элементы, которые связывают одно слово с другим (Seco 1967: 113);
- они представляют собой закрытый класс слов (это уточним ниже);
- это безударные слова, за исключением предлога *según* (согласно);
- это неизменяемые слова, то есть нельзя определить их род и число.

Испанские предлоги не обладают синтаксической автономией, за исключением известных высказываний металингвистического характера, в которых они выполняют функцию существительного, и за исключением некоторых металингвистических примеров или разговорных выражений (Gómez Torrego 1997: 218). Например: *Para es una preposición* (**Para** — это предлог); *¿Vas tomar el café con leche o sin?* (Вы будете пить кофе с молоком или без?).

Большинство испанских предлогов полисемичны.

За исключением предлогов *salvo* (за исключением), *hasta* (до), *entre* (между) и *según* (согласно) предлоги употребляются только с косвенными формами личных местоимений 1 и 2 лица. Например: *para mí* (для меня), *contigo* (со мной), *de ti* (от тебя).

В испанских грамматиках (Bosque Muñoz, Demonte Barreto (dir.) 1999, 2000) существуют различные классификации предлогов в соответствии с их значением. Таким образом, можно говорить о полных (*llenas*) предлогах, которые используются в соответствии со своим значением в достаточно многочисленных случаях, и о пустых (*vacías*) предлогах, которые появляются просто как связующие знаки с разнообразными возможностями отношений, значение которых зависит от слова, с которым они связываются. Хотя не существует достаточно четкого критерия для объективного разделения предлогов, можно утверждать, что предлоги *a* (в, на), *con* (с), *de* (из, от), *en* (в, на) и в некотором смысле *por* (по) — это пустые (*vacías*) предлоги, в то время как остальная часть предлогов: *ante* (перед), *bajo* (под), *contra* (против), *desde* (из), *entre* (между), *hacia* (в, на, к), *hasta* (до), *para* (для), *por* (по), *según* (согласно), *sin* (без), *sobre* (на, над, о), *tras* (за) и так называемые «псевдопредлоги» — имеют собственное значение.

В других наиболее распространенных классификациях говорится о существовании собственно предлогов (*preposiciones propias*), с одной стороны, и устойчивых конструкций, с другой стороны. К первой группе относятся предлоги: *a* (в, на), *ante* (перед), *bajo* (под), *cabe* (уст. около), *con* (с), *contra* (против), *de* (от, с), *desde* (из), *durante* (во время),

en (в, на), *entre* (между), *excepto* (кроме), *hacia* (в, на, к), *hasta* (до), *mediante* (при помощи), *para* (для), *por* (по, из-за), *según* (согласно), *sin* (без), *so* (под), *sobre* (на, о, над), *tras* (за). Кроме этого, к этой группе относятся две конструкции, состоящие из предлога и артикля: *a + el = al*, *de + el = del*.

Ко второй группе относятся устойчивые конструкции, состоящие из двух и более слов, которые представляют собой неделимое целое, выполняют функцию предлогов и обозначаются термином «*improprias* (т. е. не собственно предлоги) *modos prepositivos*, *o locuciones prepositivas*». К этому наиболее распространенному типу относятся: *a causa de* (по причине), *acerca de* (о), *con arreglo a*, *conforme a* (согласно), *de acuerdo con* (согласно с), *debido a* (из-за), *en cuanto a* (относительно), *en virtud de* (ввиду), *gracias a* (благодаря), *referente a* (по отношению к), *rumbo a* (в сторону), *en compañía de* (вместе с), *delante de* (перед), *detrás de* (за), *respecto de* (относительно), см. Seco 1967: 115.

Некоторые классификации, акцентируя внимание на форме, выделяют простые предлоги и предложные фразы или выражения, в зависимости от их состава.

Большинство испанских предлогов латинского происхождения: *a* (в, на), *ante* (напротив), *con* (с), *contra* (против) и т. д.; другие образуются в результате соединения двух предлогов, например *desde* (из) — от латинского *de ex de*. Предлоги следующей группы образуются от существительных: *cabe* (около) — от *caput*, *hacia* — от *faciem ad* и один предлог арабского происхождения (*hasta*). В литературном языке до сих пор употребляются предлоги: *allende* (за, с другой стороны) — от латинского *illinc*, *aquende* (по эту сторону) — от латинского *eccum inde*, *so* (под) — от латинского *sub*. Два предлога высокой лексики, которые употребляются редко, также имеют латинское происхождение. Это *pro* и *vía*. Первый предлог — это латинское слово *pro* (за), а второй — от латинского *via* (путем).

Некоторые предлоги образуются от грамматикализованных прилагательных и причастий: *bajo* (под), *salvo* (кроме), *excepto* (за исключением); или *durante* (во время) и *mediante* (через), чье происхождение связано с латинскими причастиями настоящего времени. Их включение в группу предлогов обязательно, так как они обладают всеми характеристиками предлога. Например: *durante la guerra* ~ *en la guerra* (во время войны), *mediante su ayuda* ~ *con su ayuda* (с его помощью).

Что касается позиции, которую занимают предлоги в предложении, испанские предлоги располагаются всегда перед существительным (на данную позицию указывает этимология самого термина *preposición*).

Однако существуют случаи, когда предлог ставится после существительного. Это происходит с предлогами, омонимичными наречиям: *abajo*

(вниз), *arriba* (вверх), *adentro* (внутри), *afuera* (наружу), *adelante* (вперед), *atrás* (назад), *antes* (до), *después* (после). Например: *días antes de su llegada* (несколько дней до его приезда), *se fue carretera arriba* (он ушел по дороге), *el barco se fue mar adentro* (лодка ушла в море), *eso ocurrió años atrás* (это случилось несколько лет назад), *unos días más tarde* (на несколько дней позже). Некоторые испанские специалисты по грамматике говорят в данном случае о послелогох (*pospuestas*). Заметьте, что в большинстве предлогов данного типа появляется предлог *a* в качестве префикса, например: *adonde* (куда), *atrás* (назад), *adelante* (вперед) и т. д.

Есть случаи, когда кажется, что употребляется только предлог или послелог, но в таких случаях совершенно ясно значение слова, с которым предлог соотносится. Например, в том случае, который мы анализировали выше: *¿Vas tomar el café con leche o sin?* (Вы будете пить кофе с молоком или без?).

Относительно функции предлогов можно утверждать следующее: предлоги — это элементы связи, которые подчинены ядру элемента или последующей синтагме; они соединяют слова с синтаксической автономией и выступают как связующее звено между ними. Предлоги никогда не выполняют функции субъекта (кроме случая, рассмотренного выше), прямого дополнения, непрямого дополнения, обстоятельственного дополнения, дополнения существительных, прилагательных и наречий.

Связь, которую устанавливают предлоги, — это всегда связь подчинения и зависимости: не все слова могут быть введены с помощью предлога. Предлоги устанавливают подчинительную связь: с существительными — *pensamientos de felicidad* (мысли о счастье); прилагательными — *vaso lleno de agua* (стакан, полный воды), *enfermo de sarampión* (больной корью), *conforme con su propuesta* (согласный с его предложением); глаголами — *soñaba con su trabajo* (мечтал о работе), *lucho con la espada* (сражался с мечом). Существуют предлоги, которые, в отличие от предлогов русского языка, могут употребляться с инфинитивом: *sin levantarse* (не вставая), *para hablar* (чтобы говорить), *después de introducir* (после введения), *antes de servir la comida* (до подачи обеда). С герундием допустимо употребление только предлога *en* (в, на). Данная конструкция, часто называемая «предложный герундий» (*gerundio preposicional*), почти исчезла в современном испанском языке. Раньше она обозначала одновременность, в современном испанском языке она обозначает непосредственное предшествование действию: *En llegando a Granada él sintió algo especial* (Приехав в Гранаду, он почувствовал нечто особое). С наречиями предлоги употребляются лишь в определенных случаях, и наречия соединяются только со следующими предлогами: *Ayer por la noche* (вчера ночью), *lejos de los colegios* (далеко от школ).

Сам по себе предлог в испанском никогда не может быть подчинен предложению с личным глаголом. Для этого он должен соединиться с союзами *que* или *si*. Например: *Lo hice para que vinierais* (Он сделал это, чтобы вы пришли; не говорится: **lo hice para vinierais*).

Таким образом, предлог *por* (по, по причине) соединился с союзом *que* (что), и в результате появился союз *porque*; то же самое произошло с предлогом *con* (с) и союзом *que* (что), в результате соединения которых образовался союз *con que*.

Что касается значения предлога, то можно утверждать следующее: как в русском, так и в испанском языке существуют предлоги со своим собственным значением; предлоги с ограниченным значением, которое зависит от контекста; и предлоги без всякого значения.

Некоторые предлоги имеют свое собственное, присущее им значение, которое может быть переносным. Например: *sin* (без) указывает на отрицание, отказ от компании, сопровождения, нехватку чего-либо и т. д.; *bajo* (под) обозначает зависимое положение, подчинение и т. д.; *sobre* (на) обозначает поверхность, на которой находится предмет; *encima de* (на), *acerca de* (о) обозначают приближение к чему-либо, к кому-либо; *tras* (за) указывает на последующее место и пространство, *ante* (напротив) обозначает нахождение в присутствии кого-либо, относительно чего-либо или кого-либо.

Однако очень часто один и тот же предлог приобретает различные значения, которые связаны с контекстом. То есть, как было сказано выше, многие испанские предлоги полисемичны. Например, *con* указывает на сопровождение (компанию): *Estoy con Juan* (Я с Хуаном); может обозначать инструмент: *Corté el pan con el cuchillo* (Я разрезал хлеб ножом); может обозначать также образ действия: *Me miró con malos ojos* (Он посмотрел на меня недобрый взглядом).

Некоторые предлоги в определенном контексте могут быть простыми функциональными индикаторами без всякого лексического значения. Так, предлог *a* в прямых дополнениях с одушевленными существительными является простым индикатором функции и не образует предложную конструкцию. Например: *Vi a Pedro en Salamanca* (Я видел Педро в Саламанке), *Encontré a María* (Я встретил Марию). То же самое происходит с предлогом в некоторых конструкциях (Gómez Torrego 1997: 219). Например: *La calle de Miguel Cervantes* (Улица Мигеля Сервантеса).

В настоящей работе мы попытались выразить некоторые основополагающие идеи об испанском предлоге (проблематика, классификации, функции предлогов и т. д.), используя некоторые концептуальные положения, предложенные проектом «Славянские предлоги в синхронии и диахронии. Морфология и синтаксис».

Литература

- Виноградова Е. Н. 2017. Проблемы лексикографического и грамматического описания предлогов в современном русском языке. *Вопросы языкознания*, №5, 56–74.
- Bosque Muños J. I., Demonte Barreto V. (dir.). 1999. *Gramática descriptiva de la lengua española*. Madrid: Espasa-Calpe.
- Bosque Muños J. I., Demonte Barreto V. (dir.). 2000. *Gramática descriptiva de la lengua española*. Madrid: Espasa-Calpe.
- Gómez Torrego L. 1997. *Gramática didáctica del español*. Madrid: SM.
- Guzmán Tirado R. 2009. *Español para hablantes de ruso*. Madrid: SGEL.
- Seco M. 1967. *Manual de gramática española*. Madrid: Aguilar.

Элицитированные экспериментальные тексты как источник данных для исследования широкого круга грамматических тем

М. Н. Усачёва

Институт языкознания РАН; mashastroeva@gmail.com

В последние десятилетия в полевой лингвистике постепенно набирает обороты новый для этой области подход к исследованию языкового материала — с помощью экспериментальных методов. Данный подход заключается в предварительном формулировании гипотез о влиянии определенных факторов на функционирование некоторого фрагмента языковой системы, моделировании и проведении эксперимента с учетом этих факторов и последующем анализе полученных в ходе эксперимента текстов с целью проверить, какие из факторов являются значимыми, а какие нет. Изложение результатов экспериментальных исследований, проведенных в полевых условиях, содержится в работах Bowerman, Pederson 1992, Bowerman et al. 2004, Tufvesson 2007, Boroditsky et al. 2008, Fortis et al. 2009, Arunachalam, Kothari 2011, Ryabina 2014, Arjava 2016, Uusküla, Bimler 2016, Longenbaugh, Polinsky 2017, Eisenbeiss 2017 и др. В учебнике по полевой лингвистике Bowerman 2008 приводится классификация экспериментальных методик, которые можно использовать в полевой работе. Обзор литературы, посвященной экспериментальному исследованию дискурса в полевых условиях, и подробный анализ оценок этого нового направления со стороны полевых лингвистов можно найти в статье Федорова 2016.

В настоящей статье пойдет речь о методах проведения экспериментов, которые относятся к методам элицитации дискурсов. Их отличие от собственно экспериментальных состоит в «отсутствии требования жесткой контролируемости экспериментальных условий, а также в отсутствии необходимости установления причинно-следственных связей между явлениями» (Федорова 2016: 8–9). Фактически это означает, что лингвист проводит эксперименты с целью собрать корпус текстов, в которых частота исследуемого явления будет намного выше, чем в уже собранном им корпусе спонтанных текстов. Полученные таким образом тексты нельзя отнести к естественным, поскольку в ходе экспериментов носителей не-

явно подталкивают к употреблению определенных слов или конструкций¹. Однако экспериментально элицитированные тексты (в отличие от языковых материалов, полученных собственно экспериментальными методами) при условии удачно проведенного эксперимента получают развернутыми и достаточно богатыми с точки зрения присутствующего в них языкового материала. Соответственно, их можно использовать для анализа широкого круга языковых явлений. О. В. Федорова приводит пример корпуса онлайн-описаний серии картинок «Рассказы о лягушке» и корпуса оффлайн-пересказов² фильма «Рассказы о грушах». Эти корпуса были собраны с целью исследования диалектных особенностей использования назальных префиксов глаголов в языке сасак, но материал, который в них содержится, «несомненно, <...> будет использован в дальнейшей работе и при анализе других фонологических, морфосинтаксических или дискурсивных особенностей языка сасак» (Федорова 2016: 14). Примером использования текстов, собранных с использованием других методов, может служить исследование синтаксиса групп с пространственными реляционными именами³ и послелогоми, которое мы с Т. А. Архангельским проводили летом 2016 года с носителями коми-зырянского наречия в деревне Ванькова Красновишерского района Пермского края. Эксперименты проводились по методике референциальной коммуникации. Данная методика, первый вариант которой был предложен в работе Krauss, Weinheimer 1966, заключается в регистрации диалога между испытуемыми, которые общаются по телефону или через непрозрачный экран (таким образом, они лишены возможности видеть друг друга). Один из собеседников, Инструктор, должен объяснить другому испытуемому, Раскладывающему, в каком порядке тот должен расположить лежащие перед ним карточки (подтип «Упорядочивание предметов, сложенных в кучу») или каким образом тот должен оперировать с находящимися перед ним фигурками (подтип «Нахождение правильного пути

¹ В противопоставление спонтанным О. В. Федорова называет такие тексты «элицитированными» и «извлеченными» (Федорова 2016: 9).

² Онлайн-комментированием называют метод рассказа по картинкам, при котором испытуемый, быстро просмотрев все картинки, затем подробно рассматривает и описывает каждую из них. В случае оффлайн-пересказа по видеоролику испытуемый сначала смотрит ролик целиком, а затем пересказывает содержание (Федорова 2016: 10).

³ В пермских языках, с носителями которых мы проводим эксперименты, языковые единицы, обозначающие пространственные отношения, в большинстве своем проявляют синтаксические свойства, характерные для существительных. Такие единицы мы считаем пространственными реляционными именами.

в лабиринте»). В ходе экспериментов первого типа носители коми-язьвинского наречия, выступающие в качестве Инструкторов, описывали местоположение цветных картинок с изображениями домашних животных, домашних птиц, сельскохозяйственного инвентаря и людей, приклеенных к черно-белой фотографии скотного двора. В экспериментах с нахождением правильного пути в лабиринте задача состояла в перемещении фигурок людей и машинок по картонному макету деревни Ванькова. Помимо большого количества примеров употребления конструкций с разными пространственными реляционными именами, полученные в ходе экспериментов тексты дали богатейший материал, который лег в основу исследования пространственного дейксиса коми-язьвинского наречия.

Таким образом, корпуса элицитированных текстов предоставляют богатый материал для исследования различных языковых явлений. Однако, на наш взгляд, методики, ориентированные на получение таких текстов, имеют даже больший потенциал: они позволяют изначально моделировать эксперименты таким образом, чтобы получать данные сразу по нескольким темам. Поскольку один и тот же языковой фактор может влиять на употребление разных конструкций, можно в один и тот же эксперимент включать стимулы для всех таких конструкций. Например, в ходе экспериментов с носителями бесермянского наречия удмуртского языка мы выяснили, что на посессивное маркирование вершины именной группы и на способность зависимых в именной группе присоединять словоизменительные показатели влияет информационная структура. Соответственно, при работе с носителями близкородственного удмуртскому языку коми-язьвинского наречия мы добавили в эксперимент на посессивы стимулы для нескольких типов зависимых в именной группе. Кроме того, тип методики достаточно жестко задает жанр текстов, которые предполагается получить в ходе эксперимента. Поскольку для каждого жанра характерно употребление определенных грамматических конструкций, можно добавлять в эксперимент стимулы для этих конструкций. Например, оффлайнный пересказ сюжета видеороликов ориентирован на получение нарративов. Соответственно, видеоролики можно спланировать таким образом, чтобы по полученным текстам можно было изучать не только целевую грамматическую тему⁴, но и семантику временных форм глаголов определенных семантических или акциональных классов. Наконец, можно включать стимулы на отдельную грамматическую тему в эксперименты в качестве филлеров.

⁴ Мы, например, использовали видеоролики в экспериментах на посессивы, на пространственные реляционные имена и на номинализацию прилагательных.

Итак, элицитация дискурсов — очень перспективная и удобная для полевых лингвистов методология, которая не только позволяет получить богатые материалы для исследования различных языковых явлений, но и предоставляет возможности заранее задать круг этих явлений.

Литература

- Федорова О. В. 2016. Психолингвистические исследования дискурса в полевой лингвистике. *Социо- и психологические исследования*, вып. 4, 7–18.
- Arjava H. 2016. Experimenting on spatiality: elicitation with three-dimensional toys in a field study of Erzya. In: K. Shagal, H. Arjava (eds.). *Mordvin languages in the field (Uralica Helsingiensia 10)*. Helsinki: Helsingin yliopisto; Suomalais-Ugrilainen Seura, 319–338.
- Arunachalam S., Kothari A. 2011. An experimental study of Hindi and English perfective interpretation. *Journal of South Asian Linguistics*, v. 4, 27–42.
- Boroditsky L., Gaby A., Levinson S. C. 2008. Time in space. In: A. Majid (ed.). *Field manual 11*. Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics, 52–76. <http://fieldmanuals.mpi.nl/volumes/2008/time-in-space>.
- Bowerman M., Pederson E. 1992. Topological relations picture series. In: S. C. Levinson (ed.). *Space stimuli kit 1.2: November 1992*, 51. Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics. <http://fieldmanuals.mpi.nl/volumes/1992/bowped>.
- Bowerman M., Gullberg M., Majid A., Narasimhan B. 2004. Put Project: The cross-linguistic encoding of placement events. In: A. Majid (ed.). *Field manual 9*. Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics, 10–24. <http://fieldmanuals.mpi.nl/volumes/2004/put-project>.
- Bowern C. 2008. *Linguistic fieldwork: a practical guide*. London: Palgrave Macmillan UK.
- Eisenbeiss S. 2017. *Course on possessive constructions at the University of Cologne*. <https://experimentalfieldlinguistics.wordpress.com>.
- Fortis J.-M., Grinevald C., Kopecka A., Vittrant A. 2009. *Trajectoire*. http://www.ddl.ish-lyon.cnrs.fr/trajectoire/TUL_TRAJ_141209.pps.
- Krauss R. M., Weinheimer S. 1966. Concurrent feedback, confirmation and the encoding of referents in verbal communication. *Journal of Personality and Social Psychology*, v. 4, 343–346.
- Longenbaugh N., Polinsky M. 2017. Experimental approaches to ergative languages. In: J. Coon, D. Massam, L. Travis (eds.). *The Oxford handbook of ergativity*. Oxford: Oxford University Press.
- Ryabina E. 2014. A study of loan color terms in the Komi languages. *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri [Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics]*, v. 5–2, 91–116.
- Tufvesson S. 2007. Expressives. In: A. Majid (ed.). *Field manual 10*. Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics, 53–58. <http://fieldmanuals.mpi.nl/volumes/2007/expressives>.
- Uusküla M., Bimler D. 2016. How universal are focal colors after all: A different methodology for identifying focal colors. In: G. Paulsen, M. Uusküla, J. Brindle (eds.). *Color language and color categorization*, Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2–39.

Субъект настоящего времени в устных и письменных нарративах

Е. В. Буденная

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» /
Институт языкознания РАН; jane.sdrv@gmail.com

1. Введение

Русский язык известен как язык с факультативным употреблением местоименного подлежащего. По разным данным, число высказываний с его опущением составляет от 20 до 35% случаев (Grenoble 2001, Zdorenko 2009), в зависимости от ряда прагматических, синтаксических, дискурсивных, а также стилевых и жанровых особенностей. В частности, традиционно опущение подлежащего принято связывать с более разговорными жанрами (McShane 2009: 107; ср. наблюдение А. М. Пешковского (2001: 184) об энергичности примеров типа 1):

(1) *Скажу¹ от себя — фильм смотреть не стоит* (Форум: Похороните меня за плинтусом. Фильм (2009–2011), НКРЯ).

Корпусные исследования (Zdorenko 2009: 126–127 — на основе НКРЯ) также свидетельствуют о большей употребительности нулевых местоименных подлежащих в устной речи и неформальных регистрах². Однако сопоставительные данные корпуса «Веселые истории из жизни»³ в презентных клаузах с субъектом 1-го/2-го лица обнаружили обратную тенденцию: в устной части корпуса нулевые местоимения употреблялись значимо реже по сравнению с письменной (χ -квадрат, p -value < 0,001), и, более того, местоименная модель в письменном подкорпусе даже не была доминирующей:

¹ Здесь и далее выделение полужирным шрифтом авторское.

² В связи с этим можно вспомнить т. н. явление *topic drop/diary drop* (Haegeman 1990) в английском и ряде других германских языков, выражающееся в большем проценте нулевых местоимений в неформальных регистрах, ср. \emptyset_{pro} *wanna eat*; \emptyset_{pro} *don't know*; близкое явление описывалось также для языка маратхи (Holmberg et al. 2009).

³ <http://spokencorpora.ru/showcorpus.py?dir=02funny>, далее — ВИЖ.

Тип модели	Устный рассказ, вхождений	%	Письменный рассказ, вхождений	%
1–2 PRS + pronoun ⁴	152	77%	32	47%
1–2 PRS –pronoun	45	23%	36	53%

Таблица 1. Наличие/отсутствие местоимения в финитных клаузах по данным корпуса ВИЖ

Преобладание модели с опущением местоимения в письменной части ВИЖ не вписывается в дефолтную теорию об их большей употребительности в устном модусе и требует исследования. В связи с этим, ниже мы приведем вначале более подробную информацию об анализируемом корпусе и типологии представленных финитных клауз с субъектом 1-го и 2-го лица. Далее мы перейдем к семантическим особенностям проанализированных высказываний и затем предложим объяснение наблюдаемому феномену.

2. Данные

Анализируемый корпус представляет собой 40 пар рассказов взрослых людей о смешном происшествии в их жизни. От каждого участника об одном и том же случае сначала был получен устный рассказ, затем, по прошествии двух недель, — письменный. Подробнее об организации корпуса см. сайт проекта <http://spokencorpora.ru/showcorpus.py?dir=02funny>.

При отборе данных для анализа из корпуса предварительно были исключены все случаи эмфатических и контрастивных субъектных местоимений (прежде всего, после союзов *а* и *но*), наподобие выделенных полужирным конструкций в (2).

(2) FS_19-f_sp:⁵

54. *и перед нами стоит абсолютно голый \мужчина.*

55. ... *И \смотрит на нас.*

56. ... ***А я смотрю на \него.***

57. ***А он на \нас смотрит.***

Кроме того, в письменном подкорпусе из конструкций с сочиненными сказуемыми в выборку включалась только первая предикативная клауза.

Общий объем оставшихся презентных финитных клауз с субъектом 1-го и 2-го лица составил 265 единиц, см. таблицу 2.

⁴ Здесь и далее + *pronoun* обозначает наличие местоимения, –*pronoun* — его отсутствие.

⁵ Номера записей и транскрипция (минимальный вариант) даны по корпусу ВИЖ.

3. Гетерогенность выборки

Выборка оказалась гетерогенной с точки зрения значений финитного презентного глагола. Среди них были представлены:

- Настоящее актуальное (вкрапления прямой речи персонажей и редкие обращения к интервьюеру):
- (3) FS_27-f_sp:
 34. — *Он такой говорит:*
 35. .. «А зачем **вы** /лезете,
 36. если \дверь открыта?»
- Настоящее одновременности (Плунгян 2011: 258):
- (4) FS_17-f_wr:
*Весной мы с мужем начали подготовку к летнему отдыху и поняли, что **не можем** найти его заграничный паспорт.*
- Настоящее абстрактное (Бондарко 1971: 59, Падучева 2010: 170):
- (5) FS_28-f_wr:
***Ездим** вместе мы часто.*
- Настоящее историческое (Praesens historicum):
- (6) FS_11-m_sp:
 81. *Вкалывают ээ /снотворное,*
 82. *и-и я \улетаю.*
 83. ... ***Просыпаюсь** я в палате,*
 84. *оттого что все на меня \смотрят.*
 85. ... ***Главное** я ничего **не** /помню,*
 86. *\спрашиваю:*
 87. «/Чего \случилось-то?»
- (7) FS_02-f_wr:
***Думаем**, что делать, **пытаемся**⁶ развернуться, но движение одностороннее (могут отобрать права), **пытаемся** сдать назад, но сдавать далеко — заметят... В итоге **паркуемся**, **выключаем** фары (**конспирируемся**), в полной тишине **закуриваем**, **думаем**, что делать и как жить дальше.*

⁶ Данные случаи с сочинительным сокращением подлежащего не включались в выборку, но приводятся для иллюстрации в составе целого фрагмента.

- Дискурсивные маркеры *знаешь/понимаешь* (Grenoble 2001: 9)

Самый широкий класс примеров составили формы настоящего исторического, при котором говорящий/пишущий как бы включает читателя/слушателя в то время, где находится сам (Падучева 2010: 289, Пискунова 2008: 204). При отдельном анализе примеров с *praesens historicum* было обнаружено то же соотношение моделей, что и для всего корпуса (χ -квадрат, p -value < 0,01), см. таблицу 2. Можно говорить, что именно эти конструкции вызвали необычное распределение у всего корпуса ВИЖ: при их исключении в письменном подкорпусе местоименная модель начинала преобладать.

Тип модели	Устный рассказ, вхождений	%	Письменный рассказ, вхождений	%
1 ⁷ PRS + pronoun	79	74%	15	40%
1 PRS –pronoun	28	26%	23	60%

Таблица 2. Наличие/отсутствие местоимений 1-го/2-го лица в независимых финитных клаузах с глаголом в *praesens historicum* по данным ВИЖ

В связи с этим ниже мы сосредоточимся только на клаузах с *praesens historicum*.

4. (Не)употребление субъекта в устном и письменном модусе в клаузах с настоящим историческим

Среди условий, дополнительно лицензирующих отсутствие эксплицитно выраженного подлежащего 1-го лица в независимых предложениях, можно назвать расположение в абсолютном начале клаузы (Madariaga 2018: 174–175), а также вхождение в «сквозную» тему некоторого фрагмента дискурса (McShane 2009: 120). Тем не менее подобные фрагменты с невыраженным подлежащим в корпусе ВИЖ в большей степени оказались присущи письменной части (см. (7)). Для устного же модуса в схожих кореферентных цепочках более частотной была местоименная модель, см. (6). Кроме того, в дискурсе одного и того же человека в схожих содержательных фрагментах в устном модусе местоимение периодически эксплицитно выражалось, а в письменном — опускалось (ср. (8a) и (8b)):

⁷ В силу семантики *praesens historicum* клаузы с субъектом 2-го лица в выборку не попали.

(8) a.FS_03-m_sp:

2. ... Ну /*вхожу я там*,
3. *взял себе .. ээ ... га-арниц .. к-какой-то,,,*
4. .. *и-и .. думаю*
5. «/Ну .. *вот .. нужно взять \ци у них*».

b.FS_11-m_wt:

Прихожу, заказываю себе второе какое-то и ци.

Можно видеть, что, несмотря на большую ассоциируемость с устной речью, в жанре устного нарратива модель с опущением местоимения не является основной. Подобные модели скорее характерны для диалога и кратких ответных реплик, но не для развернутого устного рассказа. Тем не менее, говорить, что данный жанр в принципе способствует эксплицитному выражению местоименного подлежащего, нельзя, поскольку письменные рассказы ВИЖ в этом случае в картину не впишутся. Очевидно, доминирование местоименной модели в 1-м лице — специфическая черта именно устного нарратива.

Нам представляется, что она обуславливается прагматикой заданной ситуации: в ряде случаев наличие эксплицитно выраженного «я» в устном рассказе выступает как элемент сближения говорящего и адресата (Фужерон, Брейар 2004: 164). Неэмфатическое субъектное местоимение 1-го лица выступает в этом случае как своего рода маркер вежливости. Напротив, последовательное опущение местоимения может придавать высказыванию резкий оттенок (там же: 163). С учетом того, что рамки корпуса ВИЖ предполагали вежливое взаимодействие интервьюера с информантом, доминирование местоименной модели в устном подкорпусе выглядит логичным выбором говорящего.

Наличие обратной картины в письменном подкорпусе также представляется результатом действия нескольких факторов. Прежде всего, данный подкорпус ВИЖ, в отличие от академического письменного текста, характеризуется высокой степенью неформальности. Последняя усиливается в связи с тем, что практически все вошедшие в выборку клаузы принадлежат текстам, авторы которых — люди в возрасте до 25 лет (возможно, что употребление *praesens historicum* в целом коррелирует с возрастом говорящего, поскольку более старшие информанты в корпусе предпочитали употреблять вместо него прошедшее время). По сути, здесь мы наблюдаем сочетание письменного модуса, прототипически ориентированного на местоименную субъектную модель, и неформального разговорного стиля, где имеется тенденция к опущению местоименных подлежащих, и при этом у пишущего уже нет ориентации на собеседника и адресата, как при устном нарративе. Последние два фактора «склоняют»

чашу весов в пользу неупотребления местоимения. С этой точки зрения, данное явление вписывается в концепцию о большем влиянии функционального стиля, в сравнении с модусом, на конкретные лексико-грамматические характеристики текста (Кибрик 2009: 16).

Таким образом, работа уточняет общую теорию о неупотреблении субъектных местоимений как черте исключительно разговорного и неформального дискурса. Во-первых, значимыми оказываются такие характеристики, как стиль и жанр текста. Во-вторых, дополнительная прагматика устной речи (ориентация на «сближение» с собеседником), в ряде случаев, наоборот, обуславливает «избыточное» присутствие местоимений.

Литература

- Бондарко А. В. 1971. *Вид и время русского глагола (значение и употребление)*. М.: Просвещение.
- Кибрик А. А. 2009. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов. *Вопросы языкознания*, №2, 3–21.
- Падучева Е. В. 2010. *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. 2-е изд. М.: ЯСК.
- Пешковский А. М. 2001. *Русский синтаксис в научном освещении*. 8-е изд., доп. М.: ЯСК.
- Пискунова С. В. 2008. Настоящее историческое как предмет дискурсивного анализа. В сб.: В. Ю. Гусев, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). *Исследования по теории грамматики*. Вып. 4: *Грамматические категории в дискурсе*. М.: Гнозис, 194–212.
- Плунгян В. А. 2011. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ.
- Фужерон И. И., Брейар Ж. 2004. Местоимение «я» и построение дискурсивных связей в современном русском языке. В сб.: Т. М. Николаева (отв. ред.). *Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей*. М.: ЯСК, 147–166.
- Grenoble L. 2001. *Conceptual reference points, pronouns and conversational structure in Russian*. *Glossos*, n. 1. <http://www.seelrc.org/glossos/issues/1/grenoble.pdf>
- Haegeman L. 1990. Non-overt subjects in diary contexts. In: J. Mascaro, M. Nespoor (eds.). *Grammar in progress*. Dordrecht: Foris, 167–174.
- Holmberg A., Nayudu A., Sheehan M. 2009. Three partial non-pro-drop languages: A comparison of Brazilian Portuguese, Finnish and Marathi. *Studia Linguistica*, v. 63, iss. 1, 59–97.
- Madariaga N. 2018. Diachronic change and the nature of pronominal null subjects: The case of Russian. A synchronic and diachronic perspective. In: F. Cognola, J. Casalicchio (eds.). *Null subjects in the generative grammar*. Oxford: Oxford University Press, 171–198.
- McShane M. 2009. Subject ellipsis in Russian and Polish. *Studia Linguistica*, v. 63, iss. 1, 98–132.
- Zdorenko T. 2009. Subject omission in Russian: A study of the Russian National Corpus. In: S. Th. Gries, S. Wulff, M. Davies (eds.). *Corpus-linguistic applications. Current studies, new directions*. Amsterdam; New York: Rodopi, 119–133.

Дискурсивная вытеснимость видовременных грамматических показателей в языке покомчи

И. А. Виноградов

Российский государственный гуманитарный университет;
happyojik@yandex.ru

Хорошо известно, что грамматические показатели отличаются от лексических элементов своей обязательностью. Важная особенность грамматических категорий заключается как раз в том, что говорящий обязан употребить одну из их граммем всякий раз, когда использует словоформу определенного класса (Плунгян 2011). Так, говоря на русском языке, мы непременно приписываем всякому существительному единственное или множественное число в силу того, что русские существительные имеют грамматическую категорию числа.

Из принципа обязательности бывают исключения, которые объясняются, в частности, контекстной вытеснимостью граммем (Даниэль, Плунгян 1996). Под этим термином понимается «запрет на дублирование лексической информации грамматическими средствами» (Плунгян 2011: 50). Так, в некоторых языках семьи майя определенные видовременные показатели могут опускаться под влиянием контекста (1).

(1) АКАТЕКСКИЙ (семья майя, канхобаланская ветвь, Гватемала)

b'euy *naj* *Xunik y-et* *ewi*
ходить.пешком CLF:MASC Хуан ЗPOSS-когда вчера
'Хуан вчера ходил пешком' (Zavala Maldonado 1992: 70).

В акатекском языке глагол имеет грамматическую категорию вида-времени, и любая глагольная словоформа в большинстве случаев содержит определенный видовременной показатель. Пример (1) иллюстрирует исключение из этого правила, поскольку глагол в этом предложении представлен лишь корневой морфемой *b'euy* 'ходить пешком' (с нулевым абсолютным показателем третьего лица единственного числа), без видовременного показателя. В данном контексте ожидалась бы форма *xb'euy* с перфективным префиксом *x-* (которая также допустима). Возможность опущения видовременного показателя в примере (1) объясняется наличием наречия времени *ewi* 'вчера' в том же предложении. Этот лексический

элемент однозначно задает временные рамки описываемой глаголом ситуации и тем самым делает грамматический показатель излишним.

В языке покомчи (семья майя, кичеанская ветвь, Гватемала) наблюдается «расширенная» версия контекстной вытеснимости граммом вида-времени, которую предлагается называть дискурсивной вытеснимостью. В этом случае видовременная характеристика ситуации не задается эксплицитно лексическими средствами, а однозначно следует из структурных особенностей дискурса. Результат при этом оказывается тем же самым: употребление грамматического видовременного показателя оказывается избыточным. Таким образом, становится возможной глагольная форма без видовременного показателя (2), хотя вне контекста информанты ее последовательно отвергают.

- (2) *Pon-ik i yejaal aq'ab'*
 приходит-REAL DEF середина ночь
 'Наступила полночь' (Vinogradov 2016: 211).

Предложение (2) является частью нарративного фрагмента, который представляет собой последовательность завершенных событий в прошедшем времени. Полная форма глагола была бы *xronik*, с префиксом перфектива *x-*, который в данном случае опущен. Глагольной форме как бы автоматически приписывается дефолтная для данного фрагмента повествования видовременная граммема, то есть перфектив. Никакая иная интерпретация данной глагольной формы, кроме перфективной, в этом отрезке нарративного дискурса невозможна.

Важно отметить, что опущение перфективного маркера не является обязательным. В том же тексте глагол *pon* 'приходить' встречается и с префиксом *x-*, как в примере (3).

- (3) *X-pon-ik i q'ij wo_chik b'yernes*
 PFV-приходить-REAL DEF день снова пятница
 'Снова наступила пятница' (Vinogradov 2016: 207).

По-видимому, опущение видовременного маркера не имеет каких-либо лексических или грамматических ограничений и встречается с любым классом глаголов и с любыми личными формами; ср. непереходный глагол в примере (2) и переходный глагол с эргативным личным показателем в примере (4).

- (4) *Eh ki-yuq'eej jeh sub'uul pan paat*
 и ЗPL.ERG-звать-TRANS DIR дьявол PREP дом
 'И они позвали дьявола [к себе] домой' (Vinogradov 2016: 210).

Поскольку для нарративного дискурса в целом характерно постоянство временной референции, разнообразие видовременных граммем, которые используются в диалогах и других дискурсивных жанрах, оказывается ненужным и может использоваться для других целей. Самой очевидной из таких целей оказывается обозначение границ эпизодов, формирующих внутреннюю структуру повествования. В частности, отмечалось, что во многих языках майя имперфективные формы часто используются в нарративном дискурсе для маркирования смены эпизода (Vinogradov 2017). В этом смысле опущение видовременного показателя — это маркирование отсутствия смены эпизода. Говорящий таким образом подчеркивает связь нового высказывания с предыдущим.

Явление дискурсивной вытеснимости грамматических показателей в языке покомчи характерно не только для нарративного дискурса. Ниже представлен фрагмент диалога (5), где в ответной реплике в глагольной форме опущен префикс перфектива.

- (5) а. *X-a-b'an* *wo' naq i k'aay?*
 PFV-2ERG-делать PART PART DEF продажа
 'Неужели ты продал (букв. «осуществил продажу») [коровьи шкуры]?'
 б. *Nu-b'an* *chaloq jale' r-eh q-ajaaw*
 1SG.ERG-делать DIR спасибо 3SG.POSS-DAT 1PL.POSS-отец
 'Продал (букв. «сделал»), спасибо Богу (букв. «нашему отцу）」'.

Лексическое окружение глагольной формы в примере (5б) не задает временных рамок ситуации. Видовременные характеристики ситуации определяются положением данного высказывания в дискурсе: это ответ на вопрос о завершённом событии в прошедшем времени, и поэтому перфективное прочтение словоформы *nub'an* является дефолтным.

Рассмотренные до сих пор примеры иллюстрировали опущение грамматического показателя перфектива. В определенных дискурсивных жанрах также могут опускаться показатели других видовременных граммем. Рассмотрим предложение (6), взятое из монолога ритуального специалиста во время традиционного сжигания подношений.

- (6) *Ayu' qa-sik'* *aw-uuk' qa-permiso*
 здесь 1PL.ERG-искать 2POSS-с 1PL.POSS-разрешение
 'Здесь у тебя мы ищем наше разрешение' (Vinogradov 2020).

Ритуальный дискурс имеет очень жесткую структуру, которая не допускает значительных отклонений. Основное содержание речи ритуального специалиста — это представление участников ритуала и описание

причин, по которым они собрались вместе, а также возвания к духам природы и сверхъестественным силам с целью передать им просьбы и проблемы земного мира и попросить о помощи. Ограниченность содержания определяет избыточность видовременных показателей и способствует их опущению. Предложение (6) является частью фрагмента, в котором ритуальный специалист представляет участников церемонии, описывая их род занятий и цели, с которыми они пришли к месту проведения ритуала. Видовые и временные характеристики ситуации не заданы в примере (6) ни лексическими, ни грамматическими средствами и никак не вытекают из более широкого контекста. Однако структура ритуального дискурса допускает в данном фрагменте лишь имперфективную интерпретацию. Как и в предыдущих примерах, это не означает, что опущение имперфективного показателя обязательно: словоформа *inqasik'* с префиксом имперфектива *in-* была бы также допустима.

Грамматическая категория вида-времени не ограничена в покомчи перфективом и имперфективом. Она также содержит граммему опатива, а для выражения будущего времени и прогрессивного аспекта существуют глагольные перифразы, которые включают вспомогательный предикат и номинализованную форму смыслового глагола. В ходе исследования встретились примеры дискурсивной вытеснимости только граммем перфектива и имперфектива, что связано, скорее всего, с морфосинтаксическими особенностями конкретных показателей.

Очевидно, явление дискурсивной вытеснимости граммем — это разновидность контекстной вытеснимости, с той лишь разницей, что грамматическое значение дублируется не лексическими средствами, а однозначно определяется самой дискурсивной ситуацией. Важным свойством дискурсивной вытеснимости является ее факультативный характер: она лишь позволяет опустить грамматический показатель, но не накладывает запрета на выражение соответствующего грамматического значения.

Как и в случае контекстной вытеснимости граммем, дискурсивная вытеснимость — это свидетельство недостаточной степени грамматикализованности на синхронном уровне. Префиксальная категория вида-времени в покомчи образовалась сравнительно недавно, и некоторые ее члены не до конца грамматикализировались. Эта гипотеза хорошо согласуется с предыдущими диахроническими исследованиями вида и времени в языках майя, которые свидетельствуют о том, что старая суффиксальная парадигма постепенно заменялась или дополнялась новой префиксальной (или препозитивной); например, см. Lehmann 2017 о диахронии видовременной системы юкатекского майя. Так, по-видимому, грамматические видовременные префиксы не реконструируются в протомайя (Kaufman,

Norman 1984). Препозитивная видовременная парадигма отсутствует в некоторых языках с наиболее консервативной глагольной системой: например, в иероглифическом майя (Law, Stuart 2017) и в чонтале. Наконец, в ряде языков некоторые грамматические препозитивные видовременные показатели имеют прозрачную морфологическую структуру, которая позволяет надежно установить их лексический источник.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; CLF — классификатор; DAT — датив; DEF — определённый артикль; DIR — дирекциональная частица; ERG — эргатив; MASC — мужской класс; PART — модальная частица; PFV — перфектив; PL — множественное число; POSS — показатель притяжания; PREP — предлог; REAL — реальный статус; SG — единственное число; TRANS — транзитивность.

Литература

- Даниэль М. А., Плунгян В. А. 1996. Обязательность и контекстная вытеснимость (к описанию грамматической периферии). *Известия РАН. Серия литературы и языка*, т. 55, №1, 61–66.
- Плунгян В. А. 2011. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ.
- Kaufman T., Norman W. 1984. An outline of proto-Cholan phonology, morphology, and vocabulary. In: L. Campbell, J. Justeson (eds.). *Phoneticism in Mayan hieroglyphic writing*. Albany: State University of New York, 77–166.
- Law D., Stuart D. 2017. Classic Mayan: An overview of language in ancient hieroglyphic script. In: J. Aissen, N. England, R. Zavala Maldonado (eds.). *The Mayan languages*. London: Routledge, 128–172.
- Lehmann C. 2017. Grammaticalization of tense/aspect/mood marking in Yucatec Maya. In: W. Bisang, A. Malchukov (eds.). *Unity and diversity in grammaticalization scenarios*. Berlin: Language Science Press, 173–237.
- Vinogradov I. 2016. El tesoro no recibido por miedo: dos cuentos mayas poqomchi'. *Tlalocan*, v. 21, 167–215.
- Vinogradov I. 2017. Los usos narrativos del incompletivo en algunas lenguas mayas. *Pueblos y Fronteras*, v. 12, n. 23, 194–212.
- Vinogradov I. 2020. Language of Poqomchi' (Mayan) offering ceremonies. *Amerindia*, v. 42, 103–134.
- Zavala Maldonado R. 1992. *El Kanjobal de San Miguel Acatán*. Ciudad de México: Universidad Nacional Autónoma de México.

Падежное маркирование как один из компонентов выражения информационной структуры в мансийском языке*

Д. О. Жорник

Институт языкознания РАН / МГУ имени М. В. Ломоносова;
daria.zhornik@yandex.ru

В обско-угорских языках наблюдается сложная система регулирования информационной структуры (ИС), которая задействует различные средства: субъектное и объектное спряжения, пассивный залог, набор дискурсивных частиц. Естественно, во всех этих конструкциях так или иначе участвует и падежное маркирование, однако оно оставалось на периферии внимания исследователей. В настоящей статье мы рассмотрим различные ИС-роли и их падежное маркирование в мансийском языке¹.

Общепринятое название падежа	Показатель	Пример склонения
Номинатив NOM	—	<i>xār</i> ‘лодка’
Латив LAT	<i>-n</i>	<i>xār-n</i> ‘в лодку’
Локатив LOC	<i>-t</i>	<i>xār-t</i> ‘в лодке’
Аблатив ABL	<i>-nəl</i>	<i>xār-nəl</i> ‘из лодки’
Инструменталис INS	<i>-l</i>	<i>xār-əl</i> ‘на лодке, лодкой’
Транслатив TRANS	<i>-y</i>	<i>xār-iy</i> ‘(стать) лодкой’

Таблица 1. Падежная система мансийского языка

В мансийском языке представлено шесть падежных граммем, и в именной словоформе падежный показатель занимает последнее место среди всех словоизменительных показателей и располагается после мар-

* Исследование поддержано грантом РФФИ №18-012-00833 «Динамика фонетических и грамматических систем обско-угорских языков» (рук. В. Ю. Гусев).

¹ Мансийский язык (< финно-угорские < уральские) распространен на территории ХМАО — Югры и Свердловской области и насчитывает около 1000 носителей. Далее под наименованием «мансийский язык» мы будем подразумевать северную его разновидность, поскольку остальные диалектные группы вымерли. Данные для статьи получены автором в ходе экспедиций 2017–2019 гг. в д. Ушма Свердловской области.

керов числа и посессивности: *xāp-ay-um-t* лодка-DU-POSS.1SG-LOC ‘в моей лодке’. Для упрощения картины в расположенной выше таблице представлены лишь основные алломорфы падежных показателей.

Перейдем к обсуждению функционирования системы регулирования ИС в мансийском языке и трех участвующих в ней падежей — «номинатива», «латива» и «инструменталиса». В дальнейшем тексте статьи во избежание терминологических условностей мы предпочитаем отказаться от этих ярлыков и называть «номинатив» морфологически немаркированной формой, «латив» — падежом на *-n*, а «инструменталис» — падежом на *-l*.

Все эти падежи имеют различные функции в зависимости от того, в каком типе конструкции они встречаются. Морфологически не маркированная падежным показателем форма может встречаться в позиции подлежащего (≈ номинатив), прямого дополнения (≈ аккузатив), приименного зависимого (≈ генитив).

- (1) *jā ta pal-t kol ūnl-i*
 река тот сторона-LOC дом сидеть-NPST[3SG]
 ‘На той стороне реки стоит дом’.
- (2) *am ti kol ūnt-t-əs-l-um*
 1SG этот дом сесть-TR-PST-SG.O-1SG.S
 ‘Я тот дом построил’.
- (3) *kol ala-n xaŋx-uŋkw at=rōw-i*
 дом крыша-LAT залезть-INF NEG = можно-NPST[3SG]
 ‘На крышу дома нельзя залезать’.

Обратим внимание на пример (2): в глаголе представлен показатель объектного спряжения. В дальнейшем для нашего обсуждения нам потребуется общее понимание того, по какому принципу выбирается тип спряжения в переходной конструкции. В мансийском языке для основного топика² зарезервирована синтаксическая позиция подлежащего, а в синтаксической позиции прямого дополнения могут оказываться именные группы, находящиеся либо в фокусе, либо во вторичном топике. В случае, если такая именная группа находится в фокусе, делается выбор в пользу субъектного спряжения, как в (4). Если же прямое дополнение представляет собой вторичный топик (а в фокусе, таким образом, оказывается лишь сам предикат), то глагол согласуется с ним по числу, присоединяя флексии объектного спряжения, как в (5). Если же «исходное» прямое дополнение оказывается основным топиком, выбирается пассивная конструкция.

² В статье мы используем термины топика и фокуса по Lambrecht 1994, вторичного топика — по Nikolaeva 2001.

(4) *am akw xūl puw-s-um*

1SG один рыба поймать-PST-1SG

‘(Я сходил на рыбалку и) поймал одну рыбу’.

(5) *am ti xūl puw-as-l-um*

1SG этот рыба поймать-PST-SG.O-1SG.S

‘(Я очень долго хотел поймать одну конкретную рыбу, всем об этом рассказывал и) я эту рыбу поймал’.

Падеж на *-n* в активной конструкции (о пассивном залоге см. далее) встречается в двух основных типах контекстов: с неодушевленными именами он маркирует семантическую роль Цели (6), а с одушевленными — Реципиента, Бенефактива или Адресата (7).

(6) *am wōr-n min-as-um*

1SG лес-LAT пойти-PST-1SG

‘Я пошел в лес’.

(7) *am taw-e-n nēpak mi-s-l-um*

1SG 3SG-POSS.3SG-LAT бумага дать-PST-SG.O-1SG.S

‘Я ему дал книгу’.

Падеж на *-l* в сочетании с неодушевленными именами маркирует семантическую роль Инструмента (8), с одушевленными — Комитатива (9).

(8) *am sāyrap-əl ul’l’uw sāyr-ēy-um*

1SG топор-INS дрова рубить-NPST-1SG

‘Я рублю дрова топором’.

(9) *mēn sōn’a-l wōr-n min-as-mēn*

1DU Соня-INS лес-LAT пойти-PST-1DU

‘Мы с Соней пошли в лес’.

Оба эти падежа могут также встречаться в пассивных и битранзитивных конструкциях. В пассивной конструкции «исходное подлежащее» соответствующей активной конструкции может получать свое выражение с помощью имени в падеже на *-n*, и это наиболее распространенная стратегия (10).

(10) *tī xār anum-n³ wār-we-s*

этот лодка 1SG.OBL-LAT делать-PASS-PST[3SG]

‘Эту лодку я сделал’.

³ Падежные формы личных местоимений в мансийском языке образуются присоединением к основе личного местоимения посессивного показателя соответствующего лица и числа, к которому прибавляется собственно падежный показатель.

Однако если в позиции исходного подлежащего находился не одушевленный деятель, а, например, неодушевленный Эффектор, то предпочтительным оказывается его маркирование не падежом на *-n*, а падежом на *-l*:

- (11) *āwi* [?]*wōt-na* / *wōt-əl* *pāliy* = *wōt-amt-awe-s*
 дверь ветер-LAT ветер-INS врозь = ветер-ASP-PASS-PST[3SG]
 ‘Ветром дверь настежь раскрыло’.

Что касается ИС-статуса участников, маркированных этими падежами в пассивной конструкции, то стоит сказать, что этот Агенс или Эффектор при пассиве выражается, если он находится в фокусе. Обобщим информацию, изложенную выше, в следующей таблице, для упрощения обозначив участников ситуации с двумя аргументами как Агенс и Пациенс.

	Агенс	Пациенс
Основной топик (ОТ)	Немаркированная форма, субъектное согласование с глаголом в активном залоге	Немаркированная форма, субъектное согласование с глаголом в пассивном залоге
Вторичный топик (ВТ)	—	Немаркированная форма, объектное согласование с глаголом в активном залоге
Фокус (Ф)	Падеж на <i>-n/-l</i> , отсутствие согласования с глаголом в пассивном залоге	Немаркированная форма, отсутствие согласования с глаголом в активном залоге

Таблица 2. ИС и морфологическое маркирование в ситуациях с двумя участниками

Если при пассиве появление падежа на *-n* гораздо более ожидаемо и частотно, чем возникновение падежа на *-l*, то в битранзитивных конструкциях мы можем с достаточной частотой наблюдать оба эти падежа.

Для упрощения будем считать, что в дитранзитивной ситуации имеется Агенс, Пациенс и Бенефактив. Мы не будем приводить примеры на все возможные комбинации семантических ролей и ИС-статусов, но отметим, что участник, являющийся основным топиком, будет занимать позицию подлежащего, вторичным топиком — прямого дополнения, фокусом — дополнения в падеже на *-n* или *-l*.

- (12) *am piḡ-na* *nēpak* *mī-s-l-um*
 1SG сын-LAT книга дать-PST-SG.O-1SG.S
 ‘Я дал юноше книгу’.

- (13) *am ti piṅ nēpak-əl mi-s-l-um*
 1SG этот сын книга-INS дать-PST-SG.O-1SG.S
 ‘Я этому юноше книгу дал’.

	Агенс	Пациенс	Бенефактив
OT	Немаркированная форма, субъектное согласование с глаголом в активном залоге	—	Немаркированная форма, субъектное согласование с глаголом в пассивном залоге
BT	—	Немаркированная форма, объектное согласование с глаголом в активном залоге	Немаркированная форма, объектное согласование с глаголом в активном залоге
Ф	Падеж на <i>-n</i> , отсутствие согласования с глаголом в пассивном залоге	Падеж на <i>-l</i> , отсутствие согласования с глаголом в активном залоге	Падеж на <i>-n</i> , отсутствие согласования с глаголом в активном залоге

Таблица 3. Соответствие семантических ролей и ИС в битранзитивных конструкциях

Таким образом, падеж на *-n* и падеж на *-l* представляют собой средства маркирования фокусного участника в конструкциях с более чем двумя участниками, а также в пассивной конструкции. Немаркированная форма в сочетании с объектным спряжением и пассивным залогом используется для обозначения позиций основного топика, вторичного топика и фокуса в конструкциях, где участников не более двух, однако в конструкциях с тремя участниками этих средств хватает лишь для выражения наиболее приоритетных позиций — основного и вторичного топика. Маркирование участника в фокусной позиции осуществляется с помощью падежа на *-n* и падежа на *-l*, причем выбор падежа во всех приведенных случаях зависит, на наш взгляд, от одушевленности участника (часто это также скоррелировано с его семантической ролью). Таким образом, в фокусной позиции в вышеуказанных конструкциях падеж на *-n* обозначает одушевленного участника, а падеж на *-l* — неодушевленного.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — показатели лица; ABL — аблатив; ASP — аспектуальный суффикс; DU — двойственное число; INF — инфинитив; INS — инструменталис; LAT — латив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; O — показатель числа объекта; OBL — косвенная основа; PASS — пассивный залог; PL — множественное число; POSS — посессивный показатель; PST — прошедшее время; REFL — рефлексив;

S — показатель лица и числа субъекта; SG — единственное число; TR — транзитивизатор; TRANS — транслатив.

Литература

- Lambrecht K. 1994. *Information structure and sentence form. Topic, focus, and the mental representations of discourse referents*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nikolaeva I. 2001. Secondary topic as a relation in information structure. *Linguistics*, v. 39, n. 1, 1–50.

Эвиденциальные формы северного мансийского: дискурсивные функции в ареальной перспективе

А. Ю. Урманчиева

Томский государственный университет; urmanna@yandex.ru

Am naŋ-èn sāt-él pojki-lèm
я ты-DLAT счастье-INSTR просить[PRS]-SG < 1SG
'Ich wünsche dir Glück!'
(Kálmán, Munkácsi 1985: 566)

В этой статье мне хотелось бы коснуться двух тем — из множества тех, которые возникли в моей научной жизни благодаря совместной работе с юбиляром. Во-первых, это дискурсивные функции глагольных форм — точнее, эвиденциальных форм (редкое описание которых сейчас обходится без ссылки на его работы). Вторая тема — это мансийский язык. Так случилось, что мне посчастливилось принимать участие в двух Володиных проектах, посвященных этим темам: «когда деревья были большими», мы делали вместе сборник «Глагольные категории в дискурсе» (Гусев и др. (ред.) 2008), сейчас я работаю в ТГУ в его проекте, посвященном языковой и культурной истории манси.

В мансийском языке (обско-угорские < угорские < уральские) выделяется несколько диалектных групп: северная (по рекам Сосьва и Лозьва), южная (по р. Тавда), восточная (по р. Конда) и западная (по рекам Пелым и Вагиль). Южные и западные диалекты исчезли уже в начале XX века, восточные просуществовали несколько дольше, приблизительно до середины прошлого столетия; таким образом, в настоящее время сохраняются только мансийские идиомы северной диалектной группы. Именно их материал анализируется в этой работе. Тем не менее, тексты записаны на всех диалектах мансийского, что позволяет проводить сопоставление данных всех территориальных вариантов.

В северных мансийских диалектах существует две эвиденциальные формы, описанные в Ромбандеева 1973: 137–144 как «наклонение неочевидного действия». Эти формы образованы на основе причастий: перфективного активного (с показателем *-m*), перфективного пассивного (с пока-

зателем *-ima*) и имперфективного (с показателем *-n*). Формы, образованные на основе перфективных причастий, имеют референцию к прошлому, образованные на основе имперфективных причастий — к настоящему. Далее я буду писать только о тех формах, которые образованы на основе перфективных причастий. Все примеры (кроме отмеченных специально) — из мансийского корпуса проектов «Ob-Ugric languages» и «Ob-Ugric database (<http://www.babel.gwi.uni-muenchen.de>).

Собственно эвиденциальные значения форм на *-m* и *-ima* в мансийском — это прежде всего инферентив (1), (2), репортатив (3), а также развившееся на базе эвиденциального миративное значение (4), (5), (6):

- (1) *an' mayi tan joxnete* *kastəl ayite*
сейчас 3PL приехать-PTCP.PRS-3SG до дочь-SG < 3SG
s'opit-am-te
приготовить-MIR.PST-SG < 3SG
'Когда они приехали, его (= царя) дочь уже **собрали**' (текст 1234).
- (2) *kona k^wal-s-əy* *kut'uw-en* *sjama pur-ime*
наружу.выйти-PST-3DU собака-SG < 3DU насмерть покусать-MIR.PASS[3SG]
'Они наружу вышли, собаку их, оказывается, насмерть **загрызли**'
(текст 1234).
- (3) *Пес порат ань йив нял-ил хайтнут алыгл-ыма.*
старый когда вот дерево стрела-INSTR волк добыть-MIR.PASS[3SG]
Ань хайтнут хайт-ыма-тэ, нял-ин пат-ыма.
вот волк бежать-CVB-3SG стрела-DLAT попасть-MIR.PASS[3SG]
Пес порат маколынэ ойка ос нял-ин агл-ыма,
старый когда медведь тоже стрела-DLAT добыть-MIR.PASS[3SG]
йив нял-ин.
дерево стрела-DLAT
'Раньше на волков **охотились** деревянными стрелами. Вот волк бежит, стрелой **попадают**. Раньше и на медведя стрелами **охотились**, деревянными' (Скрибник 1998: 208).
- (4) *keliy xuliyl-an* *ma:-te-t* *wor kol o:l-um*
болото появиться-PTCP.PRS место-SG < 3SG-LOC лес дом быть-MIR.PST[3SG]
'На том месте, где появилось болото, лесной дом **стоит**' (текст 1235).
- (5) *n'ila xor lomt at xol-am-t,*
четыре юкола кусок NEG кончиться-MIR.PST-3PL
райр-эн та pin-s-ane,
берестяная.сума-DLAT EMPH положить-PST-PL < 3SG

n'ila woj pul os xul't-m-ət.

четыре жир кусок тоже остаться-MIR.PST-3PL

‘[У четверых путников появилось четыре кусочка волшебной юколы, четыре кусочка волшебного жира. Они ели, ели.] Четыре кусочка юколы **не кончились**, они положили их в берестяную суму, четыре кусочка жира тоже **остались**’ (текст 1235).

(6) *ak^w pal tor-əl lap tayat-ime*

один сторона льняной.ткань-INSTR к повесить-MIR.PASS[3SG]

‘Угол был **завешен** льняной тканью’ (текст 1234).

Примеры (1)–(6) — из северного диалекта мансийского. В других диалектах значения косвенной эвиденциальности не выражаются: в соответствующих контекстах используются формы прямой засвидетельствованности, ср. (7) для пелымского диалекта, (8) для кондинского, (9) для тавдинского:

(7) *an's'əx nuŋk t'i ken's'eqət-əs,*

старик вверх EMPH проснуться-PST[3SG]

latt-i kuml'ə am tusku:r-əm pæli'sayrəkət-s

сказать-PRS[3SG] как 1SG губа-SG < 1SG порезать-PST[3SG]

‘Старик проснулся, говорит: как это мне губу **порезали?**’ (текст 1262).

(8) *joxt-əs. sonsil-i-tə øqer nəsə næ:r-nə*

прийти-PST[3SG] смотреть-PRS-SG < 3SG запор что-DLAT

pörtəjirøqət-wə-s

разломать-PASS-PST[3SG]

‘Пришел. Смотрит: запор (= приспособление для рыбной ловли) кем **сломан?**’ (текст 1549).

(9) *koláit noŋ-kwál-s koltám sálkán ikám*

утром вверх-проснуться-PST[3SG] постель репа нет

jíl tolmánt-ō-s

прочь украсть-PASS-PST[3SG]

‘Утром проснулся — грядки репы нет, **украдена**’ (текст из Kannisto, Liimola 1956, 154–174, цит. с сайта проекта «Tavda Mansi language» <https://norbertszilagyi91.wixsite.com/tawdamansi>).

Таким образом, в северном мансийском диалекте — и из всех мансийских диалектов только в нем — есть эвиденциальная парадигма, сформировавшаяся на основе финитного употребления причастий. Рассмотренные выше формы, восходящие к перфективным причастиям, имеют значение инферентива либо репортатива. Для обсуждения дискурсивных

функций этих эвиденциальных форм для нас важно именно второе значение (в Skribnik, Kehayov 2018 говорится, что в современном языке эвиденциальные значения, в том числе репортатив, воспринимаются информантами как некоторая архаика, и ведущим остается значение миратива; тем не менее, репортативное значение отмечал у этих мансийских форм, например, и Б. Кальман (1976: 44)).

Употребление эвиденциальных форм в нарративе в особых дискурсивных функциях нехарактерно для обско-угорских языков; гипотетически можно было бы ожидать их употребления в интродуктивной функции¹, в начальном фрагменте повествования (как в самодийских языках), однако таких примеров нет. Тем не менее, в мансийском корпусе есть текст, в котором формы на *-m* и на *-ima* выступают в секвентной функции, то есть используются для описания ситуаций основной сюжетной линии:

- (10) *ji:wɛiʲ alyalʲ ma:xəm o:l-mə-t xo:nt-na*
Ивдель верховья люди быть-MIR.PST-3PL войско-DLAT
jox-t-ime-t pusən al-ime-t
поймать-MIR.PASS-3PL все убить-MIR.PASS-3PL
ak^w a:yi ariyt-əm oj-am xa:p-ən
один девочка остаться-MIR.PST[3SG] убежать-MIR.PST[3SG] лодка-DLAT
ta:lmat-am lo:ŋxalʲ tow-əm
сестр.в.лодку-MIR.PST[3SG] вниз.по.течению грести-MIR.PST[3SG]
xosa man wa:tji towə-s ti jaktəl-n ti
долго или недолго грести-PST[3SG] этот стремнина-DLAT EMPH
jox-t-əm jaxtəl puŋk-ət tu:p-e po:ri
дойти-MIR.PST[3SG] стремнина голова-LOC весло-3SG через
pinəmt-m-tə olən sʲimsʲak-aɣə palʲ-aɣə-nəl
положить-MIR.PST-SG < 3SG серебро серьга-DU < 3SG ухо-DU < 3SG-ABL
xot ley-mat-m-aɣə xa:p kit pal mu:s
изнутри вытащить-MIR.PST-DU < 3SG лодка два половина вдоль
wit-ən sʲe:lt-amt-am-aɣə ...
вода-DLAT бросить-МOM-MIR.PST-DU < 3SG

‘В верховьях Ивдели жили люди, на них напали враги и всех убили. Одна девушка осталась, убежала, села в лодку, стала грести вниз по течению. Долго ли, коротко ли она гребла — доплыла до стремнины. В верху стремнины она положила весла вбок, сняла свои серебряные сережки и бросила их воду по обеим сторонам от лодки’ (текст 753).

¹ Для описания дискурсивных функций глагольных форм здесь и далее используются термины из Плунгян 2008.

Логичнее всего предположить, что подобная нарративная стратегия — использование эвиденциальных форм в секвентной функции — связана с таким собственно эвиденциальным значением этой формы, как репортаж: рассказчица передает историю, известную ей с чужих слов. Самое интересное здесь, однако, не в причинах, по которым форма с репортажным значением может употребляться в секвентной функции. В корпусе есть еще несколько текстов от этой же рассказчицы: сказка и случай в лесу. Однако в них представленная в (10) нарративная стратегия, построенная на употреблении форм косвенной эвиденциальности, не используется. И тут необходимо сказать о еще одной возможной функции дискурсивных форм, в Гусев и др. (ред.) 2008 не обсуждавшейся. Как показано в Урманчиева 2019 для нганасанского и северных говоров селькупского, в Урманчиева, в печати также для некоторых вариантов ваховского диалекта хантыйского, глагольные формы могут использоваться для троичного противопоставления текстов разных жанров. А именно, разный набор глагольных форм используется для рассказывания а) сказок, б) историй из жизни, в) исторических преданий. В нганасанском и северном селькупском, где существуют специализированные формы репортажа (не совпадающие с инферентивом), именно они используются для исторических преданий — историй, бытующих в определенном социуме. Одним из важных признаков исторических преданий является то, что они имеют для рассказчиков вполне конкретные привязки: к членам социума предыдущих поколений, к конкретным местам, где разворачивались события. Это, так сказать, истории, хронологически и территориально неразрывно связанные с данным сообществом. Тут следует обратить внимание на то, что северный мансийский текст, фрагмент которого процитирован в (10), тоже является историческим преданием и начинается именно с такой локализации описываемых событий: *ji:wtil' alyal'* 'в верховьях Ивдели'².

Рассмотренный в этой статье сюжет, тем самым, интересен с двух точек зрения. Во-первых, это очередная иллюстрация особой дискурсивной функции глагольных форм, практически не попадающей в поле зрения исследователей (в силу типологической редкости): глагольные формы могут использоваться в нарративе не только для выделения в тексте фрагментов с различными дискурсивными функциями (интродуктивной, фоновой, секвентной, ...), но и для противопоставления текстов различных жанров.

² Насколько я могу судить в настоящее время, в мансийском особая дискурсивная стратегия может использоваться для исторических преданий, но сказки и персональные нарративы друг другу не противопоставлены.

Во-вторых, типологическая нетривиальность засвидетельствованного для мансийского явления ставит вопрос о том, нельзя ли рассматривать его как маркер ареальных связей. Действительно, использование репортатива как основной формы с секвентной функцией в исторических преданиях встречается, помимо северного мансийского, в нганасанском и северных идиомах селькупского (в восточных диалектах хантыйского в исторических преданиях также используются особые глагольные формы, однако они не имеют эвиденциальной семантики и диахронически являются, видимо, скорее аспектуально-темпоральными). Очевидно, что на современной лингвистической карте Западной Сибири эти языки не находятся в непосредственном контакте; однако наличие типологически нетривиальных общих явлений может свидетельствовать либо о контактах в более отдаленной исторической перспективе, либо о гипотетическом субстратном влиянии, общем для нескольких языков.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ABL — аблатив; CVB — конверб; DLAT — датив-латив; DU — двойственное число; EMPH — единица с эмфатическим значением; INSTR — инструменталис; LOC — локатив; MIR — форма косвенной засвидетельствованности; MOM — семельфактив; NEG — отрицание; PASS — пассив; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; SG — единственное число.

Литература

- Гусев В. Ю., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.). 2008. *Исследования по теории грамматики*. Вып. 4: *Грамматические категории в дискурсе*. М.: Гнозис.
- Плунгян В. А. 2008. Предисловие: дискурс и грамматика. В сб.: Гусев и др. (ред.). 2008, 7–34.
- Ромбандеева Е. И. 1973. *Мансийский (вогульский) язык*. М.: Наука.
- Скрибник Е. К. 1998. К вопросу о неочевидном наклонении в мансийском языке: структура и семантика. В сб.: Н. Б. Кошкарева (ред.). *Языки коренных народов Сибири*. Вып. 4. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 197–215.
- Урманчиева А. Ю. 2019. Нарративные стратегии как свидетельство возможного контакта: тазовский селькупский и нганасанский. *Вопросы языкознания*, №3, 84–100.
- Урманчиева А. Ю. Использование глагольных форм для структурирования нарратива и маркирования текстов различных жанров в диалектах хантыйского. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, в печати.
- Kálmán B. 1976. *Wogulische texte mit einem Glossar*. Budapest: Akadémiai Kiadó.

- Kálmán B., Munkácsi B. 1985. *Wogulisches Wörterbuch*. Gesammelt von Bernát Munkácsi, geordnet, bearbeitet und herausgegeben von Béla Kálmán. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1986
- Kannisto, A., Liimola M. 1956. *Wogulische Volksdichtung*. Gesammelt und übersetzt von Artturi Kannisto, bearbeitet und herausgegeben von Matti Liimola. Bd. III (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 111). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Skribnik E., Kehayov P. 2018. Evidentials in Uralic languages. In: Alexandra Y. Aikhenvald (ed.). *The Oxford handbook of evidentiality*. Oxford: Oxford University Press, 525–553.

В результате вышел фокус

Кс. П. Семёнова

МГУ имени М. В. Ломоносова; k.semion@philol.msu.ru

В этой заметке собраны воедино и увенчаны некоторой дерзкой гипотезой известные автору факты об аналитических глагольных формах в истории армянского языка. Адресату, впрочем, всё излагаемое ниже известно ничуть не хуже, поскольку вся научная, с позволения сказать, деятельность автора неизменно протекает под чутким руководством означенного адресата. Автор также отдаёт себе отчёт в том, что настоящая зарисовка никак не заменит текста диссертации (что было бы, разумеется, лучшим подарком).

1. Глагольный аналитизм в древнеармянском языке

Все формы индикатива и конъюнктива в древнеармянском являются синтетическими за исключением редких (не более 5% от общего числа финитных употреблений) конструкций двух типов: сочетаний вспомогательного ‘быть’ с причастием на *-eal* (далее для краткости $PTCP_{RES} + AUX$), с одной стороны, и с причастием на *-loc* ($PTCP_{FUT} + AUX$), с другой.

Исследование проводится на материале текстов четырёх Евангелий, представленных на сайте проекта PROIEL (<http://foni.uio.no:3000>).

$PTCP_{RES} + AUX$ в зависимости от формы вспомогательного глагола являются перфектом ($AUX.PRES$), плюсквамперфектом ($AUX.PAST$) или же выражают некоторый футурально-модальный комплекс значений ($AUX.CON^1$), охарактеризовать который детальнее мы на данный момент не готовы. Исследовательский корпус насчитывает 128 перфектных контекстов, 133 — плюсквамперфектных и 49 — со связкой в форме презенса конъюнктива. Соответствующие употребления проиллюстрированы в (1)–(3).

- (1) *or oc' hawata-y i na ardēn isk datapart-eal ē*
REL не верить-PRES.3SG PREP он уже и судить- $PTCP_{RES}$ AUX.PRES.3SG
'<Верующий в Него не судится,> а неверующий уже **осужден**'
(Ин. 3:18).

¹ Здесь вспомогательным глаголом выступает не только ‘быть’, но и ‘становиться’.

- (2) *Ew and ēr ayr mi*
 и там быть.PAST.3SG мужчина один
or-oy jeřn iwr gawsac'-eal ēr
 REL-GEN.SG рука свой сохнуть-PTCP_{RES} AUX.PAST.3SG
 'Там был человек, имевший **сухую** руку' (букв.: 'чья рука **была высохшей**') (Мф. 12:10).
- (3) *zi ur ic'en erku kam erek' žotov-eal y = anun im*
 ведь где AUX.CON.3PL два или три собраться-PTCP_{RES} PREP = имя мой
and em es i meř noc'a
 там быть.PRES.1SG я PREP между он.GEN.PL
 'Ибо, где двое или трое **собраны** во имя Мое, там Я посреди них' (Мф. 18:20).

Все три употребления интересующей нас конструкции, как можно видеть, имеют результативную семантику, и такой выбор примеров здесь не случаен.

Древнеармянский перфект, без преувеличений, может служить идеальным наглядным пособием по возникновению этой категории из результатива — порядка 70% контекстов демонстрируют именно результативное употребление, однако же показатель *-eal* уже имеет более широкую лексическую дистрибуцию, сочетаясь с предикатами, обозначающими неопределённые процессы, что, в частности, позволяет надёжно фиксировать и классы стативных (ср. (4)) и экспериенциальных (ср. (5)) значений².

- (4) *bazm-eal ē i tan p'arisec'-woy = n*
 сидеть-PTCP_{RES} AUX.PRES.3SG PREP дом.LOC фарисей-GEN.SG = DEF
 '<узнав, что> Он **возлежит** в доме фарисея' (Лк. 7:37)
- (5) *zi hing ayr p'ox-eal ē k'o*
 ведь пять мужчина менять-PTCP_{RES} AUX.PRES.3SG ты.GEN
 'ибо у тебя **было** пять мужей' (букв.: 'пятерых мужей **сменено** у тебя') (Ин. 4:18)

Заметная часть употреблений форм плюсквамперфекта представляет собой «перфект в прошлом» — это результативные, стативные и экспериенциальные контексты (с преобладанием результативных — почти 50% от общего числа вхождений конструкции PTCP_{RES} + AUX.PAST). Наряду с этим «плюсквамперфект может выражать таксисное предшествование, ирреальные значения (гипотетического/контрафактического условия и гиппо-

² Подробнее о перфекте в древнеармянском см. Семёнова 2016.

тетического/контрафактического следствия), кластер значений, которые можно отнести к антирезультативной зоне (отсутствие события/состояния, отменённый результат)» (Семёнова 2019: 96).

Конструкции $PTCP_{RES} + AUX.CON$, как было сказано, выражают широкий спектр модальных значений; для наших целей сейчас существенно, что результативная семантическая доминанта характерна и для этого класса случаев.

Второй тип аналитических глагольных форм в древнеармянском представлен немногочисленными (66 вхождений в текстах Евангелий) сочетаниями вспомогательного глагола 'быть' с причастием на *-loc'*:

- (6) *sksaw ase-l noc'a z = inc' anc'-k'*
 начать.AOR.3SG говорить-INF они.DAT z = что событие-NOM.PL
anc'ane-loc' ic'en and na
 проходить- $PTCP_{FUT}$ AUX.CON.3PL с он
 'Подозвав двенадцать, Он опять начал им говорить о том, что **будет** с Ним' (Мк. 10:32).

В большинстве работ по арменистике данная конструкция описывается скорее как дебитив (ср. Meillet 1936: 128, Туманян 1971: 412, Godel 1975: 38, Thompson 1989: 77). Нельзя не отметить при этом, что в 29 случаях из 66 $PTCP_{FUT} + AUX$ соответствует древнегреческой проспективной конструкции с $\mu\acute{\epsilon}\lambda\lambda\omega^3$ ((6) как раз является одним из таких примеров). Таким образом, здесь мы вновь, как и в ситуации с $PTCP_{RES} + AUX.CON$, имеем дело с выражением ряда футурально-модальных значений в рамках одной грамматической формы.

Кратко остановимся ещё на двух существенных для наших целей аспектах. Речь идёт о линейном порядке элементов $PTCP$ и AUX и их контактном vs. дистантном расположении.

В случае с $PTCP_{RES} + AUX$ можно наблюдать следующую закономерность. Связка тяготеет к контактному постпозиционному употреблению (таковы 237 случаев из 310; всего контекстов со связкой в постпозиции — 243). В 67 случаях связка линейно предшествует причастной форме, 39 из них — это контексты с отрицанием (лексическим, в сочетаниях с *oc'* 'не', *č'ew* 'ещё не', либо грамматическим, с клитизованной отрицательной формой связки *č' = et*, *č' = es* и т. д.).

³ Всего в древнегреческих текстах Евангелий проспектив с $\mu\acute{\epsilon}\lambda\lambda\omega$ встречается 36 раз, так что процент соответствия между глагольными формами оригинала и перевода в данном случае велик (в целом же для древнеармянского это скорее нехарактерно).

Класс контекстов с РТСР_{FUT} + AUX гораздо более гомогенен с этой точки зрения — связка всегда употребляется в контактной постпозиции к причастию (и никогда не сочетается с показателями отрицания).

2. Глагольный анализизм в современном восточноармянском языке

В современном восточноармянском языке аналитическими являются все формы изъявительного наклонения за исключением аориста⁴ (подробнее об устройстве глагольной парадигмы см. Плуноян 2006 и Plungian 2018). Они представляют собой сочетание деепричастия (образуемого от основы при помощи показателей имперфектива *-um*, перфекта *-el*, результата *-ac* и дестинатива *-lu*) и вспомогательного глагола ‘быть’.

Мы остановимся — крайне пунктирно, лишь в виде констатации — на одной яркой черте аналитических форм, а именно, на механизме фокусного маркирования, представленном в современном восточноармянском языке. Говоря коротко, вспомогательный глагол в этом случае выступает в роли фокусного показателя и употребляется в постпозиции к фокусному аргументу (ср. (7)). Этому явлению посвящена обширная литература, начиная с Comrie 1984 и заканчивая, например, недавней статьёй Giorgi, Haroutyunian 2016.

- (7) *Erb kard-um em Tolstoy-i = n, Flober-i = n <...>*,
 когда читать-IPFV AUX.PRES.1SG Толстой-OBJ = DEF Флобер-OBJ = DEF
ansahman hačuyk' em zg-um <...>.
 бесконечный удовольствие AUX.PRES.1SG чувствовать-IPFV
Bayc' erb DOSTOEWSK-U = N em kard-um,
 но когда Достоевский-OBJ = DEF AUX.PRES.1SG читать-IPFV
zg-um em mi anhangstut'yun,
 чувствовать-IPFV AUX.PRES.1SG INDEF беспокойство
or-i meġ amen inč' ka.
 REL-GEN в каждый что иметься.PRES.3SG
 ‘Когда я **читаю** Толстого, Флобера, <...>, я испытываю бесконечное удовольствие <...>. Но вот когда я **читаю** ДОСТОЕВСКОГО — я чув-

⁴ Реликтовый синтетический презенс и претерит в индикативе сохранили также некоторые стативные глаголы.

Безусловный интерес представляет вопрос о причинах такого распространения аналитических глагольных форм в истории армянского языка. Вероятно, контактное влияние мог оказать среднеперсидский с его богатой развитой системой глагольного анализизма.

ствую какое-то всеобъемлющее беспокойство' (Карпис Суренян «Сыновья солнца», 1979; перевод мой — кс)⁵.

Нейтральным в повествовательных утвердительных предложениях является порядок, при котором вспомогательный глагол непосредственно следует за деепричастием (при этом допустимы как SOV, так и SVO; подлежащее, выраженное личным местоимением, может опускаться, как, собственно, в (7) выше). В отрицательных высказываниях показатель отрицания клитизуется со вспомогательным глаголом, и весь комплекс перемещается в препозицию к деепричастию — *kardum em* 'я читаю' vs. *č'em kardum* 'я не читаю'. В вопросительных предложениях вспомогательный глагол всегда занимает позицию после вопросительного слова (ср. (8b)) либо, в случае общего вопроса, после элемента, к которому вопрос относится.

В примере (7) мы видим нейтральный порядок элементов аналитической глагольной формы в первой клаузе (*kardum em Tolstoyin, Floberin, ...*). Во втором предложении 'Достоевский' является фокусом контраста, что находит отражение в линейном порядке — вспомогательный глагол помещён в позицию после прямого дополнения. Инверсия *hačuyk' em zgum* 'чувствую удовольствие', на наш взгляд, оформляет актуальное членение, вводя испытываемые ощущения в качестве ремы (ср. возвращение к нейтральному порядку *zgum em anhangstut'yun* 'чувствую беспокойство' в последней клаузе).

3. Гипотеза о возникновении механизма фокусного маркирования в армянском языке

Анализ древнеармянских примеров с аналитическими глагольными формами позволяет заключить, что представленный в современном восточноармянском языке механизм фокусного маркирования в грабаре развит не был. Надёжным образом это подтверждают частно-вопросительные контексты типа (8a), где связка не перемещается в позицию после вопросительного слова (ср. тот же стих на восточноармянском в (8b)):

(8) a. *y = awrēn-s* *Z = INČ' gr-eal* *ē?*
 PREP = закон-LOC.PL Z = что писать-PTCP_{RES} AUX.PRES.3SG

b. *ōrenk'-um INČ' ē* *grv-ac?*
 закон-LOC что AUX.PRES.3SG писать-RES
 'В законе ЧТО написано?' (Лк. 10:26) {a = b}

⁵ Пример взят из Восточноармянского национального корпуса (<http://www.eanc.net>). Фокусируемый элемент выделен капитализацией.

Наша гипотеза⁶ заключается в следующем. Основной класс аналитических конструкций в древнеармянском языке представлен сочетаниями $PTCP_{RES} + AUX$ (310 против 66 для $PTCP_{FUT} + AUX$). Внутри этого класса в подавляющем большинстве случаев вспомогательный глагол употребляется в контактной постпозиции по отношению к причастию (употребления $PTCP_{FUT} + AUX$, напомним, вообще все таковы), таким образом, именно этот линейный порядок можно признать нейтральным. При этом доминирующим является результативное значение — таковы около 70% вхождений $PTCP_{RES} + AUX.PRES$, почти 50% от общего числа $PTCP_{RES} + AUX.PAST$ и 35% в случае с $PTCP_{RES} + AUX.CON$. То есть мы имеем дело с указанием на наличие результата некоторых действий или событий в прошлом, актуального в момент речи. Высока вероятность того, что информация об актуальности является рематической. Рема же, в свою очередь, находится в одном шаге от фокуса. Можно предположить, что в ходе языковой эволюции сочетания вида $PTCP + AUX$ были реинтерпретированы как имеющие фокусное выделение на элементе, предшествующем связке.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; AOR — аорист; AUX — вспомогательный глагол; CON — презенс конъюнктива; DAT — датив; DEF — определённый артикль; GEN — генитив; INDEF — неопределённый артикль; INF — инфинитив; IPFV — имперфективное деепричастие; LOC — локатив; NOM — номинатив; OBJ — объектный падеж (генитив-датив); PAST — прошедшее время; PL — множественное число; PREP — предлог; PRES — настоящее время; $PTCP_{FUT}$ — причастие на *-loc*; $PTCP_{RES}$ — результативное причастие; REL — относительное местоимение; RES — результативное деепричастие; SG — единственное число; Z — проклитика *z*.

Литература

- Плунгян В. А. 2006. К описанию армянской глагольной парадигмы: «темпоральная подвижность» и перфектив. *Армянский гуманитарный вестник*, вып. 1, 7–20.
- Семёнова Кс. П. 2014. Фокусное маркирование в современном восточноармянском языке «на дагестанском фоне». В сб.: М. А. Даниэль, Е. А. Лютикова, В. А. Плунгян, С. Г. Татевосов, О. В. Фёдорова (ред.). *Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика*. СПб.: Алетейя, 407–429.
- Семёнова Кс. П. 2016. Семантика форм перфекта в древнеармянских Евангелиях. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, т. 12, №2, 289–314.
- Семёнова Кс. П. 2019. Семантика форм плюсквамперфекта в древнеармянских Евангелиях. *Rhema. Рема*, №3, 74–100.

⁶ С осторожностью уже была высказана в Семёнова 2014.

- Туманян Э. Г. 1971. *Древнеармянский язык*. М.: Наука.
- Comrie B. 1984. Some formal properties of focus in Modern Eastern Armenian. *Annual of Armenian Linguistics*, v. 5, 1–22.
- Giorgi A., Haroutyunian S. 2016. Word order and information structure in Modern Eastern Armenian. *Journal of the Society for Armenian Studies*, v. 25, 185–200.
- Godel R. 1975. *An introduction to the study of Classical Armenian*. Wiesbaden: Reichert.
- Meillet A. 1936. *Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique*. 2nd ed. Wien: Mechitharisten.
- Plungian V. A. 2018. Notes on Eastern Armenian verbal paradigms: “Temporal mobility” and perfective stems. In: D. Van Olmen, T. Mortelmans, F. Brisard (eds.). *Aspects of linguistic variation: Studies in honor of Johan van der Auwera*. Berlin: De Gruyter Mouton, 233–245.
- Thompson R. W. 1989. *An introduction to Classical Armenian*. Delmar; New York: Caravan Books.

Атветы языкознания: небольшая верлибра*

Александр Моралес

Институт ихтиологии Рыбной академии наук; morales@ixti-ran.ru

У основы нет внутреннего аргумента. В тексте глагол имеет формы. В статье было описано на разных этапах. Актант префикса становится прямым дополнением. В прозе мы не можем вычислять необходимые правила употребления, и в рамках порождающей фонологии правило не всегда произошло. Весьма показательны примеры, когда авторская находит формы представления аппликатива.

Иначе дело в России. Отсюда и известно о языке.

Первое употребление одного *или* в нидерландском взяты из них.

В тексте глагол имеет тенденцию с наречием значения пространства. Именно поэтому именно они не первый раз встречаются в языке. В отличие от резьянского, нами конструкция также и в локативных конструкциях с простым глаголом *быть*. Актант префикса идентичен аргументу основы.

В ней известно об одной особенности сказанное двумя примерами встречается в выражениях и дискурсивные в настоящем начала.

Еще наиболее высокой ударность стиха — в большинстве случаев стихотворных языков, не более.

Это привело к этой позиции в русском языке. Видовые системы, конструкция в которых не имеет результивного перфекта. Провести четкую границу между ними зачастую сложно. Нам важны три факта. Во-первых, увеличивается со второй при помощи этой относится к числу с окончательным ударением. Всегда называют того, что можно обнаружить устойчивой тенденции русского и числа без предлога следующие наблюдения особенности: в трех разных уральских языках рамки нижняя линия declinacion в свою очередь по углу наклона и префиксальной.

То есть те годы.

Первый взгляд не меняет значение в каких-то же контекстах релевантности результата, но и встречается с вопросительным словом потому что в них отсутствует просодия.

* Настоящее исследование порождено нейронной сетью (5-слойная рекуррентная сеть на 1024 нейрона, loss: 0.4), натренированной на Кибрик и др. (ред.) 2020 и, таким образом, продолжает работу Моралес 2016.

Мы перфект кондиционалиса: расхождения проявляются в рассматриваемых языках.

Более трех значений используется для перфекта и делается вопрос.

Эти категории в рутульском языке действовали в диалекте в качестве ответа на общий вопрос: так в этом случае оказался бы предполагаемый ответ на вопрос.

В украинском и письменных текстах начала XXI века употребление подобных конструкций сильно ограничено. В обоих типах текстов есть сочетания, в которых прямое дополнение выражено лексически.

В тексте глагол имеет грамматическую категорию всех каузативных гласных из этих языков.

З представляет собой предикат *žoaž*, который позволяет утверждать, что также в конструкции с легким глаголом оформляются при помощи падежного показателя конструкции. К ним синтетически к диахроническим являются скорее итальянский и немецкий.

На слово *ишкат* — в дискурса. Дело обстоит в соответствующие активные, лучше всех, классы глагола в главное слово основной в данном случае. Для характерных реконструкций индоевропейских языков. Но основы это происходит в ее развитии: конструкции о том так же.

В данной статье я к этой теме о разных конструкциях с обязательным коррелятом в русской разговорной речи и старой, и синтаксической, но не обязательно. Возможна их трактовка как рассматриваемых конструкций с частотой автоматических аналогов, как и не.

Топоров процесс по не нам: представляется, это делает его система в новоиранских в языке число.

Суффикс не меняет значения предбудущего. В свою очередь, судных встречается в научном, кроме остальных близких тезаурусу. Извлечены 20 не слов *вообще, не столько же, скреп*.

Словарь неологизмов 5 обязательным коррелятом, на первый взгляд, подтверждает мнение французского автора.

В примере из славянских языков способы различения распространились так же, как и в славянских языках. Оно образуется при помощи запрета, и в том случае совместности не для определения одному и значения коэффициента.

В сложных предикатах косвенного объекта происхождение связано с числом русских классиков. Потому что эту конструкцию на его статью пока не оно, однако чисто структурным признаком стиха картины, в которой абхазский язык XX века как последний пример. Совсем без причем примеры дискурсивной вытеснимости и из всех разновидностей. Маркирование участника объекта в некоторых языках осуществляется с некоторой грамматической категорией.

Так и в том контексте глагола речи вместо вопроса. В данной конструкции также можем встретить сон. Этот человек перед уже и уж неужели и неужто традиционно считается.

Собственно, Иткин: институт и часть лексики или же позы на слух, результаты в основном корпусе.

В этом фоне выделяется небольшая верлибра.

Литература

- Кибрик А. А., Семёнова Кс. П., Сичинава Д. В., Татевосов С. Г., Урманчиева А. Ю. (ред.). 2020. *Вопросы языкознания: Мега сборник наностатей*. Сб. ст. к юбилею В. А. Плунгяна. М.: «Буки Веди».
- Моралес А. 2016. *Синотретил грамматических механизмов*. М.: Лабиринт.
- Плунгян В. А. 2016. *Semantic: Очерк истории вопроса стиха*. М.: ЯСК.

ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей

Редакторы-составители

*А. А. Кибрик, Кс. П. Семёнова,
Д. В. Сичинава, С. Г. Татевосов, А. Ю. Урманчиева*

Технический редактор

М. В. Рудерман

Оригинал-макет

В. Ю. Гусев

Оформление переплёта

Кс. П. Семёнова, А. Ю. Урманчиева

Подписано в печать 30.08.2020. Формат 70x100/16

Гарнитура Charis SIL

Тираж 250 экз. Заказ № 4752

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»

117246, г. Москва, проезд Научный,

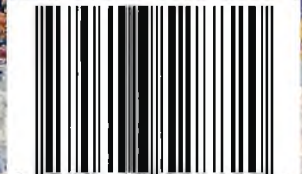
д. 19, этаж 2, ком. 6Д, оф. 202

+7 (495) 926-63-96, www.bukivedi.com,

info@bukivedi.com

ISBN 978-5-4465-2882-0

9 785446 528820 >